

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го ма[ска] 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

РАБОЧИЯ АССОЦІАЦІИ.

I.

Платонъ разсказываетъ, что Юпитеръ, желая отпраздновать рожденіе Венеры, задалъ богамъ пиръ. Во время пиршества у воротъ дворца боговъ стояла молодая, исхудалая женщина, неѣвшая ничего два дня и надѣявшаяся утолить свой голодь остатками юпитеровскаго обѣда. Въ самый разгаръ пиршества, Порю, богу изобилія, вздумалось съ чего-то оставить залъ, и бѣдная женщина, невидѣвшая его никогда, подошла къ молодому богу, чтобы съ нимъ познакомиться. Поръ былъ въ хорошемъ духѣ и потому принялъ молодую женщину не только любезно, но даже съ нѣкоторымъ сердечнымъ влеченіемъ. О дальнѣйшихъ подробностяхъ Платонъ умалчиваетъ; но всѣмъ мифологамъ извѣстно въ точности, что молодая женщина родила сына, красиваго и свѣжаго, какъ его отецъ, и такого же голыша, какъ сама. Новый полубогъ и все его потомство отличались необычнымъ плодородіемъ и народили всю ту массу бѣдныхъ людей, которая населяла землю во времена Платона. Такъ греческій мудрецъ объясняетъ происхожденіе бѣдности. По его мнѣнію, это нѣчто неизбежное, узаконенное самими богами. Но ошибаются и мудрецы.

Платонъ жилъ въ такія времена, когда не согласился бы жить ни одинъ англійскій фабричный рабочій. То, что разсказывается обыкновенно въ исторіяхъ о жизни древнихъ грековъ и римлянъ, конечно хорошо, но, въ сожалѣнію, исторіи оставляютъ читателя въ недоумѣніи на счетъ того, кому именно жилось хорошо и на сколько людей съ веселыми физиономіями приходилось людей съ мрачными

лицами. Конечно, двадцати тысячам афинских гражданъ было хорошо. Они прятались отъ солнечнаго зноя подъ портиками, они ѣли всякія вкусныя вещи и пили всякіе прохладительные напитки; они услаждали свой вкусъ и слухъ разными превосходными скульптурными и архитектурными издѣліями, и музыкой; они развлекались разнообразными зрѣлищами и вообще проводили время въ весьма усладительной праздности. Въ то же время двѣсти тысячъ афинскихъ рабовъ жарились подъ палящимъ солнцемъ въ полѣ, ѣли чуть не землю, не знали другой ласки, кромѣ плети, и доводились своими господами до состоянія животныхъ. И ни одинъ самый изящный и самый передовой грекъ не видѣлъ въ этомъ ничего, кромѣ весьма естественнаго порядка, установленнаго самимъ Юпитеромъ Олимпійскимъ и веселымъ Поромъ, которому послѣ сытнаго обѣда явилась охота полюбезничать съ голодной женщиной.

Вотъ почему люди лучшихъ способностей измышляли только разныя утопіи, вмѣсто того, чтобы предлагать социальныя реформы. Платонъ былъ первый исторически извѣстный утопистъ.

Вторымъ утопистомъ явился канцлеръ Генриха VIII, англійскаго, Томасъ Моръ. Ему пришла мысль представить картину идеальнаго общества, и онъ написалъ свой государственный романъ — Утопія. Это островъ, на которомъ живутъ счастливые люди, подъ управленіемъ счастливаго правительства. При описаніи своей утопіи, Моръ придерживался, большею частью, идей Платона. На Утопіи существуетъ полнѣйшій коммунизмъ имущества: платье, рабочіе инструменты и все остальное роздается жителямъ правительствомъ; оно же управляетъ ходомъ работъ и назначаетъ каждому, что онъ именно долженъ дѣлать; работа въ день составляетъ только шесть часовъ. Такое малое время труда позволяетъ счастливымъ жителямъ посвящать всѣ остальные часы досугу и удовольствіямъ. При описаніи ихъ, Моръ вдается въ малѣйшія подробности и рисуетъ картины дѣйствительно увлекательныя для тѣхъ, кто любитъ хорошіе, многолюдные обѣды и шумные праздники. Но, допуская общее владѣніе имуществомъ, Моръ ввелъ въ Утопію одноженство. Золото и серебро изгнано на Утопіи совершенно изъ обращенія; и благородные металлы употребляются тамъ только для ноймой посуды и для кандаловъ галерныхъ преступниковъ.

Вся правительственная система Утопіи основана на выборахъ. На каждыя 30 семействъ выбирается одинъ синархъ, а каждыя десять

еяларховъ избирають изъ себя одного протофиларха. Эти господа, вмѣстѣ съ выборнымъ сенатомъ, составляютъ высшую административную власть. Но выше ихъ — король. Король избирается на всю жизнь, тогда какъ всѣ остальные правительственные лица только на годъ.

На Утопін такіе превосходные во всемъ порядки, механизмъ правительственной и общественной жизни устроенъ такъ хорошо, наконецъ, люди такъ добродѣтельны, умны и кротки, что никто не знаетъ ни слезъ, ни горя, ни лишений: всѣ счастливы и довольны, точно ангелы на небесахъ.

Утопія Мора понравилась всѣмъ; ее почитали, подумали о томъ, что какъ бы хорошо, если бы и повсюдѣ стало такое же счастье и довольство, и водились такіе превосходные люди, и на этомъ успокоились. Но какъ однихъ мечтаній было еще недостаточно, а кромѣ мечтаній не придумывалось ничего, то и не было никакой причины, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. Такимъ образомъ, время мечтаній и неосуществимыхъ стремленій къ идеаламъ должно было продолжаться.

Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Мора, итальянскій монахъ Кампанелла сочинялъ новую утопію. Въ ней описывается островъ Топобрана, открытый однимъ генуэзскимъ морскимъ капитаномъ. На Топобранѣ еще лучше, чѣмъ на Утопін. Учрежденія въ ней такъ превосходны, что дѣлають рѣшительно невозможными ни одинъ изъ тѣхъ недостатковъ и неурядицъ, какими страдала тогда Европа. На Топобранѣ не знаютъ ни ссылокъ, ни тюремъ, потому что живутъ въ ней только люди добродѣтельные, недѣлающіе никогда никакихъ преступленій. Единственное наказаніе, существующее въ этомъ счастливомъ государствѣ, заключается въ томъ, что провинившагося человѣка лишаютъ участія въ общественныхъ обѣдахъ или запрещаютъ ему быть въ обществѣ съ другими положъ. Все дѣлается тамъ вмѣстѣ и съобща, личнаго имущества не существуетъ, всѣ занятія опредѣляются, распределяются и управляются чиновниками, конечно, такими же добродѣтельными, какъ и все остальное населеніе. Но кромѣ удивительныхъ добродѣтелей, чиновники отличаются еще удивительной неумоимостью и баснословной дѣятельностью. Они не только управляютъ рѣшительно всѣмъ трудомъ жителей, но они указываютъ каждому, гдѣ онъ долженъ жить и спать; они выбираютъ жениховъ и пѣвцовъ, и устраиваютъ брачныя пары, рукооудствуютъ.

исключительно тѣмъ соображеніемъ, чтобы супруга производила здоровыхъ дѣтей.

Послѣ Кампанеллы много людей выступало на тоже поприще — Геррингтонъ, Сен-Шеръ, Фенелонъ, Морелли, Ретже де-Бретонъ и другіе. Все это были лучшіе люди своего времени, съ умомъ критическимъ. Они хорошо видѣли экономическіе и общественные недостатки, среди которыхъ жили, и если многое изъ того, что они написали, слѣдуетъ разсматривать, какъ чистыя утопіи, — потому что преобразовательные проекты писались не для людей, какими они есть, а для ангеловъ, и сами авторы, подобно Платону, совнавали, что для осуществленія созданныхъ ими идеаловъ общества требуются и идеальные люди, — за то ихъ критическія оцѣнки существующаго произвели огромную пользу, потому что указали на многіе общественные недостатки и научили многихъ понимать то, чего они прежде не понимали. Даже и фантастическій характеръ утопій нельзя поставить въ упрекъ ихъ авторамъ. Пусть все это неосуществимо теперь, пусть многое ошибочно, но что же изъ этого? Идеаль отъ того не становится хуже, что его нельзя осуществить теперь; а между тѣмъ, онъ расшевеливаетъ человѣка и указываетъ ему на отдаленную блестящую точку лучшаго будущаго и заставляетъ стремиться къ ней. Все это движеніе, а не востой.

Чтобы показать, въ какомъ видѣ утописты относились къ своему настоящему, чего они хотѣли и какую связь имѣютъ съ ученіями новѣйшаго времени, я изложу сущность системы, придуманной Морелли. Онъ требовалъ общаго употребленія орудій производства и продуктовъ, одинаковаго воспитанія для всѣхъ. Онъ говорилъ, что работа должна быть распредѣляема сообразно силамъ производителей, а продукты — по потребностямъ и нуждамъ каждаго. Чтобы въ каждомъ поселеніи было сохранено количество земли достаточное для прокормленія всѣхъ его жителей. Чтобы въ одномъ мѣстѣ было соединено, по меньшей мѣрѣ, тысяча человѣкъ, чтобы, равнѣе сообразно своимъ силамъ и способностямъ, и потребляя соразмѣрно своимъ потребностямъ и вкусу, они могли бы образовать достаточную совокупную силу, результаты труда которой превышали бы общее потребленіе. Не давать никакихъ преимуществъ таланту, кромѣ права управлять трудами, предпринимаемыми въ интересахъ общины; то же самое и при распредѣленіи продуктовъ; и въ послѣднемъ случаѣ основываться на потребности, которая является раньше всѣхъ.

лента и его переживаетъ. Не дѣлать денежнаго вознагражденія, во первыхъ потому, что капиталъ есть орудіе производства, которое должно оставаться въ полномъ распоряженіи администраціи; а во-вторыхъ, что всякое денежное вознагражденіе или бесполезно, или вредно: бесполезно, когда трудъ, свободно избранный, создаетъ избытокъ и разнообразіе предѣловъ, превышающее вапкн потребности, и вредно, если склонности и вкусъ не позволяютъ человѣку исполнять полезныхъ обязанностей. Это бы значило дать лицу средство ничегон дѣлать и избавиться отъ общественной обязанности, не отказываясь отъ правъ, которыя она обеспечиваетъ.

Французская революція 1789 года положила вонецъ всѣмъ мечтаніямъ и утопіямъ. Прямѣе передовые люди думали, что коренныя преобразованія совершенно невозможны, и утѣшались мечтами и фантазіями; но теперь, когда привилегіи дворянства и духовенства были уничтожены, когда третье сословіе вступило въ свои права, когда было провозглашено равенство всѣхъ передъ закономъ,—прежніе утописты увидѣли, что и они могутъ выступить на общественную арену уже не съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ являлись прежде. Изъ мечтателей они превратилась въ людей активных и, переставъ писать государственные романы, начали составлять проекты преобразованій и пытаться осуществить на практикѣ свои экономическія реформы, какъ это удалось политикамъ съ своими реформами въ сферѣ политической.

II.

Скромная и уединенная мѣстность, въ которой пишется настоящая статья, обладаетъ несчѣтнымъ количествомъ самыхъ горячихъ патриотовъ. Конечно, объ этомъ обстоятельствѣ, весьма приятномъ для каждаго русскаго, не было бы особенной причины упоминать, потому что кто же не знаетъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого множества патриотовъ, какъ у насъ, въ Россіи. Не говоря уже о Москвѣ, но и самые отдаленные города преисполнены такой горячей любви къ своей родинѣ, что во многихъ случаяхъ Москва должна сознаться, что сильная любовь живетъ не въ одномъ ея сердцѣ. И замѣчательно, что чѣмъ городъ отдаленнѣе и чѣмъ онъ уединѣнѣе, тѣмъ въ немъ больше патриотическаго пылу. Такъ какъ

обстоятельство это очень хорошо всѣмъ извѣстно, то распространяться о немъ особенно нѣтъ никакой причины. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстенъ характеръ уѣзднаго патриотизма. Патриотизмъ этотъ очень шумный, очень заносчивый и очень самонадѣянный. Пока, все дѣло ограничивается разговорами, имѣющими характеръ пересудовъ, въ родѣ того, что Кузьма большой пьяница и звѣрь съ своими домашними, или что Иванъ Ивановичъ великій взяточникъ и честно онъ только разсуждаетъ, но не поступаетъ,—все идетъ хорошо, и патриотъ доволенъ собой, и кажется ему, что такими пріятными пересудами онъ доказываетъ любовь къ своей родинѣ. Но стоитъ только нѣсколько обобщить тѣ же самые факты—и патриотъ приходитъ въ великій азартъ, потому что сейчасъ же представитъ себѣ, что, пожалуй, и его считаютъ Кузьмой и Иваномъ Ивановичемъ. Любовь къ родинѣ патриота доходить въ этомъ случаѣ до своего крайняго предѣла, и, въ пылу увлеченія, патриотъ безъ всякаго смущенія начинаетъ выискивать факты, доказывающіе посомнѣнность того, что въ Англіи совершаются убійства, грабежи и кражи, во Франціи и въ Америкѣ тоже, и что, слѣдовательно, въ уѣздномъ городѣ, гдѣ живетъ горячій патриотъ, люди гораздо развитѣе и цивилизованнѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи.

Эти уѣздные патриоты имѣютъ и своихъ представителей въ литературѣ. Конечно, литераторы развитѣе тѣхъ, кого они представляютъ, и обладаютъ большими, чѣмъ тѣ, знаніями; но сущность и характеръ ихъ отчизнолюбія совершенно тотъ же, какъ и у уѣздныхъ патриотовъ. Тѣмъ и другимъ больше всего хочется, чтобы Россія развивалась изъ своихъ силъ, сама изъ себя, какъ-будто развитіе можетъ быть извнѣ. Они очень негодуютъ на Западъ, что тотъ снабдилъ насъ стульями, столами, диванами, разныхъ сортовъ посудой, платьемъ, окружилъ насъ удобствами жизни, научилъ сѣять картофель, приготавливать сахаръ изъ свекловицы и вообще поставилъ насъ на путь промышленной производительности. Разумѣется, все это со стороны Запада очень дурно, но вѣдь нельзя же намъ оправдывать и себя. Кто же велѣлъ намъ завести стулья, кресла и диваны? Сидѣли бы мы себѣ на жесткихъ лавкахъ, ѣли бы морковницу или толокно съ брусничкой, и все было бы такъ же хорошо и удобно, какъ и во всякой крестьянской избѣ.—Еще коварнѣе поступилъ съ нами Западъ, сообщивъ намъ свои научныя знанія, научивъ насъ тому, что земля стоитъ не на трехъ,

жизняхъ; что звѣзды приводятся въ движеніе не тѣмъ механизмомъ, какъ это думалъ Тустановскій, и что многое другое совсѣмъ не то, что мы думали прежде. Въ особенности нехорошо, что Западъ передалъ намъ свои историческія, юридическія и т. п. знанія, имѣющія ближайшее примѣненіе къ общественной и государственной жизни. Все это мы выдумали бы и сами, своимъ собственнымъ умомъ; а теперь бери готовое, да еще западное, а не восточное, — совсѣмъ досадно! Но самое ужасное, что, подъ вліяніемъ петровской реформы, мы не успѣли выработать самобытной формы общественной жизни, создать свою экономическую и общественную жизнь. Положимъ, что ни одинъ изъ уѣздныхъ патриотовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, не знаетъ, когда бы совершилось подобное радостное и пріятное для русскаго самолюбія событіе; положимъ, что онъ не знаетъ и того, въ чемъ бы заключалась эта своеобразность, и слѣдовательно, не можетъ судить, хорошо или дурно, что цивилизація пошла у насъ такъ, а не иначе. Наконецъ — и что самое главное, — если бы не было Петра Перваго, то развѣ наше развитіе пошло бы иначе? Безъ Петра мы пошли бы только тише — и больше ничего; но вполнѣ бы подчинились вліянію западной цивилизаціи, какъ и теперь, на основаніи того простого закона, что все слабое, примкнувъ къ сильному, должно ему подчиниться. — Есть въ Европѣ два очень отсталыхъ государства — Турція и Молдавія. Въ нихъ не производилось ничего въ родѣ нашего петровскаго перелома; но, находясь въ Европѣ и живя европейской политической жизнью, имъ невозможно было избѣгнуть европейскихъ формъ въ общественной и гражданской жизни. Живя въ Европѣ, нужно и быть Европой; а кому этого не хочется, — пусть уходитъ въ Азію или Африку, въ какой нибудь Авганистанъ или Туркестанъ, да и развивается тамъ органически и изъ собственныхъ началъ. Но не только Авганистанъ, даже и Китай не спасется отъ европейскаго вліянія и европейской цивилизаціи. Начало уже положено, и явись или нѣтъ въ Китаѣ реформаторъ, въ родѣ нашего Петра, разница выйдетъ только во времени, а не въ сущности. Однимъ словомъ, Европа поглотитъ своимъ вліяніемъ весь свѣтъ, и наступитъ пора, когда европейская цивилизація и наука водворятся на всемъ земномъ шарѣ и вездѣ будетъ Европа.

Можно бы еще сожалѣть о томъ деревѣ, которое должно было дать полезный и спасительный для человѣка плодъ, по оно не дало,

потому что его срубили. Но какой спасительный плод росъ на древѣ московской Руси? Любители старины, оглядывающіеся вѣчно назадъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ, жалѣютъ о московской цивилизации; да въ чемъ же она заключалась и чѣмъ она лучше цивилизации европейской? Они говорятъ: вы, западники, надѣли нѣмецкій кафтанъ и хотите всѣхъ русскихъ сдѣлать пѣмцами, и все это оттого, что въ васъ нѣтъ настоящаго русскаго сердца, что вы не умѣете любить.

Наконецъ, послѣ того, что совершилось въ Западной Европѣ въ послѣдніе полтора ста лѣтъ, послѣ того переворота, который совершился тамъ во всемъ и измѣнилъ весь строй общественной и политической жизни, — что за ребячество говорить пустыя фразы о какой-то непонятной любви и отыскивать особенную мудрость въ московской Руси! Конечно, англичанинъ, возвращающійся ко временамъ Генриха VIII и звѣздной палаты, и полагающій, что только тамъ можно найти неподдѣльный англійскій геній, показался бы наивнымъ всѣмъ разсудительнымъ людямъ, но развѣ не такъ же поступаютъ наши сентиментальные патріоты? Если бы они были въ состояніи оцѣнить правильно свою дѣятельность, то конечно, никогда бы не говорили того, что они говорятъ. Поговорить громкихъ и трогательныхъ фразъ по поводу любви къ ближнему — можно, разумѣется, много, но это будетъ только болтовня и больше ничего. Пусть же они попытаются изложить коротко и ясно, что выработала московская Русь? какъ слѣдуетъ поступать, чтобы быть истиннымъ русскимъ, а не кургузымъ западникомъ? и тогда имъ придется сознаться, что такой программы составить невозможно, потому что русскій человекъ еще не сказалъ до сихъ поръ своего слова.

Характеръ всей нашей теперешней патріотической литературы подтверждаетъ вполне правильность этого вывода. Все, что мы пишемъ русскаго объ Россіи, имѣетъ чисто-описательный характеръ и изложеніе неизвѣстныхъ еще фактовъ или же представляетъ разное слезливое, сентиментальное, или восклицательное разглагольствованіе, лишенное всякаго положительнаго содержанія и ставящее читателя въ великое недоумѣніе относительно того, кому все это нужно и для кого пишется. Чтобы сказать какое нибудь дѣло, что нибудь новое, передовое въ области общественныхъ вопросовъ, мысли или науки, намъ необходимо обращаться къ иностранцамъ; только ихъ книги и ихъ жизнь даютъ намъ матеріалъ для этого, потому что

своего матеріала у насъ еще нѣтъ. Но не беремъ же мы все это отъ иностранцевъ совершенно безъ измѣненія, не полагаемъ на товаръ печати своего русскаго ума, какъ это кажется нашимъ воспитанникамъ. Не дѣти же мы, въ самомъ дѣлѣ, и не обезьяны. А въ этой русской печати и заключается все, что могутъ требовать наши защитники органической теоріи. И почему мы непременно—особыя существа, созданныя по иному закону, чѣмъ всѣ остальные люди? Англичане заимствуютъ у французовъ, французы отъ англичанъ, нѣмцы тоже берутъ отъ своихъ сосѣдей, что имъ нужно, а даютъ имъ въ замѣнъ того что нибудь свое, и только мы, русскіе, должны жить иначе, точно будто въ насъ однихъ заключается весь букетъ человѣческой мудрости. Или намъ обидно, что мы должны только заимствовать, а своего предложить еще не можемъ? Проживемте еще 300 лѣтъ и тогда я къ намъ пойду съ сосѣди за чѣмъ нибудь, имъ необходимымъ.

Всю эту длинную исторію я говорилъ собственно по поводу настоящей статьи. Вопросы, которые будутъ въ ней излагаться, выработаны не русской жизнью и не русскимъ умомъ; а между тѣмъ, вопросы эти для насъ такъ же важны, какъ и для остального западнаго человѣчества. Не хуже же оттого всѣ эти теоріи, что ихъ придумала Франція, а не Россія, и не зачѣмъ намъ проходить школу французской исторической жизни, чтобы придти къ нимъ, когда онѣ могутъ достаться намъ путемъ болѣе легкимъ. Да и гдѣ въ русской жизни даже зародышъ тѣхъ идей, которыя бы привели насъ къ подобному же разрѣшенію экономическихъ вопросовъ? Не жить же намъ 300 лѣтъ, чтобы придумать своимъ умомъ то, что уже придумано давно другими; не отказываться же намъ отъ кресель и рессорныхъ экипажей, потому что они—иностранная выдумка, и изъ патріотизма сидѣть на жесткихъ скамьяхъ и ѣздить въ трясуцихъ телегахъ!

Но, можетъ быть, ничего этого и не думаютъ восточники; можетъ быть, они не хотятъ только безтолковыхъ заимствованій и перенесенія на русскую почву вредныхъ растений, которыхъ на Западѣ много? Боюсь, чтобы западные илелевы не пожали въ нашъ русскій вертоградъ, они, вѣроятно, полагаютъ, что наши ботаническія познанія позволяютъ намъ возрастить новые цвѣты, какихъ еще не видѣлъ міръ: цвѣты исключительно медовые, преисполненные лишь спасительнаго нектара и незавключающіе ни капли яду? Все это можетъ

быть. А если это такъ, то зачѣмъ же сомнѣваться въ русскихъ способностяхъ? Если мы умны и даровиты, то печего бояться, что мы сдѣлаемъ глупость; если же допустимъ случай противный, то какое основаніе бояться записствованій?

III.

Въ общественныхъ и экономическихъ вопросахъ Франція—единственное континентальное государство, стоявшее впереди всѣхъ. Въ ней создавались первыя теоріи и въ ней же теоріи эти испытывались практически. Для чего люди, во всей ихъ массѣ, созрѣли, то принималось; для чего нѣтъ—оставалось теоріей, чтобы сдѣлаться практикой при первой возможности. Нѣтъ ни одного политическаго и экономическаго вопроса, котораго бы не разобрала теоретически и практически Франція, и всѣ новыя для большинства русскихъ мысли и теоріи этого порядка давно уже передуманы и пережиты Франціей. Однимъ словомъ, воплѣть новое для насъ—совершенно старое тамъ, и русскій передовой человѣкъ, большею частью, передовой только относительно. Исключеній мало. Поэтому, если приходится говорить о теоретическомъ и практическомъ развитіи социально-экономическихъ вопросовъ, то это значить говорить только объ экономической исторіи Франціи, потому что всѣ остальные государства шли сюда и повторяли, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, то, что уже было передумано или испробовано французами.

Ко времени первой революціи экономическое бѣдствіе Франціи дошло до такой степени, что кризисъ былъ неизбеженъ, и Франція, при всѣхъ ужасахъ революціи, спаслась отъ гибели только рядомъ реформъ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе тогда Францію, говорятъ, что какъ только оставишь Парижъ, то повсюду видишь лишь печальныя, обнаженныя поля и населеніе, состоящее изъ полуголодныхъ, исхудалыхъ, запуганныхъ и загнанныхъ людей, при взглядѣ на которыхъ приходишь къ печальной мысли: какъ много можетъ вынести человѣкъ, не умирая. О состояніи Франціи въ началѣ XVII столѣтія можно составить понятіе изъ описанія этой страны, оставленнаго маршаломъ Вобаномъ. Онъ говоритъ, что въ теченіе сорока лѣтъ объѣхалъ всѣ провинціи, отъ перваго до послѣдняго мѣстечка, и нашелъ, что бѣдность дошла повсюду до своего по-

сѣдняго предѣла, и что всѣ дороги и улицы въ городахъ и селеніяхъ наполнены голодными, обнаженными нищими. Онъ прибавляетъ, что изслѣдованіе, которымъ онъ занимался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, привело его къ убѣжденію, что почти десятая часть населенія Франціи состоитъ изъ дѣйствительныхъ нищихъ, и что изъ остальныхъ девяти частей— пять не въ состояніи подать имъ ни жалѣйшей милостыни, потому что и сами почти нишіе. Изъ остающихся затѣмъ четырехъ частей три живутъ въ очень стѣсненномъ положеніи и обременены долгами и процессами, и что только о послѣдней части, заключающей въ себѣ менѣе десяти тысячъ семействъ, можно сказать, что они пользуются экономическимъ благосостояніемъ.— Въ другомъ мѣстѣ Вобанъ говоритъ: «Соль, вслѣдствіе ея дороговизны, составляетъ такую рѣдкость, что въ королевствѣ царствуетъ особый видъ нужды отъ голода; простой человѣкъ не въ состояніи солить мясо; каждое семейство могло бы выкормить свинью, но оно не дѣлаетъ этого, потому что нечѣмъ солить.» Кольберъ, умирая, сказалъ: «такъ не можетъ идти дальше», и не смотря на то, стало еще хуже, потому что, нѣсколько лѣтъ спустя, о голодныхъ временахъ, описанныхъ Вобаномъ, говорили, какъ о лучшей эпохѣ. Фенелонъ говорилъ: «народъ не живетъ уже болѣе такъ, какъ должны жить люди; на его терпѣнныя разсчитывать далѣе нельзя. Старая машина при первомъ толчкѣ развалится.» Въ 1737 г. показали Людовику XV хлѣбъ бѣдныхъ, испеченный изъ папоротника и травы! Епископъ шартрскаго сказалъ королю, что люди въ его діоцезѣ ходятъ на выгонъ вмѣстѣ съ своими овцами и ѣдятъ траву. Король отвѣтилъ: «если бы я былъ подданнымъ, то возмутился бы. Народъ имѣетъ права; это уже слишкомъ—терпѣть такъ много.» Хотя это и не относится прямо къ предмету, но я все-таки замѣчу, что, отвѣчая такимъ образомъ, Людовикъ больше ничего, какъ кокетничалъ красивымъ выраженіемъ, которое въ королевскихъ устахъ становилось еще красивѣе. Кто же мѣшалъ Людовику доказать на дѣлѣ, что народъ имѣетъ права, и почему Людовикъ во все свое царствованіе не поступилъ ни разу такъ, какъ бы можно было ожидать, судя по приведенной фразѣ?

Чѣмъ ближе приближалась Франція къ 1789 году, тѣмъ меньше, говоритъ Мишле, приносила земля. «Какъ слишкомъ измученное животное скорѣе ляжетъ на землю и умретъ, чѣмъ пойдетъ впередъ, такъ ждала смерти французская земля и не хотѣла ничего произво-

дять. Свобода не только жизнь людей, но и природы». Последняя фраза отличается, правда, французской риторикой, но въ ея сущности лежатъ несомнѣнная правда. Конечно, природа не пуждается въ томъ, чтобы человекъ давалъ ей или нѣтъ свободу: для красоты рѣчи Мишле совралъ; но правда то, что рабъ, подобный негру, не имѣетъ тѣхъ силъ и способностей, какія пужны, чтобы заставить природу показать и ему свою силу. «Въ XVII столѣтїи Франція производила болѣе хлѣба, чѣмъ въ XVIII. Крестьяне не были въ состоянїи платить податей, и отъ нихъ отбирали скоть. Мужчины, женщины и даже дѣти впрягались въ плугъ и сами пахали землю. Навозъ былъ рѣдкостью. Во многихъ мѣстахъ вырывали даже виноградную лозу».

Общее бѣдствїе отъ нищеты и ослабленїя производительности земли вызвало въ народѣ самыя мрачныя мысли и представленїя. Пошли толки о концѣ міра; всѣ упали духомъ, ждали чего-то ужаснаго, никто не зналъ чего именно.

Въ XVIII столѣтїи во Франціи было 10 такихъ голодныхъ годовъ, о какихъ теперь рѣшительно французы не могутъ составить и понятїя, и десять разъ гектолитръ хлѣба стоилъ дороже 50 франковъ, т. е. наша четверть около 3 р. 50 к. сер. Цѣна баснословная! А въ 1794 г. гектолитръ дошелъ до 72 франковъ, или четверть 4 р. 50 к. Наконецъ, во времена Людовика XVI, бѣдствїе страны перевернуло до того всѣмъ головы, что противъ него вздумали принимать мѣры насилїя и хотѣли изгнать нищету королевскими повелѣнїями. Декретомъ 13 іюля 1777 года повелѣно всѣхъ здоровыхъ людей отъ 16 — 60 лѣтъ, немѣющихъ средствъ и неживущихъ трудомъ, сослать на галеры! Ужь это совсѣмъ безумїе; но безумїе понятное, потому что нужда дошла до послѣдней степени. Неккеръ рассказываетъ, что разъ онъ нашелъ во дворцѣ цѣлую массу курьеровъ, прискакавшихъ съ разныхъ концовъ Франціи съ донесенїями, что народъ буквально погибаетъ отъ голоду. Мысль, что въ одно прекрасное утро Парижъ, прослувшись, не найдетъ у себя ни зерна хлѣба, преслѣдовала Неккера каждую ночь, не давала ему спать, приводила его въ содроганїе и кончилась тѣмъ, что онъ получилъ болѣзнь сердца.

При такой общей нуждѣ, число нищихъ было громадное. Изъ королевскаго повѣленїя 1777 года видно, что въ это время считалось во Франціи 1,200,000 нищихъ. Въ 1767 было арестовано 50,000

нищихъ, и какъ въ невуда было помѣстить, то ихъ снова всѣхъ распустили. Что можно было предпринять съ такой массой бѣдняковъ, составлявшихъ цыганское населеніе, да и что оставалось дѣлать имъ? На первый вопросъ французское правительство не нашло другого отвѣта, кромѣ преслѣдованія нищихъ разными видами запретительнаго характера; а второй нищие разрѣшили по своему, довольно послѣдовательно: они дѣлались ворами и разбойниками, составляли нищенскія корпораціи и шлялись по странѣ вдоль и поперекъ.

IV.

Причины великой бѣдности, существовавшей во Франціи до революціи, объясняются, между прочимъ, тѣмъ, что работа была привлекательней и что пролетарій не могъ заниматься свободно ремеслами. Пристроиться къ какому нибудь ремеслу стоило великаго труда, потому что для этого требовались довольно значительныя средства; слѣдовательно, никакой бѣднякъ, если онъ владѣлъ даже самыми разнообразными способностями и сильнѣйшимъ желаніемъ посвятить ихъ известному дѣлу, не могъ достигнуть своей цѣли, не имѣя денегъ. Каждый мастеръ могъ, по закону, имѣть только одного ученика, и этотъ ученикъ во все время своего ученія былъ буквально собственностью хозяина, такъ что тотъ могъ заставлятъ его работать совершенно тѣми способами, какъ заставляють плантаторы работать негровъ. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія, хозяинъ былъ обязанъ содержать ученика, но платы ученикъ не получалъ никогда. Между тѣмъ, ученику предстояли постоянно весьма значительныя расходы. Во время ученія онъ долженъ былъ выплачивать весьма разнообразныя и нѣрѣдко значительныя налоги; онъ долженъ былъ вносить болѣе или менѣе значительную сумму при поступленіи въ ученіе; наконецъ, онъ долженъ былъ платить, чтобы сдѣлаться мастеромъ. За поступленіе во второстепенное, незначительное ремесло, ученикъ долженъ былъ заплатить 500 ливровъ (125 р.); чтобы сдѣлаться ученикомъ золотыхъ дѣлъ мастера требовалось внести 1800 ливровъ (450 р.). Расходы на поступленіе въ ученики были такъ велики, что многіе умирали прежде, чѣмъ имъ удавалось скопить необходимую сумму. При поступленіи въ ученики заключалось у нотариуса

условіе и составлялся актъ, называвшійся «brevet», которымъ ученикъ обязывался служить своему хозяину въ теченіе известнаго числа лѣтъ, безъ всякой платы. При регистраціи акта въ деѣхъ, ученикъ выплачивалъ разныя повинности (*droits de cité, de chapelle, de confrérie, de bien venue*). Срокъ ученія продолжался обыкновенно восемь лѣтъ, и въ теченіе этого времени ученикъ долженъ былъ выплачивать своему хозяину известную сумму. Не смотря на плату за ученіе, хозяинъ все-таки не училъ своего ученика вполнѣ своему дѣлу, и обыкновенно нарочно не посвящалъ его въ тайны своего ремесла, чтобы не создать себѣ будущаго соперника. Располагая своимъ ученикомъ вполнѣ, хозяинъ, въ случаѣ своей болѣзни, могъ перепродать его другому; а если умиралъ, не перепродавъ, то ученикъ поступалъ въ вѣденіе гильдіи, которая и находила ему новаго хозяина. Если ученикъ хотѣлъ освободиться совершенно, то это ему позволялось за известную плату, какъ позволяется и всякому рабу выкупать свою свободу; но и тутъ ученикъ не былъ полнымъ своимъ господиномъ, потому что ему не позволяли жениться. Если ученикъ переходилъ отъ одного хозяина къ другому, т. е. когда хозяинъ перепродавалъ его, то и тутъ обязанъ былъ заплатить 30 ливровъ за передаточную надпись на старомъ «brevet».

Сдѣлавшись подмастерьемъ, ремесленникъ получалъ уже жалованье; но за то онъ и платилъ больше, и въ этомъ поволеніи долженъ былъ пребыть вдвое или втрое долѣе, прежде чѣмъ могъ сдѣлаться хозяиномъ. Чтобы получить званіе мастера, нужно было заплатить, по меньшей мѣрѣ, 2000 ливровъ (500 р.). Плата за званіе мастера бралась даже въ такихъ отрасляхъ промышленности, для исполненія которыхъ не требуется ровно никакого мастерства. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлаться *Maître bouquetière* или по просту продаващицей сдѣланныхъ ею же самой букетовъ естественныхъ цвѣтовъ, нужно было заплатить 200 ливровъ (50 р.), и прежде того пребыть ученицей четыре года, т. е. учиться четыре года тому, какъ взять вѣстѣ нѣсколько цвѣточковъ и перевязать ихъ ниткой — знаніе, приобретаемое въ 10 минутъ. Простой хлѣбникъ обязанъ былъ пребыть ученикомъ пять лѣтъ и подмастерьемъ четыре года, и только послѣ девяти лѣтъ удостоивался званія мастера, тогда какъ въ годъ онъ изучалъ свое ремесло до тонкости.

Кажется, все это ужь очень глупо, но еще глупѣе были отноше-

ніи между собой цеховъ. Каждый цехъ составлялъ совершенно замкнутую корпорацію, нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, и строго оберегали свои права и интересы отъ всякаго посторонняго вмѣшательства и подрыва со стороны другого цеха. Изъ этого выходило то, что башмачники не позволяли тѣмъ, кто занимался починой старыхъ башмаковъ, шить башмаки для собственнаго употребленія; слесаря не смѣли дѣлать сами необходимыхъ имъ для замковъ мелкихъ гвоздей, потому что приготовленіемъ гвоздей занимались особые ремесленники; торговцы платьемъ не позволяли, чтобы ветошники продавали старыя лохмотья и платье; цирюльники могли только брать и перевязывать лишь такія раны, которыя не угрожаютъ опасностью жизни; такъ что если опасно ранаго приносили къ цирюльнику, то этотъ, даже для спасенія жизни человѣка, не смѣлъ перевязать ему рану, а долженъ былъ отправить больного къ «*chirurgien de robe*». Въ шляпномъ ремеслѣ заключалось, напримѣръ, пять отдѣльныхъ ремеселъ, и ни одно изъ нихъ не смѣло нарушить привилегій другого. Но въ человѣческихъ дѣлахъ, какъ бы онѣ ни были устроены мудро, нельзя избѣгнуть ошибокъ и несправедливостей; а потому подобнаго рода прискорбныя обстоятельства встрѣтились и въ цеховомъ устройствѣ. Напримѣръ, сѣдельники, когда они оставались безъ работы, имѣли право шить башмаки, а башмачники въ подобномъ же случаѣ дѣлать сѣдла не смѣли.

При такой организаціи цеховъ были неизбежны между ними безпрестанныя столкновенія. Цехи спорили между собой, ссорились, заводили процессы и вообще чудодѣйничали, какъ неразумныя дѣти, потому что безпрестанно являлись случаи, когда одинъ цехъ забирался въ область другого. Особенно отличались въ этомъ случаѣ портные и ветошники или чинильщики стараго платья; потому что первые имѣли право класть подъ платье только новую подкладку, исключая платья для буржуазіи. Платье этого сорта они могли подбивать подкладкой со стараго платья дворянъ, если только оно не было изношено. По поводу такого, повидимому, пустого обстоятельства, затѣялся между тѣми и другими процессъ, продолжавшійся съ 1530 по 1770 годъ или 240 лѣтъ, стоившій необычайныхъ судебныхъ издержекъ и по поводу котораго было составлено 20,000 парламентскихъ постановленій и отъ 4 до 5,000 приговоровъ.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій подобнаго цехового устройства былъ застои промышленности и невозможность промышленныхъ

открытій и усовершенствованій. Когда Аргантъ изобрѣлъ известную стѣпную лампу съ воздушной тягой, то съ нимъ затѣяли процессъ лудильщики, мѣдники, жестянщики и слесаря, и каждый цехъ утверждалъ, что только ему принадлежитъ право приготовить лампы. Приготовление лакированной жести было тогда тоже невозможно, потому что для этого требовались инструменты, принадлежащіе разнымъ цехамъ. Чтобы дѣлать такую жечь, нужно было принадлежать къ нѣсколькимъ цехамъ, а это не дозволялось закономъ.

Такимъ образомъ, индустрія становилась монополіею или привилегіею немногихъ. Званіе мастера сдѣлалось почти наследственнымъ и переходило почти исключительно отъ отца къ дѣтямъ или къ друзьямъ. Такъ называемая мастерская работа, т. е. та работа, за которую давалось званіе мастера, служила совсѣмъ не для того, для чего была придумана первоначально, а только для большаго укрѣпленія монополіи старыхъ мастеровъ, потому что подмастерье могъ произвести чудо промышленнаго искусства и все-таки никто бы не призналъ работу чудомъ, если мастерамъ почему нибудь захотѣлось принять въ свой кругъ новаго мастера. Поэтому подмастерья проходили Францію вдоль и поперекъ, не находя перѣдо ни одного города, гдѣ бы имъ дали званіе мастера, чтобы водвориться въ томъ мѣстѣ. Измученные всѣми непріятностями и неудачами, бѣдняки возвращались съ пустыми кошельками домой и за известную плату добывали отъ какого нибудь мастера право работать подъ его именемъ. Но эта штука была опасная, потому что грозила конфискаціей имущества и процессомъ: продавать издѣлія можно было только подъ секретомъ, не имѣя собственной лавки; следовательно, приходилось жить подъ вѣчнымъ страхомъ. Такимъ образомъ, талантливые люди гибли и пропадали въ бѣдности.

Въ тѣ времена аристократическое начало съ его неподвижностью проходило повсюду; моды, въ томъ смыслѣ, какъ нынче, не существовало; все работалось по старымъ рисункамъ и фасонамъ; платья переходили по наследству отъ бабушекъ къ внучкамъ, и отборная публика заявляла во всемъ великое желаніе стоять непрежнѣнно на одномъ мѣстѣ. Эта отборная публика, состоявшая изъ короля, придворныхъ, офицеровъ, дворянъ и духовенства обнаруживала также консервативное вліяніе и на всю индустрію. Только въ кругу этой публики дозволялась роскошь; затѣмъ все остальное, какъ бы оно ни было состоятельно, должно было пользоваться самымъ простымъ

и обыкновеннымъ; никто, кромя вышнихъ, не имѣлъ вербовъ и не носилъ оружія, не имѣлъ своихъ экипажей, не ѣлъ на хорошей посудѣ, и если бы кто нибудь изъ буржуазіи вздумалъ подражать аристократіи въ упокобленіи какого нибудь предмета роскоши, то онъ сейчасъ же встывалъ изъ моды, какъ вещь, подучившая мѣщанскій характеръ. Оптого, что направлеміемъ индустрии управлялъ самый тѣсный кружокъ, состоявшій изъ очень ограниченаго числа людей, а все остальное было исключено, — всё ремесла и искусства должны были подѣлываться къ вкусу и понятіямъ этого меньшинства, зараженнаго разными политическими и церковными предрассудками, бѣднаго идеями и потому нѣвѣрнаго самое мертвящее вліяніе на ходъ всей промышленности и убивавшаго всё таланты и способности. Даже искусство не существовало тогда въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ нынче, и художникъ не отличался отъ ремесленника. Единственное различіе заключалось въ томъ, что одни мастера работали на короля и дворъ, другіе — на дворянство; и кто работалъ на короля, тотъ считался художникомъ и представителемъ искусства, хотя бы онъ дѣлалъ не больше, какъ половія щетки; а кто занимался дѣйствительно искусствомъ, но работалъ на публику второстепенную, тотъ былъ ремесленникомъ.

Еще къ счастью для Франціи, что у нея не достало силы довести принципъ неподвижности до ея крайняго послѣдовательнаго развитія, и при всемъ стѣсненіи, которому подвергалась промышленность и всякій рабочій, были однако въ ней и убѣжища, гдѣ придавленный человѣкъ могъ дышать и дѣйствовать свободно. Не слѣдуетъ, однако, полагать, чтобы это дѣлалось саботвенно для промышленности. Причина была проще: такъ какъ для должниковъ и преступниковъ существовали убѣжища, въ которыхъ ихъ не преслѣдовалъ законъ, то такое же убѣжище было предоставлено и рабочимъ. Въ Парижѣ было нѣсколько мѣстъ, гдѣ ремесленники могли заниматься вполне свободно своей работой, не зная ни цеха, ни стѣсненій, установленныхъ закономъ; такъ, напр. Сентъ-антуанское предмѣстье, округъ Тампль, часть улицы Лурсинъ, предмѣстье С-тъ Марео и др. Сюда-то и убѣгали люди, которымъ не было мѣста въ спискахъ цеха, которымъ не давали права на мастерство, которыхъ хотѣли уморить голодомъ за то, что они были, можетъ быть, умнѣ сѣдыхъ париковъ, застѣвавшихъ въ цехѣ, и которымъ не хотѣли дать право на работу. На эти убѣжища цехи смотрѣли, однако, весьма

сурово, а на тамошних обитателей, какъ на зачумленныхъ; мѣста эти отдѣлялись отъ другихъ мѣстъ желѣзными рѣшетчатыми воротами, точно будто бы тамошнихъ обитателей слѣдовало запирать, какъ прикованныхъ, и свободныхъ работниковъ цеха называли «faux ouvriers». Но, не смотря на это презрительное прозвище и на рѣшетчатые тюремныя ворота, люди, хотѣвшіе дышать свободно, шли толпами въ безопасныя убѣжища; такъ, въ Сэнтъ-антуанскомъ предмѣстьи поселились передъ революціей 70,000 рабочихъ. Каждый свободный уголь былъ занятъ и даже переполненъ рабочими, которымъ общество отказывало въ правѣ добывать себѣ хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ и на право труда смотрѣло, какъ на привиллегію.— Теперь будетъ понятно, почему Сэнтъ-антуанское и другія предмѣстья играли такую громкую роль въ революціи 1789 года; а также понятно и то, почему свободные сэнтъ-антуанскіе рабочіе и вообще всѣ «faux ouvriers», нестѣсняемые регламентаціей, оказались послѣ революціи самыми гениальными и способными мастерами, изъ рукъ которыхъ выходили лучшія произведенія.

V.

Французы временъ реставраціи говорили, что пролетарій созданъ революціей. Если подъ пролетаріемъ понимать то, что понималось въ древнемъ Римѣ, т. е. бѣдняковъ, неимѣющихъ никакой собственности, то мнѣніе это ошибочно, потому что изъ приведенныхъ фактовъ видно, до какого ужаснаго экономическаго бѣдствія было доведено населеніе Франціи несчастной правительственной системой. Но если подъ пролетаріемъ подразумѣвать мыслящаго бѣдняка, хорошо понимающаго свое положеніе, бѣдняка, знающаго, что мѣшаетъ ему развить свои способности, какія права нужны ему, чтобы быть гражданиномъ на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, и что слѣдуетъ устранить, чтобы избавить его отъ ежеминутной боязни голодной смерти, то реставраторы не ошиблись. Но если они не ошиблись въ сущности, то ошиблись все-таки въ размѣрѣ значенія пролетарія своего времени. Въ первую французскую революцію пролетарій только проснулся; но еще долго онъ не могъ придти въ себя. Пролетарію очень понравились свободная уличная жизнь и право дѣлать разныя безчинства; его разрушительный инстинктъ дошелъ дѣйствительно до гениальнаго

размітра; но онъ, по своему простодушію, никакъ не могъ понять, что все, что онъ дѣлаетъ, — дѣлаетъ не для себя, и что его эксплуатируетъ буржуа. Въ этомъ смыслѣ и ошибались реставраторы: пролетарій точно проснулся во время революціи, но созданъ не ею, потому что онъ, какъ неизмученный человѣкъ, существовалъ и ранѣе; нашивъ въ первую революцію только для буржуазіи, онъ еще не понималъ хорошенько, что ему нужно дѣлать для себя, и въ такомъ раздумьи застала его реставрація; только впоследствии пролетарій сдѣлалъ нѣсколько попытокъ устроить и свое собственное дѣло, но уже тогда реставрація кончилась. Следовательно, полное сознаніе своихъ стремленій, нуждъ и желаній, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ, дѣлающее бѣдняка пролетаріемъ нашего времени и отличающее его отъ тупоумнаго римскаго пролетарія, не существовало еще въ полномъ своемъ развитіи ни во время первой французской революціи, ни во время реставраціи.

Во время первой революціи пролетарій не дошелъ еще до сознанія, какъ ему поступать и что ему дѣлать, т. е. до того умственного развитія, до котораго онъ дошелъ нынче. Какъ только среднее сословіе обрушило всю свою ненависть на аристократію — и не только быть аристократомъ, но даже имѣть аристократическую наружность или носить лайковыя перчатки считалось преступленіемъ, за которое можно было лишиться головы, — аристократическій уровень внезапно понизился. Фраки исчезли; всѣ старались одѣваться какъ можно проще; бархаты и шолкъ замѣнились шерстинными матеріями; предметы роскоши, заготовлявшіеся прежде для графовъ и маркизовъ, смѣнились вещами простыми, и масса рабочихъ, занимавшаяся прежде приготовленіемъ блестящихъ пустяковъ для мотовъ и легкомысленныхъ придворныхъ, начала дѣлать то, что было нужно для людей болѣе простаго быта и чего они прежде не имѣли. Такимъ образомъ, вся промышленность получила, въ самый короткій срокъ, тотъ демократическій характеръ, которымъ она отличается теперь, и начала направлять свои силы на удовлетвореніе потребностей большинства, а не того крошечнаго меньшинства, которое прежде держало ее въ застоѣ. Переходъ былъ поразителенъ. Франція повернула круто на новый путь и пошла къ тому промышленному положенію, каковымъ теперь она пользуется. До революціи, когда для всякой матеріи были предписаны правительствомъ рисунокъ, цвѣтъ, ширина, толщина, когда вкусъ непогихъ людей высшаго слоя, державшагося

старыхъ традицій, жертвиль всю народную дѣятельность, Франція изобретала изъ себя поговѣй — промышленный Китай; а законодательницей моды была Англія, гдѣ промышленность не стѣснялась. Съ отмытой же въсѣхъ старыхъ промышленныхъ постановленій французъ началъ думать свободно, и подумавъ, онъ занялъ въ промышленности то мѣсто, которое принадлежить ему по его способностямъ и талантамъ. Тому, кто знаетъ теперешнюю Францію, съ ея лихорадочной подавленностью, кто видѣвается разнообразіемъ и вкусомъ французскихъ модъ и изобрѣтательностью французавъ въ дѣлѣ моды, будетъ довольно трудно представить себѣ французскій Китай, совершенно несогласный съ духомъ народа. А между тѣмъ, французы были китайцами, и только свободныя учрежденія сдѣлали изъ теперешними французами.

Въ то время, какъ рабочій почувствовалъ, что ему ужь очень свободно и что онъ можетъ не только ломать и бить все, что ему не поправится, но его пресятъ иногда объ этомъ и даже платить деньги, чтобы онъ безчинствовалъ, какъ можно колоссальнѣе, — онъ вспоминалъ, что у него есть нѣкоторые счеты и съ его старыми хозяевами. Старые хозяева были дѣйствительно народъ скверный: они не всегда исправно платили деньги; они утѣсняли рабочаго и даже поколачивали его, на что имѣли законное право, и вообще любили показать, что между работникомъ и хозяиномъ есть великая разница и что работники сдѣланы природой изъ матеріала менѣе благороднаго. Какъ только рабочій почувствовалъ, что его руки ходятъ совсѣмъ свободно, онъ сейчасъ же сообразилъ, что ему можно будетъ теперь поговорить съ своимъ хозяиномъ, и, безъ дальнихъ околичностей, потребовалъ отъ него отчета въ доходахъ отъ работы. Такое требованье показалось, разумѣется, хозяину необычайнымъ, потому что никогда не существовало ничего подобнаго, — и вотъ что изъ этого вышло. Предводители рабочихъ, управлявшіе дѣломъ, были указаны правительству испугавшимися хозяевами, и буржуазія, увидѣвшая, что подобная несообразность со стороны пролетарія можетъ помѣшать ей, набила биткомъ парижскія тюрьмы негодяями-рабочими, заявившими подобное дерзкое требованье. Кромѣ того, буржуазія распорядилась окружить предмѣстье Мон-мартръ, гдѣ жили негодяи, войсками и пушками, и выслать всѣхъ рабочихъ въ провинціи, въ которыхъ они родились, 4,000 рабочихъ были, такимъ образомъ, выведены изъ Парижа подъ конвоемъ

национальной гвардии. Конечно, такое невѣжество очень огорчало рабочихъ, и тѣ, кто остался въ Парижѣ, написали къ Мара слѣдующее письмо: «Истинный защитникъ рабочихъ классовъ, позвольте намъ, рабочимъ, сообщить вамъ тѣсноты нашихъ вашиповъ. Недовольные тѣмъ, что они на счетъ бѣдныхъ рабочихъ накопили необычайныя богатства, эти алчные "утѣснители" простерли такъ далеко свое безчеловѣчье, что обратились къ законодателямъ, чтобы провести противъ насъ варварскій декретъ, обрекающій насъ на голодную смерть. Задыхаясь въ своихъ богатствахъ, они одушевлены денежной алчностью и жестокостью. Какъ доказательство этого, мы укажемъ вамъ на бывшихъ нашихъ товарищей, а теперь хозяевъ, — каменщиковъ, которые начали сами съ подешинны, а теперь обращаются съ бѣдными рабочими очень жестоко. Считаю себя сильнымъ, они хотятъ наложить на насъ тяжелѣйшее ярмо.» Мара, конечно, принявъ это посланіе съ особеннымъ удовольствіемъ и пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать, что подобнымъ злымъ и жаднымъ людямъ можно оказать большое благодѣяніе, отрубивъ имъ головы. Каждый день Мара сталъ громить въ своихъ листкѣхъ притѣснителей рабочаго населенія, и никогда, даже при нападкахъ на аристократію, онъ не говорилъ болѣе ужасныхъ вещей. Съ этихъ поръ между рабочимъ и буржуа легла пронасть и начала разжигаться обоюдная ненависть.

Рабочіе не могли помочь себѣ болѣе существеннымъ образомъ; потому что люди движенія увлеклись слишкомъ борьбой съ политическими привиллегіями и не имѣли яснаго понятія о дѣйствительныхъ причинахъ бѣдности, и о томъ, какимъ могучимъ двигателемъ событій того времени было общее матеріальное бѣдствіе. Къ этому непониманію присоединилась еще другая ошибка, бывшая въ сущности только слѣдствіемъ первой. Такъ какъ люди движенія противъ старой силы выставили силу новую и шли путемъ насильственнаго переворота, который находили единственно возможнымъ, то имъ показалось, что подобную же услугу можетъ оказать имъ насиліе и въ вопросахъ экономическихъ. Поэтому, они рѣшили, что будетъ лучше всего, если они займутся сначала краснорѣчивыми разговорами о бѣдствіяхъ голодающихъ людей и произнесутъ по этому случаю нѣсколько трогательныхъ рѣчей; а затѣмъ издадутъ декретъ, строго повелѣвающій, чтобы бѣдность исчезла съ французской территоріи и переселилась бы, куда ей вздумается. Но такъ какъ, разумеется, одна эта мѣра не

могла быть вполне дѣйствительной, то предполагалось устроить государственную благотворительность въ невиданномъ еще до того мѣромъ размѣрѣ. Послѣ сдѣланныхъ опытовъ, такое прямое разсужденіе оказалось ошибочнымъ, и какъ вожди не могли придумать сами собой ничего болѣе умнаго, то они и рѣшились заняться исключительно политическими дѣлами, и закрыли на все остальное глаза, вѣроятно, полагая, что одного закрытія глазъ совершенно достаточно, чтобы бѣдные люди превратились вдругъ въ богатыхъ.

Въ нѣсколько большихъ подробностяхъ дѣло это совершалось такъ. Франція привыкла ходить на помочахъ; простой народъ всегда и во всемъ руководился высшими классами, которые за него думали, рѣшали, что для него лучше, потому что дитя само не знаетъ этого, и устраивала ему жизнь такъ, какъ хотѣлось имъ, а не неразумному дитяти. Усвоивъ такую привычку, простой человекъ ожидалъ всегда всего отъ старшихъ и высшихъ, и своимъ умомъ думать рѣшительно не хотѣлъ. Когда ему было холодно, онъ ждалъ, что его оденетъ правительство; было ли ему голодно — онъ точно также ждалъ, что правительство настрѣляетъ и нажаритъ ему рабчиковъ и куропатокъ; а на себя онъ бралъ только пріятную обязанность ихъ съѣсть. Высшіе находили все это весьма естественнымъ, такъ какъ глупость простого человека была совершенно несомнѣнна, и охотно дѣлали для него все то, что было необходимо, чтобы онъ отъ излишняго голоду и холоду не приходилъ въ вредный для высшихъ азартъ. Такимъ образомъ, между простымъ человекомъ и высшими сложились довольно странныя отношенія, и если ему было холодно, онъ самъ не дѣлалъ для себя ни одного шагу, а ждалъ, когда ему устроятъ все, какъ слѣдуетъ, начальство. Незамѣтивъ, въ самомъ началѣ революціи, чтобы прежній голодъ смѣнился вкусными яствами и питіями, и чтобы на улицахъ Парижа выросли финики и бананы, простой человекъ приписалъ все это коварству начальства и началъ ворчать. По мѣрѣ того, какъ революція разгаралась, простой человекъ становился все смѣлѣе и смѣлѣе; а какъ ожидаемые имъ бананы по прежнему не появлялись ни на бульварахъ, ни въ Елисейскихъ поляхъ, то къ прежней воркотнѣ онъ присоединилъ угрозы. Старшіе трусились, и какъ всегда водилось, что выдумывать что нибудь новое и хорошее приходилось имъ, то они рѣшили, что этимъ нужно имъ заняться и теперь. Конституціонное собраніе въ 1791 году объявило, что должна быть учре-

дена общественная благотворительность и открыты благотворительныя заведения для воспитанія найденной, помощи бѣднымъ больнымъ и для доставленія занятій бѣднымъ рабочимъ. Вопросу о бѣдныхъ собраніе давало большое значеніе и ставило его въ первую очередь. Жанкуръ представилъ собранію подробныя данныя для всесторонняго обсужденія этого дѣла, и по всестороннемъ обсужденіи было рѣшено, что всю исторію беретъ на себя государство; оно будетъ ухаживать благотворительными заведениями, устраивать общины; оно же будетъ раздавать капиталъ и дѣлать все, чтобы обезпечивать и питать превратить въ дѣлательность. Въ 1793 году, Конвентъ издалъ законъ, по которому вся эта система должна была быть принята во всѣхъ департаментахъ. Причины подобнаго мѣра будутъ совершенно ясны читателю, если онъ обратитъ вниманіе на понятія того времени.

Конвентъ объявлялъ, что каждый бѣдный гражданинъ имѣетъ право на помощь правительства; что содержаніе бѣдныхъ родителей, обремененныхъ многочисленными семействами, содержаніе дѣтей, покинутыхъ родителями, и поддержка безпомощныхъ людей и больныхъ стариковъ составляетъ долгъ государства. Всѣ общинныя и другія благотворительныя заведения должны были передать свои суммы въ руки правительства, и Конвентъ повелѣлъ завести большую книгу государственной благотворительности. Извлеченіе изъ этой книги служило бѣднымъ основаніемъ или документомъ, доказывающимъ ихъ право на полученіе помощи, какъ подобное же извлеченіе изъ государственной долговой книги служило правомъ на полученіе ренты. Каждый годъ предполагался большой національный праздникъ въ честь бѣдныхъ и въ этотъ день положено было прочитывать публично книгу государственной благотворительности.

Противъ грандіозности такого плана сказать рѣшительно нечего, точно такъ же, какъ нельзя ничего возразить противъ торжественности праздника въ честь бѣдныхъ и противъ той смертельной скуки, какую наводило бы на публику чтеніе большой книги. Но можно сдѣлать возраженіе противъ самой мысли устроить чепуху такого исполнскаго размѣра. Въ этомъ, впрочемъ, убѣдились скоро и сами члены Конвента, не смотря на самоувѣренное обѣщаніе Робеспьера, что бѣдность не будетъ существовать на французской землѣ. Гигантскій проектъ кончился тѣмъ, что деньги, отобранныя правительствомъ отъ прежнихъ общественныхъ и частныхъ благотворитель-

ныхъ учрежденій, были истрчены; бѣдные остались безъ помощи; и наконецъ Законодательное собраніе, бывшее послѣ Конвента, возстало снова частныя благотворительныя заведенія.

Теоретичность Конвента въ эконоическихъ вопросахъ виднѣе всего изъ его слѣдующаго силлогизма: каждый долженъ существовать своимъ трудомъ; тѣ, у кого нѣтъ работы или силъ, получаютъ вспомошествованіе; слѣдовательно, бѣдности въ странѣ быть не можетъ. Кажется бы, и только; но у Конвента явилось еще и другое «слѣдовательно». Онъ сообразилъ такъ: если бѣдности быть не можетъ, а между тѣмъ, она встрѣтится контрабандно, въ такомъ случаѣ она—нарушеніе закона, слѣдовательно, преступленіе, а всякій бѣднякъ есть преступникъ. Никогда Франція не имѣла такихъ строгихъ законовъ противъ нищихъ, какъ во время Законодательнаго собранія.

Все это произошло оттого, что тогдашнее движеніе Франціи было исключительно политическое, что въ вопросахъ соціального порядка вожди не понимали ровно ничего, и при рѣшеніи ихъ отдѣлялись или красными и громными фразами, или гигантскими проектами, весьма заманчивыми на бумагѣ и негодными для дѣла, или строгими законодательными запрещеніями, по примѣру прежней королевской власти. Для вождей и ораторовъ вопросъ пролетарія не былъ жизненнымъ вопросомъ, потому что никто изъ нихъ никогда не сидѣлъ въ кожѣ пролетарія; они разсматривали бѣдность и ея причины очень издали; а изъ бель-этажа она представляется со-всѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ когда живешь съ нею нѣсколько лѣтъ рядомъ. Поэтому, не смотря на прежнія фразы вождей и ораторовъ, бѣдность составляла для нихъ вопросъ второстепенный; главнымъ — былъ политическій, и буржуазія обдѣлала его хорошо. Пролетарій болѣе всѣхъ шумѣлъ и безчинствовалъ, не понимая хорошо, для чего онъ все это дѣлаетъ; онъ изъ всѣхъ силъ ломалъ за буржуазію и кончалъ ея дѣло, а между тѣмъ, своихъ представителей въ Національное собраніе не выставилъ и своего дѣла не начиналъ.

VI.

Наполеонъ I произносилъ только монологи, но не любилъ слушать другихъ; онъ привыкъ повсемѣстно повелѣвать своей арміей и такъ

же хотѣлъ повелѣвать пролетаріями. Послѣднее ему и не удалось.

Стремясь къ административной централизаци, Наполеонъ нисколько не противорѣчилъ французской правительственной системѣ, которой одинаково держались и Людовикъ XIV, и Людовикъ XVI, и Національное собраніе, и Конвентъ. Поэтому-то французы такъ легко и дошли до тѣхъ крайностей управленія, которыя преподнесъ имъ ихъ императоръ.

Многія изъ профессій Наполеонъ сдѣлалъ привилегіей извѣстныхъ лицъ; другія исключительно монополизировалъ казна или же ввѣрялъ ихъ управленію лицъ, избравшихъ правительствомъ.

Во всемъ этомъ у Наполеона была одна цѣль. Онъ хорошо понималъ, что революція, уничтоживъ цехи и корпораціи, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была помочь развитію политическихъ ассоціацій. Такихъ вещей Наполеонъ не любилъ, и потому ему нужно было придумать что нибудь такое, что бы достигало старыхъ административныхъ цѣлей въ новой формѣ. Придумать было не особенно трудно: требовалось только, чтобы правительство или прямо вмѣшивалось въ торговля и промышленныя дѣла, или чтобы на выборы и назначеніе членовъ промышленныхъ обществъ и товариществ оно имѣло вліяніе. Возстановивъ, наприимѣръ, парижскую торговую палату, отиѣненную республикой, Наполеонъ постановилъ, что члены ея избираются только пятидесятью тремя избирателями, назначаемыми префектами. Понятно, что свободное представительство торговыхъ интересовъ стало невозможнымъ. Тѣмъ же способомъ Наполеонъ прибралъ къ своимъ рукамъ промышленность и соединилъ у себя и финансовыя интересы.

Все это было, разумѣется, очень хорошо только для личныхъ плановъ Наполеона, но что же онъ сдѣлалъ для пролетарія? Для пролетарія онъ не сдѣлалъ ровно ничего, потому что имѣлъ легкомыслие предполагать, что министерскими распоряженіями можно разрѣшать соціальныя вопросы. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ не отступилъ ни на шагъ отъ принциповъ предшествовавшаго ему революціоннаго правительства. И принципъ этотъ опредѣлялся всего тремя словами: «право на вспомошествованіе».

При Наполеонѣ число шпіаковъ увеличилось въ страшномъ размѣрѣ. Наполеонъ понималъ хорошо, что терпѣливая, молчаливая мас-

са людей составляетъ, при всемъ своемъ терпѣнн, все-таки страшную силу, и что есть предѣлъ, далѣ котораго терпѣливость становится невозможной. Ему, для собственнаго могущества и блеска своего царствованія, нужно было сдѣлать что нибудь хорошее для бѣдныхъ людей; подумавъ, Наполеонъ рѣшилъ, что будетъ лучше всего, если онъ осуществитъ въ примѣненіи къ бѣднымъ слѣдующій аэорпзмъ экономической, придуманный еще во время республики: «право на вспомошествованіе», и затѣмъ приказалъ министру внутреннхъ дѣлъ составить планъ, чтобы нищенство и нищету уничтожить во Франціи сразу. Министръ принялся усердно за работу, но не могъ ничего придумать; время, между тѣмъ, шло, — нищія не убавлялись; Наполеонъ разсердился и рѣшительнымъ образомъ приказалъ министру «искоренить бѣдность во Франціи въ теченіе мѣсяца». Министръ, который только и ждалъ этого, принялся тотчасъ же искоренять, построилъ 59 новыхъ убогихъ и нищенскихъ домовъ и посадилъ въ нихъ 22,550 нищихъ, бродягъ, публичныхъ женщинъ, престарѣлыхъ, беспомощныхъ и больныхъ рабочихъ, — однимъ словомъ, всѣхъ, кто попадался ему на улицахъ безъ дѣла.

Чтобы не пускаться въ утомительныя подробности о томъ, почему такая система нигуда не годится, — что мыслящіе люди знали еще и тогда, но только не зналъ этого Наполеонъ, — я приведу лишь два факта, безъ всякихъ разсужденій. Послѣ изложенія Наполеона, большая часть департаментовъ вошла въ министерство внутреннхъ дѣлъ съ просьбой о закрытіи домовъ для нищихъ, и главной причиною этого выставили, «что дома эти были выстроены Бонапартиномъ», а Ватвилль, генералъ-инспекторъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній во Франціи, въ своемъ отчетѣ о нихъ, представленномъ имъ правительству нѣсколько лѣтъ назадъ, говорилъ слѣдующее: «Можно смѣло утверждать, что безъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній положеніе бѣдныхъ нисколько не улучшится. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ, въ которые общественныя управленія раздавали пособія, ни одинъ бѣдный не вышелъ еще изъ нужды и при помощи общественной благотворительности не всталъ на ноги и не сдѣлался самостоятельнымъ рабочимъ. Напротивъ, общественная благотворительность дѣлаетъ очень часто пауперизмъ наследственнымъ. Постоянныя періодическія пособія мѣшаютъ бѣднымъ выйдти изъ печальнаго положенія, въ которое поставили ихъ

обстоятельства. Помощь даже поселяется въ нихъ равнодушіе, ухудшающее еще болѣе ихъ положеніе. При нынѣшней системѣ выдается ежегодно 17,000,000 франковъ 14,000,000 бѣднымъ, число которыхъ въ концѣ года остается то же, если только еще не увеличивается».

Но все это говорилось о нищихъ, разныхъ калѣкахъ, старикахъ, вдовахъ и т. д. Что же сдѣлалъ Наполеонъ для пролетарія, поставилъ ли онъ его въ такое положеніе, чтобы имѣть всегда работу и жить самостоятельнымъ трудомъ? Нищимъ и немощнымъ Наполеонъ раздавалъ деньги и никого не сдѣлалъ богаче, а пролетарію онъ помогалъ подобнымъ же старымъ способомъ — и пролетарій по прежнему остался пролетаріемъ. Такимъ образомъ, оказалось, что есть на свѣтѣ вещи, которыхъ не одолѣетъ никакая сильная армія и никакой геніальный полководецъ. Но оказалось здѣсь еще и то, что геніальный полководецъ, предъ которымъ склонилось все, боялся бѣднаго, беспомощнаго пролетарія.

Для вспомошествованія пролетарію Наполеонъ I дѣлалъ все то, что дѣлаетъ теперь его племянникъ. Императорскіе дворцы были повсюду реставрированы, вновь меблированы, строились большія дороги, поправлялись старыя, возводились безчисленные общественныя зданія, водопроводы, фонтаны, набережныя, церкви и т. д. и все это главнѣйше для того, чтобы дать занятіе рабочимъ. Всего этого было, однако, еще недостаточно и неблагоприятный пролетарій по прежнему все что-то думалъ про себя. Наполеонъ зналъ, какъ нехорошо, если пролетарій размышляетъ, и по возвращеніи изъ Москвы потребовалъ отъ полицейскаго префекта, барона Паскье, отчета о состояніи парижскихъ рабочихъ. Отчетъ барона былъ самаго неутѣшительнаго характера. «Въ Сентъ-антуанскомъ предмѣстьи и въ прилегающихъ къ нему частяхъ города, писалъ Паскье, есть рабочіе, которые входятъ въ лавки и магазины и требуютъ *работы или хлеба*. Умы разгорячаются и среди дня прибываются къ стѣнамъ плакарды противъ императора. Я думаю, что арестованіе главныхъ предводителей было бы опаснымъ и бессильнымъ средствомъ. Было бы лучше поручить комиссарамъ благотворительныхъ бюро удвоить и утроить вспомошествованія, а также распространить ихъ на тѣхъ, кто жаветъ en gaгпі, и на тѣхъ, кто не имѣетъ совсѣмъ квар-

тирь. Но все это должно быть сдѣлано, не возбуждая ничего вниманія.» Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ полиціей, оказалось, что изъ 66,850 человекъ мужского рабочаго населенія Парижа 21,950 ч. были безъ работы. Чтобы помочь имъ, были придуманы правительствомъ новыя работы и заказы; для занятія рабочихъ зимой, многія работы въ Луврѣ отложены; однимъ словомъ, Наполеонъ хлопоталъ изъ всѣхъ силъ дать пролетарію дѣло.

Но такая ли работа была нужна пролетарію? Разрѣшался ли социальный вопросъ о бѣдности тѣмъ, что безчисленные агенты утонченнато полицейскаго управленія Парижа составляли самые meticulous списки о томъ, сколько плотниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, слесарей и т. д. сидятъ безъ дѣла; что для празднаго не по своей волѣ человека сочинялась въ Луврѣ новая работа только для того, чтобы накормить голоднаго? Если вспомошествованіе деньгами нищимъ не дѣлало ихъ богаче, то отчето же вспомошествованіе временной работой должно было обезпечить пролетарія? Если первое не могло достигнуть своей цѣли, почему должно было достигнуть второе, вѣдга сущность того и другаго была одна и та же? Восстановили старый социальный порядокъ, Наполеонъ показалъ, что ему совершенно непонятны вопросы новаго времени и новыя стремленія Франціи. Прежде исторія представлялась для всѣхъ въ видѣ политики, и никто не думалъ, чтобы она могла быть чѣмъ-нибудь новымъ, потому что сущность замаскировалась внѣшностью. Политика была вездѣ на первомъ планѣ, и за блестящей и громкой политическою внѣшностью никто не замѣчалъ экономической сущности и того, что исторія человечества есть исключительно исторія собственности. Въ чемъ заключалась всѣ политическія движенія, начиная съ древняго Рима и кончая новой Франціей, какъ не въ стремленіи поставить собственность и право на нее въ другое отношеніе? Въ чемъ заключалась борьба партій и сословій, какъ не въ томъ, чтобы забрать въ свои руки силу и власть исключительно для возвышенія своего матеріальнаго положенія? Политика во всемъ этомъ была только орудіемъ и средствомъ, которыми достигались совсѣмъ иные дѣли. Если иногда и случалось, что общее движеніе вызывалось какъ-будто бы другими причинами, то иждь это только казалось. Даже реформація, не смотря на свой религіозный характеръ, была въ сущности борьбой за новыя отношенія собственности и другія права на матеріаль-

ное благосостояніе. Можетъ доказаться, что Лютеръ изображалъ собой представительство чисто-духовныхъ и правственныхъ интересовъ, а экономическое представительство явилось въ лицѣ Мюнцера и тѣхъ, кто затѣялъ крестьянскую войну. Но развѣ это вѣрно? Лютеръ въ сущности отстаивалъ матеріальные интересы духовенства и высшихъ сословій, и возсталъ противъ крайней привилегированной аристократіи въ лицѣ папы и высшихъ сановниковъ. Поэтому противники Лютера, какъ Мюнцеръ, изображавшій собой демократическіе интересы, должны были проиграть, какъ проиграли потомъ пролетаріи Франціи въ борьбѣ съ буржуазіей, потому что сила и способности были еще не на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ, и Лютеръ, и Мюнцеръ явились защитниками и бойцами за одно дѣло; но Лютеръ былъ представителемъ дворянства и правителей, а Мюнцеръ — народа, только въ этомъ и вся разница между ними. Если Мюнцеръ погибъ — это и должно было случиться. Также погибъ бы и Лютеръ, если бы онъ явился столѣтіемъ раньше.

Во французскомъ движеніи 1789 года совершилась та же самая сущность, хотя всѣ частности были другого рода. Буржуазіи нужно было другое экономическое положеніе, а его достигнуть она могла только однимъ: — забравъ въ свои руки власть и затѣмъ измѣнивъ всѣ законы и порядки внутренняго управленія такъ, чтобы львиная часть во всемъ доставалась ей. Что же могло достаться при этомъ пролетарію? Такъ какъ онъ самъ не могъ еще сдѣлать для себя ровню ничего и свои таланты обнаружилъ преимущественно въ особенной развязности въ уличныхъ схваткахъ и въ разныхъ угрожательныхъ жестахъ и выраженіяхъ, то буржуазія позаботилась о пролетаріѣ ровно на столько, на сколько это было нужно, чтобы малое дитя вело себя смирно и не особенно сердилось.

Но экономическое могущество буржуазіи, конечно, противъ ея воли, подѣйствовало на пролетарія весьма наставительнымъ образомъ. Изъ этой школы онъ вынесъ полезный урокъ. Онъ понялъ, что дѣла идутъ неладно, что его гражданское положеніе находится въ разногласіи съ его экономическимъ значеніемъ и что необходимо измѣнить тѣ отношенія, въ которыя поставила пролетаріатъ революція 1789 года. Теперешнія усилія пролетарія направлены исключительно къ тому, чтобы поставить трудъ въ возможно-меньшую зависимость отъ капитала.

Рабочія ассоціаціи есть одно изъ тѣхъ средствъ, которыя придумалъ пролетарій, чтобы достигнуть этой цѣли, и потому для человека XIX вѣка нѣтъ ничего важнѣе знанія тѣхъ усилій пролетарія, которыми онъ надѣется достигнуть экономической самостоятельности.

И. Шкалгуновъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

БЛАГОРОДНЫЙ ЛОРДЪ УМИРАЕТЪ.

Джоржъ Вавазоръ провелъ около четырехъ дней подъ кровлею своего дѣда. Скрѣпя сердце, рѣшилъ онъ пожертвовать этими четырьмя днями, чтобы дожидаться отвѣта отъ тетушки Гринау и, въ случаѣ отказа, понудить Кэтъ написать Алисѣ, какъ это было условлено между ними. Въ продолженіе этихъ четырехъ-пяти дней, тщетно уговаривала его Кэтъ быть по-обходительнѣе съ дѣдомъ; Джоржъ и старикъ упирались каждый на своемъ и никто изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать перваго шагу. — Не говори ты мнѣ про этого злющаго гуська, отвѣчалъ старый сквайръ на ея увѣщанія; дуракъ я былъ, что пустилъ его къ себѣ въ домъ. — Пробовала Кэтъ урезонивать Джоржа, выставляя ему на видъ, что своимъ упорствомъ онъ только раздражитъ старика и доведетъ его, пожалуй, до того, что тотъ лишитъ его наслѣдства.

— На то его добрая воля, угромо отвѣчалъ Джоржъ.

— Если ты себя не жалѣешь, то уступи хоть ради Алисы.

— Алиса-то ужъ никогда не потребуетъ, чтобы я изъ корыстолюбивыхъ видовъ подчинялся безсмысленному самодурству. Что до меня касается, то я откровенно говорю, что люблю деньги, и не слишкомъ-то разборчивъ въ средствахъ тамъ, гдѣ

представляется возможность хорошей поживы. Но такая уступчивость выше моих силъ. Я никогда не дѣлалъ этому чловѣку ничего худого; я не пользовался отъ него ни однимъ шиллингомъ. Когда я было затѣялъ это дѣло по винной части, онъ мнѣ помогъ, обезпечивъ за мною имѣнье, которое все равно достанется мнѣ по его смерти. По своей неисправимой ограниченности, онъ даже не позаботился поближе заглянуть въ это дѣло и, Богъ вѣсть почему, вообразилъ себѣ, что я затѣваю пустое, тогда какъ, быть можетъ, единственный разъ въ жизни я затѣвалъ дѣло.

— Но онъ имѣлъ полное право поступить по своему усмотрѣнію, замѣтила Кэтъ.

— Конечно; но онъ былъ не въ правѣ вмѣнять мнѣ мою просьбу въ преступленіе. Надо было изъ послѣдняго ума выжить, чтобы отказать мнѣ въ ней; но за это я и не подумалъ бы съ нимъ враждовать; не его вина, что природа создала его такимъ дуракомъ. Но не могу же я валяться у него въ ногахъ, за то только, что осмѣлился къ нему обратиться съ самою разсудительной просьбой.

Дѣдъ и внукъ почти ни слова не говорили другъ съ другомъ; съ глазу на глазъ они оставались другъ съ другомъ всего какіе нибудь полчаса послѣ обѣда; старый свайръ выпивалъ обыкновенно въ это время по три стагана порвейна и разсчитывалъ, что и внукъ послѣдуетъ его примѣру; но Джоржъ не притрогивался къ вину.

— Я совсѣмъ бросилъ пить вино послѣ обѣда, отвѣчалъ онъ, когда дѣдъ придвинулъ къ нему бутылку.

— То есть, ты хочешь сказать, что ничего не пьешь, кромѣ кларета, замѣтилъ старикъ далеко не въ примирительномъ тонѣ.

— Я просто на просто хочу сказать, что бросилъ пить вино послѣ обѣда, и никакой у меня нѣтъ при этомъ задней мысли.

Даже мистеру Вавазору показалось неловкимъ придраться къ такому предлогу, чтобы разбраниться съ своимъ наслѣдникомъ; а между тѣмъ, въ немъ бродило какое-то смутное чувство обиды, и чувство это становилось все сильнѣе и сильнѣе при упорномъ молчаніи Джоржа, видимо нежелающаго поддерживать разговоръ.

— Но какого чорта ты тутъ сидишь, если не хочешь ни пить, ни говорить? промолвилъ старикъ.

— Этого я и самъ не знаю, отвѣчалъ Джорджъ. Впрочемъ, если я уйду, то вы набинетесь на меня съ бранью.

— Убирайся, сдѣлай милость, куда хочешь; какое мнѣ дѣло до тебя!

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что Джорджъ не въ добрый часъ пріѣхалъ въ замокъ своихъ предковъ...

На четвертый день пришелъ отвѣтъ отъ тетушки Гринау.—«Милая Кэтъ, писала она, я не могу сдѣлать того, о чемъ ты меня просишь. Я совсѣмъ не знаю моего племянника и не вижу, съ какой стати мнѣ ужъ такъ особенно хлопотать о доставленіи ему депутатства. Какое мнѣ дѣло до блеска вавазорскаго имени? Не позаботься я сама о себѣ, Вавазоры въ жизнь свою ничего бы для меня не сдѣлали. Такъ называемыя кровныя узы имѣютъ въ глазахъ моихъ мало значенія; я люблю тѣхъ, которые меня любятъ и кого я знаю. Такъ, я отъ души люблю тебя, и за то, что ты была добра ко мнѣ, я охотно бы дала тебѣ тысячу фунтовъ, если бы они тебѣ самой понадобились; но я, право, не вижу никакой необходимости раздавать мои деньги людямъ, которыхъ я не знаю. Если ты сочтешь нужнымъ передать содержаніе этого письма моему племяннику, то скажи ему, чтобы онъ не принималъ его за обиду.

Любящая тебя тетка

Арабелла Гринау.

P. S. Твой другъ Ч. ждетъ тебя, не дождется.»

— Этого заранѣе слѣдовало ожидать, проговорилъ Джорджъ, возвращая письмо сестрѣ; что я для нея?

— А я было рассчитывала на нее, сказала Кэтъ.

— Напрасно; она слишкомъ умная женщина, чтобы давать денегъ взаймы всякому встрѣчному.—Что это за другъ твой Ч., который ждетъ тебя, не дождется?

— Это одинъ господинъ, которому очень хотѣлось бы жениться на ней и на ея деньгахъ.

— Такъ чтожъ она толкуетъ, будто онъ тебя такъ ожидаетъ?

— Это она нелѣпую мысль забрала себѣ въ голову. Съ чего-то ей вздумалось утверждать, будто онъ влюбленъ въ меня.

— Богатъ онъ?

- Очень.
- Какъ его фамилія?
- Чизсамеръ. Но полно, охота тебѣ разспрашивать о немъ.
- Если онъ богатъ и хочетъ на тебѣ жениться, то почему бы тебѣ и не выйти за него?
- Помилуй, Джоржъ! во-первыхъ, онъ вовсе не желаетъ на мнѣ жениться; а во-вторыхъ, онъ весь ушелъ въ свой скотный дворъ.
- Чтожъ! скотный дворъ—дѣло хорошее.
- Ну да, вонечно; но бросимъ этотъ разговоръ.
- Скажу тебѣ только, что мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты сдѣлала хорошую партію; а теперь перейдемъ къ вопросу о деньгахъ. Тебѣ надо поскорѣе написать Алисъ.
- О, Джоржъ!
- Сама же ты мнѣ обѣщались. Ты глупо сдѣлала, что не послушалась меня тогда и сразу не написала ей.
- Это свыше моихъ силъ.
- Другими словами, ты хочешь сказать, что берешь назадъ свое слово, что, заставивъ меня потерять здѣсь столько времени, ты не намѣрена исполнить свое обѣщаніе.
- Возьми мои деньги пока; ты заплатишь мнѣ ея деньгами послѣ свадьбы. Я сама первая потребую уплаты отъ нея... и отъ тебя.
- Все-то ты городишь вздоръ.
- Но почему же вздоръ? Ужь тебѣ-то, кажется, нечего стѣсняться со мной; вѣдь я же не задумалась бы обратиться за помощью къ тебѣ.
- Говорятъ тебѣ, Кэтъ, я этого не хочу и баста. Я оберу тебя до нитки и все же не покрою всѣхъ издержекъ по выборамъ, а заемъ при такихъ условіяхъ хуже, чѣмъ бесполезенъ.
- Ты желаешь, чтобы я попросила у нея больше двухъ тысячъ?
- Я желаю, чтобы ты попросила у нея пока всего на всего одну тысячу; эта сумма необходима мнѣ въ настоящую минуту, мнѣ нужно достать ее во что бы то ни стало. И Алиса знаетъ, что деньги мнѣ необходимы и что я рассчитываю на ея помощь. Не знаетъ она только, что именно теперь

присѣло время для этой помощи; вотъ это-то ты и должна ей объяснить.

— Лучше бы я, вѣжета, отдала свою руку на сожженіе.

— Но этимъ ты, къ сожалѣнію, все-таки бы мнѣ не помогла. Слушай, Кэтъ: я настоятельно прошу тебя написать; если ты этого не сдѣлаешь, то я, конечно, напишу ей самъ; но отказъ съ твоей стороны я сочту за низкое предательство, и ужь конечно послѣ этого не увижусь больше съ тобой. Мнѣ не хотѣлось бы—по причинамъ, которыя ты пока угадаешь,—самому писать Алисѣ; я требую исполненія твоего обѣщанія. Если ты откажешься, то я буду знать, что мнѣ дѣлать.

Нечего и говорить, что она уступила; тяжело было у нея на сердцѣ и едва сгибались ея пальцы, медленно выводя буквы, когда она писала Алисѣ условленное письмо. Съ трудомъ ложлись одна за другою накрахмаленныя фразы, и между строкъ легко было прочитатъ всю печальную и постыдную повѣсть этого письма. Алиса поняла, какъ нельзя лучше, при какихъ условіяхъ оно было написано, но постившила увѣдомитъ кузину, что требуемая сумма въ самомъ скоромъ времени будетъ въ распоряженіи Джоржа.

Кэтъ еще недавно безмѣрно гордилась примиреніемъ между братомъ и кузиною, и радовалась, считая это примиреніе своимъ дѣломъ. Но куда дѣвалась теперь ея гордость и радость? Куда дѣвался восторженный тонъ ея писемъ къ Алисѣ, писемъ, наполненныхъ пророческихъ предсказаній о будущихъ великихъ дѣяніяхъ Джоржа въ парламентѣ и милыхъ намековъ на его неуважающую любовь? Да и самой Алисѣ было неловко упоминать въ письмахъ о Джоржѣ. Переписка между кузинами, по окончаніи денежныхъ переговоровъ, такъ и заглохла на цѣлую зиму. Кэтъ продолжала гостить въ Уэстморлендѣ; измученная и не въ ладу съ собою, она молча выслушивала непріятныя выходки стараго свайра противъ внука и чувствовала, что уже не можетъ заступаться за брата, какъ бывало.

Джоржъ возвратился въ городъ, и еще въ послѣднихъ числахъ января получилъ черезъ своего банкира вожделѣнную тысячу фунтовъ. (Читатель догадается конечно, что эти деньги были выплачены мистеромъ Томбомъ и поставлены имъ въ счетъ мистеру Грею). Когда понадобились деньги, Алиса ска-

зала объ этомъ отцу, какъ то было условлено между ними, а тотъ, въ свою очередь, помня свое обѣщаніе, досталъ ей ихъ безъ возраженій.—Я, конечно, должна буду подписать какую-нибудь бумагу? спросила Алиса.—Но отецъ отвѣчалъ ей, что это ужъ дѣло адвокатовъ, и она на этомъ успокоилась.

Когда Джоржъ явился въ контору мистера Скребби для передачи нужныхъ на выборы денегъ, мистеръ Скребби встрѣтилъ его словами:

— Слышали вы новость?

— Какую новость? спросилъ его Джоржъ.

— Маркизь, того и гляди, отправится *ad patres*.

— Такъ чтожъ! проговорилъ Джоржъ, не понимая важности этого извѣстія. Какой такой маркизь? Ну, умереть онъ, найдется у него, конечно, наслѣдникъ.

— Ну да, найдется, въ этомъ-то и штука. Если маркизь Бонротти умереть, то наслѣдникъ его перейдетъ въ верхнюю палату, и мѣсто его въ палатѣ депутатовъ останется вакантнымъ.

— Какъ! такъ-таки сейчасъ и перейдетъ, до окончанія сессіи? — Тутъ только кинулось Джоржу въ глаза все вліяніе, которое это событіе могло имѣть на его собственную участь.

— Ну да, конечно. Намъ-то оно было бы очень на руку, да бѣда только, что сторонники Треверса пронюхали объ этомъ прежде насъ, и только того и ждутъ, чтобы маркизь испустилъ духъ, а тамъ живо подведутъ свои мины.

— Но стоитъ ли хлопотать теперь? Вѣдь ужъ сессія на исходѣ, проговорилъ Джоржъ.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ мистеръ Скребби.

— А тамъ заготовляй опять деньги для новыхъ выборовъ.

— И это правда, продолжалъ мистеръ Скребби; но при второмъ избраніи намъ обыкновенно удается сократить нѣсколько расходы. Если наша возьметъ теперь, то намъ легче будетъ одержать верхъ надъ Треверсомъ при слѣдующихъ выборахъ.

— Видѣлись вы съ Гримсомъ?

— Какже! Подлецъ, переходитъ на сторону Треверса. Повѣрите ли? Онъ имѣлъ безстыдство придти ко мнѣ и объявить, что не желаетъ имѣть дѣло съ такими господами,

которые оттягивают у него его шальные денежки. Одно мнѣ досадно, зачѣмъ только мы ему дали эту росписку.

— Да, надо сказать, дали мы таки порядочнаго маху, проговорилъ Джорджъ, ядовито поглядывая на стряпчаго.

— Что дѣлать, мистеръ Вавзоръ, отъ этихъ случайныхъ ошибокъ не уберешься. Ужъ дѣло наше такое; бываетъ, иной разъ и хуже дашь промахъ. Еще вы Бога благодарите, что я самъ не перешелъ на сторону Треверса. Онъ тоже вѣдь, какъ вамъ извѣстно, либераль и пытался переманить меня на свою сторону.

Вавзоръ начиналъ сомнѣваться: да ужъ полно, въ самомъ ли дѣлѣ есть ему за что благодарить Бога, и не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы съ самаго начала отказался отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ? Теперь ему предстояло израсходовать, по крайней мѣрѣ, три тысячи изъ денегъ, принадлежавшихъ его кузинѣ, и для чего же? для того, чтобы попасть—и то, навѣрное, на нѣсколько мѣсяцевъ, — въ парламентъ. Онъ могъ, конечно, остаться при первомъ своемъ намѣреніи подождать общихъ выборовъ; но онъ зналъ, что если дать либералу занять открывавшееся теперь вакантное мѣсто, то мѣсто это, по всѣмъ вѣроятіямъ, останется за нимъ и при послѣдующихъ выборахъ.

— Ну-съ, сквайръ, такъ на чемъ же мы порѣшили?—И въ тонѣ, которымъ были сказаны эти слова, Джорджу послышалось нѣкоторое ослабленіе того уваженія, которое оказывали ему до сихъ поръ, какъ кандидату въ столичные представители, расплачивающемуся чистаганомъ.

— Но этотъ лордъ еще не умеръ, замѣтилъ Вавзоръ.

— Нѣтъ еще, не умеръ, это такъ, но ждать не приходится, каждая минута дорога. Я слышалъ, что онъ безнадеженъ; у него чуть ли не подагра бросилась въ желудокъ, либо водянка въ сердцѣ,—ну, словомъ такая болѣзнь, отъ которой не выздоравливаютъ.

— А дождаться слѣдующихъ выборовъ нельзя?

— Ужъ если вы меня спрашиваете, то, по моему, нельзя. Говоря откровенно, я очень призадумалъсь взяться за это дѣло при подобныхъ условіяхъ: терпѣть не могу биться тамъ, гдѣ я навѣрное знаю, что буду побитъ. Вѣдь я тоже не безсовѣстный какой, мистеръ Вавзоръ, и не стану даромъ тратить чужія деньги.

— А измѣна Гримса не будетъ имѣть важности для насъ особой?

— Чего добраго, мошенникъ этотъ отобьетъ у насъ голосовъ до полутораэта; ну, да въ такомъ округѣ, какъ Чельсѣйскій, полтораэта голосовъ еще не Богъ знаетъ какая цифра. Штука въ томъ, что Треверсъ поскаредничалъ въ прошлые выборы и это ему сильно повредить.

— Но консервативная партія, не бось, тоже выставитъ своего кандидата.

— Не думаю. Вѣрнѣе, что они отложатъ до общихъ выборовъ.

И такъ, Джоржъ принужденъ былъ сказать, что попытается счастья, и мистеръ Скреби объявилъ, что примется хлопотать, не дожидаясь смерти стараго лорда. — Чтожъ! разсудилъ Джоржъ про себя, въ случаѣ неудачи, я всегда успѣю перерѣзать себѣ горло.

Не дешево досталась Джоржу и та тысяча фунтовъ, которую онъ уже забралъ у Алисы. Пока дѣло не было еще сдѣлано, онъ могъ легко относиться къ нему; но совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ смотрѣлъ онъ на него теперь. Станци онъ, какъ обыкновенный воришка, чужой кошелекъ, и то на совѣсти его не лежало бы такого тяжелата бремени. Вотъ уже съ возвращеніемъ его изъ Уэстморлэнда прошло болѣе мѣсяца, а онъ еще и глазъ не показывалъ въ улицѣ Королевы Анны. Онъ старался себя завѣрить, что не ходитъ туда потому, что уязвленъ холодною Алисы; въ сущности же, его страшила мысль свидѣться съ нею, не заговоривъ о деньгахъ, или же, свидѣвшись, заговорить о нихъ.

— Читали вы послѣдній номеръ «Гlobe?» спросилъ кто-то у Джоржа, когда онъ вошелъ въ свой клубъ.

— Нѣтъ, не читалъ.

— Бонротти умеръ сегодня утромъ въ Ифландіи. Вы, конечно, объявите себя кандидатомъ Чельсѣйскаго округа?

ГЛАВА II.

ПАРЛАМЕНТЪ ОТКРЫВАЕТСЯ.

Открытіе парламента въ тотъ годъ происходило двѣнадцатаго февраля, и мистеръ Палливеръ былъ однимъ изъ первыхъ

членовъ нижней палаты, явившихся на свой постъ. Въ теченіи послѣдней недѣли сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, что тогдашній канцлеръ казначейства покончилъ свое политическое поприще. Онъ еще существовалъ для внѣшняго міра, продолжалъ получать свое жалованье и исправлять рутинную часть своего дѣла, но не существовалъ уже болѣе для внутренняго, кабинетнаго міра. Ходили слухи, что онъ разошелся съ своимъ другомъ и главою, первымъ министромъ, по вопросу объ отиженіи уцѣлѣвшихъ прямыхъ налоговъ, и готовится съ небольшою горстью своихъ послѣдователей ринуться въ ярую оппозицію.

Интересный предметъ для наблюденій представляютъ эти земные боги съ своею тѣсною дружбою и непримиримою враждою. Если бы и у насъ, такъ же, какъ на древнемъ языческомъ олимпѣ, однѣ и тѣ же личности неизмѣнно оставались между собою либо друзьями, либо врагами, то дѣло не имѣло бы и половины своего интереса. Но на этомъ новѣйшемъ олимпѣ отношенія, то и дѣло, мѣняются; одно и то же болѣство пылаетъ сегодня самою яркою ненавистью противъ другого болѣства, а завтра преподолняется къ своему недавнему противнику самою нѣжною любовью. Правда, для людей посвященныхъ въ эти закулисныя тайны драма не имѣетъ и половины той занимательности, какою прельщаетъ она посторонняго наблюдателя; члены парламента и близкіе друзья ихъ очень хорошо знаютъ, что лордъ такой-то вовсе не ненавидитъ ниотера такого-то, не считаетъ его измѣнникомъ отечеству и не желаетъ распять его на крестѣ; знаютъ они также, что сэръ Джонъ, канцлеръ казначейства, вовсе не думаетъ того, что говорить, когда утверждаетъ про своего друга, министра иностранныхъ дѣлъ, будто въ безкорыстіи, патриотизмѣ и гениальности нѣтъ ему равнаго. Но я не совѣтовалъ бы ни одному британцу изъ непосвященныхъ заглядывать за кулисы, — вообще заглядывать за кулисы не годится, если хочешь воистиннѣ наслаждаться представленіемъ.

Но, хотя канцлеръ казначейства и пересталъ завѣдомо существовать въ политическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе джентельменъ этотъ занималъ при открытіи парламента падающее ему почетное мѣсто. Мистеръ Паллизеръ, далеко не безусловно поддерживавшій министерство въ теченіи прои-

лой сессіи, сидѣлъ по ту же сторону залы, но нѣсколько поодаль; ближе къ переднимъ скамьямъ; рядомъ съ нимъ помѣщался мистеръ Ботъ. Лордъ Синкебарсъ предложилъ билль объ адресѣ, но предложилъ его, должно сознаться, крайне неудовлетворительно: изъ всего, что онъ сказалъ, никто не разслышалъ ни единого слова. Предложеніе поддержалъ мистеръ Лофтусъ Фицговардъ; можно было подумать, что этотъ ораторъ поклялся задавить своего принципала, злополучнаго лорда Синкебарса, — такъ отчетливо, словно отечканенное, выходило у него каждое слово. Преисполняясь, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все большаго и большаго самодовольства, онъ впадалъ наконецъ въ риторику, къ великому негодованію своей партіи, которая осталась, какъ нельзя болѣе, довольна рѣчью лорда Синкебарса. Ничто такъ не вредитъ успѣху юнаго оратора въ парламентѣ, какъ желаніе говорить краснорѣчиво; пусть его будетъ неточенъ въ своихъ показаніяхъ, пускай его вдастся въ околичности, пускай его, наконецъ, горячится не въ мѣру—все это пехорошо, но еще можетъ сойдти ему съ рукъ; отъ одного только храни его Боже, отъ краснорѣчія.

Рѣчь королевы содержала одно мѣсто, гдѣ говорилось, впрочемъ въ довольно общихъ выраженіяхъ, объ отмѣненіи прямыхъ налоговъ. Королева обѣщалась не остановиться въ этомъ дѣлѣ на полдорогѣ, но отмѣнить и остальные, удержавшіеся до сихъ поръ налоги, если только подобная мѣра окажется осуществимою на практикѣ. Всѣмъ было извѣстно, что подобное обѣщаніе не могло быть дано съ одобренія канцлера казначейства. Лордъ, предложившій проэктъ адреса, вовсе не носнулся вопроса, а юный ораторъ, поддерживавшій его, упомянулъ о немъ только мелькомъ. Но вотъ раздался голосъ грознаго оратора, человѣка, мастерски владѣвшаго даромъ слова и, повидимому, преисполненнаго самаго яраго негодованія; въ душѣ ораторъ этотъ былъ добрѣйшій малый и былъ только снѣдаемъ честолюбивымъ желаніемъ попасть въ синклитъ парламентскихъ боговъ; понятно, что онъ старался обратить въ свою пользу настоящее распадёніе кабинета на два лагеря. Началъ онъ съ того, что заявилъ полнѣйшую готовность вотировать за адресъ.—Никто, продолжалъ онъ, не можетъ зашодозрять его и людей его партіи въ мятежническомъ желаніи идти наперекоръ правительству. Они-ли не заявили своей

благонамѣренности безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ.—Затѣмъ онъ перешелъ, какъ бы щадя своихъ оппонентовъ, къ бѣглому перечню различныхъ вопросовъ, общаясь на словахъ не противорѣчить въ нихъ правительству, въ сущности же доказывая, что правительство дѣлало ошибку на ошибкахъ.—Но... тутъ его голосъ измѣнился и лицо приняло, свойственное ему въ подобныхъ случаяхъ, грозное выраженіе. Зевесъ министра сего олимпа нахлобучилъ шляпу на глаза и принялся сладко улыбаться. Тѣ изъ депутатовъ, которые до сихъ поръ были заняты просматриваніемъ газетъ, наострили уши, публика въ галереяхъ стала прислушиваться, а нашъ ораторъ принялся громить существующій кабинетъ, выставляя ему на видъ, что лозунгомъ его, когда онъ вступалъ въ управленіе странюю, было отмѣненіе податей, на самыхъ широкихъ основаніяхъ; что онъ, между тѣмъ, запаматовалъ свой собственный лозунгъ, хотя цѣлому свѣту извѣстно, что канцлеръ казначейства вовсе не прочь отъ приведенія въ исполненіе этой мѣры. Такъ, канцлеръ казначейства не прочь, но онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ малодушіемъ, вѣроломствомъ и лживостью своихъ сотоварищей, изъ которыхъ самымъ лживымъ, малодушнымъ и вѣроломнымъ оказывался самъ Зевесъ, такъ сладко улыбавшійся въ эту минуту съ высоты своего олимпа.

Но Зевеу и его товарищамъ, повидимому, очень мало было дѣла до того, что про нихъ говорилъ гнѣвный ораторъ; мало того: видимымъ образомъ, и самъ ораторъ, при всемъ своемъ напускномъ азартѣ, и не думалъ гнѣваться въ душѣ; вся его цѣль заключалась въ томъ, чтобы придать своей филиппикѣ грозный колоритъ въ печати. Въ заключеніе онъ обратился къ министерству съ прямымъ вопросомъ, требуя, чтобы оно повѣдало палатѣ, кому оно намѣрено ввѣрить храненіе казны на олимпѣ?

Зевесъ, улыбаясь, всталъ съ своего мѣста и поблагодарилъ своего противника за полное сочувствіе къ правительству, выражавшееся въ его словахъ; затѣмъ онъ перебралъ, одинъ за другимъ, различные вопросы внутренней и внѣшней политики, причемъ съ такою же легкостью доказалъ, что все обстоитъ благополучно, съ какою противникъ его доказывалъ, что все идетъ шиворотъ на выворотъ. Когда же дѣло дошло до вопроса объ отмѣненіи податей, то онъ ограничился повторе-

нѣмъ того мѣста въ рѣчи королевы, гдѣ намекалось на этотъ вопросъ, и выразилъ надежду, что высокоуважаемый другъ его, канцлеръ казначейства, сумѣетъ удовлетворить требованью палаты и нуждамъ народа.

Но этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ ни палату, ни публику, тѣснившуюся въ галлереяхъ. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ встанетъ самъ канцлеръ казначейства и заговорить—онъ же былъ большой охотникъ ораторствовать кстати и нестати;—но хранитель казны упорно безмолвствовалъ и, какъ ни подзадоривала его оппозиція, не выдавалъ своей сокровенной души. Наконецъ, когда засѣданіе было уже почти на исходѣ, всталъ мистеръ Паллизеръ, и битый часъ употреблялъ на то, чтобы объяснить, какіе налоги правительство можетъ смѣло отмѣнить и какіе нѣтъ. Пока онъ говорилъ, члены собранія выходили одинъ за другимъ, и вскорѣ палата почти совсѣмъ опустѣла. Тѣмъ не менѣе, въ газетныхъ отчетахъ, появившаяся на слѣдующее утро его рѣчь стояла на первомъ планѣ, и общественное мнѣніе начало указывать на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занять открывавшуюся вакансію.

Онъ возвратился домой въ высшей степени довольный своимъ успѣхомъ и засталъ лэди Гленкору одну. Она только-что пріѣхала въ этотъ день изъ Мэтчинга, гдѣ онъ было хотѣлъ удержать ее до пасхи, на что лэди Гленкора наотрѣзъ объявила, что не желаетъ болѣе оставаться въ деревнѣ безъ мужа. Пока мистеръ Паллизеръ гостилъ въ Монкшэдѣ, жена его получила письмо. Какими судьбами письмо это дошло до нея, этого лэди Гленкора никакъ не могла дознаться. Она нашла его въ своемъ письменномъ столѣ, и горничная, къ которой она обратилась съ разспросами объ этомъ загадочномъ фактѣ, отвѣчала ей такими убѣдительными увѣреніями въ томъ, что знать пичего не знаетъ, что лэди Гленкора должна была поневолѣ повѣрить ей.—Если подобный случай еще разъ повторится, то я принуждена буду принять свои мѣры, проговорила лэди Гленкора; я не могу дозволить, чтобы въ мою комнату подкидывали вещи безъ моего вѣдома.—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Письмо было отъ Борго Финдджеральда и заключало въ себѣ прямое предложеніе бѣгства. «Я нахожусь въ Мэт-

чпнгѣ, въ гостиницѣ, писалъ онъ, но не смѣю къ вамъ глазъ показать изъ опасенія повредить вамъ. Вчера вечеромъ я бродилъ около вашего дома и смотрѣлъ на окна вашей комнаты. Если я ошибаюсь, предполагая, что вы меня любите, я ни за что въ мірѣ не желалъ бы оскорбить васъ своимъ присутствіемъ. Но если вы дѣйствительно еще любите меня по прежнему, то я умоляю васъ расторгнуть узы этого лживаго брака и отдаться тому человѣку, съ которымъ любовь должна бы была связывать васъ болѣе священными узами. — Онъ не просилъ у нея немедленнаго свиданья, по увѣдомлялъ ее, что, по собраніи парламента, снова побываетъ въ Мэтчингѣ, и умолялъ ее дать ему знать какимъ-нибудь способомъ, что чувства ея къ нему не измѣнились.

Лэди Гленкора никому не сказала о полученномъ ею письмѣ, но сберегла его и не разъ перечитывала про себя въ тишинѣ своей комнаты. Совѣсть упрекала ее за это, упрекала за скрытность передъ мужемъ, но она твердо рѣшилась не оставаться одной въ Мэтчингѣ, въ такой соблазнительной близости отъ Борго. Она и сама хорошенько не знала, чего хочетъ; она свыклась съ убѣжденіемъ, высказаннымъ Алисѣ, что для мужа же будетъ лучше, когда она уйдетъ отъ него; съ другой стороны, она твердила про себя, что любитъ Борго всѣмъ сердцемъ, что не на нее должна пасть вина, а на тѣхъ, которые заставили ее идти замужъ не любя. А между тѣмъ, она бѣжала въ Лондонъ изъ страха оставаться въ Мэтчингѣ, такъ близко отъ Борго. Письмо его она оставила безъ отвѣта. Она чувствовала потребность повидаться съ Алисой и рассказать ей всю повѣсть этого письма. Она походила на человѣка, который въ припадкѣ сумасшествія хочетъ броситься въ пропасть и въ то же время невольно льнетъ къ другому человѣку, чтобы тотъ спасъ его отъ самого себя.

Мистеръ Паллизеръ, съ которымъ она по приѣздѣ въ Лондонъ еще не видалась, привѣтствовалъ ее, какъ и подобало, поцѣлуемъ; но то былъ скорѣе поцѣлуй брата, чѣмъ мужа. Лэди Гленкора угадала чутъемъ истой женщины значеніе этой ласки.

— Ну что, какъ ты поживаешь? спросила она.

— Ничего, слава Богу! А ты? я думаю, устала съ дороги?

— Нѣтъ, не очень.

— А у насъ по поводу адреса было преніе въ парламентѣ. Разсказать тебѣ, что ли, какъ оно происходило?

— Разскажи, конечно, если оно лично до тебя касалось.

— И очень касалось.

— Тебя еще не назначили канцлеромъ?

— Нѣтъ; во время преній въ нижней палатѣ никого не назначаютъ въ должность. Но ты у меня, кажется, вѣкъ останешься плохимъ политикомъ.

— И мнѣ тоже кажется; но это не мѣшаетъ мнѣ желать тебѣ успѣха, какого ты самъ себя желаешь. Правду сказать, я не вижу собственно, изъ-за чего тебѣ такъ страшно работать; но ужъ если ты находишь въ этой работѣ наслажденіе, то и я отъ души желаю, чтобы ты трудился не даромъ.

— Да, твоя правда, я нахожу наслажденіе въ этой работѣ. У каждаго человѣка своя слабость: одни могутъ объѣдаться съ утра до ночи, другіе способны пристраститься къ лошади,— я же не могу ни того, ни другого.

Лэди Гленкора подумала, что есть еще и такіе люди, которые любятъ южное небо и женскіе взгляды, и въ нихъ находятъ свой рай;—она, по крайней мѣрѣ, знала одного таковаго человѣка. Но все это лэди Гленкора подумала только, а не сказала.

— Я говорилъ мимоходомъ съ лордомъ Брукомъ, продолжалъ мистеръ Паллизеръ (а Лордомъ Брукомъ звали у простыхъ смертныхъ великаго бога Зевеса).

— Что же сказалъ лордъ Брукъ?

— Онъ сказалъ всего нѣсколько словъ, но былъ со мной чрезвычайно любезенъ.

— Но какъ же это такъ, Пантагенетъ? я было думала, что отъ него зависитъ твое назначеніе. Развѣ не онъ вѣдаетъ всѣми этими дѣлами?

— Ну да, если хочешь, то онъ... Эхъ! я, кажется, никогда тебѣ не втолкую этихъ вещей!—Тѣмъ не менѣе, онъ не полѣнился сдѣлать новую попытку и прочиталъ ей весьма обстоятельную лекцію объ англійской конституціи и о механизмѣ, управляющемъ политическими дѣлами этой страны.

Можно поручиться, что не у всякаго молодого мужа стало бы духу утѣшить свою молодую жену подобнаго рода лекціею. Лэди Гленкора слушала его, слушала, да и зѣвнула, прикрывъ

ротъ носовымъ платкомъ. Движеніе это не ускользнуло отъ мистера Паллизера.

— Однако, я вижу, эти вещи мало тебя интересуютъ, за-
мѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Не сердись, Пантагенеть. Ей богу, онѣ меня интере-
суютъ; но только, видишь ли, я такая дурочка и не могу
всего сразу понять. Теперь же я немного устала, пора
мнѣ въ постель.—А ты долго еще думаешь сидѣть?

— Да, мнѣ еще надо написать нѣсколько писемъ; завтра
я тоже цѣлый день буду заваленъ работой. Да, кстати: завтра
у насъ будетъ обѣдать мистеръ Ботъ.

— Мистеръ Ботъ? повторила лэди Гленнора, и по тону
ея ясно было видно, что извѣстіе это не слишкомъ-то ей
пріятно,

— Да, мистеръ Ботъ. Ты, кажется, недовольна?

— О нѣтъ, нисколько. Не лучше ли вамъ съ нимъ обѣ-
дать вдвоемъ?

— Съ какой стати намъ съ нимъ обѣдать вдвоемъ? Поче-
му бы и тебѣ не обѣдать вмѣстѣ съ нами? Мнѣ было бы
очень прискорбно видѣть въ тебѣ неумѣстную разборчивость
на знакомства. Мистрисъ Маршамъ въ Лондонѣ и, я убѣж-
денъ, пріѣдетъ, если только ты ее попросишь.

Такъ вотъ какъ! молодой женщинѣ разомъ навязывали
обѣихъ ея дуэнтъ въ первый же день ея пріѣзда въ Лон-
донъ; этого лэди Гленнора, при всей своей рѣшимости быть
терпѣливой, не могла стерпѣть. — А я такъ думала пригла-
сить мою кузину, Алису Вавазоръ, проговорила она.

— Миссъ Вавазоръ! повторилъ мужъ. Говоря откровенно,
мнѣ казалось, что миссъ Вавазоръ... Съ языка у него чуть
было не сорвался ядовитый намекъ на злополучный эпизодъ
въ развалинахъ аббатства, но онъ во время удержался.

— Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ моего вы-
бора, продолжала жена. Изъ всей моей родни, я одну только
Алису и люблю.

— Я ничего не имѣю противъ нея: дѣвица она, какъ и
слѣдуетъ быть дѣвицѣ. А все же мнѣ бы лучше хотѣлось,
чтобы ты пригласила мистрисъ Маршамъ.

Лэди Гленнора почувствовала, что требованье его безраз-
судно и жестоко, и что онъ обходится съ ней, какъ съ ребен-

комъ. Все это не могло предрасполагать ее къ уступчивости.

— Я богъ знаетъ сколько времени не видала Алису, проговорила она, и я просила бы тебя, Плантагенетъ, позволить мнѣ на этотъ разъ поступить такъ, какъ я желаю. Мистрисъ Маршамъ—старуха, и очень естественно, что мнѣ не о чемъ говорить съ ней наединѣ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты сошлась съ мистрисъ Маршамъ на дружеской ногѣ.

— Дружба, Плантагенетъ, не является по заказу.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлай, конечно, какъ знаешь. Мнѣ очень жаль, что ты отказала мнѣ въ первой просьбѣ, съ которой я обратился къ тебѣ нынѣшній годъ.

ГЛАВА III.

МИСТРИСЪ МАРШАМЪ.

Прежде чѣмъ лечь спать, лэди Гленкора написала Алисѣ коротенькую записку, прося ее пріѣхать пораньше на слѣдующій день, чтобы имъ можно было до обѣда покататься.

«Обѣдать намъ предстоитъ въ обществѣ мистера Бота, писала она. Я знаю, что ужъ изъ-за этого одного вы непременно пріѣдете; ваше доброе сердце подскажетъ вамъ, что я сильно нуждаюсь въ вашей помощи. Кромѣ мистера Бота, никого не будетъ, если только не пригласятъ безъ моего вѣдома мистрисъ Маршамъ.»

Написавъ это письмо, лэди Гленкора погрузилась въ раздумье. Думала она преимущественно о томъ, какіе жестокіе бывають мужья на свѣтѣ. Въ тѣ дни, когда еще она не была замужемъ, всѣ непрерывно старались увѣрить ее, что Борго будетъ дурно съ ней обращаться, даже бить ее. Но какое дурное обращеніе, какіе даже побои могли быть хуже этого пошлаго, жертвеннаго безучастія, которое она встрѣчала въ настоящемъ своемъ мужѣ? Что же касалось до побоевъ, то самая мысль о нихъ казалась ей до того дикою въ примѣненіи къ ея красавцу Борго, что она могла только улыбаться ей про себя. Да и наконецъ, не лучше ли бы было терпѣть са-

име побои отъ Борго, чѣмъ выслушивать въ глухую полночь лекціи объ англійской политикѣ? Если бы она вышла замужъ за Борго, она уѣхала бы въ страну солнца, въ Италію, и не о конституціи лились бы его рѣчи въ лунныя южныя ночи.

— Ты послала записку своей кузинѣ?—спросилъ у нея мистеръ Паллизеръ на слѣдующее утро. Въ голосѣ его явственно слышалось, что вчерашнее неудовольствіе забыто или подавлено.

— Да; я прошу ее пріѣхать утромъ и остаться къ обѣду. Если она согласится пріѣхать, я пошлю за ней экипажъ.

— Хорошо, кротко замѣтилъ мистеръ Паллизеръ; это дѣло устроилось такъ, какъ тебѣ хотѣлось, а потому ты, быть можетъ, не станешь упрямитъ и пригласишь мистрисъ Маршамъ.

— Но не отозвана ли она куда нибудь въ другое мѣсто?

— Нѣтъ, не думаю.—И за тѣмъ, какъ бы стыдѣсь босвенной лжи, заключающейся въ его отвѣтъ, онъ добавилъ:—Я знаю навѣрное, что она никуда не отозвана.

— Стало быть, она разсчитываетъ на мое приглашеніе?

— Если ты хочешь этимъ сказать, что я звалъ ее, то ты ошибаешься, Гленкора. Я не сталъ бы отъ тебя таиться, если бы это было такъ. Я сказалъ ей просто на просто, что не знаю, какъ ты думаешь распорядиться нынѣшнимъ днемъ.

— Если ужъ ты непременно этого желаешь, то я напишу ей, проговорила лэди Гленкора.

— Да, милая, напиши ей; ты меня премного этимъ обяжешь.

И такъ, лэди Гленкора написала мистрисъ Маршамъ приглашительную записку и получила отъ нея отвѣтъ, что будетъ непременно. Подобный же отвѣтъ получила она и отъ Алисы.

Свиданье обѣихъ кузинъ было самое дружественное. Глядя на лэди Гленкору, можно было подумать, что онѣ были съ Алисою подругами дѣтства, и, хотя подобнаго рода скороспѣлыя привязанности были и не въ характерѣ послѣдней, все же у нея недоставало духу обдать холодною водою ту, которая такъ къ ней ласкалась.

Долго сидѣли онѣ въ гостиной, болтая и грѣясь у камелька, и засидѣлись до того, что раздумали ѣхать кататься.

— Что за удовольствіе кататься въ этотъ холодъ безъ вся-

кой дѣли? замѣтила лэди Гленкора; намъ здѣсь, неправда ли, гораздо лучше?

Алиса вполнѣ съ ней согласилась, такъ какъ мало было заманчиваго въ прогулкѣ по парку среди холодной мглы февральскаго дня.

— Вотъ, если бы Дэнди и Кокетка были здѣсь, тогда еще куда бы ни шло; но мистеръ Паллизеръ не желаетъ, чтобы я сама правила лошадьми въ Лондонѣ.

— Здѣсь это не совсѣмъ безопасно, замѣтила Алиса.

— Ну нѣтъ, онъ не съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло; онъ просто на просто бонтся, чтобы это не придаю мнѣ ухарскій видъ.

— И онъ совершенно правъ. Если бы я была мужчиной, тоже не позволила бы своей женѣ править самой лошадьми въ Лондонѣ.

— Это почему? — Какъ я вижу, и вы были бы таинмъ же тираномъ, какъ и всѣ мужья. Что за бѣда позволить себѣ маленькую вольность съ виду, если только на дѣлѣ не позволяешь себѣ ничего неприличнаго? Бѣдные мои Дэнди и Кокетка! Имъ-то какое это лишеніе!

— Ну, это-то мистеръ Паллизеръ можетъ и упустилъ изъ виду.

— Упустилъ онъ изъ виду и еще кое-что другое, Алиса; ему дѣла нѣтъ до того, что это большое лишеніе для хозяйки Дэнди и Кокетки.

— Не говорите этого, Гленкора.

— Почему же мнѣ не говорить это вамъ?

— Я хочу сказать, не настройвайте себя на подобныя мысли. Я убѣждена, что онъ дозволилъ бы вамъ всякое удовольствіе, которое не считалъ бы предосудительнымъ.

— Какъ напримѣръ, нескончаемыя лекціи объ англійской конституціи? Я не хочу этимъ сказать ничего дурнаго, Алиса, я знаю, что онъ ею только живетъ и дышетъ, и очень жалѣю, что она для меня — китайская грамота. Но я еще вамъ не сказала, какая пріятная встрѣча ожидаетъ васъ за обѣдомъ.

— Какъ же! Вы писали мнѣ, что ждете къ обѣду мистера Бота.

— Этого мало: будетъ еще мистрисъ Маршамъ. Когда я писала вамъ записку, я была въ сладкой увѣренности, что избавилась на этотъ разъ отъ ея посѣщенія; не тутъ-то было!

— Меня ея присутствіе нисколько не стѣснить, замѣтила Алиса.

— Да меня-то она стѣснить; она отравить намъ съ вами цѣлый вечеръ. Если не ошибаюсь, она васъ терпѣть не можетъ, и убѣждена, что вы научаете меня всевозможнымъ нечестивымъ дѣяніямъ. Какъ посмотрю я на нихъ, какъ же они всѣ глупы!

— То есть, кто же *естъ они*, Гленкора?

— Да вотъ эта старушонка съ мистеромъ Ботомъ, и потомъ... Ну, да не въ томъ дѣло. Досада меня беретъ, глядя на ихъ ослѣпленіе.—Алиса! вѣдь я не знаю, какъ и отблагодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали! Я вамъ, кажется, всѣмъ обязана. — И говоря это, лэди Гленкора опустила руку въ карманъ, а въ карманѣ лежало роковое письмо.

— Полноте! что за пустяки! перебила ея Алиса.

— Нѣтъ, не пустяки, продолжала лэди Гленкора. Знаете ли, кто пріѣзжалъ въ Мэтчингъ въ мою бытность тамъ?

— Какъ, въ домъ къ вамъ? проговорила Алиса, догадываясь, что лэди Гленкора говоритъ о Борго Фицджеральдѣ.

— Нѣтъ не въ домъ.

— Если это тотъ человѣкъ, о которомъ я думаю—торжественно продолжала Алиса,—то умоляю васъ не упоминать его имени.

— Это почему? Я уже упоминала вамъ его имя и прежде, и ничего изъ этого, кромѣ добра, не вышло. Какой же вы мнѣ будете другъ, если мнѣ нельзя будетъ свободно говорить съ вами обо всемъ, что лежитъ у меня на душѣ?

— Но вамъ не слѣдовало бы и думать о немъ.

— Что за пустяки вы толкуете, Алиса! Не думать объ немъ... Развѣ я властна надъ своими мыслями? А вотъ посмотрите-ка лучше...

И говоря это, она сжала въ рукѣ письмо; еще минута, и письмо это было бы вынута изъ кармана и полетѣло бы къ Алисѣ на колѣни, но въ эту самую минуту дверь распахнулась и слуга доложилъ о пріѣздѣ мистрисъ Маршамъ.

— Какая досада, что мы не побѣхали кататься! воскликнула лэди Гленкора такъ громко, что мистрисъ Маршамъ непременно бы услышала, если бы не была немного туга на ухо.

— Какъ поживаете, душа моя? заговорила, входя, мистрисъ Маршамъ. Я была тутъ по сосѣдству и подумала: дай-ка я зайду провѣдать ее. Этотъ визитъ въ счетъ не идетъ; но позднѣе я буду къ обѣду само собою. — Какъ ваше здоровье, миссъ Вавазоръ?—и говоря это, мистрисъ Маршамъ холодно поклонилась Алисъ.

Въ характерѣ мистрисъ Маршамъ были свои хорошия стороны. Она была бѣдна и безъ жалобъ несла свою бѣдность. Состоя въ родствѣ и свойствѣ съ людьми богатыми и знатыми, она не преклонялась передъ ихъ богатствомъ и знатностью. Дружба ея была надежна, но за то и вражда—непримирима. У нея не было недостатка въ природномъ умѣ и жизненной опытности, съ ней можно было поговорить и о новѣйшемъ романѣ, и даже, въ случаѣ надобности, объ англійской конституціи. Въ свое время, она добросовѣстно исполняла обязанности жены и матери, хотя мужу ея подчасъ приходилось отъ нея жутко, а изъ дѣтей никто не любилъ ее тою любовью, какою дорожатъ большинство матерей. Съ другой стороны, и пороковъ видѣлось за ней не мало. Она любила власть и не отличалась большой разборчивостью въ средствахъ къ достиженію ея. Неспособная низкопоклонничать передъ людьми, выше ея стоявшими въ общественной іерархіи, она была не прочь и покривить душою тамъ, гдѣ ей нужно было зарасположить къ себѣ человѣка. Не дозволяя себѣ прямой лжи въ словахъ, она была лжива въ своихъ поступкахъ. Эта-то женщина была когда-то другомъ матери мистера Паллизера и принимала теперь почти родственное участіе во всемъ, касавшемся его самого. Когда мистеръ Паллизеръ женился, до нея дошли слухи о романѣ лэди Гленкора съ Борго Фицджеральдомъ. Партія эта въ денежномъ отношеніи казалась ей подходящею, но сама невѣста не очень-то пришлась ей по душѣ. Она порѣшила сама съ собою, что за молодой женщиной нужны глаза да глаза, а кому было и усмотрѣть за нею, какъ не самой мистрисъ Маршамъ? Объ этомъ она не позволила себѣ прямо высказаться мистеру Паллизеру и назваться въ аргусы за его женою; она знала, что подобнаго рода предложеніе не будетъ принято имъ, но она повела рѣчь о томъ, что лэди Гленкора

еще очень молода, что дѣтская ея наивность очаровательна, и тутъ же намекнула, что такое юное существо нельзя оставлять безъ надзора. Мистеръ Палливеръ, который былъ далеко отъ ревнивыхъ подозрѣній и чорствой натурѣ котораго вообще были недоступны какъ тревоги, такъ и радости любви, согласился съ мистрисъ Маршамъ, что Гленнора еще очень молода. Онъ пуше всего заботился о томъ, чтобы жена его держала себя солидно и скромно. Онъ не боялся любовниковъ, но боялся, чтобы она не надѣлала глупостей, не простудилась и не уронила достоинства супруги канцлера казначейства. Вслѣдствіе этихъ-то соображеній, онъ отдалъ ее, а отчасти и себя подъ начало мистрисъ Маршамъ.

Гленнора не пробыла и сутокъ подъ однимъ кровомъ съ этой дамой, какъ уже угадала въ ней свою дуэпну. Во многихъ вещахъ лэди Гленнора была куда пронациательнѣе и умнѣе своего мужа, хотя онъ и мѣтилъ въ канцлеры казначейства, а она ничего не смыслила въ англійской конституціи. Она знала тоже, что его легко провести, что, при всей изощренности его ума, ему недостаетъ того тонкаго чутья, которое сразу умѣетъ распознавать людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и почти презрительно относилась къ нему за эту недалковидность. Можно бы было ему, кажется, понять, что Борго такой противникъ, съ которымъ шутить нельзя, и что мистрисъ Маршамъ не надежная дуэпна. Когда женщина узнаетъ, что ее сторожить Церберъ, — не въ порядкѣ вещей, чтобы она не старалась перехитрить Цербера, да по дорогѣ провести и его господина.

Алиса встала и отвѣчала на поклонъ мистрисъ Маршамъ точно такимъ же холоднымъ поклономъ. Съ этой минуты женщины эти сдѣлались заклятыми врагами.

— Я напередъ знала, что застаю васъ дома, продолжала мистрисъ Маршамъ, обращаясь къ лэди Гленнорѣ: вѣдь вы, я знаю, не охотница выходить изъ дому въ холодную погоду; развѣ взбредетъ на умъ какая-нибудь сумасбродная ночная прогулка— вотъ это по нашей части.— И мистрисъ Маршамъ покачала головою.

— Прогулка, про которую вы говорите, вовсе не была сумасбродною, отвѣчала лэди Гленнора. Въ зимнемъ же катаньи по Лондону я не вижу ни малѣйшаго толку.

— Для здоровья необходимо гулять каждый день, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Терпѣть я не могу всё эти правила, воскликнула лэди Гленкора.

— А между тѣмъ, душа моя, безъ нихъ нельзя обойтись въ жизни, замѣтила мистрисъ Маршамъ. — Вѣдь вы, не бось, не скажете, что терпѣть не можете обѣдать?

— Напротивъ, подчасъ я дѣйствительно могу это сказать; а именно, почти каждый разъ, когда у насъ за столомъ бываютъ гости.

— Вотъ погодите: проживите еще сезонъ въ Лондонѣ и это чувство пройдетъ само собою,—отвѣчала мистрисъ Маршамъ, дѣлая видъ, будто ей показалось, что лэди Гленкора жалуется на свою застѣпчивость.

— Ну нѣтъ, не думаю, отвѣчала лэди Гленкора; время, вмѣсто того, чтобы ослаблять во мнѣ это чувство, только усиливаетъ его. У насъ обѣдаетъ сегодня мистеръ Ботъ.

Не понять этотъ послѣдній намекъ не было уже никакой возможности. А надо сказать, что мистрисъ Маршамъ, чувствуя себя не въ силахъ выбить тѣснаго соперника по довѣрью мистера Паллизера изъ занятой имъ прочной позиціи, рѣшилась вступить съ нимъ въ оборонительный союзъ.

— Чтожъ! мистеръ Ботъ — членъ парламента и человекъ очень полезный для мистера Паллизера, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Это не мѣшаетъ намъ съ Алисой питать къ нему сильнѣйшую антипатію. Вѣдь правду я говорю, Алиса?

— Что до меня касается, то я конечно его не жалею, отвѣчала Алиса.

— Полагаю, миссъ Вавазоръ, что вамъ особенно-то жаловать его или не жаловать не изъ чего, замѣтила мистрисъ Маршамъ. У васъ съ нимъ никакихъ особенныхъ дѣлъ не можетъ быть.

— Положительно никакихъ, отвѣчала Алиса. Правда, онъ разъ вздумалъ донять меня попыткою непрощенаго сближенія, но я осадила его разъ навсегда.

— Не знаю, какого такого сближенія могъ онъ добиваться съ вами, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Почему же вамъ и знать, мистрисъ Маршамъ!

— Но страннымъ мнѣ что-то кажется, что такой дѣльный, и занятый человѣкъ, какъ мистеръ Ботъ, сталъ терять время на приставање къ молодежькѣ дѣвушкѣ, съ которой онъ совершенно случайно познакомился въ чужомъ домѣ.

— Вы, кажется, поняли слова Алисы такъ, будто мистеръ Ботъ за нею ухаживалъ! воскликнула лэди Гленнора, смѣясь. Но право же это не такъ. Воображаю, какимъ бы былъ мистеръ Ботъ въ роли вздыхателя!

— Ну, ухаживать-то онъ, пожалуй, и не ухаживалъ, ядовито замѣтила мистрисъ Маршамъ.

Терпѣнье Алисы лопнуло.

— Гленнора—заговорила она, вставая,—мнѣ, кажется, всего лучше оставить васъ съ мистрисъ Маршамъ вдвоемъ; я вовее не расположена пускаться въ разсужденія о характерѣ мистера Бота и выслушивать оскорбительные для меня намеки.

— Полноте, Алиса, удерживала ее лэди Гленнора. Неужели мы съ вами такъ и дадимъ себя разбить мистеру Боту и мистрисъ Маршамъ?

— Надѣюсь, Гленнора, что вы не считаете меня за своего врага? вмѣшалась мистрисъ Маршамъ.

— Но я буду смотрѣть на васъ, какъ на врага, если вы не оставите Алису въ покоѣ.

— Я вовее не желала обидѣть миссъ Вавазоръ, процѣдила мистрисъ Маршамъ, искоса поглядывая на Алису: та ограничилась молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Затѣмъ мистрисъ Маршамъ удалилась, объявивъ на прощанье, что непременно вернется къ обѣду.

— Экая злющая старая кошка! проговорила лэди Гленнора по уходѣ гостей; при этомъ она скорчила такую уморительную гримасу, въ голосѣ ея было столько ребячески-комичнаго, что Алиса невольнo расхохоталась.—Я ее насковозь знаю, продолжала она, да и сами вы очень скоро убѣдитесь, что ей ни подъ какимъ видомъ давать спуску нельзя; она на васъ зашипитъ, а вы не трогайтесь съ мѣста, и покажите ей, что и у васъ есть когти.

— Но я, съ своей стороны, вовее не желаю уподобляться кошкѣ, отвѣчала Алиса.

— За то я покажу ей, что во мнѣ сидитъ тигренокъ, только сунься она обижать меня. Знаете ли, Алиса, я твердо рѣши-

лась не давать себя въ обиду. Если мужъ мой прикажетъ мнѣ что нибудь сдѣлать,—пока онъ мнѣ мужъ, я буду его слушать-сл, но обижать себя не позволю.

— Вспомните, что она была еще другомъ матери Пализера.

— Я это очень хорошо помню. Но что-жъ изъ этого? Ну, и прїѣзжай къ намъ изрѣдка въ гости. Скучновато оно конечно,—ну, да это еще такое неизбежное зло, съ которымъ, куда ни шло, можно было бы помириться.

— Въ такомъ случаѣ, чего-жъ вы опасаетесь? По всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ дѣло и кончится.

— Вотъ то-то и есть, что не кончатся; а я не хочу, чтобы меня обижали. Если она станетъ докучать мнѣ совѣтами то я скажу ей, что не нуждаюсь въ нихъ. Она вздумаетъ говорить дерзости моимъ друзьямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя она намъ наговорила, а я и скажу ей въ глаза, что сидѣла бы она себѣ дома, такъ лучше бы было. Она, конечно, прямымъ путемъ отправится къ нему и наслетничаетъ на меня, но мнѣ-то что жъ дѣлать? Не хочу я, чтобы надо мной мудрили, да и только.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ дѣламъ, касавшимся Алисы, и не возвращался болѣе къ письму Борго. Такъ проболтали объ прїятельницы вплоть до того часу, когда имъ прїспѣло время одѣваться къ обѣду. Алиса много говорила о мистерѣ Греѣ, но ни словомъ не упомянула о своей помолвкѣ съ Джоржемъ Вавазоромъ. Да и какъ было ей упомянуть объ этой помолвкѣ, когда она въ душѣ уже на половину рѣшилась взять свое слово назадъ?

Сойдя въ гостиную по окончаніи своего туалета, Алиса никого тамъ не застала, кромѣ мистера Бота. Лэди Гленвора была еще неготова и мистеръ Пализеръ не показывался.

— Вотъ прїятно, неожиданная встрѣча, проговорилъ мистеръ Ботъ, протягивая ей руку.—Пальцы Алисы коснулись его руки и она пробормотала какой-то неопредѣленный отвѣтъ.

— А не правда ли, миссъ Вавазоръ, славный мы съ вами мѣсяць провели въ Мэтчингѣ?

— Что до меня касается, то я дѣйствительно очень прїятно провела тамъ время.

— Если не ошибаюсь, вы уѣхали на другой день послѣ

этой ночной прогулки по развалинамъ? Дорого же поплатилась бѣдная лэди Гленкора за эту прогулку! Вѣдь она постѣ не на шутку занемогла, такъ что, къ великому своему прискорбю, принуждена была отказаться отъ поѣздки въ Монкшэдъ. Пренеприятная вышла исторія! Лэди Гленкора не можетъ похвастаться особенно крѣпкимъ здоровьемъ. Всѣ мы, имѣющіе счастье стоять къ ней близко, никогда бы не должны были упускать это изъ виду.

— Я что-то не замѣчала, чтобы она была слабаго здоровья.

— Не замѣчали? Охъ, только не ошибаетесь ли вы, миссъ Вавазоръ?

Алиса собиралась протестовать, но въ эту минуту въ комнату вошелъ мистеръ Паллизеръ въ сопровожденіи мистриссъ Маршамъ. Джентльмены пожали другъ другу руки и затѣмъ мистеръ Паллизеръ обратился къ Алисѣ. Съ перваго же взгляда на него Алиса поняла, что присутствіе ея не слишкомъ-то ему по душѣ; онъ едва коснулся ея руки и небрежно освѣдомился, какъ она поживаетъ; затѣмъ онъ тотчасъ же отвернулся отъ нея и заговорилъ съ мистриссъ Маршамъ. Во всемъ его обращеніи было что-то глубоко-оскорбительное для Алисы; вся кровь кинулась ей въ лицо и она отъ души пожалѣла, что не сумѣла устоять въ своемъ первоначальномъ намѣреніи избѣгать всякаго сближенія съ своими знатными родственниками. Стояла ли лэди Гленкора, чтобы изъ-за нея Алиса подвергала себя такого рода выходкамъ, которыя разомъ ставили ее въ положеніе бѣдной приживалки?—Нѣтъ, она непремѣнно объяснить Гленкорѣ, что дружественная корткость обыденныхъ отношеній—дѣло невозможное между ними.

— Являюсь съ повинной головою, заговорила лэди Гленкора, входя въ комнату. Передъ вами, Алиса, мнѣ нечего извиняться, потому что вы же меня задержали, но вотъ у мистриссъ Маршамъ я униженно прошу прощенья.

Мистриссъ Маршамъ, улыбаясь, изъявила полнѣйшее прощенье и напомнила лэди Гленкорѣ, что вѣдь она—свой человѣкъ и что съ ней церемониться нечего. Затѣмъ всѣ отправились къ столу, причемъ Алисѣ пришлось обойтись безъ кавалера. Лэди Гленкора хотѣла было уступить ей мистера Бота, но того не такъ-то легко было заставить поступиться честью вести хозяйку дома къ столу.

За столомъ Алисѣ не пришлось почти сказать ни слова

слова; мистеръ Паллизеръ былъ занятъ политическими разгово-
рами съ мистрисъ Маршамъ. А мистеръ Ботъ усердно
любезничалъ съ лэди Гленкорою, которая все же не отважи-
лась слишкомъ явно оборвать его въ присутствіи мужа.
Тщегно старалась лэди Гленкора втянуть въ разговоръ Алису.
Бываютъ минуты, когда сами боги какъ-будто налагаютъ печ-
ать молчанія на уста человѣческія, и одну-то изъ такихъ ми-
нутъ переживала наша героиня. Презрительная холодность со
стороны окружающихъ была дѣломъ несправедливымъ для Али-
сы; всюду, куда она ни появлялась, она привлекла стоять на
первомъ планѣ; но въ эту минуту непривѣтнымъ холодомъ
вѣяли на нее роскошныя стѣны дома Паллизеровъ, и она соз-
навала, что чѣмъ скорѣе она уберется изъ этого дома, тѣмъ
лучше.

Когда дамы возвратились въ гостиную, мистрисъ Маршамъ
торжествовала; она видѣла, что одержала верхъ надъ Алисой
и, какъ искусный полководецъ, рѣшилась, во что бы то ни
стало, довершить пораженіе слабѣющаго противника.

— Миссъ Вавазоръ отправится домой, конечно, пѣшкомъ?
проговорила она.

— Съ какой стати ей идти пѣшкомъ такую даль? Она по-
ѣдетъ въ нашей каретѣ.

— Или просто на просто въ кэбъ, вмѣшалась Алиса. Мнѣ
не въ первый разъ разъѣзжать по Лондону въ наемномъ экви-
пажѣ и безъ провожатаго.

— Ну, для молодой дѣвушки не совсѣмъ-то прилично разъ-
ѣзжать поздно вечеромъ въ этихъ кэбахъ, замѣтила мистрисъ
Маршамъ. Я было думала предложить миссъ Вавазоръ мою
горничную въ провожатыя; она, человѣкъ пожилой—и для нея
такая прогулка ровно ничего не значить.

— Позвольте поблагодарить васъ за Алису, отвѣчала лэди
Гленкора, но я же сказала вамъ, что ее отвезутъ въ каретѣ.

— Такъ-такъ, душа моя, это очень мило съ вашей сто-
роны, возразила мистрисъ Маршамъ, но джентльмены, какъ
вамъ извѣстно, не слишкомъ-то любятъ, чтобы на ихъ лоша-
дяхъ громили мостовую по ночамъ.

— Никто не тронетъ лошадей моего мужа, проговорила лэ-
ди Гленкора почти вѣвъ себя отъ бѣшенства. А мои лошади
на то и существуютъ, чтобы возить кого и когда мнѣ забла-
горазсудится.

Не часто вырывались у лэди Гленкору подобнаго рода намеки, показывавшіе, что она очень хорошо помнить, что громадное состояніе ея мужа въ сущности принадлежит ей; вообще, трудно было найти женщину, которая въ денежныхъ дѣлахъ отличалась бы болѣе строгою деликатностью; но послѣдняя выходка закадычной пріятельницы ея мужа вывела ее изъ обычной колеи.

— Ну да, ну да, конечно, вы совершенно правы, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Такъ-то и я думаю, продолжала лэди Гленкора. Мистеръ Полизеръ на то мнѣ и далъ лошадей, чтобы я ими распорядилась по своему усмотрѣнію. Если онъ находитъ, что я не довольно берегу ихъ, то пускай его самъ мнѣ и скажетъ, а постороннимъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Но, милая лэди Гленкора, вы не такъ меня поняли, оправдывалась мистрисъ Маршамъ; у меня и въ мысляхъ ничего подобнаго не было.

— Какъ мнѣ досадно, что изъ-за меня вышло это недоразумѣніе, проговорила Алиса. И было бы изъ-за чего! А то вѣдь я отлично бы доѣхала въ кабѣ; я къ нимъ привыкла.

— Вѣрю, что вы привыкли, перебила ее лэди Гленкора, что-жъ тутъ такого особеннаго? Я бы, кажется, въ случаѣ необходимости, поѣхала хоть въ тачкѣ. Но не въ томъ вопросъ, и мистрисъ Маршамъ отлично это понимаетъ.

— По чести, я ничего не понимаю, проговорила эта почтенная дама.

— Я понимаю одно только, проговорила лэди Гленкора, что во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ я намѣрена поступать такъ, какъ мнѣ хочется, и не нуждаюсь ни въ чьихъ указаніяхъ.—Однако, Алиса, что-жъ мы съ вами про кофе совѣмъ забыли?

IV,

ВЫБОРЫ ВЪ ЧЕЛЬСІЙСКОМЪ ОКРУГѢ.

Насталъ мартъ мѣсяцъ, а канцлеръ казначейства все еще держался на своемъ мѣстѣ. Въ первыхъ числахъ марта было дано по этому поводу нѣчто въ родѣ объясненія парламнту.

которое впрочемъ ничего никому не объяснимо. Многоумныя головы кабинета состряпали какую-то сдѣлку, которая, судя по ихъ словамъ, долженствовала развѣ малымъ чѣмъ уступать въ долговѣчности звѣздамъ небеснымъ; но внѣ кабинета всѣ въ одну голосъ говорили, что министерство близится къ своему паденію. Мистеръ Ботъ всюду объявлялъ, гдѣ ему только представлялся случай поораторствовать о политикѣ передъ болѣе или менѣе многочисленной публикой, что этотъ порядокъ вещей не можетъ долго продолжаться. По его мнѣнію, лорду Броку съ его теперешней политикой, мирволившей и нашимъ и вашимъ, далеко не уѣхать.—Если онъ дѣйствительно ищетъ опоры въ мистерѣ Паллизерѣ, то пускай его такъ прямо и выскажется, за мистеромъ Паллизеромъ дѣло не станетъ, и тогда уже ему нечего бояться никакой оппозиціи. Если же лорду Броку почему-либо заблагоразсудится обойтись безъ этой опоры, тогда онъ долженъ готовиться къ тому, что мистеръ Паллизеръ и его друзья... Мистеръ Ботъ не договаривалъ, что именно они сдѣлаютъ; но люди свѣдущіе въ подобныхъ дѣлахъ смели, что онъ грозитъ лорду Броку открытою неприязнью мистера Паллизера и его великаго сподвижника.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы и сами поймете, что долго дѣла такъ не могутъ идти, твердилъ мистеръ Ботъ въ своемъ клубѣ членовѣкамъ двумъ-тремъ изъ своихъ юныхъ друзей.

— И я такъ думаю, поддакнулъ Кальдеръ Джонсъ, членъ нижней палаты и великій специалистъ по части охоты.—Назвѣти Поля ни за что этого не потерпятъ.

— Но что же онъ можетъ сдѣлать? спросилъ другой, еще неоперившійся членъ парламента, не успѣвшій порѣшить съ самимъ собою, къ какому знамени ему примкнуть.

— Что онъ можетъ сдѣлать? величаво переспросилъ мистеръ Ботъ. А вотъ вы въ скоромъ времени увидите, что онъ можетъ сдѣлать. Если лордъ Брокъ самъ о своей пользѣ не хочетъ порады, то мистеръ Паллизеръ и помимо его найдеть дорогу въ кабинетъ.

— Ужъ не хотите ли вы сказать, что сама королева призоветъ къ себѣ Плянти Поля?

— Я просто на просто кону сказать, что королева призоветъ къ себѣ всякаго, на кого укажетъ ей палата депутатовъ, провигорнулъ мистеръ Ботъ. И какъ это, въ самомъ дѣлѣ,

никому не втолкуюшь, что королева тутъ, собственно говоря, не при чемъ.

— Ну-ну, Ботъ, ужъ вы заходите слишкомъ далеко, замѣтилъ Кальдеръ Джонсъ, върноподавническое чувство котораго было оскорблено крайнимъ маничестеріализмомъ своего полвтического союзника.

— Ничуть не бывало, отвѣчала мистеръ Ботъ. Отъ реду я не былъ охотникомъ до розовой водки, — не переначивать же мнѣ себя на старости лѣтъ. Всѣ наши политическія преступленія противъ цивилизаціи происходятъ отъ недѣльнаго страха зайти, какъ вы говорите, слишкомъ далеко. Отчего въ Англии грамотность не такъ сильно распространена, какъ въ Америкѣ? Отчего даже въ императорской Франціи выборы происходятъ на болѣе разумныхъ основаніяхъ, чѣмъ у насъ? Отчего мы влачимъ наше существованіе въ болѣе тяжкомъ рабствѣ, чѣмъ даже тѣ крѣпостные, цѣни которыхъ недавно разбиты въ Россіи? Отчего даже испанцамъ и итальянцамъ лучше насъ живется на свѣтѣ? Все оттого, что люди, въ рукахъ которыхъ находились бразды правленія, боялись зайти слишкомъ далеко.

Ну, однако, не можете же вы совсѣмъ отстранить королеву отъ участія въ дѣлахъ правленія, проговорилъ юный членъ парламента, который удостоился чести быть представленнымъ ко двору и не успѣлъ еще окончательно отрѣшиться отъ старосвѣтскихъ воззрѣній, привитыхъ къ нему его маменькой.

— Я вовсе и не желаю того, отвѣчала мистеръ Ботъ; я не республиканецъ. — При всѣхъ своихъ конституціонныхъ стремленіяхъ, мистеръ Ботъ имѣлъ весьма неясное понятіе о значеніи послѣднего слова. — Я воздаю должную дань уваженія престолу; но я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что вѣждительная сила, управляющая судьбами нашего великаго народа, заключается цѣликомъ и безраздѣльно въ четырехъ стѣнахъ палаты депутатовъ.

— Такъ вы думаете, что Плэнти-Поль будетъ первымъ министромъ? спросилъ Кальдеръ Джонсъ.

— Этого я такъ утвердительно не говорилъ; но не вижу въ этомъ ничего невѣроятнаго. По крайней мѣрѣ, изъ молодыхъ я не знаю ни одного болѣе способнаго занять этотъ постъ.

Знаю одно только, что если лордъ Брокъ не призоветъ его въ кабинетъ, то самому лорду Брокъ не долго продержаться.

Между тѣмъ, въ чельсійскомъ округѣ начинались выборы, и вся юго-западная часть столицы была запружена печатными объявленіями, разглашавшими имя Джоржа Вавазора. «Поддавайте голосъ за Вавазора и за плотину на Темзѣ!»—таковъ былъ бранный крикъ, съ которымъ онъ явился передъ своихъ избирателей. Должно полагать, что сокровенный смыслъ этого крика былъ вполнѣ ясенъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ чельсійскихъ избирателей, за то большинство публики, читавшей объявленія, ровно ничего въ немъ не понимало и глумленьямъ не было конца, какъ со стороны друзей, такъ и со стороны враговъ нашего героя. Честь изобрѣтенія этого девиза принадлежала мистеру Скреби. Въ тѣ дни поговаривали какъ-то о томъ, чтобы устроить на Темзѣ плотину, которую предполагалось провести отъ зданія парламента и вплоть до пустырей дальняго Пимлика. Мистеръ Скреби присовѣтовалъ своему кліенту объявить, что онъ будетъ хлопотать о приведеніи въ исполненіе этой мѣры, и даже потребуетъ, чтобы плотину довели до Баттерсѣйсаго моста.

— Нужно же вамъ отрекомендовать себя спеціальнымъ лоборникомъ какаго нибудь вопроса, сказалъ ему мистеръ Скреби; безъ этого ни одному новичку въ парламентѣ шагъ ступить нельзя. А вопросъ непременно долженъ представлять мѣстный интересъ; такой вопросъ, если только умѣючи за него взятыся, сбережетъ вамъ тысячи фунтовъ при слѣдующихъ выборахъ.

— Да при настоящихъ-то онъ мнѣ ничего не сбережетъ.

— За то, мистеръ Вавазоръ, опъ обезпечить за вами представительство и доставить вамъ впослѣдствіи популярность между вашими избирателями,—само собою разумѣется, если вы сами не ударите лицомъ въ грязь. Подумайте, какія громадныя суммы денегъ разойдутся среди прибрежнаго населенія, если только этотъ проэктъ состоится; вѣдь дѣло пахнетъ милліонами, сэръ!

— Но въ томъ-то и бѣда, что проэктъ этотъ никогда не состоится.

— Чго за бѣда! Ваше дѣло тщательно изучить этотъ вопросъ, чтобы имѣть возможность обсуждать его со всѣхъ сто-

ронъ. Выучите всё цифры наизусть, а такъ какъ, конечно, не найдется другого такого чудака, который одолѣлъ бы эту задачу, то возражать вамъ никто не станетъ. Проектъ, само собою разумѣется, всёки вѣчные такъ и останется проектомъ, но это-то вамъ я на руку: если бы онъ не осуществился, то о немъ не могло бы быть болѣе и рѣчи. Тогда какъ теперь, во время каждой избирательной сумятицы, вы можете выступать его поборникомъ и постоянно можете требовать его осуществленія въ парламентѣ. Я знавалъ людей, которые и съ худшимъ девизомъ умѣли доработаться до хорошаго мѣста, приносящаго тысячъ этакъ до двухъ постоянного дохода.

Джоржъ предоставилъ мистеру Скребби вести, какъ онъ зналъ, это дѣло и выступилъ поборникомъ плотины на Темзѣ. Объявленія объ этомъ, напечатанныя на огромныхъ картинныхъ вывѣскахъ, поддерживаемыхъ желѣзными подпорками, разносились цѣлою арміею посыльщиковъ. Процессія этихъ посыльщиковъ, человекъ въ двадцать четыре и болѣе, расхаживали по улицамъ. — Мнѣ кажется, что если бы носить объявленія по одиночкѣ, то они болѣе кидались бы въ глаза, замѣтилъ Вавазоръ, высчитывая про себя, во сколько ему обойдутся эти процессіи. — Такъ-то, такъ, отвѣчалъ мистеръ Скребби, но двадцать четыре объявленія заразъ сильнѣе поражаютъ воображеніе. — Стѣны домовъ были сверху до низу покрыты афишами подобнаго же содержанія. Вавазоръ признавался, что ему совѣстно глаза показать между своими будущими довѣрителями, до того пресловуто стало его имя въ этой части города. Гримсъ все это видѣлъ и начиналъ не на шутку робѣть. Сначала онъ было пустилъ въ нихъ все свое кабацкое остроуміе, чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ избранный Вавазоромъ девизъ. — И что онъ хочетъ сказать этой чепухой? говорилъ онъ. Утопиться онъ, что ли, задумалъ въ Темзѣ? — Но вскорѣ Гримсъ былъ вынужденъ сознаться, что мистеръ Скребби мастерски ведетъ свое дѣло, и готовъ былъ раскаться въ своей измѣнѣ.

Джоржу Вавазору между тѣмъ послѣ долгихъ хлопотъ удалось поднять вопросъ о плотинѣ. Онъ познакомился съ людьми, засѣдавшими въ городскомъ совѣтѣ (Metropolitan Board) и мужественно одолѣлъ цѣлыя столбцы, фунтовъ шиллинговъ и пенсовъ. Онъ даже изловчился приходить въ кажущійся азартъ

каждый разъ, какъ ему возражали, что проэктъ этотъ неосуществимъ, и вскорѣ нашель учениковъ, чистосердечно увѣровавшихъ въ его пропаганду. Такъ продолжалъ онъ работать въ потѣ лица; рѣчи, одна другой пламеннѣе, исходивъ изъ устъ его; онъ судить бѣднякамъ, заселявшимъ Чельси, Пимликъ и Брамptonъ, что кварталъ ихъ въ скоромъ времени преобразится въ новѣйшій Чипсайдъ и затмитъ Бельгровію своимъ великолѣпіемъ. Всюду возникнутъ сѣверы, построятся дворцы для богачей, потому что вѣдь богачи хорошіе потребители и плательщики; но дворецъ богача не помѣшаетъ бѣдняку оставаться полнымъ хозяиномъ платины. На отстройку предполагавшейся улицы, долженствовавшей сдѣлаться восьмымъ чудомъ свѣта, будетъ потрачено не менѣе трехъ съ половиною милліоновъ; но милліоны эти ни подъ какимъ видомъ не должны быть взимаемы съ чельсійскаго населенія; найдутся для нихъ другіе источники, хоть бы та же корпорация Сити, сундуки которой трещать отъ залежавшихся денегъ. — Мистеръ Скребби долженъ былъ сознаться, что ученикъ его выказываетъ необыкновенное умѣнье пользоваться средствами, находящимися у него подъ руками.

Но цѣлыя подчища людей, разносящихъ громады вывѣски, угощеніе по кабакамъ, на углу каждой улицы афиши съ буквами въ три фута величиной, — все это стоитъ денегъ. Тѣ немногія сотни, которыя Джоржъ вручилъ мистеру Скребби въ самомъ началѣ предпріятія, были израсходованы еще въ томъ предположеніи, что выборы состоятся не ранѣе сентября; не успѣлъ Джоржъ оглянуться, какъ мистеръ Скребби снова потребовалъ отъ него тысячу пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, и потребовалъ въ такомъ тонѣ, который ясно говорилъ, что, пока эта сумма не будетъ выплачена, не появится ни одной афиши на стѣнахъ и ни одного носильщика съ объявленіемъ на улицахъ.

Требованіе это застѣгло Вавазора такъ неожиданно, что ему не оставалось даже времени спестись съ сестрою Кэтъ, которая на новую просьбу его о посредничествѣ непременно отвѣтила бы сначала отказомъ и затянула бы переговоры въ долгій лщикъ. И такъ, онъ рѣшился прямо обратиться къ Алсѣ и написалъ ей по этому поводу письмо. Онъ излагалъ ей обстоятельства дѣла, упоминалъ о томъ, что настоящіе выборы

застали его врасплохъ и что ему до зарѣзу нужны двѣ тысячи фунтовъ. Онъ добавлялъ, что не стѣняется обратиться за этой суммой къ кузинѣ, такъ какъ ему извѣстно, что старый сквайръ будетъ радъ-радошенекъ укрѣпить все имѣние за Алисой въ уплату этого долга. Затѣмъ Джоржъ упомянулъ о своемъ долгомъ отсутствіи изъ дома кузины и объяснялъ его тѣмъ, что въ послѣднее свое свиданье съ нею онъ имѣлъ случай убѣдиться, что сама она желаетъ нѣкоторое время отдохнуть въ одиночествѣ. Но, продолжалъ онъ, если счастье мнѣ улыбнется въ настоящемъ моемъ предпріятіи, то я тотчасъ же поспѣшу къ вамъ подѣлиться моею радостью; въ случаѣ же неудачи, я буду искать у васъ утѣшенія.

Черезъ три дня пришелъ отъ нея отвѣтъ: она писала, что деньги будутъ немедленно доставлены въ его распоряженіе; желала ему успѣха въ его предпріятіи,—и только: въ письмѣ не говорилось ни слова о любви, не выражалось ни малѣйшаго желанія его видѣть.

Мистеръ Томбъ поспѣшилъ сообщить Джоу Грею о поступившемъ къ нему запросѣ на новую сумму денегъ (мистеръ Томбъ находилъ, что для любовной шацни дѣло заходить слишкомъ далеко); но Грей телеграфировалъ ему, что уполномочиваетъ его израсходовать на Джоржа Вавазора,—если того потребуетъ мистеръ Джоржъ Вавазоръ,—до пяти тысячъ фунтовъ. Мистеръ Томбъ приподнял брови и подумалъ, какихъ-какихъ чудаконъ не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ; но денежные обстоятельства Джона Грея были таковы, что у мистера Томба не могло оставаться и тѣмъ сомнѣніямъ относительно того, поступать ли ему такъ, какъ ему велятъ. — И такъ, требуемая сумма была выплачена Джоржу сплва.

Объ этомъ новомъ займѣ Джоржъ не заикнулся сестрѣ ни полсловомъ, не видя никакой надобности распространяться передъ нею о подобныхъ вещахъ. Да и вообще, около этого времени, онъ совсѣмъ пересталъ писать къ ней, хотя она слала ему письмо за письмомъ, настаивая на томъ, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, занялъ денегъ у нея; на это письмо Джоржу было не совсѣмъ ловко отвѣчать, не упоминая о томъ, что онъ уже раздобылся деньгами изъ другого источника; а потому онъ предпочиталъ отмалчиваться.

Между тѣмъ избирательная борьба шла съ ожесточеньемъ.

Мистеръ Гримсъ усердствовалъ, не щадя живота, враждебному кандидату. Про Вавазора онъ распускалъ самыя неблагопріятныя слухи; разъ даже вся армія вавазоровскихъ разнощиковъ объявленій была постыдно загнана въ рѣчную тину, подъ предводительствомъ мистера Гримса. Все это раздражало Вавазора, который не умѣлъ сносить нападокъ, направленныхъ противъ его личности, и самое имя, *Рѣчной плотины* стало ему ненавистно. — И, полноте, мистеръ Вавазоръ, утѣшалъ его мистеръ Скреби, то ли еще бываетъ! Былъ у меня одинъ кандидатъ, въ гамлетскомъ округѣ, если не ошибаюсь, такъ того всего забидали тухлыми яйцами, такъ что мѣста на немъ живого не осталось. И что же? Вѣдь отстоялъ же я его.

И Джоржа Вавазора мистеръ Скреби отстоялъ такъ же, какъ и гамлетскаго героя. Подъ конецъ выборовъ имя Вавазора стало во главѣ значительнаго большинства.

— Дешово же вы отдѣлались, мистеръ Вавазоръ, сказалъ ему мистеръ Скреби; вы то не забывайте, что округъ-то столичный. Теперь намъ всего на всего понадобится еще валякъ нибудь тысяча, тысяча сто—много-много тысяча триста фунтовъ для покрытія всѣхъ издержекъ. Еще одна такая удача, и послѣдующіе выборы вамъ уже ровно ничего не будутъ стоить.

И такъ, нужна была немедленно новая сумма въ тысячу триста фунтовъ! А тамъ, мѣсяцевъ черезъ шесть, Джоржу предстояло снова подвергнуться той же процедурѣ. Во всемъ этомъ мало было утѣшительнаго. Но, какъ бы то ни было, не шутка попасть представителемъ въ палату депутатовъ, хотя бы то было всего на вакихъ нибудь шесть мѣсяцевъ, и Джоржъ Вавазоръ, болѣе чѣмъ кто либо, былъ способенъ упиться торжествомъ подобной побѣды.

(Продолженіе будетъ.)

ЧУЖИЕ МЕЖЪ СВОИМИ.

ХІ.

Недѣли за три предъ рождествомъ, Братановъ уѣхалъ по дѣламъ компаніи въ Нижній.

Въ одно изъ своихъ послѣднихъ предъ отъѣздомъ свиданій съ Александрой Борисовной, Братановъ, конечно безъ всякихъ заднихъ мыслей, а просто потому, что разговоръ коснулся этого предмета, — выяснилъ ей свой взглядъ на любовь вообще. Этотъ разговоръ далъ право Александрѣ Борисовнѣ не отчаиваться въ томъ, что Братановъ любитъ ее, и произвелъ въ ней упорную борьбу, вызвавъ горькія сомнѣнія въ разумности совершающейся кругомъ ея жизни.

Какъ ни тяжела была для Александры Борисовны эта борьба, но все-таки она не превышала ея силъ, потому что, какъ бы ни спутали, ни обезсилили люди дѣятельность ея мысли, какъ бы ни были ничтожны ея средства не только для борьбы съ жизнью, но даже и для вѣрнаго пониманія ея, — однакожъ организмъ Александры Борисовны все-таки былъ молодъ и здоровъ.

Я сказалъ, что люди обезсилили дѣятельность мысли Александры Борисовны, а теперь говорю, что организмъ ея былъ здоровъ, и, по моему мнѣнію, здѣсь нѣтъ противорѣчія, потому что поставить организмъ въ бездѣйствіе, значитъ, — лишить его *на время* возможности развитія и остановить его на той ступени, на которой онъ стоялъ въ дѣтствѣ. Громадное большинство нашихъ женщинъ на этой ступени и стоитъ до сихъ поръ, и походитъ на рапо развившихся дѣтей; но если возможно развитіе для ребенка, то оно возможно и для этихъ великовозрастныхъ дѣтей, потому что для совершеннаго пресѣченія

возможности дальнѣйшаго развитія необходимо нужно завязать этимъ дѣтямъ глаза и уши, остановить всѣ впечатлѣнія. Къ величайшему несчастью большинства отцовъ и воспитателей, — всякое отправление организма тѣсно связано со всѣми остальными отправлениями; поэтому отцамъ и воспитателямъ ежеминутно предстоитъ опасность, что какое нибудь, повидимому, невинное впечатлѣние сильно подѣйствуетъ на какую нибудь часть организма ихъ дѣтей и, въ силу помянутой связи, разбудитъ и призоветъ къ дѣятельности всѣ палочки средства молодого организма.

Хорошо, друзья мои, отцы и воспитатели, если во время этого пробужденія молодого, воспитываемаго вами существа — когда оно зорко смотритъ вокругъ, чутко прислушивается ко всему и дѣятельно пересушиваетъ видѣнное, слышанное и прожитое имъ, — хорошо, говорю, если вокругъ него и въ прожитой имъ жизни не найдется ни одного факта, противорѣчащаго проповѣдуемому вами мыслямъ. Въ этомъ случаѣ бѣдный ребенокъ опять будетъ вѣрять вамъ и опять впадетъ въ прежнюю спячку.

Къ моей радости и къ вашему унынію, теперь уже немного осталось такихъ унылыхъ подпольевъ, куда не пробралась бы, если не новая жизнь, то хоть слухи о ней, хоть слухи о новыхъ мысляхъ и новыхъ людяхъ. Значитъ, имѣемъ мы съ вами, отцы и воспитатели, основаніе предполагать, что пробудившееся существо всегда найдетъ факты и мысли, которые можно будетъ сравнить съ вашими мыслями и фактами вашей жизни; а изъ этого сравненія, по моему убѣжденію, необходимо выйдетъ развитіе, т. е. ребенокъ разовьется въ самостоятельнаго человѣка.

Это положеніе общее. Прослѣдимъ теперь его въ частномъ проявленіи — въ жизни Александры Борисовны.

Дѣятельность ея мозга сдѣлали остановить на ребяческой ступени. Ростъ организма продолжался; съ ростомъ пришла потребность любви, — и Александра Борисовна полюбила Братапова. Если хочетъ читатель знать, что такое «пора любви», то пусть онъ не обращается къ романистамъ и повѣствователямъ сентиментальной школы, хотя бы даже славящимся описаніями любви и любовныхъ сценъ, — не найдетъ

читатель въ ихъ книгахъ ничего, кромѣ безсвязныхъ члепозвучныхъ звуковъ и туманныхъ образовъ.

Очень похорошѣла въ это время Александра Борисовна: движенія ея сдѣлались тверже и красивѣе, на щекахъ заиграли румянецъ, глаза заблестѣли ярче, сны, вслѣдствіе чуткости нервовъ и усиленной дѣятельности ума,—стали разнообразны и тревожны.

Сказу въ немногихъ словахъ, что—хорошо было это пробужденіе молодого организма, что не утомляла Сашу работа, что легко было ей читать хоть до поздней ночи, что при чтеніи у ней не пропадала незамѣтною ни одна новая мысль, что свѣжія и здоровыя впечатлѣнія природы воспринимались въ высшей степени легко. За этимъ перехожу къ тому неизбѣжному выводу, что, при такой силѣ и чуткости организма, ей хотѣлось жить цѣльною жизнью.

Хотѣлось Александрѣ Борисовнѣ, чтобы и у Братанова, какъ и у ней, хоть разъ задрожала рука, когда ихъ руки касались одна другой; чтобы онъ хоть разъ взглянулъ на нее, какъ она засматривалась на него. «Скажи ему и люби», слышались Александрѣ Борисовнѣ рѣзкія слова сестры, и вспоминался любящей дѣвушкѣ тотъ спокойный и твердый взглядъ, которымъ сопровождались эти слова.

Прежде, въ дѣтствѣ, когда ей хотѣлось бродить по лѣсу, играть на берегу рѣки, большіе люди смущали ея стремленія разсказами о лѣшихъ, водныхъ и русалкахъ, примѣшивали къ ея впечатлѣніямъ отъ тишины и прохлады лѣса, блеска и красоты рѣки—уродливые и пугающіе образы. Но если бы тогда нашелся человѣкъ, который сказалъ бы ей: «иди, куда тебѣ хочется идти: — нѣтъ тамъ ни лѣшихъ, ни водяныхъ, ни русалокъ», то она и пошла бы туда, куда ей хотѣлось идти, стала бы жить такъ, какъ организмъ ея требовалъ.

Теперь-то оказалось, что не безслѣдно пропала самостоятельная работа ея мысли въ раннемъ дѣтствѣ. На сколько возможно было, порѣшила она съ этимъ представившимся вопросомъ, и быстро, съ логическою свѣтлостью перешла она къ его продолженію — къ другимъ жизненнымъ вопросамъ.

— Я хочу жить такъ, какъ правится мнѣ, думала она; жить для себя, а не для другихъ. Поэтому, если я не хочу, чтобы другіе требовали отъ меня чего нибудь, то и я отъ нихъ

не должна ничего требовать. Я должна сама зарабатывать себѣ хлѣбъ и все, что мнѣ нужно....

— Что я могу сдѣлать? Что я знаю? Какъ я стану устроить свою жизнь? мелькнули у ней вопросы, бывшіе логическимъ продолженіемъ предшествовавшей мысли.

— Братановъ покажетъ дорогу, отвѣтила она и замечталась объ его дѣятельности.

Жаль, что не пошла она дальше въ своей мысленной работѣ. Можетъ быть, раньше поняла бы она, что такое жизнь и отчего плохо живется. — Повдню разрѣшила она эти вопросы.

XII.

Рѣшимость Александры Борисовны еще болѣе ускорила исповѣдь сестры ея, исповѣдь, вызванной участіемъ любимаго Варварой Борисовной—Черноперова. Исповѣдь эта, т. е., говоря проще, рассказъ Варвары Борисовны о своей жизни, выяснилъ взглядъ сестры ея на свое положеніе, потому что былъ новымъ фактомъ или, лучше, рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни,—а Александрѣ Борисовнѣ фактовъ именно и недоставало для того, чтобы рѣшиться окончательно—принять или отвергнуть то или другое понятіе о своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ ея людямъ и прочему міру.

Но прежде я расскажу судьбу Черноперова. Болѣзнь его выходила изъ того же порядка, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ моей повѣсти, т. е. изъ начинающагося отъ самаго дѣтства скриванія и прикрашиванія жизни, которое приводитъ къ тому, что люди или остаются на вѣки-вѣчные слѣпыми ребятами, немогущими безъ руководства ступить шагу, или же, подчиняясь требованьямъ молодого, здороваго организма, сдѣлаются жить болѣе сообразно съ этими требованьями.

Это хорошее стремленіе необходимо уничтожается вѣчнымъ скриваніемъ жизни, потому что обдумывается большею частью по теоріямъ, а не на основаніи совершающейся кругомъ жизни. Для излеченія больного организма, недостаточно знать жизнь человѣка вообще, общую физиологію и даже общую патологію, но необходимо еще знать всѣ личныя ненормальныя уклоненія и всѣ уцѣлѣвшія силы организма, за излеченіе котораго бе-

ремся, и кромѣ того, всѣ особенности условій, которыми окруженъ этотъ организмъ. А между тѣмъ, и человѣка, и окружающую его жизнь представляли намъ съ самаго дѣтства въ ложномъ свѣтѣ.

Не смотря на это, хорошее стремленіе, о которомъ я говорилъ, существуетъ и обдумывается на основаніи глубокаго самосознанія и данныхъ науки. Для достиженія хорошихъ цѣлей, вызванныхъ этимъ стремленіемъ, тратится не мало времени. Въ это немалое время горячихъ исканій дѣйствительная жизнь необходимо должна открыться во всей своей неприкосновенной наготѣ, и тогда оказывается, большею частью, что мы напрасно шли столько лѣтъ по своему избранному пути, потому что по этому пути нельзя придти къ желаемому результату. Разсуждая резонно, слѣдовало бы поворачивать оглобли и выѣзжать на другую дорогу; а на дѣлѣ выходитъ облкновенно апатія, *опущеніе рукъ*, — какъ выражается Братановъ. Этотъ фактъ я понимаю слѣдующимъ образомъ. Пройдетъ не мало времени, пока узнаются «печали и болѣзни», а также и силы, заключающіяся въ современномъ обществѣ, а въ это немалое время стремленіе, непокидающее мысль человѣка во время исканій и попытокъ, крѣпнеть съ каждымъ мѣсяцемъ, а затѣмъ нерѣдко превращается въ мономанію. Свойства мономаніи я слегка очертилъ въ «Степанѣ Рулевѣ», въ лицѣ механика-самоучки Скрыпникова.

При вступленіи на другую дорогу приходится надолго отложить осуществленіе своего стремленія, а иногда даже и убѣдиться, что собственно мнѣ-то и не дожить до его осуществленія. Значить, мономанію нужно отбросить, — а какъ ее бросить?

Правда, Скрыпниковъ радостно вышелъ на другую дорогу, потому что нашелъ средства для осуществленія своей мономаніи, — но есть люди, для которыхъ переходъ на другую дорогу связанъ съ горькимъ разочарованіемъ не только въ окружающихъ людяхъ, но и во всей прожитой жизни.

Такимъ образомъ, мономанія, въ силу своего долготія, обращается въ привычку, да еще присоединяется къ ней разочарованіе въ людяхъ и своихъ собственныхъ силахъ. — Въ этомъ-то положеніи находился Черноперовъ и, понятно, искалъ средства хоть на время забыться отъ своей болѣзни.

Прибавлю, кстати, что людей, одержимых мономаніей различнаго рода, т. е. страдающихъ одностороннимъ развитіемъ ума,—невыноσιμο-много. Въ обществѣ эта ненормальность извѣстна подъ именемъ призванія. На первый взглядъ, разведеніе людей съ призваніемъ кажется полезнымъ въ обиходной жизни такъ же, какъ полезно разведеніе гусей съ громадной печенью, и свиней, состоящихъ почти изъ одного жира; но я полагаю, что, чѣмъ больше въ обществѣ людей здоровыхъ и способныхъ къ всестороннему развитію, тѣмъ лучше, потому что здоровый организмъ потребуеть и жизни здоровой во всѣхъ отношеніяхъ; а люди съ призваніемъ,—какъ мы знаемъ и по опыту, и по сказаніямъ исторіи,—могли уцѣлеть во всякой обстановкѣ, лишь бы не мѣшали имъ слѣдовать своему призванію.

И такъ, Черноперовъ искалъ средства хоть на время забыться отъ своей болѣзни. Мы видѣли уже его пьянымъ и спящимъ въ своей одинокой квартирѣ; теперь остается еще прибавить, что его одинокое пьянство въ запертой комнатѣ въ послѣднее время случалось съ нимъ очень часто. Наконецъ Черноперову надоѣло пить одному.

Въ недѣлю предъ рождествомъ, вечеромъ, часовъ въ восемь, онъ проснулся послѣ похмѣлья, походилъ по комнатѣ, потомъ повязался шарфомъ, надѣлъ полушубокъ, старый картузъ, взялъ палку и вышелъ на улицу. Было вѣтренно, но вѣтеръ дулъ теплый и паломиналъ о веснѣ, когда только-что скодить снѣгъ и обнажаетъ прошлогоднюю траву, гдѣсь и груды почернѣвшихъ подъ снѣгомъ листьевъ. Такой вѣтеръ былъ особенно хорошъ Черноперову послѣ его душнаго жилья, наполненнаго спиртнымъ ароматомъ. Вспомнилъ было Черноперовъ о веснѣ, но и самъ же осмѣялъ это воспоминаніе.

— Весна-то? спросилъ онъ вслухъ саркастически и затѣмъ молодецки свистнулъ.

— Все одно, что весна, что осень, — подумалъ онъ: — цѣлточковъ врать не приходится на старости лѣтъ.

Такъ смело онъ по улицѣ, поступивая своей дубиной и поглядывая въ окна. А въ окнахъ видѣлъ онъ сапожниковъ и портнихъ, сидѣвшихъ, скрестивъ ноги на своихъ столахъ, и распивавшихъ ибсны; видѣлъ старухъ; повелѣвшихъ лицами при свѣтѣ салныхъ свѣчъ и лампадокъ; шнуртъ съ работающими

старухами, неизбежно видѣлъ онъ спящихъ кошекъ и собакъ,— а иногда и спящихъ въ креслахъ или на диванахъ дѣтей.

— Мирное и безмолвное житье, благодать божья, подумалъ Черноперовъ и искренно зѣвнулъ.

Увидѣлъ онъ потомъ стоявшаго передъ окномъ гимназиста, посѣщавшаго его библиотечку, а въ окнѣ увидѣлъ покойника, лежащаго на столѣ.

— Кто такой? спросилъ Черноперовъ.

— Чиновникъ, отвѣчалъ гимназистъ.

Черноперовъ облокотился на подоконникъ и долго смотрѣлъ на мертваго человѣка, лежащаго съ сложенными на груди руками; слушалъ, какъ, точно шумъ ключа, быстро стекавшаго въ рѣку, раздавалось въ комнатѣ чтеніе.

— Какое впечатлѣніе дѣлаетъ на васъ эта сцена? тихо спросилъ Черноперовъ, повертываясь къ гимназисту.

— Странно какъ-то, отвѣчалъ юноша.

— Что же странно?

— Вчера еще онъ говорилъ, ѣлъ, мечталъ конечно, а сегодня ужъ и не дышетъ.

— По моему мнѣнію, на человѣка не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ идеально. Возьмите для примѣра болѣе грубый предметъ, хоть бы бочку съ водой. Если мы сегодня видѣли, что бочка эта треснула и вода понемногу вытекаетъ, то мы нисколько не удивимся, найдя на другой день эту бочку совершенно пустою. Будетъ странно это въ такомъ только случаѣ, если мы не замѣчали ни трещины, ни постепеннаго уменьшенія воды. Человѣкъ—такая же бочка съ водой; только если эта бочка треснетъ, то мы обыкновенно не замѣчаемъ, не знаемъ этихъ трещинъ и потому удивляемся, когда въ ней вдругъ не оказывается воды.

— Я понимаю это, тихо сказалъ молодой человѣкъ. Мы понемногу изучаемъ человѣка, но все-таки даже и тогда, когда узнаемъ всѣ его свойства, — онъ будетъ умирать.

— Будетъ умирать, только не неожиданно. Та же бочка... Вода будетъ испаряться, дерево гнить съ каждымъ днемъ и на нашихъ глазахъ... Тогда можно будетъ предсказывать, скоро ли нашей бочки не будетъ...

— Одно меня смущаетъ... съ искреннимъ чувствомъ заго-

ворилъ молодой человѣкъ и остановился, какъ-будто еще разъ сопоставляя и свѣряя свои мысли.

— Что такое? спросилъ Черноперовъ, внимательно смотря на его молодое, умное лицо.

— Дерево разрушается, желѣзо тоже разрушается, камень тоже, но вѣдь говоритъ же физиологія о человѣкѣ и животныхъ, что въ живыхъ существахъ происходитъ вѣчное движеніе, вѣчная замѣна отжившихъ частей—новыми... Живущему организму нѣтъ, слѣдовательно, причины идти въ сравненіи съ неорганическими веществами.

— Не знаю, прямо отвѣтилъ Черноперовъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на умершаго, подумалъ немного и пошелъ прочь. Молодой человѣкъ пошелъ за нимъ. Нѣсколько времени они оба молчали.

— Да, заговорилъ опять Черноперовъ, угрюмо смотря въ землю. Вообще на человѣка не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ высоко, а на субъектовъ, подобныхъ покойному,—и того меньше. Смотрите на него просто, какъ на матеріаль, который, при случаѣ, можно съѣсть, по нуждѣ—можно употребить вмѣсто подставки или употребить вмѣсто мостика. Гибкій и удобо-обработываемый матеріаль... Впрочемъ, главное употребленіе этого матеріала все-таки на ѣду. Всю свою жизнь онъ трудится, какъ машина, худѣетъ, сохнетъ, горбится, уродуется и во всю жизнь свою не удовлетворитъ вполнѣ ни одной изъ своихъ потребностей, потому что все, что онъ ни сработаетъ, т. е. вымѣняетъ на свою плоть, кровь и потъ,—все это другими потребляется... Былъ покойникъ замѣчательнъ чѣмънибудь?

— Писецъ былъ удивительный.

— Каллиграфомъ, значить, былъ великимъ. Ну вотъ, даже и замѣчательность наши... Гадко... То гадко, по моему, что и талантъ-то у него былъ такого рода, что хорошо устроенная машина или остроумный приборъ можетъ совершенно затмить замѣчательность этого человѣка. Имѣлъ онъ такое богатое, тонкое устройство, какого не имѣетъ ни одна машина, а между тѣмъ машина легко можетъ замѣнить его.—Фу! обидно.

— Дѣйствительно, замѣчательность плохая для человѣка... Только, по моему мнѣнію, это не унижаетъ человѣка вообще

я его способности... Что дѣлать, если его поставили въ такое положеніе!..

— Справедливо, сказалъ Черноперовъ. Давайте о человѣчествѣ, пожалуй, говорить.. Я знаю, что само изъ себя ничего не сдѣлается, что если даже растеніе вырыть съ корнями изъ земли и положить его въ банку, наполненную, вмѣсто воды или земли, битымъ стекломъ, такъ вся способность растенія къ жизни пропадетъ... Давайте о человѣчествѣ говорить. Что оно—глупо, слѣпо или до безтолковости зло?.. Человѣчество кормитъ курицу отборнымъ зерномъ, доставляетъ ей удобное жилие, заботится о ея потребностяхъ изъ за того только, что курица ему яйца доставляетъ. Человѣчество во время зimy обвертываетъ соломой свои яблони, лѣтомъ очищаетъ ихъ отъ гусеницъ, освобождаетъ отъ иссохшихъ вѣтвей, отнимающихъ у здоровыхъ свѣтъ; а человѣка человѣчество въ грязь топчетъ. Неужели человѣкъ, съ своей дивной организаціей, не можетъ произвести ничего лучше куриного яйца или яблока? Что, —человѣчество слѣпо или глупо?— По моему, продолжалъ Черноперовъ, чѣмъ больше рукъ работаетъ, тѣмъ лучше; чѣмъ больше употребляется силъ на основаніе счастья человѣческаго, тѣмъ скорѣе оно устроится.. Не вѣрьте мнѣ на слово, а обсудите дѣло... Напримѣръ, наука, знаніе человѣка и природы намъ необходимо нужно?

— Необходимо.

— А много ли у насъ работниковъ по части естествознанія? Да и откуда имъ взяться, когда большинство нашего образованнаго общества занято переживаньемъ римской и греческой философіи и другими отвлеченностями, которыя только тормозятъ дѣло нашего развитія.—Глупо оно, или что такое?

— Слѣпо, тихо сказалъ молодой человѣкъ.

Черноперовъ ничего не сказалъ, и они нѣсколько времени шли по улицѣ молча.

— Что сей сонъ значить? спросилъ Черноперовъ, остановившись передъ освѣщенными окнами собранія.

Въ залѣ смирно сидѣло человѣкъ сорокъ мужчинъ и женщинъ, а передъ ними за столикомъ сидѣлъ господинъ съ книгой и, по видимому, читалъ вслухъ, потому что моталъ головой, жестикулировалъ и широко раздвѣвалъ ротъ.

— Литературный вечеръ, —объяснилъ молодой человѣкъ.

— А! нетерпѣливо сказалъ Черноперовъ и пошелъ дальше. Знаю я эти штуки. Моду столичную подражаютъ, кожей играютъ, говорить отъ быстро. До того эти господа изувѣчены, что мозгъ у нихъ только двумя-тремя частями двигается, а остальное спитъ себѣ сномъ невинности. Благодать!.. Прочитай имъ смѣлый, сильный и живой воаресь, отъ котораго, кажется, духъ захватываетъ — ничего, ушами не трахнуть... А прочитай имъ сцену любовную, произнеси выразительно, «что барыня ножку подняла», такъ всякая жилка затрепетаетъ, ротъ раскроется и глаза загорятся... Потѣха!..

Ни гимназистъ, ни Черноперовъ однако не засмѣялись.

— Прощайте однако, сказалъ, помолчавъ немного, Черноперовъ. Намъ не по дорогѣ.

Дѣйствительно было не подорогѣ, потому что Черноперовъ пошелъ въ узкій, грязный и вонючій переулокъ, гдѣ были только кабацъ и прочая жизненная сладость нашего люда.

Безпощадно и злобно ругая про себя чуть не весь человѣческій міръ, Черноперовъ вошелъ или, лучше, вѣлъ въ самый гадкій кабацъ.

Въ кабацѣ былъ знакомый уже намъ сапожникъ, Григорьевъ, и другой, подмастерье, принявшій при крещеніи, для различія отъ прочихъ сапожниковъ, — имя Никиты, но на дѣлѣ ничѣмъ почти неразвившійся отъ своихъ отупѣвшихъ, забытыхъ, грязныхъ и пьянствующихъ собратовъ по ремеслу.

У Черноперова руки вздрагивали и глаза поблескивали нехорошо, когда онъ сѣлъ къ столу. Очень вѣжливо спросилъ онъ водки, а также закуски, и открыто, и ласково посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Очень бы мнѣ желательно было познакомиться съ вами, государи мои, — сказалъ онъ имъ вѣжливо и весело, а болѣзненная судорога такъ и силилась скривить и свести его тонкія губы.

Григорьевъ былъ уже сильно пьянъ, а у Никиты явилось непреодолимое желаніе выпить на счетъ Черноперова; но вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ, въ его неглупой отъ природы головѣ почувствовалось, что съ какою же стати онъ станетъ пить на чужой счетъ, когда не сдѣлалъ этому чужому человѣку ничего хорошаго?

— Благодаримъ поворно, сказалъ онъ, свертывая себѣ сп-

гарду. Можетъ быть, и мы вамъ удовольствіе доставимъ, и вы намъ... Можетъ быть, и напередъ будетъ знакомы. Знакомить-ся вѣдь—не дѣтей родить... Вчера не были знакомы, завтра, можетъ, опять больше не увидимся, а сегодня поговорить можно... Отчего не говорить?..

— А ты кто такой? спросилъ Григорьевъ Черноперова.

— Прикащикъ. А вы кто такіе?

— Мы сапожники.—Чей прикащикъ?

— Черноперова.

— Правду говорятъ, что онъ нехристь? спросилъ Никита.

— Черноперовъ-то? спросилъ Черноперовъ и усмѣхнулся.

Чортъ его знаетъ!

— Вѣрно не за добро Богъ отъ него отступился, замѣтилъ Григорьевъ.

— Вѣрно не за добро.

— Старообрядецъ ты, братъ, что ли? спросилъ наконецъ тихо Григорьевъ, поглядывая на него.

— Ты, любезный, спроси лучше о томъ, какая у насъ нынче погода стоитъ или сколько я лѣтъ отъ роду имѣю, а до вѣры моей тебѣ дѣла нѣту...

Наступило молчаніе. Никита поглядывалъ то на того, то на другого.

— Года пятьдесятъ два, пятьдесятъ три есть? сказалъ онъ серьезно, хоть наивно и даже глупо.

Черноперовъ усмѣхнулся.

— Помепѣ, сказалъ онъ насмѣшливо.

— Пятьдесятъ?

— Помепѣ...

— Ну, сорокъ восемь?

— Меньше...

— Сорокъ пять, значить?

— Сорокъ пять безъ десяти... Вѣрно будетъ, сказалъ огрыvisto Черноперовъ.

— Тридцать пять, значить? спросилъ Григорьевъ, поднявъ голову.

— Тридцать пять.

— Врешь, братъ!..

— Эка охота врать!.. Что волосы полусѣдые,—говорилъ Черноперовъ, отбросивъ назадъ волосы и смотря на сапожника

своимъ блестящимъ и твердымъ взглядомъ,—такъ это вздоръ. Чго румянца на лицѣ нѣту, такъ и это вздоръ. Годы не по волосамъ идутъ, а по днямъ... Вѣрно?

— Вѣрно.

— То-то и есть. Посѣдѣлъ рачо—значить, пожилъ въ волю; а пожилъ въ волю, значить, нечего и годовъ считать. Такъ ли?...

— Такъ.

То-то и есть. Значить, и горевать не о чемъ. Тебѣ-то вотъ лѣтъ не много меньше моего, а понѣжиться и пожить вѣрно есть еще охота?... Такъ ли?

— Такъ.

Черноперовъ захохоталъ.... Онъ пришелъ сюда уже въ возбужденномъ, почти въ лихорадочномъ состояннн,—а еще выпилъ немного, и нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Передъ дверью заиграла шарманка и запѣлъ дикій и усиленно-звонкій голосъ, смѣшивавшійся со свистомъ вѣтра и порывами вьюги. Голосъ, точно съ страшнымъ усиленнмъ, вырывался изъ стѣсенной морозомъ груди и, вырвавшись, выходилъ ненормально-звонкомъ и дикъ, такъ-что скорѣе походилъ на торопливый крикъ.

— Въ шею его, угрюмо сказалъ Григорьевъ, услышавъ пѣнне.

— Дай деньги, тогда и гони въ шею, повторилъ Черноперовъ.

— Врешь ты! заговорилъ Григорьевъ. Плевать мнѣ на все. Хочешь ты слушать мое послѣднее слово?

— Сказывай.

— Завтра сяду я за работу и до воскресенья стану работать.—Слышишь ты?

— Ну, слышу.

— Въ воскресенье и въ понедѣльникъ все, что выработалъ,—проплю. Слышалъ? спросилъ Григорьевъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Похвально.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ! Ничего мнѣ не надо, не хочу я ничего, дьяволы проклятые!

Григорьевъ зло заругался.

Черноперовъ посматривалъ на него и поглаживалъ бороду.

— Слушай ты, дьяволь, заговорилъ опять Григорьевъ.

— Еще что!

— Я человекъ хороший. Хочь купить меня съ руками и ногами?..

— А дорого ли совѣтъ-то стоитъ? спросилъ Черноперовъ.

— Называй меня каждый день водкой—ничего больше.

— И трезваго не возьму.

— Не трезваго, дьяволь!.. Трезвый я дуракъ, а пьяный— что кошъ сдѣлаю: — прибить — укажи только, шею сверну, украсть—душу унесу, ограбить—креста на братѣ не оставлю. — Слышишь?..

— Были бы деньги, такъ я бы часъ всѣхъ, весь городъ живьемъ скупилъ, да другъ на друга натравилъ, — сказалъ Черноперовъ, надѣлъ картузь и пошелъ спать.

ХІІІ.

Настало рождество. Цѣлую ночь гудѣли колокола; Черноперовъ часовъ въ семь вечера напился ньянь, легъ спать и проспудся только огъ звона колоколовъ. Угрюмо поднялся онъ на кровати и слушалъ. Въ окна, на половину разрисованныя морозомъ, виднѣлось ясное, звѣздное небо; мѣсяць стоялъ, округленный красивыми облаками, а въ толумрагѣ звучно и торжественно гудѣли колокола.

— Рождество, подумалъ Черноперовъ. Вспомнились ему съ этимъ словомъ многія сцены изъ дѣтства, и долго задумчиво сидѣлъ онъ на постели, подперевъ руками лобъ.

Эти воспоминанія пробудили въ немъ много свѣтлыхъ мыслей, создали въ немъ какое-то грустное ощущеніе. Ему не захотѣлось сидѣть одному. Онъ зажегъ свѣчу, умылся, надѣлъ чистое платье и вышелъ на улицу. Вездѣ мельгали въ домахъ огни, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами и стояла въ воздухѣ тешина, хоть свѣчу вынеси на дворъ.

Изъ домовъ на каждомъ шагѣ выходили люди; — пошелъ за ними и Черноперовъ.

Задумчиво пришелъ онъ къ собору, вошелъ въ него и сталъ около колонны. Народу было много, и все-то свѣтлыя лица, праздничныя платья. Много было огней; на высокихъ хорахъ пѣли семинарскіе пѣвчіе. Вспомнилось Черноперову, что и онъ

когда-то пѣлъ въ подобномъ хорѣ, и съ тяжелой тоской слушалъ онъ звучное, стройное пѣніе...

— Вопросы теперь всѣ они себѣ задають: зачѣмъ, молъ, пришелъ сюда этотъ нехристь?—продолжалъ онъ думать. И однако же, во всякомъ случаѣ, я тутъ чужой человѣкъ...

Черноперовъ пошелъ вонъ изъ церкви.

— Когда же мнѣ-то праздникъ придетъ? мелькнула въ немъ мысль, логично вышедшая, какъ продолженіе мысли о чужомъ праздникѣ. По обыкновенію, она шевельнула всѣ безотрадные факты, вынесенные Черноперовымъ изъ его исканій.

— Никогда, заключилъ онъ на основаніи этихъ фактовъ и опять горько усмѣхнулся.

Пошелъ онъ изъ собора по первой попавшейся дорогѣ и раздумывалъ объ этихъ радующихся людяхъ.

— Что же я-то за герой? спросилъ онъ самъ себя.

— Не герой, отвѣчалъ онъ, а такой же торгашъ, какъ и всѣ торгаша, только, кромѣ того... я человѣкъ, должно быть,—человѣкъ другого сорта... А отчего же мы чужіе-то?

— Не по той дорогѣ пошелъ я и втянулся въ эту дорогу, порѣшилъ онъ горько.

Онъ пришелъ на крутой берегъ рѣки. Съ берега внизъ шла длинная деревянная лѣстница; Черноперовъ облокотился на ея перила и смотрѣлъ въ бѣлую, покрытую снѣгомъ и туманную пустыню. Представлялись ему въ этой пустынѣ всѣ деревни, села и города; во всѣхъ теперь, вѣроятно, свѣтились огни, гудѣли колокола, вездѣ отдыхалъ на время народъ. Тяжело было Черноперову...

— Сила-сила,—твердилось ему. Долго смотрѣлъ онъ въ широкую, бѣлую равнину, и горько ему было. Онъ тяжело и злобно дышалъ.

Долго стоялъ онъ, смотря то вдаль, то на городъ, и потомъ пошелъ домой.

Снялъ онъ шубу, зажегъ свѣчу, сѣлъ къ столу и долго сидѣлъ, раздумывая.

— Что теперь дѣлать? спрашивалось ему.

Раскрылъ онъ книгу, посмотрѣлъ и опять закрылъ.

— Хороши они въ молодости—могутъ указать дорогу, а теперь дорога ужъ пройдена.—Пройдена ли? спросилъ онъ усталъ и задумался.. Дальше идти нельзя, назадъ нѣтъ охоты воро-

тяться, радостей нѣтъ... Пройдена, значить, дорога... Надо, значить, убираться... Не по кабакамъ же шляться.

— Что же? спросилось въ немъ.

Онъ прилегъ на кровати.

— Что же? спросилъ опять.

— Подождать? спросилъ онъ, поддразнивая себя. Стану я, умный человекъ, отъ козла молока ждать.

Черноперовъ всталъ и подошелъ къ зеркалу. Лицо его было блѣдно и исхудало, глаза свѣтились. Онъ заходилъ по комнатѣ. Онъ былъ спокоенъ, равнодушенъ и немного грустенъ. Онъ видѣлъ, что надо убираться, — не по кабакамъ же было таскаться.

Онъ стиснулъ вдругъ зубы.

— Обрадуются-то какъ, когда услышать, что Черноперовъ погибъ, — мелькнула въ немъ мысль.

— Ну, а свои—что? спросилъ онъ.

— Свои-то? свои-то? повторилъ онъ горько, и слезы у него навернулись на глазахъ. Плакать стануть и рѣчи произносить, отвѣтилъ онъ самъ себѣ ..

.

XIV.

На другой же день вечеромъ извѣстіе о смерти Черноперова дошло съ прїѣхавшимъ гостемъ и до хутора. Варвара Борисовна пила чай въ то время, когда ей пришлось услышать, что Иванъ Ивановичъ Черноперовъ вчерашнею ночью умеръ. Варвара Борисовна страшно поблѣднѣла.

— Какая же причина этой смерти? спросила она, сблѣднѣвъ съ собой.

— Пьянствовалъ очень въ послѣднее время, отвѣчали ей.

Варвара Борисовна допила чай, поговорила о постороннихъ, болѣе обиденныхъ и болѣе юмористическихъ происшествіяхъ, встала и очень спокойно прошла въ свою комнату. Здѣсь она прилегла лицомъ къ подушкѣ своей кровати и тяжело зарыдала. Рыданія ея на секунду затихли, потому что она употребила всѣ силы, чтобы сдержать эти рыданія; но они все-таки

вырвались съ новымъ сіяніемъ. Тяжело ей было. Еще сегодня утромъ она думала, что пойдетъ съ сестрой въ городъ, уйдетъ вечеромъ къ Черноперову, и ожидала много наслажденія отъ этого свиданія, потому что горячо любила она Ивана Ивановича. А теперь пришлось ей, молодой, умной и сильной, утратить себя точно лишней свѣта и воздуха, точно запертой въ четырехъ душныхъ стѣнахъ, — потому что и прежде она относилась съ презрѣніемъ къ прозабавцамъ вокругъ ея субьектамъ, а послѣ знакомства съ Черноперовымъ, презрѣніе ея къ нимъ стало еще сильнѣе, да кромя того, она потеряла вѣру и въ тѣхъ людей, слышавшихъ хорошия, о которыхъ молва проносилась здѣсь. Варвара Борисовна легла на постель, сложила надъ головой свои красивыя блѣдыя руки и, тяжело дыша, начала раздумывать о новой жизни, которую приходилось ей начинать.

— Я жить стану... Не хочу я только знать васъ, — продолжала она, представляя себѣ весь двигающійся и живущій кругомъ ея, жалкій, самодурствующій людъ, и глаза ея засорѣлись.. Не хочу знать ихъ. Стану жить такъ, какъ жить захочется. Жить хочу, и стану жить — закончила она, и брови ея сдвинулись, губы сжались.

Свѣтилъ въ ея комнату съ звѣзднаго неба мѣсяць, и лучи его, проходя черезъ окно, ложились свѣтлой полосой на полу, на кровати и на блѣдномъ лицѣ Варвары Борисовны, лежавшей съ закинутыми за голову руками. Говоръ въ другихъ комнатахъ чуть слышался чрезъ затворенныя двери, а на дворѣ стояла мертвая тишина. Тихо было въ темной комнатѣ; не тревожили Варвару Борисовну люди, каждое движеніе, каждое слово которыхъ тяжело поражало бы ее теперь, — а видѣлись ей только верхи лѣса и далекое звѣздное пространство. Широко, хоть и грустно смотрится въ такихъ случаяхъ на жизнь, если только не раздражается челоуѣкъ обыкновенными, мелочными челоуѣческими глупостями, или даже хоть зрѣлицежъ отупѣвшихъ и изолгавшихся челоуѣческихъ образовъ, т. е. лицъ.

И у Варвары Борисовны расширился взглядъ на жизнь при мысли о смерти Черноперова. Да и самый образъ его сдѣлался свѣтлѣе и ярче. Не мудрено — сильно любила его Варвара Борисовна.

Долго она раздумывала о немъ. Наконецъ пришла со свѣчей Александра Борисовна, посмотрѣла на сестру и задумчиво сѣла на свою кровать.

— Вотъ, Саша, и счастью конецъ, тихо сказала Варвара Борисовна.

Александра Борисовна молчала.

Варвара Борисовна встала, закурила папироску и опять легла.

— Нехорошо поступилъ Черноперовъ, сказала Саша.

— Отчего? спросила Варвара Борисовна. Ты думаешь, что онъ поступилъ такъ по слабости характера или изъ отчаянья? Неправда, Саша. Не такой былъ человекъ Черноперовъ, чтобы предъ этимъ народомъ струсить, — хороший онъ былъ человекъ. Болѣнъ онъ былъ, Саша, да еще ошибся въ этихъ людяхъ: думалъ прежде, что въ нихъ есть хоть чтонибудь хорошее, а потомъ увидѣлъ, что въ нихъ ничего нѣтъ... Болѣнъ онъ былъ, бѣсила его всякая мелочь пошлая; — а вѣдь жизнь-то наша вся изъ пошлостей состоитъ, и поэтому всякій день его раздражало чтонибудь.

— Жилъ бы да ждалъ... Можетъ быть, и вышло бы чтонибудь хорошее...

— Нѣтъ, Саша... Что ужъ жить, когда никакихъ радостей въ жизни нѣтъ, ни одинъ день хороший не выдается. Не могъ онъ жить... Изболѣлъ онъ совсѣмъ, силъ не стало, пить даже началъ, а вѣдь это ужъ гадко.

— Ты, Саша, хочешь спать? спросила сестру Варвара Борисовна.

Было уже часа два ночи, тишина была кругомъ глубокая.

— Нѣтъ, не хочется, отвѣчала та.

— Я тоже не хочу... Думаешь, право, думаешь, всю жизнь переберешь... А вѣдь хорошая, право, была жизнь; хочешь, я тебѣ расскажу ее, разберу всю?..

— Расскажи.

— Да ты раздѣвайся и ложись.. Надоѣсть слушать, такъ засни; а не надоѣсть, такъ послушай и позавидуй тому, сколько я узнала.. Похоронимъ мы мою хорошую прежнюю жизнь, — теперь начнется новая... Смотрѣть на нее скучно. А прошедшая жизнь, славная была.

— А у меня такъ вотъ ничего нѣтъ за душой, забыла Сапа, полусибясь, полутрустно.

— Хорошаго-то?

— Ни хорошаго, ни дурного — ничего нѣтъ. Рассказывать не о чемъ, точно я не жила еще.

— А это оттого, что ты хвора якая-то, отвѣтила Варвара Борисовна, приподнимаясь на локоть и поворачиваясь къ сестрѣ. — Сидитъ себѣ все у окошечка и «поутру рано, на зарѣ», и «въ ночки темныя», какъ сказочная царица. Назовутъ тебя батюшка съ матушкой побѣждать, такъ пойдешь — поѣшь; прикажутъ погулять пойдти, — такъ и погуляешь. А не дадутъ тебѣ въ руки ложку, не выведутъ за руку за дверь, такъ и такъ просидишь.

— О, Варя! сказала выразительно и съ упрямомъ Александра Борисовна: — хорошо тебѣ говорить, когда ты не одинъ жила.

— Ну, это неправда, возразила Варвара Борисовна. Встрѣтился мнѣ Черноперовъ — хорошо, а не встрѣтился бы, такъ и безъ него прожила бы, какъ жила прежде... Вѣдь жила же прежде одна. Только я всегда была бой-барыня, а не такая хвора я, какъ ты.

Варвара Борисовна встала, потянулась и вздохнула.

— Да, продолжала она, расплетая волосы: — хоть меня съ мажолѣтства тоже чуть не заплели всякими минстерами, однако я не такая вышла, какъ мнѣ хотѣлось, и могу еще теперь поучить тебя. — Ты вотъ теперь благодѣлал, покорная и во всемъ невинная дѣвица. Нечего стыдиться. А я... Боже мой! Боже мой!.. сказала съ униженіемъ Варвара Борисовна и грустно покачала головой...

Варвара Борисовна приподнялась и начала ходить по комнатѣ. Потомъ она остановилась у окна и задумчиво смотрѣла на занесенный снѣгомъ лѣсъ. Много сдѣла изъ ея дѣтства напоминалъ ей этотъ лѣсъ.

— Когда родители взяли тебя за руку и, не смотря на твой плачь, усадили за книжку, тогда я, бывало, вырвусь бѣгомъ или ползкомъ изъ комнаты, да и пойду себѣ, куда глаза глядятъ... Былъ здѣсь прежде курень рыбацкій...

— Помню, отозвалась Сапа.

— Въ куренѣ жила дѣвочка — рыбацкая дочка. А слав-

ная была дѣвочка—сильная, ласковая, веселая, полусъзвонкій... Съ этой дѣвочкой я и праздновала свое выздоровленіе. Позднимъ вечеромъ купаться бѣжешь на озеро, потомъ лѣдку у ея родителей утащимъ, да кататься поѣдемъ, жѣсни поемъ... Ну, да гдѣ тебѣ, молодой барышнѣ, наши радости понимать! прибавила Варвара Борисовна, встала и вилась передъ кроватью сестры и махнувъ рукой... Лучше я разскажу тебѣ исторію моей первой любви... Хочешь? Можетъ быть, даже и придется.

Саша молчала.

— Знаешь ли, на кого я попала съ моей первой любовью? спросила Варвара Борисовна.

— На кого?

— Трудно назвать тебѣ это съ положительною вѣроятностью: на мерзавца или на животное? Это съ первой-то, порячей любовью, когда, кажется, всё радости въ мірѣ простить можно за то только, что самой пришлось полюбить и пожить стаскливо!—Вотъ какъ вышло, Саша. Право же хуже такихъ людей, какъ мой первый предметъ, нѣтъ на свѣтѣ. Съ другими какъ встрѣтишься, поговоришь раза два-три, такъ и видишь сейчасъ, что все-то въ нихъ глухо, все изувѣчено и опошлено; а у такихъ, какъ мой первый предметъ,—физиономія приличная, рѣчи отборныя, даже возвышенныя, рука у нихъ на нехорошее дѣло не поднимется, слово вольное не вырвется. Кто же узнаетъ, что эти возвышенныя мысли или изъ книжекъ ими вычитаны, или, по знакомству, на прокатъ взяты?.. Кто знаетъ, что собственныя ихъ головы могутъ переработывать только гдѣ грязенькія и пошленькія помысленія, какими наше общество издавна жизнь свою услаждаетъ?—что и живуть-то они, въ сущности дѣла, но тѣмъ же грязенькімъ помысленіямъ, котъ и прикрываются возвышенными фразами?.. Видишь, какая я умница и какъ хорошо во восточкамъ разбираю. Меня не проведутъ теперь. — Такъ вотъ какой-го былъ и мой предметъ: физиономія у него была выразительная, рѣчи очень благородныя и горячія. За это я его и любила. А за что онъ меня полюбилъ, такъ и это я могу тебѣ объяснить съ полною опредѣлительностью: за то, что глаза у меня были большіе и черныя, волосы тоже черныя и большіе, плечи красивыя, руки и ноги красивыя.

Варвара Борисовна остановилась на минуту и провела рукой по лбу. Въ памяти ея быстро шевельнулся рядъ сценъ изъ ея первой любви, и невыносимо обидны и гадки показались ей теперь эти сцены.

— Люди эти, милая моя, продолжала она горько и зло, говорятъ о любви божественно-хорошо; только лгутъ они, когда говорятъ это, потому что на самомъ дѣлѣ видятъ въ женщинѣ только кусокъ мяса или куклу, которою очень пріятно поиграть. Предметъ мой изъ такихъ же былъ... Только, бѣднѣга, скоро онъ увидѣлъ, что я не гожусь въ такія куклы... Играть женщиной онъ любилъ и нашелъ себѣ на сторонѣ это развлеченіе, а мнѣ продолжалъ приносить увѣреніе въ нескончаемой любви, потому что все-таки я красива была.— Лгунишка былъ, ничего больше.

Варвара Борисовна остановилась, подумала, вспоминая подробности, и весело засмѣялась.

— Я его горько обидѣла,—лгунишкой назвала и рассорилась. Когда за эту потѣшную любовь отецъ съ матерью на меня напустились,—я и съ ними поссорилась и ушла странствовать... Вотъ кака я была смѣлая!..

Варвала Борисовна сѣла на постель Саши, пригладила волосы молодой дѣвушки и взяла ея руку.

— Ну, и странствовала я, продолжала она задумчиво. Хорошо тогда мнѣ жилось... Право, люди, большею частью, добры, только глупы и забиты. Когда поумнѣютъ они, станутъ прямо смотрѣть на вещи, тогда хорошо будетъ жить, — только мнѣ не дожить до этого.

— Расскажи теперь, Варя, какъ ты съ Черноперовымъ сошлась?..

— Съ Черноперовымъ?.. тихо повторила Варвара Борисовна, и губы ея немного дрогнули. — Очень просто это случилось. Лѣтомъ какъ-то я ходила по полю и по берегу. Жарко было — устала я, лицо разгорѣлось, — я и пошла къ ключу,—знаешь, къ тому, который течетъ во рву. Пить мнѣ хотѣлось и умыться. Пришла я къ ключу, а около него на травѣ сидѣлъ Черноперовъ. Я, какъ бойкая барыня, не струсилась его, сошла къ ключу и все сдѣлала, что мнѣ нужно было — и напилась, и умылась... Черноперовъ заговорилъ со мной. Ему, видишь, удивительно показалось: какъ такая неконфузли-

вая барыня на свѣтѣ живетъ?.. Поговорили, познакомились... Онъ на хуторъ приходилъ, хоть не часто, правда, а все-таки я успѣла пересказать ему свою жизнь, а онъ мнѣ свою передалъ. Онъ мнѣ много помогъ въ жизни, и я ему не мало помогла... Хорошая была у насъ дружба...

Нѣсколько минутъ сестры молчали. Александра Борисовна нѣсколько разъ пристально взглядывала на сестру, какъ-будто рѣшаясь сказать что-то, но все раздумывала.

— Право, я тебѣ не вѣрю, Варя, сказала она наконецъ, серьезно и открыто смотря въ глаза сестры.

— Въ чемъ не вѣришь? серьезно спросила та.

— Ни тебѣ не вѣрю, ни Черноперову, ни наукѣ вашей.

Варвара Борисовна въ недоумѣніи посмѣтрѣла на молодую дѣвушку.

— Не вѣрю я вамъ, горько и твердо продолжала Саша. Наука ваша точно въ насмѣшку надъ нами, глупыми людьми, писана, — ничего въ ней нѣтъ понятнаго для насъ, невинныхъ. Черноперовы ваши точно полу-боги какіе, — только о борьбѣ съ богами помышляютъ, да подсмѣиваются надъ тѣмъ, что простые люди прозябаютъ, какъ цвѣты какіе нибудь, и воображаютъ, что живутъ по человѣчески... Смѣются только эти Черноперовы, а не думаютъ объяснить невинному человѣку жизнь и вывести его этимъ изъ его прозябанія... Право, вѣдь и имъ тогда было бы легче съ богами бороться... Всѣ вы точно съ небесъ на человѣческую жизнь смотрите... Выбѣется человѣкъ на хорошую дорогу, такъ вы подадите ему руку, уважать его станете; а не выбѣется, такъ, по вашему, и жалѣть не о чемъ, потому что дрянъ былъ человѣкъ... Объ ассоціаціи вы тоже много говорите, но такъ много въ васъ слѣпнаго эгоизма, такъ много презрѣнія къ людямъ... Ахъ! сказала Саша и отвернулась. Лицо ея было очень блѣдно и губы чуть-чуть дрожали.

— Правда, тихо сказала Варвара Борисовна; слѣдуетъ поправить дѣло...

— Поздно! горько сказала Саша.

— Какъ поздно?

— Теперь приходится дѣло дѣлать, а не изучать жизнь. Какъ могла, я обдумала, обсудила дѣло, но тяжело оно для меня,

Варя..... О, Боже мой! въ двадцать лѣтъ я ничего не знаю, ровно ничего.

— Что же это за дѣло предстоить тебѣ?

— Много дѣла, Варя. Прежде всего за меня сватается управляющій.

— Что же?

— Я не люблю его, а люблю Братанова; это второе дѣло.

— Ахъ, Саша, Саша! Что же ты рѣшила?

— Не пойду я за управляющаго. А Братанову скажу, что люблю его... Если онъ любить меня, такъ буду я его любить, а не любить, — такъ уйду куда нибудь изъ дому, — я не хочу, чтобы меня потомъ попрекали управляющимъ и читали разныя правочены.

XV.

На слѣдующій день, часовъ въ одиннадцать почи, пріѣхалъ Братановъ.

Въ валенкахъ, въ запятанныхъ въ нихъ старецькихъ брюкахъ, въ красной рубахѣ, задумчиво и чуть слышно ходилъ онъ по своей комнатѣ, понуривъ голову и машинально покуривая сигару. Изрѣдка останавливался онъ, медленно выпивалъ стаканъ чаю и опять начиналъ ходить, покуривая и почесывая голову. Голова у него болѣла, руки и ноги точно избиты были послѣ долгой дороги, а вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, лицо Братанова было очень блѣдно, глаза болѣзненно свѣтились и все тѣло немного согнулось. Не смотря на это болѣзненное разстройство, Братановъ все-таки ходилъ, курилъ, раздумывалъ и вовсе не торопился пить чай, изъ чего можно было заключить, что умъ его былъ въ сильномъ возбужденіи. Дѣйствительно, Братановъ задумывалъ покинуть компанію Дымова и самый городъ; онъ разсчитывалъ, что теперь возможно и слѣдуетъ начать самостоятельную работу, добывать деньги, средства и т. д.

Такому направленію мыслей Братанова не мало способствовала его встрѣча по дорогѣ на станціи съ однимъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ — Степаномъ Рулевымъ. Рулевъ былъ все такой же высочій, широкоплечій, загорблтый молодой человекъ; только борода сдѣлалась у него гуще, больше

вѣдали его глаза и смотрѣли они еще серьезнѣе, чѣмъ прежде.

— Рулевъ! спросилъ Братановъ, только-что войдя въ избу и только взглянувъ на тяжело расхаживавшаго по комнатѣ Степана Никитича.

Рулевъ остановился и пристально посмотрѣлъ на Братанова, медленно снимавшаго шубу и шарфъ. Братановъ снялъ наконецъ и шапку.

— Здравствуйте, Братановъ, сказала тогда Рулевъ и крѣпко пожала его руку.

Расхаживая по комнатѣ и разминая усталые члены, Братановъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ причину своей поѣздки.

— Какъ видно, по добру по здорову живете? сказала потомъ Рулевъ.

— Живемъ, отвѣчалъ Братановъ.

— Ну, и ладно. А что подѣлываетъ Силычъ?

(Силычемъ звали того бродягу-авантюриста, о которомъ я упоминалъ въ началѣ повѣсти, какъ о другѣ и сподвижникѣ Братанова. Я говорилъ уже, что его зарѣзали киргизы.)

— Силычъ приказалъ долго жить, отвѣчалъ Братановъ.

Рулевъ посмотрѣлъ на него и почесалъ свой затылокъ.

— Гмъ! сказалъ онъ протяжно. А что сдѣлалось съ нимъ?

— Киргизы зарѣзали его на дорогѣ и ограбили.

Рулевъ замѣтилъ, что на Братанова не весело подѣйствовало это воспоминаніе.

— Плохъ Силычъ, сказалъ Рулевъ очень спокойно. Добъхали же его киргизы. Они вѣдь это не въ первый разъ съ нимъ схватывались.

— Не въ первый? равнодушно спросилъ Братановъ.

— Развѣ Силычъ ничего не разсказывалъ вамъ о «второмъ происшествіи»?

— Нѣтъ, не разсказывалъ...

— А оригинальная исторія!.. Я какъ-то пришелъ къ нему и вижу, что нашъ Силычъ лежитъ въ постели, — исхудалъ, поблѣднѣлъ и рукой не пошевелить, только глазами моргаетъ... Плохо, думаю... — Что, говорю, съ тобой, Силычъ?.. Онъ посмотрѣлъ на меня. — Я, говорю, второе происшествіе совершаю, Степанъ Никитичъ. — Что за второе

присшествіе?—Оказывается, что онъ на дняхъ, изъ-за какой-то издыхавшей лошади переругался чуть не съ цѣлымъ киргизскимъ ауломъ, да затѣмъ вступилъ еще въ драку... Его избили цѣлымъ обществомъ и оттащили уже бездыханнаго въ какой-то оврагъ, гдѣ его чуть не съѣли киргизскія собаки. Однако спасся кое-какъ. — Вотъ, говоритъ, поэтому теперь и совершаю второе происшествіе.—Ну, я его и спрашиваю: что, я говорю, ты, Силычъ, почувствовалъ, когда смерть-то въ глаза увидаль?—Охъ, говоритъ, досада смертная взяла; чуть было совсѣмъ не расплакался...—О чемъ? спрашиваю.—Да вспомнилъ, говоритъ—подавиться бы этимъ азіятамъ проклятымъ,—что въ карманѣ у меня кошель остался, а въ кошелѣ два рубля денегъ. Зналъ бы, говоритъ, напередъ, что такое побоище случится, такъ лучше пропилъ бы деньги, только бы киргизамъ не доставались...

Братановъ и Рулевъ отъ души раскохотались.

— Стоикъ былъ чистѣйшій, продолжалъ Рулевъ;—человѣкъ, которому ничего не стоило увлечь за собой сотни людей, и особенно простыхъ людей, потому что говорилъ онъ просто, дѣйствовалъ просто, а между тѣмъ, въ каждомъ словѣ и движеніи сказывалась такая сила, что всякій приковывался къ нему и шелъ туда, куда шелъ Силычъ.

— А что за народъ такой, съ которымъ вамъ теперь приходится имѣть дѣло? спросилъ уже серьезно Рулевъ, усаживался верхомъ на стулъ и поворачиваясь къ Братанову.

Братановъ засмѣялся.

— Народъ, какъ и вездѣ, Степанъ Никитичъ,—русскій, добродушный народъ... Какъ взглядѣться получше, такъ, видить Богъ, животъ со смѣху надорвешь... Извѣстное дѣло, дерутся себѣ, обираютъ другъ дружку, по карманамъ другъ у дружки лазятъ, но вѣдь до того это благодушно дѣлается, что если разсердишься на нихъ, такъ вѣдь имъ какъ-то обидно и странно сдѣлается... Такъ и говорятъ, кажется, что ты лучше самъ прибай и ограбь меня, а не сердись, не тляй душу...

— Извѣстное дѣло, и къ тычкамъ, и къ грабежу съ дѣтства приучены, холодно сказалъ Рулевъ.

Братановъ медленно съ недоумѣньемъ взглянулъ на Рулева и заходилъ по комнатѣ; онъ сразу понялъ, что разошелся

съ Рулевымъ. Долго оба они молчали. Наконецъ Рулевъ медленно поднялся во весь свой ростъ, потянулся, такъ что кости затрещали, и бросилъ на полъ окурокъ папиросы.

— Очень ужъ вы благодушны, заговорилъ онъ сурово и взглянулъ въ лицо Братанову. Очень благодушны, повторилъ онъ, положивъ руку на плечо Братанова. — Благодушный взглядъ ведетъ къ примиренію, а, по крайнему моему разумѣнію, мириться не слѣдуетъ ни мнѣ, ни вамъ. Этимъ людямъ дать въ морду, такъ имъ ничего, не привыкать стать; а мнѣ дать въ морду—нельзя, не позволю. Ихнія радости и утѣхи мнѣ нутро поворотятъ. Значить, нельзя мириться; потому что, послѣ примиренія, они будутъ имѣть право каждый день плевать на меня, какъ и на своего собрата. А я имъ не свой... Я говорю, что отъ ихъ радостей у меня нутро воротитъ, а на ихъ невинныя заигрыванья я могу только кулакомъ отвѣтить. Значить, мнѣ не ужитья съ ними...

Рулевъ говорилъ сдержанно, но горько и зло.

Братановъ нѣсколько времени молчалъ.

— Отстаивать мои слова я не буду, сказалъ онъ наконецъ. — Въ самомъ дѣлѣ я заблагодушествовался...

Вотъ какого рода было свиданье Братанова съ Рулевымъ; и не мудрено, что Братановъ, разбитый именно въ то время, когда онъ, увлекшись панегирикомъ Рулева, мысленно ставилъ себя на одну доску съ Силычемъ, лихорадочно взялся за мысль начинать свое самостоятельное дѣло и оправдаться хоть въ собственныхъ глазахъ.

Здѣсь, пользуясь встрѣчей Рулева и Братанова, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе этихъ обихъ личностей. Я понимаю хорошо, что какъ Рулевъ, такъ и Братановъ очень и очень многимъ изъ моихъ читателей должны показаться личностями сочиненными или, говоря вѣрнѣе, придуманными, т. е. во всякомъ случаѣ, субъектами несуществующими въ нашей благодушномъ обществѣ. Основаніе этому заключается въ томъ, что какъ Рулевъ, такъ и Братановъ выводятся иной, какъ люди, которые сознали, что нужно дѣлать для ихъ благоденствія, высчитали, какъ удобнѣе это дѣлать, и затѣмъ, не уклоняясь ни вправо, ни въ лѣво, не зачужаясь ни на одиночество, ни на бессиліе, — принялись

за дѣло; а такихъ людей, т. е. людей, дѣйствующихъ по плану, рассчитанному чуть ли не на всю жизнь, притѣмъ дѣйствующихъ до нѣкоторой степени безъ влиятій на право и на лѣво, такихъ людей у насъ видома не видано, слыхома не слыхано.

Дѣйствительно, не всякому приходилось встрѣчать такихъ людей, потому что они являются пока, какъ исключенія; но дѣло все-таки въ томъ, что эти люди есть, и даже, по моему убѣжденію, именно теперь пришло время для ихъ появленія: они, значитъ, должны являться. До сихъ поръ у насъ было три разряда личностей. Во-первыхъ, больше всѣхъ было людей, трудящихся ради куска хлѣба, знаній никакихъ неимѣющихъ и потому пребывающихъ въ положеніи незавидномъ. Во-вторыхъ, былъ довольно распространенный классъ личностей, ничего недѣлающихъ, познаній тоже никакихъ неимѣющихъ и поэтому принужденныхъ жить безъ всякаго плана, какъ птицы небесныя, кормящіяся на нивахъ, не имисѣянныхъ. Въ-третьихъ, было немного людей, получившихъ довольно ясное понятіе о человѣкѣ и его потребностяхъ, о мирѣ и его законахъ, а поэтому мыслящихъ и говорящихъ довольно здраво, а вслѣдствіе этого, расходящихся въ своихъ стремленіяхъ съ людьми, принадлежащими къ первымъ двумъ классамъ. До сихъ поръ эти немногіе мыслящіе люди только и дѣлали, что говорили о своихъ здравыхъ мысляхъ и о нездравіи мыслей, господствующихъ въ первыхъ двухъ разрядахъ; но такъ какъ первые разряды, по своей невинности, не имѣли никакихъ основаній понимать эти слова, то и не понимали ихъ, и продолжали жить по старому, унаслѣдованному отъ предковъ. Люди, красиво говорящіе и красиво страдающіе, поняли въ послѣднее время, что состраданія къ ихъ терзаніямъ ожидать не слѣдуетъ, потому что для массы эти терзанія непонятны, — оцѣнили свое безсиліе и горько осмѣяли другъ друга.

Болѣе здоровые изъ этихъ людей поняли наконецъ, что глупо отдавать себя на заѣденіе среды, что бесполезно прятать свои хорошія стремленія въ глубь страдающаго сердца, и что для осуществленія этихъ стремленій необходимо дѣйствовать въ практической жизни. А такъ какъ среда не успѣла еще заѣсть ихъ, и рисованіе своими страданіями не успѣло

еще отнять у нихъ охоты къ труду, то и особенныхъ препятствій къ начинанію у нихъ не было.

Такимъ образомъ, нѣкоторые и тронулись, — всякій сообразно своему взгляду на положеніе вещей. И Братанова, и Рулева мы видѣли: — одного конторщикомъ, другого учителемъ и коммисіонеромъ, слѣдовательно, въ положеніяхъ вовсе не исключительныхъ; а отсюда слѣдуетъ, что вся кажущаяся ненатуральность этихъ личностей происходитъ изъ того, что они находятся въ данныхъ положеніяхъ не потому, что ихъ толкнула сюда судьба или другой какой двигатель современнаго общества, а по расчету, — ради достиженія заданной цѣли. Дѣйствительно, одна изъ отличительныхъ чертъ нашихъ согражданъ заключается въ полномъ отсутствіи всякой системы въ дѣйствіяхъ и всякихъ предвзятыхъ цѣлей, т. е. живутъ они, имѣя кое-какія мечтавица, но вовсе не утруждая себя изысканіемъ путей къ достиженію этихъ мечтаній и неуклоннымъ слѣдованіемъ по этимъ путямъ. Пошлетъ Господь исполненіе желаній, свалится въ ротъ осуществленіе мечтаній — ладно; а нѣтъ, такъ и безъ этого какъ нибудь проживемъ. Иванъ Аксаковъ называетъ это качество смиреніемъ, а я назыву, пожалуй, ожиреніемъ мозговъ. Въ виду этихъ благодушныхъ людей, я выставляю вдругъ Рулева, который говоритъ, напримѣръ, что «смиѣ, для моего благоденствія, нужно достигнуть вотъ этого и этого; для достиженія этого нужны знанія, деньги и люди». И сказавши это, Рулевъ не мечтаетъ только о своемъ благоденствіи, а принимается за приобрѣтеніе знанія, денегъ и прочаго... Разумѣется, Рулевъ покажется лицомъ выдуманнымъ... Впрочемъ, по моему мнѣнію, если даже читателю и слышать не приходилось о такихъ людяхъ, то все-таки онъ не долженъ отрицать возможности и своевременности существованія подобныхъ субъектовъ.

Послѣ этого объясненія, я нахожу возможность возвратиться къ Братанову, который, какъ я говорилъ въ началѣ этой главы, съ больной головой и усталыми отъ долгой дороги членами, ходитъ посвоей комнатѣ и, не смотря на усталость и головную боль, крѣпко раздумываетъ о своихъ предположеніяхъ и о предстоящей работѣ.

— Великая должна быть работа! насмѣшливо думаетъ читатель. — Не больно великая... На первый, напримѣръ, годъ

Братановъ располагалъ просто на просто переѣзжать съ собственными своими возами, на собственныхъ своихъ лошадяхъ, изъ одного знакомаго ему края въ другой, тоже знакомый край, и перепродавать не весьма поэтическіе продукты. Этой торговлей Братановъ занимался и съ Силычемъ. Дальше, Братановъ рассчитывалъ забрать, въ компаніи съ знакомыми ему мужичками, одну извѣстную ему землицу на аренду. Затѣмъ онъ предполагалъ, что его торговля будетъ постепенно расширяться до весьма грандіозныхъ размѣровъ, деньги будутъ прибавляться.

XVI.

Теперь нужно воротиться къ нашимъ сапожникамъ. На другой день послѣ приѣзда Братанова, она, т. е. Григорьевъ и благодушный Никита, загулялись до того, что къ вечеру Григорьевъ воротился въ мастерскую безъ денегъ и злой до бѣшенства, а Никита пришелъ и безъ денегъ, и безъ шапки, — однако же остался въ благодушномъ настроеніи.

Григорьевъ лежалъ на своей грязной постели, а Никита усѣлся у рабочаго стола, зажегъ салыный отарокъ и весело заплѣлъ любовный романсъ. Дома не было никого, кромѣ нашихъ пьяныхъ друзей. Григорьевъ не спалъ, а потому сознательно принималъ впечатлѣнія, какъ изъ окружающей его среды, такъ и изъ состоянія своего собственного организма. Впечатлѣнія не были очень разнообразны, и сознавалось только, что болятъ голова, кругомъ воильтъ, пахнетъ кожей, таранить забрался подъ рубаху, на улицѣ ругаются, грязь развѣдаетъ пемжитое тѣло и т. п. Болевая голова не останавливается ни на одномъ впечатлѣніи, а просто на просто чувствуетъ, что ей неприятно, и что Никита безсовѣтно уже деретъ своимъ зычнымъ любовнымъ романсомъ.

Сидитъ Григорьевъ и потягивается, а Никита еще значнѣе расплѣваетъ романсъ, и впечатлѣніе отъ его пѣнія необходимо становится самымъ преобладающимъ во всей массѣ нехорошихъ впечатлѣній, поневолю воспринимаемыхъ угрюмымъ Григорьевымъ. Злость его разбирается.

— Какъ ты проклятая, думаетъ Григорьевъ, злобно взгля-

дывая на широко-отверстыя уста Никиты, и со всей силы отхватываетъ его по шеѣ...

Никита обрывается, смотритъ пристально на Григорьева и показываетъ своему собрату огромный грязный кулакъ. Больно Никитѣ.

— Убью, говоритъ онъ сердито, и поднимается насупротивъ Григорьева.

— Держись, Никита, дальше,—злбно отвѣчаетъ Григорьевъ. У меня сердце не на мѣстѣ. — Зарѣжу!

— Чего дерешься?

— Смерть, говорю, Никита; послѣ прибеѣй, а теперь не трогай, — сердце, говорю, у меня не на мѣстѣ, — повторяетъ Григорьевъ и опять ложится на кровать.

Никита мгновенно ошалѣваетъ, видя, что его обидчикъ угрюмо укладывается и закрываетъ даже глаза, не смотря на грозящую ему таску; а за ошалѣваніемъ возвращается къ Никитѣ его благодушіе, и онъ опять садится и принимается за прерванный веселый романсъ...

— Дьяволъ, дьяволъ! — глухо и жалобно прерываетъ его Григорьевъ, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ и тяжело вздыхая.

Никита прислушивается къ его словамъ и вздоху, и опять начинаетъ романсъ какъ разъ съ того слова, на которомъ его прервали.

Наконецъ Никита кончаетъ пѣть, прислушивается къ шуму на улицѣ, вспоминаетъ, что деньги пропиты, шапка пропита, и тоже впадаетъ въ меланхолію. Закуриваетъ онъ сигарку, но и сигарка не услаждаетъ его.

— Григорьевъ! бери, братъ, сигарку, — говоритъ Никита черезъ минуту.

Григорьевъ садится на кровати, беретъ сигарку и начинаетъ задумчиво покуривать и пошлевывать.

— Знаешь, братъ, что? спрашиваетъ онъ потомъ.

— Что?

— А меня вѣдь испортили.

— Испортили? Всяко бываетъ, въ недоумѣнны говорить Никита.

— Видитъ же Богъ, хоть въ гробъ ложись. Въ жизнь никогда этого со мной не было... Коли водки не выпью, — такъ завоюетъ сердце, точно его змѣи какія сосутъ.

— А какъ выпьетъ?

— Тогда полегчаетъ немного; да ви то и въ хмѣльнѣ золь становлюсь, за самого себя болвно дѣлается.

— А это ничего. Выпить бы, братъ, намъ съ тобой пойдти теперь.

— А казна есть?

— Я и шапку пропилъ, добродушно возразилъ Никита, поглаживая себя по волосамъ.

— Есть, значить, водни три лохани, да не нашати ее нить губами, замѣтилъ Григорьевъ.

Наступило молчаніе. Никита опять началъ затягивать какую-то стипику.

— Глотка твоя немазаная, снова зубы ругнулся Григорьевъ.

— Научить, братъ, тебя, какъ отъ твоей тоски вылечиться? спросилъ Никита.

— Научи.

— Пѣть давай...

Григорьевъ весьма выразительно плюнулъ. Никита опять загѣлъ. Григорьевъ слушалъ, слушать и наконецъ началъ подтягивать, причемъ Никита задралъ голову и вытравля въ свои голосовыми органами. Григорьевъ поддѣлывался, поддѣлывался подъ его лѣніе, но наконецъ изъ смѣхъ избѣлся, вспотѣлъ и плюнулъ.

— Ковлиная ты глотка, сказалъ онъ, улегаясь на свою постель.

Никита однако же не сконфузился и кончилъ пѣсаню.

— Тебѣ бы, братъ, жениться, сказалъ онъ добродушно и искренно, поглядывая на Григорьева.

Григорьевъ не сказалъ ни слова и мысленно выругался еще крупнѣе прежняго.

— Ей Богу же, — продолжалъ Никита. Маленькия моя пошла бы сватать. У ней и платья есть хорошия; только по праздникамъ ихъ надѣваетъ. Я ужъ попросилъ бы ее, — она бы и сходила, потому для меня маленькия все сдѣлаетъ. — Право, братъ....

— А какой лѣшій за меня поидеть? зло сказалъ Григорьевъ.

— А я ужъ знаю, кто поидеть, отвѣчалъ Никита, подмигивая глазами.

Григорьевъ хотѣлъ было сказать нѣсколько вѣрившихъ словъ

на счетъ того, что жрать будетъ дешево, но въ это время въ мастерскую ващля двѣ женщины. Одна была — предметъ Григорьева, Маша, бойкая, смазливая дѣвучка; а другая — женщина лѣтъ подь тридцать, серьезная на видѣ, но на самомъ дѣлѣ развеселая и умная баба.

— Хозяева, видно, ушли? спросила она

— Хозяева гуляютъ, а мы дома, сказалъ Никита.

— Съ вами-то намъ дѣлать нечего, замѣтила Маша.

— Будто ужъ и нечего?

Григорьевъ подошелъ къ столу и молча свернулъ сигарку.

— А мы вотъ ждаться ждемъ.... Объ этомъ и толкуемъ, продолжалъ Никита.

— Вотъ какъ! сказала Маша, пристально взглянувъ на Григорьева. Ну, дай вамъ Богъ счастья.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ Никита Машѣ. Только дѣло у насъ плохо ладится; Григорьевъ вонъ не вѣрится.

Григорьевъ закурилъ сигарку, ватанулся и отплюнулъ.

— Проживемъ и такъ, сказалъ онъ, откинувъ движеніемъ головы волосы.

— А я вотъ только догляджусь короненько, да и леглось, коли попадется хорошая дѣвка или вдова... Мнѣ это все равно. Мнѣ вонъ и маменька тоже совѣтуетъ: женись, говоритъ, такъ и тебѣ легче будетъ, и я въ гробъ лягу спокойнѣе, — говорилъ Никита съ полной искренностью и задушевностью.

— А вы вотъ меня возьмите, предложила вдругъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ подруга Маши.

Никита посмотрѣлъ прежде на нее, потомъ на долъ и какъ-то неловко себя почувствовалъ.

— Васъ-то? повторилъ онъ, сконфузившись.

— Право же... Вамъ сколько теперь лѣтъ?

— Мнѣ-то? — сорокъ третій пошелъ, отвѣчалъ Никита.

— А мнѣ двадцать семь лѣтъ.

Никита задумчиво сжималъ и разжималъ свои грязные кулаки и изъ подлюбы поглядывалъ на свой предметъ.

— Только приданого за мной ничего ужъ нѣтъ, прибавилъ предметъ совершенно серьезно, и только глаза у нея лукаво свѣтились.

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ. Нѣтъ, такъ ужъ ничего не подѣлаешь, добродушно заговорилъ Никита. Маменька тоже гово-

рить: не женись, говорить, на богатой, а возьми добрую, да работающую дѣвушку, такъ и тебѣ хорошо будетъ жить, и я помру спокойно. Опять же я не такой, какъ другіе подмастерья. Они сегодня работаютъ, а завтра, глядишь, пьянъ подмастерье; сегодня пьянъ, а завтра опохмѣляется.. А я сегодня пьянъ, завтра пьянъ, а потомъ сѣлъ, да въ недѣлю шесть паръ новыхъ сапоговъ и спилъ. И работать-то я могу хоть въ рынокъ, куда хочешь.

Въ это же время происходилъ слѣдующій разговоръ между Машей и Григорьевымъ.

— Вы что сегодня злой такой? спросила Маша.

— А я всегда таковъ, такимъ и родился, отвѣчалъ Григорьевъ. Работаю—сердить; гуляю—еще сердитье.

— Загулялись, я думаю, на праздникахъ?

— Ничего, погуляли..

— Вы вотъ хоть догадались бы мнѣ нарядъ какойнибудь подарить... А то другія наряжаются на святкахъ, а мнѣ и надѣтъ нечего, — сказала Маша и вдругъ закусила губы и покраснѣла. Ей совѣстно стало. Григорьева она вовсе не любила.

У Григорьева точно огонь по жиламъ пробѣжалъ. Онъ пристально взглянулъ на дѣвушку, и у него губы болѣзненно дрогнули, глаза нехорошо блеснули.

— Можно, сказалъ онъ съ угрюмой усмѣшкой и опустилъ глаза въ землю.

— Не любить она меня, думаетъ онъ почему-то. А мнѣ плевать на это. Не любить, такъ не люби, а деньги добыть всегда можно... Какъ не добыть? — можно..., думалъ онъ съ какой-то злобой.

— Смотрите же, не забудьте, напомнила ему Маша, уходя съ своей подругой.

Григорьевъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и думалъ онъ вотъ что: видѣлъ онъ вчера вечеромъ въ щолку, что Братановъ пересчитывалъ деньги и положилъ ихъ въ маленькую шкатулку, а шкатулку поставилъ на верхнюю полку этажерки, стоявшей около окна, выходящаго въ палисадникъ; значить, деньги можно было добыть... Григорьевъ обдумалъ свое предпріятіе, и ни одной совѣстливой мысли не явилось въ немъ во время этого обдумыванья. Съ завистью и злобой смотрѣлъ онъ

въ это время на всѣхъ людей. Затѣмъ онъ вышелъ на дворъ, постоялъ на крыльцѣ и послушалъ.

— Пьяны всѣ, дьяволы, подумалъ онъ.— Голова у него болѣла, губы дрожали, и на всемя организмъ его точно лежала какая-то тяжесть, такъ что вздохнуть было трудно, кровь точно остановилась въ жилахъ. Обидь кто нибудь теперь его — онъ убилъ бы обидчика; погибай кто нибудь передъ его глазами — онъ засмѣялся бы только. Дѣло было въ томъ, что человѣку невтерпежь стало, долготерпѣнiе лопнуло, и вышелъ человекъ съ завязанными глазами на борьбу съ жизнью. Часовъ въ одиннадцать ночи, Григорьевъ благополучно кончилъ свое предпрiятiе и пришелъ въ мастерскую угрюмый, блѣдный и злой. Посмотрѣлъ онъ кругомъ, подумалъ, выругалъ Никиту и пошелъ къ Машѣ..

XVII.

Весь этотъ день Братановъ и не заглядывалъ въ свою квартиру. Утромъ отправился онъ къ Дымову, передалъ ему о результатахъ своей поѣздки и объявилъ, что находитъ нужнымъ оставить его контору.

Дымовъ не удерживалъ его, не потому, чтобы не дорожилъ Братановымъ, а скорѣе потому, что его богатый компаньонъ оставлялъ компанiю, и теперь у ней имѣлось въ виду въ скоромъ будущемъ рѣшительное разоренiе. Въ послѣднее время Дымовъ впалъ въ совершенную апатию.

Оставивъ бѣднаго старика, Братановъ пошелъ къ Вѣрочкѣ и просидѣлъ у ней до поздней ночи, такъ что домой вернулся уже въ двѣнадцать часовъ. Сначала онъ лѣниво, но въ полномъ благодушiи сбросилъ шубу, закурилъ папиросу и началъ расхаживать по комнатѣ, раздумывая опредѣляя отъѣздъ, о Вѣрочкѣ и о другихъ, вовсе не печальныхъ вещахъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что согрѣвается плохо, что въ комнатѣ точно струится холодный воздухъ. Онъ остановился и пожался отъ холода. Въ домѣ была мертвая тишина; пламя свѣчи по временамъ вздрагивало, и Братанову вдругъ стало тяжело и неловко.

— Безъ меня здѣсь былъ кто-то, думалось ему.— Подъ влiя-

ніемъ этой мысли, онъ быстро подошелъ къ этажеркѣ. Шкапулки съ деньгами не было, а въ неплотно-притворенную форточку такъ и врвался холодный вѣтеръ.

Бровь хлынула у него къ головѣ. Братановъ остановился неподвижно, съ закушенными губами, опущенной головой и съ страшно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Кто укралъ? Какъ отыскать деньги? натурально думалъ онъ, и мозгъ его напряженно работалъ надъ выясненіемъ средствъ, которыми можно было сдѣлать хоть что нибудь къ возвращенію украденаго.

— Чорта съ два сдѣлаешь въ этой трущобѣ, порѣшилъ онъ наконецъ, злобно кусая губы.

Порывисто и зло захлопнулъ онъ форточку, открылъ въ печкѣ отдушникъ, бросилъ на диванъ сюртукъ и началъ ходить по комнатѣ. Изъ отдушника несло тепломъ; становилось жарко; потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ Братанова; и много разъ останавливался онъ, проводилъ рукой по лбу и по волосамъ, и опять начиналъ ходить. Наконецъ онъ остановился и закурилъ сигару.

— Пронало, рѣшилъ онъ угрюмо. Всѣ расчеты разомъ разбились, всѣ давно обдумываемые планы приходилось опять перестраивать; опять приходилось работать изъ-ва куска хлѣба, справлять подещину, добывать деньги,—однимъ словомъ, опять приходилось начинать съизнова подготовительную работу.

— Ну, и начнемъ, угрюмо думалъ Братановъ. Эхъ!—подумалъ онъ о Вѣрочкѣ и махнулъ рукой. Что? развѣ такъ свалили съ ногъ, что ужъ и встать нельзя? Вздоръ, встанемъ! Заблагодушествовался ужъ очень;—а не хочешь ли теперь по старому, пѣшкомъ, подъ вьюгой, по морозцу путешествовать, рѣдъку съ квасомъ и хлѣбомъ ѣсть, курить махорку, а то и совсѣмъ ничего не курить?...

— Можно, думалъ онъ. Отчего нельзя? Такъ теперь и слѣдуетъ. Не пьянствовать же начинать съ гора! Сюртукъ по боку, книги тоже по боку, натягивай на плечи полушубокъ и бреди пѣшечкомъ въ страны привольныя!...

Братановъ вынулъ изъ сюртука портмонэ, раскрылъ его, выложилъ нѣсколько рублей денегъ, пересчиталъ ихъ, пересыпалъ на ладони рубля три серебряной монеты и присвистнулъ.

— Съ такой благодатью да умирать стать подумалъ онъ,

зкуривая потухшую сигару. Держи карманъ шире!.. еще торговлю заведешь, да пѣсни запоешь...

Онъ обернулся, посмотрѣлъ вокругъ себя на мебель, книги платяе и усмѣхнулся.

— Жить можно!...

Скрестилъ Братановъ на груди руки и началъ опять рассказывать по комнатамъ, покуривая и разсуждая о предстоящей работѣ.

— Грандіозная, должно быть, работа, думаетъ насмѣшливо читатель.

Не очень, читатель. Разсчитывалъ Братановъ, много ли денегъ выручить онъ продажей своего домашняго сварба, сколько обойдется путешествіе пѣшкомъ въ страны привольныя, сколько придется употребить денегъ на покупку лошади и на закупку одного сельскаго продукта, не весьма поэтического, но очень употребительнаго и дающаго по перевозкѣ барыши, что уже было испытано Братановымъ въ товариществѣ съ Силычемъ.

Какъ видите, Братановъ даже очень далеко думалъ отступить отъ своихъ разсчетовъ. И, вѣроятно, долго еще продумалъ бы объ этомъ Братановъ, если бы въ это время не послышался шорохъ въ сѣняхъ и не отворилась дверь.

— Ужъ не «на счетъ ли грабежа» приходятъ свѣдѣнія? натурально подумалъ Братановъ.

Вошла Александра Борисовна.

— Здравствуйте, Александра Борисовна. Какими судьбами ко мнѣ заѣхали? спросилъ Братановъ, сильно удивившись.

Александра Борисовна спjala шубку и сѣла.

— Я была на вечерѣ и теперь вздумала заѣхать къ вамъ, сказала она тихо. Мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами.

Братановъ посмотрѣлъ на нее и молча сѣлъ.

Александра Борисовна очень измѣнилась въ послѣднее время: похудѣла, глаза впали, губы сжались серьезнѣе и брови сдвинулись... Она закурила папиросу, причемъ Братановъ замѣтилъ, что и руки молодой дѣвушки очень похудѣли.

— Вы отказались отъ вашего мѣста въ конторѣ? спросила наконецъ Александра Борисовна и повернула къ Братанову поблѣднѣвшее лицо.

— Отказался.

— И, вѣроятно, думаете уѣхать?

— Дня черезъ три, вѣроятно, ѣду, а черезъ недѣлю непременно, сказалъ Братановъ.

Опять наступило молчаніе. Александра Борисовна блѣднѣла больше и больше, и наконецъ ею овладѣла легкая лихорадочная дрожь.

— Вы больны, Александра Борисовна? спросилъ Братановъ, глядя на нее.

— Нѣтъ, не беспокойтесь... я здорова.

Братановъ опять внимательно посмотрѣлъ на нее, и на этотъ разъ слишкомъ ясно видѣлъ, какъ Александра Борисовна вздрогнула, покраснѣла, а затѣмъ опять поблѣднѣла и опустила голову, когда встрѣтила его пристальный, спокойный взглядъ. Братановъ опустилъ голову и задумчиво пошелъ по комнатѣ.

— Такъ вотъ что! думалъ онъ. Бѣдная, бѣдная дѣвушка! И пришла-то она въ такое время, когда мнѣ самому помогай Богъ на ногахъ удержаться... Скажетъ бѣдная, что я, молю, Николай Егорычъ, люблю васъ... Мнѣ-то что же сказать? Я, Александра Борисовна, не люблю, молю, васъ; притомъ люблю другую, и, кромѣ того, мнѣ теперь приходится изъ-за куска хлѣба пробиваться.. Эхъ, натура дураковатая, хоть бы слова какія нибудь нѣжныя придумать!...

— Значить, вы начинаете вашу работу, о которой мы съ вами говорили лѣтомъ? тихо спросила Александра Борисовна. — Поэтому, должно быть, вамъ легко уѣхать наконецъ отсюда?

— Ну, не очень...

— Отчего? чуть слышно спросила молодая дѣвушка.

— Эхъ! злобно подумалъ Братановъ и крѣпко почесалъ затылокъ... Да дѣло-то, видите ли, Александра Борисовна, не совсемъ по моему расчету выходитъ. Сегодня мнѣ, ради праздника, большой сюрпризъ сдѣлали, говорилъ Братановъ. (Экія слова то полѣзли! думалъ онъ про себя). Обворовали меня сегодня.....

— Какъ такъ? быстро спросила Александра Борисовна.

— Такъ; почти всѣ капиталы украли....

— Какъ же вы думаете быть?

— Да снова начинать, приобрѣтать ихъ буду; что больше то дѣлать?

— Вы можете обойтись безъ посторонней помощи?

— Конечно обойдусь.

— Послушайте, Николай Егорычъ, мы вѣдь были, кажется, хорошими друзьями. Могу я помочь вамъ чѣмъ нибудь?

— Право же, я легко поправлюсь собственными силами, — тихо отвѣчалъ Братановъ, и не утерпѣвъ, подвинувъ стулъ и сѣлъ противъ молодой дѣвушки. Никакихъ почти затрудненій и лишеній не будетъ. Вы знаете, что я всегда говорилъ правду. И теперь тоже не имѣю никакихъ резоновъ врать предъ вами; тѣмъ болѣе, что привыкъ всегда обходиться собственными силами. Поэтому, если я говорю вамъ, что справлюсь безъ помощи другихъ, то вы такъ и понимайте, что я не обращаюсь къ другимъ за помощью. Если я говорю вамъ, что принужденъ идти вѣсколько сотъ верстъ пѣшкомъ, принужденъ питаться хлѣбомъ и квасомъ, такъ вы такъ и понимайте, что я *пойду* пѣшкомъ и буду ѣсть только *хлѣбъ*, а вовсе не въ томъ смыслѣ понимайте, что я помощи прошу.

— И вы пойдете пѣшкомъ?

— Пойду...

— Зачѣмъ же вы такъ мучиться хотите?

— Ошибаетесь, Александра Борисовна... Я, съ своей стороны, смотрю на это, какъ на занимательную и полезную прогулку...

— Значить, рѣшено? Вы уѣзжаете?

— Рѣшено.

Александра Борисовна долго смотрѣла на него, румянецъ понемногу сходилъ съ ея лица, и вдругъ она, закусивъ губы, начала дышать медленно, тяжело и на глазахъ показались слезы.

— А вѣдь я люблю васъ.... Неужели вы этого не видите? спросила она чуть слышно, прилегла къ рукѣ Братанова и заплакала.

Долго она плакала. Наконецъ подняла голову, стерла слезы, и грустная, съ заплаканными глазами, облокотилась на столъ. Братановъ поцѣловалъ ея блѣдный лобъ и всталъ.

— Видите вы, какія тутъ комбинаціи вышли, сказали онъ нетвердымъ голосомъ.

— Да, тяжело, сказала Александра Борисовна. — Послушайте еще.... Мы съ вами были вѣдь хорошими друзьями....

— Во всякомъ случаѣ, я всегда правду говорилъ. Не имѣю привычки врать.

— Ну, хорошо... Дѣло въ томъ, Николай Егорычъ... Пом-

ните, вы говорили мнѣ какъ-то, что всякому человѣку необходимо нужно работать, и самостоятельно работать?

— Необходимо.

— Теперь мнѣ нужно начинать самостоятельную работу.

— Это хорошо, сказала Братановъ, сильно упирая на свое областное о.

— Дѣло въ томъ, Николай Егорычъ, что меня хотятъ выдать замужъ за человѣка, котораго я не только не люблю, но и не уважаю даже.

— Ну, разумѣется, такому господину слѣдуетъ дверь указать, рѣзко сказалъ Братановъ.

— Конечно... это я знаю... И отецъ знаетъ, что я не терплю этого господина, но все-таки хочеть, чтобы я вышла за него.

— А пускай хочеть...

— Конечно!.. Я думаю такъ, Николай Егорычъ, продолжала молодая дѣвушка:—если я не хочу, чтобы отецъ требовалъ отъ меня чего бы то ни было, то и я не должна, и не имѣю никакого права ничего отъ него требовать.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Братановъ.

— Поэтому, мнѣ слѣдуетъ жить своимъ собственнымъ трудомъ. Я хочу уѣхать отсюда хоть бы въ Петербургъ. Тамъ скорѣе можно найти работу.—Что вы мнѣ на это скажете?

Братановъ задумчиво ходилъ по комнатѣ.

— За какую думаете вы взяться работу? спросилъ онъ наконецъ, останавливаясь.

— Это все равно... Я готова быть горничной, швей, за прилавкомъ сидѣть,—только бы работа нашлась.

— Видите что, заговорилъ Братановъ задумчиво: — намѣренье ваше хорошо и честно. Только мой совѣтъ вамъ вотъ какой. Стерпите немного, не смотря ни на что, останьтесь все-таки на годъ, на полтора дома и приготовьтесь къ работѣ: изучите ремесло какоенибудь, да пожалуй и не одно, а два-три и больше,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я и самъ думаю объ этомъ, и отъ другихъ слышалъ, что женщинѣ, хотя, бы и умной, и энергичной, но мало знающей,—нѣтъ почти никакихъ средствъ пропитываться своимъ собственнымъ честнымъ трудомъ.—Не рискуйте, Александра Борисовна...

— Чѣмъ? тихо и горько спросила молодая дѣвушка.

— Жизнью, рѣзко отвѣтилъ Братановъ.

— А миѣ что въ ней?

— Это ужъ ваше дѣло... По моему, если живете, такъ есть охота жить;—а если вы жить хотите, да еще жить не такъ, какъ другіе живутъ, такъ рассчитывайте и взвѣшивайте каждый шагъ... Иначе васъ раздавятъ.

— Такъ вы не вѣрите въ мои силы? спросила Александра Борисовна, вставая.

— Не вѣрю...

Молодая дѣвушка улынулась и взяла руку Братанова.

— Встрѣтимся ли мы съ вами когда нибудь? сказала она, задумчиво смотря на него сквозь слезы.

Братановъ молчалъ.

— Поздно однако же, продолжала Александра Борисовна, взглянувъ на часы, и опять пристально стала смотрѣть на Братанова.

— Теперь прощайте, сказала она наконецъ грустно и склонилась головой къ груди Братанова.—Подождите, встрѣтите вы меня когда нибудь самостоятельной, независимой женщиной, говорила она сквозь слезы.

— Дай Богъ, задумчиво сказалъ Братановъ.

— Непремѣнно... Ну, прощайте же, и, поцѣловавъ въ послѣдній разъ Братанова, она вышла изъ комнаты...

А въ другомъ концѣ города, въ грязномъ и душномъ кабацѣ, дико гулялъ угрюмый Григорьевъ съ цѣлой толпой пьяныхъ и жалкихъ работниковъ. Злобно и ѣдко ругался Григорьевъ, и по прежнему благодушный Никита зычно распѣвалъ любовный романсъ.

ХVIII.

Въ эту ночь Братановъ мало спалъ, да и этотъ недолгій сонъ былъ очень тревоженъ. Одно сновидѣніе смѣнялось другимъ, и сновъ этихъ было много. Сновидѣній обыкновенно не бываетъ тогда только, когда никакія особенныя впечатлѣнія, звуки и ощущенія не тревожатъ спящаго, когда дѣятельность мысли не была ненормально-возбуждена чѣмъ нибудь, а если

и была, то до такой степени сильно, что истощилась, обезсилѣла. Въ этомъ случаѣ сновидѣній не бываетъ. Братанову много пришлось перетрудоваться и передумать въ этотъ день, но онъ былъ молодъ и здоровъ; приходилось ему переносить прежде и не такія передвиги, следовательно, напряженіе его мысли не могло быстро истощиться, и продолжалось еще и во время сна.

Видѣлись Братанову больше знакомыя мѣста въ степи: широкая, необъятная равнина, замѣнутая вдали горами, рѣка, спутанныя лошади, телеги, огонь на берегу, — и вдругъ, со стороны горъ, изъ темныхъ ущелий дико раздавался вопль зарѣзаннаго Силыча...

Братановъ всталъ рано и поднялся съ своей постели съ той же мыслью, съ которой заснулъ. Проснувшись Братановъ не оттого, что отдохнулъ и освѣжился сномъ, а скорѣе оттого, что привыкъ всегда вставать въ это время. Потому не мудро, что мозгъ, напряженно проработавшій половину дня и всю ночь, утомился наконецъ поутру, — и Братановъ поднялся съ болѣзненной апатіей.

Устало обдумавъ онъ свое положеніе, вспомнилъ мимоходомъ о Вѣрочкѣ и апатично махнулъ рукой.

— Пропадеть, такъ пропадетъ!.. Много ихъ пропадетъ, за всѣхъ не заплачешься... Если къ всякому человеку въ нѣтъ ли напрашиваться, такъ самому придется съ голоду умереть.

Апатично, чуть не машинально выпилъ онъ стаканъ чаю, закурилъ папиросу и, не докуривъ, бросилъ ее на полъ, одѣлся и пошелъ къ Вѣрочкѣ.

— Вѣрочка — дѣвушка хорошая, твердая и понимать вещи можетъ, думалъ онъ дорогой: — съ ней не придется теревать изъ пустого въ порожнее, мазать по губамъ красивыми словами и излечивать ненормальное положеніе организма благородными мыслями. Любовь да любовь, благодушіе да благодушіе... Благодать чортова это благодушіе! Любобью да благодушіемъ въ наше время не проживешь, потому скука заѣстъ. Вотъ ненавистью — такъ проживешь, въ волю можно прожить.

Усталый и апатичный пришелъ онъ къ Вѣрочкѣ, пожалъ ей руку и молча сѣлъ на окно. «Прямо развѣ и бухнуть, что прощай, молъ, милая! удираю»... подумалъ онъ.

— Что съ тобой такое? спросила Вѣрочка, подходя къ нему

— Что, блѣдень развѣ?—спать плохо, сказала Братановъ.

— Болѣнь?

— Нѣтъ обстоятельства подошли табія...

— Какія-жъ обстоятельства? спросила Вѣрочка, приподнямая его волосы, опустившіеся на лобъ.

— Плохо, Вѣрочка... Теперь приходится всѣ планы перестраивать и начинать работу съизнова. Шагнулъ бы широко, да ноги подломилась... Вчера меня обокрали, Вѣрочка.

Вѣрочка вздрогнула и поблѣднѣла.

— Въ то время, когда ты у меня былъ?

— Въ то время.

— И много украли?

— Всѣ отложенныя на дѣло деньги.

— О, Боже мой! Что же ты теперь дѣлать станешь?

Вѣрочка была глубоко поражена, потому предвидѣла, что Братанову, пожалуй, уѣхать придется, и неизвѣстно—поѣдетъ ли она съ нимъ, или не поѣдетъ, но во всякомъ случаѣ жизнь, какую она мечтала устроить впоследствии съ Братановымъ, оказывалась теперь неосуществимою. Поѣдетъ она съ Братановымъ—тогда что будетъ впереди? Не поѣдетъ—тогда опять пустѣла и обезцвѣчивалась ея жизнь. Тяжело было Вѣрочкѣ.

— Поѣду я съ нимъ, не могу не ѣхать, думала она. Не могу я жить безъ него.

А теорію приложить къ практикѣ,—будто отвѣчалъ Братановъ,—прежнія мои измышленія осуществить на дѣлѣ! Говорилъ вѣдь я прежде, что если собьютъ съ ногъ, такъ нужно опять подниматься, если отбросятъ назадъ, такъ опять впередъ бросаться нужно, пока живъ... Ну, и поѣдемъ впередъ, опять работать станемъ съизнова. Что же больше-то дѣлать?

— Такъ ты уѣзжаешь отсюда? спросила наконецъ Вѣрочка, крѣпко сжимая руку Братанова.

— Уѣду.

— Когда?

— Дня черезъ три, черезъ четыре.

— Поѣдемъ вмѣстѣ...

— Нѣтъ, сказалъ Братановъ очень тихо. Нельзя, Вѣрочка!..

Вѣрочка съ удивленіемъ взглянула на него и отступила назадъ.

— Ну, и тутъ приходится нянчиться, жолчно подумала

Братановъ. Эхъ, народъ!... Нельзя безъ того, чтобы не повѣситься любезному другу на шею! — хоть неловко, да тащи ихъ, — обязанность, говорить ,твоя такая...

— Отчего нельзя? спросила Вѣрочка...

— Оттого, молчно отвѣтилъ Братановъ, — оттого, что ты свяжешь мнѣ руки.

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, всталъ и началъ ходить по комнатѣ; а Вѣрочка взглянула вслѣдъ ему, облокотилась на столъ и сидѣла блѣдная, неподвижная съ опущенными глазами; казалось ей, что теперь погибла жизнь ея.

— Убилъ! горько подумалъ Братановъ и взглянулъ на нее. Честное и простое слово сказалъ, а на ея языкѣ оно оказывается подлымъ словомъ. Правъ, значить, Рудевъ, когда говоритъ, что ихъ жизнь — не наша жизнь, ихъ радости — не наши радости... Ну, промахнулся, значить, съ Вѣрочкой... По ея мнѣнію, самая сладкая жизнь тогда только, когда въ ней самоотверженіе царствуетъ, жертвы всякія совершаются. А по моему, ты о себѣ думай, а я о себѣ стану думать; ты для себя живи, а я стану жить для себя... И хорошо, кажется, и удобно, а нѣтъ, ломаютъ себя и свою собственную натуру, и другихъ къ тому обязываютъ...

— Ты меня не любилъ, тико сказала наконецъ Вѣрочка.

— Любилъ.

— Такъ не любишь теперь.

— Не люблю, горько отвѣтилъ Братановъ и продолжалъ ходить.

— За что же? спросила дѣвушка.

— За то, что ты хочешь связать меня, хочешь мою жизнь связать съ твоей... Это я ненавижу.

Вѣрочка облокотилась на колѣни и закрыла руками лицо. Что ей думалось? Я полагаю, что ничего не думалось.. Всѣ планы, всѣ расчеты разрушились, уничтожилась всякая связь между мыслями, и не на чемъ было остановиться. — Не любилъ онъ меня, думала она прежде. — Любилъ, отвѣтилъ Братановъ. — Не любишь теперь. — Не люблю, отвѣчали ей. — За что же разлюбилъ? — За то, отвѣчали, что хочешь свою жизнь связать съ моею...

Вѣрочка вдругъ поняла, что Братановъ дѣйствительно другой человѣкъ, что ей нельзя жить съ нимъ, что она не знала

его, не пожимала и все-таки горячо любила.—Конечно, все это думала она съ глубокой тоской.

— Еще, Вѣрочка, заговорить наконецъ Братановъ:—я припшю тебѣ мой адресъ. Если тебѣ будетъ нужна моя помощь, ты, вѣроятно, обратишься ко мнѣ. Все-таки я люблю тебя, какъ хорошую и добрую дѣвушку.

— Наниши, сказала Вѣрочка и даже не взглянула на него.

— Прощай, Вѣрочка! сказалъ Братановъ, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и остановился передъ ней.

Вѣрочка отвернулась отъ него и зарыдала.

XIX.

Опять поздній зимній вечеръ. Послѣ послѣдней сцены прошло недѣля полторы. Въ домѣ, гдѣ жилъ Братановъ, въ мастерской сапожниковъ стучали молотки, шуричала продаваемая сквозь кожу дратва и шли благодунные разговоры между подмастерьями. Тутъ работали и Григорьевъ; работали и нанятый Никита. Никита по старому раскивалъ романсы и пѣсни, по старому безобидно ругался и ночесывалъ грязное тѣло; но видно было, что не по старому живетъ Григорьеву. Похудѣлъ онъ, постарѣлъ, работалъ апатично, говорилъ мало, а если и говорилъ, то каждое слово его было топоромъ вырублено,—рѣзко и ядовито сказывалось каждое словцо. Чувствую я, что иначе смотреть онъ теперь на жизнь, смотреть на нее не какъ на вѣчную смѣну ѣды и работы, спанья и работы, работы и ѣды, не какъ на вѣчную грязную работу, услаждаемую благодунными разговорами. Иначе смотреть. Испробовать онъ, какъ живетъ тогда, когда можно дѣлать все, что душа запроситъ, и не думаю, чтобы могъ онъ относиться примирительно къ своему «вѣчному мѣсту», могъ не тосковать объ испробованной привольной жизни. Рвется онъ къ этой привольной жизни. — А жить хочется всякому.

Ради этой привольной жизни, далеко, вереть за двѣсти отъ этого города, по пустынной дорогѣ, обозначенной жалкими, натыканными въ снѣгъ елками, подъ вьюгой, среди мертвой тишины, идетъ Братановъ, приближаясь къ незавидному поч-

легу въ какой нибудь дымной и грязной деревенской избѣ. Распахнулъ онъ верблюжій плащъ, надѣтый на полшубокъ, снялъ рукавицы съ вспотѣвшихъ рукъ, и страшно сгорбленной рисуется на снѣгу его длинная тѣнь, — а мечтаетъ онъ создать въ будущемъ вольную, хорошую жизнь, даже не для одного только себя.

Ради этой привольной жизни, далеко отъ города ѣдетъ въ этотъ вечеръ Александра Борисовна, оставившая для этой ожидаемой жизни прежнюю благодушную жизнь, сложившуюся вокругъ нея съ самаго дѣтства. Оставила эту жизнь Александра Борисовна. Лучше было бы, еслибъ она приняла совѣтъ Братанова, но знаю я, что не могла она въ этомъ случаѣ повѣрить его словамъ. Въ томъ, по моему мнѣнiю, и состоитъ темная сила сложившейся кругомъ насъ жизни, что не знаемъ мы ее, не знаемъ, какія знанiя и силы требуются для совладанiя съ нею, а поэтому не можемъ оцѣнить и тѣхъ силъ, которыя уже имѣются въ насъ. Много приходилось мнѣ знать людей, мечтавшихъ, при выходѣ на борьбу съ рутинной, о независимомъ устройствѣ своей собственной жизни, вѣрившихъ въ эти мечтанiя сильно и кончившихъ, большею частью, незавидно. Конечно, жаль этихъ людей, но выводъ все-таки тотъ, что или вовсе не было въ нихъ силы, или мало было ея.

XX.

Мой рассказъ конченъ. Впрочемъ, можетъ быть, нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ кончила свою жизнь Александра Борисовна. Распространяться много не зачѣмъ, потому что я пишу не романъ, преисполненный безчисленными неожиданностями, а повѣсть, въ которой хотѣлъ бы, по возможности, меньше вдаваться въ описанiя какихъ бы то ни было жизненныхъ случайностей.

Александра Борисовна, вышедшая въ жизнь безъ средствъ и силъ, не могла хорошо кончить. Она уѣхала въ Петербургъ. Мечталась молодой дѣвушка тяжелая, трудовая, но независимая жизнь.

— Буду я знать, думала она дорогой, что кусокъ хлѣба, который я ѣмъ, добытъ собственными моими руками, башмаки,

которыя я ношу, добыты моимъ собственнымъ трудомъ. Пусть никто отъ меня не требуетъ ничего, потому что не имѣетъ права требовать. Последней тряпкой на моемъ тѣлѣ я себѣ буду обязана, и никому больше. Велики были силы ея молодого ума, если, не смотря на все уродованье его, не смотря натщательное скрыванье отъ нея жизни, она, на основаніи немногихъ фактовъ, которые пришлось ей видѣть въ ихъ настоящемъ значеніи, выработала такой свѣтлый и честный взглядъ на жизнь. Чистая и хорошая она была женщина. Она не сподличала бы, не украла бы, не потому, чтобы боялась какого бы то ни было наказанія, а потому просто, что это противно ея натурѣ. Она не терпѣла, чтобы надъ ней имѣли право надругаться, имѣли бы право заставить покраснѣть ее, потому что этимъ независимость ея уничтожалась бы.

— Трудиться буду, думала она дорогой; поспраживала, теперь—довольно. Буду, пожалуй, гувернанткой; если нужно будетъ, пойду за прилавокъ, въ контору, швеей сдѣлаюсь, хоть въ горничныя пойду. Работа найдется.

А въ Петербургѣ работы много было: вездѣ требовались дѣльные люди, но для Александры Борисовны не было работы, да и быть не могло, потому что она не знала ничего, даже употребленія шила и дратвы, которое все-таки можетъ доставить работнику и тепло, и хлѣбъ; не имѣла она даже простой мускульной силы, не знала, куда можно приложить силы, которыя были въ ней, потому что жизни не видала,—терпѣть голодъ и холодъ не могла, да наконецъ и помощи просить не научилась.

Долго ходила она по Петербургу, заглянула пристальнѣе въ жизнь, и страшно ей стало, когда пришлось приглядывать свои силы къ жизни. Не оказалось никакихъ силъ.—Деньги уходили.

— Написать къ сестрѣ? мелькнула въ ней какъ-то мысль, когда Александра Борисовна грустно посмотрѣла изъ окна своей комнаты на темные дома и огни въ домахъ, и чувствовала, что во всемъ громадномъ городѣ, во всей совершающейся кругомъ ея жизни, она совершенно чужая.

— Нѣтъ, назадъ не пойду, отвѣтила она съ какой-то злобой, и губы ея сжались, глаза заблестѣли.—И дома мнѣ нечего дѣлать.. И тамъ нѣтъ для меня ничего хорошаго.

Нашлось, наконецъ, мѣсто наборщика въ типографіи. Горячо было обрадовалась Александра Борисовна, но скоро не по силамъ

оказалась работа, и молодая девушка заболѣла. Слегла она въ больницѣ. Разстроенному организму мало могло помочь глубокое отчаянье, не только въ возможности своего счастья, но даже въ возможности жить, — разочарованіе въ самой себѣ и въ своихъ силахъ. Органамъ постепенно ослабѣвая, и, чрезъ мѣсяцъ послѣ вступленія въ больницу, она, къ счастью, умерла.

По моему мнѣнію, обвинять ее не за что, и если нужно обвинить кого нибудь, такъ ужъ лучше обвинять ту жизнь, въ которой здоровому человѣку жить нельзя.

И. Холодовъ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

(Статья вторая)

Физиологическое преобладаніе славяно-русскаго племени надъ всѣми сибирскими племенами многообразно выражалось и выражается въ метисаціи, въ скрещеніи его съ этими племенами. Скрещеніе это было неизбежно, въ силу общаго физиологическаго закона. «Если область обширна, говоритъ Дарвинъ, то отдѣльные округи ея будутъ, по большей части, представлять разныя жизненныя условія; и тогда, при видоизмѣненіи и усовершенствованіи вида естественнымъ подборомъ, на границахъ или въ предѣлахъ каждаго округа будетъ происходить скрещеніе между индивидуумами различныхъ разновидностей или разностей. И дѣйствіе скрещенія, въ этомъ случаѣ, едва ли будетъ взвѣшено естественнымъ подборомъ, стремящимся видоизмѣнить всѣ особи каждаго округа, сообразно господствующимъ въ немъ условіямъ; ибо въ непрерывной области жизненныя условія одной полосы большею частью незамѣтно переходятъ въ условія другой полосы. Въ Сибири, съ самаго начала русскаго колонизаціи и до позднѣйшаго времени, смѣшеніе и скрещеніе племенъ совершалось въ широкихъ размѣрахъ и различными путями. Одни пути вели прямо къ физиологическому сліянію и смѣшенію инородческихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, посредствомъ метисаціи, скрещенія. Другими путями племена, посредствомъ различныхъ условій сосѣдства и сближенія, обобщались съ русскими колонистами, усвоили ихъ языкъ, образъ жизни и занятій, нравы и обычаи, и такимъ образомъ, путемъ постепеннаго вѣшняго обрусѣнія, подготовлялись къ совершенному физиологическому

бъединенію и сліанію съ русскимъ народомъ, вслѣдствіе постепеннаго отрѣшенія отъ своихъ племенныхъ особенностей путемъ послѣдовательнаго, морально-физическаго и внѣшне-бытоваго видоизмѣненія въ русскую народность.—Укажемъ теперь на непосредственные способы и физиологическіе результаты скрещенія.

Во-первыхъ, похищеніе или взятіе въ плѣнъ инородческихъ женщинъ, въ видѣ ясыря, и сожителство съ ними естественно вело къ смѣшенію, къ скрещенію племенъ и къ рожденію новаго, европейско-сибирскаго поколѣнія русскаго народа. Русскіе казаки, служилые, торговые, промышленные и всякіе гулящие люди въ Сибирь приходили обыкновенно безъ жонъ. И потому они вынуждены были постоянно похищать и уводить въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ разныхъ сибирскихъ племенъ;—иногда покупали ихъ. Такая метсация русскихъ съ инородческими женщинами шла одновременно и по слѣдамъ русской колонизаціи, и въ разныхъ мѣстахъ Сибири принимала мѣстный этнографическій характеръ. Такъ, въ западной Сибири русскіе казаки и служилые люди смѣшивались съ туземными инородческими женщинами — вогулицкими, остяцкими, самоѣдскими, татарскими, киргизскими, калмыцкими и другими. Духовенство московское неоднократно вопіяло противъ такого смѣшенія русской крови съ иноплеменной. «Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые преже сего бывали въ Сибири, писалъ патріархъ Филаретъ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1622 году,—что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотемъ: многіе де русскіе люди съ татарскими и съ остяцкими, и съ вогулицкими поганскими жонами смѣшались, и скверная дѣютъ; а иные живутъ съ татарскими, некрещеными, какъ есть съ своими жонами, и дѣютъ съ ними противность» ¹⁾. Точно такъ же, митропол. Филофей, отъ 7 сентября 1725 г., извѣщалъ губернскую канцелярію, что «казаки, за ясакомъ посылаемые, берутъ вмѣсто подводчиковъ *красиволицыхъ жонъ и дѣвицъ остяцкихъ, и другихъ инородковъ*, и наслуютъ, на что жаловаться не смѣютъ застрашиваемые родители».—Русскіе поселенцы Березова покупали молодыхъ остячекъ по 20 копѣекъ ²⁾. Почти безпрерывныя возстанія и на-

¹⁾ Собран. государств. грамотъ, ч. III, № 60.

²⁾ Садовъа, Историч. обзор. Сибири, II, стр. 91. Абрамова, описан. березовск. края въ Записк. геогр. общ. 1857, кн. XII, стр. 348—349. За дѣвицъ инородческихъ платили отъ 2 р. до 50 к. мѣдью.

бывш калмыковъ, татаръ, остяговъ, виргизовъ и другихъ инородческихъ племенъ западной Сибири на русскія колонны были не только естественной опозиціей противъ русской колонизаціи, но также постоянной племенной реакціей противъ русскаго племени, противъ метисаціи и смѣшенія крови. Это была борьба племенъ за существованіе или, говоря этнологическимъ языкомъ того времени, — борьба каждой инородческой противъ чужды и крови русской. И не послѣднюю роль, въ этихъ племенныхъ соотнѣшеніяхъ, играли половой подборъ и борьба за женщинъ. Русскіе казаки и служилые люди постоянно выводили съ поля битвъ, изъ покоренныхъ улусовъ, сотни инородческихъ женщинъ и дѣвицъ, а инородческія племена жерѣдко бились изъ-за того только, чтобы возвратитъ своихъ колоненныхъ жонъ и дочерей и, въ свою очередь, увести въ плѣнъ русскіихъ женщинъ и дѣвицъ. Русскіе, однакожъ, уже въ силу одного физиологическаго преимущества и наибольшійшей боевой вооруженности, постоянно одерживали верхъ въ битвахъ съ разными племенами, и постоянно уводили въ плѣнъ ихъ женщинъ и дѣвицъ. Такъ, во время набѣговъ калмыковъ и виргизовъ на кузнецкій и томскій уѣзды, въ 1673—1674 г., русскіе служилые люди и казаки уводили у нихъ въ плѣнъ женщинъ по 100 и болѣе ¹⁾. Въ 1674 г. томскіе служилые люди двяли въ полонъ у «чорныхъ калмыковъ» жонъ вмѣстѣ съ дѣтми — болше 400 головъ ²⁾. Также много было похищено калмыцкихъ женщинъ во время набѣговъ калмыковъ на тюменскій уѣздъ, въ 1667—1668 годахъ ³⁾. Равнымъ образомъ набирали женщинъ въ плѣнъ у вогуловъ, татаръ, остяговъ и самоѣдовъ. То же самое дѣлали русскіе казаки и служилые люди въ восточной Сибири. Въ Дауріи, Кабаровъ съ служилыми людьми везлъ у тамонныхъ тулгузскихъ племенъ «бабья ноголовко, старыхъ и молодыхъ, и дѣвожь, — 248 желовина» ⁴⁾. Часто служилые и привазные люди насильственно смѣшивали съ инородческими женщинами. Напримѣръ, въ 1676 году, тулгузскіе жаловались на черниискаго привазнаго человѣка, Назва Шуленига: «ту брацкаго человѣка Абаха Шуленига сидитъ въ черниискаго омынѣ въ аманатахъ, съ женою Гулинкаемъ, и онъ, Павелъ, ту аманатскую жену, а его Абахаеву сноху своимъ насильствомъ смлетъ къ себѣ на постелю сильно, по многое время, и въ санѣ съ дею царитомъ» ⁵⁾. Въ Якутскѣ,

¹⁾ Дополн. къ акт. истор. т. VI, № 93, стр. 322 и др.

²⁾ Дополн. т. VI, стр. 323.

³⁾ Дополн. т. V, № 49.

⁴⁾ Дополн. III, № 102.

⁵⁾ Дополн. т. VII, № 75, стр. 372.

на Колымѣ, Анадырѣ, Охотѣ и по другимъ рѣкамъ и зимовьямъ, русскіе служилые люди и первые поселенцы еще болѣе нуждались въ женщинахъ, и потому еще болѣе насильно захватывали якутскихъ, тунгусскихъ, юкагирскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ. Такъ, въ 1645 г., на якутскаго воеводу и дьяка жаловались, что «по ихъ велѣнью, служилые люди бабъ у якутовъ емлютъ сильно» ¹⁾. Въ 1679 году, ясачные якуты жаловались на воеводу Андрея Барнешлева: «будучи онъ на воеводствѣ, ималь насильствомъ у нихъ дочерей ихъ дѣвокъ и отъ живыхъ мужей жонъ ималь себѣ въ холопство и крестилъ, и ималь себѣ во дворъ казачьихъ дѣтей въ холопство же, и за тѣхъ казачьихъ дѣтей ихъ якутскихъ взятыхъ дочерей силою замужъ выдавалъ, а иныхъ отсылалъ въ Енисейскъ» ²⁾. Въ наказѣ якутскому воеводѣ Приклонскому, въ 1680 г., повторена была жалоба на дѣтей боярскихъ, что «они у ясачныхъ людей жонъ и дѣтей, и у многихъ жилищныхъ людей работницъ и племянницъ, и дочерей крестныхъ, своими примѣтами угрожая, брали себѣ и отсылали въ иркутскій острогъ» ³⁾. Въ охотскомъ острогѣ казаки держали у себя «ясырь — некрещеныхъ бабъ тунгусскихъ, а другіе имѣли при себѣ наемныхъ кортомленныхъ тунгусскихъ дѣвокъ» ⁴⁾. Тамъ казаки покупали и продавали тунгусскихъ дѣвицъ за 7 соболей и 10 лисицъ красныхъ съ 4 пластинками собольими» ⁵⁾. И въ плѣнъ тоже часто брали тунгусокъ, какъ наприм., въ 1652 г. взяли до 17 бабъ у тунгусовъ алганскаго рода» ⁶⁾. Въ 1681 г. «взято было на бою 20 дѣвокъ и 10 бабъ съ десятью ребятами мужескаго пола» ⁷⁾. Въ то же время, дѣти боярскіе, въ родѣ Юрія Крыженовскаго и Петра Ярыжкина, и всякихъ чиновъ служилые люди, будучи въ походахъ на Индигиркѣ и Охотѣ, «имали себѣ у иноземцевъ, тунгусовъ и юкагировъ жонъ и дочерей для блуднаго дѣла» ⁸⁾. На Колымѣ, русскіе казаки и служилые люди, по жалобѣ юкагировъ, «брали въ войско, за ясакъ, жонъ, дочерей, сестеръ и племянницъ юкагирскихъ и ламутскихъ, и тѣхъ жонокъ изъ войска продавали промышленнымъ людямъ на соболей» ⁹⁾. Какъ видно изъ актовъ, рус-

1) Дополн. III, № 5, стр. 37.

2) Дополн. т. VIII, № 56.

3) Дополн. т. VIII, № 69, стр. 265.

4) Дополн. VII, № 61, грам. IV, стр. 276.

5) Дополн. VII, стр. 286.

6) Дополн. III, № 92.

7) Дополн. VII, стр. 301.

8) Дополн. VII, № 61, стр. 303.

9) Дополн. IV, № 144 стр. 383.

ские люди постоянно брали въ плѣнъ, покупали, подговаривали и вывозили въ города, остроги и зимовья бабъ и дѣвицъ ясашныхъ людей — якутскихъ ювагирскихъ, ламутскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ ¹⁾. Вообще, смѣшеніе русскихъ съ инородцами было повсемѣстное въ Сибири. Вслѣдствіе такого постоянного набора въ составъ первоначальнаго, малочисленнаго русскаго населенія Сибири женщинъ туземныхъ, инородческихъ, вслѣдствіе постоянного смѣшенія съ ними первыхъ русскихъ поселенцевъ—казаковъ, служилыхъ, приказныхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей—вождей и пролагателей сибирской колонизаціи въ Сибири,—естественно, въ началѣ должно было народиться смѣшанное поколѣніе изъ незаконнорожденныхъ дѣтей — помѣсей русскихъ людей съ инородческими женщинами. Эти проводники и пролагатели путей колонизаціи были, такимъ образомъ, вмѣстѣ и первыми проводниками, распространителями метисаціи, смѣшенія племенъ, первыми орудіями русскаго физиолого-этнографическаго процесса народонарожденія.

Церковные браки русскихъ людей съ крещеными инородческими женщинами и дѣвицами, и наоборотъ, браки крещеныхъ инородцевъ на русскихъ также составляли и составляютъ прямое средство метисаціи, смѣшенія племенъ. Московское правительство XVII вѣка, желая мирнымъ образомъ сблизить и слить сибирскихъ инородцевъ съ русскими служилыми людьми, издало нѣсколько особыхъ

¹⁾ Дополн. IV, стр. 78; т. VII, № 23, стр. 140 и др. Почти въ то же время, какъ въ Сѣверной Америкѣ начался торгъ неграми,—русские въ Сибири, въ первой половинѣ XVII вѣка, начали было тоже постыдный торгъ сибирскими инородцами и ихъ женщинами. Наприм., въ грамотѣ 1649 года окт. 18 ение. восводѣ читаемъ: „Енисейскіе служилые люди правозять въ енисейскій острогъ съ Байкала озера брацкихъ людей полоняниковъ, мужской полъ и женской, и въ енисейскомъ острогѣ тѣхъ полоняниковъ продакъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, а торговые и промышленные люди купятъ тѣхъ полоняниковъ и, записавъ въ тамошнѣ, вывозятъ на Русь, а въ сѣвѣжей избѣ купленныхъ людей никого не объявляютъ. (Дополн. III, № 62). Еще раньше, грамотой царя Михаила Федоровича въ 155 г. предписано было „на заставахъ смотрѣть и беречь накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дѣяки, и письменныя головы, и ихъ братья, и дѣти, и племянники, и люди, и дѣти боярскіе, и сибирскіе служилые и торговые, и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси. къ Москвѣ или въ нѣмѣ которые города, и повезуть съ собою сибирскихъ татаръ и оस्ताковъ, и ихъ жонъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать всякими мѣрами накрѣпко, и у кого объявится ясырь, татарове и остяки, и ихъ жоны, и дѣти, робята и дѣвки,—и ихъ тотъ ясырь, которые взяты будутъ на Верхотурь и на Березовъ, на Собской и на Обдорекной заставахъ,—отсылать въ Тобольскъ, а съ Ижемской заставы отсылать черезъ Пустозеро въ енисейскій острогъ, и проч. (ibid.).

постановленій о церковныхъ бракахъ русскихъ служилыхъ людей съ крещеными иноподчестными женщинами. Такъ, еще въ 1645 г., царь Михаилъ Федоровичъ, по случаю пронаводнилаго года постыднаго торго-сибирскими иноподчестными — татарами, остяками, бурятами, ихъ жонами и дочерями, и другими племенами, — издалъ грамоту о преевченіи многого торго, и въ ней предписаволь: «крещенымъ дѣвокъ и жонокъ татарскихъ, остяцкихъ и другихъ выдавать замужь за служилыхъ людей, за кого пожелаетъ». Это предписаніе повторено было и въ слѣдующихъ годахъ, въ 1646 и 1647. Алексій Михайловичъ, въ свою очередь, подтвердилъ всѣ эти указы въ грамотѣ енисейскому воеводѣ, 18 юл. 1649 г., съ тѣмъ внушительнымъ кривововуленіемъ, «чтобы иже изъ ясыря, съ Байвала озера, съ Лены и изъ другихъ немирныхъ земляцъ, изъ брацкихъ людей и изъ другихъ — крещенымъ жонкамъ и дѣвокамъ выдавать за служилыхъ людей и за нашенныхъ крестыанъ замужь» ¹⁾. Въ наказѣ якутскому воеводѣ Лодыженскому, въ 1651 году, съ тѣмъ же, «чтобъ сибирская ленская земля простраивалась, а не пустѣла», тоже предписавольсь: «буде кто изъ женскаго пола, жонки или дѣвки асачныхъ людей, — похотятъ креститься, и гѣтъ жонокъ и дѣвокъ велѣтъ крестить и выдавать замужь за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей» ²⁾. Въ 1659 г., съ того же цѣлью, чтобъ сибирская земля простраивалась, а не пустѣла, тоже велѣно было илнскому воеводѣ — «полояннокъ женскаго пола, жонокъ и дѣвокъ крестить, если захотятъ, и выдавать замужь за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей, а къ себѣ во дворъ отнюдь не брать воеводѣ, и никакимъ людямъ такихъ жонокъ и дѣвокъ не держать» ³⁾. Въ 1664 году, въ наказѣ тобольскому воеводѣ Голицыну было то же предписано, что и прежнимъ тобольскимъ воеводамъ предписавольсь: «крещеныхъ жонокъ и дѣвокъ татарскихъ, калмыцкихъ остяцкихъ и другихъ выдавать замужь за служилыхъ людей» ⁴⁾. Однимъ словомъ, постановленіе это о выдачѣ крещеныхъ иноподчестныхъ женщинъ и дѣвицъ за русскихъ служилыхъ людей было общимъ правиломъ и повторялось въ каждомъ наказѣ всѣмъ вообще сибирскимъ воеводамъ. Оно и необходимо было тогда, и неизбежно исполнялось во всей Сибири. Русскимъ казакамъ, служилымъ, приказнымъ, торговымъ, промисловымъ, пашеннымъ и всякимъ другимъ людямъ, приходившимъ въ Сибирь безъ kota и двора, иначе не

¹⁾ Исполн. къ акт. истор. т. III, № 62.

²⁾ Доклад. III, № 83, стр. 310—311.

³⁾ Доп. IV, стр. 165.

⁴⁾ Доп. IV, № 138, стр. 360.

гдѣ было брать жонъ, кромѣ туземныхъ инородческихъ женщинъ и дѣвицъ. Ихъ же сотнями и даже тысячами тогда наплывало и присылалось въ Сибирь. Напримѣръ, въ одинъ Якутскъ требовалось до 1000 служилыхъ людей, и на лицо ихъ было въ 1670 г. до 670 человекъ; по 22 ясачнымъ зимовьямъ якутскаго уѣзда разсылалось около 660 человекъ. Всѣ они были безъ жонъ. Гдѣ же было имъ брать жонъ, кромѣ окрестныхъ инородческихъ ордъ и улусовъ? Оставалось брать ихъ у окрестныхъ якутовъ, тунгусовъ и юагиэровъ якутскаго уѣзда, и изъ среды 12,236 душъ однихъ тогдашнихъ ясашныхъ якутскаго края можно было выбирать жонъ ¹⁾. Въ Камчаткѣ русскіе казаки также женились на камчадалкахъ. Крашенинниковъ сообщаетъ такое свѣдѣніе объ этомъ: «изъ острожковъ, покоренныхъ силою, брали они довольное число въ полонъ женскаго полу и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляя по себѣ, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей, большею частью, и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они, по прибытіи священника, дочерей ихъ за себя возьмутъ. Такимъ образомъ, случалось, что у казака крестины невѣсты (камчадалки), свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ острогахъ былъ одинъ священникъ, который жилъ въ нижнемъ острогѣ, и въ другіе пріѣзжалъ черезъ годъ или черезъ два года; между тѣмъ, многіе женились на камчадалскихъ дочеряхъ, дѣтей рождали, которыхъ дѣяку должно было крестить, а священнику, пріѣхавъ, родителей вѣнчать и матерей крестить» ²⁾.

Вообще, по справедливому замѣчанію Н. Пѣтухина, русскіе, выходяцы, изъ Вологодской и другихъ сѣверныхъ губерній, поселившіеся въ Сибирь, женились на туземкахъ и образовали первое поколѣніе сибиряковъ. ³⁾ «Уже съ XVII в., и особенно съ половины XVIII столѣтія, не только русскіе брали крещеныхъ инородческихъ жонъ, но и сами инородцы стали жениться на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ. Нерѣдко князья сибирскихъ племенъ женились на русскихъ и поступали въ составъ русскаго дворянства. Напримѣръ, въ 1603 г., сынъ кандинскаго остяцкаго князя Игичея, Михайлъ, крестившись въ Москвѣ, женился на русской дѣвицѣ изъ знатной

¹⁾ Доп. VI, № 136, стр. 408.

²⁾ Описан. Камчатки, т. II, ч. III, стр. 244.

³⁾ Повѣда въ якутскѣ, стр. 237.

фамилии и сдѣланъ былъ стольникомъ»¹⁾. «Вогулчи, говоритъ Лепехинъ, съ 1722 года, въ которомъ крещены, стали отъѣзжны и свободно берутъ за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ—по крайней мѣрѣ, по рѣкѣ Тавдѣ,—можно видѣть, у которыхъ тѣлосложение, прежней ихъ природѣ соответствующее, осталось.»²⁾ «Въ Тобольскѣ киргизы женились на русскихъ, а русскіе, и въ томъ числѣ нѣкоторые знатные ссыльные, женились на остячкахъ, какъ въ Тобольскѣ, такъ и въ Березовѣ.»³⁾ Въ Тюмени, Тарѣ и вообще въ западной Сибири очень часты были взаимные браки русскихъ и татаръ. Въ Томскомъ краю весьма обычны были обоюдные браки у русскихъ съ татарами, киргизами и калмыками, отчего тамъ русское народонаселеніе представляло, по свидѣтельству Татищева, разные расты и обличья, и было «смѣшанной природы—калмыцкой, татарской и киргизской». ⁴⁾ Однимъ словомъ, во всѣхъ краяхъ Сибири, были болѣе или менѣе обычны и часты взаимные браки между инородцами и русскими. И въ наше время такіе браки очень обыкновенны, особенно въ инородческихъ округахъ Сибири. Напримѣръ, въ Якутскѣ русскіе весьма часто женятся на якуткахъ, а якуты—на русскихъ женщинахъ. Въ 1775 году поселены были въ 180 верстахъ отъ Якутска, по р. Амгѣ, крестьяне, переведенные сюда съ иркутскаго тракта; они всѣ переженились на якуткахъ и сами обьякутились. ⁵⁾ Ерманъ, путешествовавшій по Сибири въ 1829 году, замѣчаетъ: «одна молодая якутка въ Нюпсѣ съ самымъ наивнымъ увѣреніемъ отвѣчала мнѣ, когда я похвалилъ ея домохозяйство: что теперь ужъ всѣ русскіе мыслятъ такъ же, какъ и я, потому что никто уже изъ нихъ болѣе не гнушается якутскаго брака»⁶⁾. Средне-колымскіе якуты также нерѣдко женятся на русскихъ. Такъ, между прочимъ, на русской былъ женатъ и отъ нея научился хорошо читать и писать по русски тотъ почтенный, 82-лѣтній средне-колымскій якутъ—крестникъ лейтенанта Лаптева,—который такъ занялъ Врангеля своими интересными разсказами объ якутахъ. ⁷⁾ Нерѣдко и тунгуски выходятъ замужъ за русскихъ, а русскіе женятся на тунгусахъ. Браки русскихъ менскихъ поселенцевъ съ горными тунгусами, въ биренскомъ округѣ, призна-

¹⁾ Абрамова, Опис. Берез. края вост. хребт. общ. 1857 г. кн. XII, стр. 337.

²⁾ Днев. записки путеш. ч. III, стр. 28.

³⁾ Ерман, Reise I, s. 458, 591.

⁴⁾ Н. Попова, Татищевъ и его время, стр. 571.

⁵⁾ Щукина, Поведа въ Якутскѣ.

⁶⁾ Ерман, Reise II, s. 228.

⁷⁾ Путеш. Врангеля II, стр. 66.

ются даже полезными: они, по свидѣтельству Ерманна, избавляютъ дѣтей отъ зобовъ, которые такъ безобразятъ русское населеніе ленинскій долины ¹⁾. Наконецъ, въ такъ называемыхъ ясашныхъ осѣдло-породческихъ поселеніяхъ сплошь и рядомъ бываетъ, что крещеные инородцы женятся на русскихъ крестьянскихъ дѣвушкахъ и вдовахъ, а сосѣдніе крестьяне берутъ знатныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Женись на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ, они обыкновенно принимаютъ въ русскихъ селамъ и деревнямъ, или селятся особыми деревнями. Многие, вступая въ бракъ съ русскими и нарождая съ ними дѣтей, отдѣльными семьями селятся въ самыхъ русскихъ селлахъ и деревняхъ, среди русскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точной цифри всѣхъ ясашныхъ и осѣдлыхъ инородцевъ въ Сибири, но знаемъ, что ихъ много (около 1,608,436 д. об. п.), и число ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе умножается. Напримеръ, по якутскому тракту, въ 60—130 верстахъ отъ Иркутска, въ ихъ деревняхъ: Усть-Ординской, Ользонавской и Баендаевской, съ 1816 года до 90 душъ осѣдлыхъ инородцевъ произошло отъ бурятъ, женившихся на русскихъ крестьянскихъ дочеряхъ. Многие буряты и теперь, крестясь, женятся на русскихъ крестьянскихъ дочеряхъ и селятся въ ясашныхъ или осѣдло-инородческихъ селеніяхъ, либо въ русскихъ слободахъ, селлахъ и деревняхъ. Въ Ользонахъ мы видѣли 5 или 6 такихъ природныхъ бурятъ, вновь женившихся на дочеряхъ русскихъ крестьянъ ²⁾. Точно также, по московскому тракту, на Тирекской станціи, гдѣ числится до 100 крещеныхъ осѣдлыхъ бурятъ, по Ангарѣ—въ Бажарскомъ селѣ; около Залари—въ Коновальскомъ селеніи и во многихъ другихъ все живутъ буряты, женатые на русскихъ или на ясашныхъ первомъ, второмъ и дальнѣйшихъ помѣсткахъ ³⁾. Въ киренскомъ округѣ, ясашные тунгусы, живущіе въ 3-хъ деревняхъ, въ числѣ около 120 душъ, болыною частью женились на русскихъ. Вообще, число такихъ уже обрученныхъ или русифицированныхъ ясашныхъ инородцевъ, женившихся болыною частію на русскихъ, постоянно прибавляется. Напримеръ, отъ 5 до 7 ревизій или отъ 1796 до 1816 года

¹⁾ Ерман; Reise В. II. с. 219.

²⁾ Свидѣнія эти получены во время длиннаго моего прохода черезъ эти деревни. Въ селѣ Ангарѣ (по земному порядку, въ Иркутск. губерніи, въ манзрск. волости), окруженномъ бурятами, рядомъ съ домою моей матери недавно приселился ясашный, женился на русской крестьянской дочери и прижилъ дѣтей, на видъ браковатыхъ, смуглыхъ, съ узкими глазами, съ приплюснутыми носами.

³⁾ Сообщено г. Болдоновымъ.

число ихъ увеличилось въ Тобольской губерніи 1,504 душами, а въ Иркутской—30,534 д больше противъ числа 5-й ревизіи. ¹⁾

Послѣ такихъ многочисленныхъ фактовъ скрещенія русскаго племени съ разными сибирскими племенами, очевидно, что въ Сибири должно было нарождаться особое, смѣшанное поколѣніе людей. Какого же рода это поколѣніе? Что оно представляетъ собой—новое ли племя людей, или просто областную разновидность, индивидуальность, варіететъ славяно-русскаго племени? И по какимъ законамъ, въ какой послѣдовательности совершается его видоизмѣненіе вслѣдствіе метисаціи?—При настоящемъ недостаткѣ нашихъ этнологическихъ изслѣдованій и наблюденій, трудно отвѣтить вполне удовлетворительно на всѣ эти вопросы. Но все-таки можно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Скрещеніе, какъ извѣстно изъ естественной исторіи, не всегда производитъ новыя породы, но всегда сопровождается болѣе или менѣе значительными видоизмѣненіями ихъ. «Возможность производить новыя породы черезъ скрещиваніе — говоритъ Дарвинъ, — заключена въ очень тѣсныя границы. Но нѣтъ сомнѣнія, что порода можетъ быть видоизмѣнена при содѣйствіи скрещиванія» ²⁾. По этому закону природы, посредствомъ скрещенія славяно-русскаго племени съ разными инородческими племенами Сибири, конечно, не могла образоваться и не образовалась новая порода или новая нація, совершенно средняя, напримѣръ, между великорусскою національностью и инородческими племенами Сибири. Но все же, путемъ такого скрещенія, развивалась и развивается довольно замѣтная областная разновидность великорусскаго народа, съ особеннымъ, смѣшаннымъ, европейско-сибирскимъ или великорусско-инородческимъ типомъ. И въ своей родинѣ—на русской землѣ,—народъ русскій не отличается единствомъ типа, совершенною чистотою крови, по причинѣ вѣкового смѣшенія съ финскою, татарскою, нѣмецкою и другою иноплеменною кровью. Въ Сибири же—еще болѣе. Тамъ, въ европейской Россіи, его видоизмѣняли другіе иноплеменные контингенты, отличающіеся отъ этнографическихъ стихій Сибири, и потому областное историко-фізіологическое видоизмѣненіе и оразноображеніе великорусской, малорусской и бѣлорусской народности шло въ другомъ, отличительномъ направленіи, сообразно съ мѣстными этнологическими вліяніями. Здѣсь, въ Сибири, скрещеніе совершалось большею частью въ совершенно новой

¹⁾ Сибир. Вѣстн. 1820 г. ч. XII, стр. 101.

²⁾ Darwin, s. 80.

и особенной этнографической средѣ; и потому здѣсь видоизмѣненіе славяно-русской народности было еще рѣзче, разнообразнѣе и отличительнѣе. Кровь славяно-русскаго племени, черезъ смѣшеніе съ кровью сибирскихъ племенъ, еще болѣе помутилась, утратила не только древне-славянскую, но и европейско-русскую чистоту, и течетъ въ жилахъ природныхъ русско-сибирскихъ поколѣній мутными, смѣшанными потоками, представляя разнообразныя мѣстные этнографическіе оттѣнки. Лишь только переваливаетъ наблюдательный путешественникъ черезъ Уралъ и потомъ проѣзжаетъ черезъ всю западную Сибирь,—его на первый разъ поражаетъ въ фізіономіяхъ русско-сибирскаго народонаселенія замѣтный отпечатокъ югро-финскаго и татаро-калмыцкаго обличья. Напримѣръ, о березовскихъ и тобольскихъ русскихъ жителяхъ Ерманъ говоритъ: «Здѣсь, въ теченіе двухъ столѣтій, кровь многихъ замѣчательныхъ и даровитыхъ мужей русской земли преимущественно смѣшивалась съ кровью туземцевъ, потому что цвѣты придворной знати и дворяне погребены подъ снѣгомъ березовскимъ, и здѣшніе духовные, купцы и казаки часть своего потомственнаго наслѣдія получили, какъ внуки, отъ европейскихъ гражданъ и воиновъ, а другую долю, со стороны матерней, отъ племени и языка остяцкаго» ¹⁾. Въ населеніи города Тары, Ермавъ замѣтилъ рѣзко бросающійся въ глаза отливъ калмыцкой крови ²⁾. Въ Тюмени мы сами замѣчали въ русскихъ жителяхъ оттѣнки типа татарскаго и калмыцкаго. Въ этомъ городѣ и теперь еще насчитывается до 20 домовъ или семействъ татарскаго отродья, въ поколѣніи 10 или около того, именно: родъ Пѣшковыхъ, Мешеновыхъ, Костыгиныхъ, Исаковыхъ, Чуплековыхъ, Заводовскихъ и другихъ. А верстъ за 15 отъ Тюмени крестьяне—отродье вогуличей ³⁾. Вогулы, вслѣдствіе скрещенія съ русскими, вошли въ составъ русскаго народонаселенія и образовали совершенно русскихъ государственныхъ крестьянъ, съ особеннымъ, вогульско-русскимъ обличьемъ. Венгерскій путешественникъ Регули, поэтому, выключилъ ихъ изъ этнографической части своей карты. «Ясашные Вогулы, говорятъ онъ, мною исключены изъ этнографической карты, потому что они усвоили образъ жизни чисто-русскій, говорятъ всегда по русски, и о томъ, что они составляли нѣкогда одинъ народъ съ вогулами, въ нихъ осталось одно только темное воспоминаніе. Равнымъ образомъ, исключены изъ моей карты обру-

¹⁾ Erman. Reise I, s. 591.

²⁾ Ibid. В. II, s. 15. 74.

³⁾ Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

сѣвнiе вогулы, живущiе при рѣкахъ Тавдѣ и Целмѣ, изъ которыхъ часть (въ яланской волости) перестала и въ административномъ отношенiи называться вогулами, и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтiя совершенно сравнена съ русскими государственными крестьянами» и т. д. ¹⁾ Причиной обрусѣнiя вогуловъ было, по свидѣтельству Лепехина, брачное скрещенiе ихъ съ русскими ²⁾. Входя такимъ образомъ, путемъ скрещенiя, въ составъ русскаго населенiя, инородцы югро-финскаго племени, естественно, видоизмѣняли и разнообразили или сообразно отгѣняли его физическiй видъ и характеръ. Точно также татаро-калмыцкая кровь сообщала европеиско-русскому населенiю Сибири свой отливъ, свои отгѣнки. Напримѣръ, о русскихъ жителяхъ томскаго уѣзда, татищевъ, въ 1739 г., писалъ, на основанiи точныхъ наблюденiй многихъ лицъ: «довольно—большихъ ростомъ, а больше среднихъ, есть и малые, плечи широки, довольно въ лицо смуглы, калмыковаты, носы велики, островаты, есть и толсты, глаза, волосы и брови черныя, и довольно отъ крѣпости смугланной калмыцкой, ташарской и киргизской» ³⁾. О калмыцкомъ происхожденiи многихъ стародавнихъ крестьянскихъ родовъ въ западно-сибирскихъ русскихъ деревняхъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, самыя названiя нѣкоторыхъ деревень, въ родѣ деревень *Калмыковой*, въ 23-хъ верстахъ отъ Тюкалы, села *Калмыково* бливъ Каньска и т. п. Въ Тюкалинскѣ на станци, совершенно обрусѣлая калмычка, мать почтосодержателя, женатаго на русской, сказывала намъ, что въ Омскѣ и въ омскомъ уѣздѣ много подобныхъ сыну ея происхожденцевъ отъ калмыковъ ⁴⁾. Казаки западной Сибири большею частью—отродье Татаръ. Степановъ въ описанiи Енисейской губернии справедливо замѣтилъ: «Сибирскiе казаки давно уже не донскiе. Къ побѣдамъ они пришли безъ жонъ. Татарки—дѣлались родоначальницами новаго поколѣнiя. Въ нынѣшнихъ казачкахъ мѣлзя отыскать чернобровыхъ, быстроглазыхъ обитательницъ Дона» ⁵⁾. Около Красноярска есть цѣлая деревня, въ которой физіономiи крестьянъ сохраняютъ еще татарскiй отпечатокъ, потому что крестьяне эти суть ни что иное, какъ обрусѣлые качинскiе татары ⁶⁾. Дальше мы приведемъ болѣе та-

¹⁾ Письма Рогожу академ. Кеппену. Записки геогр. общ. 1819 г. кн. III, ст. 162—168.

²⁾ Дневн. зап. Лепехина III, стр. 23.

³⁾ Татищевъ и его время, Н. Попова, стр. 571.

⁴⁾ Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

⁵⁾ Опис. Енис. губ., ч. II, стр. 98.

⁶⁾ Kastren's, Reiseberichte und Briefe, v. 202—203.

ких фактовъ. Здѣсь же замѣтимъ вообще, что въ сѣверо-западной Сибири преимущественно господствуетъ юго-финскій оттѣнокъ въ физиономіи и организаціи русскаго населенія, а въ юго-западной и юго-восточной части западной Сибири — отпечатокъ татаро-калмыцкій и отчасти иргизскій. Проѣзжая путешественникъ далѣе, за Енисей, въ Иркутскую губернію ему тотчасъ бросается въ глаза все больше и больше выдающееся господство монголо-бурятскаго оттѣнка въ русскихъ физиономіяхъ. «У женщинъ иркутскихъ гражданъ и казаковъ, говорятъ Ерманъ, удивительно замѣтны двѣ совершенно различныя физиономіи: тогда какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ семействахъ въ чистотѣ сохраняется русское происхожденіе или отродье, въ другихъ ириводить родство съ бурятами. Въ первомъ случаѣ, женщины имѣютъ замѣчательно-бѣлую кожу, такъ же, какъ полныя, ирѣжнія и уже въ молодости склонныя къ тучности формы. Въ другихъ семействахъ видны, напротивъ, тонкія, сухощавыя, мускулезныя формы и темно-коричневый или темно-бурый цвѣтъ лица. Подобное мы замѣтили въ обществѣ города Тары, на большомъ собраніи у почетнаго купца Филимонова, гдѣ осталось сомнительнымъ, принадлежитъ ли первенство или отличительная особенность красоты дочерямъ Филимонова, которыя достойно представляли бѣлорусое, русское обличье блондиновъ, или нѣкоторымъ другимъ дамамъ, которыхъ смуглыя физиономіи брюнетовъ должно приписать сродству съ калмыками»¹⁾. Дѣйствительно, въ самомъ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, изъ 10 природныхъ, туземныхъ простолюдиныхъ жителей—4 и даже 5 навѣрное имѣютъ бурятское обличье, брацковатую физиономію. Но особенно типично и выразительно выступаетъ этотъ брацковатый, монголо-бурятскій обликъ въ забайкальскомъ русскомъ народонаселеніи. Онъ господствуетъ тамъ не только въ казачествѣ, крестьянствѣ, купечествѣ и мѣщанствѣ, но и въ туземномъ духовенствѣ. Черныскіе духовные воспитанники въ иркутской семинаріи большею частью рѣзко отличались своими брацковатыми, бурятскими чертами лицъ отъ воспитанниковъ енисейскихъ. Въ Забайкальи монголо-бурятскій типъ впечатлѣвается даже на томъ русскомъ населеніи, которое образуется изъ обрубѣлыхъ тунгусовъ. Г. Усальцовъ такъ обрисовываетъ этотъ особенный монголо-тунгуско-русскій обликъ жителей Зюльзы и другихъ селеній по долинѣ рѣки Нерчи: «Черныя, жесткіе волосы, бѣлыяю частью узкіе и нѣсколько въось расположенные, темно-какіе глаза; смуглый цвѣтъ лица; носъ

¹⁾ Erman, Reise B. II, 74.

приплюснутый немного въ переносѣ; едва замѣтно выдавшіяся скулы выказываютъ монгольское происхождение. Но высокій ростъ, стройный станъ, плотное сложеніе, мужество и сила, которые такъ рѣдко бывають въ тунгусахъ, въ особенности въ бродячихъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Въ женщинахъ эта смѣсь соединяетъ особенную красоту» ¹⁾. Но чтобы окончательно убѣдиться, какую рѣзко-отмѣнную, оригинальную разновидность, какую своеобразную, мѣстную этнографическую индивидуальность производитъ скрещеніе въ средѣ монголо-бурятской, — нужно только посѣтить хоть одно селеніе такъ называемыхъ ясашныхъ или осѣдлыхъ инородцевъ. Здѣсь явно образуются какія-то новыя поколѣнія или отрасли русскаго народа на почвѣ монголо-бурятской—ни чисто русскія, ни чисто бурятскія, и ужь вовсе ни чисто-славянскія. Въ физономіи, въ характерѣ и даже въ правахъ ихъ элементъ русскій и элементъ бурятскій соединяются въ своеобразный, оригинальный этнографическій образъ. Очевидно, что эти новыя русско-сибирскія или бурятско-русскія поколѣнія обрусѣлыхъ ясашныхъ и осѣдлыхъ, инородцевъ-крестьянъ представляютъ ни что иное, какъ новую, образующуюся индивидуальность, новый мѣстный этнографическій варіететъ или новую разновидность славяно-русскаго племени. — Но заглянемъ далѣе, въ глубь восточной Сибири. Здѣсь, начиная съ Олекмы, передъ глазами путешественника выступаетъ опять совершенно новый этнологическій образъ, и рельефно рисуется въ русскомъ населеніи новый обликъ — якутскій. Въ Якутскѣ и во всемъ его округѣ русскіе почти совершенно обьякутились и образовали новую, своеобразную, якутско-русскую разновидность русской націи. Врангель, Миддендорфъ, Ерманъ, Щукинъ, протоіер. Хитровъ единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ превращеніи русской народности въ якутскую. «Якуты—скажемъ здѣсь словами Гартвига, — представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителемъ свои обычаи и языкъ, народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Такъ, въ Якутскѣ или городѣ якутовъ (этимъ именемъ называютъ себя, не безъ нѣкоторой національной гордости, всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ якутскую область, онъ встрѣтилъ русскихъ только по

1) Вѣстн. географ. общ. т. XX, от. II, стр. 017.

происхожденію; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинской найти проводника, говорящаго по русски... Ни одинъ русскій не задумается вступитъ въ бракъ съ якуткою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отклоненіяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которые быстро перенимаютъ у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, не много требующіе, якуты производятъ иррпныя завоеванія подобнаго рода. Народъ, который такимъ образомъ умѣетъ господствовать, не смотря на чуждое владѣтельство, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, нельзя ему отказать въ народности»¹⁾. Объякутившіеся русскіе всё говорятъ по якутски; а если иногда и употребляютъ русскій языкъ, то это какое-то совершенно особенное нарѣчіе: въ Россіи его не помнятъ бы; русскія слова здѣсь получаютъ совершенно новое, мѣстное значеніе. Русскіе крестьяне, поселенные около Якутска, совсѣмъ разучились говорить по русски и ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ. Простой народъ одѣвается совершенно по якутски, кушанья приготовляетъ по якутски и даже забылъ любимое національное питье — русскій квасъ. И не только образъ жизни, языкъ, обичаи и понятія, но и самая фнзіономія русскихъ въ якутскомъ краѣ, болышею частью, усвоили всѣ признаки якутской народности. Дѣти якутскаго духовенства, учившіеся въ наше время въ якутской семинаріи, всегда рѣзко отличались отъ красивыхъ, стройныхъ, рослыхъ, свѣтлорусыхъ емисейскихъ духовныхъ воспитанниковъ той же семинаріи — не только неправильнымъ, несовершеннымъ выговоромъ русскихъ словъ, странной вокализацией говора и своими безпрестанными якутскими разговорами между собою, но и своими фнзіономіями, своимъ довольно широкомъ ртомъ и большими губами, нѣскольکو отвислыми щеками, иногда почти совершенно круглыми глазами, а иногда крайне узкими, съ нѣскольکو сронченными вѣками, большими, круглыми головами, болышею частью малорослою, коренастою, нѣскольکو массивною корпорациею и проч.

Такимъ образомъ, еврейско-сибирскій типъ русскаго народа, на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана, многозначительно и характеристично разнообразивается — въ западной Сибири угро-финскими и татаро-калмыцкими признаками, въ юго-восточной Сибири — монголо-бурятскими чертами, въ якутской области — главнымъ образомъ якутскими. Ермавъ замѣтилъ: «бѣлая цвѣтъ кожи въ восточной Сибири отмѣченъ особеннымъ, здѣсь

¹⁾ Гартвига, Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ, стр. 189—190.

впервые образовавшимся и еще необъясненнымъ словомъ: *маганый*). Дѣйствительно, рѣзкія фізіономическія видоизмѣненія или различія до того составляютъ существенную, отличительную, типическую особенность историко-этнологическаго склада сибирскаго народонаселенія, что и самъ народъ невольно отмѣтилъ и охарактеризовалъ ихъ по своему. Употребляемыя въ Сибирѣ слова: *маганъ* и *карымъ* характеристично выражаютъ смѣшеніе и даже борьбу типовъ въ сибирскомъ народонаселеніи. Карымъ означаетъ фізіономію калмыцкую: у *карыма*—лицо овальное, скуластое, плоское, смуглое, лобъ небольшой, глаза узкіе, черные, носъ небольшой и плоскій, волосы жесткіе и черные. Всѣ инородцы восточной Сибири—болѣе или менѣе карымы. Карымъ господствуетъ между монголами и якутами. *Карымоватый*—человѣкъ съ фізіономією полу-русскою, полу-монгольской. *Карымская харя*—бранное слово, которымъ укоряютъ имѣющихъ монгольскую фізіономію ¹⁾. *Маганъ* или *маганый* значить бѣлорусый; *маганиха* — женщина или дѣвушка, происшедшая отъ бѣлорусыхъ родителей или выходящая замужъ за бѣлорусаго мужчину ²⁾. вмѣстѣ взятыя слова *карымъ* и *маганъ* явно выражаютъ историко-этнографическое раздвоеніе или племенную двойственность типовъ смѣшаннаго сибирскаго народонаселенія и, такъ сказать, типическія цвѣта или отличія двухъ борющихся породъ — европейско-русской, бѣлой расы, и азіатско-монгольской, смуглой. Вѣроятно, еще въ пору первоначальной племенной борьбы и метисаціи въ Сибирѣ, бѣлорусы поселенцы, русскіе, сохранившіе еще во всей чистотѣ свои чисто-русскія фізіономіи, понятія, нравы и обычаи, по чувству національнаго антагонизма и своей кровной народности, а также по сознанію превосходства бѣлой европейской расы, бранно или насмѣшливо называли всѣхъ сибирскихъ метисовъ—происхожденцевъ отъ калмычекъ, татарокъ, бурятокъ и проч.,—укорительными словами: карымъ, карымоватый, карымская харя. Аэти послѣдніе, въ отвѣтъ, ихъ называли, съ своей племенной фізіономической точки зрѣнія,—маганами, т. е. бѣлоголовыми, бѣлорусыми и т. п.; своихъ инородческихъ женщинъ или брацковатыхъ, калмыковатыхъ, смуглыхъ ясашныхъ дочерей, вы-

¹⁾ Геограе. и этнограе. терминологіи восточ. Азіи, Н. Щукина. Вѣсти. геограе. общ. 1856 г. ч. XVII, отд. II, стр. 279.

²⁾ Степановъ, Енис. губери. ч. II, стр. 100, *Erman, Reise* В. II, г. 74. Въ некоторыхъ мѣстахъ восточ. Сибири слова *маганъ* и *маганиха* употребляютъ въ главнѣйш. тонѣ о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ бѣлорусыхъ родителей или живущихъ бѣлорусыя лица.

ходившихъ за бѣлорусскихъ русскихъ мужчинъ, называли маганихами ¹⁾. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но то безспорно, что скрещеніе европейско-русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами произвело много значительныхъ типическихъ особенностей и отличій отъ чистаго великорусскаго или малорусскаго племени. Отличія эти были не только фізіолого-этнографическія, но и лингвистическія, умственные, нравственные и бытовыя. Мы укажемъ на нихъ дальше, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о фізіологическихъ законахъ потомственнаго видоизмѣненія смѣшанныхъ поколѣній при содѣйствіи скрещенія.

Законы, управляющіе разнообразными метаморфозами и результатами смѣшенія племенъ, безъ сомнѣнія, суть общіе фізіологическіе законы наследственности. Въ генеративно-фізіологическомъ начертаніи образа потомства много значитъ наследственная устойчивость породы или расы. Эту потомственно-возрастающую энергію племени или породы можно назвать закономъ генеративно-прогрессивнаго перевѣса крови или закономъ наследственнаго возрастанія и перевѣса ассимилирующей силы расы или племени. Если одна порода или раса, давно и прочно установившаяся въ своей организаціи и фізіологической устойчивости, часто и всегда съ успѣхомъ или съ выгодой подвергается скрещеніямъ съ другими, отличающимися отъ нея породами или расами, и, при скрещеніяхъ этихъ, постоянно одерживаетъ надъ ними верхъ, т. е. никогда не уступаетъ ихъ фізіологическому вліянію и типу, а напротивъ, постоянно передаетъ имъ свой типъ и характеръ, — и этотъ фізіологическій перевѣсъ ея ассимилирующей силы не только продолжается черезъ цѣлый рядъ генерацій и вѣковъ или тысячелѣтій, но даже становится, съ теченіемъ поколѣній, все сильнѣе и сильнѣе, все болѣе и болѣе возрастаетъ и усиливается, — то нѣтъ сомнѣнія, что такая порода или раса приобретаетъ особенную фізіологическую способность къ постоянному перевѣсу своей крови въ видоизмѣненіи и ассимиляціи другихъ племенъ. Порода или раса, никогда, такъ сказать, неупражнявшаяся, неизощрявшаяся въ ассимиляціи другихъ породъ или племенъ, по этому закону, естественно, всегда должна уступать фізіологическому типу и вліянію той расы, которая, напротивъ того, постоянно и генеративно развивала въ себѣ эту фізіологическую силу.

¹⁾ Въ Минусинскомъ краю русскіе и теперь еще въ насмѣшку называютъ инородцевъ *чорноривами* и *лопатками*. (Атсневъ. 1863 г. ч. II. Записки К—ва, стр. 264.)

Во всемъ органическомъ мѣрѣ замѣчается этотъ законъ типическаго перевѣса породъ. Въ растительномъ мѣрѣ относительно помѣсей принимаютъ существованіе такъ называемыхъ *митическихъ видовъ*, т. е. такихъ видовъ, которыхъ характеръ всегда преобладаетъ въ помѣсяхъ, независимо отъ того, взята ли отъ другихъ видовъ пыль, или сами они оплодотворены пылью другого растенія. Катрфажъ замѣчаетъ о помѣсяхъ или ублюднахъ въ царствахъ растительномъ и животномъ: «если скрещиваются двѣ породы, то, чтобы въ продуктѣ выразилась только одна изъ нихъ, нужно, чтобы всѣ ея признаки безъ исключенія владѣли болѣею стойкостью въ сравненіи съ признаками соперничающей породы... Стойкость или нестойкость признаковъ отца или матери обнаруживается въ ихъ нисходящихъ потомкахъ» ¹⁾. Вмѣстѣ съ генеративно-возрастающей силой перевѣса крови, возрастаетъ, такъ сказать, и сила родоначальнаго тяготѣнія или стремленіе возвратиться къ первоначальному, родоначальному типу и устоять въ немъ. По этому закону, однократное скрещеніе двухъ различныхъ породъ или племенъ — безсильно совершенно парализовать и уничтожить ассимилирующую силу, устойчивость и самовоспроизводительность преобладающей, типической породы, по причинѣ двояственнаго, потомственно-возрастающаго перевѣса ея: во-первыхъ, по причинѣ наследственнаго возрастанія и обезначенія силы ассимиляціи или перевѣса коронной крови, во-вторыхъ, вслѣдствіе наследственнаго возрастанія и передачи силы атавизма — стремленія къ родоначальному прототипу. «Въ расѣ, говоритъ Дарвинъ, скрещенной хоть разъ съ другою, отличающеюся отъ нея расою, стремленіе къ возврату, зависящее отъ этого скрещенія, естественно, должно уменьшаться, потому что съ каждымъ поколѣніемъ утрачивается доля чужой крови; но когда не было скрещиванія съ чужою порою и въ обоихъ родителяхъ есть стремленіе возвращаться къ какому нибудь признаку, утратившемуся въ одномъ изъ предыдущихъ поколѣній, тогда это стремленіе, напротивъ того, можетъ, не ослабляясь, передаваться неограниченному ряду поколѣній» ²⁾. По всемъ этимъ законамъ, славяно-русская раса, при смѣшеніи или скрещеніи, должна была болѣею частью совершенно преобладать надъ всѣми сибирскими племенами и, если не въ первыхъ, то въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, преимущественно и характеристично воспроизводить свой коронной, славяно-русскій типъ или развивать новыя областныя этнографическія раз-

¹⁾ Естеств. истор. челов. вып. II, стр. 120. 222.

²⁾ Davin, über die Entstehe. Arten, s. 36.

новедности его; потому что славяно-русская національность, во-первыхъ, вслѣдствіе вѣковой, тысячелѣтней метисаціи съ финскими и другими племенами, вслѣдствіе постоянного физиологическаго преимущества и перевѣса въ этомъ смѣшеніи, такъ сказать, путемъ естественнаго, народообразовательнаго подбора, постепенно унаслѣдовала, развила, изощрила въ себѣ физиологическую силу потомственнаго перевѣса крови почти во всѣхъ случаяхъ смѣшенія съ другими племенами. Во-вторыхъ, если славяно-русская раса, посредствомъ скрещенія съ инородческими племенами, и приобрѣтала ихъ физиологическіе признаки, то признаки эти большею частью или скоро сглаживались, смывались, съ умноженіемъ поколѣній, или, не нарушая существенности ея природы, придавали только разнообразіе ея собственному физиологическому типу, образуя его областныя индивидуальности или разности; потому что стремленіе къ природному, національному типу славяно-русской расы, какъ давно наслѣдованное, неослабно передавалось въ ней неограниченному ряду поколѣній и вслѣдствіе того, постоянно поддерживалось и увеличивалось, а потому одерживало перевѣсъ надъ стремленіемъ къ типу инородческому; а это, напротивъ, какъ недавно и одновременно унаслѣдованное, съ каждымъ поколѣніемъ должно было уменьшаться, потому что съ каждымъ поколѣніемъ утрачивалась доля чужой крови. Скрещеніе русскихъ людей съ инородческими женщинами большею частью бываетъ однократное: дѣти и внуки, происходящіе отъ этого скрещенія, большею частью теряются уже въ многочисленности русскаго народа, поглощаются русскимъ обществомъ и вступаютъ въ браки съ русскими. Слѣдовательно, не только однократно унаслѣдованныя инородческія черты или признаки могутъ легко слагиваться, стираться или видоизмѣняться, но и самое стремленіе къ прадѣдовскому инородческому типу, какъ недавно-наслѣдственное и генеративно-неузырѣвшееся, мало по малу можетъ совсѣмъ угаснуть, по крайней мѣрѣ, въ поколѣніяхъ 12—20. По всѣмъ этимъ причинамъ, русская раса или нація, при всѣхъ скрещеніяхъ съ инородческими племенами, почти всегда, въ результатъ, одерживала физиологическій перевѣсъ, хотя отъ этихъ скрещеній и происходило разнообразно видоизмѣненное потомство, получавшее мѣстные этнографическіе оттѣнки. Въ сущности, отъ скрещенія и смѣшенія съ инородческими племенами не возникали и не развивались какія нибудь новыя инородческія племена, а нарождались, нарастали и развѣтвлялся одинъ русскій народъ, изъ одного корня, пуская только новыя областныя этнографическія отрасли съ особенными оттѣнками, новыя областныя разновидности

своего типа и характера. Поэтому, хотя большею частью и женщина, обладающая болѣе слабою организаціею, чѣмъ мужчина, являлась, со стороны русскаго племени, родоначальницею новаго поколѣнія, въ смѣшеніи, напримѣръ, съ бурятомъ или другимъ какимъ-либо инородцемъ, — все-таки достаточно было и ея небольшой доли крови, ея воспроизводительной силы, чтобы заронить и возжечь въ новорожденномъ смѣшанномъ потомствѣ неугасающую искру новой этнологической жизни; достаточно было и ея крови, ея полового воздѣйствія, чтобы возбудить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ непрерывный, послѣдовательный метаморфозъ видоизмѣненія и претворенія инородческой породы въ русскую національность.

Въ первыхъ поколѣніяхъ, измѣнчивость дѣтей, происходящихъ отъ смѣшенія инородцевъ съ русскими женщинами, и обратно, русскихъ мужчинъ съ инородческими женщинами, бываетъ обыкновенно очень слабая и колеблется между признаками отца и матери. Изъ физиологической ботаники извѣстно, что помѣсь двухъ видовъ есть форма средняя между обоими, но болѣе приближающаяся, смотря по породамъ, то къ растенію, отъ котораго взята пыль, то къ растенію, плодникъ котораго былъ оплодотворенъ. Точно такъ же въ царствѣ животномъ, по выводу Проспера Люка, «всякое скрещиваніе должно давать продуктъ смѣшанный»¹⁾. «Мы знаемъ, говоритъ Катрфажъ, что оба пола стремятся воспроизвести себя въ своемъ потомкѣ, каждый со всѣми своими признаками. Свойства же эти могутъ быть болѣе или менѣе сходны, и тогда сынъ вполне воспроизведетъ, даже, можетъ быть, усилитъ ихъ. Они могутъ быть болѣе или менѣе противоположны, тогда между двумя противодѣйствующими вліяніями произойдетъ борьба, которая можетъ повести или ко взаимному уничтоженію (neutralisation), или къ среднему, т. е. смѣшанному результату, или же къ болѣе или менѣе значительному преобладанію одного изъ двухъ свойствъ, стремящихся воспроизвести себя. Наконецъ, свойства родителей, не исключая себя взаимно, могутъ быть различны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, соотвѣтственно имъ, и свойства у сына будутъ представлять собою то же, что равнодѣйствующая составная сила въ механикѣ, т. е. въ дѣйствительности сынъ будетъ имѣть новый характеръ, какового не было ни у отца его, ни у матери, точно такъ же, какъ зеленый цвѣтъ, происшедшій отъ смѣси желтаго и синяго, есть цвѣтъ различный, происшедшій однакожь отъ того и другого...

¹⁾ Traité philosophique et physiologique de l'hèrédité naturelle.

Сходство сына съ отцомъ и матерью различныхъ породъ или видовъ можетъ зависѣть отъ двухъ весьма различныхъ причинъ. Признаки, свойственные въ отдѣльности каждому изъ родителей, могутъ или *совмѣститься* безъ всякаго значительнаго измѣненія, или же они могутъ, такъ сказать, взаимно проникнуться, *слиться* одни съ другими до такой степени, что сообщать продукту признаки среднѣе¹⁾. Эти же результаты мы видимъ и въ помѣсяхъ русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами. Обыкновенно, продукты первыхъ скрещеній бываютъ смѣшанные, въ которыхъ свойства разноплеменныхъ родителей совмѣщаются безъ всякаго значительнаго измѣненія или сливаются одни съ другими въ новую, среднюю форму. Между дѣтьми природныхъ бурятъ и природнѣхъ русскихъ женщинъ чаще всего замѣчаемъ продукты среднѣе, смѣшанные, особенно, если родители равносильны между собою по физической крѣпости, по типичности племенныхъ признаковъ, и если физиологическое строеніе ихъ наиболѣе сходно въ общемъ планѣ конфигураціи. Въ случаѣ преимущественной типичности, характерности и выразительности своепородныхъ признаковъ инородческаго индивидуума—отца, признаки эти замѣтнѣе отличаются въ смѣшанной или средней формѣ продукта, чѣмъ признаки матери. Если, на примѣръ, физиологическій складъ бурята, во особенно-характерному и типическому сочетанію признаковъ монгольскаго типа, по здоровью, крѣпости и породности, преобладаетъ надъ структурой и крѣпостью организаціи русской женщины, то въ дѣтяхъ, особенно въ первыхъ, замѣтно преобладающее вліяніе родителя, и наиболѣе отпечатлѣвается бурятскій типъ. Такая, впрочемъ, однократная или временная физиологическая неустойчивость и уступка со стороны русской женщины воспроизводительному вліянію бурятъ чаще бываетъ въ средѣ, гдѣ преобладаетъ бурятскій элементъ, на примѣръ, въ ясадныхъ или осѣдно-инородческихъ поселеніяхъ, среди бурятскихъ улусовъ. Она, по всей вѣроятности, происходитъ тутъ уже вслѣдствіе пораженія женской воспроизводительной системы, подъ вліяніемъ измѣненія вышнихъ жизненныхъ условій, по причинѣ чрезвычайной чувствительности этой половой системы къ вышнимъ условіямъ²⁾. Этимъ же закономъ можно объяснять и обратное явленіе, когда буряты попадаютъ въ новую жизненную среду и женятся на русскихъ женщинахъ: тутъ они, въ воспроизводительности своего природнаго

1) Егестъ. истор. человека. вып. II. стр. 159. 219 и 222.

2) Darwin в. 188.

типа въ дѣтяхъ, скорѣе уступаютъ видоизмѣняющему вліянію русской женщины, хотя все-таки не съ перваго же разу и не всецѣло. Иногда воспроизводительныя племенные силы отца, матерн и дѣдовъ какъ бы борются между собою въ физиологическомъ характеризованіи дѣтей, такъ что въ однихъ дѣтяхъ преобладаютъ признаки инородческаго отца и дѣда, въ другихъ—свойства русской матери и бабки. Это особенно выражается въ цвѣтности дѣтскихъ фizioномій и подтверждается аналогическими фактами метисаціи негровъ съ европейцами, или бѣлыхъ съ черными. Лауренцъ (Lawrence), Уайтъ (White), Парсонъ (Parsons), Пришаръ и Проснеръ Люка—въ своихъ сочиненіяхъ представляютъ множество примѣровъ смѣшанныхъ браковъ, отъ которыхъ произошли дѣти частью свѣтлаго, частью темнаго цвѣта, вполне и во всемъ сходныя съ настоящими бѣлыми или съ настоящими неграми. Иногда изъ двухъ близнецовъ, бесспорно происходящихъ отъ одного и того же отца, одинъ имѣетъ цвѣтъ и волосы негра, другой же отличается и цвѣтомъ, и волосами бѣлаго. Въ одномъ случаѣ, отецъ былъ негръ, а мать—бѣлая; въ другомъ случаѣ—отецъ принадлежитъ къ бѣлому племени, а мать, выдававшая себя за мулатку, имѣла всѣ признаки чистокровной негритянки. Въ обоихъ семействахъ было по трое дѣтей; въ томъ и другомъ семействѣ сначала, т. е. въ первыхъ дѣтяхъ, весьма рѣзко преобладала черная кровь, потомъ она потеряла отчасти свое вліяніе и наконецъ въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ, повидимому, вліяніе ея совершенно изгладилось, почти исчезло: первыя дѣти были черныя, послѣднія—бѣлыя или свѣтлорусыя ¹⁾. Это же самое замѣчаемъ мы въ фактахъ смѣшенія русскаго племени съ бурятами. Такъ, напримеръ, въ Ользеновскомъ селеніи осѣдлыхъ инородцевъ—обрусѣлыхъ бурятъ (въ иркутск. уѣздѣ, верхоленск. вѣдомствѣ), дѣти осѣдлыхъ инородцевъ—братьевъ Серебряниковыхъ и жонъ ихъ—русскихъ крестьянскихъ и яшаныхъ дочерей, — составляющіе уже второе поколѣніе,—лицомъ частью смуглые, брацковатые, широкоскулые, узлоглазые, черноволосые, частью русые, почти совсѣмъ обрусѣлые ²⁾. Наконецъ, нѣкоторые дѣти, происходящія отъ скре-

¹⁾ Катрэмъ, стр. 249—250.

²⁾ Представляемые здѣсь и далѣе факты о русско-бурятскихъ генерацияхъ собраны нами во время проѣзда нынѣшнимъ лѣтомъ черезъ осѣдло-инородческія селенія—Устворынское, Ользеновское и Баендаевское. Писарь ользеновской станціи—происхожденецъ изъ тутошнихъ бурятъ, во второмъ поколѣніи,—сообщилъ намъ краткую роспись ользеновскихъ бурятско-русскихъ поколѣній и обѣщавалъ еще сообщить. Къ сожалѣнію, роспись эта далеко не полна. Мы

женія разноплеменныхъ половъ, получаютъ совершенно новый типъ, несвойственный прямо ни племени отца — инородца, ни племени матери — русской. Такъ, изъ числа 4-хъ ользеновскихъ братьевъ Серебрянниковыхъ, одинъ представляетъ какой-то новый типъ, новое очертаніе лица, прямо не принадлежащее ни бурятамъ, ни русскимъ. Это довольно красивый брюнетъ, съ смугловатымъ, но почти совершенно правильнымъ лицомъ, не еврингнатъ вполнѣ, какъ чистый бурятъ или монголъ, но ортогнатъ, какъ русскій, только съ едва-замѣтной выпуклостью среднихъ лицевыхъ или скуловыхъ костей, съ большими черными глазами, съ правильнымъ строеніемъ лба, стройной, довольно высокой структуры, — и, въ то же время, совершенно отличный отъ русскаго, славянскаго типа.

О ходѣ измѣчивости въ послѣдующихъ поколѣніяхъ можно сказать то же самое, что извѣстно въ этомъ отношеніи изъ естественной исторіи о помѣсяхъ и ублюдахъ. По изслѣдованіямъ Гертнера и Дарвина, извѣстно, что измѣчивость эта представляетъ постепенности. Иногда уже въ первомъ поколѣніи помѣси породъ или разновидностей обнаруживаютъ измѣненія, и очень значительныя, особенно, если эти породы или разновидности долго подвергались культурѣ; но очень часто бываетъ также, что они долго сохраняютъ свои первоначальные признаки. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ измѣчивость сильнѣе, и особенно въ помѣсяхъ. «Въ этой большей измѣчивости помѣсей, замѣчаетъ Дарвинъ, ничего нѣтъ страннаго, ибо родичи помѣсей суть разновидности, и разновидности домашнія (надъ естественными разновидностями произведено лишь очень мало опытовъ); изъ этого слѣдуетъ, что въ большей части случаевъ они недавно подвергались уклоненіямъ, а потому и надобно было ожидать, что ихъ уклончивость будетъ унаслѣдована и усилить ту, которая вытекаетъ изъ самаго акта скрещенія... Обыкновенная измѣчивость зависитъ отъ чрезвычайной чувствительности половой системы къ внѣшнимъ условіямъ жизни, часто поражающимъ ее безсиліемъ или неспособностью совершать свое нормальное отправленіе — произведеніе потомства, подобнаго своимъ родичамъ» ¹⁾. Изъ фактовъ русской инородческой метисаціи, мы знаемъ, что измѣчивость послѣдующихъ поколѣній нѣсколько ослабляется и замедляется въ такомъ только случаѣ, если метисація

надѣмся сдѣлать болѣе точныхъ наблюденію и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ сибирскихъ метисахъ или, какъ сами они говорятъ, *выродкахъ* — объ осѣдло-инородческихъ, бурятско-русскихъ поколѣніяхъ.

¹⁾ Darwin, s. 302—303.

происходить въ очень ограниченныхъ и замкнутыхъ, объединенныхъ этнографическихъ предѣлахъ, въ сферѣ немногихъ смѣшанныхъ семействъ, и если кругомъ преобладаетъ среда инородческая. Такъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ селеніи Ользеновскомъ многіе осѣдло-инородческіе крестьяне, происшедшіе отъ туземныхъ бурятъ, большею частью еще типично сохраняютъ бурятскій характеръ, бурятское обличье не только во второмъ, но и въ третьемъ поколѣніи, потому что не только дѣти, но и внуки тутошнихъ осѣдлыхъ инородческихъ крестьянъ бурятскаго происхожденія большею частью вступаютъ въ браки съ тутошними же ясапными лицами, тоже происшедшими отъ бурятскаго рода большею частью въ первомъ, во второмъ и много—въ третьемъ поколѣніи, и потому еще, что не только въ самомъ селеніи Ользеновскомъ господствуетъ полу-бурятскій или брацковатый типъ и даже бурятскій языкъ, но и въ окрестностяхъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ ихъ чисто-бурятскіе улусы. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти, внуки или правнуки, происшедшіе изъ бурятскаго племени въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніи, женятся на ясапныхъ дочряхъ, т. е. тоже происшедшихъ отъ бурятъ въ первомъ поколѣніи,—бурятскій типъ наиболѣе сохраняется до третьяго и даже до четвертаго поколѣнія. Такъ, изъ 9 семействъ Ользеновскаго селенія, въ тѣхъ 6 семействахъ гдѣ отцы, составляющіе иногда первое, но большею частью уже второе поколѣніе, женятся на ясапныхъ дочряхъ, представляющихъ большею частью первое поколѣніе,—въ этихъ 6 семействахъ всѣ дѣти, считающіяся уже большею частью въ третьемъ поколѣніи, еще очень походятъ на бурятъ—всѣ смуглые, брацковатые, тогда какъ въ остальныхъ 3 семействахъ, гдѣ жены большею частью—крестьянскія дочери, дѣти большею частью русыя. Весьма вѣроятно также, что рѣзкое измѣненіе образа жизни или состоянія инородца, внезапная перемѣна половыхъ отношеній, напримѣръ, переходъ отъ нѣсколькихъ инородческихъ жонъ къ одной русской, оказывая нѣкоторое вліяніе на чрезвычайно-чувствительную ко всѣмъ такимъ перемѣнамъ половую систему, также, въ нѣкоторой долѣ, обуславливаетъ наибольшую измѣчивость поколѣній. Такъ, одинъ олзеновскій буряты, воспріемникъ иркутскаго архіепископа Михаила, испыталъ значительныя перемѣны въ образѣ жизни и въ нравственномъ состояніи, и послѣ 2-хъ бурятскихъ жонъ, женился на третьей—на русской крестьянской дочери,—и дѣти у него вышли, подъ преобладающимъ вліяніемъ русской матери, съ обличьемъ болѣе русскимъ, лицомъ блѣде. Иногда воздѣйствіе крови русской женщины и врожденный или данный ею уже разъ толчокъ къ из-

мѣнчивости нисходѣщихъ потомковъ бывають такъ сильны, что уже въ первомъ и особенно во второмъ поколѣніи дѣти, особенно по цвѣту лица, бывають почти совершенно русскіе—бѣлые, какъ замѣчаемъ мы въ 3 или 4 семействахъ Ользеновскаго поселка. Стремленіе къ индивидуальности, начавшееся уже послѣдствіе самаго перваго скрещенія, иногда прогрессивно возрастаетъ уже въ послѣдніе нарежденія перваго поколѣнія, — особенно проявляется на дѣтихъ послѣдне-рожденныхъ. Просперъ Люка сообщаетъ такой фактъ о цвѣтѣ семействъ въ обоихъ семействахъ, имѣвшихъ по трое дѣтей, въ первыя дѣтихъ весьма рѣзко преобладала кровь чорнаго родителя негровой породы; во вторыхъ дѣтихъ вліяніе этой крови было уже слабѣе, и наконецъ въ послѣдне-рожденныхъ дѣтихъ оно почти совершенно изгладилось и воспроизвела кровь бѣлыхъ родителей. Вотъ таблица этихъ поколѣній:

Отець чорный, мать бѣлая.

Отець бѣлый, мать чорная.

1) По цвѣту кожи чистокровный негрятенокъ.	1) Мулатъ, похожий на негра.
2) Насгоящій мулатъ.	2) Мулатъ, болѣе брונеть, чѣмъ чорный.
3) Сынъ бѣлый съ приятными чертами лица, съ свѣлорусыми, весьма кудрявыми волосами.	3) Дочь бѣлая, приятной наружности, съ замѣчательнымъ умомъ ¹⁾ .

Различіе людей по цвѣту замѣчаетъ Дитеричъ, при смѣшеніи людей различныхъ цвѣтовъ, во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ мало по малу вовсе исчезаетъ ²⁾. Такъ это, болшею частью, бываетъ и съ сибирскими инородцами. Мы часто видали дѣвушекъ бурятскаго происхожденія отъ русскихъ браковъ, которыя уже во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ были удивительно бѣлолицыя, съ самой нѣжной кожей, и только сохраняли узкость глазъ и небольшую выsunутость среднихъ частей лица. Болѣе же полное, почти совершенное или приблизительно-окончателное фізіологическое измѣненіе происходитъ, кажется, болшею частью въ 5—6 поколѣніяхъ. Такъ, въ С. Америкѣ эта постепенная измѣнчивость поколѣній представляетъ такую градацію:

Дѣти европейца и негрятки называются мулатами:

— — мулатки — терцеронами

¹⁾ Катраажъ, 250.

²⁾ О народнасел. земного шара. Журн. доктора А. Петермана—Mittheil. Vstetn. географ. общ. 1859 г. № 8 отд. III, стр 65.

— — — — — терцеронки — — — — — квертеронами.
 — — — — — квартеронки — — — — — квинтеронами.

Квинтероны, въ этой потомственной градаціи, становятся почти уже совершенно бѣлыми ¹⁾. Большая часть сибирскихъ инородцевъ совершенно русѣютъ обыкновенно въ 5 и 6 поколѣніяхъ. Такъ, это мы знаемъ о бурятахъ. Въ 6, а иногда уже въ 5 поколѣній, у нихъ уже и лицо, и все строеніе становится совершенно русскимъ, появляется даже большая русская борода.

Когда уже совсѣмъ совершится процессъ обрусѣнія инородческихъ семействъ, то, чрезъ нѣсколько поколѣній, обыкновенно бываетъ навѣрное возвращеніе къ пращѣдовскому типу. «Появленіе вновь признаковъ, говорить Дарвинъ, утраченныхъ въ продолженіи многихъ, быть можетъ, сотенъ поколѣній, безъ сомнѣнія, — фактъ очень удивительный. Но когда порода была смѣшана, хоть бы только разъ, съ другою породою, потомство ея подчасъ обнаруживаетъ склонность возвращаться къ признакамъ чуждой породы въ продолженіи многихъ поколѣній, — по мнѣнію иныхъ, въ продолженіи 12 или даже 20 поколѣній. Послѣ двѣнадцати поколѣній, доля крови каждаго отдѣльнаго предка составляетъ лишь $\frac{1}{2048}$, и однако же, какъ мы видимъ, эта малая доля чуждой крови считается достаточною, чтобы обусловливать возвращеніе. Въ породѣ, неподвергавшейся смѣшенію, но въ которой оба родителя утратили какой-либо признакъ, свойственный ихъ предкамъ, стремленіе возвращаться къ утраченнымъ признакамъ — будь оно сильно или слабо, — можетъ передаваться неопредѣленному числу поколѣній» ²⁾. Въ смѣшанномъ народонаселеніи Сибири мы постоянно видимъ эти явленія атавизма или возвращенія въ 7, 8, 9 и 10 поколѣніяхъ. Оттого это народонаселеніе въ городахъ и особенно въ селахъ представляетъ самые пестрые, разнообразные фізіономіи и типы. Въ Иркутской, напримѣръ, губерніи нерѣдко попадаются чисто-бурятскія или брацковатыя фізіономіи, рядомъ съ чисто-русскими, въ такихъ семействахъ, члены которыхъ уже не помнятъ своихъ урянскихъ пращѣдовъ или прародичей. Обыкновенно возвращеніе къ пращѣдовскимъ, бурятскимъ и другимъ инородческимъ типамъ проявляется не во всѣхъ членахъ семействъ, а только въ нѣкоторыхъ, и преимущественно въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ. Возвращеніе это, въ случаѣ, напримѣръ, бурятскаго прототипа, обнаруживается особенно въ болѣе или менѣе сросченныхъ вѣкахъ, уз-

¹⁾ Всеобщее землеисп. Сбп. 1863. Вып. XI, стр. 664.

²⁾ Darwin, s. 187.

кихъ глазахъ, шпорокхъ и нѣсколько выдающихся скулахъ, въ черныхъ волосахъ, въ смугломъ цвѣтѣ лица. Наконецъ, частое возвращеніе къ праѣдовскимъ инородческимъ типамъ, въ связи съ неизгладившимися еще чертами инородческаго наслѣдія или происхожденія, въ связи съ пронстекающими отсюда иногда новыми видоизмѣненіями или уклоненіями народнаго образа,—придаетъ смѣшанному сибирскому народонаселенію много своеобразной, своеобразной, оригинальной типичности, и обусловливаетъ его характеристическое отличіе отъ малорускаго, напримѣръ, племени. Все это вмѣстѣ придаетъ европейско-сибирскому населенію какое-то оригинальное и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже красивое разнообразіе типа. Не даромъ Шапъ, Ганстенъ и другіе европейскіе путешественники указывали на красоту сибирскаго типа. И тутъ, кажется, оправдывается слѣдующая мысль Дарвина: «Хотя изъ возвращенія къ нѣкоторымъ изъ признаковъ древняго родича и аналогическихъ уклоненій не могутъ возникнуть новыя и важныя видоизмѣненія, но эти видоизмѣненія будутъ содѣйствовать стройному и изящному разнообразію природы».

А. Ицановъ.

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

XI.

Большая половина служащихъ въ судѣ были дѣти бѣдныхъ канцеляристовъ и чиновниковъ. Родители ихъ хотя и тяготились своею службой, обижались на начальство, но гражданскую службу считали самою лучшею изъ всѣхъ службъ, они знали, что они 'неспособны къ другому труду, а трудъ переписывать бумаги считали самымъ легкимъ, самымъ приличнымъ и благороднымъ. Быть чиновникомъ для нихъ много значило, потому что чиновника уважаютъ, чиновнику почетъ, чиновникъ имѣетъ свои права и принадлежитъ къ личному дворянству, — стало быть, разница между мужикомъ безграмотнымъ и чиновникомъ большая. Они знали, что они съ издревлѣ составляютъ особый классъ людей, который не платитъ податей и не несетъ никакихъ повинностей, а все назначеніе ихъ жизни заключается въ томъ, чтобы служить, какъ и отцы ихъ служили.

Сынъ канцеляриста или чиновника, кончивши курсъ въ уѣздномъ училищѣ или вовсе нигдѣ не кончивши курса, по примѣру своего родителя или родственника, поступаетъ очень рано на службу въ присутственное мѣсто. Онъ съ ранняго возраста жилъ въ кругу приказныхъ этого же сорта и постоянно гордился званіемъ своего отца, потому что ему съ дѣтства твердили: чиновникъ — дворянинъ, что его растятъ для того только, чтобы сдѣлать изъ него чиновника. Выучившись мало-мальски писать, онъ поступаетъ на службу, сначала для того, чтобы набить руку, и цѣлые года занимается одною только перепискою. Черезъ два мѣсяца ему даютъ жалованье, и въ это время онъ, постоянно находясь въ обществѣ служащихъ, понемногу усваиваетъ себѣ ихъ приемы и манеры. До этого времени онъ развивался въ своемъ домѣ и въ кругу товарищей, и конечно развился плохо; теперь онъ развивается подъ вліяніемъ приказной братіи. Отъ нихъ онъ ничего не можетъ услышать хорошаго или поваго; ума его они никакъ

не разовьютъ обыкновенными и пустыми разговорами. Ему даютъ жалованья три или шесть рублей; онъ старается заниматься прилежнѣе, усидчивѣе, для того, чтобы ему прибавили жалованья. Онъ пишетъ цѣлый день строчка за строчкой, вывода, какъ можно красивѣе, буквы, и все его вниманіе сосредоточено въ этихъ букввахъ, да въ слухѣ, который наполняется словами служащихъ. Онъ не видитъ никакой дѣльной мысли въ своей работѣ, послѣ нея онъ чувствуетъ усталость, ѣсть, мало говорить и все свободное время проводитъ или во снѣ, или въ невинныхъ забавахъ, какъ напр. карточной игрѣ на *шерементъевъ* счетъ и т. п. Чѣмъ больше и больше онъ переписываетъ, тѣмъ больше у него отпадаетъ охота къ мышленію; онъ уже переписываетъ безсознательно, дѣлаетъ ошибки, скоблить бумагу—и еще больше устаетъ, больше—тупѣетъ. Въ это время онъ радъ, если ему придется быть въ кругу своихъ товарищей, для того, чтобы отвести душу, т. е. выпить водки. Это желаніе до того усиливается, что онъ уже чувствуетъ потребность пить водку, и подъ конецъ становится пьяницей, мучителемъ своей семьи, мужескій полъ которой непременно мѣтитъ въ чиновники.

Такое жалованье, какъ три или шесть рублей, очень недостаточно для человѣка, которому нужно платить за квартиру, ѣсть и одѣваться, а достать больше негдѣ, потому что ему частной работой заниматься некогда. Вотъ онъ и выискиваетъ случай къ приобрѣтенію денегъ. Онъ видитъ, что старые служащіе пишутъ прошенія, копія, разныя бумаги постороннимъ въ судѣ, и получаютъ за это деньги. Ему становится завидно, и онъ всячески старается поддѣлаться и угодить старымъ служащимъ и столоначальнику. Наконецъ представляется ему случай написать прошеніе, но онъ не знаетъ, какъ написать его, точно такъ же, какъ не умѣлъ бы самъ сочинить себѣ прошеніе объ опредѣленіи его на службу. Онъ крадетъ у товарищей черновыя по этому предмету, списываетъ эти черновыя, а съ нихъ уже сочиняетъ прошенія и другія бумаги. Написавши сто подобныхъ бумагъ, онъ уже механически запоминаетъ форму ихъ изложенія и продолжаетъ секретно или явно сочинять по старой формѣ,—получаетъ за это деньги, хотя и небольшія, но все же могущія обезпечить его на мѣсяць. Это называется доходомъ, а какъ доходовъ этихъ для него все-таки мало, то у него является желаніе еще больше нажить ихъ, и онъ пускается на хитрости, на то, что называется въ народѣ *живодерствомъ*.

Здѣсь развитіе его ума останавливается на томъ, какъ бы кого надудь доучѣе.

Если служащій—человѣкъ неглупый и поступилъ въ судъ для того, чтобы выучаться дѣлопроизводству, то и тутъ его развитіе останавливается только на канцелярской формѣ изложенія. Правда, онъ умѣетъ хорошо и скоро сочинять по канцелярски, но въ обществѣ другихъ людей онъ кажется нисколько неразвитымъ. Онъ только и знаетъ свой судъ, свое присутственное мѣсто, свои занятія, свои выгоды, а объ остальномъ не заботится, да ему и некогда думать. Теперь вся его цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы ему жилось хорошо, копились деньги, да чтобы не уйти подъ судъ и благополучно дослужить до пенсія, а если есть дѣти, то опредѣлить и ихъ на службу и быть на старости лѣтъ ихъ нахлѣбникомъ.

Таковы были служащіе, и вліяніе такихъ людей только мѣшало моему развитію. Старшіе канцеляристы наживали деньги безсовѣстными манерами, ни за что, пьянствовали, дрались; молодые люди брали у нихъ уроки и вели развратную жизнь. Объ умственномъ развитіи никто не заботился и никто даже не интересовался получаемыми въ судѣ «губернскими вѣдомостями». Правда, были изъ нихъ исключенія, но тѣ недолго служили въ судѣ; служили же въ судѣ безвыходно тѣ, которые нигдѣ не могли найдти себѣ службы лучше суда.

Наши столоначальники были люди давнослужащіе и дѣло свое знали хорошо. Всѣ они хотя и были подъ судомъ, но держались своихъ мѣстъ очень долго. Не будь этихъ столоначальниковъ, судъ бы плохо исполнялъ свои обязанности. Это знали члены и поэтому енисходили всѣмъ ихъ слабостямъ. Вся забота столоначальниковъ состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ дѣла. А дѣла сбывались съ рукъ въ то время у насъ очень просто.

Столоначальникъ уголовного стода самъ рѣшенія не писалъ, потому что у него и безъ этого было много дѣлъ, а для рѣшенія дѣла существовали въ судѣ два вольноопиныхъ писца, которые хорошо знали законы. Эти господа не обучались въ училищахъ, а приобрѣли знаніе судопроизводства въ судѣ же и въ палатѣ; но ихъ занятіямъ, выходило такъ: что уголовное дѣло значить то, что въ немъ есть преступленія и ихъ нужно наказать; разбирать правъ или виноватъ подсудимый было не ихъ дѣло, да имъ и не время было, потому что ихъ торопили. Изъ этому еще надо прибавить и то, что члены часто имъ приказывали, что сдѣлать по такому-то дѣлу.

— Ты по такому-то дѣлу пишешь рѣшеніе?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ напиши, чтобы его освободить. Я бы самъ написалъ рѣшеніе, да некогда.

И пишетъ такъ составитель рѣшеній, какъ ему приказываютъ и какъ онъ найдетъ лучше по своему разсужденію.— Они приговаривали почти всегда къ наказаніямъ; а одинъ изъ нихъ такой былъ охотникъ приговаривать къ наказаніямъ, что, взявши еще дѣло и не читавши, съ наслажденіемъ говорилъ вслухъ про себя:

— Я тебя, шельма. Плетницами тебя, каналью, отдую!...

Этимъ сочинителямъ, какъ видно, ничего не стоило сочинить проэктъ по заведенному образцу, какъ попало. Они знали, что они служатъ по вольной платѣ, имъ довѣряютъ сочинять рѣшенія потому, вѣроят-но, что во всемъ судѣ не нашлось, кромѣ ихъ, такого умника. Поэтому они не обижались тѣмъ, если чинамъ не правилось какое нибудь рѣшеніе.

— Вы не такъ написали.

— А какъ, не то нужно?

— Неловко какъ-то.... Помните, по какому дѣлу намъ выговоръ дали? Вы бы съ тѣмъ дѣломъ сообразили...

— Такъ вы поправте.

— Ужь поправте, пожалуйста, вы.

Сочинитель держитъ дѣло недѣлю, мѣсяцъ; его спрашиваютъ; онъ говоритъ: дѣлъ текущихъ много, и проэктъ переправляется секретаремъ. Эти господа знали, что они ни за изложеніе и ни за приговоръ не отвѣчаютъ, и, стало быть, вся бѣда сваливается на членовъ.

Какъ члены, такъ и наши сочинители хорошо знали по опыту, что, какъ судъ ни сочини рѣшеніе, его все-таки нужно послать въ палату, и палата все-таки передѣляетъ его. Поэтому-то, сочинивши рѣшеніе, какъ попало, судъ представлялъ его въ палату и тѣмъ слагалъ съ себя отвѣтственность за рѣшеніе... Лишь бы только дѣло было сбыто; меньше отвѣтственности. «А тамъ палата, какъ хочеть, рѣшай» говорили судейскіе члены.

Надо замѣтить, что уголовныя дѣла всегда рѣшались скорѣе гражданскихъ, если только они не возвращались обратно для переслѣдованія. Гражданскія дѣла лежали нерѣшенными цѣлые года. Отговорки

были уважительны: безъ какому-либо дѣлу доходить до объёздовъ, — по такому-то—какое-то свѣдѣніе и т. д.

Но не одни только начальники судебныхъ разбирательствъ занимались объясненіями. Было еще два разряда юристовъ: отставные судебные чиновники, большая часть которыхъ, бывшіе вѣдомы, и дѣланы, и отвѣтчиковъ, и въ рѣшеніе дѣла не вмешивая, являвая дѣлу на судъ. Ихъ уважали бѣдные люди, и слава объ нихъ являла во всемъ уѣздѣ. Впрочемъ, ихъ не дозволявали входить суда, потому что они, какъ всегда, очень вредили. Другіе—были повѣренные. Они начинались съ каждого завода-управленія, и обязанности у нихъ было много. Они закупали для завода все необходимое, обиходное, заводское, хлопотали же заводскимъ дѣламъ, жили баранами и приобрѣтали большія деньги. Они шли въ городъ, какъ важныя должностныя лица, имѣли свою канцелярію и жили въ саду со всеми должностными лицами города, которые отъ вѣдомствъ и подѣламъ получали отъ завода-управленія и отъ богатыхъ людей, черезъ повѣренныхъ, большія деньги. Заводскіе повѣренные происходили отъ заводскихъ людей. Выучившись грамотѣ, они служили въ конторѣ или у повѣреннаго, который, для приученія ихъ къ дѣлу, посылалъ ихъ заниматься въ судъ. Въ судѣ рады были, что повѣренный посылается для занятій мальчишка, которому судъ ничего не платитъ. Мальчишка учится производству, списываетъ секретно для своего повѣреннаго рецензіи съ рѣшеній и свѣдѣваетъ для него все, что нужно.

Прозанымается писецъ повѣреннаго въ судѣ, года три, годовъ пять и узнаетъ, что такое судъ, какъ въ немъ рѣшаются дѣла, какъ и съ кѣмъ нужно обращаться. Онъ становится ловкимъ плутомъ и умѣетъ хорошо провести своего повѣреннаго и вѣзетъ въ довѣренность его. Годовъ десять ему приходится заниматься то у повѣреннаго, то въ судѣ, то въ заводской конторѣ, и онъ успеваетъ себѣ очень много. Его сдѣлаютъ въ заводской конторѣ столоничальникомъ, и онъ, умѣя поддѣлываться къ повѣренному, женившись на его сестрѣ или дочери, или дочери заводскаго прикащика, вывѣзетъ уже разныя порученія отъ управляющаго заводомъ. Порученія эти состоятъ больше по хозяйственной части. По смерти повѣреннаго или по наговору этого пройдохи, его назначаютъ въ городѣ повѣреннымъ. Въ городѣ онъ живетъ въ господскомъ домѣ, занимая какой этажъ. Ему довѣряются все хлопоты по заводскимъ дѣламъ, онъ закупаетъ, отправляетъ, продаетъ вещи, расчитываетъ людей и

замыкаетъ собой управляющаго. Его боятся свои крѣпостные люди, отъ него получаютъ должностныя лица подарки отъ заводоуправленія за разныя дѣла; онъ, обманывая управляющаго, напиваетъ большія деньги, и такъ какъ онъ имѣетъ дѣла со всеми чинами, то дѣлаетъ имъ вечера и играетъ съ ними въ карты. Но главная суть его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы хлопотать по дѣламъ заводоуправленія, находящимся въ судѣ, палатѣ, горномъ правленіи и даже въ сенатѣ. Дѣлъ такихъ не мало: напр., владѣлецъ отпираетъ у другого владѣльца крестьянъ землю, заводоуправленіе высквываетъ съ своего брѣпостного челоуѣка что нибудь, заводоуправленіе ищетъ съ кого нибудь посторонняго деньги, владѣльцы впадаютъ въ долги и пр... Кроме этихъ дѣлъ, повѣренный беретъ хлопотать въ судѣ за богатыхъ людей его завода за большія деньги. Заворуетъ прикащикъ очень много и сваливаетъ вину на рабочаго... Нужно ему рабочаго сослать въ Сибирь. Дѣло заводится такъ, какъ хочется прикащику, потому что исправникъ не мѣшаетъ прикащику на рабочаго, повѣренный замасливаетъ судейскихъ членовъ, палатскихъ членовъ... и дѣло рѣшается въ пользу богатыхъ людей.

Повѣренные часто просили меня списать копія съ дѣлъ, но я не писалъ; просили рѣшить какое нибудь дѣло, я писалъ докладъ о возвращеніи дѣла для переслѣдованія, горный членъ передѣлывалъ докладъ въ таюмъ же родѣ. Повѣренные жаловались при мнѣ судѣ, что я прошу съ нихъ деньги; судья за это оставилъ меня дежурити въ судѣ. Разъ даже одинъ повѣренный поднялъ скандалъ на весь судъ. Приходить ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну что?

— Что угодно?

— А копія?

— Какая?

— Какъ какая?.. Я вамъ за такую-то копію пять рублей заплатилъ.

Я озлился, повраснѣлъ, хотѣлъ обручать его, задрожать. Собрались много служащихъ.

— Что, стыдно!

— Врете вы! Никакихъ я денегъ отъ васъ не получалъ, да и не возьму, потому...

— Молчи, северный мальчишка! Едва поступилъ, да и взятъ беретъ.

Служащiе захохотали. Я хотѣлъ бросить въ повѣреннаго книгу, но не могъ почему-то сдѣлать этого.

— Безстыдникъ!

— Пошелъ вонъ, дрянъ ты эдакая! сказалъ я динишь голосомъ. Меня позвали къ судья.

— Я васъ подъ судъ отдамъ! закричалъ онъ.

Я молчалъ: ничего я не могъ сказать въ это время, потому что я золь былъ такъ, какъ никогда.

— Я васъ выгоню!

— Онъ вретъ, ваше высокоблагородiе... Я не такой, какъ всѣ служащiе...

— Молчать! зашипѣлъ судья.

За меня заступился горный членъ.

— Зачѣмъ же вы хотите губить молодого человѣка? Вѣдь я больше васъ знаю его.

— Ничего вы не знаете.

Судья замолчалъ, сурово взглянулъ на меня и сталъ подписывать бумаги. Я стоялъ. Горный членъ махнулъ мнѣ рукой, я взглянулъ на судью. — Пошелъ! сказалъ судья.—Я ушелъ изъ присутствiя, меня оштрафовали служащiе и прозвали взяточникомъ. Съ этихъ поръ мнѣ убавляли каждый мѣсяцъ жалованье по полтинѣ, и служащiе корили меня тѣмъ, что я получаю большiе доходы. Я жаловался дядѣ; тотъ ругался:—ругалъ судью, весь судъ, ругалъ меня, что я непочтителенъ къ старшимъ.

— Какъ же я стану говорить съ ними, коли они подлецы? говорилъ я ему, а злился и думалъ сказать совсѣмъ не то.

— Хорошо, что я тебя кормлю. А если бы меня не было?..

— Вы сами велѣли служить честно, не связываться съ служащими. Да я и самъ знаю...

— Все-таки нужно обходительнѣе быть съ ними. Да будь оно проклято и житье-то съ ворами!

Дядя досадовалъ, что онъ опредѣлилъ меня въ судъ. Большое ему спасибо за то, что онъ не велѣлъ мнѣ брать доходы, спасибо за то, что онъ берегъ меня: смотри, Петенька, будь остороженъ. Попадешь подъ судъ—съѣдятъ тебя... Подлый это народъ!

Но помочь мнѣ дядя ничѣмъ не могъ. Онъ только злился, прокли-

наль все и всёхъ, но я замѣчалъ, что онъ начиналъ любить меня. А это я слышалъ изъ его разговоровъ съ теткой.

— Что я буду съ Петенькой дѣлать? Парень проста бѣда... Онъ меня съ ума сводить. Въ кого онъ уродился? Мать дура, отецъ пьяница...

— Въ тебя.

— Не знаю. Надо бы его перевести отсюда.

— Женить его надо.

— Лучше-то не выдумала! На Оленьгѣ женить его я не хочу, потому что-то вѣтреная... А надо его пристроить...

— Подумай ..

Дядя писалъ своимъ знакомымъ въ губернской городъ, чтобы меня перевели въ губернское правленіе, но тѣ ничего ему не отвѣчали. Дядя злился и не зналъ, что дѣлать. «Терпи», говорилъ онъ мнѣ: вѣдь я ничего, терпѣлъ тридцать лѣтъ!

Вольно же было тебѣ терпѣть, думалъ я. И думалъ я о томъ, какъ бы мнѣ устроить свою жизнь: служить здѣсь не хочется; не могу я здѣсь служить, въ губернской поѣду служить. Здѣсь надоѣло. Простору хочется: дядя и тетка надоѣли мнѣ. Вѣдь я служащій, могу и безъ нихъ служить и жить, самъ собой. Не все же эти поганые три рубли будутъ давать мнѣ. Ну, коли не примутъ въ присутственныя мѣста,—въ прикащики къ купцамъ пойду.—День ото дня меня манила въ губернской еще и другая цѣль, которая мучила меня каждый вечеръ и каждую ночь. Я тогда любилъ и хотѣлъ жениться...

XI.

Меня занималъ въ то время вопросъ, что за штука такая *любовь*, о которой такъ много пишется въ книгахъ?—но долго я не могъ разъяснить себѣ этой штуки.

Женатые почталыоны, сортировщики, служащіе въ судѣ били своихъ жонъ, когда захочется, и били уже не такъ, какъ мы, бывши ребятами, дрались,—тогда онѣ были дѣтьми, теперь онѣ хозяйки, каждой хочется похвастаться своей жизнью, показать себя — па, моль, чуча, гляди, какъ я живу! А ты что? ты бездомница... Вышла замужъ на посрамленье людямъ... Мужичинамъ надоѣло любез-

ничать, надоѣло потому, что женѣ хочется, чтобы ей мужъ угождалъ съ утра до вечера; ни въ чемъ не прокословилъ ей, — а этому ее научила мать. Жена, большую частью, проводить время дома; и какъ бы ни тяжела была ея работа; она все-таки найдетъ себѣ утѣшеніе въ чемъ нибудь: вотъ я это сдѣлаю; ему, дьяволу, понравится... Вотъ я ребятишкамъ пряники дамъ, кричать перестануть... Высказывается ли въ этомъ работѣ любовь къ мужчине — понять трудно, потому что она, каждый въ нѣхъ, понимаютъ любовь по-своему.... Но мнѣ привелось долго жить среди разныхъ семействъ, приводилось каждый день видѣть и слышать разные сцены, часто возмучительныя и дикія, и я въ это время плохо понималъ, что такое любовь, а въ романахъ и повѣстяхъ я видѣлъ только одиѣ имена, жизнь же была совсѣмъ неподходящая къ нашей жизни. — Побой для уѣздно-городской женщины почти ничего не значать, въ привычку вошли, и притомъ она сама умѣетъ обляять мужа и отомстить ему; у этой женщины есть дѣти; она всю надежду полагаетъ только на мужа. Но мужъ совсѣмъ не таковъ. Онъ только въ первое время женитьбы старается угодить женѣ, старается удовлетворить всемъ ея наприказамъ. Но угожденія и капризы жены ему надоѣдаютъ; онъ сначала мучится самъ съ собой, ему хочется выбиться изъ такого положенія, чтобы на него никто не сѣтовалъ. Чѣмъ дальше онъ ворочаетъ мозгами, тѣмъ больше приходитъ къ тому убѣжденію, что жена попала къ нему не такая, какая ему нужна, что онъ ошибся въ выборѣ жены по скорости, потому что его завлекли въ этотъ омутъ, и жена ему не пара. Начинаетъ онъ ругаться съ нею — ничего не понимаетъ; жена отругивается, въ слезы пускается. Онъ злится, она капризничаетъ, онъ терпитъ; терпитъ и дома капризы жены, на службѣ его обижаютъ; дома нѣтъ покоя отъ жены и отъ ребятъ, дома заботы много, онъ становится работникомъ на свою семью, проклиная свою жизнь и жалея, что сглунилъ... То ли дѣло холостая жизнь! говорить онъ. И онъ правъ по своему.

Бывало такъ, что мужчина женился на работающей женщинѣ, самъ ничего не дѣлалъ, пропивалъ женщины деньги, жилъ на содержаніи жены и въ то же время билъ ее. Если онъ замѣчалъ, что жена завела любовника, онъ жаловался на любовника — полиціи. Но я мало по малу приходилъ къ этому заключенію, что мужъ и жена должны быть непременно пара, т. е. должны не мѣшать другъ другу и не

должаться другъ у друга. Миѣ хотѣлось устроить жизнь свободную, такую, хотѣлось найти такого друга, который бы не былъ миѣ въ тягость, и которому бы и я не былъ въ тягость, чтобы намъ обоимъ не обижаться другъ на друга. Но какъ устроить это? Гдѣ найти такую женщину? Въ нашемъ городѣ положительно не было такихъ въ грамотномъ классѣ, — на неграмотной я не хотѣлъ жениться, потому что неграмотную нужно учить, а я чувствовалъ себя неспособнымъ къ обученію... Больше всего я пугался дѣтей и, дойдя до этого вопроса, ругалъ самъ себя: что я за дуракъ? На кой миѣ лѣшій жениться-то!.. Но жениться все-таки хотѣлось, хотѣлось друга имѣть такого, которому бы можно было все говорить и съ которымъ бы легче было узнавать то, чего я не зналъ въ то время. Выборъ мой остановился на одной дѣвушкѣ, Ольгѣ, которая была моложе меня двумя годами и жила въ губернскомъ городѣ.

Къ намъ часто прїѣзжали изъ сель родственники-священники съ жонами и дочерьми, и миѣ часто случалось бывать у нихъ въ гости. Миѣ не нравилось въ ихъ дочеряхъ то, что онѣ умѣли только стряпать, вышивать и знали одно хозяйственное ремесло, но кромѣ книгъ духовнаго содержанія ничего не читали, и поэтому годились въ жоны только забитымъ семинаристамъ; такая жена въ городѣ лѣнилась бы, спала, толстѣла и жила бы свиньей, предоставляя дѣтямъ развиваться, какъ развивается капуста. Оно и лучше. Если такая женщина будетъ заниматься образованіемъ дѣтей, да будетъ говорить имъ нечѣстности, то она и изъ дѣтей сдѣлаетъ уродовъ, какъ я и зналъ дѣснолько подобныхъ примѣровъ. Поэтому, когда миѣ приводилось бывать въ обществѣ дочерей нашихъ священниковъ, любившихъ игру въ жмурки, пряталки и въ карты, я находилъ ихъ пустыми и злился надъ тѣмъ, что онѣ весь день хохочутъ и въ этомъ находятъ большое удовольствіе. Дома я даже не вспоминалъ объ нихъ и злился, если тетка хвалила какую нибудь дѣвицу или говорила дядѣ: вотъ бы Петеньку женить на этой. Я злился, когда тетка бранила мою знакомую Ольгу въ глаза и корила ее тѣмъ, что она много трескаетъ.

XII.

Отецъ Ольги умеръ за нѣсколько до ея рожденія. Мать ея, капитанша, была бѣдная женщина и жила на квартирѣ у дяди, когда

мнѣ было еще шесть лѣтъ. Съ теткой она скоро подружилась, и тетка очень полюбила ее за то, что она хотя и не прочь была выпить, но не была сплетница. Дѣтей своихъ, маленькую Олю и сына восьми лѣтъ, она очень била, и трезвая, и пьяная. Когда Оля былъ четвертый годъ, мать нигуда не выпускала ее изъ комнаты; за то, если тетка брала меня къ ней въ гости, Оля безцеремонно подходила ко мнѣ съ своей куклой. Я однако дичился ея, и если она хотѣла играть со мной, я уходилъ куда нибудь подальше, за что мнѣ тетка давала затрещину. Тетка часто ходила къ ней въ гости и брала меня съ собой, неизвѣстно для чего. Тамъ я сидѣлъ въ углу, а Оля играла съ куклами, и если насъ заставляли играть вмѣстѣ, то мы играли какъ-то принужденно и вяло. Жизнь Ольги была не радостная: мать ея пьянствовала, часто голодала или оставляла голодную дочь, нигуда не выпускала ее и, когда уходила со двора, заперала ее на замокъ. Поэтому тетка иногда, во время пьянства матери, брала Ольгу къ себѣ въ гости, и она жила у насъ иной разъ по цѣлой недѣлѣ. Въ это время она больше шла или вязала и играла въ карты съ теткой, которая за это ее очень любила. Мнѣ досадно было, что тетка говорить ласково съ Ольгой, а ко мнѣ обращается съ крикомъ, и я злился, замѣчая смѣхъ Ольги въ то время, когда я проливалъ воду или когда меня били; мнѣ завидно было, что тетка садитъ Ольгу съ собой рядомъ, а меня гонитъ въ кухню; Ольга пересказывала теткѣ мои пакости, и много было такихъ предметовъ, за которые я ее ненавиждѣлъ до того, что не хотѣлъ говорить съ ней. Со временемъ, тетка заставляла меня что нибудь читать въ слухъ, а я не хотѣлъ читать при Ольгѣ. Тетка вскрикнетъ бывало:

— Тебѣ говорить?

— Пусть она читаетъ.

— Я вотъ какъ встану—покажу тебѣ... грубиянъ ты влакой!..

А все же я читать не стану; тетка ее заставить читать. Случалось, Ольга просила у меня книжекъ, я не давалъ.

— Гдѣ я возьму книгъ-то?

— Да въ ящикѣ.

— Ройся сама!

— У!! скажу тетенькѣ-то.

— Смѣй! Только скажи, такъ я тебѣ и обрѣжу косы-то.

Но на семнадцатомъ году мнѣ было скучно безъ нея. Нѣтъ ея

два дня, думаю, скоро ли она придет? Сердился на то, зачѣмъ я такой злой и упрямый, а она такая ласковая. Вѣдь ее мать бьетъ, вѣдь я она живеть не лучше моего? Буду же, и я ласкаться къ ней. Но какъ только придетъ она—я и сробѣю. Часто она приходила со слезами на глазахъ и долго плакала, говоря, что ей житья нѣтъ отъ матери, что мать день ото дня хуже становится. Миѣ жалко было ее, хотѣлось говорить съ ней, угодить ей, но ничего этого я не могъ сдѣлать. Часто въ квартирѣ оставалось только двое насъ: она въ комнатѣ что нибудь шьетъ молча, а я въ кухнѣ сижу за столомъ. Хочется миѣ поговорить съ ней: подожду къ ней робко, въ землю смотрю, потомъ взгляну на нее стыслова: она шьетъ и на меня не глядитъ. Подожду я къ окну и думаю, что бы сказать такое хорошее, какъ въ книжкахъ пишутъ? Долго думаю, да такъ ничего и не скажу. Такъ и шло время безъ толку: ни я, ни она не скажемъ другъ другу любовностей. А между тѣмъ, дядя съ теткой и ее мать называли меня женихомъ, а ее невѣстой. Сидимъ мы всѣ за столомъ, обѣдаемъ. Родные наши выпивши, и мы, женихъ и невѣста,—выпивши: въ большіе праздники тетка подчивала меня и ее хересомъ или другимъ какимъ нибудь виномъ.

— Вотъ какъ Петенька выучится, да поступитъ на службу, я Олю отдамъ за него замужъ,—говорить бывало капитанца.

— Пусть выучится. Оля—дѣвушка славная, и онъ еще не стоить ей, говорить дядя.

— Ну, полно! На службу поступить—человѣкъ будетъ.

Я злился за эти слова. Олѣ какъ-будто неприятно было слушать ихъ.

— Ты, Оля, пойдешь за Петеньку?

— Не знаю.

— Кто же знаетъ? Васьяна, скажи пойдеть Оля замужъ? скажетъ мать, обращаясь къ черному вѣту. Ольга покраснѣетъ.

— Я не хочу жениться, скажу я вдругъ, краснѣя отъ стыда.

— Ну, я тебѣ дамъ, каналья! закричитъ дядя.

Послѣ этихъ разговоровъ, я все-таки думать: а хорошо бы жениться на Олгѣ: она читать, писать, шить и стряпать умѣетъ. И пріятно миѣ было думать о ней.

Теперь же, когда я обдумалъ, какую миѣ нужно жену, и приглядѣлся къ разнымъ семействамъ, я возмнилъ сильное желаніе жениться на Олгѣ, думая, что я тогда буду жить своимъ хозяйствомъ.

Вотъ какой я устроилъ планъ въ своей головѣ. Если мнѣ въ губернскомъ городѣ на первый разъ будутъ давать жалованья шесть рублей, я найму въ самой дальней части города комнатку съ кухней, за что я заплачу рубль, много полтора рубля. Дрова я буду ловить лѣтомъ на рѣкѣ, и ихъ хватить на всю зиму и на все лѣто. Мы будемъ жить только вдвоемъ. Она будетъ шить у стола, а я буду сидѣть противъ нея, буду ей читать вслухъ, и будемъ мы жить дружно, будемъ беречь деньги. Я буду служить, она будетъ шить, продавать шитье, и деньги мы будемъ дѣлить по ровну. Но я останавливался на томъ: что сдѣлать съ деньгами, если у нея будетъ больше шести рублей? Если она будетъ употреблять ихъ на сласти, въ родѣ орѣховъ, будетъ стряпать лишнее и будетъ угощать меня, откуда я возьму деньги на то, чтобы давать ей половину на удовольствіе? Я сильно мечталъ объ томъ, что у меня написано уже два сочиненія, и я ихъ пошлю въ Петербургъ, тамъ ихъ напечатаютъ въ журналѣ и дадутъ мнѣ деньги,—деньги большія.

XIII.

Черезъ годъ мнѣ опротивѣло жить въ уѣздномъ городѣ. Хотя онъ и хорошъ на видъ, хотя и есть въ немъ бульваръ и разныя увеселенія, но все какъ-то натянута, какъ-то невесело, все какъ-будто пахнетъ какою-то казенщиной. Объявить начальство, что завтра въ праздникъ на бульварѣ будетъ музыка, объявить какойнибудь пріѣзжій акробатъ, что тогда-то онъ будетъ показывать свои фокусы, будетъ ходить по канату, объявлять, что тогда-то будетъ какойнибудь заѣзжій нѣмецъ шаръ пускать,—и ждуть горожане съ радостью этихъ праздниковъ. Наступитъ день, сходятъ къ обѣднѣ, наѣдятся и спать хочется, и на бульваръ тянетъ, принарядятся и пойдутъ на бульваръ. И идутъ горожане на бульваръ толпами себя показать, людей поглядѣть, музыку послушать, новости узнать, подивиться чудесамъ заѣзжаго фокусника даромъ... Перехаживаютъ они съ мѣста на мѣсто, орѣхи грызутъ, пряники ѣдятъ, да кислыми щами запиваютъ. Ждутъ они долго фокусника—иной домой успѣетъ сходить выпить рюмочки двѣ водки,—скучаютъ, ругаютъ фокусника, что онъ долго заставляеть ждать ихъ. Каждому хочется развлечься... Вотъ въ одномъ мѣстѣ въ орлянку играютъ двое мѣщанъ, ихъ обступили любопытныхъ сто человекъ, тысяча глазѣтъ на музыкантовъ.

Забравшіеся сюда рано устали давно отъ безтолковой ходьбы и лучками пришли на траву подъ деревья; въ отдаленіи сидятъ влюбленныя пары. Чѣмъ дальше тянется время, тѣмъ больше появляется въ публикѣ пьяныхъ, которые кричатъ, ругаются, какъ только могутъ, и начинаютъ безобразничать на потѣху молодежи мужского пола. Вся эта пестрая, разнообразная масса народа, выфранченная по послѣдней модѣ и по состоянію, причесанная, напомаженная, волнуется, бѣснуется, кричитъ и модничаетъ, скучаетъ и не знаетъ, что ей дѣлать.—Черти, слышится въ одномъ мѣстѣ... Спать бы лучше, а то что?—говорятъ въ другомъ; а въ третьемъ ужѣ спать пьяные люди въ халатахъ и сюртукахъ. Даже и въ аристократическомъ кружкѣ видна зѣвота; эта аристократія пришла сюда себя показать да людей удивить своими нарядами и фразами; она задираетъ головы къверху или сидитъ отдѣльно отъ народа. Одни только молодые приказные сплуживаютъ во все классы народа, нахально подмигиваютъ дѣвицамъ, толкаютъ ихъ подъ бока и приглашаютъ гулять: «позвольте, барышня, быть вашимъ кавалеромъ».—Сначала я очень былъ сердитъ на мумчинъ за то, что они нахальничаютъ, но потомъ убѣдился, что есть дѣвицы такого рода, которыя самі приглашаютъ мужчинъ. Какъ-то я сидѣлъ на скамейкѣ въ отдаленіи и наблюдалъ за народомъ. Я курилъ папирску. Вдругъ приходитъ ко мнѣ дама лѣтъ 20, одѣтая въ сѣренькомъ бурпусѣ съ криволиномъ; на головѣ платокъ. Она безцеремонно сѣла на скамейку рядомъ со мной. Минутъ пять она и я молчали. Мнѣ ужасно неловко было сидѣть, — я хотѣлъ уйти, но и послѣдѣть хотѣлось; къ тому же, сосѣдка красивая; я досталъ еще папирску.

— Господишъ, извините, если я побезпокою... начала она.

— А что?

Нѣтъ ли у васъ папирски?

Я досталъ другую папирску и молча далъ ей.

— Мирси!.. адалжите закурить.

Я далъ ей свою папирску. Сосѣдка опять сказала мирси; у меня тряслись руки, и я сердился на себя, что я ничего не умѣю сказать ей. Мы сидѣли молча:

— Вы служаций? спросила она меня.

— Да.

— А гдѣ служите?

— Въ уѣзномъ судѣ... А вы кто?

— Я... я замужемъ.

— Что же онъ гуляетъ?

— Онъ измѣнилъ мнѣ: онъ гуляетъ съ дѣвой какой-то.

— А вамъ досадно, поди?

— Ахъ, такъ досадно, что я ему, подлецу, отомстить хочу.

— А если онъ любитъ васъ?

— Охъ, нѣтъ!

— Можетъ быть, вы ему измѣнили напередъ!...

— Какой вы глупый! Вамъ говорить, что онъ измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ.... Понимаете?

Мы опять замолчали.

— Что же вы молчите? Какой вы скучный!

Я ничего не сказалъ ей, потому что мнѣ не понравилась ея навязчивость.

— Пойдемте гулять.

— Не хочется.

— Отчего?

— Не могу я гулять вдвоемъ.

— А если вы женитесь?

— Ну, тогда, можетъ быть, и пойду, а теперь не хочу.

— Фи, какой вы невѣжа!.. Такъ не хотите?

— Чего, въ лѣсъ, что ли, съ тобой идти?—сказалъ я, самъ не понимая, что я сказалъ. Я замѣтилъ, что сосѣдка моя покраснѣла, встала и ушла прочь.

Молодые приказные рассказывали мнѣ, что есть такія женщины, которыя сами приглашаютъ мужчинъ къ себѣ въ квартиры, и что мнѣ стоило только пригласить мою сосѣдку пройтись съ ней, она завлекла бы меня непременно.

Начинается представленіе; вся гуляющая масса спѣшитъ занять мѣста получше; всѣ тѣснятся къ загородкѣ, гдѣ показываютъ свои фокусы заѣзжіе акробаты; ребята и рабочіе раздвигаютъ доски и, такимъ образомъ, смотрятъ однимъ глазомъ даромъ; ихъ разгоняетъ полиція палками; они начинаютъ драку съ полиціей, и непопавшіе въ загородку зрители потѣшаются. Если фокусы представляются открыто, то изъ многихъ мѣстъ слышатся восклицанія: «вѣкъ его, лѣшова, угоравдило! Ахъ, чортъ зкой! Сломать бы ему хоть ногу, псу! А чтобъ ему сивозъ землю провалиться!»—Но эти восклицанія произносятся съ улыбками, въ восторгѣ отъ удовольствія и съ удивленіемъ къ ловкости и искусству фокусниковъ. По окончаніи представленія, всѣ только и

толкуютъ, что о фокусникахъ, и рассказываютъ домашнимъ съ разными прикрасами о видѣнномъ. — Есть въ городѣ прудъ, но на немъ не плаваютъ, только въ царскіе табельные праздники начальство устраиваетъ на немъ фейерверки, и тогда берегъ посѣщаютъ горожане. Театръ посѣщаютъ мало, потому что богатые люди не очень большіе охотники до театра, бѣднымъ же людямъ ходить часто денегъ нѣтъ; за то всѣ вообще любопытные любятъ комедіи смѣшнаго содержанія, драмы съ убійствами, пожарами, провалами и громами; любятъ также чорта, и большая часть публики считаетъ актеровъ за фокусниковъ и не понимаетъ ничего серьезнаго. «Ты намъ смѣшное показывай, говорить публика, — чтобы весело было; а то все говорить что-то мудреное. Плевать намъ на то, что онъ одѣлся не по нашему. Ты русское кажи, да чтобы не скучно было. У насъ и дома скучно. Мы не даромъ деньги-то заплатили. И показывали актеры смѣшное. Аристократія ходила въ театръ также ради препровожденія времени, и хотя знала, что актеры врутъ и плохо играютъ, но поощряла актрисъ, вызывала и дарила имъ вѣнки. Другихъ развлеченій въ городѣ не было, и люди отъ скуки играли въ карты дома или у знакомыхъ на шереметевъ счетъ, и эти карты такъ вошли въ моду, что рѣдкій горожанинъ въ свободное время не устраивалъ вечера безъ карточной игры.

XIV.

Дядя и тетка очень скучали. Знакомыхъ у нихъ было немного, и эти знакомые, большею частью, старались поживиться отъ нихъ чѣмънибудь. Ходила къ намъ одна дѣвица годовъ двадцати шести. Она жила у сестры, которая была замужемъ и имѣла шестерыхъ дѣтей. Жили они бѣдно, а этой дѣвицѣ хотѣлось хорошо поѣсть, ничего не дѣлать и выйдти замужъ за чиновника. Тетка любила ее за то, что она помогала ей шить, пѣла пѣсни и чтонибудь рассказывала; дядя любилъ ее по своему, и когда не было дома тетки, онъ начиналъ съ ней любезничать. Я не любилъ эту дѣвицу: во-первыхъ, она очень хвасталась своимъ лицомъ, хотя и не была красива; во-вторыхъ, ужасно лгала и сплетничала, и въ-третьихъ, соглашалась съ дядей, что я невѣжа. Когда она приходила къ намъ, я прятался въ свою комнату, за обѣдомъ ничего не говорилъ, дремалъ, когда игралъ въ карты, и въ карточной игрѣ участія не принималъ. Случалось, я оста-

вался дома одинъ съ нею. Я сидѣлъ въ своей коморѣ, она въ комнатѣ. Однажды она изволила встать на лѣстницу и заглянула въ мою коморку; я лежалъ.

— Вотъ вы гдѣ обитаете! сказала она и захохотала.

— Мнѣ и тутъ ладно.

— Отчего же вы въ комнату не сидите?

— И здѣсь хорошо.

— Пойдите играть въ карты, мнѣ страхъ какъ скучно.

— Не хочется. Я книгу читаю.

— Успѣете еще.

— Право не хочется. Да я и не люблю карты: въ карты дураки играютъ.

— Эдакъ я дура и тетушка ваша дура?

— Надо дѣломъ какимъ нибудь заниматься, тогда не будетъ скучно.

— Врете вы все: надо въ обществѣ бывать!...

Я ничего не сказалъ на ея болтовню, только улыбнулся; она ушла и съ тѣхъ поръ не надоѣдала мнѣ. Ходила къ намъ еще двѣнадцать лѣтъ девятнадцати, звали ее Лизой. Эта была посмазливѣе. Сестра ея почти каждый день ходила въ женскій монастырь, гдѣ она сообщала городскія новости и откуда разносила по городу разнымъ монастырскіе секреты. Лиза тоже ходила въ монастырь и съ виду казалась монахиней; она выбирала себѣ богатаго жениха, но нѣсколько жениховъ надули ее, рассчитывая сами на ея приданое, которое состояло въ одномъ домѣ. Тетка поговаривала дядѣ женить меня на Лизѣ, и дядя соглашался съ нею, сообразивъ то, что съ отцомъ ея онъ въ очень короткихъ отношеніяхъ, и что, женившись на Лизѣ, я получу домъ и, стало быть, живу отдѣльно отъ нихъ. Это говорилось секретно, и я страшно боялся, чтобы меня не скрутили, потому что, если дядя что захочетъ, то и будетъ. Лиза чаще стала ходить къ намъ, меня заставляли играть съ ней въ карты; я, какъ нарочно, говорилъ не въ попадѣ, грубо и больше молчалъ. Лиза черезъ сестру передала теткѣ, что я какой-то необразованный и что она раньше года не дастъ согласія на бракъ со мной. Тетка каждый день стала читать мнѣ наставленія, что я говорить не умѣю, со всѣми грублю, хожу какъ-то по бурлацки, и прозвала меня вахлакомъ.

Ходили къ дядѣ межевщикъ Коровинъ и его жена съ двумя сыновьями, служащими по горному вѣдомству. Ходили и тетка съ ядей къ нимъ. Самъ Коровинъ любилъ выпить, такъ что, если его

не угостить это вибудь водкой, къ тому онъ и ходить не станетъ. Это семейство, когда бывало у насъ, играло съ нами въ карты, и мы тоже играли съ ними. Всѣ они мнѣ нравились, потому что были люди простые, не сапетничали и со мной были ласковы. Старшій сынъ ихъ обучалъ въ городѣ дѣтей, былъ образованнѣе отца и постоянно читалъ новыя книги. Съ нимъ я сошелся коротко и мы скоро сдѣлались друзьями. Онъ въ литературѣ зналъ толкъ, и по его со- вѣту я сталъ читать ученые сочиненія. Журналы онъ мнѣ давалъ всегда, и мы подолгу разсуждали о литературѣ. Теперь я читалъ новые журналы, читалъ хорошія сочиненія, читалъ критики и ученые статьи. Книгъ было много, въ головѣ много было работы, но все-таки разъ- яснить множество вопросовъ я не могъ, при всемъ моемъ стараніи, ни съ помощью книгъ, ни съ моимъ другомъ. Я писалъ въ это время много, пріятель мой хвалилъ меня, и однажды отдалъ одно сочиненіе доморо- щенному литератору, который сочинялъ разныя драмы и комедіи, ни- когда непечатавшіяся. Мнѣ привелось видѣть этого литератора въ квар- тирѣ Коровина. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, одѣтый франтовски, живой господинъ. Онъ очень хвалился своими способно- стями, ругалъ редакціи, что онъ не хотять печатать сочиненій такого извѣстнаго человѣка, какъ онъ, очень смѣшно копировалъ чиновниковъ и разныхъ начальниковъ, но со мной онъ обошелся очень нелюбезно.

— Вы тоже сочиняете? спросилъ онъ меня.

— Да.

— Это хорошо. Только вы, поди, списываете.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ за меня мой пріятель.

— Да я гдѣ-то подобное читывалъ.

— Кто другой, можетъ быть, такъ сочиняетъ, а онъ—самъ, это я знаю.

— Только я вамъ скажу, ваши сочиненія нигуда не годятся.

— А что?

— Да вы сами не знаете, о чемъ пишете: однѣ слова да фантазія.

Мнѣ эти слова не понравились, потому что я очень много думалъ о себѣ. Учиться у него писать я не хотѣлъ, потому что онъ мно- го хвастался собой, и мой пріятель сбивалъ его на многихъ во- просахъ. Пріятель былъ умнѣе его, но сочиненій не писалъ.

Этотъ литераторъ, какъ говорилъ мнѣ пріятель, изъ кожи лѣзъ. На службѣ онъ не жилъ въ ладу со служащими, потому что считалъ себя умнѣе ихъ и надоедалъ имъ своею хвастливостью. Дома онъ

рѣдко читалъ книги, а больше сочинялъ и переписывалъ свои сочиненія, которыя потомъ читалъ въ кругу своихъ товарищей. Кромѣ того, онъ ужасно завидовалъ всѣмъ писателямъ, помѣщавшимъ въ журналахъ свои сочиненія, и на каждого домерощенаго литератора смотрѣлъ со злобой, говоря, что они сочиняютъ дрянъ и хвастаются. Однимъ словомъ, ему хотѣлось прослыть за гения, а такъ какъ его сочиненія нигдѣ не печатали, то онъ ругался, ругалъ почти всю литературу. За то съ какииъ трепетомъ онъ ждалъ новый журналъ и смотрѣлъ на обложку.... Не помѣстили еще! говорилъ онъ, блѣднѣя.— Товарища подеиѣвались надъ нимъ, но онъ говорилъ, что его сочиненіе нельзя не помѣстить. Вѣроятно, онъ почти не спалъ, думая: примутъ ли его сочиненіе, или нѣтъ, и если примутъ, то онъ рисовалъ себѣ картину будущаго блаженства....

Жить у дяди мнѣ надоѣло. Меня попрегали тѣмъ, что я понапрасно жгу свѣчи, мало получаю жалованья; мнѣ мѣшали читать разговоры, пѣсни и дядина музыка. Кромѣ этого, дядя сталъ крѣпко испивать водку, ругался на весь домъ, билъ тетку, игралъ въ карты и много проигрывалъ. Тетка плакала, просиживала цѣлыя ночи, ворожила въ карты и заставляла меня читать вслухъ книги. Съ каждымъ днемъ мнѣ тяжелѣе и невыносимѣе казалась служба; въ судѣ судья меня не любилъ за то, что я переписываю бумаги горному члену; товарищи говорили мнѣ, что я ничего не дѣлаю и беру взятки; дома мнѣ опротивѣло. Захотѣлось мнѣ престоору, одному захотѣлось жить, и жить въ губернскомъ городѣ. Я сталъ проситься въ губернскій городъ. Дядя и тетка долго не соглашались.

— Ну, какую тебѣ черную немочь дѣлать тамъ?

— На службу буду проситься.

— А отчего здѣсь не служить?

— Не могу...

— Мало ли что не могу!.... Вишь ты, мы тебѣ нелюбы стали! Выстегать бы тебя надо.

Я ворчу.

— Молчать! крикнетъ дядя,—я и замолчу.

Черезъ нѣсколько времени, когда дядя былъ веселъ, я возобновилъ свою просьбу,—отпустить меня въ губернскій. Онъ опять обругалъ меня. Уѣхать мнѣ туда не было никакой возможности, потому что у меня не было денегъ.—Какъ-то дядю послали исправлять должность почтмейстера въ уѣздный городъ. Я написалъ ему, что

желаю съѣздить въ губернский городъ только въ отпускъ на педѣлю. Дядя написалъ, что дѣлать нечего. Я подалъ прошеніе объ отпускѣ на двадцать дней, уговорилъ тетку, та заплакала и согласилась отпустить. Я поѣхалъ. Тетка очень плакала при прощаньи, плакалъ и я.

— Не забывай ты насъ, ради Бога! говорила тетка.

— Не забуду, говорилъ я, и жалко стало мнѣ тетку. Бѣдная женщина! знаю, что ты любишь меня по своему, какъ сына. Но я не могу жить съ тобой: мнѣ свободы хочется, а ты только мѣшаешь мнѣ.

— Прощайте! крикнулъ я ей, когда лошади рванулись, побѣжали, и сталъ я думать о новой жизни, о томъ: поумнѣю ли я?

Теперь только я чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ. Прощайте, старые люди! Хороши вы, но вы хороши только для одной утробы: накормите вы досыта, спать уложите, а для ума вы ничего не дадите, развить вы не можете человѣка, а глупый человѣкъ только отупѣть можетъ съ вами.....

XV.

Когда я былъ очень малъ, мнѣ нравилось кататься. Съ самаго начала тетка сама возила меня въ саняхъ, зимой, закинувъ на грудь, поверхъ капота, веревочку отъ козелъ санокъ. Я болталъ ногами, махалъ руками, кричалъ отъ удовольствія, что меня везутъ, дергалъ за веревочку, отъ чего тетка злилась. Когда я подросъ, мнѣ нравилось кататься на масляницу съ катушекъ. — Когда я уже подросъ, то удивлялся, отчего это до масляницы народу мало катается въ городѣ, а съ четверга маслянки весь городъ запруженъ лошадьми. Даже самый бѣдный человѣкъ, котораго никогда не увидишь на лошади, и тотъ, смотришь, — сидитъ въ саняхъ съ знакомыми, и тотъ катается. Смотришь — всѣ какіе-то веселые, одни ужъ очень пьяны, только руками машутъ, да головой, ничѣмъ непокрытой, влѣкаютъ; другіе — пѣсни орутъ, третьи насвистываютъ и наигрываютъ на гармоникахъ... На насъ, маленькихъ, тогда не обращали вниманія ни наши родственники, ни важные люди, до насъ нисколько не касающіеся: насъ обыкновенно пичкали въ углы, для того, вѣроятно, чтобы показать людямъ, что и они птенцовъ имѣютъ. За то, если насъ, дѣтей, однихъ пускали ѣздить, мы давали себя знать: гикаемъ,

назвистываемъ; если кто держитъ витежь, то отъ него достается и своимъ лошадамъ, и чужимъ, и людямъ не нашего сорта; на насъ смотрѣли зѣваки и дивились нашей молодцоватости. Не смотря на наше малолѣтство, мы, дѣти бѣдныхъ людей, были развитѣе баричей и смыслили очень много, при этомъ мы были свободнѣе и рѣзвѣе старшихъ; мы прямо высказывались: «это стовбичные!».—«Это бара помелчи...» — «А пошто же у нихъ хари-то на крысь походить?..» Старшіе наши на эти слова ничего не отвѣчали, или отворачивали головы въ другую сторону, или ужь очень были заняты смѣхомъ, своими разговорами; но мы, отъ нечего дѣлать, старались какъ нибудь разозлить барышень и баричей... Въ особенности меня удивляло то: отчего это наши родные не могутъ такъ свободно выражаться вслухъ, какъ мы, дѣти? Наконецъ я понялъ, почему это: на насъ не обращали вниманія, потому что мы малы, насъ считали за собачонку, которая только облаютъ, а вреда не сдѣлаютъ; насъ убѣждать было трудно, а вся досада вымѣщалась на нашихъ родителяхъ, которые были въ зависимости отъ начальства. Что прощалось намъ, то не прощалось отцамъ нашимъ. Кромѣ этого, на нашу волюность не обращали еще потому вниманія, что и барскіе ребята выдѣлывали шутки почище насъ.

Но меня это на пятнадцатомъ году не занимало: одно и то же надоѣло, хотѣлось другого. Уединеніе на рѣкѣ и въ лѣсахъ сдѣлало меня задумчивымъ, злымъ; я видѣлъ какихъ-то усталыхъ, больныхъ людей, съ фальшивыми понятіями и направленіями. Читалъ я въ книгахъ, что гдѣ-то есть настоящіе люди, а гдѣ они—Богъ вѣдаетъ! Съ дѣтства мнѣ привелось видѣть нужду врестьянскую, но я не зналъ, отчего эта нужда происходитъ. Приводилось разъ верстъ семь ѣхать на баркѣ съ бурлаками; я увидалъ трудъ тяжелый и не задумивъ тѣхъ, кто вадѣвается надъ бурлаками; но я не зналъ, что это за народъ такой. Видѣлъ я, какъ они домой возвращаются— работа ихъ еще труднѣе, и опять-таки не зналъ, отчего они не ѣдутъ домой, а напрямѣнно тянутъ суденки съ хлѣбомъ. Но когда мнѣ привелось проплыть съ ними триста верстъ, когда я заглянулъ въ бурлацкое нутро и узналъ ихъ!.. И мало есть такихъ людей, которые бы поняли настоящую бѣдность и причины этой бѣдности... Случалось мнѣ нѣсколько разъ съ почтами ѣздить, но и тутъ, послѣ двухъ-трехъ побѣздокъ, я плохо попялъ семейную жизнь сельскихъ и деревенскихъ обывателей. Когда же я пожилъ тамъ дольше, то

увнала, что изъ бѣдныхъ людей всѣ выжимають силы, начиная съ писаря, священника и т. п.

Мнѣ, прожившему среди почтовой братьи десятокъ лѣтъ, можно было свободно разъѣзжать даромъ, даже и безъ почтмейстерскаго разрѣшенія. Почтовые такъ и дѣлали: захочется женѣ сортировщика съѣздить къ родственницѣ въ другой городъ:—гостить почтальона, а потомъ почтальонъ посадитъ жену сортировщика или на какойнибудь уллицѣ, только за угломъ колторы, или за заставой. А ребята, ученики, — тѣ въ почтовомъ же дворѣ садятся въ телегу или въ санки, — это дѣти зрителей. Такъ же и я, какъ племянникъ — сынъ сортировщика, еще нигдѣ неслужившій, свободно разъѣзжалъ къ нашей роднѣ, когда — одинъ съ почтальономъ, а когда и съ воспитателями. — Теперь мнѣ, служащему, ѣздить съ почтами было неловко, на томъ основаніи, что я былъ все-таки уже чужой человѣкъ: писецъ уѣзднаго суда. Ѣхать мнѣ до губернскаго города Орѣха на свой счетъ не было никакой возможности, потому что у меня въ карманѣ было капитала только четыре рубля. Положимъ, я за четыре рубля могу доѣхать съ обозами, но за то я проѣду триста верстъ недѣлю, а съ почтой я приѣду въ полторы сутокъ. Северно то, если случится какоенибудь несчастье, напр. потеряется сумка или подрѣжутъ чемоданы подъ самымъ блюстителемъ почты.

Я даже не радъ былъ, когда случилась одна глупая штука. Почтальонъ, съ которымъ я ѣхалъ, былъ выпивши. Почта шла легкая. Въ телегѣ было двѣ сумы и одна сумка пустая, посылаемая въ губернскую контору на ея распоряженіе за излишествомъ. Двѣ сумы съ корреспонденціей были запечатаны, какъ слѣдуетъ, а въ сумкѣ лежали мои вещи, и эта сумка была зашита ремешками и петлями. Въ этой сумкѣ была положена еще сумка, но какъ ее клали — проглядѣлъ почтальонъ, принимавшій почту, и я. Почтальонъ зналъ, что у него на рукахъ двѣ сумы и одна порожняя сумка. До первой станціи мы ѣхали весело. Почтальонъ былъ очень разговорчивъ, много говорилъ о прошломъ бурсацкомъ житіи, и въ особенности жалѣлъ, что онъ не могъ пробыть въ семинаріи только одного, послѣдняго года, — стало быть, онъ былъ въ богословіи, но исключенъ изъ семинаріи за какое-то буйство. Однимъ словомъ, онъ былъ человѣкъ неслучливый, но, попавши въ разъѣздные почтальоны за какое-то неуваженіе къ губернскому, почтмейстеру, онъ

сталъ пять ведру горше прежняго. Первую станцію мы проѣхали безъ всякихъ приключеній.

Пріѣзжаемъ мы на другую станцію. Смотритель встрѣтилъ его и меня любезно, — его потому, что онъ съ нимъ, назадъ тому годъ, служилъ почтальономъ въ губернской конторѣ; а меня потому, что дядя часто ѣздилъ къ нему разбирать жалобы, и ящики любилъ дядю. Стали повѣрять почту по подорожной. Въ подорожной написано: изъ Кочана сума, С. П. Б. 1859 г., № 1021, вѣсомъ 5 пуд., изъ Тюлена по тракту одна сума Московская 1860 г. № 1200, вѣсомъ 6 пуд., въ ней три порожнихъ сумки такіа-то. Дальше слѣдовала отмѣтка, что сумка Московская 1860 г. № 1007 и сумка Московская 1853 г. № 397 препровождаются въ Орѣховъ. Въ наличности оказалась только одна сумка за № 397. Почтальонъ струсилъ, сталъ спрашивать ящика:

— Ты сколько бралъ сумокъ?

— Три. Тебѣ больше знать-то надо, потому ты изъ города ѣхалъ.

Смотритель сталъ ругать ящика: какъ же ты, морда эдакая, не знаешь?

— Я, што ли, ѣхалъ изъ города-то! Я што взялъ, то и привезъ. Подобныхъ штукъ съ смотрителемъ никогда не случалось, и онъ, какъ ни вертѣлъ подорожную, пришелъ къ тому заключенію, что или почту ограбили, или сумка дорогой потеряна. А такихъ случаевъ всѣ почтовые ужасно боятся, будь они хоть расчестные господа. Главное, чѣго они боятся—это слѣдствіи.

— Какъ же ты, свотина ты эдакая, ничего не видѣлъ? Въдѣ сумки нѣтъ! Что ты дѣлалъ? Спалъ, шельма! закричалъ онъ на бѣднаго ящика.

— Спать не спалъ, да и они не спали,—отсвзвался ящикъ. Почтальонъ вступился за ящика.

— Сумка пустая, не важность.

— Пустая! Съ котораго боку она пустая-то? Развѣ въ подорожной написано, что такая-то, за такимъ-то номеромъ—пустая. Можетъ тамъ деньги были.

Отъ такого резона почтальонъ струсилъ: въ подорожной дѣйствительно не значилось пустая ли была та сумка. Смотритель сдѣлалъ оговорку въ подорожной, что такой-то *переходящей* сумки не оказалось, и тотчасъ же послалъ ящика на пер-

вую станцію. До слѣдующей станціи мы только и говорили съ почтальономъ, что о потерянной сумкѣ; почтальонъ говорилъ: вотъ я и солдѣтъ. Я проваливалъ, что чортъ меня сунулъ ѣхать съ почтой, да еще непременно съ этой. Ящикъ соболѣзновалъ намъ и, съ своей стороны, пугалъ насъ разными разказами о томъ, какъ и когда подрѣзываютъ почты, и какія бываютъ за это наказанія ящикамъ и бѣднымъ почтальонамъ. На слѣдующей станціи по этому случаю смотритель долго не соглашался высадить меня съ почтой. Дѣло объяснилось на четвертой станціи отъ города. Въ сумкѣ у меня лежалъ ившочекъ съ вренделами. Дѣло было вечернее. Только-что я отырылъ чемоданъ, мнѣ съ самаго начала попала въ руку сумка. Почтальонъ былъ очень радъ такой находкѣ; свѣрили мы съ сумки съ подорожной,—оказалось, что сумка эта и есть. Долго мы потомъ хохотали надъ смотрителемъ и сами надъ собой, потому что больше ничего не оставалось дѣлать; а почтальонъ послѣ этого выпилъ косушку водки и спать хорошо отъ станціи до станціи. Другихъ происшествій съ нами уже не случилось больше.

Не знаю, какъ кому, но мнѣ было скучно ѣхать. Хотѣлъ я любоваться лѣсомъ, полями и небомъ—не стоило. Лѣсъ и поля, и небо я давно зналъ, они вездѣ одинаковы, даже и въ различное время. Только здѣсь больше лѣсу, чѣмъ около городовъ и селеній, земля воздѣлывается, кажется, очень прилежно, но производство очень плохо. Спросишь ящика: хорошъ ли урожай?—Худы!—отвѣчаетъ онъ. Богъ ихъ знаетъ. Ровно и лѣто хорошее, а все толку нѣтъ.—Много мы проѣхали селъ и деревень, вездѣ бѣдность, только, кажется, животнымъ здѣсь можно жить. Спросишь ящика, отчего народъ бѣдетъ и отчего дома у нихъ стары и строится такъ, что въ пожаръ вся деревня можетъ выгорѣть,—одна постоянная оговорка: што дѣлать! Божья воля! Или: не откуда кормиться; подать надо; начальство всякое ужъ поплѣ очень строго да туго. Въ городъ идти робить далеко, да и безъ насъ тамъ народу много.—Но главное, на что жаловались брестыяне, какъ я слышалъ ихъ разговоръ на станціяхъ: всѣ они большею частью были крѣпостные; хорошую землю отъ нихъ отняли, надѣлили ихъ землей такою, что она или камениста, или ее нужно разрабатывать пять и больше лѣтъ.—А у насъ и прежнихъ-то долговъ сколнча, вотъ и дали землю, да на помѣщика заставляютъ робить, потому-де оброковъ много насчитали... А хоша бы имъ нужно было что-!

Дѣйствительно, помѣщики, забравъ старую, хорошую землю, которую прежде обрабатывали крестьяне, и надѣливъ ихъ сообразно своимъ выгодамъ, оставили у себя въ запасъ еще много земли, и эта земля остается безъ всякой обработки.

Мнѣ привелось видѣть нѣсколько сценъ по новому устройству быта крестьянъ, но объ нихъ я разсказывать не стану, подождать надо. Спрашивалъ я крестьянъ о мировыхъ посредникахъ и судебныхъ слѣдователяхъ,—утѣшительнаго пемного: въ судебные слѣдователи назначались различные столоначальники ради жалованья и брали вдвое противъ прежняго: судебный слѣдователь безъ становаго ничего не могъ сдѣлать, становой дѣлился съ слѣдователемъ; если не просилъ съ крестьянъ слѣдователь, то крестьяне давали становому. Кромѣ этого, университетскіе не знали быта крестьянъ, и мировые посредники только хвастались, что они приносятъ пользу. Съ помѣщикомъ мировой посредникъ хорошъ, въ карты играть, за дочками ухаживаетъ; возпѣся съ мужиками некогда, а такъ себѣ поговорить съ крестьянами. — Ужъ красно они говорятъ, да дѣла не дѣлаютъ въ нашу пользу,—говорить крестьяне. — И дѣйствительно говорить посредникъ долго, по крестьянски старается заговорить, крестьянинъ слушаетъ, чешетъ себѣ бока да затылокъ, улыбнется широко, когда посредникъ скажетъ *теперича*... «А прокурать этотъ посредственникъ: мягко стелеть, да жестко спать, хоть бы удовлетворилъ, чѣмъ языкъ чесать: коли начальство, такъ не дурри, коли ты помогать нашему горю приставленъ,—не представляйся, а добро намъ дѣлай». — А посредникъ разсуждаетъ о крестьянахъ такъ: «плутъ этотъ народъ! А какъ глупъ, чортъ знаетъ что. Бьешся-бьешся съ нимъ, и такъ, и эдакъ,—ничего не понимаетъ».. Экіе вы умники, дайте я васъ по головѣ поглажу...

Однако, пора въ губернскаго городъ, вонъ ужъ ямщикъ колокольцы завязываетъ, чтобы они не брякали: не смѣй! не приказано—здѣсь губернскаго начальство.

XVI.

Два года я не видѣлъ городъ Орѣхъ и думалъ, что онъ хотя по наружности перемѣнился. Ничуть не бывало. Какъ дома стояли прежде, такъ и теперь стоять. Даже вонъ березка у заставы стоитъ, бо-

ялся ее срубить, еще не дошло время. Я слѣзъ у заставы, взялъ мѣшочекъ съ форменнымъ свѣтуконъ и направился къ городу. Было утро. Меня обхватилъ родной воздухъ, родной вѣтеръ; опять задышалось какъ-то легче прежняго. Теперь я былъ одинъ, былъ свободный, потому что былъ уволенъ въ отпускъ. Но я чувствовалъ, что я здѣсь чужой, чужой потому, что служу въ уѣздномъ городѣ. Нѣтъ, я буду вашъ опять, думалъ я. Я буду губернскимъ служащимъ...

Стали мнѣ попадаться чиновники. Идутъ они, позѣвывая, на службу, идутъ какъ-то нехотя. На желтыхъ лицахъ ни одной улыбки не замѣтишь, но замѣтно въ нихъ только какое-то чиновническое достоинство, уваженіе къ самимъ себѣ: на фуражкѣ кокарда, поступь чиновническая, и сморзаются по чиновнически. Смѣшно видѣть этихъ благоухавшихъ чиновниковъ, когда идутъ они мимо начальническаго дома: видно, что имъ не хочется идти мимо окоца: трепеть какой-то вдругъ напалъ и зло беретъ. Одинъ сверотилъ съ тротуара, пошелъ около стѣны, — хорошо, что она высока, можно согнуться; другой идетъ по тротуарамъ, смиренно глядитъ въ окна и держитъ правую руку на готовѣ; третій идетъ за нимъ слѣдомъ въ такомъ же настроеніи; второй прошелъ благополучно, а третьему не посчастливилось: прошелъ мимо одного окна, мимо другого, заглянулъ въ третье — и внигъ снявъ фуражку, пошатнулся и проступился въ тротуарную дыру... Шла мимо его какая-то торговка съ молокомъ, это ее разсмѣшило: въ те, голубчикъ, угораздило! Подивясь, ушибся, — не проснулся, голубчикъ. — Меня зло взяло. Экая гадость какая! Впечатлѣніе было нехорошее на первый разъ. Нѣтъ, думалъ я, хоть будь тутъ разгубернаторъ, я ему не сниму шапки; другу сниму, а губернаторъ или начальникъ мнѣ не родня и не пріятель...

Дорогой много было передумано, какъ мнѣ жить въ Орѣхѣ. Нанять квартиру съ перваго разу мнѣ трудно было. Зналъ я, что въ Орѣхѣ живетъ мой дѣдушка Максимъ Варламычъ Болдыревъ. Дѣдушкой онъ мнѣ приходился какъ-то съ боку, потому что назадъ тому восемь лѣтъ я называлъ его *дѣдушкой*, и онъ очень любилъ меня. Говорили, что онъ мать мою воспитывалъ и выдалъ ее замужъ за моего отца. Прежде онъ служилъ столоначальникомъ въ губернскомъ правленіи, котомъ его сдѣлали становымъ приставомъ; овдовѣвши, онъ женился на кухаркѣ, за что его возненавидѣли мои родные и очень рады были, что онъ попалъ подъ судъ по какому-то дѣлу, о которомъ ходили между ними различные слухи.

Такъ какъ дѣдушка прежде очень любилъ меня, то я рассчитывалъ на хороший пріемъ, и даже на то, что онъ, можетъ быть, устроитъ какъ набудь мой переходъ изъ уѣзднаго въ губернский городъ.

Принялъ онъ меня вѣжливо и рекомендовалъ своей женѣ такъ:

— Нукошь ты, корова! вляйся шулау Петру Васильевичу... А ты, Петенька, не знаешь, поди, что я женился на этой короноѣ.

Мнѣ смѣшно было на первыхъ порахъ слышать подобную рекомендацію, но я все-таки похвалилъ дѣдушку за его женитьбу. Я пришелъ къ нему какъ разъ къ чаю. Онъ и его жена очень обрадовались моему приходу; какъ ведется, засыпали вопросами о моихъ воспитателяхъ, о городѣ, о службѣ, о членахъ и т. п. Дѣдушка рассказывалъ про свое житье очень много и уморительно, ругалъ начальство разными манерами, высказывалъ, что онъ честный человекъ, но изъ разговоровъ его я замѣтилъ, что онъ заговаривается: начнетъ о чемъ набудь говорить длинными вступленіемъ, мѣстность объяснять, заговорить объ одномъ человекѣ, и говорить полчаса, кто онъ таковой, какое у него лицо, что онъ сдѣлалъ въ жизни, и сверотить съ одного предмета на другой, такъ что исторія выходитъ очень длинная, и кончится, вѣроятно, черезъ недѣлю. Жена его привыкла уже къ такимъ разговорамъ, не слушаетъ его, да ей и некогда слушать, потому что надо стрипать и убирать во дворѣ и за скотной. Отъ дѣдушки я узналъ, что онъ подъ судомъ и для меня ничего не можетъ сдѣлать; что губернаторъ человекъ умный, но старыхъ людей не любитъ, не любитъ подсудимыхъ и опредѣляетъ на службу безъ разбору только мальчишекъ. Въ особенности онъ только общается, а слова не держитъ. Видно было, что губернаторъ ему или чѣмъ набудь не правился, или чѣмъ набудь обидѣлъ его.

Съ замираніемъ сердца я пришелъ въ одиннадцатомъ часу въ губернаторскую пріемную съ докладной запиской и формуляромъ. Въ прихожей много толкалось просителей, болѣею частью крестьянъ и бѣдно одѣтыхъ женщинъ; въ приемной стояли, какъ видно, люди чиновные и богатые. Въ этой же приемной сидѣлъ молодой человекъ изъ губернаторской канцеляріи, который зналъ меня въ дѣтствѣ. Когда я вошелъ въ пріемную, онъ жадно посмотрѣлъ на меня и спросилъ: что надо? Я промолчалъ. Онъ обидѣлся моимъ молчаніемъ, всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Что вамъ угодно?

— Я пришелъ не къ вамъ, а къ губернатору.

— Къ кому?

— Къ губернатору.

— Здѣсь нѣтъ губернатора, а есть начальникъ губерніи.

Меня зло взяло. Я думалъ, что меня, пожалуй, вытурятъ изъ приемной, но за меня заступился какой-то купецъ.

— А по вашему, начальникъ губерніи и губернаторъ не все одно?

— Нѣтъ, не все одно.

— Ошибаетесь, любезный.

— Я не любезный, а чиновникъ...

— Оно и видно!

— Не съ вами говорить, васъ не спрашиваютъ.

Просители захихикали, а чиновникъ покраснѣлъ и, сказавъ мнѣ: уберите въ прихожую, сѣлъ къ столу и сталъ читать газету. Я ушелъ въ прихожую и цѣлый часъ былъ предметомъ развлечения для просителей. Сначала они оглядывали меня, а потомъ стали спрашивать:

— Вы, вѣрно, не здѣшній?

Я сказалъ.

— То-то. Здѣсь губерніа, выходитъ. Кто, значить, съ губернаторомъ служить,—власть имѣеть.

— Я не боюсь его...

— Все-таки!..

Губернатора ждали долго. Наконецъ онъ появился въ приемной. Это былъ невысокій, худощавый человекъ въ военной формѣ и несколько не отличался отъ чиновниковъ, которыхъ я видѣлъ утромъ. Онъ подходилъ къ просителямъ и говорилъ съ ними очень любезно. Чиновные просители, какъ видно, очень остались довольны имъ и выходили съ веселыми лицами. Когда онъ кончилъ съ бывшими въ приемной, то вошелъ въ прихожую и обратился прямо ко мнѣ:

— Отчего вы не въ приемной?

Я хотѣлъ сказать: его благородію угодно было, чтобы я былъ здѣсь, но сказалъ, поглядѣвъ на крестьянъ: мнѣ здѣсь лучше правится... Губернаторъ сморщилъ брови и обратился къ крестьянамъ сурово:

— Вамъ что надо?

— Да на счетъ земельки все, ваше высокосіятельство.

— Опять за тѣмъ же! Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сдѣлать.

Одинъ повалился въ ноги: не обидь, государь...

— Это что такое?.. Встань, любезный...

Крестьяне не унимались. Губернаторъ закричалъ:

— Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сдѣлать: у васъ есть Положеніе, мировые посредники...

Крестьяне смирились, почесали затылки и пошли вонъ. Губернаторъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы что скажете? Кто вы такой?

— Кобылатниковъ.

Губернаторъ улыбнулся отъ этой фамилии. Признаться, и мнѣ немовно было такъ прозываться; я никому не говорилъ своей фамилии, но подписываться все-таки надо, потому что я родился отъ Кобылатникова. Губернаторъ, разспросивъ, гдѣ я служу, взялъ мою докладную записку и прочиталъ мой формуляръ. Почеркъ мой ему понравился, и онъ сказалъ мнѣ.

— Хорошо, я васъ переведу въ свою канцелярію.

Я поклонился и спросилъ, когда понавѣдаться, онъ сказалъ: послѣ завтра. Я очень обрадовался и въ восторгѣ шелъ къ рѣкѣ. На берегу, противъ почтовой конторы, я замѣтилъ перемѣну: тамъ строили загородку и сажали деревья, сдѣланы лавки. Я сѣлъ на лавку и сталъ смотрѣть на рѣку. Нисколько она не измѣнилась въ два года: по старому на ней плывуть запоздалыя барки, плоты, такъ же за рѣкой видны лодки и два балагана, принадлежащіе заклятымъ рыбакамъ, только больше стоитъ баржъ и чаще прежняго приплываютъ издалека и отплываютъ за тысячу верстъ пароходы. Но все было какъ-то скучно: на дома посмотрѣшь — все такое же старье, жизни около нихъ мало, на берегу ходятъ и сидятъ только пріѣзжіе, на самой рѣкѣ тоже мало жизни, не то, что было прежде.

Въ губернаторскую канцелярію мнѣ не привелось поступить. Губернатору сказали, что я былъ подъ судомъ, и онъ отказалъ мнѣ. Цѣлую цѣдѣлю послѣ этого я ходилъ къ разнымъ предсѣдателямъ съ докладными записками, но они все отказывали мнѣ. Дѣдушка говорилъ мнѣ, что нынѣ опредѣляютъ за деньги или по протекціи, и что мнѣ лучше уѣзжать назадъ. Къ счастью, я отыскалъ здѣсь какого-то родственника тетя, который принялъ во мнѣ большое уча-

стие и посоветовалъ сходить къ губернскому казначею, но сказалъ мнѣ предварительно, что ему можно дать шесть рублей.

Губернскій казначей встрѣтилъ меня грубо.

— Что тебѣ надо?

Я подалъ ему докладную записку. Онъ прочиталъ.

— Вакансій нѣтъ, убирайся! Только мѣшаєте чаю напиться.

— Я вамъ заплачу...

— Ну?

— Сколько принажете?

— Двадцать пять рублей, только прованяться нужно съ недѣлю на испытаніи.

— Я не могу теперь дать, потому что у меня всего три рубля.

Губернскій казначей повернулся и вскричалъ:

— Гаврило, проводи вотъ этого.

Много мнѣ говорили хорошаго о казенной палатѣ и предсѣдателѣ. Мнѣ и прежде хотѣлось поступить въ эту палату, тѣмъ болѣе теперь, когда въ ней есть библіотекa. Я пошелъ къ предсѣдателю. Предсѣдатель принялъ меня любезно, долго говорилъ со мной на счетъ моей службы въ судѣ и велѣлъ заниматься въ канцеляріи на испытаніи одну недѣлю.

XVII.

Черезъ двѣ недѣли меня зачислили въ штатъ. Когда я написалъ объ этомъ дядѣ, онъ отвѣтилъ: живи, какъ хочешь, а я тебѣ помогать не буду. На первый мѣсяць мнѣ дали шесть рублей, и я, живя у дѣдушки, не нуждался въ деньгахъ.

Для человѣка не съ моимъ характеромъ у дѣдушки хорошо было жить. Онъ былъ добрый, практическій, умѣлъ занять, — кого угодно, но черезъ часъ надоѣдалъ своими разсказами и хвастовствомъ. Считая себя за честнаго человѣка, онъ говорилъ, что становому нельзя не брать взятокъ, и даже съ торжествомъ разсказывалъ, какъ онъ однажды взялъ съ богатаго крестьянина за мертвое тѣло двѣсти рублей и раздѣлилъ ихъ съ лѣнaremъ. Жизнь онъ велъ животную: спалъ послѣ обѣда и ночью на мягкой периנѣ съ своей женой, ѣлъ много, парился въ банѣ всласть, особенно много пилъ водки, и все остальное время проводилъ или въ ходьбѣ по компаніѣ, или игралъ

въ преферансъ съ женой и со мной. Дѣтотъ пѣзкой оупъ ходилъ дома въ мѣховомъ калатѣ, который отъ сала и грязи походилъ на крестьянскій армякъ; за пазухой постоянно у него лежалъ платокъ и берестенная табакерка съ нюхательнымъ табакомъ. Ему было 62 года, но волосы еще не сѣдѣли, за то лицо было безобразное: широкое, морщинистое, постоянно опухшее. Женѣ его было 27 лѣтъ; она была высокая, здоровая и красивая женщина съ черными волосами и бровями. Стоило ей только толкнуть пьянаго мужа, и онъ, какъ снопъ, валялся на полъ. Она двѣнадцать лѣтъ прожила у дѣдушки, сначала на посылкахъ, потомъ въ прислугахъ, и поняла его хорошо. Онъ ее полюбилъ, да и она привязалась къ нему, и они обвѣнчались. Отъ крестьянъ она отстала и уже не могла годиться въ жоны крестьянину, потому что на нее много вліяла чиновничья среда, но при всемъ томъ въ ней не было и тѣни гордости; она ходила во дворъ босикомъ, сама доила корову, сама ходила на рѣку по воду и была, какъ и прежде, работницей въ домѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что носила шляповыя платья и шляпки, въ которыхъ она назалась очень смѣшною. Любо было смотрѣть на этихъ супруговъ, особенно утромъ. Дѣдушка вставалъ въ пять часовъ, жена часомъ позже. Встанеть бывало дѣдушка и пойдетъ чистить во дворѣ, дровъ наколетъ, печку затопить, потомъ начнетъ будить жену. Жена встанеть, умоется, помолится, корову походить, дѣдушка самоваръ поставитъ. Чай пили больше молча, потому что обонимъ супругамъ не о чемъ было говорить. Хорошо, если у сосѣдей какая-нибудь новость случалась, напр. корова отелилась, сынъ родился, такая-то захворала, такой-то свою жену выгналъ. Послѣ чаю садятся они въ кухню на лавку.

— Ну-ка, Болдырько, чисти картофель! говорить жена мужу.

— Асньюко-й?

— Чисти, говорятъ.

— Чевой-ты?

— Ну!...

— Уууу!... Экая ты коровушка, матушка... барыня, помеломъ обмазанная...

Дѣдушка начинаетъ чистить картофель, а жена его моетъ посуду или приготовляетъ мясо къ щамъ. Дѣлаютъ молча. Дѣдушкѣ сдѣлается скучно. Подойдетъ онъ къ шкафу, возьметъ шесть коп. денегъ и пойдетъ въ питейную лавочку. А если онъ пошелъ туда, то и будетъ ходить

цѣлую недѣлю разъ по десяти въ день. Пьяный дѣдушка былъ не-сносителен: онъ долго не могъ заснуть, ходилъ или лежалъ и постоянно разсуждалъ вслухъ. Особенно онъ надождалъ мнѣ. Читая я книгу бывало, а онъ подходитъ ко мнѣ и начинается что нибудь разсказывать, что я уже слышалъ отъ него разъ десять. Надо слушать, а то онъ обидится, обругаетъ, что и случалось часто. Если ему не хочется говорить, онъ ругаетъ жену, какъ только можетъ, хочетъ ее ударить, она ловко отвертывается, и это его еще больше злитъ. Пьяному ему часто приходило въ голову, что онъ напрасно женился, что онъ даже вовсе не хотѣлъ жениться, но его насильно обвѣнчали священники, и разъ даже хотѣлъ прогнать жену, чего, конечно, никогда бы не сдѣлалъ трезвый. Впрочемъ, его и жену его всё сосѣди любили, за то, что они давали въ долгъ деньги безъ росписокъ и процентовъ.

Мнѣ по прежнему хотѣлось жить одному. Ужь если мнѣ надобло съ воспитателями, то я въ такомъ семействѣ никакъ не могъ жить, потому что здѣсь мнѣ мѣшали читать. Поэтому я спалъ больше въ каретникѣ въ зимнемъ возкѣ, а послѣ обѣда читалъ тамъ книги.

XVIII.

Каждую недѣлю я ходилъ къ матери Ольги. Жила онѣ въ это время очень бѣдно, занимали двѣ комнатки, за которыя платили по два рубля въ мѣсяцъ, и пробавлялись только тѣмъ, что шили халаты въ гостинный дворъ; жить бы еще было можно какъ нибудь, но мать пила по прежнему водку и пропивала все, что заработывала. Ольга была теперь красивая, высокая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, но на сколько она развита—я не могъ знать, потому что при мнѣ она больше молчала, да и мать нигде не выходила изъ комнаты. Когда же мать выходила, то я не зналъ, что сказать дочери; она краснѣла, ниже склоняла голову къ работѣ или смотрѣла въ окно, выходящее во дворъ. Придешь къ нимъ, поздороваешься, справишься о здоровьи, тебя спросятъ: здоровеньки ли вы? что новенькаго.—Здоровъ я, это видно сразу, иначе бы не пришелъ, но ужъ таковъ обычай у русскыхъ людей, что надо справляться о здоровьи. Что же касается до новостей, то я ихъ почти не зналъ, потому что читалъ только журналы. Ну, и скажешь: не знаю; покраснѣешь, не-

ловко какъ-то сдѣлается, что я новостей не знаю: 'Спросить мать еще что нибудь, отвѣчу, что придется, а потомъ и сидишь да куришь папиросы. Всѣ молчать и ты молчишь, тошно становится, досадно, что я не умѣю занять ихъ, что, пожалуйста, еще сочтутъ меня глупымъ; хочется уйти, а чаетъ къ стулу... Сядешь и опять только смотришь то на мать, то на дочь. Тонко станеть, встанешь и берешь шапку.—Вы куда?—Домой.—Что вамъ дома дѣлать? Посидите.—Некогда, случно... Да посидите, Петръ Васильичъ! скажетъ она.—Согласишься и опять сидишь молча. Не то бывало съ другими мужчинами, которые приходили къ матери Ольги. Это были все женихи. Они прямо высказывали это, не смотря на то, что двое изъ нихъ служили въ одномъ мѣстѣ, жили на одной квартирѣ, а третій уже собирался жениться въ другой разъ.

Одинъ изъ нихъ былъ канцелярскій, а другой вольнонаемный писецъ, сосланный сюда за какия-то мошенничества, о которыхъ онъ рассказывалъ очень горячо. Получали они жалованья по пяти рублей и пробивались различными доходами. Я замѣтилъ въ нихъ большую испорченность: они только и говорили, что о какихъ-то женщинахъ да открытыхъ домахъ, и старались перехвастать другъ друга, кто изъ нихъ имѣлъ больше успѣха. Объ Ольгѣ они разсуждали съ такими грязными намеками, что даже мнѣ обидно за нее дѣлалось.

Мнѣ захотѣлось спасти эту дѣвушку отъ соблазна и откровенно переговорить съ нею и матерью. Но какъ начать? Въ мою башку зашла глупая мысль: ужъ не торгуетъ ли мать дочерью? Я твердо рѣшился высказать это обонмъ.

Однажды я пришелъ къ нимъ и засталъ Ольгу одну. Она, кажется, была рада, что я пришелъ.

— Гдѣ мамаша?

— Ушла куда-то, скоро будетъ.

— Ничего, если она меня застанеть?

— Полноте, Петръ Васильичъ! она васъ очень любитъ.

— Это вы что починаете?

— Манишку Сергѣю Ильичу... А что?

— Такъ... Ольга Семеновна, мнѣ бы съ вами много надо поговорить, да негдѣ.

— И мнѣ бы хотѣлось.

— Такъ давайте, мы люди давно знакомые.

— Скажите, что это за люди жъ вамъ ходять?

— Женихи!—и она разсибалась, но потомъ какъ-будто ей досадно стало.

— Это женихи плохіе: я говорилъ съ ними.

— Я знаю. Да что дѣлать, если мамаша принимаетъ ихъ.

— Зачѣмъ она принимаетъ?

— Не знаю.

— Вѣдь она не хочетъ васъ выдать за нихъ?

— Нѣтъ. Сватался какой-то при мнѣ, да я сказала, что не хочу замужъ. Я лучше въ монастырь пойду. Надоѣло мнѣ жить-то даже, Петръ Васильевичъ,—моя мать мнѣ даже опротивѣла... проговорила она съ досадою.

Мнѣ жалко было бѣдную дѣвушку; сердце билось сильно. Я злился.

— Терпите, старайтесь какъ нибудь все сносить, сказалъ я съ жолчью.

— Да, тошно жить-то. Кромѣ того, что она заваливаетъ меня работой и ругаетъ съ утра до вечера за какое-то неумѣнье, она коритъ меня еще тѣмъ, что ко мнѣ ходять мужчины.

— Пусть ее коритъ. А вы сдѣлайте вотъ что: если придетъ какой нибудь мужчина, которымъ она попрекаетъ васъ, вы скажите матери: зачѣмъ, молъ, вы принимаете его? прогоните его.

— А если онъ станетъ говорить ей что нибудь худое про меня?

— Не посмѣетъ. А если станетъ, плюньте ему въ поганую рожу.

— Это некрасиво.

— А они красиво дѣлають?

Пришла мать на веселѣ. Напились чаю. Я приступилъ къ дѣлу.

— Въ прошлый разъ я былъ у жениховъ вашей дочери, сказалъ я ей, и узналъ, что это за люди.

— Что же они?

— Они разсуждаютъ о вашей дочери очень скверно,—и я разсказалъ ей все, что слышалъ о нихъ.

Мать озлилась, обругала ихъ, выхватила манишку изъ рукъ Ольги и, швырнувъ ее на полъ, начала бранить Ольгу.

— Ольга Семеновна невиновата..—Больше я ничего не могъ ей сказать, потому что она обругала бы и меня, а пожалуй, и прогнала бы. Съ этихъ поръ я не видалъ въ ихней квартирѣ мужчинъ-жениховъ. Объ Ольгѣ я такъ разсуждалъ: что она дѣвушка честная, но неразвитая. Ей нужно много читать, многое растолковывать. И сталъ я

ходить къ нимъ рѣже, читалъ книги, но говорить съ ней мнѣ такъ откровенно, какъ въ прошлый и въ первый разъ въ жизни, больше не приходилось, потому что мать ея постоянно сидѣла съ ней, и если нужно было что нибудь купить въ лавкѣ—посылала дочь. Было разъ предложеніе пройтись съ ними по бульвару, но я отказался, потому что еще не имѣлъ намѣренья жениться, а въ Орѣхѣ люди были такого понятія, что если молодой человѣкъ ходитъ съ дѣвицей, то онъ или женихъ или любовникъ, или просто словилъ ее гдѣ нибудь въ темномъ углу.

А любовь проклятая все болѣе и болѣе усиливалась. Идти къ нимъ хотѣлось каждый день, но только-что пойдешь, дойдешь до ихъ улицы, подумаешь: что мнѣ тамъ надо? Озаришься, что она не одна, и вернешься назадъ. Но какъ не удержишь себя, а черезъ мѣсяцъ опять идешь туда и опять зѣваешь и проклинаешь себя за то, что идти бы вовсе не слѣдовало.

XIX.

Въ скоромъ времени я поссорился съ дѣдомъ и нанялъ себѣ отдѣльную квартиру. Въ домѣ, въ которомъ я поселился, были двѣ комнаты съ печью и кухня, тоже съ печью и полатями. Въ первой комнатѣ помѣщался я, а въ другой жилъ какой-то бывший дворовый человѣкъ, занимавшійся прислуживаніемъ въ трактирахъ и помогавшій половымъ сбывать воровскія вещи. Онъ жилъ съ любовницей, которую называлъ своей женой, которая не имѣла паспорта. Такъ какъ въ провинціи нѣтъ порядка, чтобы жильцы предъявляли свои виды въ полицію, то хозяйка часто не спрашиваютъ видовъ отъ жильцовъ, одѣтыхъ прилично. Скажетъ жилецъ, что онъ отставной губернской секретарь, хозяинъ и считаетъ его за хорошаго жильца, лишь бы онъ платилъ деньги хорошо. Уже послѣ оказывается, что жилецъ—бѣглый солдатъ. Крюковъ, квартирантъ рядомъ со мной, приходилъ домой поздно пьяный, билъ свою жену, чѣмъ попало, ругалъ хозяйку и корилъ свою мать старуху тѣмъ, что она ѣстъ его хлѣбъ. Какъ ни работала его любовница, какъ ни добывала деньги мать нищенствомъ и мытьемъ половъ, онъ всѣ деньги проигрывалъ на бильярдѣ, пропивалъ и не являлся домой по недѣлѣ. Были тутъ и другіе жильцы: жили мѣщане, семинаристы, дьячки и чиновники. Всѣ

эти господа очень не нравились мнѣ, я, черезъ недѣлю или мѣсяцъ, я, чтобы избавиться отъ нихъ, ловко выжидалъ ихъ изъ дому, и впоследствии завладѣлъ обѣими комнатами.

Хозяева меня любили; я привыкъ къ нимъ. Оба, мужъ и жена, — молодые, бѣдные, потому что оба лѣнились: Я удивлялся, какъ это хозяинъ можетъ сидѣть сложа руки, тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ писать. Сколько я ему не совѣтовалъ заняться чѣмънибудь, онъ остался при томъ убѣжденіи, что служить, кому бы то ни было, онъ не хочетъ, а къ работѣ непривыченъ. Получить онъ отъ меня денегъ, пропъетъ ихъ, а потомъ бьетъ жену, которую трезвый онъ очень любилъ. Къ лѣни ихъ побуждало; можетъ быть, и то, что ихъ родные привозили имъ мясо, муку, масло и пр.

Въ это время я очень смучалъ. Мнѣ хотѣлось имѣть друга, но такого друга, какого нужно было мнѣ, — я не могъ найти. Я рассчитывалъ, что не ошибусь, если женюсь на Ольгѣ; но, во-первыхъ, я все-таки не могъ узнать ее хорошенько, а во-вторыхъ, мнѣ не хотѣлось жить съ ея матерью. Но какъ ни думаешь, а пойдешь къ нимъ. Подойдешь къ ихъ квартирѣ, и вдругъ чувствуешь, что сдѣлается какъ-будто стыдно, хочется уйти назадъ, а правая рука уже дверь отпираетъ... Теперь поздно! Вонъ она сидитъ, шьетъ. Оглянулась на меня, улыбнулась...

- Здравствуйте, Ольга Семеновна.
- Мое почтеніе. Здоровеньки ли?
- Покорно благодарю. Мамаша дома?
- Спитъ.
- Что подѣлываете.
- Шью.
- Что новенькаго?

Все это было переспрошено уже много разъ и прежде. Послѣ этого настаетъ скука.

- Вы прочитали такую-то книжку?
- Не успѣла... А вамъ надо?
- Нѣтъ еще... Вы бы какънибудь прочитали.
- Нелогда.

Опять молчаніе. Я курю и смотрю на нее. Хороша ея головка; и волосы, и лобъ, и лицо хороши, да что въ нихъ толку-то? Какъ бы лобъ-то развернуть? А досадно, если я ее не узнаю.

- Что подѣлываете? спросить вдругъ она.

— Читаю. Я вотъ что вычиталъ, — и рассказываю, что вычиталъ, она молчитъ, и кажется, что ей это не нравится. Она любила читать и слушать только смѣшное; я же смѣшное не умѣлъ рассказывать.

— Вы поняли?

— Что?

— Что я говорилъ.

Она покраснѣть и скажетъ: нѣтъ; мнѣ досадно сдѣлается.

— Объ чемъ вы это говорите, скажетъ мать, выйдя изъ другой комнаты и поздоровадается.

Мать была со мной очень любезна и намекала, что ей хотѣлось бы, чтобы я женился на Ольгѣ. А я сильно боролся: жениться или нѣтъ. Написалъ я дядѣ объ этомъ, тотъ отвѣтилъ, что онъ мнѣ приищетъ богатую невѣсту, но впрочемъ не запрещалъ.

Были Ольгины именины; я былъ у нее. Мать выпивши, дочь скучная. Были орѣхи, играли въ карты, въ дурачки. Мать угостила меня водкой, и я, вызвавъ ее въ другую комнату, сказалъ ей о своемъ намѣреніи.

Мать обрадовалась, но сказала, что она спросить ея согласія и приневоливать ее не станетъ. За отвѣтомъ велѣно придти дня черезъ два. Оказалось, что я долженъ ей купить шляпку и сапогъ, а у меня было денегъ только три рубля. Я вышелъ отъ нихъ точно ошеломленный.

Дорогой я опомнился, что сдѣлалъ глупость. Я даже обидѣлся на себя за то, что началъ съ матери, и рѣшился не ходить къ нимъ. Съ этихъ поръ я сталъ заниматься крѣпче, и когда мнѣ хотѣлось идти къ нимъ, я уходилъ къ знакомымъ, товарищамъ... Хорошо, что у меня были все новые товарищи и хорошіе знакомые. Я имъ говорилъ, что хочу жениться; они смѣялись надо мной; у нихъ я развлекался и приходилъ домой поздно, большею частью пьяный. А пить я не съ горя, а просто баловался.

Черезъ мѣсяцъ я услышалъ, что Ольга выходитъ замужъ за фельдшера, человѣка, имѣющаго свой домъ. Это меня на первый разъ взбѣсило, а потомъ, какъ я обдумался, мнѣ стало какъ-то легче. Въ это время я пришелъ къ тому заключенію, что Ольга меня не любила, и что я бы покался, если бы женился на ней, потому что она была капризна и во многомъ не сошлась бы со мной. — Вѣроятно, не всѣ же женщины такія, утѣшалъ я себя: будемъ другихъ искать, авось случайно нарремся на какую нибудь...

XX.

Въ Орѣхѣ одинъ человѣкъ прозвалъ меня самолюбивымъ; дѣйствительно, я о себѣ очень много мечталъ: стихи писать мнѣ ничего не значило. Я драмы каталъ съ плеча и думалъ, что я славный сочинитель. Думалъ я, что если я куда нибудь пошлю въ редакцію свои сочиненія, то тамъ не напечатаютъ только потому, что я не чиновникъ. Хотѣлось мнѣ посоветоваться съ умными людьми, но къ нимъ трудно было подступиться. Правился мнѣ протоколистъ палаты, бывший мой учитель, потому что онъ былъ дѣйствительно умный господинъ. Ему-то я и написалъ письмо такого рода, что я считаю его за умнаго человѣка, уважаю и потому прошу его прочесть одну мою драму. Онъ согласился. Прочитавши драму, онъ сказалъ мнѣ, что содержаніе ея хорошее, но написана она неудачно. Черезъ нѣсколько времени, я написалъ письмо другому умному человѣку, Павлову, служившему въ палатѣ же, и котораго любилъ предсѣдатель. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ писать, и принялъ во мнѣ большое участіе. По его совѣту, я написалъ статью для губернскихъ вѣдомостей о казенно-палатской библіотекѣ. Онъ ее поправилъ. Когда я увидѣлъ ее въ губернскихъ вѣдомостяхъ, то былъ въ такомъ неопisanномъ восторгѣ, въ какомъ, я думаю, не былъ и дядя, когда увидалъ свое производство въ сенатскихъ вѣдомостяхъ. Я чувствовалъ какую-то необыкновенную силу въ себѣ, какъ-будто я выше и умнѣ всѣхъ казенно-палатскихъ сталъ. Служащіе меня, то и дѣло, поздравляли. — Показали статью предсѣдателю.

Предсѣдатель призывалъ меня къ себѣ.

— Написано хорошо. Это не вы сочиняли.

— Нѣтъ, я.

— Какъ же вы пишете, а меня не спрашиваетесь?

— А нужно развѣ?

— Конечно нужно. Впередъ будете писать, — не смѣйте безъ моего совѣта печатать.

Я обидѣлся такимъ предложеніемъ и рѣшился не исполнять его. Послѣ этого я завалилъ редактора своими статьями. Онъ не зналъ, что дѣлать съ ними, и только одну изъ нихъ напечаталъ, за которую меня приказные собирались даже поколотить. Когда я сталъ

просить у редактора денег, онъ сказалъ: я говорилъ вице-губернатору объ васъ, но онъ не соглашается дать.

Въ палатѣ всѣ считали меня за сочинителя, но начальство, какъ и подобаетъ быть, обращалось со мной, какъ съ писцомъ, и ухомъ не вело, что у меня служить таковой герой. Одинъ секретарь только подсаживался на мои канцелярскіе столы уже одна пастъ открывать въ губернскаго-то... Только меня, пожалуйста, не тронь.

Открыжить мнѣ ни не привелось, в отдалалъ меня яного въ губернскихъ вѣдомостяхъ бывшій писемный товарищъ, написавшій въ нихъ много статей и бывшій у насъ теперь канцелярщикомъ. Онъ такъ меня отдалалъ, что я ни въ чемъ съ высшимъ своимъ близнствомъ на крамее мѣсто: мнѣ совѣтовъ было и глаза поглядѣть на улицу.

Написалъ было я еще одну статью, да ушь отенъ рѣзкую. Прихожу я къ редактору, онъ подаетъ ее мнѣ.

— Я отдавалъ ее совѣтнику губернскаго правления. Онъ всѣ ее некерилъ.

Посмотрѣлъ я, — тамни толстыми чертами, какъ жидкий, начерчено, точно онъ таракановъ билъ и разматывалъ по бумагѣ, но своего ничего не написать. Внѣтъ я наужь ее и ушь болше ничего не отдавалъ редактору.

XXI.

Большинство служащихъ въ палатѣ при мнѣ состояло изъ отцовъ, дѣтей и родственниковъ, такъ что полъ палаты была родня другъ другу; всѣ они жили своими домами и на судьбу не жаловались. Молодые люди женились рано и очень выгодно. Они женились и на мѣщанкахъ, но только въ такомъ случаѣ, если у невѣсты была дѣньга или если черезъ нихъ можно было получить въ палатѣ должность. Канцелярскіе чиновники хотя и назались съ виду приятелями, но всячески старались обидѣть чѣмъ нибудь товарища, наговорить на него начальнику или выслужиться.

Губернаторъ не любилъ молодыхъ людей, трусилъ ихъ потому-то, и даже хотѣлъ закрыть нашу библиотеку, но предѣдатель устоялъ противъ этого: библиотека эта была открыта предѣдателемъ по совѣту одного лица. Открыта ее пожертвованіями: совѣтники пожерт-

вовали старые журналы, разрозненные, дрянные книжонки, да по подпискѣ собрали рублей сорокъ; дали спектакль въ пользу библіотеки и, за расходами, получили рублей тридцать. На эти деньги не могли выписать много книгъ, но все-таки нѣкоторыя періодическія изданія были выписаны. Когда разрѣшили выдавать книги постороннимъ, — денегъ собралось больше. Читающихъ съ перваго разу было очень мало, но большая половина палатскихъ служащихъ не соглашалась платить рубля за годовое чтеніе, — изъ нихъ уже вычитали силой. Для палатскихъ служащихъ библіотека была мѣстомъ для куренія, и многіе поговаривали, что не худо бы здѣсь открыть буфетъ съ водной и закуской. Черезъ два года библіотека пришла въ такое жалкое положеніе отъ небрежности библіотечарей и ихъ помощниковъ, книгъ стало такъ мало для постороннихъ читателей — денегъ еще меньше, — что дѣльные служащіе совѣтовали продать книги, и деньги раздѣлить между собою. Для этого библіотека собирала общія собранія, но дѣло кончилось ничѣмъ. — Въ губернскомъ городѣ я замѣтилъ большую *перемѣну*, какъ тамъ выражаются. Прежде, рѣдкаго жителя можно было вытащить изъ дому къ рѣкѣ, теперь каждый въ шесть часовъ вечера, два раза въ недѣлю, выползаетъ изъ своей норы и, позѣывая, идетъ не торопясь, на берегъ въ загонъ (загородка). Тамъ, по приказанію губернатора, два раза въ недѣлю играетъ музыка. Это устроилось сообразительностью единственнаго въ этомъ городѣ военнаго генерала (губернатора). Пошелъ онъ на берегъ. Мѣстность понравилась ему. Пошелъ въ другой разъ, въ третій. Городъ подивился, зачѣмъ это губернаторъ на берегъ ходитъ? Пошли пять человекъ и испугались губернатора. Приказалъ онъ сдѣлать загородку и насадить деревьевъ. Городъ понялъ, въ чемъ дѣло, и улыбнулся надъ такой штукой. Березки эти скоро обглодали козы, и народъ сталъ ходить къ рѣкѣ, не чувствуя никакого удовольствія, а наблюдая за барами, какъ тѣ ходятъ, какіе на нихъ наряды, не оступится ли ктонибудь и т. п.; а послѣ гулянья чиновники рассказываютъ дома, какъ какойнибудь невѣжа наступилъ на *помело* барышни и какъ та обозвала его дуракомъ. Теперь народъ собирается для музыки, большинство смотреть на музыкантовъ, остальные ходятъ. Не знаю, какъ теперь, а при мнѣ мелкіе чиновники стѣснялись быть въ загонѣ, потому что тамъ гуляло парадное начальство. Чтобы привлечь еще больше народу, губернаторъ разъ съ ватагою *передовыхъ людей* горсда изволилъ спу-

отыскать ивниконъ съ герм, прокатиться въ лодкѣ, замочить, но недовности, свои брови и онитъ взбѣжать на гору. Такой интуи отъ него не ожидали,—подивились, и въ другой разъ народу собралось больше, но ужъ интуи не вышло и губернатора въ этотъ день не было. — Просвѣщенные люди хвалятъ это и радуются, что городъ сливается во-одно.

Я въ это время испытывалъ полное чиновничье счастье. Начальство во мнѣ благоволило и обѣщало въ жалатъ такую бы те ни было должность. Дядя радовался, что я получаю уже двѣдцать рублей. Въ городѣ были у меня прѣтели, которыхъ я угощалъ每周, и самъ угощался ими до положенія ризъ. Но все это—шалство, карты, привезли и служба,—ужасно мнѣ надѣло. Были впрочемъ и хорошие прѣтели и говорили красиво, либеральничали, называли себя передомысли людьми, но при случаѣ подлачали и дѣлали гадости. Станемъ имъ говорить, что это нехорошо,—они говорятъ: нельзя, съ волнами жить—по волчьи жить.

— Въ столицу! думаетъ я. Пусть они гниютъ здѣсь и идутъ на удобреніе земли, авось со временемъ явятся люди лучше ихъ.

— Но какъ жить? Что тамъ дѣлать?

А уѣхать мнѣ очень хотѣлось. Привычный къ холоду и къ разналь квартиранъ, я не вѣривъ различнымъ рассказамъ объ ужасѣ столичной жизни. Товарищи слѣзались надо мной и называли меня помѣшавшимъ. Дядѣ я не писалъ объ этомъ. Но жить не было никакой возможности, и я съ ужасомъ представляла себѣ свою жизнь въ провинціи, и то, что будетъ со мною лѣтъ черезъ десять.— Неужели я буду такой же, какъ мой дяде или какъ эти губернскіе чиновники?... Вся цѣль въ жизни заключается въ томъ, чтобы дослужить до пенсіи да отдохнуть отъ тяжелой жизни. А изъ меня, видно, выйдетъ калѣла на всю жизнь...

Случай спора представлял, и люди презвали его *дуратскимъ счастьемъ*.

С. Г. Соловьевъ.

ТЕРЕЗА.

X.

Когда я проснулся на другой день, мои маленькія окна были завалены снѣгомъ, такъ что сквозь нихъ не было видно сосѣдняго дома. На улицѣ везли волоколычки дядиною лошади Раннела, запряженной въ сани; и ватки типина была невозмутима.

Я подумалъ, что вѣрно что нибудь необыкновенное заставляетъ дядю ѣхать въ такую погоду, и, одѣвшись, побѣжалъ узнать, что такое случилось.

Дверь въ корридоръ была отворена; дядя въ шкелобученной бобровой шапкѣ, въ гусѣ съ поднятымъ воротникомъ, стоя на колѣна въ снѣгу, торопливо поправлялъ солому въ саняхъ.

— Ты уѣдешь, дядя? закричалъ я ему, подходя къ двери.

— Да, Фрицель, да, уѣзжаю, весело отвѣчалъ онъ:— не хочешь ли отправиться со мной?

Я очень любилъ вататься въ саняхъ, но, посмотрѣвъ на крупныя хлопья, летѣвшія по воздуху, и подумавъ, что будетъ холодно, отвѣчалъ:

— Въ другой разъ, дядя, а сегодня я лучше останусь дома.

Онъ громко разсмѣялся и ущипнулъ меня за ухо, что онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи духа.

Мы вмѣстѣ вошли въ кухню, гдѣ огонекъ мерцалъ въ очагѣ, распространяя пріятную теплоту по комнатѣ. Элизабета мыла посуду передъ палекънимъ, круглымъ окопечкомъ, выходящимъ на дворъ. Въ кухнѣ все было тихо; большія костры, казалось, блестѣли ярче обыкновеннаго, и по нимъ вздутымъ бокамъ мерцали такіе же огоньки, какъ подъ очагомъ.

— Теперь все готово, сказалъ дядя, отворяя шкафъ и взявъ лебѣ въ карманъ краху хлѣба.

Онъ сунулъ себѣ подъ шубу тыквенную бутылку съ киршвассеромъ, которую онъ бралъ всегда съ собою; потомъ, направляясь въ залу и взявшись за ручку дверей, онъ сказалъ старой служанкѣ чтобы она не забывала его приказанія:—поддерживать вездѣ хорошій огонь, не закрывать двери, чтобы слышать Терезу, и давать ей все, что она спроситъ, кромѣ ѣды,—такъ какъ въ цѣлый день ей давался только утромъи вечеромъ бульонъ и немного овощей,—и ни въ чемъ не противорѣчить ей.

— И такъ, мадамъ Тереза, весело сказалъ дядя:—вотъ я и собрался. Славно теперь прокатиться въ саняхъ!

Тереза въ глубинѣ алькова съ раздвинутыми занавѣсками, облокотившись на руку, грустно смотрѣла на окна.

— Вы ѣдете къ больному, господинъ докторъ? сказала она.

— Да, одинъ бѣдный дровосѣкъ изъ Данбала, верстъ за двадцать отсюда, попалъ подъ сани; рана у него опасная и откладывать нельзя.

— Какъ тяжелы ваши обязанности! сказала тронутая Тереза:—выѣзжать въ такую погоду, чтобы помочь бѣдняку, который, можетъ быть, не оплатитъ вамъ за ваши услуги!

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя, набивая свою большую фарфоровую трубку. Это ужъ нерѣдко со мной случалось; но что же дѣлать? Если человекъ бѣденъ, это еще не причина оставлять его умирать; мы всѣ братья, и несчастные имѣютъ такое же право на жизнь, какъ и богатые.

— Да, ваша правда, а между тѣмъ, сколько другихъ на вашемъ мѣстѣ остались бы дома сидѣть у печки, вмѣсто того, чтобы рисковать жизнью изъ-за удовольствія сдѣлать доброе дѣло!

Она съ глубокимъ сочувствіемъ подняла на дядю глаза и прибавила:

— Господинъ докторъ, вы — настоящій республиканецъ.

— Я, мадамъ Тереза! что вы это говорите! вскричалъ, смѣясь, дядя.

— Да, настоящій республиканецъ, продолжала она: — человекъ ни передъ чѣмъ неостанавливающийся, презирающій страданія и неудобства ради исполненія своихъ обязанностей.

— Да, если вы это такъ понимаете, я очень доволенъ, что заслужилъ это названіе, отвѣчалъ дядя. Но во всѣхъ партіяхъ и во всѣхъ странахъ свѣта найдутся такіе люди.

— Ну, такъ они — наши, сами того не подозревая, господинъ докторъ.

Дядя не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы за словомъ въ карманъ не полѣзете, сказалъ онъ, засовывая въ карманъ своей шубы епсетъ съ табакомъ, — съ вами нельзя спорить!

Послѣ этого нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дядя высѣкалъ огонь; я же, взявъ въ руки голову Сципіона, думалъ: «Ты у меня въ рукахъ... и побѣдишь за мной... мы вернемся къ обѣду и потомъ опять убѣжимъ...» На улицѣ лошадь не переставала ржать, а мадамъ Тереза смотрѣла на крупныя хлопья снѣга, серебрившія стекла; дядя, закуривъ трубку, сказалъ:

— Меня не будетъ дома до вечера; но Фрицель останется съ вами и вы не будете слишкомъ скучать.

Онъ провелъ рукой по моей головѣ, а я покраснѣлъ, какъ ракъ, что вызвало улыбку у больной.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ, кротко сказала она, я никогда не скучаю одна; пусть Фрицель побѣгаетъ съ Сципіономъ, это имъ здорово, да и гораздо пріятнѣе быть на улицѣ, чѣмъ сидѣть въ комнатѣ. Не такъ ли, Фрицель?

— Да, да, отвѣчать я, глубоко вздыхая.

— И тебѣ не стыдно такъ говорить? вскричалъ дядя.

— Да отчего же, господинъ докторъ? Фрицель, какъ маленькій Жанъ, говоритъ, что думаетъ, и правъ. Иди, Фрицель, бѣгай, веселись, дядя отпускаетъ тебя.

Какъ я любилъ ее въ ту минуту и какой задушевной казалась мнѣ ея улыбка!—Дядя разсмѣялся, взявъ въ углу у двери бичъ и, возвращаясь къ ней, сказалъ:

— До свиданья, мадамъ Тереза, берегите себя.

— До свиданья, господинъ докторъ, отвѣчала она, въ волненіи протягивая ему свою длинную руку: — отправляйтесь и да благословить васъ Господь!

Они замолчали и задумались; потомъ дядя сказалъ:

— Вечеромъ, около шести или семи часовъ, я буду дома; берегите себя, не беспокойтесь, все пойдетъ хорошо.

Послѣ этого мы вышли; онъ сѣлъ въ сани, укуталь колѣни своей шубой и, тронувъ Раппеля кончикомъ бича, сказалъ мнѣ:

— Будь уменъ, Фрицель.

Сани тронулись и безъ шума повалились вверхъ по улицѣ. Кто-то изъ добрыхъ людей, смотря въ окна, говорилъ:

— Господина доктора Якова, вѣрно, позвали къ какому нибудь опасному больному, иначе онъ не выѣхалъ бы въ такую погоду.

Когда дядя скрылся за угломъ улицы, я заперъ дверь въ сѣни и пошелъ ѣсть супъ у очага; Сципіонъ смотрѣлъ на меня, поднявъ

къверху густые усы свои, отъ времени до времени облизывалъ и подмигивая глазами. Я далъ ему облизать дно тарелки, и онъ принялся за свою работу съ достоинствомъ и не выказывая жадности, какъ другія деревенскія собаки.

Времи шло такимъ образомъ, и я собрался идти изъ дому, когда Динабедъ, окончившая работу и вытирающая за дверью руки полотенцемъ, спросила меня:

— Фрицель, ты останешься дома?

— Нѣтъ, я пойду къ маленькому Баню Адену.

— Послушай, такъ какъ ты обувался, давай сходи за одно къ кротолову за медомъ для французини, — господинъ докторъ желаетъ одѣлать ей нитяе съ медомъ. Возьми чашку и сходи въ судъ. Скажи кротолову, что это для господина доктора. Возьмь тебѣ и деньги.

Ничего я такъ не любилъ, какъ исполнять порученія, въ особенности, когда приходилось бѣжать къ кротолову, обращавшемуся со мной, какъ съ большимъ. Я взялъ чашку и вышелъ съ Симпленомъ, чтобы отправиться къ кротолову, въ Краппаную улицу за церковью.

Нѣсколько кумушекъ мели передъ дверьми.

Въ дарневиѣ «Золотой Кружки» раздавался звонъ стакановъ и бутылокъ, пѣнне и смѣхъ, и шаги людей, поднимавшихся и спускавшихся съ лѣстницы. Мнѣ показалось это странно, потому что въ тотъ день была пятница; я остановился посмотреть, дѣтъ ли свадьбы или крестинъ. Вставъ на цыпочки по другую сторону улицы, я началъ смотрѣть въ дверь, отвернутую въ маленькія сѣни, и увидѣлъ въ глубинѣ кухни страшный профиль кротолова, наклоняющагося передъ огнемъ, съ трубкой во рту, и смуглой рукой своей клавшаго уголь на табакъ.

Далѣе, вправо, я увидѣлъ старуху Гредель, въ чепцѣ съ развѣвающимися дентами; она убирала тарелки въ шкафъ, а съ стѣны воть прогудычала до краю, магнула лѣвымъ и поднимая кюсть.

Черезъ минуту кротоловъ вошелъ въ темная сѣни, выпуская большіе клубы дыма. Тогда я закричалъ ему:

— Кротоловъ! кротоловъ!

Онъ подошелъ къ лѣстницѣ и, смѣясь, сказала маѣ:

— Это ты, Фрицель?

— Да, я иду къ вамъ за медомъ.

— Эй, войди-ка выпить стаканчикъ, потому мы отправимся въ судъ.

И повернувшись въ кухню, онъ закричалъ:

— Гредель, принесите стаканъ для Фрицеля.

Я поспѣшилъ вбѣжать на лѣстницу, и мы вошли. Сципионъ поспѣдовалъ за мной.

Сквозь облака дыму я увидѣлъ въ залѣ вдоль столовъ людей, одѣтыхъ кто въ блузы, кто въ пальто, кто бѣлъ въ курткахъ, въ юлпачкахъ или наляпахъ на бокренъ. Одни сидѣли прямо, а другіе верхомъ на концахъ свамеекъ, весело поднимая юлпные стараны и правдуя великую байзерлаутернскую побѣду; се всѣхъ концовъ раздавались голоса, пѣвніе «Отчизну»; нѣсколько старухъ шли тутъ же вмѣстѣ съ сыновьями, и, казалось, всѣ были очень веселы.

Я шелъ за кротоловомъ, который, согнувъ спину, преобрался къ овнамъ, выходящимъ на улицу. Тамъ, въ углу на право, сидѣли за бутылкой блага вина другъ Коффель и старикъ Адамъ Шмидтъ. Въ противоположномъ углу, щѣловальникъ Юсифъ Спинъ, въ шерстяномъ колпачѣ, и господинъ Рихтеръ въ охотничьемъ платьѣ, въ кожаныхъ штиблетахъ, или глейцеллеръ подъ зеленой печью. Оба они раскраснѣлись, какъ раки, и кричали:

— Да здравствуетъ герцогъ Брауншвейгскій! За здоровье нашей славной арміи!

— Мѣсто человѣку! сказали кротоловъ, подходя къ нашему столу.

— Коффель, обернувшись, пожалъ мнѣ руку, а дѣдушка Шмидтъ сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу! вотъ и вспомогательное войско!

Онъ посадилъ меня водѣ себя, къ стѣнѣ, а Сципионъ тотчасъ же подошелъ къ нему и носомъ дотронулся до руки съ видомъ стараго знакомаго.

— Хе-хе-хе! заговорилъ старшій солдатъ: — да это ты, старина; такъ ты узнаешь меня!

Гредель принесла стаканы, а кротоловъ наполнилъ его. Въ ту же минуту господинъ Рихтеръ съ насмѣвкою задрочалъ съ другого конца:

— Эй, Фрицель, здоровъ ли господинъ докторъ Яковъ? Тамъ онъ неидетъ праздновать сраженіе и побѣду? — Удивительно, такой потѣнный патриотъ!

Я же, не зная, что отвѣчать, попотомъ сказалъ Коффелю:

— Дядя поѣхалъ къ бѣдному дровосѣку, понавшему подѣ саней. Тогда Коффель обернулся и внятно протворилъ:

— Въ то время, какъ внукъ бывшаго ланца Сальвъ-Сальма, протинувъ подѣ столъ ноги, сидитъ себѣ у печки и вьетъ глейцеллеръ въ честь пруссаковъ, которые смѣются надъ нимъ, — господинъ

докторъ Яковъ, не смотря на снѣгъ, ѣдетъ навѣстить бѣднаго дровосѣка, попавшаго подъ сани. Это не такъ удобно, какъ давать деньги въ ростъ.

У Коффеля немного шумѣло въ головѣ, и всѣ присутствующіе слушали его, улыбаясь. Рихтеръ, вытянувъ лицо и сжавъ губы, помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ возразилъ:

— Чего не дѣлаютъ изъ любви къ правамъ человѣка, къ боги-нѣ разума и свободы, въ особенности, когда истая гражданка под-держиваетъ насъ!

— Замолчите, господинъ Рихтеръ, громкимъ голосомъ закричалъ кротоловъ! — Господинъ докторъ такой же вѣрный нѣмецъ, какъ и вы; а эта женщина, о которой вы говорите, не зная ее,—хорошая женщина. Спасая ей жизнь, докторъ Яковъ исполнилъ только свою обязанность; вы постыдились бы вооружать здѣшнихъ жителей про-тивъ бѣдной больной, которая не можетъ сама защищаться:—это отвратительно!

— Я замолчу, когда захочу, въ свою очередь закричалъ Рих-теръ.—Вы очень громко кричите... Ужъ не одержали ли французы побѣды!

Тутъ Кротоловъ, лицо котораго побагровѣло, хлопнулъ кулакомъ по столу, такъ что ставаны чуть не попадали; онъ, казалось, хотѣлъ вскочить, но снова сѣлъ, сказавъ:

— Я имѣю право радоваться побѣдамъ Старой Германіи, по край-ней мѣрѣ, не менѣе васъ, господинъ Рихтеръ, такъ какъ я старый нѣмецъ, какъ и отецъ мой, и дѣдъ мой, и всѣ кротоловы уже двѣ-сти лѣтъ извѣстны въ деревнѣ Анштатъ пчеловодствомъ и умѣн-емъ ловить кротовъ, а повара Сальмъ-Сальмовъ отъ отца до сына разгуливали съ своими господами по Франціи, повертывая вертѣла и вылизывая барскія кострюли.

Послѣ этихъ словъ, вся зала разразилась смѣхомъ, а господинъ Рихтеръ, видя, что большинство не принимаетъ его стороны, счелъ болѣе благоразумнымъ умѣрить себя, и отвѣчалъ уже спокойнымъ голосомъ:

— Я никогда лично не говорилъ ни противъ васъ, ни противъ доктора Якова; напротивъ того, я знаю, что господинъ докторъ—и знающій, и честный человѣкъ. Но это не мѣшаетъ, чтобы въ такой день, какъ сегодня, каждый добрый нѣмецъ веселился.—Послушайте, это вѣдь не совсѣмъ обыкновенная побѣда, это конецъ знаменитой единой и нераздѣльной республики.

— Какъ! какъ! закричалъ старый Шмидтъ:—конецъ республика? Вотъ это новость!

— Да, ей не прожить и шести мѣсяцевъ, съ увѣренностью за-
мѣтилъ Рихтеръ, потому что французовъ выгонятъ изъ Байзер-
лаутерна въ Горбахъ, изъ Горнбаха въ Сарбрюккенъ, въ Метцъ
и, такимъ образомъ, до Париза. Войдя разъ во Францію, у насъ
явится куча друзей, готовыхъ поддерживать насъ: дворянство, духо-
венство и всѣ порядочные люди будутъ за насъ, они только и ждутъ
нашей арміи, чтобы возстать. Что же касается этой инаки nego-
длевы, набранныхъ со всѣхъ сторонъ, безъ офицеровъ и дисципли-
ны,—какъ можетъ она устоять противъ старыхъ солдатъ, стойкихъ,
какъ скалы, двигающихся въ хорѣшемъ боевомъ порядкѣ; подъ
предводительствомъ стараго, воинственнаго духа? Кучка какихъ-то
сапожниковъ безъ полководца, даже безъ настоящаго капрала, му-
зикки, нищие, настоящіе безнаспортники—какъ они сами себя нази-
ваютъ,—я васъ спрашиваю, что они могутъ подѣлать противъ Бра-
уншвейговъ, Вурмзеровъ и сотни другихъ старыхъ генераловъ,
испытанныхъ въ опасностяхъ семилѣтней войны?—Они будутъ раз-
биты и погибнуть тысячами, какъ саранча осенью.

Въ ту минуту вся зала была одного мнѣнія съ Рихтеромъ, и
многіе говорили:

— Вотъ что называется говорить дѣло; давно и мы думаемъ
точно такъ же.

Кротоловъ и Коффель молчали оба; но старій Адамъ Шмидтъ,
улыбаясь, качалъ головой. Спустя минуту молчанія онъ положилъ
трубку свою на столъ и сказалъ:

— Господинъ Рихтеръ, вы говорите точно какъ сендартъ, вы пред-
сказываете будущее удивительно хорошо, но все это для другихъ
не такъ ясно, какъ для васъ самихъ. Я готовъ вѣрить, что люди
древнихъ родовъ созданы быть генералами; потому что дворяне и
родятся уже капитанами; но отъ времени до времени могутъ являть-
ся генералы и изъ мужиковъ, и такіе генералы бывають не пѣз
плохихъ, потому что приобрѣтають это званіе своимъ собственнымъ
достоинствомъ. У этихъ республиканцевъ, которые называются вамъ
такими глушцами, иногда такія являютоя умныя мысли, напримеръ:
устроить у себя, чтобы каждый могъ сдѣлаться фельдмаршаломъ,
если онъ храбръ и уменъ; оттого всѣ солдаты дерутся, какъ львы,
въ рядахъ держатся непоколебимо и впередъ несутся, какъ божь-
бы, потому что каждый надѣется отличиться и сдѣлаться капита-
номъ, полковникомъ или генераломъ. Я смотрѣлъ на нихъ изъ окна
дома Демера; изъ перваго этажа противъ фонтана, во время двухъ
атакъ кроатовъ и улановъ, великолѣпныхъ атакъ,—и, право, былъ
очень удивленъ, господинъ Рихтеръ, видя, какъ держатся эти безъ

паспортники. А командиръ ихъ, съ своей толстой рожей лотарингскаго мужика и съ своими маленькими кабаньими глазами, доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Одѣтъ-то онъ былъ хуже какого нибудь прусскаго майора, но сидѣлъ на лошади такъ спокойно, какъ будто ему наигрывали на кларнетѣ. Наконецъ, они всѣ скрылись, это правда, но на нихъ нашла цѣлая дивизія, а на мѣстѣ они оставили только ружья и лядунки убитыхъ. Съ такими солдатами, повѣрьте, господинъ Рихтеръ,—не пропадешь. Нѣмецкіе старые генералы хороши, но молодые французскіе—еще лучше, и когда старые дубы сгниютъ, молодые замѣнятъ ихъ. Не думаю, чтобы республиканцы бѣжали, какъ вы говорите,—они отличные солдаты, и будь у нихъ одинъ-два генерала, — такъ берегитесь! И очень берегитесь, тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что при десяти или двѣнадцати сотняхъ тысячъ мужиковъ выбору больше, чѣмъ изъ десяти или двѣнадцати тысячъ нашихъ разжирѣвшихъ бароновъ мужицкая порода, можетъ быть, не такъ изящна, но она гораздо надежнѣе.

Старикъ Шмидтъ остановился перевести духъ, и видя, что всѣ его слушаютъ, онъ продолжалъ.

— Вотъ я, напримѣръ, еслибъ я имѣлъ счастье родиться въ такой странѣ, неужели, вы думаете, я удовольствовался бы быть Адамомъ Шмидтомъ, сержантомъ гренадеровъ, съ ста гульденами пенсіи, шестью ранами и пятнадцатью походами? Нѣтъ, нѣтъ — выкиньте это изъ головы,—я былъ бы батальоннымъ командиромъ полковникомъ или генераломъ Шмидтомъ, съ хорошей пенсіей, тысячи въ двѣ талеровъ, или же давно сложилъ бы гдѣ нибудь свои кости. Когда храбрость ведетъ ко всему, она и является въ людяхъ; когда же она не даетъ ничего болѣе, какъ званіе сержанта и помогаетъ дворянамъ хватать чины,—всякій бережетъ свою шкуру.

— А образованіе! вскричалъ Рихтеръ, такъ вы ни во что не считаете образованіе? Развѣ человѣкъ, неумѣющій читать, стоитъ какого нибудь герцога Брауншвейгскаго, знающаго все?

Тутъ Коффель обернулся и спокойно сказалъ:

— Это правда, господинъ Рихтеръ, образованіе составляетъ половину человѣка, можетъ быть, даже три четверти. Вотъ отчего эти безпаспортники и дерутся не на животь, а на смерть, — они хотятъ, чтобы ихъ снова могли получать образованіе такъ же, какъ и герцоги Брауншвейга. Недостатокъ образованія производитъ нищету, а нищета рождаетъ пороки. Самый страшный грѣхъ, лежащій на душѣ богачей,—это то что они отказываютъ въ образованіи бѣднякамъ, для того, чтобы стоять всегда выше насъ; это все равно, какъ

если бы намъ выкалывали глаза при рожденіи, чтобы пользоваться нашей работой. Богъ накажетъ за это преступленіе, господинъ Рихтеръ, потому что онъ справедливъ. И если эти безпаспортники проливаютъ кровь свою, какъ они говорятъ, за то, чтобы этого не было болѣе на свѣтѣ, то всѣ честные люди должны согласиться съ ними.

Коффель продолжалъ говорить такимъ образомъ, объясняя, что если бы родители его могли научить его чему нибудь, то, можетъ быть, вмѣсто жалкаго бѣдняка, онъ дѣлалъ бы честь Анштату и быть бы полезенъ. Всѣ думали то же, что и онъ, и многіе говорили между собою: «что вышло бы изъ насъ, если бы насъ учили? Развѣ мы были глупѣе другихъ? Нѣтъ, Господь распространяетъ на всѣхъ свой животворящій свѣтъ и нѣжную росу. У насъ были хорошія стремленія, мы жаждали истины, но насъ оставили во мракѣ изъ расчета и чтобы удержать насъ на низкой ступени. Эти люди хотятъ возвышаться, мѣшая другимъ расти,—это несправедливо!»

А я, подумавъ тогда, какъ старается дядя Яковъ учить меня читать по Бюффону, сталъ рассказывать, что не извлекаю достаточно пользы изъ его уроковъ, и былъ совсѣмъ сконфуженъ.

Г. Рихтеръ, видя, что всѣ противъ него, и не зная, что отвѣчать на справедливыя слова Коффеля, пожалъ плечами, какъ бы говоря: «это все съумасброды, надутые гордостью, люди, которыхъ слѣдовало бы образумить.»

Наступило молчаніе, и кротоловъ велѣлъ подать вторую бутылку вина, какъ вдругъ подъ столомъ раздалось глухое ворчанье; мы тотчасъ же взглянули и увидѣли большую рыжую собаку г. Рихтера, ходившую вокругъ Сципіона. Собака эта называлась Максомъ; у нея была гладкая шерсть, приплюснутый носъ, выпятившіеся бока, желтоватые глаза, длинныя уши и поднятый, какъ сабля, вверхъ хвостъ. Это была большая, крѣпкая и злая собака. Г. Рихтеръ имѣлъ обыкновеніе охотиться съ нею по дѣльнымъ днямъ, не давая ей ничего ѣсть и говоря, что хорошія охотничьи собаки должны быть голодны, чтобы чувствовать дичь и слѣдить за ней чутьемъ. Она хотѣла подойти къ Сципіону сзади, а онъ все поворачивался, поднимая голову и скаля зубы.

Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ г. Рихтеръ, я увидѣлъ, что онъ потихоньку науськивалъ свою собаку; дѣдушка Шмидтъ замѣтилъ это тоже и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, напрасно вы травите вашу собаку. Эта собачонка, видите,—солдатскій песъ, хитрый и знающій всѣ военныя удов-

ки; ваша же собака, можетъ бити, и дряннаго рода; но берегитесь, какъ бы она не поимать подъ солдатскую моюшу.

— Мбему Макс! вричалъ Рихтеръ:— да онъ проглотитъ десять такихъ жалкихъ дворняжекъ, справу перевусатъ спину!

Услыхавъ это; я хотѣлъ бѣжать съ Сципіономъ, потому что г. Рихтеръ все еще науськивалъ своего большого пса, и всѣ приеуствующіе, смѣловъ, повернулись къ мѣсту битвы. Я чуть не заплакалъ, но старикъ Шмидтъ, взявъ меня за плечо; тихо связалъ:

— Оставьте!.. оставьте!.. не бойтесь, Фрицель, говорю вамъ, что ваша собака знаетъ политику, а та просто толстая, глупое животное; которое ничего не знаетъ!

И обернувшись къ Сципіону, онъ все повторялъ ему:

— Берегись! Берегись!

Сципіонъ не трогался съ мѣста: онъ уперся въ уголь, поднял голову и сверкающими глазами смотрѣлъ на Макса; нѣтъ подъ его дрожавшихъ усомъ видѣлся бѣлый и острый зубъ.

Рыжий большой песъ подходилъ; опустивъ голову и опѣтивъ свою костлявую спину. Обойти воржана, пока Максъ не прыгнетъ, чтобы схватить Сципіона за горло; но Сципіонъ наклонился и въ то время, какъ Максъ схватилъ его за хвостъ, онъ перекусилъ ему лапу. Нужно было видѣть, какой вой поднялъ тогда Максъ; какъ онъ, хромяя, бросился подъ столъ и, точно молля, скользилъ между ногами сидѣвшихъ, продолжая визжать, такъ что ушамъ было больно.

Г. Рихтеръ вкочилъ возбѣшенный и хотѣлъ броситься на Сципіона, но кротоловъ тотчасъ же взялъ изъ угла свою палку и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, если ваша толстая собака и укушена, кто же въ этомъ виноватъ? Вы вѣдь науськивали ее; теперь она навѣрное будетъ уродомъ. И по дѣломъ—это урокъ вамъ!

А старикъ Шмидтъ хохоталъ до слезъ и; взявъ Сципіона къ себѣ на колѣни, говорилъ:

— Я знаю, что ему знакомы всѣ военныя хитрости, хе-хе-хе! Мы отбили и знамена; и пушки.

Всѣ присутствовавшіе хохотали вмѣстѣ съ нимъ, такъ что оскорбленный Рихтеръ самъ выгналъ пинками собаку свою на улицу, чтобы не слышать ея визга. Ему хотѣлось бы точно такъ же выгнать и Сципіона, но всѣ дивились храбрости и здравому смыслу послѣдняго.

— Ну, сказалъ, вставал, кротоловъ:— теперь пойдемъ, Фрицель, пойдемъ,—пора опустить тебя. Прощайте, г. Рихтеръ, у васъ за-

мѣчательная собака.—Гредель, запишите за мной на доскѣ за двѣ бутылки.

Шмидтъ и Коффель тоже встали, и мы вышли всѣ вмѣстѣ, смѣясь, какъ полоумные. Сципионъ бѣжалъ за нами, понимая, что съ нимъ можетъ быть худо, когда мы уйдемъ.

Сойдя съ лѣстницы, Шмидтъ и Коффель повернули на право внизъ по большой улицѣ, мы же съ кротоловомъ, пройдя черезъ площадь, взяли на лѣво, въ Крапивную улицу.

Кротоловъ шелъ впереди, съ сгорбленной спиной, по обыкновенію, приподнявъ одно плечо выше другого, выпуская большіе клубы дыма и потихоньку смѣясь, вѣроятно, надъ пораженіемъ Рихтера.

Мы скоро дошли до его низенькой двери, углубленной въ землю; онъ опустился по ступенькамъ и сказалъ мнѣ:

— Идемъ, Фрицель, идемъ, а собака пусть останется на верху, у меня въ ямѣ не очень-то много мѣста.

Лачужку свою онъ совершенно справедливо называлъ ямой, потому что въ ней было только два маленькихъ окошка наравнѣ съ землею, выходившихъ въ переулокъ. Внутри все было мрачно: большая постель и деревянная лѣстница въ глубинѣ, старая скамейка, столъ, заваленный пилочками, шилами, клещами, шкафъ, украшенный двумя тыквами, потолокъ съ перекладинами, на которыхъ старуха Бербель, мать кротолова, вѣшала пеньку своей пряжи; въ углубленіи, на старомъ балдахинѣ, почернѣвшемъ отъ пыли и паутины, стояли всевозможные кашканы и мышеловки; сотни кожъ соболей, куницъ, ласточекъ висѣли по стѣнамъ—нѣкоторыя уже сухія, а другія совсѣмъ свѣжія, набитыя соломой для просушки,—все это такъ наполняло комнату, что въ ней едва можно было повернуться, и все это напоминаетъ мнѣ старое, счастливое время молодости, потому что все это я видѣлъ сотни разъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, свѣтило ли солнце, или шелъ дождь, были ли маленькія окна открыты, или закрыты.

Въ этой-то комнатѣ я всегда и представляю себѣ кротолова, сидящаго передъ очень низенькимъ столомъ, устроивающаго свои кашканы, втянувъ щоки и сжавъ губы; представляю себѣ и старую Бербель, совсѣмъ желтую, въ волосахъ чепцѣ на затылкѣ, и ея маленькія, сухія руки съ грязными ногтями и толстыми синими жилами, — прядущую съ утра до ночи подлѣ печки. Отъ времени она поднимала свою маленькую голову, съ лицомъ, совершенно сморщившимся, и съ довольнымъ видомъ смотрѣла на сына.

Но въ тотъ день Вербель была не въ духѣ; не успѣла она войти, какъ она начала рѣзкимъ голосомъ бранить кротолова, говоря, что онъ вѣчно сидитъ въ кабайѣ, только и знаетъ, что пить, не думая о завтрашнемъ днѣ, и разныя неблазны, на вторыя кротоловъ ничего не отвѣчалъ, зная, что надо все выслушивать отъ матери безропотно.

Онъ спокойно отворилъ нивафъ, пока старуха Бербель кричала, взявъ съ верхней полки широкую глиняную журавленую чашку, въ которой лежали пластины золотистаго медъ въ бѣлыхъ, какъ свѣтъ, сотахъ, поставила чашку на столъ и положила на чистую тарелку два отличныхъ сота, говоря мнѣ:

— Вотъ тебѣ, Фрицель, превосходнаго меду для французевъ. Для большихъ нѣтъ ничего лучше сотоваго меда:—онъ и вкуснѣе, да и свѣжѣе, и здоровѣе.

Деньги я положила на краешекъ стола, и Бербель съ довольнымъ видомъ протянула руку, чтобы взять ихъ; но кротоловъ отдалъ ихъ мнѣ назадъ и сказалъ:

— Нѣтъ, пить, я не хочу за это платы, — спрячь деньги, Фрицель, и возьми тарелку. Чашку свою оставь здѣсь, я принесу ее вамъ или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ.

И видя, что старуха разсердилась, онъ прибавилъ:

— Скажи французекѣ, Фрицель, что кротоловъ даритъ ей этотъ медъ съ удовольствіемъ, — слышишь?.. отъ всей души... потому что она женщина достойная уваженія. Не забудь сказать: «достойная уваженія». Понимаешь?

— Да-да, я такъ и скажу.—Прощайте, Бербель, сказала я, отворяя дверь.

Она сурово кивнула мнѣ головой; эта скупая старуха удержалась отъ брани только ради дяди Якова, но ей очень было досадно смотрѣть, что медъ берется безъ денегъ.

Кротоловъ проводилъ меня на улицу, и я пошелъ домой, совершенно довольный всѣмъ случившимся.

XL

На поворотѣ у церкви мы встрѣтились съ маленькимъ Гансомъ Аденомъ, возвращавшимся съ катапъ по льду; онъ бѣжалъ; засунувъ руки въ нарманы, и кричалъ мнѣ:

— Фрицель! Фрицель!

Подойдя ко мнѣ, онъ прежде всего посмотрѣлъ на медь и сказалъ мнѣ:

— Это для васъ?

— Нѣтъ, это для шитья французскѣхъ.

— Мнѣ хотѣлось бы быть большимъ на ея мѣстѣ, сказала онъ, выразительно облизываясь и выпятивъ свои полстныя губы.

Потомъ онъ спросилъ:

— Что вы будете дѣлать сегодня послѣ обѣда?

— Не знаю, пойду гулять съ Сципіономъ.

Онъ посмотрѣлъ на собаку, почесывая уши и сказалъ:

— Слушай, если хочешь, такъ пойдемъ ставить силки за навазоной кучей за почтой, тамъ много дубоносокъ и воробьевъ вдоль заборовъ подъ навѣсами и на деревьяхъ, поетъ она.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо, приходи сюда на паперть, мы отправимся вмѣстѣ.

Прежде чѣмъ разойтись, Гансъ Адель спросилъ у меня позволеніе обмакнуть далеко въ медь; я позволилъ ему, и онъ нашелъ медь очень вкуснымъ. Послѣ этого каждый пошелъ своей дорогой, и я возвратился домой въ половинѣ двѣнадцатаго.

— А, вотъ и ты! вскричала Лизбета, увидавъ меня, входившаго въ кухню: — я думала, ужь ты больше не вернешься; — вотъ и давай тебѣ порученіа!

Я рассказалъ ей встрѣчу съ кротоловомъ на лѣстницѣ «Золотой дружжи», споръ Коффеля, старика Шмидта и кротолова съ г. Пиктеромъ, битву между Максомъ и Сципіономъ, и наконецъ, какъ кротоловъ велѣлъ мнѣ сказать, что не беретъ денегъ за медь, и что отъ всей души предлагаетъ его французскѣхъ, «достойной уважаніа».

Такъ какъ дверь была отворена, то мадамъ Тереза все это слышала; она позвала меня къ себѣ. Вошедъ къ ней, я увидѣлъ, что она тронута, и когда я предложилъ ей медь, она приняла его.

— Хорошо, Фрицель, сказала она со слезами на глазахъ: — хорошо, дитя мое, я рада, очень рада этому подарку, — уваженіе чуждыхъ людей всегда доставляетъ большое удовольствіе. Когда придетъ кротоловъ, я сама поблагодарю его.

Потомъ она наклонилась, провела рукою по головѣ Сципіона, стоявшаго у постели съ поднятой вверхъ мордой, и, улыбаясь, сказала:

— Такъ и ты, Сципіонъ, стоишь за правое дѣло?

Сципіонъ же, видя веселость, отражающуюся въ глазахъ ея, началъ громко лаять и сълъ даже на заднія лапы, какъ-будто желая предложить свои услуги.

— Да-да, мнѣ теперь лучше, сказала она ему:—я стала крѣпче... Да! мы много вытерпѣли!

Потомъ, вздохнувъ, она облокотилась на подушку, говоря:

— Одно пріятное извѣстіе... только одно пріятное извѣстіе—и все пойдетъ хорошо!

Лизбета пришла накрывать на столъ; она не говорила ни слова, и Тереза опять задумалась.

Часы пробили двѣнадцать, и черезъ нѣсколько минутъ старая служанка принесла маленькую миску для насъ обоихъ, перекрестилась, и мы сѣли за столъ.

Я обертывался каждую минуту, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли ужъ на паперти Ганса Адена. Тереза снова легла и повернулась къ намъ спиною, закрывъ плечо одѣяломъ: — она, казалось, о чемъ-то сильно беспокоилась. Я же только и думалъ, что о навозной кучѣ постылая; мнѣ представлялись наши западни изъ кирпичей, уставленныхъ кругомъ по снѣгу, черепица, приподнятая двумя подпоркамъ изъ палочекъ, и хлѣбныя зерна вокругъ и внутри. Мнѣ представлялись дубоноски, прыгавшія по деревьямъ, и воробушки, сидѣвшіе рядомъ на кровлѣ, чиркая, осматриваясь и прислушиваясь въ то время, какъ мы въ углу подъ навѣсомъ, за кучею соломы, выжидаемъ, замирая отъ нетерпѣнья. Вотъ одинъ воробей пролетѣлъ надъ кучею, вотъ другой, вонъ и вся стая... Они спускаются... одинъ, два, три воробья уже прыгаютъ вокругъ и клюютъ зерна... Трр! всѣ сразу улетаютъ; что-то стукнуло на фермѣ... Это работникъ Верн въ своихъ большихъ деревянныхъ башмакахъ, закричавшій въ конюшнѣ на одну изъ лошадей: «повернешься ли ты, бѣшеный?»—Какое горе! хоть бы всѣ лошади сгнули, да и Верн вмѣстѣ съ ними!.. Нечего дѣлать, надо еще ждать,.. воробья далеко улетѣли. Вдругъ одинъ изъ нихъ начинаетъ чирикать... они опять прилетаютъ на крыши. Господи! только бы Верн опять не крикнулъ... только бы все было тихо... Хорошо, если бы на этой фермѣ да и по дорогѣ совсѣмъ не было людей! Какое наказаніе! Ну, вотъ наконецъ одинъ спускается... Гансъ Адень дергаетъ меня за ногу. Мы притаили дыханіе и онѣмѣли отъ надежды и страха!

Все это мнѣ представлялось, и я не могъ усидѣть на мѣстѣ.

— Господи помилуй! да что это съ тобой? говорила мнѣ Лизбета:—ты соскакиваешь, бѣгнешь, какъ бѣсъ передъ заутреней... да послѣ же смирно.

Я не слушалъ болѣе; прижавъ носъ къ стеклу, и думалъ:

— Придетъ онъ или не придетъ? онъ, можетъ быть, уже тамъ... не пошелъ ли онъ съ кѣмъ нибудь другимъ!

Эта мысль казалась мнѣ ужасною.

Я ужь хотѣлъ бѣжать, когда наконецъ Гансъ Адень показался на площади; онъ глядѣлъ на нашъ домъ, какъ-будто подстерегая глазами; но ждалъ онъ недолго: я уже былъ въ сѣняхъ и отворялъ дверь, не предупредивъ на этотъ разъ Сципіона. Выскочивъ, я побѣжалъ вдоль стѣны, боясь какогонибудь порученія или другой задержки:—сколько несчастій случается на семь свѣтъ! Неподалеку отъ дома, въ Крапивной улицѣ, мы съ Гансомъ остановились переждать духъ.

— Взялъ ли ты съ собой зеренъ, Гансъ Адень?

— Да.

— А ножикъ?

— Будь покоенъ, вотъ онъ.—Послушай, Фрицель, мнѣ не снести всего, возьми ты кирпичи, а я понесу черепицы.

— Хорошо, пойдѣмъ.

И мы пошли за деревней черезъ поля, по колѣна въ снѣгу. Тогда зови насъ хоть вртоловъ, хоть Коффель, хоть самъ дядя,—мы безъ оглядки пустились бы бѣжать.

Минуты двѣ спустя, расчистивъ снѣгъ, мы оставили около навозныхъ кучъ наши западни. Гансъ Адень нарѣзалъ маленькія палочки, слегка подперъ ими черепицы и разсыпалъ зерна. Воробьи смотрѣли съ верху съ крышъ на нашу работу, продолжая чирпать. Гансъ Адень всталъ, утеръ носъ обшлагомъ и прищурился, глядя на воробьевъ.

— Идемъ, тихо проговорилъ онъ:—они всѣ слетятъ.

Мы спрятались подъ навѣсъ, полные надеждъ на добычу, но въ ту же минуту вся стая воробьевъ исчезла. Надѣясь, что она возвратится, мы просидѣли до четырехъ часовъ за кучей соломы, но ни одинъ воробей не показывался. Они поняли, что мы дѣлали, и улетѣли далеко, на другой конецъ деревни.

Судите о нашемъ отчаяннѣ! Гансъ Адень, не смотря на свой кроткій характеръ, былъ страшно возмущенъ; я же грустно размышлялъ, что нѣтъ ничего въ мірѣ глупѣе, какъ ловить зимою воробьевъ, когда у нихъ только кожа да кости, и что на каждый кусочекъ пирога понадобится ихъ, по крайней мѣрѣ, штуки по четыре.

Наконецъ, намъ надоѣло ждать, и, видя, что уже смерзается, мы пошли по большой дорогѣ назадъ въ деревню, дрожа отъ холода, съ засунутыми въ карманы руками, мокрымъ носомъ и шапками на затылкѣ, что придавало намъ самый жалкій видъ.

Когда я пришелъ домой, было уже совершенно темно. Лизбета

приготавлила ужинъ; мнѣ стыдно было рассказать ей, какъ насмѣлись надъ нами воробьи, и хотѣшу, вмѣсто того, чтобы бѣжать въ кухню, я отворилъ тихонько дверь въ освѣщенную залу и тихо сѣлъ за печкой.

Никто не замѣтилъ; Сидионъ сталъ подъ крестомъ, положилъ голову на лаву; я прѣселъ уже съ четверть часа, слушая шелестъ пламени, когда Тереза, называясь снѣпцемъ, крохотнымъ голосомъ сказала мнѣ:

— Ты, Фрицель?

— Да, отвѣчалъ я.

— Ты грѣбешься?

— Да.

— Такъ ты очень прозябъ.

— Да, очень.

— Что же вы дѣлали сегодня послѣ обѣда?

— Мы съ Гансомъ Адемомъ ставили западни воробьямъ.

— И много поймали?

— Нѣтъ, мадамъ Тереза, немного.

— Сколько?

У меня сердце обливалось кровью при мысли, что надо сказать такой коршей женщинѣ о нашей неудачѣ.

— Двухъ или трехъ, не такъ ли, Фрицель, сказала она?

— Нѣтъ, мадамъ Тереза.

— Не поймали ни одного?

— Нѣтъ.

Она замолчала, и я вообразилъ, что она оторчилась.

— Воробьи очень хитры, продолжала она, минуту спустя.

— Да!

— Не промочить ли ты ноги, Фрицель?

— Нѣтъ, на мнѣ были деревянные башмаки.

— Ну, тѣмъ лучше. Надо утѣшиться, другой разъ ты будешь счастливейше.

Во время нашего разговора вошла Лизбета, оставивъ дверь въ кухню отворенною:

— А, да и ты тутъ, сказала она:— хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ это ты пропадалъ цѣлый день?... вѣчно на улицѣ, вѣчно съ своимъ Гансомъ Адемомъ или съ своимъ Францомъ Семелемъ:

— Онъ ловилъ воробьевъ, сказала Тереза.

— Воробьевъ! хотъ бы мнѣ разъ увидать одного, вскричала старая служанка.— Вотъ ужъ три года, онъ каждую зиму бѣгаетъ за воробьями. Разъ только, осенью, онъ печально поймалъ старого, об-

щипанного шура, который ужь не могъ летать, и съ тѣмъ поръ думать, что къ нему полетитъ всѣ птицы небесныя.

Лизбета смѣялась. Она съла за самоирялеу и, обмякнувъ пальцы въ чашечку, сказала:

— Теперь все готово; когда господи́нь докторъ прѣдетъ, мнѣ останется только накрыть на столъ.—На чемъ я сейчасъ остаю-
вилась?

— Вы говорили о вашихъ рекрутахъ, маджонзель Лизбета.

— Ахъ! да... съ самаго начала этой проклятой войны, всѣ деревенскіе парни пошли: длинный Людвигъ, сынъ кузнеца, маленькій Христель, Гансъ Гернеръ и много другихъ; они отправились: кто пѣшкомъ, кто на лошади, расхѣван: «Родина! родина!» отправились съ своими товарищами, проволочившими ихъ въ Киршталь, въ харчевню дяди Фрица на дорогѣ въ Кайзерлаутеръ. Они славно пѣли, но это не мѣшало имъ горько плакать, глядя на аиштатскую колокольню. Маленькій Христель обнималъ на каждомъ шагу Людвигъ, говори: «Когда-то мы опять увидимъ Аиштатъ?» А тотъ отвѣчалъ: «Нечего, братъ, объ этомъ думать, царь небесный вѣрно спасетъ насъ отъ этихъ республиканцевъ, чортъ бы ихъ подралъ!»—Они вмѣстѣ рыдали, а старый сержантъ, парочино приведшій, постоянно повторялъ: «Храбро впередъ!.. мы вѣдь мужчины!» У него совсѣмъ покраснѣлъ носъ отъ пьюа съ рекрутами. Длинный Гансъ Гернеръ, который долженъ былъ жеваться на Розѣ Муцъ, дочери полевого сторожа, кричалъ: «Еще разъ!.. еще разъ!.. Можетъ быть, въ послѣдній разъ ѣдимъ мы вмѣстѣ! кистую напугу!»

— Бѣдняга! замѣтила мадамъ Тереза.

— Да, продолжала Лизбета: — это бы еще ничего, если бы дѣвухи могли выходить замужъ, но вѣдь когда уходятъ парни, дѣвухамъ остается только мечтать съ утра до ночи, сохнуть да скучать. Не могутъ же онѣ идти за шестидесятилѣтнихъ стариковъ, вдовцовъ или за горбатыхъ, хромихъ и кривыхъ. Ахъ! мадамъ Тереза, не за тѣмъ я говорю, чтобы упрекать васъ, но вѣдь безъ нашей революціи мы жили бы спокойно и восхваляли бы Господа и милости его. Такая республика, которая переворачиваетъ все на свѣтѣ — ужасна!

Слушая эти разговоры, я чувствовалъ отличный запахъ начиненной телятины и, вставъ вмѣстѣ съ Сципиономъ, пошелъ посмотрѣть въ кухню: тамъ варился отличный туковый супъ, начиненная телячья грудина и жарился картофель. Охота возбуждала во мнѣ такой аппетитъ, что мнѣ казалось, будто я все проглотилъ сразу.

Сципионъ былъ не въ лучшемъ расположеніи духа; поставивъ переднія лапы на край очага, онъ носомъ высматривалъ горшки,—а носъ собака, по словамъ господина Бюффона, — второе, весьма тонкое зрѣніе.

Осмотрѣвъ все хорошенько, я сталъ страстно желать возвращенія дяди.

— Ахъ, Лизбета! воскликнулъ я, входя въ залу: — если бы ты знала, какъ я голоденъ!

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, отвѣчала мнѣ старуха: — appetite — вещь хорошая.

Послѣ этого она опять стала рассказывать разныя деревенскія пропшества, что мадамъ Тереза, казалось, слушала со вниманіемъ. Я же бродилъ то въ кухнѣ, то въ залѣ. Сципионъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ и, вѣроятно, предавался одиноковымъ со мною мыслямъ.

Ночь была совсѣмъ темная.

Отъ времени до времени мадамъ Тереза прерывала старуху, поднимая палецъ и говоря:

— Послушайте!

При этомъ всѣ на минуту затихали.

— Не онъ, говорила Лизбета: — это телѣжка Ганса Боеля, или:—это тетка Дрейфусъ идетъ провести вечерокъ у Бремеровъ.

Она знала привычки всѣхъ жителей Анштата и съ наслажденіемъ говорила объ этомъ французенкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла на шеѣ у нея образокъ Божьей Матери; да и дружба ея произошла вслѣдствіе этого, какъ я узналъ впослѣдствіи.

Пробило семь часовъ, потомъ половина восьмого. Наконецъ, не зная, какъ убить время, я всталъ на стулъ, взялъ съ полки *естественную исторію* Бюффона—чего никогда еще не случилось со мною,—и, положивъ локти на столъ, съ отчаянья началъ самъ читать по французски. Только страшный голодъ могъ навести меня на такую мысль; это не мѣшало мнѣ, однако, ежеминутно поднимать голову, пялить глаза на окна и прислушиваться.

Я только-что отыскалъ описаніе воробья, у котораго вдвое болѣе мозга, чѣмъ у человѣка, относительно величины его тѣла, какъ вдругъ послышался отдаленный звукъ бубенчиковъ; звукъ этотъ едва былъ слышенъ, теряясь въ отдаленіи, но быстро приближался, и мадамъ Тереза сказала:

— Это господинъ докторъ.

— Да, сказала Лизбета, вставъ и поставивъ самопрялку въ уголъ къ часамъ:—это онъ.

Она побѣжала въ кухню.

Я уже былъ въ сѣняхъ; бросивъ Бюффона на столѣ и отворяя выходную дверь, я кричалъ:

— Это ты, дядя?

— Я, Фрицель, слышался веселый голосъ дяди: — наконецъ кричалъ. — Все въ домѣ благополучно?

— Благополучно, дядя, всѣ здоровы.

— Хорошо, хорошо!

Вслѣдъ за мною вышли съ фонаремъ Либета, и я увидѣлъ подъ наѣсомъ дядю, развратившаго лошадей. Онѣ казались совершенно бѣлыми на темномъ фонѣ, и каждая шерстинка у него на шубѣ и на большой бобровѣй шапкѣ горѣла, какъ звѣзда. Онъ торопился; Рапшелъ, повернувъ голову къ конюшкѣ, казалось, тоже горѣлъ нетерпѣньемъ.

— Господи, какъ холодно! сказала Либета, прибѣжавъ помочь ему: — вы, вѣрно, замерзли, господинъ докторъ. Идите, идите скорѣе отогрѣвайтесь, я сдѣлаю ужъ все безъ васъ.

Но дядя Яковъ не любилъ, чтобы ктонибудь другой убиралъ его лошадей; онъ поставилъ Рапшеля передъ рѣшоткой съ сѣномъ на хорошую подстилку, и тогда сказалъ:

— Теперь идемъ!

И мы вошли всѣ вмѣстѣ.

— Хорошія вѣсти, мадамъ Тереза! — еще въ дверяхъ закричалъ дядя: — хорошія вѣсти! Я изъ Кайзерлаутерна, тамъ все благополучно.

Мадамъ Тереза, сидя на постели, смотрѣла на него, поблѣднѣвъ, какъ полотно; а онъ стряхивалъ свою шапку и снималъ шубу.

— Какъ, господинъ докторъ, сказала она, — вы изъ Кайзерлаутерна?

— Да, я проѣхалъ туда... Мнѣ хотѣлось успокоиться. Я все видѣлъ, все разузналъ, улыбаясь, сказалъ онъ: — но не скрою отъ васъ, мадамъ Тереза, что умираю отъ усталости и голода.

Онъ сталъ снимать свои теплые сапоги, ендя въ вреслѣ, и смотрѣлъ, какъ Либета накрывала на столѣ, такъ же страстно, какъ и мы съ Сципіономъ.

— Могу вамъ сказать только, что кайзерлаутернское сраженіе совсѣмъ не такое рѣшительное, какъ предполагали, и что вашъ батальонъ въ немъ не участвовалъ, — маленький Жакъ не подвергался болѣе опасностямъ.

— Довольно! сказала Тереза, снова ложась съ выраженіемъ невыразимаго счастья и удовольствія: — довольно! Если вы и не сна-

жете мнѣ ничего болѣе, я и этимъ счастлива. Погрѣйтесь, господинъ докторъ, покушайте, я могу и подождать теперь.

Тутъ Лизбета подала, и дядя, садясь за столъ, прибавилъ еще:

— Да, это вѣрно, можете объ этомъ не беспокоиться. Сейчасъ я разскажу вамъ остальное.

Мы сѣли ужинать, и дядя, взглядывая на меня отъ времени до времени, улыбался, какъ бы говоря: «мнѣ кажется, ты хочешь догнать меня; откуда у тебя такой аппетитъ?»

Но вскорѣ голодъ нашъ значительно убавился; мы вспомнили о бѣдномъ Циціонѣ, смотрѣвшемъ на насъ такимъ стопкомъ; теперь насталь и его чередъ поѣсть. Дядя выпилъ вина, закурилъ трубку, подошелъ къ алькову, взялъ Терезу за руку и, какъ бы щупая ея пульсъ, сказалъ:

— Ну, вотъ и я!

Она молчала и улыбалась.

Потомъ онъ придвинулъ кресло, отдернулъ занавѣски, поставилъ свѣчку на ночной столикъ, сѣлъ и сталъ разсказывать о сраженіи. Я слушала, облокотившись сзади него на кресло. Лизбета стояла въ неосвѣщенной части комнаты.

— Республиканцы пришли къ Кайзерлаутерну 27-го вечеромъ, началъ онъ: — пруссаки были уже тамъ за три дня до этого: они укрѣпили свою позицію, поставивъ пушки на верху холмовъ, возвышающихся надъ равниной. Генералъ Гансъ слѣдовалъ за ними, уже съ самаго Эрбаха онъ хотѣлъ окружить ихъ въ Бизингенѣ, — и тотчасъ же рѣшился на слѣдующій день опрокинуть ихъ. — Пруссаковъ было 40,000 человекъ, а французовъ 30,000.

— На слѣдующій день началась осада съ лѣвой стороны; республиканцы, подъ предводительствомъ генерала Амбера, начали взбираться на холмы подъ выстрѣлами, крича: «Ландау или смерть!» Въ это самое время Гансъ долженъ былъ атаковать центръ, но центръ былъ прикрытъ деревьями и пригорками, и генералъ не могъ прийти во время; Амберу пришлось отступить подъ огнемъ пруссаковъ, — противъ него была вся армія герцога Брауншвейгскаго. На слѣдующій день, 29 ноября, Гансъ атаковалъ съ центра, Амберъ же долженъ былъ зайти съ права, но заблудился въ горахъ, такъ что Гансъ очутился въ стѣсненномъ положеніи. Не смотря на это, атаку предполагалось возобновить на слѣдующій день, 30 ноября. Въ этотъ день герцогъ Брауншвейгскій двинулся впередъ, и республиканцы, боясь, что ихъ отрѣжутъ, отступили.

— Вотъ что я знаю положительнаго изъ разсказовъ одного республиканскаго вождя, раненаго пулей въ бедро на второй день

битвы. Докторъ Фейербахъ, старый товарищъ мой по университету, водилъ меня къ этому человѣку,—иначе мнѣ ничего не узнать бы вѣрнаго, потому что пруссаки хвастаются.

Весь городъ говорить о сраженіи, но всякій по своему; въ городѣ сильное волненіе, поѣзды раненыхъ безпрестанно отправляются въ Майнцъ, городской госпиталь набить ранеными, и горожане принуждены брать раненыхъ къ себѣ, пока не очистится для нихъ гдѣ нибудь мѣсто.

Можете себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ слушала Тереза этотъ разсказъ.

— Вижу... вижу... грустно сказала она, подперевъ рукою високъ: — у насъ не достало единства.

— Именно, у васъ не достало единства, это говорятъ всѣ въ Кайзерлаутернѣ, но это не мѣшаетъ всѣмъ соглашаться, что республиканцы необыкновенно храбры и даже смѣлы. Когда они кричали: «Ландау или смерти!» не смотря на трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и грохотъ пушекъ, голоса ихъ были слышны въ городѣ и наводили страхъ. Теперь они отступили, но герцогъ Брауншвейгскій не осмѣлился ихъ преслѣдовать.

Послѣ нѣкотораго молчанія, мадамъ Тереза спросила:

— Откуда вы знаете, что нашъ батальонъ не былъ въ дѣлѣ, господинъ докторъ?

— Я знаю отъ республиканскаго командира, что первый батальонъ второй бригады много потерпѣлъ за нѣсколько дней передъ этимъ въ деревнѣ въ горахъ, отправившись на розыски къ сторонѣ Ландау, и поэтому его оставили въ резервѣ.—Тутъ то я и увидѣлъ, что онъ въ подробности знаетъ дѣло.

— Какъ зовутъ этого командира?

— Петръ Ронсаръ; — онъ такой высокій брюнетъ съ черными волосами.

— Да, я его знаю, хорошо знаю, сказала Тереза:—въ прошломъ году онъ былъ капитаномъ у насъ въ батальонѣ.—Такъ бѣдный Ронсаръ попался въ плѣнъ! А рана его опасна?

— Нѣтъ, Фейербахъ говорилъ мнѣ, что онъ встанетъ, но не скоро, отвѣчалъ дядя.

Потомъ, сдѣлавъ хитрую улыбку и зашуривъ глаза, онъ сказалъ:

— Да-да, вотъ что разсказалъ мнѣ командиръ. Онъ разсказалъ мнѣ еще кое-что такое... такое... интересное... необыкновенное, чего я никогда и не подозрѣвалъ бы...

— Что такое, господинъ докторъ?

отд. 1.

— Да, это поразило меня, сказала дядя, прижавъ пальцемъ въ трубка табакъ, выпустивъ большой клубъ дыма и поднявъ къ верху глаза:—поразило!.. впрочемъ не очень.. нѣтъ, не очень... иногда мнѣ приходило въ голову подобно.

— Да что же такое, докторъ Яковъ? съ удивленіемъ спросилъ Тереза

— Онъ разсказалъ мнѣ объ одной гражданкѣ Терезѣ, гражданкѣ въ родѣ Корнелии, известной всей мозельской арміи, и которую солдаты просто называютъ гражданкой! Хе-хе-хе!... Какъ видно, у этой гражданки нѣтъ недостатка въ храбрости.

И обернувшись ко мнѣ и Лизбетѣ, онъ сказалъ:

— Вообразите себѣ, что разъ, когда начальникъ батальона былъ убитъ, стараясь заставить людей своихъ идти впередъ, когда надо было перейти мостъ, защищаемый багареей и двумя прусскими полками, когда всѣ самые старшие республиканцы, самые отчаянные изъ этихъ храбрецовъ отступали,—представьте себѣ, что эта гражданка Тереза взяла знамя и одна пошла черезъ мостъ, приказавъ маленькому брату своему Жану бить атаку передъ нею, какъ-будто за ней шла цѣлая армія; это произвело такое дѣйствіе на республиканцевъ, что они всѣ бросились за ней и отбили пушки! — Помните вы это? — Это мнѣ разсказалъ командиръ Ронсаръ.

Мы глядѣли на Терезу, какъ ошеломленные; въ особенности я выпучилъ глаза и увидѣлъ, что она вся вспыхнула.

— Да, замѣтилъ дядя, всякій день узнаешь чтонибудь новенькое; это великое дѣло, превосходное дѣло! Да... да... хоть я и сторонникъ міра, но меня это все-таки тронуло...

— Но, господинъ докторъ, наконецъ отвѣчала Тереза: — не вѣрьте этому...

— О! прервалъ ее дядя, поднявъ руку:—мнѣ говорилъ объ этомъ не одинъ командиръ, два другихъ раненыхъ капитана, случившихся тамъ, услыхавъ, что гражданка Тереза жива, очень обрадовались... Дѣло ея со знаменемъ известно послѣднему солдату. Ну... да или нѣтъ, было это съ ней? прибавилъ дядя, нахмуривъ брови и глядя прямо въ лицо мадамъ Терезѣ.

Тогда Тереза, заплакавъ, сказала:

— Начальникъ батальона, котораго убили, былъ нашъ отецъ... мы хотѣли умереть, мы съ маленькимъ Жаномъ... мы были въ отчаяньи.

Припомнивъ это, она зарыдала. Дядя, глядя на нее, сдѣлался серьезенъ и сказалъ:

— Послушайте, мадамъ Тереза, я горжусь, что спасъ жизнь та-

кой женщинѣ, какъ вы. Вслѣдствіе ли смерти отца, или по какойнибудь другой причинѣ вы дѣйствовали такъ,—все это великій, благородный и храбрый поступокъ; это даже необыкновенно, потому что тысячи женщинъ только охали бы, упали бы въ обморокъ, и нельзя было бы винить ихъ за это. Но вы храбрая женщина, и, исполнивъ великій долгъ, вы долго еще плачете, когда другіе уже начинаютъ забывать; вы—женщина, не только поднимающая знамя между убитыми, но умѣющая и плакать,—вотъ за что я уважаю васъ. Повторяю, что домъ этотъ, въ которомъ нѣкогда жилъ мой отецъ и дѣдъ, почтенъ вашимъ присутствіемъ.... да, почтенъ!

Дядя говорилъ это очень серьезно, ударяя на каждое слово и положивъ трубку на столъ; онъ дѣйствительно былъ взволнованъ.

А Тереза сказала наконецъ:

— Господинъ докторъ, не говорите такъ, или я буду принуждена уйдти. Пожалуйста, не говорите болѣе объ этомъ.

— Я вѣкъ сказала, что я думаю, отвѣчалъ, вставая, дядя, а теперь не буду болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ вы этого хотите; но это не помѣшаетъ мнѣ уважать васъ, какъ кроткое, благородное существо, и гордиться тѣмъ, что я оказала вамъ услугу. Командиръ рассказывалъ мнѣ тоже, каковъ былъ вашъ отецъ и ваши братья: простые, честные люди, отправившіеся всѣ вмѣстѣ защищать дѣло, которое считали справедливымъ. Когда столько тысячъ гордецовъ думаютъ только о своихъ выгодахъ и—хотя грустно, но надо сказать,—считаютъ себя благородными, заботясь только о вещахъ матеріальныхъ,—пріятно видѣть, что истинное благородство, происходящее отъ безкорыстія и героизма, встрѣчается въ народѣ. Республиканцы ли они, или не республиканцы, не все ли равно? Въ душѣ и по совѣсти я думаю, что передъ лицомъ Всевышняго благороденъ тотъ, кто исполняетъ свой долгъ.

Дядя ходилъ отъ волненія взадъ и впередъ по залѣ, говоря самъ съ собою. Тереза, отеревъ слезы, улыбался, смотрѣла и сказала ему:

— Господинъ докторъ, вы привезли намъ добрыя вѣсти.... спасибо вамъ, спасибо! Теперь я буду здорова.

— Да, отвѣчалъ дядя, останавливаясь, вы будете здоровы.— Но пора и на покой; утомленіе длилось долго, и я думаю, что сегодня мы всѣ отлично уснемъ.—Ну, Фрицель, ну, Лизбета, отправляйтесь! Прощайте, мадамъ Тереза.

— Спокойной ночи, господинъ докторъ.

Онъ взявъ свѣчу и, задумчиво потупивъ голову, поднялся вслѣдъ за нами.

XII

Слѣдующій день былъ счастливымъ днемъ въ домѣ дяди Якова. Когда я проснулся, было уже очень поздно—я безъ просыпа проспалъ двѣнадцать часовъ сряду,—и въ глаза мнѣ бросились прежде всего мои круглыя окошечка, покрытыя серебристыми цвѣтами, внесенъ, разрисованныя такъ, какъ не могъ бы разрисовать ни одинъ художникъ въ мѣрѣ, точно будто природа посреди зимы хочетъ напомнить о веснѣ, а между тѣмъ, рисунки эти являются, какъ признакъ сильнаго холода, сухого холода, замѣнившаго снѣжную погоду; въ такую погоду замерзають всѣ рѣки и даже володцы, всякія тропинки становятся твердыми, и всѣ лужи покрываются бѣлымъ и хрупкимъ льдомъ, разламывающимся подъ ногами, какъ личная скорлупа.

При воспоминаніи обо всемъ этомъ, едва высунувъ носъ изъ подъ одеяла, въ колпакѣ, надвинутомъ чуть не до спины, мнѣ представлялись всѣ прошлыя зимы, и я думалъ: «Фрицель, вѣдь ты не рѣшишься встать, даже для того, чтобы идти завтракать,—вѣтъ, никакъ не рѣшишься!»

Между тѣмъ, отличный запахъ молочнаго супа разносился изъ кухни и придавалъ мнѣ отчаянную храбрость.

Такъ размышлялъ я уже съ полчаса, и уже заранѣе рѣшилъ, что соскочу съ постели, схвачу подъ мышку платье и побѣгу одѣваться въ кухню къ очагу,—какъ вдругъ услышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ встаетъ дядя Яковъ, изъ чего я заключилъ, что сильное утомленіе предыдущаго дня произвело въ немъ одинаковую со мной сонливость. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вопеть ко мнѣ въ комнату, смѣясь и дрожа, въ панталонахъ и рубашкѣ.

— Ну-ну, Фрицель! вскричалъ онъ: — вставай! живѣй!.. живѣй!.. Ты развѣ не слышишь запахъ супа?

Онъ дѣлалъ такъ каждую зиму во время сильныхъ холодовъ и подшучивалъ надъ моею нерѣшительностью.

— Еслибъ можно было принести мнѣ супу сюда, сказалъ я ему: — я разнюхалъ бы его еще лучше.

— Ахъ ты, трусь! трусь! сказалъ дядя: — и ты рѣшился бы ѣсть въ постели? Вотъ лентяй-то!

И чтобы показать мнѣ примѣръ, онъ влилъ изъ моего кувшина холодной воды въ чашку и обѣими руками сталъ мыть себѣ лицо, говоря:

— Ухъ! какъ славно, Фрицель! какъ освѣжаетъ! Ну, вставай же... вставай!

Я же, вида, что онъ хочетъ мыть меня, соскочилъ съ постели, схватилъ въ одинъ мигъ свою одежду и, стремглавъ слетѣлъ внизъ. Врывъ дядинаго хохота огласилъ весь домъ.

— Хорошо вышелъ бы изъ тебя республиканецъ! вскричалъ онъ: — маленькому Жану пришлось бы не мало бить атаку, чтобы придать тебѣ храбрости.

Разъ добравшись до кухни, какое мнѣ было дѣло до его насмѣшекъ! Я одѣлся у огня, вымылся теплой водой, налитой мнѣ Лизбетой, что казалось мнѣ гораздо пріятнѣе высказыванія храбрости; я уже нѣжно смотрѣлъ на миску, когда дядя, въ свою очередь, сошелъ и, ущипнувъ меня за ухо, сказалъ Лизбетѣ:

— Ну-ну! какъ поживаетъ сегодня мадамъ Тереза? Хорошо провела ночь, надѣюсь?

— Входите, отвѣчала добродушно старуха, входите, господинъ докторъ, тамъ васъ кое-кто ждетъ.

Дядя вошелъ и я за нимъ. Сначала мы были очень удивлены, не вида никого въ залѣ; занавѣсы алькова были задернуты. Но удивленіе наше еще болѣе возрасло, когда, обернувшись, мы увидели мадамъ Терезу въ ея маркитантской одеждѣ—маленькая кофта, застегнутая до верху мѣдными пуговицами, толстый красный шарфъ вокругъ шеи,—сидѣвшую за печкой; она была такая же, какою мы видѣли ее въ первый разъ, только нѣсколько блѣднѣе; шляпа ея лежала на столѣ, такъ что ея прекрасные волосы, пробранные посерединѣ, падали по плечамъ, что дѣлало ее похожей на молодого человѣка. Видя наше удивленіе, она улыбалась, а рука ея покоилась на головѣ Сципіона, сидѣвшаго подлѣ нея.

— Господи! воскликнулъ дядя.—Какъ это вы, мадамъ Тереза!.. Вы встали?

Потомъ онъ прибавилъ съ безпокойствомъ.

— Какая неосторожности!

Но она, продолжая улыбаться, съ видомъ благодарности протянула ему руку и, выразительно смотря на него своими большими черными глазами, отвѣчала:

— Не бойтесь, господинъ докторъ: мнѣ совсѣмъ хорошо,—я здорова; ваши вчерашнія хорошія вѣсти поправили меня. Посмотрите сами!...

Онъ молча взялъ ее за руку и задумчиво сталъ считать пульсъ, потомъ лицо его просвѣтлѣло и онъ весело вскричалъ:

— Лихорадки нѣтъ! Ахъ, теперь, теперь все пойдетъ хорошо! Но надо быть осторожной, очень осторожной.

Отступивъ немного, онъ сталъ смѣяться, какъ ребенокъ, глядя на свою большую, тоже улыбающуюся ему.

— Такой я васъ видѣлъ въ первый разъ, тихо сказалъ онъ; такой и теперь опять васъ вижу, мадамъ Тереза. Да, намъ посчастливилось, очень посчастливилось!

— Вы спасли мнѣ жизнь, господинъ докторъ, сказала она, и глаза ея наполнились слезами.

Онъ покачалъ головой и, поднявъ руку, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, — васъ спасъ тотъ, кто сохраняетъ все, оживляетъ все; потому что онъ не хочетъ, чтобы великія и хорошія личности погибали; онъ желаетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ оставались для примѣра другимъ. Ну, и возблагодаримъ же его!

Потомъ, перемѣнивъ голосъ и выраженіе лица, онъ вскричалъ:

— Порадуемся!.. порадуемся!.. Вотъ это—такъ можно назвать хорошимъ днемъ!

Онъ ушелъ въ кухню и оставался тамъ нѣкоторое время, а мадамъ Тереза сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ. Она взяла меня обѣими руками за голову и поцѣловала, отстригая волосы.

— Ты славный ребенокъ, Фрицель, сказала она мнѣ,—ты походишь на маленькаго Жана.

Тутъ вошелъ дядя, подмигивая съ душевнымъ удовольствіемъ глазами.

— Сегодня я не выхожу изъ дому, сказалъ онъ:—надо же вѣдь человѣку отдыхъ отъ времени до времени. Для очистки совѣсти только зайду кое къ кому въ деревнѣ, и потомъ приду провести весь день въ семействѣ, какъ бывало въ счастливое время, при жизни бабушки Ленель.—Что ни говори, а вѣдь семейная жизнь возможна только при женщинахъ!

Говоря такимъ образомъ, онъ надѣвалъ свою большую шапку и накидывалъ шубу на плечи. Потомъ вышелъ, улыбаясь намъ.

Мадамъ Тереза задумалась; она встала, придвинула кресло къ окну и стала смотрѣть на площадь съ фонтаномъ. Мы же съ Сципіономъ пошли въ кухню завтракать.

Черезъ полчаса я услышалъ, какъ входилъ дядя, говоря:

— Ну, вотъ я и свободенъ до вечера: кого надо обошелъ, все нашелъ въ порядкѣ, и теперь могу больше не выходить.

Сципіонъ царапался въ дверь; я отворилъ ему, и мы вошли вмѣстѣ въ залу. Дядя вѣшалъ свою шубу на стѣну и смотрѣлъ на мадамъ Терезу, сидѣвшую все еще на томъ же мѣстѣ и грустную.

— О чемъ это вы думаете? сказалъ онъ ей:—вы стали грустиѣе, чѣмъ или давеча.

— Я думаю, господинъ докторъ, что, не смотря на сильныя страданія, человѣкъ доволенъ, что можетъ остаться еще на нѣкоторое время на землѣ,—сказала она ему взволнованнымъ голосомъ.

— На нѣкоторое время! вскричалъ дядя: — скажите на много лѣтъ, потому что у васъ, слава Богу, натура здоровая, и черезъ нѣсколько дней вы будете такъ же здоровы, какъ были прежде.

— Да, господинъ Яковъ, я думаю, что буду здорова, сказала, она; но если въ послѣднюю минуту васъ подымятъ изъ мертвыхъ человѣкъ съ душою, тогда выздоровленіе и возможность сказать себѣ: «Безъ него меня не было бы на свѣтѣ!»—доставляетъ большое счастье.

Дядя понялъ тогда, что она смотрѣла на мѣсто, гдѣ происходила страшная битва между ея батальономъ и австрійской дивизіей; что этотъ старый фонтанъ, эти старыя, обвалившіяся стѣны, эти слуховыя окна, наконецъ, вся эта площадь, узкая и мрачная, напоминала ей подробности битвы, и что она знала, какая ожидала бы ее участь, если бы онъ, къ счастью, не пришелъ, когда Іосифъ Спикъ хотѣлъ закопать ее съ убитыми. Это открытіе совершенно ошеломило его, и только черезъ минуту онъ спросилъ:

— Кто разсказалъ вамъ все это, мадамъ Тереза?

— Вчера, когда мы оставались однѣ, Лизбета разсказала мнѣ, чѣмъ я обязана вамъ.

— Лизбета разсказала вамъ! вскричалъ огорченный дядя:—а еще какъ я запрещалъ ей...

— Не браните ее, господинъ докторъ, сказала она: — я ей нѣсколько помогла... Она такъ любить болтать!

Тереза улыбалась дядѣ, который успокоился и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мнѣ слѣдовало бы предвидѣть это, нечего больше объ этомъ и говорить. Но послушайте, надо выгнать все это изъ головы, надо стараться смотрѣть на все съ хорошей стороны, это необходимо для вашего выздоровленія. Теперь все идетъ хорошо, но надо помочь природѣ пріятными мыслями, согласно мудрому предписанію отца медицины, Гиппократъ. «Мощный духъ, говоритъ онъ, спасаетъ разслабленное тѣло!» Мощностъ же духа является отъ веселыхъ, а не отъ мрачныхъ мыслей. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ фонтанъ очутился на томъ концѣ деревни; но такъ какъ онъ тутъ и перенести его мы не можемъ, то присядемъ къ печкѣ, чтобы не видѣть его,—это будетъ гораздо лучше.

— Я готова, отвѣчала Тереза, вставая.

Она оперлась на руку дяди, который казался счастливымъ, поддерживая ее. Я же подкатилъ кресло его въ уголь, и мы всѣ усьлились по своимъ мѣстамъ вокругъ печки, трескъ пламени въ боторой доставлялъ намъ большое удовольствіе.

Иногда вдали, въ деревнѣ, слышался лай собаки, и этотъ ясный звукъ, раздававшійся въ тишинѣ, обыкновенной въ такіе сильные холода, пробуждалъ Сципіона, который вставалъ ворча и, ошестившись, подходилъ къ двери, потомъ снова возвращался къ моему стулу, думая, вѣроятно, что теплое мѣстечко пріятнѣе удовольствія пошумѣть.

Тереза, блѣдная, съ густыми черными волосами съ синимъ отливомъ, падающими по плечамъ, казалась счастливою и покойною. Мы мирно бесѣдовали, а дядя курилъ свою большую фарфоровую трубку съ видомъ полнѣйшаго довольства.

— Однако, что это такое? мнѣ казалось, я разрѣзалъ вашу кофту, заговорилъ дядя черезъ нѣсколько минутъ, а теперь она, какъ новая.

— Вчера мы съ Лизбетой починили ее, докторъ Яковъ, отвѣчала она.

— Вотъ какъ!.. такъ вы умѣете шить?.. это мнѣ не приходило еще въ голову... Вы представлялись мнѣ всегда идущею по мосту или что нибудь въ этомъ родѣ, на берегу рѣки, освѣщенной ружейными выстрѣлами.

Тереза улыбнулась.

— Я дочь бѣднаго школьнаго учителя, начала она:— а въ свѣтѣ бѣдному прежде всего надо умѣть добывать себѣ средства для существованія. Отецъ мой понималъ это, и у всѣхъ дѣтей было какое нибудь ремесло. Еще только годъ пронелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы ушли, — и не только наше семейство, но и вся молодежь города и окрестныхъ деревень, съ ружьями, топорами, вилами и колами, — на встрѣчу пруссакамъ. Прокламація герцога Брауншвейгскаго подняла всю пограничную часть страны; военному дѣлу обучались дорогой.

— Тогда отецъ мой, человекъ образованный, былъ избранъ общей подачей голосовъ сначала въ капитаны, а послѣ нѣсколькихъ стечекъ — въ командиры батальона. До нашего выступленія, я помогала ему по школѣ, учить дѣвочекъ, — я учила ихъ всему, что должна знать хорошая хозяйка.

— Да, докторъ Яковъ, если бы въ то время мнѣ сказали, что придетъ время, когда я пойду съ солдатами, что я ночью буду водить

свою лошадь подъ уздцы, что буду проѣзжать съ своей таратайкой по кучамъ труповъ и что часто по цѣлымъ часамъ дорогу мнѣ будутъ освѣщать только выстрѣлы,—я не повѣрила бы, потому что любила только простыя семейныя обязанности. Я была даже слишкомъ скромна, потому что краснѣла отъ всякаго взгляда. Но чего не сдѣлаешь, когда великія обязанности заставляютъ насъ выдвинуться изъ мрака, когда угрожаемая родина призываетъ дѣтей своихъ! Тогда сердце рвется, человѣкъ измѣняется, выступаетъ, страхъ забывается, а спустя долгое время, только удивляешься, что такъ измѣнился, что дѣлаешь то, что прежде считалъ невозможнымъ!

— Да-да, говорилъ дядя, кивая головой: — теперь я узналъ... я смотрю ясно на дѣло... А! такъ народъ поднялся такимъ образомъ... Онъ такъ пошелъ весь, цѣликомъ... Однако, что можетъ сдѣлать мысль!

Часовъ до двѣнадцати продолжали мы говорить такимъ образомъ. Въ двѣнадцать Лизбета пришла накрывать на столъ и подавать обѣдать; мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ она ходила взадъ и впередъ; какъ постлала скатерть, поставила приборы и принесла дымившуюся миску.

— Ну, весело воскликнулъ дядя, вставая и помогая идти Терезѣ, — сядемте за столъ. Теперь вы—наша милая бабушка Ленель, хранительница домашнего очага, какъ говорилъ мой старый гейдельбергскій профессоръ Эбергардтъ.

Она тоже улыбалась, и когда мы сѣли всѣ за столъ другъ противъ друга, намъ казалось, что все пришло въ обычный порядокъ, что давно уже должно было бы быть такъ, и что до сихъ поръ въ семьѣ кого-то не доставало, чье присутствіе доставляло намъ большее счастье. Даже Лизбета, всякій разъ, какъ приносила вареную говядину, овощи и жаркое, останавливалась и съ видомъ глубокаго удовольствія смотрѣла на насъ, а Сципіонъ такъ же часто сидѣлъ подлѣ меня, какъ и подлѣ своей хозяйки, не дѣлая между нами ни малѣйшаго различія.

Дядя прислуживалъ Терезѣ и, такъ какъ она была еще слаба, разрѣзалъ говядину на ея тарелкѣ, говоря:

— Еще кусочекъ! вамъ теперь нужны силы; скушайте еще это— и на этотъ разъ довольно, потому что все придетъ своимъ чередомъ.

Къ концу обѣда, онъ вышелъ на минуту и возвратился съ бутылкой, запечатанной толстымъ слоемъ краснаго сюргуча и покрытой пылью.

— Вотъ, сказалъ онъ, поставивъ бутылку на столъ: — вашъ со-

отечественникъ желаетъ вамъ добраго здоровья; мы не можемъ отказать ему въ этомъ, потому что онъ изъ Бургундіи и, говорятъ, хмѣль у него веселый.

— Вы такъ лечите всѣхъ вашихъ больныхъ, докторъ Яковъ? спросила тронутая Тереза.

— Да, всѣхъ,—я предписываю имъ все, что имъ пріятно.

— Ну, такъ у васъ истинное искусство,—искусство, идущее отъ сердца и вылечивающее.

Дядя хотѣлъ налить, но вдругъ, остановившись, серьезно взглянуть на большую и выразительно сказалъ:

— Я вижу, что мы сходимся все болѣе и болѣе, и что наконецъ вы согласитесь на принципы мира.

Сказавъ это, онъ налилъ нѣсколько капель мнѣ въ стаканъ, а свой стаканъ и стаканъ Терезы наполнилъ до краевъ и воскликнулъ:

— За ваше здоровье, мадамъ Тереза!

— За ваше и за здоровье Фрицеля! сказала она.

Мы выпили это старое вино—цвѣта луковыхъ перьевъ, показавшееся мнѣ очень вкуснымъ.

Всѣ мы повеселѣли, щоки Терезы слегка покрылись румянцемъ, предвѣстникомъ здоровья; она улыбалась и сказала:

— Это вино меня оживляетъ.

Потомъ она заговорила о томъ, какъ бы сдѣлаться полезною нашему хозяйству.

— Я чувствую въ себѣ уже столько силы, говорила она, что могу работать: я могу чинить ваше старое бѣлье, у васъ, вѣрно, есть оно, господинъ докторъ?

— Разумѣется, разумѣется, улыбался, отвѣчалъ дядя. У Лизбеты глаза ужъ немолодые, она по цѣлымъ часамъ вставляетъ одну заплатку,—вы будете намъ очень-очень полезны. Но теперъ еще не до того; вамъ еще нуженъ покой.

— Если мнѣ нельзя еще работать, сказала она, кротко глядя на меня,—позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, замѣнять васъ иногда въ урокахъ Фрицелю: у васъ не всегда бываетъ время давать ему уроки французскаго языка, и если вамъ угодно...

— А! это другое дѣло, вскричалъ дядя; да, это мысль, что называется, отличная; слава Богу! Слушай, Фрицель, впередъ ты будешь учиться у мадамъ Терезы; ты долженъ стараться, потому что случаи учиться—рѣдки, очень рѣдки.

Я весь вспыхнулъ при мысли, что у мадамъ Терезы слишкомъ много незанятаго времени; она же, понявъ мою мысль, добродушно сказала мнѣ:

— Не бойся, Фрицель, я буду пускать тебя бѣгать. Мы вмѣстѣ будемъ читать Бюффона часть по утрамъ и часть по вечерамъ. Успокойся, дитя мое, я не стану слишкомъ надѣдвать тебѣ.

Она тихо притянула меня къ себѣ и обняла. Въ это время отворилась дверь и вошли кротоловъ и Коффель въ праздничномъ платьѣ и съ торжественнымъ видомъ: они пришли пить съ нами кофе. Ясно было, что дядя, пойдя утромъ приглашать ихъ, рассказать имъ о храбростѣ и о славѣ мадамъ Терезы въ республиканской арміи, потому что и въ одеждѣ ихъ, и въ движеніяхъ было что-то необыкновенное. Кротоловъ не остался, по обыкновенію, въ своей куней шапкѣ, а внимательно смотрѣлъ во всѣ глаза; Коффель надѣлъ чистую рубашку, воротнички которой доходили ему до ушей, и держался совершенно прямо, засунувъ руку въ куртку; женѣ его пришлось пришить пуговицу, чтобы пристегнуть другой подтяжкой панталоны, которые уже не висѣли съ одной стороны, а были приподняты ровно съ обѣихъ сторонъ; кромѣ того, вмѣсто старыхъ, продранныхъ башмаковъ, на немъ были новые, праздничные. Наконецъ, у обохъ былъ какой-то торжественный видъ, точно у людей, пришедшихъ на какое нибудь чрезвычайное совѣщаніе; оба съ достоинствомъ низко поклонились, сказавъ:

— Кланяюсь чесной компаніи.

— А, вотъ и вы, сказалъ дядя;—садитесь.

Потомъ, обернувшись къ кухнѣ, онъ закричалъ:

— Лизбета, подавай кофе!

Въ эту минуту, случайно взглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ проходившаго старика Адама Шмидта и, не медля вставъ и постучавъ въ окно, сказалъ.

— Вотъ, мадамъ Тереза,—старый солдатъ Фридриха; вы будете довольны знакомствомъ съ нимъ; онъ хорошій человекъ.

Старикъ Шмидтъ подошелъ посмотреть, зачѣмъ звалъ его докторъ, а дядя Яковъ, поднявъ окно, сказалъ ему:

— Дѣдушка Адамъ, сдѣлайте одолженіе, придите выпить съ нами кофею, у меня есть еще тотъ старый коньякъ, знаете?

— Съ удовольствіемъ, господинъ докторъ, отвѣчалъ Шмидтъ,—съ большимъ удовольствіемъ.

Онъ показался на порогѣ и, приложивъ руку къ виску, сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ.

Кротоловъ, Коффель и Шмидтъ, стоя вокругъ стола съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, начали потихоньку говорить между собою, искося поглядывая на Терезу и какъ-будто передавая другъ другу что-то важное; въ это время Лизбета снимала скатерть и покрывала

столь клеенкой, а Тереза продолжала улыбаться мнѣ, играя моими волосами и дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, что о ней говорятъ.

Наконецъ, Лизбета принесла на поднось чашки и графинчики съ коньякомъ и киршвассеромъ, видъ которыхъ заставилъ старика Шмидта обернуться и прищурить глаза. Лизбета принесла кофейникъ, а дядя сказалъ:

— Сядемте.

Тогда всѣ сѣли, а Тереза, улыбаясь всѣмъ этимъ почтеннымъ людямъ, сказала:

— Позвольте мнѣ налить вамъ, господа.

Дѣдушка Шмидтъ, приложивъ руку къ уху, отвѣчалъ:

— Вамъ и чести!

Коффель и кротоловъ бросили другъ на друга взглядъ удивленія, и каждый подумалъ: «старикъ Шмидтъ сказалъ это и умно, и кстати!»

Тереза разлила кофе, и въ то время, какъ всѣ молча пили, дядя, положивъ руку на плечо дѣдушки Шмидта, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, позвольте представить вамъ стараго солдата, служившаго Фридриху Великому, — человекъ, который, не смотря на нѣсколько походовъ, на свои раны, храбрость и хорошее поведение, вышелъ только простымъ сержантомъ, и котораго всѣ порядочные люди деревни уважаютъ, какъ капитана.

Тереза взглянула на старика Шмидта, выпрямившагося на своемъ стулѣ съ чувствомъ собственного достоинства.

— Въ арміяхъ республики вы могли бы сдѣлаться генераломъ, сказала она.

Никто не возражалъ. Шмидтъ смотрѣлъ на эту женщину задумчиво и серьезно, выпучивъ свои большіе сѣрые глаза и уткнувъ внизъ свой горбатый носъ; онъ сжалъ губы и, казалось, размышлялъ; кротоловъ и Коффель сидѣли и смотрѣли другъ на друга; Тереза была взволнована, а дядя оставался спокойнымъ. Я всталъ изъ-за стола, потому что дядя не давалъ мнѣ кофею, говоря, что дѣтямъ онъ вреденъ, и сѣлъ за печку, смотря и слушая.

Черезъ минуту дядя Яковъ сказалъ Шмидту:

— Мадамъ Тереза была маркитанткой второго батальона первой бригады мозельской арміи.

— Я знаю ужъ это, господинъ докторъ, отвѣчалъ старый солдатъ, и знаю также, что она сдѣлала.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ сказалъ.

— Да, если бы я имѣлъ счастье служить въ республиканскихъ арміяхъ, я былъ бы капитаномъ, можетъ быть, даже командиромъ батальона, если бы только не былъ убитъ!

И ударивъ себя въ грудь, онъ прибавилъ:

— Во мнѣ было самолюбіе и, не хвастаясь, скажу,—была храбрость, и еслибъ можно было возвышаться, мнѣ стыдно было бы не пойти впередъ. Король не разъ замѣчалъ меня,—вещь весьма рѣдкая относительно простого солдата. Въ Росбахъ, въ то время, какъ капитанъ, причесавъ за насъ, кричалъ: «впередъ!» Адамъ Шмидтъ командовалъ отрядомъ. Ну, и все это ни къ чему не повело, и теперь, не смотря на то, что я получаю пенсію отъ прусскаго короля, я долженъ сознаться, что республиканцы во многомъ правы. Вотъ мое мнѣніе.

И выпивъ залпомъ рюмку, онъ странно подмигнувъ глазомъ и прибавилъ:

— А дерутся они хорошо!... я видѣлъ... да, хорошо дерутся. У нихъ нѣтъ еще правильныхъ движеній старыхъ солдатъ, но они славно выдерживаютъ атаку, а по этому-то и узнаются въ рядахъ люди, на которыхъ можно положиться.

Послѣ этихъ словъ старика Шмидта, всѣ начали восхвалять новыя идеи, точно будто онъ подалъ знакъ къ большей искренности; и всѣ высказывали мысли, которыя давно скрывали. Коффель, вѣчно жалующійся на недостатокъ своего образованія, говорилъ, что всѣ дѣти должны были бы ходить въ школу на общественный счетъ, что Богъ не давалъ особенной привилегіи на сердце и умъ однимъ сословіямъ въ ущербъ другимъ, что всякій имѣетъ одинаковое право быть умнымъ, кто бы онъ ни былъ, — дворянинъ, или угольщикъ; что сорная трава не должна заглушать хорошей, какъ это было до сихъ поръ.

Тереза отвѣчала, что конвентъ присудилъ выдать пятьдесятъ милліоновъ франковъ для общественнаго образованія, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ дать болѣе въ такое время, когда вся Европа возстала противъ него и когда приходится держать на готовѣ четырнадцать армій.

Слушая это, глаза Коффеля наполнились слезами, и я никогда не забуду, какъ онъ дрожащимъ голосомъ говорилъ.

— Ну, такъ пусть будетъ надъ нимъ благословеніе Франціи! Тѣмъ хуже для насъ, и если бы мнѣ пришлось все потерять, я все-таки душою буду за нею.

Кротоловъ долгое время молчалъ, но начавъ разъ,—рѣчамъ его не было конца; онъ требовалъ не только общественнаго образованія, но и самыхъ коренныхъ переворотовъ. Трудно вѣрилось, что бы въ головѣ такого миролюбиваго человѣка могли слагаться подобныя мысли.

— Я говорю, что стыдно продавать войска, какъ стада быковъ, торжественно вскричалъ онъ, протянувъ руку; но я говорю, что еще стыднѣе продавать судебныя мѣста, потому что судьи, чтобы воротить свои деньги и нажиться, продаютъ правосудіе, и я говорю, что всякій человѣкъ долженъ свободно дѣлать, что ему угодно, — торговать, работать и безъ помѣхи возвышаться.

Старикъ Шмидтъ, въ свою очередь, заявилъ, что онъ думаетъ одинаково съ кротоловомъ и Коффелемъ, а дядя, сидѣвшій до сихъ поръ спокойно, тоже изъявилъ свое сочувствіе этимъ естественнымъ и справедливымъ мнѣніямъ.

— Только, говорилъ онъ:— вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать это все въ одинъ день, лучше идти медленнымъ и постепеннымъ путемъ, употребляя кроткія и убѣдительныя средства, какъ дѣлалъ Христосъ; это гораздо умнѣе и приведетъ къ лучшимъ результатамъ.

Тереза, улыбаясь, сказала ему:

— Ахъ, господинъ докторъ, разумѣется такъ, если бы всѣ походили на васъ; но сколько ужъ столѣтій проповѣдуются людямъ доброта, кротость и справедливость? А между тѣмъ, развѣ эти проповѣди хотъ одного феодала сдѣлали лучше? Развѣ они обходятся съ крестьянами, какъ съ братьями... нѣтъ... нѣтъ! Очень печально, но война необходима. Въ послѣдніе три года Франція сдѣлала для правъ человѣка больше, чѣмъ сдѣлано было до нея въ восемнадцать вѣковъ. Повѣрьте мнѣ, самоотверженіе честныхъ людей— большое зло: оно придаетъ смѣлость непогодямъ и остается безъ всякаго хорошаго результата.

Всѣ присутствовавшіе были одного мнѣнія съ мадамъ Терезой, и дядя Яковъ уже приготовился отвѣчать, когда отворилась дверь и почтальонъ Клеменць, въ своей большой шляпѣ, обтянутой клеенкой, и съ желтой кожаной сумкой, подаль ему газету.

— Не хотите ли кофею, Клеменць? сказалъ ему дядя.

— Нѣтъ, господинъ Яковъ, спасибо... я тороплюсь, всѣ письма запоздали... Въ другойразъ.

Онъ вышелъ, и мы видѣли, какъ онъ пробѣжалъ мимо нашихъ оконъ.

Дядя разорвалъ обложку газеты и торжественнымъ голосомъ сталъ читать новости тѣхъ отдаленныхъ временъ. Хотя я былъ тогда очень молодъ, но все помню; чтеніе походило на предсказанія кротолова и сильно интересовало меня. Старый *Листокъ* отзывался о республиканцахъ, какъ о какихъ-то сумасшедшихъ, задумавшихъ странное предпріятіе: измѣнить вѣчные законы природы.

Сначала онъ упоминалъ объ ужасномъ наказаніи, которому подвергнулъ Юпитеръ титановъ, возмущившихся противъ его престола, раздавивъ ихъ горою, такъ что съ тѣхъ поръ несчастные извергають пепель и пламя въ могилахъ Везувія и Этны. Потомъ онъ говорилъ о колоколахъ, отнятыхъ у католической святины и передѣланныхъ въ пушки; онъ говорилъ объ этомъ, какъ о немислимомъ святотатствѣ, потому что вещи, предназначенныя давать жизнь душѣ, употреблялись на убіеніе тѣла.

Еще онъ говорилъ, что ассигнаціи ничего не значать, и что скоро, когда дворяне опять вступятъ во владѣніе своими замками, а духовенство—монастырями, эти бумаги, безъ всякихъ залоговъ, будутъ годиться только развѣ на растопку печей. Онъ убѣждалъ народъ не принимать ихъ ни за что.

За этимъ слѣдовалъ списокъ смертныхъ казней, и, къ несчастью, онъ былъ очень длиненъ. Кромѣ того, *Листокъ* восклицалъ, что республиканцы измѣняютъ поговоркѣ: будто волки не ѣдятъ другъ друга.

Наконецъ, онъ смѣялся надъ новымъ лѣтосчисленіемъ, называемымъ республиканскимъ, въ которомъ мѣсяцы назывались: вандемеромъ, брюмеромъ, фримеромъ, нивозомъ, плювіозомъ и т. д. Онъ говорилъ, что эти сумасброды хотятъ измѣнить ходъ свѣтилъ и перемѣшать времена года: изъ зимы сдѣлать лѣто, изъ весны — осень, такъ что неизвѣстно будетъ, когда нужно сѣять, когда — жать, что въ этомъ нѣтъ никакого смысла, и что всѣ крестьяне во Франціи приходятъ отъ этого въ негодованіе.

Такъ говорилъ *Листокъ*.

Во время чтенія Коффель и кротоловъ бросали другъ на друга отъ времени до времени задумчивые взгляды; Тереза и старикъ Шмидтъ сидѣли, погруженные въ думы, никто ничего не говорилъ. Дядя все читалъ, останавливаясь на минуту послѣ каждаго новаго параграфа, а старые часы били свой вѣчный тактъ.

Въ концѣ рѣчь шла о войнѣ въ Вандеѣ, о взятіи Ліона, занятіи Тулона англичанами и испанцами, о вторженіи Вурмзера въ Альзасъ и о битвѣ при Кайзерлаутернѣ, гдѣ эти знаменитые республиканцы бѣжали, какъ зайцы. *Листокъ* предсказывалъ конецъ республики къ слѣдующей веснѣ и заканчивалъ слѣдующими словами пророка Іеремен, обращаясь къ французскому народу: «Накажетъ тѣя отступленіе твое и злоба твоя обличить тѣя, понеже отъ вѣка сокрушилъ еси иго твое и распуталъ еси узы твоя, и увѣждь, яко зло и горько тѣя естъ же оставилъ мя, Господа Бога твоего.

Послѣ этого дядя сложилъ газету и сказалъ:

— Чему остается вѣрить? Каждый день говорятъ намъ, что эта республика кончается; шесть мѣсяцевъ тому назадъ, она была окружена со всѣхъ сторонъ, три четверти ея провинцій возстали противъ нея, Вандея одержала большія побѣды, и мы тоже; ну, а теперь! она почти отвсюду вытолкнула насъ, она держится противъ всей Европы, чего не могла бы вынести сильная монархія; мы уже не въ серединѣ ея провинцій, а только на ихъ границахъ, она приближается даже къ намъ, а намъ говорятъ, что она гибнетъ. Еслибъ эти вещи писались не ученымъ докторомъ [Захаріусомъ, я усомнился бы въ справедливости ихъ.

— И! господинъ докторъ, отвѣчала Тереза:—этотъ докторъ, можетъ быть, смотритъ на вещи съ той точки, съ какой ему хочется ихъ видѣть, это часто встрѣчается, и такихъ людей нельзя уверять въ неискренности,—они не хотятъ обманывать другихъ, но обманываютъ сами себя.

— Я знаю только, сказала, вставая, дѣдушка Шмидтъ, что республиканскіе солдаты дерутся хорошо, и что если у французовъ наберется четыреста или пятьсотъ тысячъ такихъ же, какихъ я видѣлъ, то я боюсь болѣе за насъ, чѣмъ за нихъ. Вотъ что я думаю. Что же касается до Юпитера, повергающаго людей подъ Везувій для того, чтобы тѣ извергали пламя, то это новый родъ батарей, мнѣ совершенно невѣдомыхъ, но на которыя мнѣ хотѣлось бы посмотреть.

— Мнѣ же, сказала кротововъ: — мнѣ кажется, что этотъ докторъ Захаріусъ не знаетъ самъ, что говоритъ; если бы я составлялъ газету вмѣсто него, я составлялъ бы ее иначе.

Онъ наклонился къ печкѣ за углемъ, потому что чувствовалъ сильную потребность курить. Старикъ Шмидтъ послѣдовалъ его примѣру, и такъ какъ наступили уже сумерки, то они вмѣстѣ вышли, пожавъ руку дялѣ Якову и поклонившись мадамъ Терезѣ; за ними вышелъ и Коффель.

XIII.

На слѣдующій день Тереза уже занималась хозяйствомъ; она осматривала шкафы, развѣртывала скатерти, салфетки, рубашки и даже старое, совсѣмъ уже пожелтѣвшее бѣлье, сложенное еще бабушкой Ленель; она откладывала въ сторону все, что можно было еще починить, а Лизбета возилась въ прачечной.!

Въ ручныхъ работахъ Тереза была неподражаема; эта женщина,

которую мы считали способною только наливать по рюмкамъ водку и трясгись въ своей одноколѣ за толпою безпаспортниковъ, знала по хозяйству гораздо болѣе всякой анштатской кумушки. Она завела даже у насъ обычай вышивать 'гирлянды и мѣтить красными буквами хорошее бѣлье, — обычай, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстный въ горахъ.

Кромѣ того, Тереза помогала Лизбетѣ въ кухнѣ, нисколько не мѣшая ей, зная, что старая прислуга не любитъ, чтобы совались въ ея дѣла.

— Однако, мадамъ Тереза, говорила ей иногда старая служанка: — какъ перемѣняются мысли; въ первое время я терпѣть васъ не могла за вашу республику; а теперь, если бы вы вздумали уѣхать, мнѣ бы показалось, что весь домъ уѣзжаетъ и что мы не можемъ жить безъ васъ.

— Такъ улыбаясь, отвѣчала она ей: — это очень просто, у всякаго свои привычки; вы меня не знали, и я внушала вамъ недоувѣрие; со всякимъ, на вашемъ мѣстѣ, было бы то же самое.

Потомъ она грустно прибавляла:

— А уѣхать мнѣ придется, Лизбета, — мѣсто мое не здѣсь, другія обязанности призываютъ меня.

Она все думала о своемъ батальонѣ, и когда Лизбета восклицала: — Нѣтъ, вы останетесь у насъ, теперь вы не можете уѣхать отъ насъ. Вы знаете, какъ васъ уважаютъ въ деревнѣ и какъ смотрятъ на васъ порядочные люди. Бросьте вашихъ безпаспортниковъ, не дѣло хорошей женщины попадать подъ нули или другія несчастія скитаясь за солдатами. Мы не пустимъ васъ. — Тогда она качала головой, и видно было, что не сегодня, такъ завтра она скажетъ: «Сегодня я уѣзжаю», — и ничто не останется ей.

Съ другой стороны, споры о войнѣ и о мирѣ все еще продолжались, и возобновлялъ ихъ дядя Яковъ. Всякое утро онъ сходилъ къ ней въ залу убѣждать ее, говоря, что миръ долженъ господствовать на землѣ, что въ первобытныя времена самъ Богъ устремилъ мирную жизнь не только между людьми, но и между животными; что всѣ бѣдствія приходятъ вмѣстѣ съ войною: чума, убійство, грабежъ, пожаръ; что въ государствѣ должна быть глава, для поддержанія порядка, и, слѣдовательно, — дворянство, для поддержанія этой главы; что все это существовало всегда — у евреевъ, египтянъ, ассириянъ, грековъ и римлянъ; что римская республика понимала это, и что поэтому консулы и диктаторы были въ родѣ королей, и

ихъ поддерживали благородные сенаторы, а сенаторовъ поддерживали благородные рыцари, стоявшіе выше народа; — что таковъ былъ порядокъ вещей, и что измѣнить его можно было только къ невыгодѣ самихъ бѣдныхъ, потому что бѣдные, говорилъ онъ, во время беспорядковъ не находятъ средствъ для существованія и гибнуть, какъ листья осенью, обрываясь отъ вѣтокъ, питавшихъ ихъ.

Онъ говорилъ долго и много; но у Терезы на все находились отвѣты, и она утверждала, что, по милости божьей, всѣ люди имѣютъ равныя права; что преимущества должны даваться по достоинству, а не по рожденію; что законы мудрые, равныя для всѣхъ, одни только могутъ установить справедливое различіе между гражданами, одобряя поступки однихъ и осуждая поступки другихъ.

Выслушавъ эти отвѣты, дядя всякій разъ глубоко задумывался. Случалось ли ему отправляться въ горы, онъ задумчиво садился на лошадь и цѣлый день измышлялъ новыя и болѣе сильныя доводы, чтобы убѣдить Терезу. Вечеромъ онъ возвращался въ болѣе веселомъ расположеніи духа, съ доводами, которые считалъ непогрѣшимыми; но это было не на долго, потому что Тереза не говорила ни о грѣхахъ, ни о египтянахъ, а тотчасъ же видѣла сущность дѣла и разбивала историческія доказательства дяди здравымъ смысломъ.

Не смотря на все это, дядя не только не сердился, но, напротивъ того, восклицалъ съ восторгомъ:

— Что вы за женщина, мадамъ Тереза! Не изучая никогда логики, вы отвѣчаете на все! Хотѣлось бы мнѣ очень посмотрѣть, какъ бы сталъ спорить съ вами редакторъ *Листка*; я увѣренъ, вы смутили бы его, не смотря на всѣ его знанія и истину, которую онъ защищаетъ; истина-то на нашей сторонѣ, но только я ее плохо защищаю.

Тутъ они оба смѣялись, а Тереза говорила:

— Вы отлично защищаете миръ—я съ вами согласна. Мы съ вами скоро договорились бы, потому что оба мы искренно желаемъ справедливости; но другихъ надо убѣждать пушечными выстрѣлами, такъ какъ они не хотятъ слушать другого голоса и не понимаютъ другихъ убѣжденій.

На такія слова дядя ничего не отвѣчалъ, и меня не мало удивляло, что онъ бывалъ доволенъ побѣдой надъ нимъ.

Послѣ этихъ великихъ политическихъ преній, дядя всего болѣе находилъ удовольствіе, возвращаясь домой, заставить меня за урокомъ французскаго языка, когда Тереза сидѣла на стулѣ, обхвативъ

меня за талью, а я стоялъ подлѣ, наклонившись надъ книгой. Онъ обыкновенно потихоньку входилъ, чтобы не обезпokoитъ насъ, молча садился за печкой, вытянувъ ноги и слушая съ какимъ-то восхищеньемъ; иногда онъ ждалъ съ полчаса, не снимая сапогъ и не надѣвая куртки: такъ боялся онъ развлечь меня, и по окончаніи урока, восклицалъ:

— Слава Богу, Фрицель! какое счастье, что тебѣ начинаетъ нравиться этотъ превосходный языкъ, который такъ хорошо объясняетъ тебѣ Тереза. Какое счастье, что у тебя такой учитель! Ты только потому поймешь это.

Онъ цѣловалъ меня совершенно растроганный.

Надо сознаться, что Тереза не надоѣдала мнѣ ни одной минуты своими уроками; когда она замѣчала, что вниманіе мое утомляется, она тотчасъ же рассказывала мнѣ какія нибудь исторіи, придававшія мнѣ бодрость. Особенно любила она рассказывать мнѣ что нибудь изъ республиканской исторіи, наполненной описаніями геройскихъ поступковъ, превосходными нравоученіями, воспоминаніе о которыхъ навсегда останется при мнѣ.

Жизнь наша шла такимъ образомъ нѣсколько дней. Кротоловъ и Коффель приходили, по обыкновенію, каждый день; мадамъ Тереза совершенно оправилась, и, казалось, такъ должны были бы проходить цѣлыя вѣка, какъ вдругъ одно неожиданное происшествіе разстроило нашу мирную жизнь и довело дядю Якова до самыхъ рѣшительныхъ поступковъ.

XIV.

Разъ утромъ дядя Яковъ, сидя за печкой, глубокомысленно читалъ республиканскій Мониторъ, Тереза шла у окна, а я ждалъ удобнаго случая убѣжать съ Сципіономъ.

На улицѣ сосѣдъ нашъ Спиеъ рубилъ дрова, и затѣмъ въ деревнѣ царствовала глубокая тишина.

Дядю, казалось, интересовало чтеніе; онъ отъ времени до времени поднималъ на насъ глаза, говоря.

— Славныя мысли у этихъ людей; они мелко не бродятъ, а думаютъ и дѣлаютъ, какъ настоящіе бойцы.... Дѣйствительно хорошо! Я понимаю, что юношество существуетъ ихъ догматомъ, потому что все молодое, здоровое тѣломъ и душою, любитъ добродѣтель; только люди, прежде времени состарившіеся отъ эгоизма и

дурныхъ страстей, могутъ держаться противныхъ привычекъ. Какъ досадно, что такіе люди безпрестанно прибѣгаютъ къ насилію!...

Тереза улыбалась, а дядя снова принимался читать. Это продолжалось около получаса; Лизбета, вымета сѣни, пошла, по обыкновенію, немного пошмыгачить къ старой Розелі; вдругъ у дверей нашихъ остановился какой-то верховой. Онъ былъ въ ширекой синей шинели, бараньей шапкѣ, съ курносимъ носомъ и сѣрой бородой.

Дядя положилъ книгу въ сторону и мы стали смотрѣть въ окно на незнакомца.

— За вами пріѣхали, вѣрно отъ какого нибудь больного, господинъ докторъ, сказала Тереза.

Дядя не отвѣчалъ.

Человѣкъ, привязавъ лошадь къ столбу навѣса, вошелъ въ сѣни.

— Здѣсь господинъ докторъ Яковъ? спросилъ онъ, отворивъ дверь.

— Это я.

— Вамъ письмо отъ доктора Фейербаха изъ Байзерлаутерна.

— Прошу покорно садиться, сказалъ дядя.

Человѣкъ не садился.

Дядя совершенно поблѣднѣлъ, читая письмо, и въ теченіи минуты казался въ такомъ смущеніи, что смотрѣлъ на наемца Терезу какимъ-то дикимъ взоромъ.

— Мнѣ велѣно привезти отвѣтъ, если будетъ, сказалъ посланный.

— Скажите Фейербаху, что я его благодарю, другого отвѣта нѣтъ.

Потомъ, не сказавъ ничего болѣе, онъ вышелъ безъ шапки съ человѣкомъ, который пошелъ вдоль улицы въ харчевню «Золотой кружка», ведя лошадь свою подъ устцы. Вѣроятно, онъ передъ дорогой отправлялся выпить. Изъ оконъ же мы видѣли, какъ дядя прошелъ мимо подъ навѣсъ. Терезу, казалось, это обезпояло.

— Фрицель, сказала она, снеси дядѣ твоему шапку.

Я тотчасъ же побѣжалъ и засталъ дядю ходящимъ взадъ и впередъ подъ навѣсомъ; онъ все еще держалъ въ рукахъ письмо, точно не думая прятать его въ карманъ. Спикъ, стоя на порогѣ своего дома, сверстивъ руки, смотрѣлъ на него какъ-то странно; двое или трое изъ сосѣдей смотрѣли на него изъ своихъ оконъ.

На улицѣ было страшно холодно, и я воротился въ комнату. Тереза, сложивъ работу, задумалась, облокотившись на подоконникъ; я сѣлъ за печкой, не желая болѣе выбѣгать.

Въ дѣтствѣ своемъ я всегда вспоминалъ объ этомъ днѣ; но все, что случилось потомъ, представлялось мнѣ какимъ-то сномъ, потому что ~~вспомнѣть~~ всего я не могъ, и только съ годами, припомнивая послѣ, сообразилъ главные мотивы этого смутнаго времени.

Я хорошо помню, что черезъ нѣсколько минутъ дядя вошелъ, говоря, что всѣ люди—мерзавцы, и что всѣ они хотятъ только вредить; помню, что онъ сѣлъ передъ маленькимъ окномъ у дверей и сталъ читать письмо друга своего, Фейербаха; что Тереза стояла слѣва въ своей кофтѣ съ мѣдными пуговицами и съ волосами, закрученными на затылокъ, стройная и спокойная.

Все это я точно сейчасъ вижу, вижу и Сидниона посреди комнаты, съ поднятой мордой и завороченнымъ хвостомъ.—Письмо было написано на саксонско-нѣмецкомъ языкѣ, и я могъ только понять, что на дядю Якова донесли, будто онъ—якобинецъ, у котораго собираются разные негодяи восхвалять республику,—что о Терезѣ было тоже донесено, какъ о женщинѣ опасной, о которой республиканцы сожалѣютъ, ради ея необыкновенной смѣлости, и что на слѣдующій день явится за ней прусскій офицеръ съ хоронимъ конвоемъ и свезетъ ее въ Майнцъ къ другимъ плѣннымъ.

Я тоже хорошо помню, что Фейербахъ совѣтовалъ дядѣ быть очень осторожнымъ, потому что пруссаки, послѣ побѣды въ Кайзерлаутернѣ, властвуютъ въ странѣ, что они хватаютъ всѣхъ опасныхъ людей и отсылаютъ ихъ даже въ Польшу, въ болотистую мѣстность, миль за двѣсти отсюда.

Мнѣ показалось совершенно непонятнымъ, что дядя, человекъ такой спокойный, миролюбивый, возмущился извѣщеніемъ и предостереженіемъ своего стараго товарища. Въ этотъ день наша мирная комната была свидѣтельницей страшной грозы, какой вѣроятно, никогда не случалось видѣть. Дядя обвинялъ Фейербаха въ эгоизмѣ, въ готовности преклониться передъ пруссаками, обращавшимися съ герцогствомъ и съ горнымъ округомъ, какъ съ завоеванною страной; онъ кричалъ, что въ Майнцѣ, въ Трирѣ и Шпейерѣ существуютъ законы точно такъ же, какъ и во Франціи; что мадамъ Тереза была брошена, какъ мертвая, австрійцами, что нельзя требовать лицъ и вещей, брошенныхъ, что она была свободна, что онъ не позволитъ, что онъ будетъ протестовать, что онъ друженъ съ юрисконсультомъ Пфеффелемъ въ Гейдельбергѣ, что онъ будетъ писать, защищать себя, что перевернетъ весь міръ вверхъ дномъ, что еще посмотрятъ, позволитъ ли Яковъ Вагнеръ поступать съ собой такимъ образомъ; что будутъ поражены тѣмъ,

что можетъ сдѣлать человѣкъ миролюбивый за справедливость и право.

Говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ включенными волосами; онъ смѣшивалъ всѣ, приходившіе ему въ голову, старыя приказы и говорилъ ихъ по латыни. Онъ говорилъ тоже и нѣкоторыя изреченія о правахъ человѣка, только-что прочитанныя имъ, иногда останавливался и, сильно топая ногою и подгибая колѣно, восклицалъ:

— Я говорю на основаніи правъ, на желѣзномъ основаніи нашихъ хартій. Пусть пріѣдутъ пруссаки... пусть пріѣдутъ! Эта женщина моя, я взялъ ее и спасъ ее. «Вещь брошенная, *res derelicta est res publica, res vulgata*».

Не знаю ужъ, откуда онъ всему этому выучился; вѣрно, въ гейдельбергскомъ университетѣ, слушая споры товарищей между собою. Но тогда всѣ эти старыя фразы пришли ему въ голову, и онъ отвѣчалъ точно десяти человѣкамъ.

Въ продолженіе всего этого времени, Тереза была совершенно покойна, и продолговатое лицо ея казалось задумчивымъ; цитаты дяди, разумѣется, удивляли ее, но, привыкнувъ смотрѣть на вещи прямо, она понимала свое положеніе. Только черезъ полчаса, когда дядя отворилъ свою конторку и сѣлъ писать къ юрисконсульту Пфелю, она тихо положила руку свою къ нему на плечо и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Не пишите, докторъ Яковъ, это бесполезно: не успѣтъ письмо ваше дойти, какъ я уже буду далеко.

Дядя взглянулъ на нее, поблѣднѣвъ.

— Вы хотите ѣхать? спросилъ онъ, весь дрожа.

— Я плѣнная, сказала она:—я это знала; я надѣялась только, что республиканцы сдѣлаютъ новую попытку и освободятъ меня по дорогѣ въ Ландау; но такъ какъ этого не случилось,—надо ѣхать.

— Вы хотите ѣхать? съ отчаяньемъ повторилъ дядя.

— Да, г. докторъ, я хочу ѣхать, чтобы избавить васъ отъ большихъ неприятностей; вы слишкомъ добры, слишкомъ великодушны, чтобы понять жестокіе военные законы: вы понимаете только справедливость! Но во время войны дѣйствуетъ только сила, а справедливость не существуетъ. Пруссакъ побѣдили, они придутъ и возьмутъ меня, потому что въ этомъ состоитъ ихъ служба. Солдаты знаютъ только свою службу: законъ, жизнь, честь, разумъ людей ничего не значать, служба прежде всего.

Опрокинувшись на спинку кресла, съ глазами полными слезъ, дядя не зналъ, что отвѣчать; онъ взялъ только руку Терезы и

ножалъ ее съ ужаснымъ волненіемъ; потомъ, приподнявъ совершенно разстроенное лицо свое, сталъ ходить, предавая угнетателей рода человѣческаго проклятію будущихъ вѣновъ, самъ же иреклиналъ Рихтера и всѣхъ ему подобныхъ мерзавцевъ, громовымъ голосомъ объявляя, что республиканцы правы, защищая себя, что дѣло ихъ правое—это ему теперь ясно, и что всѣ старые законы, приносили пользу только одной знати противъ слабыхъ и бѣдныхъ. Шоки его нылали, самъ онъ шатался и не говорилъ, а шипѣлъ, что все должно быть разрушено до основанія, что должны восторжествовать только храбрость и добродѣтель, и наконецъ, протянувъ руки къ Терезѣ и придя въ какой-то энтузіазмъ, предложилъ ей сѣсть съ нимъ въ сани и отправиться на высокую гору къ одному его пріятелю дровосѣку, гдѣ она будетъ въ безопасности; онъ взялъ ее за обѣ руки и прибавилъ:

— Отправляемся... уѣдемъ... вамъ будетъ отлично у старика Ганглофа... это вполне преданный мнѣ человѣкъ... Я спасъ его и его сына... они скроютъ васъ... пруссаки не пойдутъ искать васъ въ ущельяхъ Лаутерфельда!

Но Тереза отказалась, говоря, что, если пруссаки не застанутъ ее въ Анштатѣ, они арестуютъ, вмѣсто нея, дядю, а что она согласится лучше умереть отъ усталости и холода на большой дорогѣ, чѣмъ подвергать такому несчастью человѣка, спасающаго ей жизнь.

Она сказала это твердымъ голосомъ, но дядя не понималъ тогда подобныхъ доводовъ. Я помню, что ему казалось всего неприятнѣе, что мадамъ Терезѣ придется ѣхать съ варварами, дикими людьми, являвшимися изъ далекой Помераніи; эта мысль преслѣдовала его и онъ восклицалъ:

— Вы слабы... вы еще больны... эти пруссаки ничего не уважаютъ... это народъ нахальный и грубый!.. Вы не знаете, какъ они обращаются съ плѣнными... а я видѣлъ, какъ... это позоръ для моего отечества... Мнѣ хотѣлось бы скрыть это, но теперь приходится сознаться: они обращаются подло!

— Это такъ, г. докторъ, отвѣчала она: — я знаю это отъ бывшихъ въ плѣну людей нашего батальона: мы подемъ по двое или по четыре въ рядъ, грустные, иногда голодные, часто будемъ терпѣть отъ грубости и нападковъ конвоя. Но деревенскіе жители ваши—люди добрые и хорошіе... въ нихъ есть жалость... а французы народъ веселый, г. докторъ... такъ что труденъ будетъ только переходъ, да и то найдется десять-двадцать человѣкъ, готовыхъ нести мой узелокъ: французы берегутъ женщинъ.—Я зарази́е это знаю, замѣтила она, грустно улыбаясь: — ктонибудь изъ насъ

пойдетъ впередъ, распѣвая старую овернскую пѣсню, для тахта, или болѣе веселенькую прованскую пѣсенку, чтобы освѣтить ваше сѣренькое небо; мы не будемъ такъ несчастливы, какъ вы предполагаете, г. докторъ.

Она говорила это тихимъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ; слушая ея рѣчи, я представлялъ ее себѣ съ ея маленькимъ узелкомъ въ вереницѣ плѣнныхъ, и сердце мое надрывалось. Да! тутъ только я почувствовалъ, какъ мы любили ее, какъ страдали, сознавая, что она должна уѣхать. Я вдругъ залился слезами, а дядя, сѣвъ за конторку, закрылъ лицо руками и молчалъ, но крупныя слезы тихо катились по его морщинистымъ рукамъ. Сама Тереза, видя все это, не могла утерпѣть и начала рыдать; она тихо обняла меня и, цѣлуя, говорила:

— Не плачь, Фрицель, не плачь такъ... Иногда вы будете вспоминать обо мнѣ, не такъ ли?—Я же никогда не забуду васъ!

Только одинъ Сципионъ сохранилъ спокойствіе, ходя вокругъ печки; онъ смотрѣлъ на насъ, не понимая нашего горя.

Едва къ десяти часамъ, услыхавъ, что Лизбета разводитъ огонь въ кухнѣ, мы нѣсколько успокоились.

Тогда дядя, сильно сморкнувшись, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, вы поѣдете, такъ какъ вы непременно этого желаете; но я никакъ не могу согласиться, чтобы эти наглые прусаки пріѣхали сюда схватить васъ, какъ какую нибудь воровку. и повели по всей деревнѣ. Если хоть одинъ изъ этихъ скотовъ скажетъ вамъ грубое слово,—я не выдержу.. потому что теперь терпѣнью моему конецъ; я чувствую это, я пойду на какую нибудь неблаго-разумную крайность. Позвольте же мнѣ самому свезти васъ въ Кайзерлаутернъ до пріѣзда этихъ людей. Мы выѣдемъ рано поутру, часа въ четыре или въ пять, въ моихъ саняхъ, поѣдемъ мы по окольнымъ дорогамъ, а часовъ въ двѣнадцать, никакъ не позже, будемъ уже тамъ.—Согласны?

— О! господинъ докторъ, какъ же могу я отказаться отъ этого послѣдняго доказательства вашей дружбы? сказала она растроганная.—Съ благодарностью принимаю.

— Такъ это такъ и будетъ, серьезно сказалъ дядя. — А теперь вытремъ слезы, отстранимъ, на сколько возможно, эти грустныя мысли, чтобы не слишкомъ омрачать послѣднія оставшіяся намъ минуты.

Онъ подошелъ поцѣловать меня и, поднимая со лба моего волосы, сказалъ:

— Фрицель, ты добрый ребенокъ, у тебя хорошее сердце! Пом-

ни, что дядя Яковъ былъ въ этотъ день доволенъ тобою:—хорошо, когда можно сказать себѣ, что доставилъ удовольствіе людямъ, любящимъ насъ!

XV.

Съ этой минуты тишина снова водворилась у насъ. Всѣ мы думали объ отъѣздѣ Терезы, о томъ, какъ будетъ пусто у насъ безъ нея, о скукѣ, которая появится у насъ на нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, о хорошихъ вечерахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, о сожалѣніи кроколова, Коффеля и старика Шмидта, когда они узнаютъ, объ этой грустной новости, и чѣмъ больше мы думали тѣмъ больше находили причинъ отчаяваться.

Всего грустнѣе было мнѣ разстаться съ другомъ моимъ Сципіономъ; я не смѣлъ сказать объ этомъ, но при мысли, что онъ уѣдетъ, что я не буду больше бѣгать съ нимъ по деревнѣ, что я не буду болѣе заставлять его показывать свое знаніе, и что буду, какъ прежде, гулять одинъ, засунувъ руки въ карманы и нахлобучивъ волпакъ, безъ почестей и безъ славы, я приходилъ въ совершенное отчаяніе. Горе мое увеличилось еще болѣе, когда Сципіонъ пришелъ, сѣлъ серьезно и задумчиво передо мной и сталъ смотрѣть на меня такъ печально, какъ-будто бы понималъ, что мы должны на вѣки разстаться. Да, даже и теперь, когда я думаю объ этомъ, я удивляюсь, что мои густыя бѣлокурыя кудри не посѣдѣли тогда отъ этихъ печальныхъ размышленій. Я не могъ даже плакать, такъ велика была моя печаль, а сидѣлъ, поднимая вверхъ носъ, закусивъ мои толстыя губы и обхвативъ руками одно колѣно.

Дядя ходилъ взадъ и впередъ, и отъ времени до времени тихо кашлялъ, ускоряя при этомъ шаги.

Тереза, вѣчно дѣятельная, не смотря на свою печаль и заплаканные глаза, отворила шкафъ съ старымъ бѣльемъ и выкраивала изъ грубаго холста мѣшокъ съ двумя тесьмами, чтобы положить въ него свои дорожныя вещи; ножницы скрипѣли отъ рѣзанья, и она, съ обычною своею ловкостью, складывала кусочки. Когда все было приготовлено, она вынула изъ кармана иголку и нитки, сѣла, надѣла наперстокъ, и съ этой минуты только и видно былострое, какъ молнія, движеніе ея руки.

Все это происходило въ глубочайшемъ молчаніи; по комнатѣ только и раздавались тяжелые шаги дяди и равномерные удары нашихъ старыхъ часовъ, которые, не смотря ни на наши радости, ни на печаль, не прибавляли и не убавляли хода. Такъ идетъ и жизнь:

время не спрашиваетъ: «скучно ли вамъ? весело ли вамъ? смѣетесь ли вы? плачете-ль? весна ли, осень ли, или зима теперь?» Оно все идетъ, все идетъ!

Лизбета пришла въ двѣнадцать часовъ накрывать на столъ, дядя остановился и сказалъ ей:

— Къ завтешнему утру испеки маленькій окорокъ, — мадамъ Тереза уѣзжаетъ.

И когда старуха, пораженная, какъ громомъ, устремила на него взглядъ свой, онъ сказалъ ей глухимъ голосомъ:

— Пруссаки требуютъ ее, сила на ихъ сторонѣ... надо уступить.

Послѣ этого Лизбета поставила на столъ тарелки и, смотря на каждого изъ насъ по очереди, шептала въ головѣ у себя чепецъ, какъ-будто новость эта могла привести его въ беспорядокъ; потому она сказала:

— Мадамъ Тереза уѣзжаетъ... этого бить не можно... я и вѣрить не хочу.

— Надо, моя милая Лизбета, грустно отвѣчала Тереза: — надо, я кѣмъ-нибудь... за мною послажутъ.

— Пруссаки?

— Да, пруссаки.

При этомъ старуха, задыхаясь отъ негодованія, сказала:

— Я всегда думала, что эти пруссаки не Богъ знаетъ что такое — сбродъ негодяевъ, настоящихъ разбойниковъ! Преслѣдовать честную женщину! Будь у мужчины хоть на грошъ сердца, развѣ они позволили бы это?

— А что же ты сдѣлала бы? спросилъ ее дядя, лицо котораго оживилось, потому что негодованіе старухи въ душѣ доставляло ему удовольствіе.

— И? я зарядила бы свои пистолеты! вскричала Лизбета; я заричала бы имъ въ окно: «пошли своей дорогой, разбойники! не входите или берегитесь!» И перваго, кто осмѣлился бы переступить порогъ, я растянула бы мертвымъ, да, мертвымъ, — каждою недодя.

— Да-да, подтвердилъ дядя: — такъ бы и надо принимать подобныхъ людей, но сила не на нашей сторонѣ.

Потомъ онъ опять началъ ходить, а Лизбета, дрожа всѣмъ тѣломъ, ставила приборы.

Тереза не говорила ни слова.

Когда столъ былъ накрытъ, мы молча стали обѣдать. И только въ концѣ дядя сходилъ въ погребъ за бутылкой стараго бургомскаго и, возвратясь, печально связалъ:

— Развѣемъ немножко вина: тоску и залякнѣть себя противъ

горя, случившагося съ нами. Пусть передъ отъѣздомъ вашимъ, мадамъ Тереза, это старое вино развеселитъ насъ, какъ солнечный лучъ, и разнесетъ на нѣсколько минутъ тучи, окружившія насъ.

Онъ сказалъ это твердымъ голосомъ, и мы почувствовали, что какъ-будто немного успокоились.

Но черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ сказалъ Лизбетѣ, чтобы она принесла себѣ стаканъ—выпить съ нами за здоровье мадамъ Терезы, и когда бѣдная старуха залилась слезами, закрывъ лицо передникомъ, твердость наша исчезла и мы всѣ начали горько рыдать.

— Да-да, говорилъ дядя: — намъ было хорошо вмѣстѣ... вотъ исторія жизни человѣческой: счастливыя минуты пролетаютъ быстро, а печаль длится вѣка. Тотъ, кто смотритъ на насъ оттуда, знаетъ, что мы не заслужили такихъ страданій, что злые люди огорчили насъ; но онъ знаетъ также, что сила, истинная сила у него въ рукахъ, и что онъ можетъ, когда захочетъ, возвратитъ намъ счастье. Поэтому-то онъ и допускаетъ такую несправедливость, потому что увѣренъ въ вознагражденіи. Будемъ покойны и возложимъ упованіе на него.—За здоровье мадамъ Терезы!

Мы всѣ выпили съ глазами, полными слезъ.

Послѣ обѣда дядя особенно наказывалъ Лизбетѣ не распространять вѣсти этой по деревнѣ, а иначе Рихтеръ и всѣ подобные ему мерзавцы завтра придутъ пораньше, чтобы видѣть отъѣздъ мадамъ Терезы и насладиться нашимъ униженіемъ. Она поняла это и обѣщала держать языкъ за зубами. Послѣ этого дядя ушелъ къ кротолову.

Все время послѣ обѣда я не выходилъ изъ дому. Тереза продолжала готовиться въ дорогу; Лизбета помогала ей и хотѣла напихать ей въ мѣшокъ кучу вещей, совершенно бесполезныхъ, говоря, что въ дорогѣ все пригодится, и что когда-то она ѣздила въ Пирмазенсъ и не мало жалѣла, что не взяла гребенки и лентъ.

Тереза улыбнулась.

— Нѣтъ, Лизбета, говорила она:—вспомните, что вѣдь я не ѣду въ экипажѣ и что все это придется тащить на спинѣ: три хорошихъ рубашки, три платка, двѣ пары башмаковъ и нѣсколько паръ чулокъ—совершенно довольно. На всякомъ привалѣ останавливаются на часъ или на два у колодца и стираютъ—Вы не знаете, какъ солдаты стираютъ?—Господи, сколько разъ стирывала я такъ! Мы, французы, любимъ чистоту, и всегда чисты, не смотря на маленькій узелокъ.

Она казалась довольно веселою, и только, обращаясь иногда къ

Сидниону съ ея дружескими словами, голосъ дѣлался грустнымъ, и причину этого я понималъ только, когда веротился дядя.

Время, между тѣмъ, шло, и къ четыремъ часамъ начало смеркаться; все было готово къ отъѣзду, и мѣшкъ съ вещами Терезы вѣсилъ уже на стѣнѣ. Она сѣла за печкой, молча посадивъ меня къ себѣ на колѣни; Лизбета пошла въ кухню готовить ужинъ; никто изъ насъ не говорилъ ни слова; бѣдная мадамъ Тереза, вѣрно, думала о томъ, что ожидало ее на дорогѣ въ Майнцъ, среди своихъ товарищей по несчастью; она молчала, и я чувствовалъ на щекѣ своей ея тихое дыханіе.

Такъ прошло съ полчаса, и уже стало совершенно темно, когда дядя отворилъ дверь, спросивъ:

— Вы тутъ, мадамъ Тереза?

— Да, господинъ докторъ.

— Хорошо... короню... я навѣстилъ своихъ больныхъ... предупредилъ Коффеля, кротолова и старика Шмидта... все идетъ на ладъ, сегодня вечеромъ они придутъ сюда проститься.

Голосъ его былъ тверже прежняго. Онъ самъ пошелъ въ кухню за свѣчей, и по возвращеніи, увидавъ насъ вмѣстѣ, былъ этимъ, кажется, очень доволенъ.

— Фрицель ведетъ себя хорошо, сказалъ онъ. Теперь онъ лишится вашихъ превосходныхъ уроковъ, но я надѣюсь, что онъ будетъ теперь одинъ читать по французски, помня всегда, что человѣкъ приобретаетъ значеніе своими знаніями. Я на это надѣюсь.

Тутъ Тереза въ подробности показала ему свой дорожный мѣшокъ; она улыбалась, а дядя сказалъ:

— Что за счастливый характеръ у этихъ французовъ! Среди самыхъ сильныхъ бѣдствій они сохраняютъ свою врожденную веселость, отчаяніе ихъ никогда не продолжается долго. Вотъ что называю я самымъ лучшимъ, самымъ завиднымъ даромъ жизни.

Изъ всего этого дня, воспоминаніе о которомъ никогда не исчезнетъ изъ моей памяти, потому что въ этотъ день я въ первый разъ видѣлъ печаль любимыхъ мною людей, — изъ всего этого дня меня всего болѣе тронуло происшествіе, случившееся послѣ ужина, когда Тереза, тихо сядя за печкой, положивъ голову Сидниона себѣ на колѣни и задумчиво глядя въ глубь темной комнаты, вдругъ начала говорить:

— Господинъ докторъ, я вамъ такъ обязана... а между тѣмъ, мнѣ приходится еще обратиться къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, мадамъ Тереза?

— Хочу просить васъ оставить у себя моего бѣднаго Сидниона..

взять его на память обо мнѣ... Пусть она будетъ товарищемъ Фрицеля, какъ былъ мой, и избавится отъ новыхъ испытаній, которыя предстоятъ мнѣ, какъ плѣнной.

Когда она говорила это, сердце мое замерло и я весь задрожалъ отъ счастья и блаженства. Я сгорбился на своемъ низенькомъ стулѣ передъ кеткой, притащилъ Сципіона въ себѣ, запустилъ свои толстыя, красныя руки въ его густую шерсть и, въ волненьѣ смѣстѣ слова, облился слезами; мнѣ точно будто возвратили вдругъ всё земныя и небесныя блага, потерянные мною.

Дядя съ удивленіемъ глядѣлъ на меня; онъ, вѣроятно, понималъ, что я вытерпѣлъ, думая о необходимости разстаться съ Сципіономъ, потому что, вмѣсто того, чтобы замѣтить Терезѣ, что она принеситъ жертву,—онъ просто сказалъ:

— Принимаю, мадамъ Тереза, принимаю для Фрицеля, для того, чтобы онъ помнилъ, какъ вы любили его, чтобы не забывалъ, что въ минуту большого горя вы оставили ему въ знакъ привязанности вашей доброе, вѣрное животное, товарища не только своего, но и маленькаго Жана, вашего брата,—для того, чтобы онъ помнилъ и тоже любилъ.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Фрицель, что ты же благодарить мадамъ Терезу?

Тутъ я всталъ и, отъ слезъ не имѣя силъ говорить, бросился къ ней на шею; я не отходилъ болѣе отъ нея, а стоялъ около, положивъ руку ей на плечо, сквозь слезы смотрѣлъ на сдѣвшаго у ногъ нашихъ Сципіона и трогалъ его пальцами съ чувствомъ невыразимой радости.

Я долго не могъ успокоиться. Тереза, цѣлуя меня, говорила: «У этого мальчика доброе сердце, онъ скоро привязывается, это хорошо!» Это еще болѣе увеличило мои слезы. Она поправила волосы съ моего лба и видимо волновалась.

Послѣ ужина пришли Коффель, кротоловъ и старикъ Шмидтъ, серьезные и съ шапками подъ мышками; они выразили Терезѣ сожалѣніе свое о томъ, что она уѣзжаетъ, и негодованіе противъ негодя Рихтера, которому всё приписывали доносъ, такъ какъ онъ одинъ былъ способенъ на такую подлость.

Всѣ усѣлись вокругъ печи; сожалѣніе этихъ добрыхъ людей трогало Терезу, но, не смотря на то, она сохраняла свой твердый и рѣшительный характеръ.

— Друзья мои, сказала она, если бы смѣть быть усѣянъ розами и если бы всюду встрѣчались люди съ душою, сочувствующіе справедливости и истиннымъ правамъ, какая была бы заслуга

стоять за эти принципы? Право, не стоило бы и жить тогда! Намъ досталось на долю счастье жить во время великихъ переворотѣвъ, по крайней мѣрѣ, о насъ будутъ говорить, и существованіе наше не пройдетъ безъ пользы... Вы, можетъ быть, думаете, что насъ побѣдили? Ошибаетесь: вчера мы только отступили на шагъ, а завтра сдѣлаемъ двадцать впередъ. Что же касается меня, то я отправляюсь въ Майнцъ и, можетъ быть, пойду въ Пруссію подѣ конвоемъ солдатъ герцога Бургундскаго; но помните, что я говорю вамъ: республиканцы только на первомъ своемъ привалѣ, и я увѣрена, что не пройдетъ и года, какъ они придутъ и освободятъ меня.

Такъ говорила эта гордая женщина, улыбаясь и сверкая глазами. Видно было, что для нея не существовало бѣдствій, и каждый изъ присутствовавшихъ думалъ: «Если у этихъ безпаспортниковъ женщины такия, каковы же должны быть мужчины?»

Коффель блѣднѣлъ отъ удовольствія, слушая ее; кротоловъ подмигивалъ лядѣ и шопотомъ говорилъ:

— Все это знаю я давно, все это написано у меня въ книгѣ; надо, чтобы все это случилось... это написано!

Старикъ Шмидтъ, спросивъ позволеніе закуритъ трубку, выпускалъ клубъ за клубомъ дыма и говорилъ сквозь зубы:

— Какое несчастье, что мнѣ не двадцать лѣтъ, я пошелъ бы на службу къ этимъ людямъ! Вотъ что мнѣ надо было... Что помышало бы мнѣ сдѣлаться генераломъ, какъ всякому другому? Какое несчастье!

Наконецъ, когда пробило девять часовъ, дядя сказалъ:

— Ужъ поздно... надо уѣхать до свѣту... Я думаю, мы хорошо сдѣлаемъ, если передъ тѣмъ отдохнемъ.

Всѣ встали въ какомъ-то смущеніи и раздѣловались, какъ старые знакомые, обѣщая никогда не забывать другъ друга. Коффель и Шмидтъ вышли первые, кротоловъ же и дядя съ минуту говорили о чемъ-то на порогѣ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, вся земля казалась бѣлою; темно-синее небо горѣло мириадами звѣздъ. Тереза и я съ Сципіономъ вышли посмотреть [на эту великолѣпную картину, глядя на которую понимаешь мелочность и тщесавіе людскихъ поступковъ и поражаешься ея безконечнымъ величіемъ.

Потомъ ушелъ и кротоловъ, еще разъ пожавъ дядѣ руку; его было видно, точно днемъ, какъ онъ удалялся по улицѣ. На углу Крапивной улицы онъ скрылся, и такъ какъ холодъ былъ сильный, то мы вошли въ комнаты, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

На порогѣ моей комнаты дядя поцѣловалъ меня и, прижимая къ сердцу, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Фрицель... работай... работай... и веди себя хорошо, дитя мое! Онъ вошелъ къ себѣ въ сильномъ волненіи.

Я же только и думалъ о счастьи обладать Сципіономъ. Придя въ свою комнату, я положилъ его къ себѣ въ ноги, между перпной и деревомъ кровати; онъ улегся тамъ совершенно спокойно, положивъ голову между лапъ; я слышалъ, какъ отъ дыханія поднимались его ребра, и не промѣнялъ бы судьбы своей на судьбу любого германскаго короля.

Было десять часовъ, а я еще не могъ заснуть, мечтая о моемъ счастьи. Дядя ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ; я слышалъ, какъ онъ отворилъ конторку, затопилъ печку—въ первый разъ въ ту зиму.—Вѣрно онъ совсѣмъ не ляжетъ, подумалъ я, и съ этой мыслью самъ глубоко заснуть.

XVI.

На церковной башнѣ пробило девять часовъ, когда я проснулся отъ шума и бряканья оружія передъ нашимъ домомъ; лошади топали по замерзшей землѣ, у дверей нашихъ слышался разговоръ.

Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что это пріѣхали пруссаки за мадамъ Терезой, и я отъ всей души пожелалъ, чтобы дядя не оказался такой соней, какъ я. Черезъ двѣ минуты я уже сходилъ съ лѣстницы и въ дверяхъ сѣней увидалъ пять или шесть гусаровъ, закутанныхъ въ доломаны; большіе ножны ихъ сабель висѣли ниже стремянъ, а сабли они держали въ рукахъ. Офицеръ, маленький, худенькій, блондинъ съ впалыми щеками, съ розовыми скулами и большими рыжими усами, стоялъ поперекъ порога, верхомъ на большой вороной лошади, а Лизбета съ метлою въ рукахъ и перепуганная отвѣчала ему.

Нѣсколько поодаль стоялъ полукругомъ народъ, разинувъ ротъ и плясая другъ черезъ друга, желая разслушать разговоръ. Въ первомъ ряду стоялъ кротоловъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбавшійся Рихтеръ, прищуривъ глаза, какъ старая лисица на пирушкѣ. Онъ, вѣрно, пришелъ насладиться смущеніемъ дяди.

— Такъ вашъ хозяинъ и пѣвнница вмѣстѣ уѣхали сегодня поутру? говорилъ офицеръ.

— Да, господинъ командиръ, отвѣчала Лизбета.

— Въ кагоромъ часу?

— Около пяти или шестъ часовъ; послѣднѣй командиръ; еще было совсѣмъ темно, я сама прихвативъ фонарь на оглобли саней.

— Такъ васъ предупредили о мадамъ. прибѣдѣ? сказалъ офицеръ, бросанъ на нее проинтересный взглядъ.

Лизбета сморгала на кротолова, который отдѣливая отъ толпы и, нѣсколько не смутившись, отвѣтила за нее:

— Съ вашево позволенія, я видѣлъ доктора Лвова вчера вечеромъ, онъ мнѣ пріятель... Эта старушонка: ничего не знаетъ... Докторъ давно уже тяготился этой французской и хотѣлъ избавиться отъ нея, и когда увидѣлъ, что она въ состояніи перенести вѣду, онъ и воспользовался первымъ случаемъ.

— Да какъ же мы не встрѣтили ихъ по дорогѣ? вскричала пруссакъ, осматривая кротолова съ ногъ до головы.

— Да вы ѣхали по луговой дорогѣ, а доктора, вѣрно, ѣхали по горной, черезъ Вальдекъ; въ Кайзерлаутернъ идутъ нѣсколько дорогъ.

Офицеръ, не отвѣчая ни слова, соскочилъ съ лошади, вошелъ въ комнату, толкнулъ дверь въ кухню и сдѣлалъ видъ, что осматриваетъ все вокругъ; потомъ онъ вышелъ и сказалъ, садясь на лошадь:

— Дѣло наше сдѣлано, остальное насъ не касается.

Онъ направился къ «Золотой Кружкѣ», солдаты поѣхали за нимъ, а толпа разошлась, разсуждая объ этомъ странномъ происшествіи. Рихтеръ былъ сконфуженъ и точно оскорбленъ. Спикъ искоса смотрѣлъ на насъ; они вѣсть поднялись по лѣстницѣ жарчевни, а Сципионъ, стоявшій за нами на лѣстницѣ, высочилъ, и сталъ изъ всей мочи лаять.

Гусары подкрѣпились въ «Золотой Кружкѣ»; потомъ мы видѣли, какъ они проѣхали мимо насъ въ Кайзерлаутернъ, и затѣмъ объ нихъ болѣе ничего не слышали.

Мы съ Лизбетой думали, что дядя воротится въ ночь; но прошелъ день, другой, третій, а онъ не только не прибавалъ, но даже и не писалъ, и мы начали безпокоиться.

Сципионъ то сбѣгалъ внизъ, то прибѣгалъ опять наверхъ; онъ съ утра до ночи нѣхалъ пороги, призывая мадамъ Терезу, завывая и жалобно плача. Отчаянье его подбѣгивало и на насъ, въ голову намъ приходили тысячи несчастій.

Кротоловъ приходилъ каждый вечеръ навѣщать насъ и говорить намъ:

— Нѣтъ! ничего не можетъ быть, докторъ хотѣлъ похлопотать

о мадамъ Терезѣ, — не могъ же онъ отпустить ее съ плѣнни-ми, это было бы безразсудно; онъ, вѣрно, просилъ аудіенціи у фельд-маршала герцога Брауншвейгскаго, и старается помѣстить ее въ кайзерлаутернскій госпиталь... На всѣ эти хлопоты надо время... Успокойтесь, онъ воротится.

Таня слова нѣсколько оправляла насъ, тѣмъ болѣе, что крото-ловъ, казалось, нисколько не беспокоился; онъ курилъ свою трубоч-ку, сидя за печкой, протянувъ ноги и точно о чемъ-то мечтая.

Къ несчастью, лѣсной сторожъ Редихъ, жившій въ лѣсу по до-рогѣ въ Нирмазенсъ, гдѣ находились тогда французы, придя съ рапортомъ въ анштатскій приказъ, остановился на минуту въ кар-чевнѣ Спика и рассказывалъ, что три дня тому назадъ, около восми часовъ утра, дядя Яковъ проѣзжалъ съ мадамъ Терезой мимо лѣсной сторожки и даже останавливался въ ней погрѣться и вы-пить стаканъ вина. Онъ рассказывалъ тоже, что дядя казался со-вершенно веселымъ и что у него въ карманахъ въ шубѣ было два большихъ пистолета.

Тогда разнесся слухъ, что докторъ Яковъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Кайзерлаутернъ, свезъ плѣнную къ республиканцамъ, и такое извѣстіе произвело странное смятеніе; Рихтеръ и Спикъ всюду кричали, что его стоило бы разстрѣлять, что это мерзость и что слѣдовало бы конфисковать его имущество.

Кротоловъ и Коффель отвѣчали, что докторъ, вѣрно, сбился съ дороги по случаю сильныхъ снѣговъ, что онъ повернулъ на лѣво въ гору, вмѣсто того, чтобы повернуть на право; но всѣмъ было извѣстно, что дядя знакомъ съ мѣстностью лучше всякаго контра-бандиста, и негодованіе росло съ каждымъ днемъ.

Я не могъ высунуться на улицу, чтобы товарищи мои не кри-чали, что дядя Яковъ — яшобинець; мнѣ приходилось вступать въ бой, чтобы защищать его, и, не смотря на помощь Оциніона, я не разъ возвращался домой съ разбитымъ носомъ.

Лизбету приводили въ отчаянье въ особенности слухи о конфи-скаціи.

— Какое несчастье, говорила она, всплескивая руками: — какое несчастье быть принужденной въ мои годы оставить домъ, гдѣ я прожила полжизни!

Въ самомъ дѣлѣ это было печально. Одинъ кротоловъ оставался совершенно спокойнымъ.

— Вы съ ума сходите, охота же вамъ портить себѣ кровь, гово-рилъ онъ; — повторяю вамъ, что докторъ Яковъ здоровъ и что

ничто не будет конфисковано. Будьте покойны: ѣшьте, спите, а за остальное я отвѣчаю.

Онъ лукаво поднималъ глаза и заканчивалъ всегда такъ:

— Въ книгѣ моей говорится объ этомъ... Теперь все это осуществляется и все идетъ, какъ по маслу.

Не смотря на эти увѣренія, дѣло принимало все худшій оборотъ; деревенская сволочь, подстрекаемая негоднѣемъ Рихтеромъ, начала приходить кричать къ намъ подъ окна... Но вдругъ разъ утромъ все пришло, по прежнему, въ порядокъ. Къ вечеру явился кротоловъ; сѣлъ онъ, смѣясь, на свое обычное мѣсто и сказалъ Лизбетѣ, сидѣвшей за прялкой:

— Не кричать они больше, не хотятъ ужъ конфисковать, присмирѣли, не бось, хе-хе-хе!...

Больше онъ не сказалъ ничего, но ночью мы слышали, какъ проѣзжало множество телѣгъ, шли люди по большей улицѣ; суматоха казалась хуже, чѣмъ при появленіи республиканцевъ, потому что никто не останавливался: все шли... и шли!

Я не могъ ни на минуту заснуть,—Сципионъ безпрестанно ворчалъ. На разсвѣтѣ, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ еще съ десятокъ огромныхъ фуръ, набитыхъ ранеными, удалявшихся, покачиваясь. То были пруссаки. Потомъ проѣхало двѣ или три пушки, затѣмъ сотня гусаръ, драгунъ, кирасиръ, перемѣшанныхъ и въ безпорядкѣ, за ними шли пѣшкомъ кавалеристы съ сумками на плечахъ, покрытые грязью чуть не до затылка. Всѣ они казались утомленными, а между тѣмъ, не останавливались, не входили въ дома и шли безъ оглядки.

Деревенскіе жители, стоя у себя въ дверяхъ, мрачно смотрѣли на все это.

На Биркенвальдской горѣ вереница телѣгъ, зарядныхъ ящиковъ, кавалеріи и пѣхоты тянулась далеко за лѣсъ.

Послѣ мы узнали, что это была армія фельдмаршала герцога Брауншвейгскаго, отступавшая послѣ сраженія при Фрошвиллерѣ; она прошла черезъ деревню въ одну ночь. Это происходило съ 28 на 29 декабря,—я помню это такъ хорошо, потому что на слѣдующій день рано поутру кротоловъ и Коффель пришли къ намъ ужасно веселые; они получили письмо отъ дяди Якова, и, показывая его намъ, кротоловъ сказалъ:

— Хе-хе-хе! дѣло идетъ на ладъ... идетъ наладъ! Начинается царство справедливости и равенности... Слушайте-ка!

Онъ сѣлъ за нашъ столъ, растопыривъ локти. Я сталъ подлѣ него и читалъ черезъ его плечо; Лизбета, поблѣднѣвъ, какъ по-

любо, стояла сзади и слушала, а Коффель, прислонившись къ своему шкафу, стоялъ, улыбаясь и трепля себя за подбородокъ. Они уже проѣли письмо раза два-три, и протоковъ зналъ его почти наизусть.

Онъ сталъ читать намъ слѣдующее, иногда останавливаясь и съ восторгомъ глядя на насъ:

«Вейленбургъ 8-го нивоза года II французской республики.

«Гражданинъ протокову и Коффелю, гражданъ Лисбетъ, маленькому Францелю—привѣтъ и братство!

«Гражданка Тереза и я жаждемъ вамъ радости, согласія и благоденствія.

«Письмо это мы пишемъ вамъ изъ Вейленбурга посреди торжества побѣды: мы выгнали пруссаковъ изъ Фрошвиллера, и въ Гейсбергъ, какъ молнія, ударили на австрийцевъ.

«Такимъ образомъ, гордость и самонадѣянность достойно называются; когда люди не хотятъ слушать хорошихъ доводовъ, надо представлять имъ лучшіе, но ужасно прибѣгать къ такимъ крайностямъ, — да, ужасно!

«Любимые друзья мои, давно уже я страдаю въ душѣ, глядя на судьбу нашей древней Германіи. Все это приводитъ меня въ сильное смущеніе, потому что человекъ держится правилъ, вынужденныхъ ему его родителями, и такая внутренняя борьба не можетъ совершиться безъ сильной боли. Но, не смотря на это, я все еще колебался, до тѣхъ поръ, пока пруссаки, пренебрегая международными правами, не стали требовать жевщину, которую я принялъ; да, я не могъ выносить: вмѣсто того, чтобы везти мадамъ Терезу въ Кайзерлаутернъ, я, не медля, рѣшился проводить ее въ Пирмазенсъ, что мнѣ, съ божьей помощью, и удалось.

«Въ три часа по полудни мы были уже въ виду французскихъ аванпостовъ, а мадамъ Тереза, посмотрѣвъ и услышавъ изъ барабаннаго боя, воскликнула: «Это французы, господинъ докторъ, вы обманули меня!» Она бросилась ко мнѣ на шею, заливаясь слезами, да и самъ я отъ волненія заплакалъ.

«По всей дорогѣ, отъ «Трехъ Домовъ» до площади Новаго храма, солдаты кричали: «Вотъ гражданка Тереза!» Они шли за нами и, когда я выдвигалъ изъ саней, многіе изъ нихъ обняли меня действительно съ искреннимъ чувствомъ; другіе похлопали мнѣ руки, — однимъ словомъ, меня осыпали почетомъ.

«Не буду описывать вамъ, друзья мои, встрѣчу мадамъ Терезы и маленькаго Жана, — такихъ вещей нельзя описать! Всѣ самые ста-

рые солдаты батальона, даже командиръ Дюшенъ, человекъ вовсе не нѣжный,—отвертывались, чтобы скрыть слезы: я никогда въ жизни не видывалъ такой картины. Маленькій Жанъ—мальчикъ славный, онъ очень похожъ на моего милаго Фрицеля и я его очень полюбилъ.

«Въ этотъ же день въ Пирмазенсѣ случилось удивительное происшествіе. Республиканцы стояли лагеремъ вокругъ города; генералъ Гошъ объявилъ, что они тутъ останутся зимовать, и что надо строить балаганы. Но солдаты отказались, выразивъ желаніе жить въ домахъ. Тогда генералъ объявилъ, что всѣ, несогласовавшіеся строить, не пойдутъ въ битвы. Я самъ присутствовалъ при этомъ объявленіи, которое читалось каждой ротѣ, и видѣлъ, что Гошъ принужденъ былъ простить этимъ людямъ передъ дворцомъ принца, потому что они были въ страшномъ отчаяннн.

«Генералъ, услыхавъ, что какой-то докторъ привезъ изъ Аншта-та гражданку Терезу въ первый батальонъ второй бригады, приказалъ мнѣ явиться въ восемь часовъ въ павильонъ. Онъ сидѣлъ тамъ за простымъ сосновымъ столомъ, одѣтый, какъ какой нибудь простой капитанъ, съ двумя другими гражданами, конвенціонистами—какъ я узналъ послѣ,—Лакостомъ и Бода, длинными, худощавыми людьми, искоса смотрѣвшими на меня.—Генералъ всталъ встрѣтить меня,—онъ высокій брюнетъ съ желтыми глазами и проборомъ посрединѣ; остановившись передо мною, секунды двѣ смотрѣлъ онъ на меня. Я же, вспомнивъ, что этотъ молодой человекъ командуетъ мозельской арміей,—смутился; но онъ вдругъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Докторъ Вагнеръ, благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для гражданки Терезы,—вы человекъ съ душою.

«Потомъ онъ подвелъ меня къ столу, на которомъ лежала развернутая карта, и спросилъ нѣкоторыя подробности о странѣ; онъ спрашивалъ такъ ясно, что можно было подумать, что онъ знаетъ все это лучше меня. Разумѣется, я отвѣчалъ; два конвенціониста слушали молча. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «Докторъ Вагнеръ, я не могу предложить вамъ вступить на службу въ армію республики, ваша національность не допуститъ этого, но у первого батальона второй бригады погибъ батальонный докторъ, въ госпиталяхъ у насъ недостатокъ, и раненыхъ лечатъ молодые люди, поэтому я ввѣряю вамъ эту почетную должность: чувство человѣколюбія не имѣетъ отечества! Вотъ ваше назначеніе.» Онъ написалъ нѣсколько словъ, наклонившись къ столу, и, взявъ меня еще разъ

за руку, сказалъ: — «Докторъ, примите увѣреніе въ моемъ уваженіи!» Послѣ этого я вышелъ.

«На улицѣ меня ждала мадамъ Тереза, и можете себѣ представить, какъ обрадовалась она, услышавъ, что я буду начальникомъ госпиталя перваго батальона.

«Мы думали, что всѣ останемся въ Пирмазенсѣ до весны; постройка балагановъ уже началась, какъ вдругъ ночью слѣдующаго дня, часовъ въ десять, мы неожиданно получили приказъ выступить въ походъ, не туша огней, не дѣлая шума, безъ барабаннаго боя и звука трубъ. Весь Пирмазенсѣ спалъ. У меня были двѣ лошади, на одной я ѣхалъ самъ, а другую держалъ подъ устцы; я находился между офицерами, подлѣ командира Дюшена.

«Мы вышли, кто на лошади, кто пѣшкомъ; тутъ же между нами везли пушки и зарядные ящики, и телѣги; кавалерія ѣхала по бокамъ; не было ни мѣсяца, ни чего другого для указанія намъ пути. Только издали на поворотахъ кричали верховые: «сюда, сюда!» Къ одиннадцати часамъ показался мѣсяцъ, мы были среди горъ: всѣ вершины бѣлѣли отъ снѣга. Пѣшіе, съ ружьями на плечахъ, бѣгали, чтобы согрѣться; я самъ такъ окоченѣлъ, что раза два принужденъ былъ слѣзть съ лошади. Мадамъ Тереза въ своей таратайкѣ, покрытой сѣрымъ холстомъ, протягивала мнѣ фляжку, капитаны не медлили брать ее послѣ меня; солдатамъ, въ свою очередь, тоже доставалось.

«Мы все шли и шли, не останавливаясь, такъ что часамъ къ шести, когда блѣдное солнце нѣсколько освѣтило небо, мы были въ Лемсахѣ, на большой лѣсной горѣ Штейнфельца, за три четверти мили отъ Верта. Тогда со всѣхъ сторонъ раздалось: «Стой! . . . Стой! . . .» Всѣ шедшіе сзади подходили, и къ половинѣ седьмого вся армія собралась на долину, гдѣ солдаты начали варить супъ.

«Генераль Гошъ, котораго я видѣлъ, когда онъ проходилъ съ двумя высокими конвенціонистами, смѣялся и, казалось, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ вошелъ въ крайній домъ деревни, жители которой были удивлены, видя насъ въ такой часъ, какъ удивились аристократы при видѣ республиканцевъ.—Дома здѣсь такъ малы и такъ бѣдны, что пришлось вынести на улицу два стола, и что генераль держалъ совѣтъ съ своими офицерами подъ открытымъ небомъ, въ то время, какъ солдаты варили супъ изъ провіанта, привезеннаго съ собой.

«Эта остановка продолжалась только на время, чтобы поѣсть и снова пристегнуть ранцы. Потомъ нужно было опять идти, но уже въ большемъ порядкѣ.

«Въ восемь часовъ, выйдя изъ долины Рейхсгофенъ, мы увидѣли пруссаковъ, обнесенныхъ окопами, на высотахъ Фрейвиклера и Вертъ, — ихъ было болѣе двадцати тысячъ, и редуты ихъ возвышались одна надъ другою.

«Вся армія поняла тогда, что мы снѣдали такъ прѣти для того, чтобы выдать пруссаковъ однимъ, такъ какъ австрійцы были малъ за малъ, за шесть со стороны Моттера. Не смотря на это, не скрываетъ насъ, друзья мои, что являеть это такъ страшно неравнѣе между нами болѣе я глядѣть, тѣмъ невозможное казалось имъ выиграть сраженіе. Во-первыхъ, пруссаки были многочисленнѣе; во-вторыхъ, у нихъ были устройства защищенные оковы, за которыми видѣлись пушкаріи, наклонявшіеся жодѣ своихъ пушекъ и наблюдавшіе за нами, а ряды безчисленныхъ пѣхоты тинулись до самой горы.

«Французы, съ своимъ беззаботнымъ характеромъ, не замѣчали всего этого и были даже очень веселы. Въ слѣдствіе распространеннаго слуха, что генераль Гошъ обѣщалъ за каждое отбитое орудіе по шестисотъ франковъ, они снѣвились, надвигая шапки на бекрень, и смотрѣли на пушки, крича: «Приговорены! приговорены!» Страхъ брать, видя такую безнечность и слыша подобныя шумы.

«Мы же, то есть, госпиталь, всякіе экипажи, пустые ящики для перевозки раненыхъ, — мы остались сзади, и я долженъ признаться, что это доставило намъ истинное удовольствіе.

«Мадамъ Тереза стояла шаговъ за тридцать или за сорокъ передо мной; я спалъ жодѣ немъ съ обими своими помощниками, изъ которыхъ одинъ былъ мальчишкою въ аяквѣ въ Ландреси, а другой дѣвистою, изъ которые по доброй волѣ вошли въ хирургіи. Они уже довольно опытни, и еще немного прилежанія и работы — и изъ этихъ молодыхъ людей выйдетъ что нибудь. Мадамъ Тереза цѣловала тогда маленькаго Жана, побѣдившаго доронять свой батальонъ.

«Вся долина вправо и лѣво была полна кавалеріей, расположенной въ порядкѣ. Приѣхалъ генераль Гошъ; онъ самъ тотчасъ же выбралъ мѣсто для двухъ батарей на пригоркахъ Рейхсгофена, а пѣхота остановилась посреди долины.

«Послѣ вторичнаго совѣщанія, вся пѣхота построилась въ три колонны: одна пошла на лѣво, въ Ребаховое ущелье, двѣ другія — на укрѣпленія, съ ружьями на руку.

«Генераль Гошъ и нѣсколько офицеровъ помѣстившись на небольшомъ возвышеніи на лѣво отъ долины.

«Все, что послѣдовало за этимъ, до сихъ поръ представляется мнѣ какимъ-то сномъ. Въ ту минуту, когда колонны подходили къ го-

рѣ, раздался страшный трескъ, какъ-будто ужасный взрывъ, — все покрылась дымомъ: это пруссаки дали залпъ изъ своихъ батарей. Черезъ минуту дымъ нѣсколько разсѣялся и мы увидали французовъ уже выше на горѣ; они прибавляли шагу; бездна раненыхъ осталась за ними, нѣкоторые лежали ницъ лицомъ, другіе лежали, сплясь подняться.

«Пруссаки дали второй залпъ, послѣ котораго послышался страшный крикъ республиканцевъ: «Въ штыки!» И вся гора затрепетала, какъ груда угольевъ, въ которую ткнули ногой. Отъ насъ ничего не стало видно, потому что дымъ летѣлъ въ нашу сторону, и за четыре шага неслышно было голоса человѣческаго, такъ трещали, громили и кричали ружья, пушки и люди. По бокамъ, лошади нашей кавалеріи ржали и хотѣли бѣжать, животныя эти совершенно дикія, они любятъ опасность, и едва было возможно удержать ихъ.

«Отъ времени до времени въ дыму образовалось отверстіе и видѣлись республиканцы, бросавшіеся на частоколъ, какъ звѣри; одни прикладами старались разбить укрѣпленія, другіе отыскивали проходъ; начальники, верхомъ, со шпагою въ рукѣ, воодушевляли солдатъ, а съ другой стороны пруссаки били штыками и стрѣляли изъ ружей въ эту массу, или поднимали обѣими руками свои большіе прибойники и пми, какъ дубиною, убивали людей. Это было ужасно! Затѣмъ вѣтеръ все снова закрывалъ дымомъ, такъ что нельзя было знать, чѣмъ кончится дѣло.

«Генераль Гошъ посмалъ офицеровъ, одного вслѣдъ за другимъ, съ новыми приказаніями; они съ быстротою молніи неслись, какъ тѣни въ дыму. Битва продолжалась, и республиканцы начинали уже отступать, когда генераль самъ поскакалъ къ нимъ. Черезъ десять минутъ звуки марсельезы покрывали весь этотъ шумъ, и отступившіе шли снова въ атаку.

«Второй залпъ былъ еще страшнѣе перваго. Пушки гремѣли и опрокидывали вереницы людей. Республиканцы подвигались массою и посреди ихъ Гошъ. Наши батареи тоже стрѣляли въ пруссаковъ. Что произошло, когда французы еще разъ подступили къ частоколу—трудно описать. Если бы дѣдушка Адамъ былъ съ нами, онъ увидѣлъ бы то, что называется страшной битвой. Пруссаки показали тутъ, что они солдаты Фридриха Великаго, штыки противъ штыковъ отступали, и наступали то одни, то другіе.

«Но побѣда рѣшилась въ пользу республиканцевъ съ появленіемъ третьей колонны на высотѣ, влѣво отъ укрѣпленій; она обогнула Ресбахъ и выходила изъ лѣсу бѣглымъ шагомъ. Тогда поневолѣ пришлось уступить; пруссаки, тѣснимые съ двухъ сторонъ, подались

назадъ, оставивъ восемнадцать орудій, двадцать четыре зарядныхъ ящика и свои укрѣпленія, наполненные ранеными и убитыми. Они направились къ сторонѣ Верта, и наши драгуны и гусары, горѣвшіе нетерпѣніемъ, бросились наконецъ, нагнувшись впередъ, какъ пошатнувшаяся стѣна. Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что они взяли въ плѣнъ тысячу двѣсти человекъ и отбили шесть орудій.

«Вотъ, милые друзья мои, вотъ что зовется сраженіемъ при Вертѣ и Френшиллерѣ, извѣстіе о которомъ, вѣроятно, дошло до васъ уже теперь, пока я пишу вамъ, и которое всегда будетъ памятно.

«Между тѣмъ, на другой день послѣ побѣды армія двинулась впередъ. Черезъ четыре дня мы узнали, что конвенціонисты Лакостъ и Бодо, рѣшивъ, что соперничество Гоша и Пипегрю вредитъ интересамъ республики, предоставили начальство Гону одному, и что Гошъ, какъ начальникъ обѣихъ армій, мозельской и рейнской, не теряя ни минуты, воспользовался соединеніемъ армій и атаковалъ Вурмзера около Вейссенбурга, совершенно разбилъ его въ Гайсбергѣ, такъ что въ настоящую минуту пруссаки отступили къ Майнцу, австрійцы къ Гемерсгейму, и территория республики очищена отъ всѣхъ враговъ ея.

«Я нахожусь теперь въ Вейссенбургѣ и заваленъ работой; городъ занятъ мадамъ Терезою, маленькимъ Жаномъ и остатками 1-го батальона, а армія идетъ на Ландау, счастливое освобожденіе котораго всегда будетъ служить предметомъ удивленія будущихъ вѣговъ.

«Скоро-скоро, друзья мои, и мы пойдемъ за арміей, пройдемъ черезъ Анштатъ, увѣчанные лаврами побѣды, еще разъ прижмемъ васъ къ своей груди и вмѣстѣ съ вами порадуемся побѣдѣ, одержанной справедливостью и свободою.

«О великая независимость! Пусть любовь къ тебѣ зажжетъ въ сердцахъ нашихъ тотъ священный огонь, которымъ горѣли когда-то столько героевъ; образуй въ средѣ нашей похозя на нихъ полковнія, чтобы сердце каждаго гражданина трепетало при звукѣ твоего голоса; вдохнови сомнѣвающагося мудреца, доведи храбраго до геройскихъ поступковъ, чтобы святое братство соединило всѣ народы земли въ одно семейство.

«Съ этими желаніями и надеждами, добрая мадамъ Тереза, я и маленький Жанъ отъ души обнимаемъ васъ.

Львовъ Вагнеръ.

«P. S. Маленькій Жанъ проситъ друга своего Фрицеля позаботиться о Сципионѣ.»

Письмо дяди Львова страшно порадовало всѣхъ насъ, и можете

представить себя, съ какими потерями съ тѣмъ поръ ждали мы 1-й батальонъ.

Когда я думаю объ этомъ періодѣ моей жизни, оныя кажутся мнѣ какими-то праздниками; каждый день мы узнавали что-нибудь новое: послѣ занятія Вейсенбурга—снятіе осады Ландау, потомъ взятіе Лаутенбурга, потомъ Кайзерлаутерна и потомъ Шпейера, гдѣ французамъ досталась такая добыча, что Гойтъ перенесъ ее въ Ландау, чтобы вознаградить тамошнихъ жителей за потери.

Какъ прежде англійскіе жители кричали противъ насъ, такъ напротивъ, теперь они высказывали намъ почтеніе. Даже шель, разговора назначить Коффеля въ муниципальскій совѣтъ, а протопопа избрать бургомистромъ; почему было водить этотъ вопросъ—неизвестно, такъ какъ прежде это никогда никому и въ голову не приходило; но начиналъ распространяться слухъ, что мы опять будемъ французами, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Рихтеръ смраженъ, зная, что его ожидаютъ, а Юсіфъ Спинъ по показывался богѣ изъ своего балагана.

Каждый день обитатели Большой улицы смотрѣли на гору: не видно ли позавлеченія истинныхъ защитниковъ отечества; къ несчастью, большая часть ихъ шла по дорогѣ изъ Вейсенбурга въ Майнцъ, оставляя Анггаль влѣво въ горахъ; мимо же насъ проходили только отстававшіе, шедшіе напрямкомъ, перерѣзая Вургервальдъ. Это приводило насъ въ отчаяніе, и мы уже начинали думать, что нашъ батальонъ никогда не придетъ, какъ вдругъ разъ постъ обѣда протопопъ, запыхавшись, вбѣжалъ, крича:

— Вотъ они! это они!

Возвращаясь съ поля съ заступомъ на плечѣ, оныя издали увидѣли по дорогѣ множество солдатъ. Вся деревня уже знала эту новость, всѣ выбѣжали. Я же, задыхаясь отъ восторга, бросился на встрѣчу батальону, вмѣстѣ съ Гансомъ Аденомъ и Францомъ Сепелемъ, которыхъ встрѣтилъ дорогой. Солнце ярко свѣтило, снѣгъ таялъ, а изъ грязныхъ лужъ, когда въ нихъ наступали, разлетались брызги, какъ осколки лопнувшей бомбы; но на это мы не обращали вниманія и съ полнаго бѣжали въ припрыжку. Поля деревни, мужчины, женщины, дѣти бѣжали за нами, крича: «Идутъ!.. идутъ!..»—Мысли людскія странно измѣняются, — тогда, всѣ были поклонниками республики.

Приподнявшись на гору Биркенвальдъ, Гансъ Адонъ, Францъ Сепель и я, мы наконецъ увидели нашъ батальонъ, двпгавшійся посреди горы, съ мѣшками за спиною, съ ружьями на плечѣ; офицеры шли за ротами. Далѣе, на большомъ мосту тянулись телѣги. Все

это двигалось, посвистывая, болтая, какъ солдаты въ дорогѣ; одинъ останавливался закурить трубку, другой плечомъ поправлялъ мѣшокъ свой, раздавались визгливые голоса, хохотъ, потому что французы ужъ таковой народъ, когда они идутъ толпами, имъ необходимы рассказы и шуточки, чтобы поддержать веселое расположение духа.

Я въ этой толпѣ только и искалъ глазами дядю Якова и мадамъ Терезу, и черезъ нѣсколько времени увидалъ ихъ въ концѣ батальона. Дядя ѣхалъ позади верхомъ на Раппелѣ. Я съ трудомъ узналъ его, потому что на немъ была большая республиканская шляпа, платье съ красными отворотами и большая сабля съ желѣзными ножнами,—это его страшно измѣняло, онъ казался гораздо выше; но не смотря на то, я сейчасъ узналъ и его, и мадамъ Терезу въ ея телѣжкѣ, покрытой холстомъ, въ той же шляпѣ и въ томъ же шарфѣ; румянецъ игралъ у нея на щекахъ и глаза блестяли, дядя ѣхалъ рядомъ съ нею и они разговаривали.

Я узналъ тоже и маленькаго Жана, котораго видѣлъ только разъ въ жизни; поперегъ груди его шла широкая перевязь, въ которой продѣты были барабанныя палочки, рукава были покрыты галунами, а сабля болталась за ногами. Я узналъ и командира, и сержанта Лафлеша, и капитана, котораго водилъ на чердакъ, и всѣхъ солдатъ,—да, почти всѣхъ; мнѣ казалось, будто я въ большой семьѣ, и даже знамя, завернутое въ клеенку, доставляло мнѣ удовольствіе.

Я обогналъ всѣхъ—Гансъ Адень и Францъ Сепель выискали ужъ себѣ товарищей,—и, добѣжавъ шаговъ за тридцать отъ телѣжки, хотѣлъ ужъ закричать дядю, когда мадамъ Тереза, выглянувъ печально, закричала веселымъ голосомъ:

— Вотъ Сципіонъ!

Въ ту же минуту Сципіонъ, котораго я забылъ дома, прибѣжать грязный, запыхавшійся, и прыгнулъ въ телѣжку.

Жанъ тотчасъ же вскричалъ:

— Сципіонъ!

И Сципіонъ, раза три лизнувъ щоки мадамъ Терезы, соскочилъ на землю и сталъ прыгать вокругъ маленькаго Жана съ лаемъ, визгомъ и восторгомъ.

Весь батальонъ кричалъ ему:

— Сципіонъ, сюда!... Сципіонъ!... Сципіонъ!

Дядя увидалъ меня и протянулъ мнѣ съ лошади руку. Я ухватился за его ногу; онъ меня поднялъ и поцѣловалъ; я чувствовалъ, что онъ плачетъ, и это растрогало меня. Потомъ онъ подагъ меня

мадамъ Терезѣ, которая, притянувъ меня къ себѣ въ телѣжку, сказала:

— Здравствуй, Фрицель.

Она казалась довольною и цѣловала меня со слезами на глазахъ.

Почти вслѣдъ за этимъ пришли кротоловъ и Коффель и пожали руку дяди; потомъ подошли и другіе жители Анштадта и смѣшались съ солдатами, передававшими мужчинамъ свои мѣшки и ружья, чтобы нести ихъ съ торжествомъ, и кричавшими женщинамъ:

— Эй! толстая тетка!... красавица... сюда!... сюда!

Суматоха происходила страшная, всѣ здоровались, и изъ всей толпы мы съ маленькимъ Жаномъ казались самыми счастливыми.

— Поцѣлуй маленькаго Жана, крикнулъ мнѣ дядя.

— Поцѣлуй Фрицеля, говорила мадамъ Тереза своему брату.

Мы поцѣловались и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Онъ мнѣ нравится, крикнулъ маленькой Жанъ:—должно быть, добрый мальчикъ.

— Ты тоже мнѣ нравишься, сказалъ я ему, гордясь тѣмъ, что говорю по французски.

Мы пошли рука объ руку, а дядя и мадамъ Тереза улыбались другу другу.

Командиръ тоже протянулъ мнѣ руку, говоря:

— А, докторъ Вагнеръ, вотъ вашъ защитникъ.—Здоровъ ли ты, молодецъ?

— Здоровъ, командиръ.

— Слава Богу!

Такъ мы подошли къ крайнимъ домамъ деревни. Тутъ всѣ немного остановились, чтобы построиться въ порядокъ; маленький Жанъ прицѣпилъ свой барабанъ, и когда командиръ закричалъ: «Впередъ маршъ!»—барабаны забили.

Мы спустились по большой улицѣ, идя всѣ въ ногу и радуясь такому торжественному вступленію. Всѣ старики и старухи, которые не могли выйти, сидѣли у оконъ и показывали на дядю Якова, гордо выступавшаго за командиромъ между своими помощниками. Мнѣ особенно бросился въ глаза старикъ Шмидтъ въ дверяхъ своей лачужки; онъ выпрямлялъ свою высокую, сгорбленную фигуру и страшно смотрѣлъ на проходившій батальонъ.

На площади съ фонтаномъ командиръ крикнулъ: «Стой!»—Ружья составили въ козлы и всѣ разошлись, одни на право, другіе на лѣво; каждый гражданинъ хотѣлъ увести съ собой солдата, всѣмъ хотѣлось отпраздновать торжество республики единой и нераздѣльной; но французы съ улыбающимися лицами преимущественно отпавлялись за хорошенькими дѣвушками.

Командиръ, пошелъ съ нами. Старуха Лизбета стояла уже въ дверяхъ, поднявъ длинныя руки свои къ небу и восклицая:

— Ахъ! мадамъ Тереза... ахъ! господинъ докторъ...

Тутъ началось ожить радостныя возгласы и намеки поцѣлуи. Потомъ мы вошли и началось угощение окорокомъ, колбасами и лепешками, приправленное бѣлыми виномъ и старымъ бурбонскимъ. — за столомъ сидѣли Коффель, кротоловъ, командиръ, дядя, мадамъ Тереза, маленький Жанъ и я. — Можете себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ мы ѣли и какъ намъ было весело!

Весь этотъ день 1-й батальонъ оставался у насъ, потому пошелъ своей дорогой, потому что зимнія квартиры были назначены въ Гакматъ, за двѣ мили отъ Анштата. Дядя остался въ деревнѣ; онъ отложилъ въ сторону свою большую саблю и большую шляпу, но съ этого времени до самой весны не проходилъ дня, чтобы онъ не отправлялся по дорогѣ въ Гакматъ; онъ только и думалъ, что о Гакматѣ.

Отъ времени до времени въ гости къ намъ прѣзжали мадамъ Тереза съ маленькимъ Жаномъ; мы смѣялись, были счастливы и любили другъ друга.

Что же сказать мнѣ вамъ еще? — Весною, когда начинають ить жаворонки, намъ однажды сказали, что 1-й батальонъ отправляется въ Вандею. Тогда дядя, блѣдный, какъ мертвецъ, бросился въ коношню, сѣлъ на Раппеля и, забывъ надѣть фуражку, съ непокрытой головой поскакать во весь опоръ.

Что произошло въ Гакматѣ? — не знаю, но знаю, что на слѣдующій день дядя съ гордостью возвратился вмѣстѣ съ мадамъ Терезой и маленькимъ Жаномъ, что у насъ была свадьба, поцѣлун и веселье. Черезъ недѣлю прѣхалъ командиръ Дюшенъ со всѣми капитанами батальона. Въ этотъ день веселья было еще больше. Мадамъ Тереза и дядя отправились къ мэру въ сопровожденіи длинной вереницы веселыхъ гостей. Кротоловъ, назначенный по выбору мэромъ, омысанннй трехцѣпнымъ шарфомъ, ждалъ насъ тамъ. Онъ, во всеобщему удовольствію, вписалъ дядю и мадамъ Терезу въ толстую книгу, и съ тѣхъ поръ у маленькаго Жана явился отецъ, а у меня добрая мать, о которой я до сихъ поръ безъ слезъ не могу вспомнить.

У меня есть еще много кой-чего рассказать вамъ... но на этотъ разъ довольно. Если можно будетъ, я когда нибудь доскажу эту исторію, которая кончается, какъ и всѣ другія, — сѣдыми волосами и последнимъ прощаньемъ съ тѣми, кто намъ всѣхъ дороже въ жизни.

ДЕНЬ НУЖДЫ И СКУКИ.

Всю ночь лилъ дождь; рѣчка Лапа, около которой размѣстилась Лѣсковица—самая бѣдная слобода г. N, — раздулась и бурлила противъ своего обмкновенія. По временамъ слышно было, какъ въ шумѣвшую воду съ грохотомъ падали глыбы земли, которыя вода рвала на крутыхъ изгибахъ своихъ береговъ. По улицамъ слободки тоже шумѣла вода, и еще съ вечера долго шлялась заблудившаяся изъ города жорова; она громко звала, кто бы помогъ ей въ бѣдѣ, и съ мычаньемъ подходила то къ одному, то къ другому окошку маленькихъ хибарокъ, — но никто и не думалъ выручать ее: въ отчаяннѣ она шла дальше, останавливалась среди грязи и пускала свои вопли вдоль улицы, вытягивая впередъ голову и перекашивая скулы. А дождь ливнулъ-ливнулъ. Однообразно барабанило по крышамъ и шелкала подъ окнами, онъ незаметно убавлялъ и усыпилъ весь городъ и всю слободу; но утромъ въ щели и сердечки ставней билъ до таковой степени яркій и ослѣпительно-блестящій солнечный лучъ, что проснувшіеся снова жмурили озадаченные свѣтомъ глаза. На дворѣ звонко иѣлъ пѣтухъ, въ снѣгахъ весело кипѣлъ самоваръ и гдѣ-то вблизи раздавались особенно-звучные удары топора. Все это:—и самоваръ, и свѣтъ, и пѣтухъ,—почему-то рисовало свѣтлую, обновленную картину города и заставляло скорѣе бросать постель. Утро было свѣтлое, чудное; солнце особенно пристально смотрѣло на землю, словно удивляясь, какихъ чудесъ натворилъ нынѣшняя ночь; у одной избы, на краю слободки, оторвало водою уголь, и разсеазывали, что вмѣстѣ съ угломъ въ

воду ввалились солдатъ съ женой и ребятами; у торговых бань, съ заплывшими, позеленѣлыми стеклами, изъ воды торчали кривыя, покачнувшіяся сваи. Вообще было много бѣды, какихъ до сихъ поръ не испытываль городъ.

Городской житель, разставшійся съ постелью, шелъ бунать-ся; тамъ и сямъ блестѣли лужи; даже моря жидкой грязи участвовали въ общей картинѣ свѣтлаго утра, доставляя возможность солнцу отразиться на своей глянцевитой поверхности. Одно только сокрушало обывателя — это невозможность перебраться черезъ Лапу къ большой рѣкѣ, протекавшей вдали на лугу, — такъ какъ доска, занимающая мѣсто моста, по всей вѣроятности, снесена вчерашнимъ дождемъ. Доска дѣйствительно снесена, но на мутной и еще бурливой поверхности Лапы уже крутится, высоко поднявъ свой острый носъ, — душегубка... На другомъ концѣ лодки, противоположномъ носу и почти равнявшемся краями съ поверхностью воды, помѣщался двѣнадцатилѣтній мальчикъ еврей, робко владѣвшій какимъ-то кускомъ драни отъ крыши, вмѣсто весла; кое-какъ перевезъ онъ на ту сторону городского обывателя, получилъ отъ него тысячи ругательствъ и мѣдную монету въ придачу, и долго размышлялъ: какъ бы ему обойтись безъ того, чтобы душегубка не вертѣлась изъ стороны въ сторону и не пугала бы господъ? Медяки и тукманки постепенно перепали отъ перевозимыхъ господъ на долю Юдки, — п былъ Юдко счастливъ и веселъ, какъ было весело все кругомъ его. Это веселье доставилъ ему вчерашній проливень... Еще вчера вечеромъ, лежа въ хозяйскихъ сѣняхъ и съ головой кутаясь отъ тяжелыхъ капель, попадавшихъ ему въ лобъ, Юдко соображалъ всѣ событія, которыя могутъ быть послѣдствіями этого проливня, загодя зналъ судьбу моста и тутъ же радовался случаю, забросившему на берегъ старую душегубку: онъ будетъ, значить, завтра перевозить и заработаетъ деньги. — Юдко былъ круглый спрота. Жилъ онъ у одного еврея, поселившагося на Лѣсковицѣ и имѣвшаго въ городѣ подвалъ съ яблоками и апельсинами. Отецъ Юдки, вмѣстѣ съ матерью, отправился куда-то искать счастья — и вотъ уже три года объ нихъ ничего не слышно. Юдко не зналъ, живы ли его родители или нѣтъ, и продолжалъ изъ-за куска хлѣба работать на чужого человѣка. Цѣлые дни, съ утра до ночи, онъ бѣгалъ по городу съ хозяйскимъ тоза-

ромъ; цѣлые дни въ пустынныхъ улицахъ города звучалъ его звонкій голосокъ, выкрикавшій: «лимоны, апельсины!». За эту бѣготню, онъ билъ смѣть, получать старые обноски съ ховайскихъ плечъ и спать въ сѣняхъ, гдѣ въ противоположномъ углу номѣщался хозяйскій козелъ. Но Юдко жилъ и развивался подъ вліяніемъ окружающихъ людей; люди эти, находясь въ постоянной погонѣ за счастьемъ, нова стояли только при началѣ этого дальняго пути и говорили: «только денегъ, денегъ и больше ничего...» Это желаніе Юдко слышалъ чуть ли не съ дѣтства: и отецъ, и мать были постоянно въ помыхахъ—нажить копейку; постоянно хлопотали, какъ бы вернуться, поправиться. Вслѣдствіе этого, и игры Юдки не носили веселаго характера: чиновницкіе дѣти играютъ въ дорогу, ѣдутъ въ монастырь на богомолье, потому что папаша пятый годъ собирается поблагодарить Бога за его великія милости; Юдко играетъ въ отыскиваніе па улицѣ въ сору тряпокъ, старыхъ подошвъ, костей, потому что все это можетъ пригодиться. Топить въ домѣ печью, Юджина мать идетъ нескать щепокъ по городу,—и Юдка потомъ играетъ въ это отыскиваніе щепокъ. Однимъ словомъ, все окружающее Юдку терпѣло, труднолось и хотѣло выбиться изъ этой колеи, хотѣло денегъ; Юдко тоже труднолся, тоже хотѣлъ жить лучше и тоже старался всевозможными средствами залучить въ свой карманъ грошь-другой. На прошлой недѣлѣ нашелъ онъ на бульварѣ и продалъ—кольцо; вчера до костей промочилъ его дождь, однако онъ не особенно страдалъ, расчигывая на барыши, наніе можетъ доставить ему этотъ дождь утромъ.—Когда, послѣ своей работы, мальчуганъ вытаскивалъ дырявую душегубку снова на лугъ, за рубашкой его громко позвякивали мѣдяки, заставляли мальчика забывать и холоды, и голоды, и всѣ неудобства житейскія.

Хибара, которую занималъ Юджинъ хозяинъ, состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями съ землянымъ поломъ. Въ одной помѣщался хозяинъ и инюнокъ, а въ другой половинѣ, то есть, въ тѣсной и душной коморѣ, жили двѣ дѣвнцы. Тѣснотой комнаты дѣвнцы были недовольны—изко и тѣсно. Кромѣ того, иногда въ комнату дѣвнцы врывались солдатскія поросята, подъ броватю орало гусыня, пододвинутое въ лукошкѣ жидомъ, и тогда въ комнатѣ затѣвался насто-

ящій гвалтъ; дѣвицы и сами тосковали такимъ незаведнымъ жптьемъ...

Дѣвицы отъ скуки гадали на картахъ, и по прежнему утѣшителями ихъ были трефовые и бубновые короли, которые такъ радушно сулили имъ возвращеніе милаго и большой интересъ вокругъ него...

Позавтракавъ, Юдко тронулся въ путь; онъ былъ босикомъ; широкіе дерюжные штаны мокрыми хвостами трепали его по ногамъ; жидовская свита, съ взрослога человѣка, была подобрана вверхъ кушакомъ, отъ чего воротникъ, неастиегнутый у шеи, съѣзжалъ на спину; на головѣ, нечесанной, съ буграми, свалившимися на подобіе войлока, — торчала пилсовая, безъ подкладки, — шапка, смотря козырькомъ вверхъ; на локтяхъ висѣли двѣ большія плетенныя корзинки, побуда пустыя, и въ одной рукѣ была палочка, которой придется отмахиваться отъ собакъ. Бскарабавшись по узенькой и извиистой тропинкѣ на вершину вала, Юдко на мигу остановился. Съ самага дѣтства, прогулка по городу не производила на него пріятнаго впечатлѣнія: разъ былъ онъ здѣсь съ отцомъ, шель сзади его, посматривалъ на городскіи дома, — вдругъ встрѣтился какой-то человѣкъ и дернулъ его за високъ. — «За что?» запищалъ мальчишка. — «А за то!» отѣчалъ локонически встрѣтившійся человѣкъ. — Это случалось съ нимъ часто, случается и до сихъ поръ, потому что вражда, совершенно потерявшая смыслъ и переходящая изъ потомства въ потомство по преданію, не смѣетъ выказаться не въ чемъ, кромѣ возможности подгадить своему врагу. Какостить капитальнымъ образомъ и рады бы были, но на сторонѣ враговъ всѣ средства побѣдить матеріальнымъ образомъ. Эта потребнос ть гадить объяснися впоследствии, очень простыми причинами.

Юдко, зашелъ въ ближній хозяйскій подвалъ и, нагрузивъ свои корзинки, звонкимъ голосомъ кричалъ, идя по улицѣ: «апельсины, лимоны!»...

Между тѣмъ, обыватель ворогился съ купанья, напился чаю и ходилъ по комнатамъ, дожидаясь одиннадцати часовъ, чтобы

идти въ канцелярію. По временамъ только онъ переступалъ черезъ порогъ чайной комнаты и, держа руки съ платкомъ за спиной, спрашивалъ жену:

— Такъ ты говоришь, деньги-то видѣть,—что это?

— Слезы.

— Гм!.. Оно, пожалуй, что такъ... соображалъ мужъ и снова отпралялся гулять по комнатамъ. Останавливаясь у окна, онъ видѣлъ въ окно такую картину: заборъ, за заборомъ высоко росла крапива, а за крапивою валялось дубовое бревно.— Чиновникъ глубокомысленно старается обсудить всѣ эти предметы.

— Дубовое... рѣшаетъ онъ.

— Что мнѣ на двое, что ли, разорваться? кричить въ сосѣдней комнатѣ нянька, оглушенная воплями ребятъ, требующихъ чулковъ, башмаковъ, штановъ и пр.

— Ахъ, ребята избавовались!.. Хорошее бревешко!.. Кто это его припасъ? Не для воротъ ли? думалъ хозяинъ,— должно быть для воротъ...

— А то вотъ воду видѣть... провозносить жена, входя съ распушенной косою и приготавливаясь чесать голову.

— Что же?..

— Это совсѣмъ нехорошо...

— Гм!..

Супруга уходитъ...

— Да что вы, царица небесная! хоть минуточку бы замолчали... кричить нянька.

— Ахъ, надо ребятъ пороть.

Чиновникъ, сдѣлавшій кругъ по комнатѣ, останавливается у окна, и тотъ же видъ бревна снова заставляетъ его думать:

— А то и стулья, пожалуй... Стулья тоже можно...

Такое однообразіе, успѣвшее опротивѣть уже давнымъ-давно, заставляетъ чиновника поразвлечься на счетъ нашивки... Онъ входитъ въ женнину комнату, приближается къ шкафчику и, чтобы отвлечь подозрѣніе жены, гсворитъ:

— Такъ ты говоришь, воду-то видѣть,—что это?

— Ты хоть бы до палаты-то погодилъ...

— Велика важность—полрюмки...

— Важность не важность, а клевать носомъ будешь...

Чиновник опрокидываетъ въ себя рюмку и говоритъ:

— Ты думаешь, мнѣ и самому это очень приятно?

— Неприятно—не пей... Силой тебя потащутъ, что ли?

— Что-жъ такое? Захочу—брошу...

— И сдѣлай милость...

— И съ великимъ удовольствіемъ.

Чиновникъ медленно выступаетъ изъ комнаты.

— Только объ одномъ я молю Бога, говоритъ вслѣдъ жена....

— Захочу—и не буду... говоритъ мужъ изъ зала и, подходя опять къ окну, думаетъ: должно быть, на мебель...

Наконецъ голова его, утомленная такими долгими соображеніями, совершенно отказывается дѣйствовать, и чиновникъ хочетъ почему-то опять отправиться къ шкафу; но къ окну въ это время подходитъ слѣпая старуха. Голова ея обмотана множествомъ платковъ, сверху которыхъ надѣто что-то въ родѣ шляпки, отъ которой остался только остовъ проволоки; на глаза надѣтъ зеленый, изломанный зонтикъ.

— Не вижу ничего, говоритъ старуха, щупая тротуаръ и фундаментъ дома длинной палкой, которую она держитъ наравнѣ съ головой.

Старуха костлявой рукой обвела отворенную раму, пощупала подоконникъ и банку съ какимъ-то растеніемъ, и перфишительно спросила:

— Вы православные?

— Православные, старушка, православные... настоящіе...

— То-то... Часомъ жиды обижаютъ: ослѣпла, говоритъ, съ Богомъ-то со своимъ...

— Нехристи подыме...

Старуха подняла свои жертвые глаза и смотрѣла ими по направленію къ тому мѣсту, гдѣ слышался голосъ... Чиновникъ, нашедшій новый предметъ для размышленія, почти уже не свучалъ.

— Ничего не видишь?

— Ни точки ничаво... Десятый годъ... Пѣвчіе очень обижаютъ...

— Которые?

— Архирейскіе... Промонахъ Виталій говоритъ: ходи въ транезу—накормлю... Мнѣ гдѣ взять, — я и продаю... А пѣвчіе

миску у меня отнять... Я не вижу, лапаю рукой-то, ищу...
А они по рукѣ палкой ..

— Ссссс...

— Насмѣшники! Я полковница сама... Говорятъ: «не слѣ-
пая». Басомъ который поетъ—самый аспидъ настоящій: ручищи
страшные, а онъ меня въ глаза щелкать начнетъ... «Она не-
сляпая!» (старуха представляла, какъ говорить басъ). Тфу!
каторжные.

Старуха замолчала. Успокоившійся чиновникъ хотѣлъ по-
дать ей копѣчку, и уже шарилъ въ карманѣ, какъ та произ-
несла:

— Это у васъ баринъ-то померъ?... Я все поминаю...

— Пошла ты!.. Нигде тутъ не умиралъ.

Спокойное расположеніе духа чиновника сразу исчезло...

— Накличешь еще бѣды... Ворона!...

— О!... А я ему все: дай Богъ царство небесное ..

— Ну-ну!.. Вотъ вѣщунья... Ступай-ка...

Чиновникъ, хотѣлъ было затворять окно...

— Не дадите ли хоть на хлѣбъ чего?..

— Съ Богомъ, съ Богомъ.

— Хоть копѣчку...

— Съ Богомъ, — грозно возвышая голосъ, произнесъ чи-
новникъ.

— Христа ради!

— Пошла, чортова кукла, гаркнулъ чиновникъ такъ, что
старуха, почти въ ту же минуту, была уже среди улицы
п, не помня себя, работала старческими ногами, поднимая палку
вверхъ.

— Вотъ радости нанесла!... Слава Богу, чего добраго...
запыхавшись, бормоталъ взволнованный чиновникъ...

— Апельсины!.. раздалось подь окномъ...

— Пошелъ прочь!..

Юдко, котораго только-что прогнали въ одномъ окнѣ, рѣ-
шился показать свою физиономію въ другомъ и повторить:
«апельсины!». Чиновникъ опять закричалъ: прочь поди!...
Юдко опять показалъ свою физиономію въ третьемъ окнѣ и
снова сказалъ: «апельсины!» Раздраженный чиновникъ, котора-
го не оставляли мысли, навѣянная старухой, порѣшилъ сразу

отдѣлаться отъ навязчиваго продавца... «Погоди-жь!» думаль опъ, высовываясь въ окно..

— Эй! ты, поди-ка сюда...

Юдко подошелъ...

— Почему?

Юдко нагнулся къ корзинкѣ и началъ открывать тряпку, закрывавшую апельсины; въ это время чиновникъ впился ему обѣими руками въ картузь и, зацѣпивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волоса, со злостью началъ возить туда и сюда, ириговаривая:

— А это? а это? а это... а?...

Мимо шель какой-то кучерь, посланный въ аптеку; редная картина остановила его; онъ засучилъ одинъ рукавъ, поплевавъ въ кулакъ и не измѣняя серьезнаго выраженія въ лицѣ, началъ усердно сажать его въ Юдкину шею, пуская удары вертикально, сверху внизъ, и особенно налегая при этомъ на средній, круто-согнутый палець. Черезъ минуту Юдкина шапка очутилась на срединѣ улицы.

— Спасибо, братъ, говорилъ чиновникъ кучеру...

— Не стоить-съ, ваше благородіе; не будетъ ли чего на чаекъ съ вашей милости?..

Чиновникъ даль.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе! пронзесь кучерь, уходя.

— Что я сдѣлалъ? плачевно молилъ Юдко, поднимая съ земли шапку...

— Только пикни!...

При этомъ чиновникъ стучалъ пальцемъ въ подоконникъ...

Взволнованный этими обстоятельствами, чиновникъ, не опасаясь никакихъ косвенныхъ взглядовъ со стороны жены, прямо направился къ шкафу...

— За что ты жиди избилъ, спрашивала жена.

Глотая рюмку, мужъ соображалъ: за что же, въ самомъ дѣлѣ? Не сообразивъ этого, онъ рѣшился дать отвѣтъ такого рода:

— Какъ за что? Тебѣ и горя мало, что этотъ дьяволенокъ, можетъ быть... Христа продалъ...

— Онъ-то!..

— А ты какъ бы думала?.. По твоему, ихъ за это миловать? э-ге!..

Выйдя въ залу и остановившись у окна, чиновникъ созна-

ся втайнѣ, что въ христопродавствѣ Юдко невиновать, что собственно онъ, чиновникъ, поступилъ очень-очень посправедливо... Мысли его выросли на эту тему, но на глаза попалось бревно, и чиновникъ снова подумалъ.

— Должно быть, на мебель! Хорошее бревешко.

Въ такомъ родѣ было и остальное странствование Юдѣ по городу; но гѣреть было не время, и поэтому онъ, не останавливаясь, шелъ далѣе, и голосокъ его по прежнему звенѣлъ въ пустынныхъ улицахъ. На дворѣ, между тѣмъ, стоялъ полдень—самое скучное, невыносимое время провинціального дня:—мужья и отцы строчать въ канцеляріяхъ; жены и дочери не знаютъ, куда дѣться отъ тоски—дома. Было бы великое горе, если бы тѣ же обстоятельства, которыя породили эту тоску, не дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, утѣшенія жонамъ и дочерямъ, создавъ для нихъ особый типъ провинціального молодого человѣка: нѣчто среднее между свахой или салопницей и газетнымъ фельетономъ. Образование такого типа можно объяснить примѣромъ: кусокъ тѣста, стиснутый съ боковъ яблоками, образуетъ фигуру, вовсе непамятную яблокъ, а какую-то угловатую, съ острыми концами и впадинами. Точно такъ же и этотъ молодой человѣкъ; ни на кого изъ окружающихъ онъ не походитъ: въ немъ ни сонности, ни скуки, ни апатія нѣтъ,—а между тѣмъ, эти окружающіе и эта апатія произвели его на свѣтъ божій, безъ него смерть была бы лучшею мечтою бѣдныхъ провинціаловъ, заѣдаемыхъ буднями. Этотъ господинъ вездѣ нуженъ: плачетъ въ церкви ребенокъ,—онъ первый начнетъ его утѣшать, распуская и снова стягивая дамскій зонтикъ, слегка постукивая имъ о клиросъ; поэтому, даже тавія дѣти, которыя къ своимъ отцамъ не идутъ на руки, къ *дяденькѣ* идутъ охотно; дяденьку можно и за носъ хватить, и губы сгрести въ кучу, и за волосы дернуть—и все у него будетъ веселая улыбка, все уста его будутъ лепетать: *лаля*... Въ воскресенье онъ даже конфетку принесетъ. И что главное, возлагая на этого *дяденьку* порученія, въ родѣ: покликать лошадь, отыскать лакея, и пр. никто не можетъ рассчитывать на самомалѣйшую тѣнь неудовольствія съ его стороны: *дядя-лаля*, напротивъ, зувст-

вѣтъ, что это его обязанность, назначенная ему свыше, — от самого Господа. Поэтому, если послѣ благодарности за какойнибудь подвигъ, послѣ *мерси*, забудутъ объ его существованіи, — онъ не только не можетъ обижаться, что его опять вспомнить во время нужды, но напротивъ, долженъ самъ сторожить эту нужду и загодя соображать планъ своихъ дѣйствій. Для будней, для будничной пустоты и тоски нѣтъ лучше отвода, какъ этотъ *дяденька*. — Всталъ онъ утромъ, свѣтлый, несвучающій, и въ свѣтломъ парусинномъ пальто тронулся въ путь: попадались ему запертыя ставни и ярлычокъ съ надписью «продается», — онъ останавливался, читалъ, размышлялъ и, между тѣмъ, слушалъ въ то же время, какъ съ одной стороны двѣ бабы извѣщали другъ друга о падежѣ свиней и совѣтовали такія-то и такія средства; съ другой, тоже двѣ бабы толковали о господахъ, и одна рассказывала, какъ барыня ударила барина миской по головѣ. И о падежѣ, и о средствахъ, и миску примѣчала *дяденька*, и такимъ образомъ приобреталъ тотъ капиталъ, который составляетъ его жизнь и даетъ жизнь другимъ. Перебѣгая изъ дома въ домъ, онъ вездѣ разбрасывалъ въ публику приличные для размышленія вопросы, въ родѣ того: «отчего Гвоздевы домъ продаютъ? Ужь не ѣдутъ ли? То-то я видѣлъ, будто лошадей провели и т. д. Дядя такими вопросами и размышленіями будить уснувшій городъ, расшевеливаетъ спящее царство спящихъ мозговъ.

— Боже ты мой, Господи! произноситъ томно нѣкая особа женскаго пола, вышедшая изъ терпѣнья отъ криковъ Юди: — что этотъ жиденокъ зудитъ.

— А вотъ я его... сейчасъ, вскакивая, произноситъ дядя и исчезаетъ вонъ изъ комнаты.

— Федоръ! говорить онъ въ кухнѣ кучеру, возьми братъ водонось... Марья, ты тово... ты хоть полѣно, что ли.

— Зачѣмъ это вамъ, Михайло Семенычъ?

— А тутъ жиденка надо приструнить.

— Это можно-съ! вооружаясь водоносомъ, говоритъ кучеръ.

— Дай-ка мнѣ вонъ чепельникъ-то. — Ну, съ Богомъ.

— «Апельсины!» стонетъ подъ окнами Юдо.

— Тесс! командуешь дядя... за мной!.. Отворяй ворота.

На глазахъ стонущаго Юди, выступаетъ изъ воротъ полчище, вооруженное всякимъ оружіемъ.

— Вотъ онъ! произносить дядя.

Испуганный Юдко пускается бѣжать, ощутивъ на спинѣ паденіе вѣника.

— Ну, счастливъ твой Богъ, произносить вслѣдъ кучеръ, потрясая въ воздухѣ саженымъ водоносомъ.

Такимъ образомъ, здѣсь Юдко потерялъ уже вслѣдствіе деликатной услужливости дяди.

А полдень и безлюдье царили кругомъ въ полной силѣ. Среди улицы встрѣтились двое горожанъ и между ними произошелъ разговоръ такого рода: — Ну что, какъ? — Ничего... а вы? — Я-то?.. Что-жъ... Ничего... — Ну, прощайте!.. — Прощайте! — Далѣе встрѣтились еще двое и тоже хотѣли было что-то сказать другъ другу; даже начали уже шевелить губами, но, не придумавъ ничего, разошлись, махнувъ рукой... Проходя подъ растворенными окнами съ опущенною бѣлою сторой, Юдко слышалъ: «Господи! хоть бы пожаръ пли что нибудь!..» Вихри крутились на перекресткахъ; городскіе часы пробили часъ... Юдко завернулъ за уголъ и началъ стучать въ ворота, принадлежавшія дому купца Крупичетова. Купецъ Крупичетовъ, переселившись въ г. Н изъ Калуги, перетащилъ вмѣстѣ съ собою и свои калужскіе нравы: ворота съ тяжелымъ кольцомъ у калитки, лавка около воротъ для отдохновенія молодцовъ, канарейки въ залѣ, щекогъ которыхъ, вырываясь въ открытыя настѣжы окна, далеко раздавался по улицѣ; въ углахъ были большія кіоты въ золотѣ и проч. Дѣтокъ онъ воспитывалъ тоже по своему; пробовалъ было сына отдавать въ гимназію, но скоро взялъ оттуда, потому что и лѣтъ сынку было подъ двадцать, да и въ наукѣ ему было все равно, что судоходная рѣка, что сухоходная. Вся семья ходила по стрункѣ на глазахъ хозяина, а за глаза пробиралась тихомолкомъ въ театръ или, въ лицѣ мужскихъ представителей, бѣшевала на Лѣсковицѣ, въ жилищѣ Юджина хозяина Впрочемъ, при всемъ скрываньи своихъ мыслей, и дѣяній старшій сынокъ не особенно радовалъ родительское сердце. Не разъ по его спинѣ гулялъ желѣзный аршинъ, пущенный родитель-

своей рукою въ видѣ правоученія, но сынъ смирялся только тогда, когда находился въ рукахъ родительскихъ; если-жъ онъ видѣлъ, что родитель не имѣеть возможности вѣдѣться ему въ волосы, то выказывалъ самыя непокорныя свойства. Въ такихъ случаяхъ и отецъ принималъ исключительныя мѣры. Ни слова не говоря, поднималъ онъ съ земли полѣно и запускалъ въ сына; тотъ увертывался и, подкабывая на одной ногѣ, повторялъ: «А, да не попалъ.... А, да не попалъ»..

— Провались ты, анафема! рѣшалъ отецъ и шелъ въ покой...

Отлучившіеся изъ лавки домой объѣдать, прикащики толпились, отъ нечего дѣлать, на дворѣ, сверкая на солнцѣ жиронамастанными головами и любуясь продѣлками молодого Крупичетова, который на бѣгу хватался за перекладину въ каретномъ сараѣ и раскачивался, взмахивая ногами до потолка; или попросту ходилъ по двору колесомъ, причемъ то ноги, то растопыренныя руки, то всклокоченная голова его видны были даже съ улицы, черезъ заборъ, и заставляли прохожихъ развѣивать рты.

— Какъ вѣдь это онъ чудесно дѣлаетъ, Господь съ нимъ! трактовала жирная кухарка, высовывая голову изъ кухни.

— Да, мерзопонъ порядочный! присокупилъ одинъ изъ толпы прикащиковъ.

А барчукъ, какъ шаръ, катался по двору, испугавъ даже собаку, отличавшуюся своею примѣрною лютостью и непризнававшую ни своихъ, ни чужихъ, и находившую, что всѣ икры одинаково вкусны,—даже этотъ лютый звѣрь попятился въ конуру, греми цѣпью. Барчукъ зацѣпился ногами за перекладину воротъ каретнаго сарая, куда онъ хотѣлъ проникнуть, и сталъ... Стукъ въ ворота заставилъ на время прекратить игрища, изъ опасенія прихода *самого*. Всѣ притаили духъ отъ страха, и поэтому одно уже появленіе въ калиткѣ мизерной фигурки лиденка привело все общество въ негодованіе.

— А, другъ любезный, сказалъ кто-то изъ прикащиковъ, подкрадываясь на цыпочкахъ къ воротамъ и задвигая ихъ задвижкой. — Иванъ Ивановичъ, погалуйте-ка сюда.

Барчукъ, подошелъ къ прикащику; грудь его широко дышала, шапка была на затылкѣ, бѣлая прядь волосъ застила глаза. Упершись руками въ бока, онъ произнесъ:

— Ну?..

— Вотъ изволите видѣть, шепталъ прикащикъ, — такъ какъ, теперича, этотъ жиденокъ все-же Христа продалъ...

— Вѣрно!

— Стало быть, онъ, надо такъ считать, — врагъ нашъ.

— Вѣрно!

— То что же мы можемъ съ нимъ и сдѣлать? Какъ съ нимъ поступить?

— Какъ ни на есть подлѣе!

— Въ точку!... Кузьма! Егоръ! попридержите-ка парень-ка-то.

Кузьма и Егоръ, дюже дворники, устремилсь на Юдку.

— Бери за ноги! командовалъ барчукъ.

Юдко былъ блѣденъ и испуганными глазами молилъ пощадить его.

— Что я вамъ сдѣлалъ?

— Не-е-е-е... Крестъ ему написать на лбу... Они, нехристи-то, отъ него сейчасъ въ дребери...

— Пустите меня! а-а-ай..

— Ваввахъ! передразнилъ барчукъ, возбудивъ общій смѣхъ. Что съ нимъ возиться! — несите его братцы къ волчку... А волчокъ уже разинулъ пасть, захлебываясь отъ восторга. — Юдка ни живъ, ни мертвъ.

— Кусь, кусь его. Чужой! командовалъ барчукъ.

Юдко собралъ силы и закричалъ на весь дворъ... Барчукъ слегка прикрылъ ему ротъ: крикъ мгновенно замеръ.

— Сами идуть! возвѣстилъ кучеръ.

Какая-то исполнинская рука схватила Юдку за шиворотъ и увлекла за собою въ каменный входъ погреба. Все затихло. Самъ медленно прошелъ изъ воротъ къ крыльцу и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру. Какъ только баблукъ сапога его спрятался отъ глазъ струсившей толпы, толпа эта высыпала изъ своихъ засадъ, и та же могучая рука, которая втащила Юдку въ погребъ, быстро отнесла его къ воротамъ, поспѣшно отдернула задвижку и не менѣе энергично саданула въ шею, присовокупивъ: «на закуску». Толпа высыпала въ калитку, посмотреть, что будетъ дѣлать жиденокъ: ежели будетъ ре-вѣть, то можно и еще поразнообразить свои удовольствія, — до-гнать, выворотить корзину и пр. Но Юдко ограничился только единственнымъ жалкимъ вопросомъ:

— Что я вамъ сдѣлалъ?

Въ отвѣтъ онъ увидѣлъ оскаленные зубы враговъ.

— То-олько шкинн! пригрозилъ ему барчукъ, помахивая кулакомъ...

Скоро толпа скрылась за калиткой. Такимъ образомъ, Юдео и еще претерпѣль, — на этотъ разъ оттого, что вапалъ на господъ шутниковъ. Истомленный побоищами дня, онъ думалъ было гдѣ нибудь заснуть въ тѣни, но кто-то позвалъ его въ окно. Это былъ толстякъ, фигурой своей напоминавшій троянскую лошадь, во внутренности которой помѣстились полчища воиновъ. Толстякъ радъ былъ послѣ обѣда поразвлечься, и при появленіи жиденка сдѣлалъ ему такое предложеніе: или выпить два графина воды и получить двугривенный, или все-таки выпить два графина и получить въ шею. Беззащитная голова Юдки посоветовала ему взять лучше двугривенный, такъ какъ отъ двухъ графиновъ не уйдешь...

Голова кружилась у него, въ ухахъ шумѣло, усталыя ноги подкашивались... Юдео шель, повалился и заснулъ на солнечномъ припекѣ, позабывъ про свои корзины...

И снился Юдкѣ отецъ...

Это былъ типъ еврея, ни минуты неостававшагося безъ дѣла, неутомимо бѣгающаго, хватающагося за всевозможныя средства, которыя могутъ дать хлѣбъ.

Юдкѣ было всего только два года, когда онъ, его отецъ и мать выѣзжали изъ какого-то хутора, откуда начальство выгнало жида, твердо исполняя приказаніе: «въ случаѣ упорства, выкидывать всю жидовскую худобу въ окно на улицу». Выпнутый такимъ образомъ жидъ, успѣвши было здѣсь только расположиться, но еще недостигнувшій возможности быть сытымъ и кормить семью каждый день, перебирался теперь въ недалекой помѣщичій поселекъ, съ единственнымъ желаніемъ какъ нибудь промаячить на бѣломъ свѣтѣ и прокормить семью всѣми средствами, какія только попадутъ подъ руку. Никакимъ трудомъ, никакимъ случаемъ нажать копѣйку онъ пренебрегать не будетъ, потому что случаевъ этихъ немного, такъ какъ на

бѣломъ свѣтѣ есть люди хоть и сытые, а все-таки желающіе нажить деньги и, слѣдовательно, имѣющіе всякую возможность отбить хлѣбъ у человѣка — почти нищаго. Поэтому-то, если попадется ему какая нибудь возможность добывать хлѣбъ, онъ сдѣлаетъ все, что даетъ ему эта возможность; онъ будетъ вытягивать послѣднія жилы, потому что за брюхомъ не водится такихъ качествъ, какъ великодушіе, жертва и проч. Влѣдствіе этихъ неграціозныхъ позывовъ брюха, жидъ становится особнякомъ въ православномъ обществѣ, потому что долженъ эксплуатировать для своей выгоды тоже какую нибудь, хотя и ничтожную, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимую для православныхъ — потребность, отъ которой зависитъ все, которая нестрашна православному до тѣхъ поръ, пока жидъ не разовьется въ виду собственныхъ выгодъ; православный пойметъ, въ чемъ дѣло, когда будетъ уже въ рукахъ своей же прихоти-привычки, и жидъ — его врагъ, грабитель, разбойникъ.

Послѣ двухденной ѣзды, еврейское семейство приблизилось наконецъ къ помѣщичьему поселку; на небѣ собирался дождь, облака бѣжали быстро, вѣтеръ дулъ съ боку, вырывая изъ подъ копытъ лошади пыль, и бѣлыми колосами гнать ее по темной пашнѣ; вдали прозрачной, темно-желтой тучей поднимался песокъ; въ воздухѣ пахло сыростью, — и все это заставляло Юдкина отца торонить лошадь, чтобы загодя послѣть почевать въ деревню... Но вѣтеръ, съ силою нагибавшій вѣтви противъ деревенскихъ оконъ, заставлялъ запрягаться народъ въ своихъ избахъ и, пережидая непогоду, жечь страстныя свѣчи и творить молитвы. Поэтому, сколько ни стучался Юдкинъ отецъ, прося пустить почевать, никто не рѣшался пустить его, твердо вѣря, что ежели Господь захочетъ замечъ своей огненной стрѣлой чью нибудь крышу, то выберетъ такую, которая приютила общаго врага всего міра — жида. Пришлось на первый разъ почевать въ лѣсу. Перевернувъ телѣгу, Юдкинъ отецъ защитилъ ея отъ дождя сына и жену; а самъ, чтобы не проглядѣть лошадей — такъ какъ и въ грозу воровать можно, — ухитрился спать верхомъ, отъ чего ему часто приходилось падать на землю, пробовать лбомъ деревья и яци. — Послѣ такой мученической ночи, утро пришло съ тѣми же заботами: ѣсть, пить... Нужно было достать хоть немного денегъ, чтобы собраться съ мыслями: какъ ввязаться въ дѣло, да и въ какое еще дѣло. Но достать денегъ не было никакой

возможности: крестьяне твердо знали по своимъ сосѣдямъ, что житье еврея не оставляетъ ихъ въ барышахъ. Они могли пересчитать сотни примѣровъ, когда зажиточный крестьянинъ, у котораго жидъ по прїѣздѣ занималъ цѣлковый на обзаведеніе, — потомъ самъ попадалъ ему въ долги, сидѣлъ изъ-за жиды въ острогъ и пр. Все это заставляло смотрѣть весьма враждебно на новаго гостя, и положеніе Юдкина отца было бы очень плачевно, если бы помѣщикъ Сливка не узналъ объ его прибытіи. — Господинъ Сливка находился уже въ преклонныхъ лѣтахъ и съ давнихъ поръ чикуда не показывалъ носу, узнавая о томъ, что дѣлается по бѣлу-свѣту, только отъ погонщиковъ, шедшихъ съ обозами по большой дорогѣ за его садомъ. Позлѣ обѣда выходилъ онъ сюда полежать на травѣ и задавалъ погонщикамъ вопросы: нѣтъ ли гдѣ войны? И ежели есть такая, то кто побѣдилъ? Если побѣдили *наши*, то Сливка съ удовольствіемъ произносилъ: такъ ихъ, подлецовъ, хорошепьею! Этимъ ограничивался всѣ свѣдѣнія Сливки относительно отечества и цѣлаго міра. Единственная забота, сокрушавшая Сливку, была: выдать замужъ тридцати восьмилѣтнюю дочь, которая приносила ему каждый годъ большія хлопоты. Каждый годъ приходилось везти ее въ Кіевъ, будто бы на богомолье. Поэтому-то, появленіе жиды, какъ пронырливаго челоуѣка, могло выручить по мѣщика въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ непремѣнно будетъ знать не только, гдѣ какая война, кто побѣдилъ и проч. но и всевозможныя, самыя мельчайшія новости въ уѣздѣ и въ губерн. городѣ, а эти новости слаще даже извѣстія, что «наши побѣдили». Во-вторыхъ, жидъ, можетъ быть, поможетъ выпихнуть замужъ барышню, отыскавъ какогонибудь прапорщика, застрявшаго по уши въ долгахъ въ трактирномъ номерѣ, которому осталость или пулю въ лобъ забатить, или жепиться. Такимъ образомъ, Сливка могъ дѣлать два дѣла, и не показывая при этомъ носу даже на большую дорогу, и сидѣть сиднемъ. Вообще, Сливкѣ стоило большого труда сдвинуться съ мѣста; какъ-то, лѣтъ десять назадъ, онъ пробовалъ было проѣхать по полю, но на дорогѣ огонь выпалъ изъ трубки въ солому, валявшуюся въ тѣлѣгѣ; Сливка не замѣтилъ, какъ вѣтеръ раздулъ огонь, и вскорѣ всю тѣлѣгу, обхватило пламя. Лошади рванули; Сливка свалился на землю, а огненная колесница понеслась черезъ село, огненными языками стараясь лизнуть

соломенные крыши. Народъ кричалъ: «Змѣй! Змѣй!» и опрометью гнался за телѣгой; а Сливка, охая и хромая, пѣшкомъ возвращался домой. Таковъ неожиданный пассажъ вооружилъ его противъ какой бы то ни было отлучки изъ дому. А жидъ, своими услугами, вполне узаконялъ такое домохѣдство.— Въ этихъ соображеніяхъ, помѣщикъ объявляетъ жиду свое покровительство, даетъ денегъ, сколько нужно для того, чтобы нанять лачугу, и разрѣшаетъ брать въ долгъ вино на своей винокурнѣ. Это неожиданно ставитъ Юдкина отца въ самое благопріятное положеніе, и возможность существованія шинка миритъ его даже со всею мужескою частью поселка.— До появленія жида, крестьяне принуждены были, довольствоваться кабакомъ только по воскресеньямъ: въ этотъ день, весь помѣщичій поселокъ отправлялся къ обѣднѣ въ сосѣднее село, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, существовалъ и кабакъ... Такимъ образомъ, Юдкинъ отецъ понялъ, что на его сторонѣ—все; нужно только орудовать, чтобы устѣться въ поселкѣ попрочнѣе, чтобы рассчитывать на опредѣленную сумму дохода съ него и, по возможности, сдѣлать такъ, чтобы доходъ этотъ не прерывался. Въ пользу Юдкина отца, кромѣ общаго сочувствія, могутъ служить еще два, не менѣе надежныя, орудія, — во-первыхъ, общая крестьянская бѣдность, постоянная нужда въ деньгахъ, появляющихся только въ известную пору года, и лѣнь, тоже общая всемъ крестьянамъ. Пользуясь этими условіями, Юдкинъ отецъ началъ съ того, что отпускалъ вино въ долгъ, такъ какъ и самъ бралъ его. Такое самоотверженіе жида изумляетъ крестьянъ, и тутъ же заставляетъ дать себѣ честное слово расквитаться съ нимъ честь-честью, при первыхъ деньгахъ. Юдкинъ отецъ, между тѣмъ, употребляетъ въ дѣло другое средство поддержать въ народѣ это невольное чувство благодарности и, давая вино, не рѣшается даже самъ записывать крючки и кварталы. Для этого, въ темномъ углу избы, виситъ на веревкѣ кусокъ мѣлу; пьющій загребаешь его въ руки и, какъ только въ его желудокъ попадаетъ известная порція, проводитъ мѣломъ по стѣнѣ палку: одинъ крючокъ, еще одинъ и т. д. Пить идетъ, конечно, весь поселокъ, и поэтому въ непродолжительномъ времени также весь поселокъ и въ долгу у жида. Первые деньги и первая расплата—съ жидомъ: не отдавать жиду—совѣсть замучаетъ. Расплатившись, всякій выпьетъ

на радостяхъ, что и расплатиться ему пришлось; а продать въ городъ хорошо, — выхлестъ онъ уже вдвое больше, нежели въ обыкновенное время, и такимъ образомъ уйдетъ все-таки съ долгомъ на шею. Мало по малу мужицкое брюхо незаметно привыкаетъ къ ежедневнымъ порціямъ; мужицкія ноги особенно прытко ходитъ къ жидовскому шинку, — а долгъ растетъ и растетъ. Юдкинъ отецъ, вполне увѣренный и несомнѣвающійся, что вино его даромъ не пропадетъ, что пьющій непременно расквитается съ нимъ, старается извлечь выгоду и изъ этого положенія мужика. Отпуская въ долгъ водку онъ рѣшается вдать долгъ, только съ условіемъ, вмѣсто, напр., двухъ рублей, на которые забралъ мужикъ, отдать два съ четвертакомъ. Брюхо немедленно дѣлаетъ распоряженіе согласиться на это условіе жида. Скоро два рубля выростають въ четыре, и процентовъ за ожиданіе берется уже полтинникъ. Теперь жидъ уже и воръ, и подлецъ, и грабитель. А онъ радъ, счастливъ, благодаритъ Бога за такое житье, потому что эти люди, которые плачутся отъ него, сами отодвинули его отъ себя и заставили смотрѣть на себя исключительно въ интересахъ ассимиляции.

Другое орудіе, которымъ начинаетъ пользоваться жидъ, закрѣпостивъ въ свои руки животы цѣлой деревушки, — это общая лѣнь. Пользуется Юдкинъ отецъ этимъ народнымъ качествомъ такъ: везетъ мужикъ въ городъ продавать телянка; жидъ сейчасъ является съ предложеніемъ: вмѣсто того, чтобы ѣздить такую даль, да притомъ въ городъ, гдѣ ничего хитраго нѣтъ и въ острогъ невзначай влетѣть, да приплатить изъ своего кармана разные штрафы, которые начальство ухитрится выдумать, — вмѣсто всѣхъ этихъ неудобствъ, не лучше ли уступить ему? половину денегъ онъ отдастъ въ руки, а половина пойдетъ въ счетъ долга. Лѣнь и брюхо безусловно соглашаются, и телянокъ остается въ рукахъ жида. Нужно обмыть продажу, и вотъ идутъ къ нему же въ шинокъ, и долгъ мужика снова такой же, какъ былъ до продажи телянка, только телянокъ пропала за полцѣны. Такимъ образомъ, нуры, яйца, масло и пр., и пр., все это остается въ рукахъ жида; пятка яицъ и полфунта масла въ городъ никто не понесетъ, а жидъ купитъ за полцѣны. Всѣ эти продукты въ непродолжительномъ времени сбываются въ городъ

по выгоднымъ цѣнамъ, и ужь конечно безъ уступокъ. — Все-таки и здѣсь Юдкинъ отецъ увидалъ возможность сдѣлать новый оборотъ: платя хоть и полцѣны, онъ доставлялъ возможность крестьянамъ имѣть подъ рукою деньги, что давало имъ возможность брать водку на деньги же и должать меньше. Если бы Юдкинъ отецъ получалъ большой барышъ на винѣ, тогда платежъ на чистыя деньги былъ бы выгоденъ; но такъ какъ этого не было, то жидъ долженъ былъ прибѣгать къ хитрости: только впоследствии времени узнали, что мѣлъ, которымъ мужикъ записывалъ свой долгъ въ видѣ палки, былъ такъ устроенъ, что самъ собою выводитъ непременно двѣ палки, потому что былъ заостренъ въ двухъ мѣстахъ. Такая мѣра припята была Юдкинымъ отцомъ на случай разныхъ неудачъ; въ прошломъ было у него много бѣдъ, почему знать, что не будетъ ихъ и въ будущемъ? И только вотъ эта-то мѣра постоянно держала мужиковъ въ долгу по вину; поэтому, если бы за крючки платились чистыя деньги, то не могло бы вырасти такимъ чудеснымъ образомъ двойное количество крючковъ и квартъ, за которые мужикъ платилъ безпрекословно, такъ какъ жидъ, на изумленіе его, приводилъ доводъ: «самъ писалъ!» Мужикъ изумлялся, недоумѣвалъ и платилъ... Слѣдовательно, въ виду собственныхъ же выгодъ, пужно было обезсилить мужицкій карманъ. Для этого Юдкинъ отецъ, принимая за половинную цѣну курицу, масло и проч., предлагалъ, вмѣсто денегъ — соль, рыбу, которыя крестьянину тоже всегда были нужны .. И соль, и рыбу онъ не отдавалъ тоже безъ барыша. И выходитъ, что все, что только имѣлъ народъ, все это перешло въ руки Юдкина отца, и если что и осталось еще, — тоже несомнѣнно попадетъ въ тѣ же руки. Съ тоской и сердцемъ залѣзая въ долги, крестьяне надѣялись выпутаться изъ нихъ, во-первыхъ, при помощи божьей, а во-вторыхъ, — «авось какънибудь... Можетъ быть, сдѣлаютъ, что не будутъ такъ мучить обывательскихъ лошадей подъ разные проѣзды, тогда кони будутъ свободны и можно въ большой бѣдѣ отправиться въ городъ и возить кирпичи»... Проѣзжалъ какой-то баринъ, поклонился ему, — сказалъ «подумаю», да вотъ все что-то извѣстія не даетъ... А Юдкинъ отецъ, не задумываясь, дѣлалъ свое дѣло, потому что по прежнему мужицкія лошади были въ работѣ, по прежнему одолѣ-

вала мужика нужда, теперь вдвое усилившаяся, вследствие чего мужикъ тоже пилъ вдвое, потому что пилъ уже съ горя.

Вслѣдствіе такого рода дѣлъ, оказалось, что жидъ, вѣзжавшій въ деревню съ своими собственными штанами да иשרиной, — теперь живетъ паномъ, и въ сущности-то голова въ еѣ деревни. — Рохля, Юдкина мать, пять лѣтъ тому назадъ, въ этой же деревнѣ, ходившая въ тапихъ никада негодныхъ, заброшенныхъ трипкахъ, отличавшихся такою невыразимою ветошью и грязью, которую можетъ переносить только еврейское племл, — теперь уже послала на шеѣ цѣлое ожерелье имперьяловъ, ходила въ шелковыхъ платьяхъ, въ наколкахъ и шелковыхъ мантильяхъ, которыя не снимала даже и тогда, когда еѣ приходилось чистить рыбу или стирать бѣлье. Юдкинъ отецъ тоже щеголялъ въ какомъ-то чорномъ, глящовитомъ сюртукѣ до пятокъ и бархатной ермолкѣ на затылкѣ. — По такой системѣ дѣла Юдкина отца шли цѣлые пять лѣтъ. Но не вѣкъ же быть счастью. Женихъ, подысканный имъ для господской барышни, оказалъ въ первый же визитъ такіе грабительственныя и буйственныя наклонности, что помѣщикъ, какъ не радъ былъ спихнуть съ рукъ дочь, принужденъ былъ выгнать его вонъ. Уѣзжая, прокутившійся юнкеръ-женихъ обѣщалъ подпустить *краснаго птуха*. Разсерженный и обезпокоенный Сливка пожелалъ отомстить жиду за такого жениха, припомнилъ жалобы на него крестьянъ, про которыхъ онъ совсѣмъ забылъ, и, не выходя изъ комнаты, рѣшился прибѣгнуть къ закону и вытурить жиду. Законъ, долго не думая, вытурилъ его. Юдкинъ отецъ съ семьей тронулся опять въ путь, и такъ какъ ближе всего былъ г. N, то онъ и поѣхалъ сюда искать счастья. Но въ г. N и безъ того было много бѣдныхъ евреевъ; крайняя бѣдность евреевъ и не особенно-роскошное жительство православнаго населенія южно-русскаго г. N объясняются тѣмъ, что всѣ причины, которыя дали возможность осповаться этому городу и богатѣть когда-то, — теперь давнымъ-давно отжили свой вѣкъ. Отъ древней исторіи города уцѣлѣла одна безобразная колокольня, да случайно вырытая на городскомъ валу пушка. Пробовали было слегка возгордиться своими старинными трофеями, и съ этою цѣлью старались увѣрить себя, что и пушка, и колокольня—вещи драгоцѣнныя, что въ другихъ земляхъ около этакихъ драгоцѣнностей стоятъ часомъ съ

ружьями и никого близко не подпускаютъ. Съ этою дѣлю поручили учителю исторію разузнать, *какъ* сдѣланы на пушкѣхъ необъяснимыя нарѣзки. Учитель сказалъ: *воздемъ*. Поручили ему осмотрѣть колокольню, но колокольня обрушилась и задавила его. Тѣмъ напускаетъ любовь къ старинѣ и кончилась. О событіяхъ послѣднихъ годовъ, даже въ русскихъ географіяхъ, весьма явственно доказывающихъ, что у насъ не только ступить, но и плюнуть нельзя безъ того, чтобы не попасть на «особенно-замѣчательное мѣсто», — даже, говорю, въ такихъ географіяхъ, при описаніи г. N, сказано только: «также особенно-замѣчательнъ своимъ пожаромъ, бывшемъ въ 18... году, и истребившимъ городъ до тла». Городу N теперь остается только провалиться, чтобы вспомнили объ немъ. Титулъ губернскаго города силою тянетъ къ нему провинціи и силою заставляетъ жить здѣсь народъ; ибо существуютъ здѣсь палаты и присутствія, существуютъ и чиновники, начинающіе эти палаты. У чиновниковъ, въ свою очередь, существуютъ жены и дѣти: всѣмъ нужно пить, ѣсть, одѣваться, нужны зеленые воротнички для фраковъ, нужны креновины и шлейфы, ибо существуютъ гарнизонныя и иные офицеры, которые должны при случаѣ обрывать эти шлейфы и такимъ образомъ найдти возможность сказать: «пardonъ!» За удовлетвореніе этимъ потребностямъ базеннаго общества взялись, во-первыхъ, купцы, и то очень немногіе, пріѣхавшіе изъ великорусскихъ губерній; во-вторыхъ, — евреи. Купцы были съ капиталами, и потому сразу захватили самую выгодную часть торговли, причѣмъ все-таки не было возможности заняться какою нибудь спеціальностью: торгуя чаемъ, нужно было имѣть въ запасѣ и гвозди, и орѣхи. Евреямъ же пришлось перебиваться крупицами, непопавшими въ кругъ дѣятельности капитальныхъ торговцевъ. На долю ихъ выпало содержать шинки, шить сапоги, сюртуки и платья; но такъ какъ евреевъ явилось, какъ и всегда, вдвое или трое больше того, нежели сколько ихъ было нужно, то понятно, что весь ничтожный заработокъ, дѣлившійся на многочисленныхъ членовъ еврейской семьи, давалъ возможность только еле-еле просуществовать, и при этомъ все-таки не ограничиваться исключительно шитьемъ сапоговъ или сюртуковъ, а не пренебрегать никакъ возможностью зацѣпить денюгу на сторонѣ.

Городъ былъ запущенъ; городское управленіе псало средствъ улучшить свои суммы, хоть бы для того только, чтобы зажечь ночью два-три фонаря и такимъ образомъ сберечь ноги и лбы гражданъ; вслѣдствіе чего городская земля — единственное средство, которымъ могъ располагать пока городъ, — продавалась по цѣнѣ, недоступной для бѣднаго класса, и изъ евреевъ только та часть селилась въ городѣ, которая могла одолѣть или усиленную ведерную водочную торговлю, или вполне организованное мастерство; остальная, покупая съобща городское мѣсто, у подножія стариннаго вала, селилась здѣсь, отгораживая себѣ лоскутокъ землицы, на которой можно было бы поставить хатку въ два огня и хоть подобіе сарая или коровника. Такимъ образомъ, устроилась подгородная слободка Лѣсковица. Населяли ее тѣ же нищіе, только непротягивавшіе руки за даровой милостыней. Каждая копѣйка, откуда бы ни приходила въ ихъ руки, доставалась имъ трудомъ, каковъ бы этотъ трудъ ни былъ.

На даровое житіе рѣшалась только та часть этихъ бѣдняковъ, у которыхъ ноги отказались ходить, глаза видѣть и руки работать. И такіе безпомощные люди все-таки не были нищими побирושками; само еврейское общество не допускало ихъ до этого. Помощь бѣднягамъ стояла въ ряду нравственныхъ обязанностей еврея; вся Лѣсковица дѣлилась на кварталы, которые обязывались доставлять необходимое извѣстному количеству нищихъ. Кто могъ, несъ деньги, другой жертвовалъ хлѣбомъ, приносилъ въ пятницу свѣчи, рыбу и проч., и проч. Вслѣдствіе этого, побирושекъ-евреевъ встрѣтить рѣшительно невозможно. Юдкинъ отецъ хоть и поживился на счетъ цѣлой деревни, но все таки не считалъ себя на столько состоятельнымъ, чтобы поселиться въ городѣ; за то въ Лѣсковицѣ онъ сразу осилилъ шинокъ. Эта форма промышленности—самая удобная для еврея; шинокъ не требуетъ постоянного присутствія самого Юкина отца: налить водку и получить деньги можетъ и Юдко, которому теперь уже девятый годъ; а случится буйство, стоитъ закричать среди улицы караулъ, — добрые люди сбѣгутся, заступятся. А между тѣмъ, такъ какъ пьетъ всякій, а тѣмъ болѣе бѣднякъ, населяющій Лѣсковицу, то слѣдовательно, доходъ будетъ идти непрерывно, и такимъ образомъ, не пужаясь въ дневномъ пропитаніи, можно обдѣлывать дѣла

и на сторонѣ. И Юдкинъ отецъ искалъ и бѣгалъ за тапми дѣлами. Этого требовала оригинально-словившаяся жизнь еврея и особенный складъ городского быта, недопускавшій заниматься исключительно одной работой. Поэтому, Юдкинъ отецъ брался за все: цѣлые дни онъ бѣгалъ по городу и возвращался разъ двадцать домой, и опять бѣжалъ. Въ городъ пришла почтовая карета, — пассажиръ изъ окна спрашиваетъ: нельзя ли достать сахаръ?—Юдкинъ отецъ бѣжитъ въ лавку, достаетъ сахаръ и тутъ же съ барина наживаетъ вдвое. Прощаясь съ баринномъ, онъ идетъ съ боку бѣдущей кареты:—«беретись, задавлю!» кричитъ кучеръ. Юдкинъ отецъ, не успѣлъ посторониться; пристяжная толкнула его колѣпомъ, и жидъ покотился на землю; и въ то время, когда надъ его головой висѣло лошадиное копыто, во всемъ организмѣ жиды, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ ужасомъ, гнѣздилась мысль воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ выгодъ. Лошади стали, произошло общее замѣшательство, а жидъ уже кричалъ на всю улицу и собиралъ народъ. «Людей давить? Людей давить? кричалъ онъ; тащите его въ полицію!» Кучеръ хлесталъ по лошадямъ, а стая евреевъ, облѣпивъ лошадиныя морды, поворачивали ихъ назадъ. Толпа росла. Нетерпѣливый баринъ сунулъ обиженному бумажку, и карета покатила. Никакого подобнаго случая къ наживѣ Юдкинъ отецъ не пропускалъ. Кромѣ всякаго рода услугъ, онъ въ нѣкоторыхъ домахъ прослылъ, какъ коноваль: лечилъ коровъ, лошадей, избобрѣталъ особенныя болѣзни, въ родѣ *тадю и на языкъ*, и самъ только онъ могъ скалывать шиломъ эту гадюку. Операция эта поражала, главнымъ образомъ, своею загадливостью и обширными приготовлениями: корову связывали и валяли на земь, для чего сходились толпы народа, на подмогу; жидъ говорилъ какія-то слова, причемъ спрашивалъ: «не гудить ли гдѣ?» И въ эту пору, какъ нарочно, всѣмъ казалось, что въ верхинѣ, въ воздухѣ что-то ржетъ невидимо, и т. д. Подобными средствами росла популярность Юдкина отца. Даже Рохля прослыла лѣбаркою и имѣла особенный успѣхъ у женщинъ. Жепщина отъ чего лечится? или отъ *сердца* — когда любить, — или отъ *жизнота*, когда тяжелое подняла. Большинство женщинъ страдаетъ и тѣмъ, и другимъ. Рохля даетъ какія-то травы, и говорятъ, что трава помогаетъ.

Такъ устроивалъ отецъ Юдинъ свое счастье; послѣ столькихъ лѣтъ неугомонной суетни, оя наконецъ почти добился этого счастья: по субботамъ Рохли, въ цѣлныя наряды и полинялыя дорожныя кружева, оставшияся невыкупленными въ закладѣ, медленнымъ шагомъ прогуливался въ обществѣ зажиточныхъ евреевъ по бульвару; Юдко тоже былъ молодцомъ; отецъ его гулялъ уже съ такими евреями, которые начинали разживаться въ самомъ городѣ,—да и самъ оя въ эту пору тоже не отставалъ отъ нихъ.

Но среди такова тихаго пристанища, неожиданно и тихонько подкралась бѣда. Слобойно спалъ Юдко на маленькомъ сѣновалѣ; только все ему казалось, что кто-то форткой (калитка) хлопаетъ, и собака рвется къ воротамъ. Юдко открылъ глаза и обмеръ: во всѣ щели дравяной крыши смотрѣло красное, какъ кровь, небо: «пожаръ!» Собака лаяла—заливалась. Юдку колотила дрожь. На улицѣ по тротуарамъ, сломя голову, бѣжалъ народъ, слышались вопросы: «Гдѣ? Это за церковью!»—«Ахъ ты заступница!» Юдинъ отецъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и присутствіемъ духа не могъ похвалиться передъ сыномъ... А народъ просыпался и валить на пожаръ. Черные клубы дыма подсаживали другъ друга въ верху, и порой прорѣзывались снизу огненными языками. Въ церквяхъ звонили въ колокола: три ровныхъ и торопливыхъ удара въ колоколь слышались съ одной колокольни, вслѣдъ затѣмъ тоже три, совершенно другого тона,—съ другой, или въ одно время сразу съ двухъ. Этотъ тревожный звонъ особенно какъ-то трогаетъ нервы и заставляетъ бѣжать помогать, спасать... Гдѣ вѣковѣчная апатія города? Ее и слѣда нѣтъ... Этотъ соня, который цѣлые дни не знаетъ, куда дѣться отъ тоски и безсилія, съ растегнутымъ воротомъ таскаетъ руками обгорѣлыя доски, пронороль подошву гвоздемъ и не чувствуетъ боли въ жару хлопотъ. Впрочемъ большинство только смотреть.—«Какъ, братцы мои, забираетъ!» слышится среди толпы зрителей. Пожарная команда, или легчайшій способъ довести пожаръ до громадныхъ размѣровъ, исправно совершала свое дѣло, такъ что черезъ полчаса половина городскихъ деревянныхъ домнишекъ горѣла, какъ свѣчка. Въ Лѣвовицу изъ города доносились неясные вопли. Юдко, отецъ и мать тряслись у воротъ, рыдали и молили у Бога милости... Но милости

Богъ имъ не послалъ. Огонь и пожарная команда были за одно, и поэтому пожаръ возросталъ съ каждой минутой, приближаясь къ валу. По небу летѣли головешки, гонимыя поднявшимся предразсвѣтнымъ вѣтромъ, и, падая на гнилыя хибары Лѣсковицы, зажигали ихъ со всѣхъ концовъ. Этому помогъ пожаръ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Вѣтромъ вырвало изъ архива загорѣвшееся дѣло «о поджигателяхъ», и когда это дѣло упало въ средину Лѣсковицы, то не было уже никакой возможности остановить пожаръ. Листья дѣла, отрываемыя вѣтромъ, порхали по солому крышь и поджигали ихъ... Вопли, стоны неслись далеко къ небу... Огонь въ минуту съѣдалъ то, что было нажито годами труда, скорби, нужды... Спасая худобу, Юдкинъ отецъ оттаскивалъ свои перины и сундуки только къ дому сосѣда: но сгорѣлъ и этотъ домъ, а съ нимъ и все добро еврея. Къ утру все было кончено. По городу ходили толпы нищихъ. Жители, непогорѣвшіе и погорѣвшіе, толпились на пожарѣ; на этотъ разъ не скучали первые, потому что имѣли значительную тему для разговоровъ... Пожарная команда къ утру сообразила, какъ бы надо было ей дѣйствовать.

Юдкинъ отецъ взялъ съ собою сына и привелъ къ знакомому чиновнику; тотъ пилъ чай.

— Ну, прощайте, баринъ,—говорилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Куда ты?..

— Пойду! въ Одессу пойду или въ Крымъ!

— Что же это? Какъ же это ты такъ? бормоталъ чиновникъ, удивляясь, что при такомъ, по истинѣ горестномъ, происшествіи у него ибѣтъ и тѣни искренняго состраданія.—Мѣсто незнакомое.. Опять народъ.. Что тамъ будешь дѣлать?

— Богъ скажетъ..

Жидъ обтеръ потъ съ лица, на которомъ осталась несмытою, копоть.

— Гм!.. Оно такъ-то, такъ.. Да вѣдь все же.. Все сгорѣло?..

— Чисто все..

Жидъ поднялъ съ полу соринку, поднесъ ее къ чиновнику и сказалъ:

— Вотъ этакого не осталось.

Но здри раздувались у него, глаза хотѣли плакать, но онъ былъ твердъ..

— А сынишку-то съ собой?

— Нѣтъ..

— О! Что-жъ такъ?..

— У родни оствалю.. пусть свой ѣсть хлѣбъ... Со мной онъ, пожалуй, еще помретъ..

— Гм!

— Ну, прощайте..

— Выпей хоть рюмочку—все веселѣй.

— Дайте.. Теперъ водки выпью..

Чинovníкъ поднесъ ему рюмку водки и далъ кусокъ сахару на закуску. Отецъ отдалъ сахаръ Юдѣ..

— Марья! сказалъ чиновникъ: — поищи-ка тамъ подъ кроватью сапоги были.. все годится, чай..

Жидъ взялъ сапоги съ истоптанными каблукáми, поблагодарилъ, аккуратно сложилъ ихъ и, положивъ подъ мышку, сказалъ:

— Ну, теперъ прощайте совсѣмъ..

А самъ готовъ былъ разрыдаться...

— Что дѣлать!.. Видно такъ ужъ и быть.. Счастливо... Дай Богъ въ добрый часъ... авось Богъ...

— Пойдемъ!

Жидъ еще разъ взглянулъ на чиновника, хотѣлъ что-то связать, но горло было словно стиснуто, и одна горячая слеза вырвалась и покати́лась по щекѣ..

— А то остался бы.. а? крикнулъ чиновникъ.

Голова жидá мелькнула въ окнѣ; онъ не слышалъ и быстро пошелъ по тротуару.

— Ну, какъ хочешь!—Жена, вымой-ка рюмку хорошенько.. Захочу выпить, такъ послѣ жидá-то неловко..

Въ этотъ день вѣс погорѣвшіе ночевали за городомъ, между спасенными сундуками, узлами и проч; на небѣ были тучи.; дымъ вѣтеръ и, поднимая въ разныхъ мѣстахъ золу, ярче показывалъ тлѣвшія уголья... Въ эту ночь никто не спалъ.. Мертвая тишь царила надъ убитымъ народомъ, —только по временамъ слышались рыданья... Чуть забрежжило утро, отецъ Юдкинъ вскочилъ на ноги и поднялъ жену.

— Пойдемъ.. пора!. говорилъ онъ очень скоро и торопилъ

жену. Пока не жарко.. Прощай Юдко!.. Трудись.. Скоро придемъ..
Пойдемъ.. Пойдемъ..

И отецъ почти силою увелъ мать..

Юдко съ рыданьями бросился было догонять, но они были далеко...

Въ этотъ же день Юдко поступилъ къ хозяину продавать апельсины. Дѣсковаца нос-какъ начала изъ обгорѣлыхъ досокъ сколачивать свои домишки и черезъ дѣскольбо времени приняла прежній видъ..

...Открывъ глаза, Юдко увидалъ, что былъ уже поздній вечеръ. Небо свѣтлое; невыразимая свѣжесть и прелесть въ воздухѣ; однако они не произвели на Юдку никакого впечатлѣнiя, потому что вспомнился ему хозяинъ и непроданные апельсины. Онъ тотчасъ же вскочилъ и въ короткое время обѣжалъ двѣ-три, улицы. Никто не позвалъ его. Съ горестью и боязнью шелъ онъ по валу, размышляя, что и какъ отвѣтить хозяину... Вдругъ онъ услышалъ музыку, доносившуюся съ рѣки. «Господа гуляютъ, стало быть, можетъ и купить», сообразилъ Юдко спустился съ вала и побѣжалъ вдоль берега. — Посреди рѣки двигались двѣ лодки, нагруженныя дамами, кавалерами и музыкантами. Музыканты размѣстились и въ той, и въ другой лодкѣ, отъ чего происходило то, что иногда первая фигура кадрили раздѣжалась на двѣ половины, и чтобы вышла гармонiя, гребцы работали веслами, и первая половина музыки сходилась со второй; потомъ опять отставала на два такта. «Что вы, черти!» кричали имъ и т. д. Лодки наконецъ пристали къ берегу; публика размѣстилась на лугу, запылалъ костеръ, завязались горѣлки, хохотъ, смѣхъ и пр.

Юдко стоялъ на противоположномъ берегу и звалъ лодочника, посуливъ ему грошъ. Лодочникъ перевезъ; на этотъ разъ по-счастливилось Юдкѣ: господа купили у него два десятка апельсиновъ, и пока не подгуляли, не обращали на него вниманiя. Юдко спрятался въ кустъ и выходилъ съ своимъ товаромъ, когда было нужно. Публика долго гуляла здѣсь и отправилась восвояси поздно.. Юдко кой-какъ ухитрился тоже прицѣпиться на носу лодки.

Мѣсяць смотрѣлъ во всѣ глаза..

— Боже! какъ хорошо, восклицала дѣвица..

Кавалеръ только вздыхалъ, напитывая воздухъ винными парами...

— Отчего нѣтъ бун! томио сказала дама среднихъ лѣтъ.

— Это зачѣмъ?

— Тамъ больше чувства... волненіе... Я люблю бурю..

— Но что можетъ быть очаровательнѣе свѣтлой ночи?

— Да! подтвердилъ кто-то.. Тутъ какъ-бѣдо миряшься съ жизнью, забываешь враговъ...

Молодой человѣкъ подвѣлъ лицо къверху, закрылъ глаза и все влѣбе, и влѣбе тянулъ свой панегирикъ ночи...—Тутъ все такъ чисто.. прекрасно... благгорро... (монологъ мгновенно обрывается).—А гдѣ Жидъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ лодочникъ.

— А-га-га.. голубчикъ! радостно произноситъ восторженный юноша, вскакивая съ мѣста.—Выходи-ка сюда!.. Анна Николаевна! хотите, я для васъ окуну его въ рѣкъ?!

— Ахъ, зачѣмъ?...

— Вы думаете не окуну?

— Вовсе не думаю... Но зачѣмъ?

Молодой человѣкъ уже былъ около Юдки;

— Гдѣ ты тутъ?. Вылѣзай-ка!.. Ахъ ты, бикимора..

Это было сказано въ шутку, и поэтому компанія засмѣялась.. Въ ту же минуту раздался крикъ Юдки, и юноша тыкалъ уже его голову въ воду, отъ чего лодку начало пагубать на божь.

Дамы взвизгнули..

— Видите? сказалъ юноша, копчивъ операцію... Могу?

— Я не думала, что вы такой шалунъ!. произноситъ дама среднихъ лѣтъ.

— Что я вамъ сдѣлалъ? недоумѣвая, спрашивалъ Юдко.

— Только пикни!

Въ глубокую полночь возвратился Юдко домой и, размышляя о сегодняшнемъ днѣ, никакъ не могъ разрѣшить себѣ этого вопроса: «что онъ имъ сдѣлалъ такое? Выходилъ онъ изъ дому съ самымъ безобиднымъ для всѣхъ намѣреніемъ заработать себѣ хлѣбъ; ему давали этотъ хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бесплатно прогуливались на счетъ всего Юдкина тѣла. Виноватъ ли онъ, что однимъ было скучно, ѣла ихъ свинцо-

вая тоска, а его ѣла нужда, заставляя надоѣдать, усиливать еще болѣе чужую скуку постояннымъ конючаньемъ подъ окнами? Винавать-ли онъ, что другимъ хотѣлось шутить, третьимъ—рвать на комъ нибудь обозлившееся сердце? Почему же именно только на немъ да на всякомъ жидѣ, который не можетъ сдачи дать,—срываютъ зло и упражняются въ разныхъ шуткахъ?..

А обыватель, между тѣмъ, рѣшаетъ эти вопросы такъ:
— Ежели жида не бить, такъ кого-жь и бить-то?..

Свѣтитъ ярко мѣсяцъ, и мертвымъ спитъ измаявшійся жидокъ.

Завтра опять тоже...

Глѣбъ Успенскій.

19 марта, 1865 г.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гейне.

1.

Если ты имѣешь много,
Такъ тебѣ еще дадутъ,
Если мало, — такъ и это
Очень малое возьмутъ.

Если-жъ нищій ты, — въ могилу
Полѣзай и жизнь забудь: —
Жить лишь тотъ имѣеть право,
Кто имѣеть что нибудь.

2.

Богачамъ лишь плоской лестью,
Другъ мой, можно угодить,
Деньги плоски, оттого-то
Имъ и плоско надо льстить.

Предъ тельцами золотыми
Ползай ревностно въ пыли,
Въ лужахъ мерзостныхъ, — но только
Въ половину не хвали.

Нынче хлѣбъ ужасно дорогъ, —
Что-жъ! Ты громко воспѣвай
Псовъ любимыхъ мецената —
И желудокъ набивай!

И. Вейнбергъ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА ПОГОСТЪ.

У.

Трепетовъ въ первые дни чувствовалъ себя отлично. Онъ испытывалъ то сладкое ощущеніе внѣшней, мышечной свободы, какое испытываетъ арестантъ, окончившій срокъ своего тюремнаго заключенія, или солдатъ, воротившійся на родину и неуспѣвшій еще втянуться въ прелести казарменной жизни. Отсутствие всякой формы и дисциплины, жизнь не по командѣ, отсутствие начальническихъ фязіономій и насильственной педагогической опеки, — все это на первыхъ же порахъ сказалось Трепетову и доставляло ему истиннѣйшее наслажденіе. Онъ отдыхалъ, какъ отдыхаетъ ребенокъ, когда съ него снимутъ тѣсныя пеленки, и онъ сладко потягивается и нѣжить утомленные члены свои. Кругомъ лица пріятливыя, на которыхъ Трепетовъ съ малолѣтства привыкъ смотрѣть съ любовью; отецъ и мать непрерывно стараются угодить ему и предупреждаютъ его малѣйшія желанія; самая обстановка погоста имѣетъ для него обятельную предѣсть, потому что ежеминутно напоминаетъ ему о счастьи протекшаго дѣтства и томъ привольи, о которомъ, бывало, онъ такъ часто вспоминалъ въ семинаріи.

Мало что измѣнилось на погостѣ съ тѣхъ поръ, какъ Трепетовъ оставилъ его, точно погостъ прожилъ не три года, а какія нибудь

три недѣли; только старый пономарь, Иванъ Силычъ, отъ постоянного пьянства обрюзгъ и покраснѣлъ болѣе прежняго; у отца Никиты шире лысина стала, да на кладбищѣ прибавилось нѣсколько новыхъ крестовъ. Этотъ отецъ Никита въ томъ же положеніи сидитъ по вечерамъ на крыльцѣ своего дома и остритъ надъ прохожими, потѣшая самъ себя. Слезливая просвирина, Степанида Петровна, по прежнему сокрушается, что рѣдко видитъ во снѣ своего покойнаго мужа, и что поэтому ей ни въ чемъ удачи нѣтъ. Захарычъ по прежнему подобострастно улыбается при видѣ Трепетова и каждый разъ старается напомнить ему, какъ они, бывало, вмѣстѣ незрѣлую рябину ѣли, какъ воробья за чижя приняли, какъ тухлыхъ яицъ наравили и тому подобныя достопамятности дѣтства. Онъ уже завелъ крѣпкую дружбу съ пономарскимъ сынишкомъ и ему теперь повѣряетъ свои философскія воззрѣнія, какъ, бывало, повѣрялъ ихъ Трепетову. Женатый дьячокъ, Филимоновъ, все еще наигрываетъ на гитарѣ «помощникъ и покровитель», по нѣскольку разъ въ день расчесываетъ свою длинную бороду и все также искренно удивляется, что время очень скоро идетъ: «давно ли, кажется, женился, а ужъ лѣтъ пятнадцать, подикось, прошло», или: «давно ли всѣ маленькими были да въ рубашоккахъ бѣгали, а теперь, гляди, какіе стали» и проч.

— Экая борода-то у тебя, Филимонычъ, знатная; точно у Онуѣрія великаго,—говорилъ ему смѣясь Трепетовъ.

— Борода-то велика, да вотъ ума мало,—съ прискорбіемъ отвѣчалъ ему дьячокъ.

— А зачѣмъ тебѣ умъ-то, Филимонычъ? Вѣдь и безъ него жить можно?

— Такъ-то такъ, а все-таки не мѣшаетъ... Ума бы надо.

И это наивное желаніе онъ по прежнему откровенно высказываетъ каждому, кто только обращаетъ вниманіе на его длинную бороду.

Въ жизни стариковъ Трепетовыхъ тоже не произошло никакой перемѣны. Отецъ также цѣлые дни хлопочетъ около ульевъ, какъ хлопоталъ и десять лѣтъ тому назадъ, и также молчаливъ и серьезенъ, и все еще труситъ чего-то. Мать вѣчно озабочена то хлѣбамъ, то огородамъ, то коровами, дохнуть ей нѣкогда; по прежнему она постоянно потѣетъ и воюетъ съ мухами и комарами, которыхъ каждый годъ бываетъ у нихъ «страсть сколько!» Всѣ атрибуты

домашняго хозяйства сохраняли до сихъ поръ тотъ же домовный, степенный видъ, слишкомъ знакомый Николаю Васичичу: кажется, и пятнышка-то новаго на нихъ не прибавилось за это время; кажется, и тараканы-то тѣ же самыя по столамъ и стѣнамъ бѣгаютъ, которые бѣгали три года тому назадъ, и мать по прежнему сохраняетъ къ нимъ суевѣрное уваженіе, какъ предвѣстникамъ близкаго счастья.—«Эка благодать какая!» думалъ Трепетовъ, наслаждаясь созерцаніемъ этого приволья. — «Здѣсь даже и время-то вовсе не существуетъ, и оно какъ-будто падаетъ этотъ уголокъ. Шутка сказать: *три года*; сколько новаго успѣлъ я узнать и испытать за это время, а тутъ хоть бы что измѣнилось. Развѣ только вотъ ребята здѣшніе подросли немного и начинаютъ толковать объ училищной жизни, о чемъ прежде не толковали».

Замѣтилъ впрочемъ Трепетовъ на погостѣ одно *новое* лицо, котораго онъ прежде здѣсь не видалъ. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, невысокаго роста, довольно красивая, съ озабоченнымъ даже нѣсколько печальнымъ выраженіемъ на лицѣ. Она съ утра до вечера была въ хлопотахъ и бѣгала по погосту съ разными корзинами, лоханями и тряпками.

— Кто она такая? спросилъ Трепетовъ у родителей.

— А это Таня, двоюродная племянница отца Никиты, — отвѣтилъ ему отецъ. — Жила она прежде въ городѣ у отца у вдоваго, а потомъ позапрошлую зиму отецъ у ней померъ, и осталась она горькой сиротой, безъ куска хлѣба. Вотъ отецъ Никита и взялъ ее къ себѣ на даровые хлѣбы; доброе дѣло сдѣлалъ.

— Сперва, вишь, барышней жила, — прибавила мать: — работы никакой съ роду не видала; плачетъ бывало, а ничего въ руки взять не умѣетъ. Ну, теперь попривыкла — работаетъ. Дурочка она какая-то убогонькая, все молчитъ, слова отъ нея съ трудомъ добьешься. Никита Петровичъ иной разъ сгоряча даже и поколотитъ ее маленько, а она ничего, точно и не ее бьютъ. Странная какая-то.

— Крутенекъ съ ней дядя-то, надо правду сказать.

— А что ей въ зубы-то глядѣть! не дочь родная... Спасибо, что пріютилъ добрый человекъ нашелся, а то хоть по міру иди.

— Это конечно, что говорить; Никита Петровичъ доброе дѣло сдѣлалъ, — соглашался съ нею отецъ Василій.

«Эге, подумалъ Трепетовъ, значить не всѣ здѣсь благодѣшествоють», и очень ему захотѣлось познакомиться съ этой дуроч-

кой. Но она, какъ нарочно, избѣгала его знакомства: встрѣтится бывало съ нимъ, потупится въ землю и нарочитъ спрятаться куда нибудь подалше.

Такъ прошла незамѣтно цѣлая недѣля, а Николай Васильичъ и не думая приниматься за книги, хотя натащилъ ихъ съ собою многое множество. Да и какъ тутъ заниматься, когда жизнь идетъ до такой степени влвно и благодушно, обстановка такая убажывающая, что всякая посторонняя работа, особенно устлелная, кажется какичъ-то анахронизмомъ, и книга, вѣсто удовольствія, возбуждаетъ только одну зѣвоту. Съ утра до вечера день напичканъ напѣдомъ, или отдыхомъ отъ ѣды. Утромъ чай съ хлѣбомъ и полевыи работы, ровно въ полдень обѣдъ до отвалу, и послѣ него натура окончательно теряетъ всякую способность къ дѣятельности; весь погостъ дружно засыпаетъ часа на два, вслду воцаряется тишина, ну и Трепетовъ лежитъ себѣ пластъ-пластомъ на травѣ и чувствуетъ только одно: что солнышко его пріятно припекаетъ да вѣтеръ дуетъ въ лицо. Потомъ незамѣтно и вечеръ подойдет, и опять приходится хлѣбать чай или молоко съ хлѣбомъ, а тамъ, смотришь, ужъ и ужинъ подаютъ на столъ. Тѣло, утомленное усиленнымъ пищевареньемъ, опять проситъ отдыха, и въ девять часовъ вечера у всѣхъ, точно по командѣ, разѣваются рты и трещать челюсти отъ зѣвоты. И незамѣтно для самаго себя, увлечен Трепетовъ этой сытной жизнью, а работы его мачали откладываться со дня на день.

О намѣреніи Трепетова поступить въ университетъ еще никто не зналъ на погостѣ, кромѣ Маевского, который, по уговору, пона еще не разглашалъ этой тайны и только изподтишка подтрунивалъ надъ своимъ товарищемъ и его планами. Съ первыхъ же дней Николай Васильевичъ замѣтилъ, что родители давно уже порѣшили на счетъ дальнѣйшей его карьеры, и раза два даже пробовали заговаривать съ нимъ объ отрывающихся ваканціяхъ на ближайшихъ погостахъ и о невѣстахъ, имѣющихся въ наличности, намекая тѣмъ ошну, чтобы онъ заблаговременно приглядывался къ нимъ, ибо судьбѣ своей не избѣжишь. Эти разговоры дали ему понять, что говорить съ родителями не такъ легко, какъ это казалось ему сначала, что непременно выйдутъ тяжелыи цепи, начнутся упраиванья и слезы, разстроится картина семейнаго счастья. На этомъ основаніи Трепет-

товъ рѣшился отложить свое объясненіе на неопредѣленное время и выжидать болѣе удобнаго случая. Благо жилось хорошо.

— Вотъ ты и пойми теперь, что значить жить на погостѣ, — говорилъ однажды Маевскій, укладываясь на траву подлѣ своего пріятеля. — Ну могутъ ли залѣзть въ голову какія нибудь идеи, послѣ такой знатной ѣды? Тутъ только лежи да потягивайся; природа кругомъ чудесная, воздухъ такой, что не надышешься. А правое ли то какое! Поживешь эдакъ годокъ, другой, такъ и въ рай не надо.

— Да, кормятъ сытно, — отвѣтилъ Трепетовъ.

— Еще бы! Какъ посравнишь эту привольную жизнь съ городскою, такъ на городъ-то и глядѣть не захочется. Нѣтъ, братъ Трепетовъ, Богъ съ ними, съ этими «высшими идеями и потребностями», они только и могутъ въ городѣ появляться съ духоты да съ голоду. Пусть ихъ тамъ думаютъ за насъ, какъ хотять, пмъ на это и власть отъ Бога дана, и жалованье они за свои идеи получаютъ, а мы съ тобою, братъ, и здѣсь прожить съумѣемъ отлично.

— Я такъ и зналъ, что ты на это сведешь, — отвѣтилъ ему Трепетовъ. — Къ чему ты мнѣ на каждомъ шагѣ свои идеи тычешь? Просто говорить съ тобой нельзя!

— А къ тому, другъ любезный, чтобы ты образумился наконецъ, чтобы ты не гонялся за журавлемъ въ небѣ, ибо отъ добра — добра не ищутъ.

Трепетовъ начиналъ злиться.

— Слушай, Маевскій, — сказалъ онъ серьезно, — не толкуй ты о томъ, чего не понимаешь. Это тебѣ мой послѣдній сказъ. Ты самъ не ѣдалъ никогда ананасовъ, такъ тебѣ и непонятно, почему люди объ ананасахъ мечтаютъ. Не корми ты никогда кошку мясомъ, такъ она и хлѣбомъ сыта будетъ; а дай ей только разъ отвѣдать мяса, такъ она хлѣба вашего и въ ротъ не возьметъ. — развѣ только необходимость какая заставить. — Понялъ?

— Хитро сказано. А что если мы своимъ хлѣбомъ вполне довольны?

— Значить, у васъ натура другая стала, которая, пожалуй, мяса и не переваритъ.

— Ну-ка, въ чемъ ваше мясо, счастливый смертный?

— Не поймешь.

Маевскій продолжалъ улыбаться, но видно было, что и его злость собирала.

— Полно тебѣ бахвалиться-то! — заговорилъ наконецъ онъ съ жолчью. — Вѣдь я знаю, кто испортилъ-то тебя. Какой-то ссыльный фармазонъ наговорилъ ему три короба чуши, а онъ и уши развѣсилъ. Подумай, какое дѣло ты затѣваешь, чѣмъ ты родню-то свою отблагодарить хочешь за всѣ заботы? Я не родня тебѣ, а мнѣ вчужѣ жалко мать твою становится... Ты, братъ, на церковныя деньги воспитанъ, — долженъ и послужить церкви..

— Однако семинарія-то, какъ видно, тебѣ въ прокъ пошла; вбилъ, значить, въ тебя, что имъ вбить хотѣлось. А жаль, можетъ быть, и человѣкомъ былъ бы.

— А священникъ развѣ не человѣкъ? спросилъ Маевскій, окончательно озлившись. — Эхъ вы, фармазоны! Посмотримъ, какъ-то вы умирать будете. Смерть вѣдь не за плечами... Впрочемъ, что-жъ я говорю: время свое возьметъ. Ты, кажется, и теперь ужъ книжки-то свои въ сторону отложилъ. Богъ дастъ, и ряску надѣнешь. — А?

— Замолчи, пожалуйста, вскрикнулъ Трепетовъ, выведенный изъ терпѣнья, и проворно поднялся.

— Слушай, я завтра уѣзжаю и мы съ тобой не увидимся долго, — крикнулъ вслѣдъ ему Маевскій.

— Очень радъ, — отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, потому что Маевскій въ послѣднее время часто злпгъ его.

Этотъ разговоръ заставилъ Николая Васильевича призадуматься и обратиться къ своимъ погнутымъ книгамъ. — «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, вотъ ужъ цѣлая недѣля прошла, а я и не думаю заниматься. Экая, жизнь-то въ самомъ дѣлѣ замачивая: такъ и тянется ко сну да къ лѣни... Иѣтъ, пустяки, не поддамся, а то не увидишь, какъ и лѣто пройдетъ». — И Трепетовъ торопливо отправился на свою вышку, гдѣ онъ устроилъ себѣ временный кабинетъ.

На другой день Маевскій дѣйствительно уѣхалъ къ своему родственнику, верстъ за сто отъ погоста, а пономарь Иванъ Силычъ съ этой самой минуты началъ испытывать странное томительное безпокойство. Услыхалъ онъ отъ Маевского одну новостъ, которую тотъ просилъ его, до поры, до времени, не разглашать никому, а между тѣмъ, эта новостъ сосала его утробу и томгла ее своею тяжестью. Въ русскомъ человѣкѣ вообще, а въ жителяхъ погоста въ особенности, никакая тайна не можетъ долго оставаться тайной: такъ и хо-

чется выдать ее, и непремѣнно тому, кому особенно не слѣдовало бы знать этой тайны.. Долго крѣпился Иванъ Силычъ; наконецъ не вытерпѣлъ, и подъ вечеръ съ таинственнымъ видомъ пробрался въ горницу къ отцу Василию, молча поклонился «батюшкѣ и матушкѣ» и робко оглядѣлся.

— Николай Васильичъ не у себя? спросилъ онъ.

— Нѣту, а что?

— Хочу тайну одну сообщить, — произнесъ Иванъ Силычъ вполголоса и придвигаясь ближе къ отцу Василию. — Вамъ ничего не сказывалъ Николай Васильичъ на счетъ себя?

— Не говорилъ ничего. А что съ нимъ?...

— Конечно, все воля божья, только вы, батюшка и матушка, поберегите своего сына, а то уйдетъ онъ отъ васъ, не жилецъ онъ съ нами... вотъ что, — прошептала таинственно пономарь, утирая выступившій потъ.

Родители поблѣднѣли. У Екатерины Ивановны духъ занялся, и точно жилка какая внутри порвалась.

— Господи, что же это такое? — прошептала она въ ужасѣ.

— Онъ въ свѣтское званіе хочетъ поступить, вотъ что — продолжалъ пономарь, очень довольный тѣмъ, что ему первому удалось сообщить новость. — Для того онъ и книги привезъ съ собой, чтобы по свѣтскому выучиться и потомъ въ академію наукъ поступить. Мнѣ это и емянникъ сказывалъ.

— Чего-жъ онъ тамъ не видалъ въ свѣтскихъ-то?... Да неужто такъ и будетъ? Гдѣ онъ, мой голубчикъ? заговорила Катерина Ивановна, торопливо вставая.

— Молчи, мать, мы все это обсудимъ потомъ, замѣтилъ ей внушительно отецъ Василій. — Сказывай, Силычъ, какъ было дѣло?

— Что-жъ сказывать? Все тутъ сказано. Известно, въ городѣ живши, вслѣкіе люди бывають, — ну, и ему, значить, наговорили всего... Вы только глядите въ оба.

— Не даромъ я sny-то страшные вижу все...

— Молчи, мать... А тебѣ, Силычъ, спасибо за дружбу. Я тебя самъ всегда выручалъ... поминишь, при благочинномъ-то? Не хочешь ли рюмочку выпить?

— Я это весьма цѣню-сь, и дай Богъ ему... Я отъ чистаго сердца.

Отецъ Василій налилъ Ивану Силычу рюмку настойки и слово-

охотливый пономарь пустился въ подробности; разсказывал разные ужасы о свѣтскомъ званіи. Выпивъ вторую рюмку, онъ круто перешелъ въ богословскіе вопросы. Неизвѣстно, до чего договорился бы Силычъ, если бы въ комнату не вошелъ Николай Васильичъ. Разсказчикъ сразу стихъ и все общество пришло въ замѣшательство.

— Такъ это ты о провидѣніи толкуешь, Силычъ? провнесъ отецъ Василій, стараясь показать сыну, что они просто учеными-разговорами съ Силычемъ занимаются.

— Все о провидѣніи... — отвѣтилъ пономарь, нароя, какъ бы удобнѣе ускользнуть; и дѣйствительно, увидя удобную минуту, ловко скрылся за дверью.

Неступило тяжелое молчанье. Отецъ началъ ходить по комнатѣ и глаза его торопливо перебѣгали съ предмета на предметъ, стараясь не встрѣтиться съ глазами сына. Мать вздыхала.

— Что такое у васъ случилось? спросилъ Николай Васильичъ, замѣтивъ, что родители его не въ своей тарелкѣ: — умеръ, что ли, родственникъ какой?

— Нѣтъ, слава Богу... мы ничего, отвѣтилъ отецъ.

— Ты, вотъ, связываютъ... въ свѣтскіе хочешь... провнесла мать чуть слышно и не смотря на сына.

Трепетовъ понялъ, въ чемъ дѣло и въ душѣ проклиналъ Мисаю.

— Это, вѣрно, Силычъ вамъ насмѣивалъ? спросилъ онъ.

— Онъ, родной; да вѣдь онъ и вретъ часто съ перепоя... заговорила Катерина Ивановна, обрадовавшись своему предположенію. Потомъ она подошла къ сыну и умильно поглядѣла на него.

— Скажи, Никола, правда это, или нѣтъ?..

Николаю Васильичу становилось не по себѣ; онъ предчувствовалъ тяжелую сцену.

— Вотъ что, матушка, сказалъ онъ, овладѣвъ собою: — мы объ этомъ когда нибудь послѣ потолкуемъ; а теперь дай-на мнѣ поужинать. Есть что-то хочется.

— Это вѣрно, — подхватилъ отецъ, очень довольный тѣмъ, что тяжелое объясненіе отлагается: — Напрывай-ка, мать, ужинать. Утро гечера мудренѣе.

За ужиномъ, однако, плохо ѣла семья. Отецъ Василій, чтобы развлечь общество, началъ было разсказывать анекдоты изъ своей училищной жизни, но анекдоты не клеились, хотя разсказчикъ и

старался смѣяться больше всѣхъ. Смѣхъ выходилъ искусственный; всѣхъ томила одна затаенная недосказанная мысль, которую выгнать изъ головы хотѣлось бы; всѣ сознавали, что прежняя безпечность и спокойствіе уже не воротятся скоро,—исчезли куда-то. Даже маленькія сестры Трепетова и тѣ замѣтили общее уныніе и приуныли сами. Николай Васильичъ былъ видимо не въ духѣ; онъ постоянно чувствовалъ на себѣ тревожный взглядъ матери, и этотъ взглядъ жегъ его, потому что онъ понималъ его значеніе. Послѣ ужина онъ сейчасъ же ушелъ въ свой мезонинъ. Общество тоже молча разошлось и механически стало укладываться спать.

Крѣпко задумался бѣдный отецъ Василій, завалившись на свою постель. До сихъ поръ ему и въ голову никогда не приходило, чтобы сынъ его могъ изиѣнить отцовской дорогѣ, и потому это неожиданное извѣстіе совершенно озадачило старика и поставило его въ тупикъ. — «Что-жъ это такое? какъ же это?» твердилъ про себя отецъ Василій, стараясь объяснить возможность подобнаго факта; но не придумалъ онъ ничего, и только чувствовалъ жгучую боль въ головѣ своей, давно уже отвыкшей отъ напряженныхъ работъ. — Смутное и нехорошее понятіе имѣлъ онъ о свѣтской жизни вообще, и судилъ объ ней только по тѣмъ немногимъ фактамъ изъ чиновничьяго быта, которые ему приходилось видѣть мимоходомъ въ городѣ или слышать отъ своихъ знакомыхъ. Зналъ онъ только, что тамъ живутъ разные чиновники, которые съ утра до ночи корпятъ надъ бумагами, что жалованье у нихъ очень маленькое, а доходовъ меньше, чѣмъ здѣсь, что тамъ и одежда другая, и интересы совсѣмъ не тѣ. И не могъ понять бѣдный старикъ, чѣмъ эта жизнь лучше отцовской и чѣмъ могла она заманить Николая Васильича? Страшно наконецъ стало ему за своего сына, точно онъ отправлялъ его въ кругосвѣтное плаванье, въ какія-то неизвѣстныя страны, гдѣ на каждомъ шагу ожидаютъ его всевозможныя несчастія. — Нѣтъ, порѣшилъ отецъ, этому не бывать; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, а мнѣ за него отвѣчать придется передъ Богомъ. Пристрою его тутъ гдѣнибудь, по близости, благо на глазахъ у насъ будетъ.

Долго думалъ отецъ Василій, и не спалось ему: одолѣла тревога. Сталъ онъ молиться—не выходитъ молитва, устался покрѣпче — въ потъ бросило, а между тѣмъ на дворѣ пѣтухи ужъ пѣли. Прошавшись часа четыре, онъ набросилъ, на себя подрясникъ и вышелъ на крыльцо. Чуть свѣтало на небѣ; кругомъ тишина мертвая, толь-

ко ношка отца Никиты о чемъ-то жалобно мяучить. Сверху, изъ оконъ мезопина, сивозъ занавѣску пробивался еще красноватый свѣтъ. — «Неужели не спить еще?» произнесъ отецъ Василій, съ удивленіемъ поглядывая на окно. «Чтожь онъ тамъ дѣлаетъ до сихъ поръ?»

Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, онъ потомъ поднялся въ комнату сына.

Николай Насильичъ сидѣлъ, облокотясь на столъ руками, и внимательно читалъ какую то книгу. Передъ нимъ на столѣ валялось еще нѣсколько книгъ и листы исписанной и исчерченной карандашомъ бумаги. Трепетовъ тоже изумился, увидѣвъ отца въ такое время.

— Что вы, батюшка? спросилъ онъ, приподнимаясь.

— Сиди, сиди, я ничего... не спится что-то, отвѣтилъ отецъ. —

А ты что дѣлаешь?

— Да вотъ читаю книгу.

— Какую?

— Исторію Лоренца.

— Это для тово... для академіи, что ли?

— Для университета

— Ги!.. Ишь, какая толстая,—произнесъ Василій Петровичъ разсматривая книгу. Не то совсѣмъ хотѣлъ онъ сказать, да ужъ такъ вышло.—Ну, занимайся... только глаза не порти! заключилъ онъ и осторожно вышелъ изъ комнаты.

«Уйдесть! непременно уйдесть!» думалъ въ тревогѣ отецъ Василій, снова укладываясь на свою остывшую постель.—«Я знаю его характеръ, ничѣмъ его не удержишь... Вотъ те и сынъ... Развѣ мать только что сдѣлаетъ? Бѣда!..»

VI.

Василій Петровичъ и Катерина Ивановна Трепетовы были воспитаны по преданіямъ своихъ предковъ, и потому смотрѣли на дѣтей своихъ такъ, какъ смотрятъ на нихъ всѣ родители патриархальнаго склада. Они знали свои обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ, знали, что имъ придется отвѣчать за судьбу дѣтей своихъ и что всѣ ошибки дѣтей должны пасть прежде всего на ихъ

родительскія головы, и, зная это, они считали своимъ долгомъ вышпиваться въ образъ жизни дѣтей своихъ, зорко слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и не освобождать ихъ отъ своей опеки до гробовой доски. Усваявъ отъ своихъ предковъ правила мудрости житейской, выработанныя долголѣтнимъ опытомъ, они, въ свою очередь, старались сообщить эти правила и дѣтямъ, и постепенно направить ихъ на ту дорогу, по которой шли сами. Дѣйствовали они такъ, во-первыхъ, потому, что иныхъ правилъ и иныхъ дорогъ они не знали, да и знать не могли, а во-вторыхъ, — по силѣ кастоваго преданія: «отцы, молъ, наши такъ жили и счастливы были» и т. п.

Если бы Трепетовы записывали свою генеалогію, то они убѣдились бы, что принадлежать къ одной изъ древнѣйшихъ семей, и что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они свято сохранили всѣ обычаи и понятія своихъ предковъ въ той неприкосновенности и, пожалуй, на той же степени развитія, какую имѣли ихъ первые родоначальники. Вѣроятно, лѣтъ двѣсти тому назадъ (а можетъ быть и триста, и пятьсотъ — все равно), какой нибудь Иванъ или Петръ Трепетовъ за набожность и скромную жизнь былъ посвященъ въ санъ священника или дьякона въ какой нибудь приходъ и получилъ по этому сану разныя льготы и права. Жить въ этомъ званіи ему, вѣроятно, показалось лучше, чѣмъ во всякомъ другомъ, потому что онъ и сыновей своихъ опредѣлялъ на священническія мѣста. Сыновья тоже, какъ видно, были довольны своимъ положеніемъ, а вслѣдствіе этого, и внуки пресловутаго предка остались въ духовномъ званіи. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, жизнь этой родни пачала уже мало по малу обособляться, родня увеличивалась, интересы обобщались, а интересы другихъ сословій дѣлались менѣе понятными, такъ что сыновья этихъ внуковъ уже сами могли мечтать только о поповскихъ мѣстахъ, и своихъ, еще неродившихся, дѣтей обрекали, такимъ образомъ, на ту же дорогу. Съ этихъ поръ судьба точно на рельсы вдвинула весь слѣдующій родъ Трепетовыхъ; а какъ попали они на эти рельсы, такъ и катились во все продолженіе истекшаго времени, наблюдая, чтобы никто изъ родни не соскакивалъ съ рельсовъ. Такъ и до сихъ поръ катятся они, потому что имъ страшно да и нѣтъ уже возможности сбиться дороги. Озираясь на право и на лѣво, на иную непонятную имъ жизнь, они, однако, скоро замѣчаютъ, что и всѣ другія сословія, стоящія на одной съ ними степени развитія, тоже выработали себѣ свои рельсы, хотя и дру-

гого, непопятнаго имъ устройства, и такъ же, какъ они, мчатся въ будущность по проложенной однажды дорогѣ и общими силами отстаиваютъ свою рутину. Это, конечно, поощряеть Трепетовыхъ.

Главное, что помогало Трепетовымъ встать и удерживаться на рельсахъ, это патриархальное воспитаніе, которое удерживало каждое новое поколѣніе на той ступени, на которой стояли родители, и, такимъ образомъ, служило главной основой ихъ кастовыхъ преданій и обычаевъ. Съ самаго рожденія дѣтей родители начинали слѣдить за ними въ оба; гдѣ лаской, гдѣ угрозою, а гдѣ и силой, они мало по малу прививали къ нимъ немудрыя правила своихъ преданій и своего житейскаго опыта, сообщали имъ свои понятія, старались уничтожать въ нихъ неподходящія къ ихъ жизни стремленія подравнивали, приглаживали, полировали и постепенно вкладывали въ ту, выработанную дѣдами, форму, какая нужна была для счастливой жизни на отцовской дорогѣ и дальнѣйшей пропаганды тѣхъ же правилъ воспитанія, и которая дѣлала ихъ неспособными ко всякой другой дорогѣ. Бурса, конечно, имѣла въ виду ту же цѣль, и въ бурсѣ дѣти тоже не освобождались отъ опеки родительской, потому что духъ этой опеки почіеть на всѣхъ почти бурсакахъ-товарищахъ, которые, въ свою очередь, слышатъ тѣ же правила отъ своихъ родителей. — Такъ и шла изъ рода въ родъ эта механическая переработка дѣтскихъ организмовъ въ существа искусственныя, способныя только къ той жизни, на которую предназначили ихъ родители. Сдѣлавшись отцами, эти дѣти припоминали, какъ воспитывали ихъ въ малолѣтствѣ, и уже готовые педагогическіе приемы прилагали и къ своимъ дѣтямъ. И такъ далѣе; пожалуй, до безконечности.

Весь духъ этой великой ассоціаціи, всѣ ихъ преданія и взглядъ на воспитаніе дѣтей преемственно перешли и на Василя Петровича съ Катериной Ивановной, и потому они считали своей обязанностью воспитывать дѣтей именно такъ, какъ воспитались сами, и требовали, чтобы дѣти повиновались имъ, потому что они сами въ малолѣтствѣ нѣкогда не выходили изъ воли родительской. Василій Петровичъ былъ вообще холоденъ къ своему сыну и виѣшивался въ его воспитаніе только на основаніи *дома*, а у Катерины Ивановны къ сознанію долга присоединялось еще чувство безпредѣльной любви къ сыну, и потому ея вліяніе и ея власть надъ сыномъ были сильнѣе, чѣмъ у отца.

Катерина Ивановна съ малолѣтства жила такъ, какъ живутъ всѣ

пѣти: сельскія цѣпованы. Жизнь не баловала ее: отецъ у ней былъ суровый и непоколебимый; мать умерла слишкомъ рано; сама она была болѣзнь хвораа, драблая и слезливая. Отецъ выучилъ ее на мѣдныя деньги: читать и писать, да и это оказалось излишнимъ роскошью и пригодилось только для переписки съ сыномъ, а подѣ старость было забыто. Знала она съ дѣтскихъ лѣтъ, что ей предмзначено судьбою выйти замужъ за священника или дьякона, и съ покорностью ждала она своего суженаго; подчасъ мечтала объ немъ; ждала чего-то лучшаго. Подругъ мало было у ней, да и тѣ при встрѣчѣ могли толковать съ нею только о женихахъ-семинаристахъ, о мѣстакъ, да сплетняхъ разныхъ. Скучно и чорство шла ея безодержательная жизнь; день за днемъ проходилъ въ ожиданіи чего-то новаго, а новаго не было: тотъ же угрюмый отецъ, та же пустота и безлюдье; нечѣмъ было помянуть Катериинъ Ивановичъ свою незатѣливую юность. Наконецъ родитель померъ отъ спинной сухотки; за Катериной Ивановной закрѣпили отцовское мѣсто; а черезъ нѣсколько времени явился и женихъ, Василій Петровичъ Третьяковъ, уже утвержденный на это мѣсто, со взятіемъ закрѣпленной вѣсты; такъ что и выбора-то у ней не могла быть никакого. Не поправался этотъ женихъ Катериинъ Ивановичъ, по бумага была уже подписана, — значить, ничего не подѣлаешь. Со слезами обвинчалась она съ Василюмъ Петровичемъ, со слезами и прожила съ нимъ до рожденія сына; сама не знала она чего ей хотѣлось, а такъ: слезы сами лились. Съ рожденіемъ сына, жизнь Катерины Ивановны остыла; съ этой минуты она цѣльно и страстно привязалась къ своему первенцу и сосредоточила на немъ всѣ силы любви своей, перестраченная еще ни на отца, ни на мужа. Теперь только она поняла, что ей просто любить хотѣлось, и что легче ей жить стало, когда нашелся исходъ для ея любви. Она боготворила своего Николю, слѣдила за его дыханіемъ, за каждымъ глоткомъ его пищи, за каждымъ словомъ любимца. Ребенокъ тоже привязался къ ней: и ея ласки, но онъ воплѣ обвинилъ эти ласки только тогда, когда поступилъ въ училище. Тогда онъ уже сознательно почувствовалъ всю силу своей привязанности къ матери, и мы уже видѣли, какое огромное вліаніе она имѣла на него во все время его училищной жизни. Конечно, Катерина Ивановна не могла дать сыну ничего, кроми своей любви, ласки и безпредѣльнаго ухаживанья, но она слѣпо вѣрила, что сынъ никогда не выйдетъ изъ подѣ ея вліанія: и не

дѣлаетъ ничего, не посоветовавшись съ нею. Но вышло иначе. Время летѣло; отшатнувшись отъ интересовъ бурсы, Николай Васильевичъ долженъ былъ вести жизнь сосредоточенную, одинокую; за недостаткомъ денегъ, онъ не могъ часто ѣздить на погостъ и подновлять свои дѣтскія впечатлѣнія; сталъ онъ видѣться съ матерью рѣже и рѣже, а натура отыскала развлеченье въ книгахъ, и всѣ привязанности его, такимъ образомъ, перешли на книги. Книги расшевелили мысль, и Трепетовъ испыталъ наслажденіе отъ новой, прежде незнакомой ему, мысленной дѣятельности,—толчокъ былъ данъ и работа закидѣла. Встрѣча съ Березинимъ довершила остальное и въ результатѣ вышелъ полный, непримиримый разладъ между его потребностями и рутинной его родителей. Трепетовъ, однако, до сихъ поръ еще не осмѣливался вникнуть во всю глубину этого разлада и тѣшился мыслью, что теперь онъ будетъ вліять на родителей и заставить ихъ полюбить ту жизнь, о которой мечталъ онъ.

Конечно, ничего этого добродушная Катерина Ивановна и представить себѣ не могла; она поняла только, что сынъ ея не хочетъ жить съ ними и поступаетъ въ свѣтское званіе, которое она хоть и не знала, но отъ души теперь ненавидѣла. Съ давнихъ поръ, ея любимую и постоянною мечтою было пристроить сына на одномъ изъ ближайшихъ погостовъ, чтобы они могли видѣться, какъ можно чаще, чтобы дальнѣйшая жизнь сына проходила у нея на глазахъ: «въ гости бы другъ къ другу ѣздили», мечтала она, «дѣтей бы я у него крестила, а если заболѣетъ, али что, я бы ходила за нимъ, а то какъ безъ меня-то?» И вдругъ теперь всѣ эти результаты долгихъ заботъ и размышленій готовы рухнуть на ея глазахъ.—«Чего онъ хочетъ тамъ?» недоумѣвала она, какъ и отецъ Василій; «неужели лучше свѣтскимъ-то быть? Голодомъ насидится: вѣдь ни земли, ни двора, ни кола своего не будетъ»... Изъ всей родни Катерины Ивановны не было никого въ свѣтскомъ званіи, и вся родня ея смотрѣла на свѣтскихъ съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ на дармоѣдовъ и баръ. Правда, ея троюродный братъ, исключенный изъ семинаріи, поступилъ было чиновникомъ въ консисторію (да и то противъ воли родительской), но потомъ спился съ кругу и умеръ въ бѣлой горячкѣ. Теперь такъ и представлялась Катеринѣ Ивановнѣ обезображенная пьянствомъ фигура этого родственника, въ какихъ-то лохмотьяхъ, съ желтымъ, помертвѣлымъ лицомъ и болѣзненной шкотою, и ее съ ужасомъ коробило

отъ этой картины. Она считала это частое воспоминаніе родственника дурнымъ предзнаменованіемъ, и потому рѣшилась во что бы то ни стало спасти сына и, въ случаѣ чего, даже и насиліе употребить, потому что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и все это порча да наущеніе на него-пашло.—«Не позволю я такому красавцу въ консисторію пойдти; ему только и быть священникомъ, на то онъ и аттестатъ въ наукахъ имѣетъ»... Она теперь настойчиво обдумывала, какъ бы лучше ей вразумить сына, и хотя была увѣрена, что онъ не откажетъ ей, но... все-таки ей почему-то плакать хотѣлось.

Такимъ образомъ, добродушная Катерина Ивановна стала поперегъ дороги своего сына и повела противъ него свою атаку. Винить ли ее за это? Нѣтъ, она дѣйствовала такъ изъ одной только любви, и по невежеству; она искренно желала сыну того счастья, выше котораго она представить себѣ не могла: счастья жить съ пею и съ родными; ей вѣрилось, что въ присутствіи ея ничего худого съ сыномъ не случится, а за глазами ея онъ пропадетъ. Не понять ей, что своей ласковой, обезоруживающей опекой она можетъ заглушать въ сынѣ всѣ талантливыя стороны его натуры, что она можетъ лишить его тысячи высокихъ, незнакомыхъ ей наслажденій отъ другой, хотя болѣе трудной, но за то болѣе сообразной съ его натуροю дѣятельности...

На другой день послѣ того, какъ Иванъ Силычъ сообщилъ Третиковымъ печальную для нихъ новость, Катерина Ивановна вошла въ комнату сына и робко присѣла около стола, заваленнаго книгами. Ей, очевидно, хотѣлось поговорить съ нимъ, но она не знала, какъ приступить къ дѣлу. Николаю Васильичу жаль стало ее.

— Ты все тревожишься, матушка? спросилъ онъ ласково.

— Какъ не тревожиться мнѣ... Я только все понять не могу, неужели ты взаправду въ свѣтскіе хочешь?

— Да, мнѣ не хотѣлось бы священникомъ быть, и я думаю еще поучиться немного... Горевать-то тебѣ здѣсь не о чемъ, матушка; ты вообрази только, что я еще не кончилъ курса, и что осенью моя канвулы кончатся—вотъ и все.

— Вообразишь тутъ!..

— Дѣло пойдетъ совершенно по старому; я къ вамъ пріѣзжать буду на лѣто... Чего-жъ тутъ горевать?..

— Это ты въ академію?

— Въ университетѣ.

— Чего-жь ты не видѣлъ-то въ этомъ заведеніи? Не надобно, что-ли, учаться-то?

— Матушка, не томи ты меня, пожалуйста, не горюй понапрасну. Смотри, какимъ молодежь я выйду оттуда, просто не наглядаться.

Катерина Ивановна глубоко вздохнула.

— Скажи, Бога ради, Николая, — пачала она опять, — чѣмъ тебѣ не нравятся наше-то житіе? Развѣ лучше по свѣтскому жить? а? Экая радость, подумаешь, чиновникомъ-то быть...

— Да я совсѣмъ не въ чиновники иду.

— Куда же? въ купцы, что-ли?... Или въ военную службу поступишь? — добавила она, сама испугавшись своихъ словъ.

— Ахъ, пойми же ты наконецъ, что я просто учиться хочу и чувствую себя неспособнымъ къ духовному званію. Ну, какъ я буду тебя вѣнать или проповѣди говорить, когда у меня совсѣмъ не тѣмъ голова занята?

— Ну, объ этомъ не тревожься: проповѣди въ книжкахъ напечатаны, и наши списываютъ всякій разъ... это дѣло не Богъ вѣсть какое. А тебя и другой священникъ справить можетъ, а то къ намъ посылай съ тебеми, отъ Василій отслужить.

Трепетовъ призадумался. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснять матери, чего ему хочется, когда и самъ онъ вполне не можетъ уяснить себѣ свои потребности и чувствуетъ только, что здѣшная мизерная жизнь ему вовсе не по сердцу? Не пойметъ она этого.

— Что-жь ты молчишь, Николая? спросила мать.

— Вотъ что, матушка, отвѣтилъ сынъ, придумывая, какъ бы сказать ей яснѣе. — Видишь-ли, въ чемъ дѣло... У меня въ городѣ есть много хорошихъ знакомыхъ, а эти знакомые сказали мнѣ, что въ столицахъ живутъ люди не по нашему, и что если кончить курсъ въ университетѣ, то... тогда можно будетъ мѣсто хорошее получить и... богачомъ сдѣлаться, — закончилъ онъ.

— А ты имъ, небось, и повѣрялъ? — Врутъ они все, только чтобъ сбить съ толку человека.

— Послушай, матушка, я тебѣ наконецъ все расскажу откровенно, а ты только не перебивай меня. И Трепетовъ подробно началъ рассказывать матери все, что онъ пережилъ въ семинаріи за послѣднее время, всѣ свои мечты и думы, встрѣчу съ Березинымъ и послѣдствія этой встрѣчи. Онъ самъ радъ былъ случаю поговорить

откровенно и припожнить свои лучшія впечатлѣнія. Раскрылъ онъ ей свои будущіе планы о дѣятельности широкой и полезной; сказалъ, что онъ добьется полной независимости и свободы, и тогда много хорошихъ дѣлъ сдѣлаетъ; что его занимають теперь такіе вопросы, для разрѣшенія которыхъ ему надо много еще учиться, и проч., и проч.

Катерина Ивановна сначала слушала его очень внимательно, потому сдѣлалась разсѣяннѣе, а наконецъ и совсѣмъ повѣсила голову. Не добрымъ знакомъ казалось ей это увлеченіе сына и жаръ, съ которымъ говорилъ онъ.

— Все это такъ Николая, сказала она; — а все-таки по моему не захѣшь увѣзжать. Развѣ не можешь ты здѣсь учиться, если ужъ тебѣ такая охота пришла? Мы бы и книгъ тебѣ купили, да вотъ и у помѣщика нашего этихъ книгъ видимо-невидимо, — можетъ и онъ дать бы...

Трепетову досадно сдѣлалось отъ этихъ словъ. «Нечего тутъ и толковать», подумалъ онъ уныло.

— А что, скоро обѣдать будемъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Небось проголодался? Вчера за ужиномъ ничего вѣдь не Ѡлъ?

— Да, я поѣлъ бы.

— Сю минуту, родной, я распоряжусь; чай, и отецъ хочетъ, — сказала мать, вставая, и торопливо вышла изъ комнаты. Скоро Николай Васильичъ услышалъ внизу ея хлопотавыя крики и звонъ тарелокъ.

Трепетовъ вовсе не чувствовалъ голода, но онъ опять употребилъ съ успѣхомъ этотъ маневръ для того, чтобы занять матушку болѣе существенными заботами и отвязать ее отъ тяжелой бесѣды. Началъ было онъ читать Ленца, но не могъ имъ увлечься. Ему стало ясно, что теперь интересы его разошлись окончательно съ интересами матери; что они теперь не поймутъ другъ друга и каждый будетъ тинуть въ свою сторону. — «Скверно», подумалъ онъ, — «хитрить придется, а я хитрить не умѣю. Впрочемъ унывать-то еще пока нечего, и я своего не уступлю». Трепетовъ захопнулъ Ленца и сошелъ внизъ.

За обѣдомъ мать нѣсколько разъ принималась заговаривать «на счетъ свѣтскія», но Николай Васильичъ лавировалъ очень искусно, и не давалъ ей слова сказать, занимая общество разными веселыми разсказами. Онъ былъ, что называется, въ ударѣ, и сестры пока-

тывались со смѣху надъ его шутками, такъ что даже и Катерина Ивановна сама будто просвѣтѣла немного, и раза два даже улыбнулась. Послѣ обѣда Николай Васильичъ взялъ книгу и ушелъ въ лѣсъ поразвлечься и подумать на просторѣ.

Одинъ только Василій Петровичъ за обѣдомъ не принималъ никакого участія въ веселости сына, а если и смѣялся, то вовсе не впопадъ. Онъ по прежнему избѣгалъ взглядовъ Николая Васильича, былъ очень разсѣянъ и, по всѣмъ признакамъ, въ головѣ его происходило вѣчто необычайное и подчасъ выступавшее сквозь лобъ въ видѣ крупнаго пота. Онъ похудѣлъ и осунулся за эту ночь, однако придумалъ кое-что весьма рѣшительное и, по его мнѣнію, спасительное. Сряду послѣ сбѣда онъ втихомолку запретъ свою савку въ одноколку и надѣлъ новую раску.

— Куда ты, отецъ? спросила его Катерина Ивановна.

— А тутъ окрестить младенца надо; въ деревню звали, отвѣтилъ онъ и тронулъ лошадь. Однако онъ поѣхалъ вовсе не въ деревню, а, обогнувъ емельяповскій холмъ, рысцой направился къ усадьбѣ помѣщика Вихляева. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ онъ услышалъ отъ заѣзжихъ мужиковъ пріятную новость, а именно, что въ имѣніи помѣщика Курдюкова, селѣ Лежинѣ, священникъ померъ, — о чемъ и толковалъ долго весь погостъ. Василій Петровичъ зналъ, что въ Лежинѣ закрѣпленной невѣсты не имѣется, и что выборъ новаго священника зависить единственно отъ самого помѣщика Курдюкова. Зналъ онъ также, что Курдюковъ большой пріятель Вихляева, и, сообразивъ все это, предприимчивый отецъ рѣшился опредѣлить на это мѣсто своего сына. — Тамъ будь, что будетъ, рассуждалъ онъ, а какъ пристроишь его къ мѣсту, такъ оно и вѣрнѣе будетъ; время-то терять нечего, потому что охотниковъ на мѣста много. — Дорогой, впрочемъ, отца Василя сталъ страхъ забирать: не вышло бы чего, пожалуй еще заартачится Николака? — Э, Богъ милостивъ, рѣшилъ онъ, все можетъ устроиться, какъ надо быть... И съ этой смутной надеждой онъ приблизился къ барской усадьбѣ Вихляева.

Если бы Николай Васильичъ хоть однимъ глазомъ могъ видѣть отца въ ту минуту, какъ тотъ выпрашивалъ милости у помѣщика, — онъ не вынесъ бы этого зрѣлища и учинилъ скандалъ. Съ привычнымъ смиреньемъ, съ привычною лестью и съ выраженіемъ полного ничтожества своего, кланялся отецъ надутому барину, который во

обще терять не могъ священниковъ. Все тутъ было пущено въ ходъ: и слезы, и вѣра въ силу барскую и ея влияніе надъ нами, плебеями, и похвалы умершему отцу помѣщика, и обѣщанія помянуть до гроба его милости. А Вихляевъ дождавъ въ это время жаренаго гуся, съ-испоса и съ достоинствомъ поглядывалъ на Василія Петровича и только изрѣдка проговаривалъ:—Все, что могу, батюшка; все, что отъ меня будетъ зависѣть, я очень доволенъ вами и проч.

Отвернемся лучше отъ этой картины.

.....
 Поздно вечеромъ воротился Николай Васильичъ съ прогулки, усталый и осыпанный основными яглами. Онъ хотѣлъ было прямо пройти въ свою комнату, но мать остановила его въ дверяхъ.

— Слушай, Николая,—сказала она, какъ можно мягче.

— Ну?

— Съѣзди ты завтра къ нашему помѣщику Петру Петровичу.

— Зачѣмъ?

— Онъ очень познакомиться съ тобой хочетъ. У него книгъ всякихъ пропасть, самъ радъ будешь. Съѣзди, пожалуйста: я тебя прошу.

— Что вамъ такъ хочется этого?

— Неловко же, коли просить, самъ знаешь.

— Хорошо; съѣзжу, пожалуй.

— Ну, вотъ спасибо. Куда-жъ ты торопишься? Закусишь бы чего.

— Спать хочу, матушка; голова болитъ.

«Не подвохъ ли тутъ опять какой нибудь?» думалъ онъ, укладываясь спать.—«Съ чего это вдругъ помѣщику знакомиться со мной вздумалось? А впрочемъ наплевать мнѣ на него».

— Самъ просить хотѣлъ Курдюкова, шепталъ между тѣмъ от. Василій жецѣ.—Можетъ и устроится!

— Дай-то Господи!... искренно произнесла Катерина Ивановна, глядя на образъ.

Новую надежду изобрѣла себѣ патриархальная чета и въ слѣдствіе этого, начинала уже чувствовать нѣкоторое благодушество.

VII.

Утромъ Николай Васильевичъ отправился съ визитомъ къ Вихляеву. Онъ до сихъ поръ ни разу не былъ у Вихляева, но давно уже

слышалъ, что Петръ Петровичъ — человекъ умѣнливый и умѣнный, и потому теперь шелъ къ нему съ надеждою услышать чтонибудь хорошенечкое, да кстати и книжечку попросить.

Видный видъ усадьбы помещицкой поворачалъ не къ пользѣ хозяина: все запущено, грязно и тѣсно тиною заросло, хотя выстроено на широкую ногу. За усадьбой торчатъ нѣсколько избенокъ, крытыхъ соломой; кое-гдѣ по грязи бредятъ полуживые мужики съ испугами и избитыми лицами: лѣтъ и апатии видна въ каждомъ движеніи обитателей, бѣдность сивозать изъ каждой щели. Замѣтно впрочемъ, что все это когда-то было полною; живую и прелестную видъ имѣло, а теперь оно кое-какъ, спустя рукава, перетягиваетъ изъ дѣла въ дѣло это ненужное, сверхштатное существованіе, и живетъ только потому, что смерть еще не пришла. Еще очень недавно усадьба Вихляевская была центромъ многочисленныхъ собраний; сюда съѣзжалось издалека на вечера и рауты, и слава о нихъ гремѣла по всему околотку. Отецъ Вихляева былъ либераломъ александровскаго времени, имѣлъ огромную бібліотечку и свѣдѣлъ за всѣмъ новостями своего времени. На вечерахъ у него происходило какія-то важныя совѣщанія, полныя таинственности и загадочнаго смысла; поговаривали даже, что онъ принадлежалъ къ числу массоповъ, и имя массона заставляло патриархальныхъ помѣщиковъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ на таинственнаго рыцаря, а мужиковъ — считать его чѣмъ-то въ родѣ тартина. Теперь не то: усадьба заглохла, вранья мохоть заросли, на великолѣпныя залы опустился тайный омеръ отъ пыли. Самъ Петръ Петровичъ былъ оянь обыкновенный смертный. По смерти отца онъ скоро выпыналъ изъ дому всѣхъ прежнихъ гостей и поселился съ неизбежною внучицей въ двухъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ и устроилъ себѣ тотъ холостой комфортъ, который болѣе подходилъ къ его натурѣ. Однако имя либерала! какъ ояра, казавъ, по наслѣдству перешла и къ нему, и, по старой памяти, онъ тоже слылъ за умѣнливаго человека, хотя въ сущности умомъ особеннымъ не отличался. Такая хорошая и даровая слава пришлась по сердцу Вихляеву, и онъ часто прикрывался своею ночтенною фирмою, какъ хвастливая ворона павлиньими перьями. Жилъ онъ въ своемъ имѣннѣи бозвычайно и зиму, и лѣто, не выходя изъ стараго халата и не выпуская изъ рта трубки. Сосѣдямъ шепталъ онъ «до секрету», что находится въ ссыдѣи и что за какой-то очень люб-

ральный поступокъ ему запрещенъ выѣздъ изъ имѣнія; однако дѣло было вовсе не въ томъ. Просто на просто, онъ задолжалъ нѣсколькимъ купцамъ порядочную сумму денегъ, а они подали на него искъ: вотъ онъ теперь и спасается, пока его розыскиваютъ. Розыскиваніе это происходило слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ въ то время порядкомъ. Пріятель Петра Петровича, исправникъ, получивъ первый запросъ изъ губернскаго правленія, увѣдомилъ его, что Вихляевъ выѣхалъ въ Нижній. Губернское правленіе послало запросъ въ Нижній и оттуда черезъ полгода отвѣтили ему, что тамъ по розыску Вихляева не оказалось. Тогда исправникъ увѣдомилъ, что изъ частныхъ писемъ онъ узналъ объ отъѣздѣ Вихляева въ Архангельскъ. Губернское правленіе, тѣмъ же порядкомъ, послало запросъ въ Архангельскъ и черезъ годъ узнало, что и тамъ Вихляева нѣтъ. Потомъ посылались запросы въ Астрахань, Одессу, Ригу и такъ далѣе, чуть не до самой Камчатки — благо городовъ на Руси много, — а Вихляевъ живетъ себя припѣваючи въ своемъ помѣстьи и чувствуетъ только прежнему сверхъестественную дружбу къ исправнику. Въ своей домашней обстановкѣ Вихляевъ держитъ себя очень просто, до тѣго просто, что ключница его зачастую подтяжками бьетъ, а слышавъ ея ему гусара въ носъ запускаетъ; по чуть зайдетъ къ нему кто-нибудь посторонній, передъ которымъ выгодно порисоваться своей фирмой, — Петръ Петровичъ совѣмъ перерождается: и осанка у него становится не та, и смотреть съ какъ-то свысока, и говорить тавія обточенные, глубокія фразы, что посторонній посѣтитель проникается невольнымъ благоговѣніемъ къ нему и потомъ трубитъ по свѣту: «вотъ голова-то!..» — Впрочемъ Вихляевъ любилъ пускать пылъ въ глаза только при первомъ посѣщеніи незнакомца; со второго онъ становился проще, а съ третьяго посѣщенія начиналъ уже фамильярничать съ гостемъ, потому что переставалъ видѣть въ немъ незнакомца.

Сивый камердинеръ подозрительно поглядѣлъ на не затѣйливый костюмъ Трепетова, но узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ ввелъ его въ переднюю и доложилъ барину, что «съ погосту кутейникъ прибылъ».

— Ну, и пусть идетъ, коли прибылъ, отвѣтилъ баринъ: — съ нимъ церемониться нечего.

Трепетовъ вошелъ въ барскій кабинетъ. Вихляевъ лежалъ въ халатѣ на диванѣ и паягрывалъ что-то на гитарѣ. Холодно и небрежно посмотрѣлъ онъ на кутейника.

— Отца Василя сынъ что-ли? спросилъ онъ, вѣвая.

— Да, отвѣтилъ Трепетовъ, сбывшимся. Ему не понравился такой пріемъ.

— Ну, такъ вотъ вы съ отцомъ, молитесь за меня крѣпче. Я вчера видѣлъ съ Курдюковыми и онъ согласенъ просить за васъ. Только съ условіемъ, чтобы вы никогда не вмѣшивались въ его дѣла — Слышите?

— О чемъ просить? Я васъ не понимаю.

— Какъ о чемъ! Вѣдь вы проситесь къ нему священникомъ?

Трепетовъ началъ комичать, въ чемъ тутъ дѣло, и краска бросилась ему въ лицо.

— Всегда и не думаю проситься, отвѣтилъ онъ рѣзко.

Вихляевъ приподнялся и съ видимымъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Трепетова.

— Что же это за мистификація? Теперь, въ свою очередь, я васъ не понимаю, — переговорилъ онъ, тараща глаза и совсѣмъ забывая свою важную роль. — Вчера у меня вашъ отецъ былъ...

— Такъ и есть. Вы скажите этому отцу, если онъ опять придетъ, что я не желаю быть священникомъ, и что онъ меня не принудить въ этому.

Вихляевъ вскочилъ съ дивана.

— Какъ же это?.. что же вы-то?

— Очень просто, отвѣтилъ Трепетовъ, — я въ университетъ хочу поступить, а онъ не пускаетъ и хлопчатъ тутъ за меня.

— Противъ вашего желанія?

— Конечно!

— Э!... штука-то какая тутъ выходитъ, — смеялся Вихляевъ и захохоталъ во все горло. — Bravo, bravo! молодой человекъ! Это мнѣ нравится; вы только не поддавайтесь. Я люблю студентствъ, добавилъ онъ, и уважаю молодыхъ людей, которые желаютъ получить это блистательное образованіе... Я самъ вѣдь... да вы впрочемъ знаете, вѣроятно, мою исторію...

И Вихляевъ въ полголоса началъ рассказывать ему какую-то таинственную исторію съ либеральнымъ оттѣнкомъ.

Трепетовъ слушалъ очень разсѣянно или, лучше сказать, ничего почти не слыжалъ, что говорилъ Вихляевъ. Ему очень захотѣлось домой пойдти. Онъ поднялся и взялъ фуражку.

— Я лучше домой пойду, сказалъ онъ, вовсе не впопадъ. А вы

позвольте мнѣ зайти когда нибудь послѣ. У васъ я слышалъ библиотека хорошая.

— Сдѣлайте милость, я очень радъ... У меня библиотека лучшая во всей губерніи, такая библиотека... что за нее въ Сибирь сослать могутъ,—шопотомъ договорилъ Вихляевъ;—у меня Вольтеръ есть, Дидро, Руссо, Ламартинъ,—все есть, понимаете?

— Я зайду-съ. А теперь, мнѣ домой надо, сказалъ Николай Васильичъ и, раскланявшись, поспѣшилъ удалиться.

«Такъ вотъ оно что; вы хитрить со мной начинаете, мины тайкомъ подводить? Нѣтъ, этимъ вы не заманите меня»—жодчно шепталъ Трепетовъ, возвращаясь на погостъ. Глубоко оскорбило его это недовѣріе къ нему родителей, когда онъ не успѣлъ еще вполне объясниться съ ними. Въ этихъ секретныхъ переговорахъ отца съ помѣщикомъ онъ уже видѣлъ насиліе, котораго прежде не замѣчалъ въ отношеніяхъ къ нему родителей; онъ покаялъ, что искренности между ними быть уже не можетъ, что послѣ этого отецъ пустится на всевозможныя средства, чтобы удержать его, и что теперь онъ будетъ дѣйствовать не прямо, а разными подвохами.—«А я съ этихъ поръ поведу свое дѣло на чистоту, рѣшилъ Трепетовъ,—и къ барину за милостями мнѣ обращаться будетъ неужно.»

Смѣло и рѣшительно вошелъ онъ въ комнату, гдѣ съ замирающимъ сердца ожидали его отецъ съ матерью, и прямо объявилъ имъ, что они своими просками ничего не добьются; что онъ рѣшился окончить курсъ въ университетѣ и поступить туда во что бы то ни стало, хотя бы это стоило громадныхъ трудовъ.

— Вы такъ и знайте,—добавилъ онъ,—и всѣ свои надежды отложите въ сторону. Это мое послѣднее слово.

Слушай, Николай,—взмолился отецъ,—вѣдь мѣсто-то тамъ отличное, ты бы хоть ради мѣста-то... Гдѣ-жъ ты найдешь такое?

— А я все-таки не пойду, закончилъ Трепетовъ и вышелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью.

Родители остались одни и долго молчали, точно ихъ громомъ пришибло...

— Что тутъ дѣлать теперь? спросилъ наконецъ отецъ Василій съ отчаяньемъ.

— Я и сама ума не приложу,—отвѣтила матушка, закрывая лицо руками.

Тяжело было и Трепетову; въ немъ копошилась не-то злость, не-

то друзей, а какое-то неопредѣленное, тоскливое чувство. Безсознательно спустился онъ съ холма емельяновскаго и пошелъ, куда глаза глядятъ, лишь бы подальше отъ погоста и близкихъ сердцу людей. За холмомъ, недалеко отъ Мокраго лѣса есть думайка, на которой, бывало, онъ любилъ отдыхать и погружаться въ свои людѣтскія, беспредметныя думы. Самъ не свой, упиалъ онъ на траву, подъ вустарникомъ, пытаясь распахнуть свой сартузь, и далеко отбросилъ оуражку. Простору хотѣлось ему; истомился онъ за эти два дня. — «Это жизнь начинается, думаю онъ съ жолтцо, — это я на родня, на свободѣ... Столько лѣтъ добивался я свободы; думалъ, что найду ее здѣсь, подъ родною кровлею, а между тѣмъ, опять приходится бороться и отыскивать свободу, только другую, не эту. Та же бурса здѣсь, только въ болѣе мягкихъ формахъ, — пропаганда той же программы. — Тяжело!..»

Вдали на безоблачномъ небѣ ярко бѣлѣлась передъ нимъ родная церковь, рисовались знакомые дома, видѣлась вволю родительскаго дома, — всѣ тѣ мѣста, къ которымъ онъ, бывало, такъ страстно и задумчиво стремился, гдѣ для него были сосредоточены прежде всѣ житейскія радости. И свлится теперь Трепетовъ пробудить въ себѣ эти радости, старается по прежнему умиляться, и не выходитъ умиленье, нѣтъ прежнихъ радостей, чорство и сухо на сердцѣ, точно порвалась та связь, которая приковывала его прежде къ этому мѣсту.

Съ погоста ясно доносится до него могильное пѣніе Захарыча: «къ тихому пристанищу притекъ», — выводитъ онъ басомъ; ему тоненькимъ голоскомъ подтягиваетъ отъ Василій: новый приплецъ, значить, сроднился съ холмомъ емельяновскимъ, и жильцы этого холма встрѣчаютъ его съ почестью. Вотъ Филимонъ сидитъ на задворкѣ и устроиваетъ изъ тряпокъ и соломы нѣчто странное: это онъ пугало для воробьевъ изобрѣсть хочетъ, и всецѣло занятъ теперь одной только воробьиной политикой. Вотъ жена его бѣлье полощетъ въ лохани и черезъ весь погостъ перекрикивается съ Степанидой Петровной: третій день ужъ у нихъ ссора идетъ изъ-за пропавшаго куска мыла. Вотъ многоученый отъ Никита взгромоздился на крышу своего дома и внимательно разсматриваетъ надушку, привязанную къ трубѣ: «не течетъ ли, молъ?» Все это полно заботъ, все занято, точно обряды какіе исполнять; но Трепетовъ чувствуетъ уже себя выше этой жизни; ему не хотѣлось бы отдаться вполне такимъ заботамъ и въ нихъ похоронить всѣ интересы свои. «Не-

ужели и мнѣ, думалъ грустно Тренетовъ, придется жить когда-нибудь такою жизнью?.. А я еще, безумецъ, мечталъ когда-то найдти въ нихъ поддержку и даже пробудить въ нихъ другіе, болѣе человѣческіе интересы... Да и кого будить тутъ? Старики непробудимы: ихъ карьера кончена и, въ силу втягивающей привычки, они приняли общій колоритъ мѣстности; ничего новаго они не поймутъ. Изъ молодого поколѣнія тутъ есть только двѣ-три дѣвушки на возрастѣ, но и онѣ волей-неволей втягиваются въ колею жизни отеческой; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и онѣ первыя возстанутъ противъ разныхъ нововведеній, и въ ту же колею втянутъ потомъ и дѣтей своихъ, еще пока, къ счастью, нерожденных... Неужели вездѣ такая жизнь и тѣ же препятствія къ осмысленной, свободной дѣятельности? Вѣдь есть же гдѣ нибудь другіе, лучшіе люди, съ которыми можно отвести душу?.. Хотѣлось бы видѣть этихъ лучшихъ людей и побесѣдовать съ ними... вѣдь тяжело это одиночество!..»

Юноша, не шутя, тосковалъ о томъ, зачѣмъ дерево растетъ, какъ дерево, и зачѣмъ оно не говоритъ по человѣчьи. Не хотѣлъ онъ понять, что такая жизнь приходится вполне въ пору его родственникамъ и они органически уже не могутъ жить иначе, что съ ними, значить, и толковать нечего и злиться на нихъ печего, а надо утекать отъ нихъ.

На погостѣ ударили въ колоколь: завтра праздникъ какой-то. По тропинкѣ изъ лѣсу послышались чьи-то шаги, и скоро Николай Васильичъ разглядылъ Таню. Она шла съ корзиной грибовъ; легкая усталость видна была въ ея движеніяхъ, а лицо было по вѣжному серьезно и нѣсколько уныло. Тренетовъ давно уже интересовался Таней, какъ личностью, которая рѣзко отличается отъ остальныхъ жильцовъ погоста. Никогда онъ не видѣлъ, чтобы эта дѣвушка улыбалась; вѣчно она серьезна не по лѣтамъ; кажется, думаетъ о чемъ-то и живетъ такъ механически, точно заданный урокъ заучиваетъ и боится получить наказаніе. Проходя мимо Тренетова, Таня замѣтила его, вздрогнула и ускорила шаги. Потомъ она пошла тише, поглядывая вскользь на Николая Васильевича, и, наконецъ, совсѣмъ остановилась въ нерѣшимости. Кругомъ не было ни души; съ погоста не могли ее видѣть, и это придавало дѣвушкѣ необыкновенную храбрость. Послѣ небольшого колебанья она подошла къ Тренетову.

— Я у васъ попросить хотѣла... Николай Васильичъ, — начала она, струсивъ.

— Что вамъ, Таня... Татьяна...

— У васъ, говорятъ, книжки есть.

— Есть.

— Дайте, пожалуйста, почитать.

— Какую же вамъ дать?

— Какуюнибудь, только не проповѣди. Я у Никиты Иваныча всё книжки прочтала; у него все проповѣди, а мнѣ хочется другихъ... Я бы очень скоро прочтала...

— Хорошо, я отыщу вамъ чтонибудь...

— Пожалуйста,—договорила Таня, переводя духъ, и, оравидѣвшись, торопливо вышла на тропинку.

— Только чтобъ никто не вдалъ!.. шепнула она, отойдя нѣсколько шаговъ, и затѣмъ быстро побѣжала къ погосту.

«Такъ вотъ отчего она и дурочной-то зовется: книжки читать любить»,—произнесъ Трепетовъ, взглянувъ провожая Таню... Ему вдругъ легче стало, точно онъ нашелъ себѣ товарища.—«Не все еще погубило, думалъ онъ:—не одинъ я значить къ книжкамъ пристрастие имѣю.»

Часу въ восьмомъ вечера, Николай Васильичъ воротился на погостъ. Во это время погостъ бываетъ особенно живъ и представляетъ пріятную картину семейнаго счастья. Дневныя работы кончаются, а ужинать еще рано, вотъ и собираются всё обыватели холма у воротъ своихъ домовъ, грѣются на вечернемъ солнышкѣ и мирно толкуютъ, о чемъ придется, чтобы сократить время до ужина. На крыльцѣ своего дома, по обыкновенію сидѣлъ отъ Никиты и, отъ нечего дѣлать, развлекался стравливаньемъ двухъ заковыкъ собакъ. Завидѣвъ Трепетова, онъ немного сконфузился, потому что все еще считалъ его за посторонняго человѣка, передъ которымъ слѣдуетъ высказывать себя только съ умной и серьезной стороны. Они раскланялись.

— Вотъ собакъ травлю,—сказалъ отъ Никиты въ видѣ оправданія,—люблю очень...

Трепетовъ отъ своихъ долговъ улыбнулся.

— А что вы, Николай Васильевичъ, никогда въ мою лѣту не заглянете? А?

— Отчего же не заглянуть? я очень радъ,—отвѣтилъ Трепетовъ, и дѣйствительно это приглашеніе было для него очень кстати: онъ

рассчитывала познакомиться съ полюбившимъ Тани въ этомъ семействѣ.

— Ну, такъ милости просимъ, — пригласила отъ Никита.

Она въвела гостя въ свою квартиру и указала на диванъ. Квартира была обставлена съ претензіями на роскошь, хотя много дѣль оканчивалась отъ пренебреженія. На стѣнѣ видно изображеніе заграничнхъ монаховъ, видъ какого-то монастыря и портретъ какого-то митрополита. У окна, сложя руки на подлокники, сидѣла макушка Дарья Никитична, особа очень полная, съ остями очень свѣжизная, но безъ грѣшей, какъ видно, своему своему мраморная. Въ углу помещалась дѣвочка нѣтъ принадлежать съ низкою.

— Ишь сошлись какой, макушка макушка, увидѣть гости, — умъ сидитъ въ свѣтотѣ ядги, такъ и старыхъ знакомыхъ забывать надо?

— Я не забываю, отвѣтилъ Тренетовъ.

Послѣ болтовни, поминувшей смысла, разговоръ перешелъ на серьезнѣе предмети. Отецъ Никита бѣлся изъ-вѣхъ силъ, чтобы многоумно передъ гостемъ своею начитанностью и образованностью; однако онъ заговорилъ о томъ, какъ они въ свое время Канта изучали и писали латинскія рассужденія, а потомъ перешелъ и къ новѣйшей литературѣ.

— Вотъ я нынче по вечерамъ «Воскресное чтеніе» читаю, говорилъ она; — и умнѣйшая книга, и замъ ежизу, наконецъ ежизу изъ міра духовнаго. Геніальный, можно сказать, человекъ этотъ Арсеній преосвященнѣйшій: — вы, конечно, читали его?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Напрасно, умъ всеобъемлющій, особенно на гостя «облюди-те убо»... Если знаете, я могу вамъ сообщить.

— Негогда мнѣ, Никита Ивановичъ, читать; надо въ университетъ готовиться.

— Не совѣтую, Николай Васильевичъ, не совѣтую. Протѣвъ воля родительской ядги грѣшно; кѣтъ вы сами въ лѣсамъ читали, что блаженъ, име...

— Впрочемъ я больше свѣтовія книги читаю, перебилъ его Тренетовъ; стараясь избѣгнуть правдоушій.

— И это нехорошо. Нынче свѣтскія книги лишуютъ все любовныя связи и разарать разный...

— Что и говорить ужъ! неожиданно вмѣшалась Дарья Никитич-

на: — ильчѣ по городѣмъ такой развратъ паньскъ, что особливо ежели съ дѣвухами — просто бѣда; и годъ отъ году все хуже и хуже. Телѣ дѣло наше-то время вспомянись; бывало и въ банѣ-то вмѣстѣ съ мушкетерами мылись, и никакая грѣшная мысль не лѣзла въ голову. Соберется всѣ дѣвочки, бывало, и моются... Развѣ няный какой бывало залѣзетъ и начнетъ безобразничать. А теперь попробуй-ка въ баню къ мушкетерамъ съ дочерями-то пойдти, — грѣха не оберешься съ ними...

Разговоръ плавно покотился по этой дорогѣ, и пошли разные воспоминанія о нравственности былого времени. До сихъ поръ все шло, какъ по маслу, но одно печальное приключеніе неожиданно нарушило гармонію вечера и познакомило Третьякова съ будничною жизнью этой семьи. Дѣло въ томъ, что въ это время, не подозревая гостей, въ комнату вбѣжала Таня, растрепанная и съ огромной лоханью въ рукахъ; по замѣтивъ Третьякова, она вдругъ смѣшалась, растерялась и опрометью бросилась назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она вошла опять, но уже причесанная, въ другомъ, чистомъ платьѣ и безъ лохани, сѣла у двери и видимо хотѣла послушать, не рассказываетъ ли чего Николай Васильичъ. Все это не ускользнуло отъ вниманія Дарьи Никитичны.

— А лохань гдѣ? спросила она вполголоса.

— На кухнѣ.

— Отчего на кухнѣ? Развѣ ты забыла, что я велѣла тебѣ простыни смочить?

— Послѣ смочу, тихо отвѣтила дѣвушка.

— Когда это послѣ? въ праздникъ, что-ли, стирать-то будешь? заговорила попадья, возвышая голосъ.

Дѣвушка не отвѣтила и только закусила верхнюю губу. Дарья Никитична не спускала съ нея глазъ.

— Да что ты, мать моя, забарничала сегодня? Чего ты вырядилась-то? А? Праздникъ, что-ли?..

Таня выгнула и быстро вышла изъ комнаты. Третьяковъ почувствовалъ нѣкоторую тревогу, однако онъ напрягалъ вниманіе, чтобы понять и е. Никиту, который въ это время спокойно продолжалъ рассказывать ему какой-то случай въ конторѣ. Дарья Никитична, начинала горячиться.

— Сейчасъ же принеси лохань и стирай, слышишь? крикнула она вслѣдъ ей.

Нислушная! Таниа опять внесла грязную лохань и хотѣла было проворно пронести ее въ другую комнату, но при этомъ вышло новое несчастье. Видно дѣвушка была очень взволнована присутствіемъ Трепетова; потому что руки ея дрожали, лохань расплескалась и обрызгала полъ и ея платье. Таниа окончательно растерялась послѣ этого и, кое-какъ поставивъ лохань, снова обратилась въ бѣгство. Трепетовъ сидѣлъ, точно на угольяхъ, и ждалъ новой сцены. Дарья Никитична вышла изъ себя.

— Куда, куда барыня? изволь подтереть, коли намочила, закричала она. Ишь, модничать задумала, я тебѣ помодничаю... Паша, позови ее?

Дѣвочка весело отбросила книгу и въ припрыжку понеслась исполнить приказаніе, точно и ей было пріятно досадить Танѣ. Воротившись, она доложила матери, что «Танька не идетъ.»

— Такъ погодижь ты, я тебя усмирю, модница, — прошипѣла попадья, вставая. — Извините меня, Николай Васильчъ, прибавила она, обращаясь къ Трепетову, — воцъ дѣвка у меня съ ума сходитъ, — и затѣмъ она вышла, ворча что-то про себя.

— Скоро Трепетовъ услышалъ, какъ она начала кричать на весь дворъ: «ахъ ты, голь копѣчная, ахъ ты, дура неблагодарная» и т. п.; потомъ былъ слышенъ шумъ какой-то и даже, кажется, побой... такъ, покрайней мѣрѣ, показалось Трепетову. Паша въ это время фыркнула.

— Ты чего? спросилъ отецъ Никита, оборачиваясь къ дочери.

Та присмирѣла.

— Чего ты, бестія, смѣешься? А? — началъ допрашивать отецъ, вставая.

Трепетовъ не могъ оставаться долѣе и, не сказавъ никому ни слова, отправился домой. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи больше владѣть собою. Проходя мимо отвореннаго сарая, онъ слышалъ чье-то всхлипыванье и, скрѣпя сердце, заглянулъ туда. Тамъ, облокотясь на связку хомутовъ и склонивъ на руни свою растрепанную голову, горько плакала Таниа. Отчаянье и глубокая обида слышались Трепетову въ этомъ плачѣ и самъ онъ точно почувствовалъ на себѣ ту же обиду. Злость душила его. «Такъ вотъ ваши старья, нравственныя правила! И вы еще смѣете глумиться надъ развратомъ городскимъ... Экая низость!» шепталъ онъ, стиснувъ зубы, и съ этой минуты возненавидѣлъ отца Никиту и его супругу.

— Что жъ вы рано уходите, присядьте бы!— крикнула ему Дарья Никитична, показавшись изъ крыльцъ, какъ: но въ чемъ не бываемъ.

— Не мешаю, трубе отвѣтить ей Трехпаловъ и отправился домой.

Теперь онъ ясно понималъ то жалкое состояніе, явленіе приходилось переживать Танѣ.

Послѣ ужина, онъ долговременно сидѣлъ между своими книгами, придумывая, что бы дать прочесть ей, и на первый разъ выбралъ «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Потомъ онъ охотнѣе призывалъ свою дачную Машу и просилъ ее потихоньку передать ему книгу Танѣ:

— Только такъ сдѣлай, чтобы никто этого не видавъ, слышишь? училъ онъ ее.

— Слышу, отвѣтила дѣвочка, съ недоумѣньемъ заглядывая на брата; однако исполнила порученіе въ точности.

VIII.

Николай Васильичъ, послѣ впечатлѣній вчерашняго дня сдѣлался очень угрюмъ и съ лихорадочнымъ жаромъ принялся за книги. — «Прегляжу скорѣе, что слѣдуетъ, — думалъ онъ, да и тягу дамъ отсюда; Богъ съ нимъ, съ этимъ смельчачинымъ смасъемъ!» — Цѣлыя дни просиживалъ онъ въ своей комнатѣ въ мезонинѣ и зубралъ до отупѣнія, до боли головы. Конечно скалистическіе учебники того времени, какъ Кайдановъ, Ободовскій и Рождественскій съ братією, не могли заинтересовать его собою, и громадное количество вычитанныхъ фактовъ укладывались въ его голову безъ всякой связи и общаго смысла, — но онъ смотрѣлъ на эти занятія, какъ на непобѣдимое условіе поступленія въ университетъ, который, какъ полагалъ онъ, поможетъ осмыслить ему всё эти знанія и уяснить его безчисленные вопросы. Въ видѣ отдыха, онъ по вечерамъ читалъ журналы и книги для легкаго чтенія, имѣвшіеся у него на зацѣ, и такимъ образомъ день за днемъ проходилъ у него неаппетитно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по видимому, крѣпла и рѣшимость его покинуть мѣсто.

Василій Петровичъ и Екатерина Ивановна совсѣмъ пріумали и только съ отчаяньемъ поглядывали другъ на друга.

— Нашъ-те и сегодня цѣлый день просидѣлъ на вышнѣ, — сказать иногда, пригорюнясь, матушка.

— Учися все, уныло отвѣтитъ ей отецъ Василій и вѣдохнетъ.

Многца матушка, наведывавшаяся вѣрвалъ, на утернать и подниматся на вышку, хоть поглядѣть на сынка. Войдетъ она робко въ его комнату, приманять гдѣ нибудь въ сторонѣ и глядѣть на любимца, глазъ не спускать. А тотъ хмурится и продолжаетъ упорно заниматься.

— Ты все книжки читаешь? спроситъ она съ укоромъ.

— Читая, матушка, — отвѣтитъ тотъ.

— И ты книги, знаетъ, больше меня любишь? Съ иной слова сказать не хочешь, а съ ними цѣлые дни...

Сынъ молчитъ.

— Что съ тобой ставось, — уша не престою... Прежде хороший такой былъ...

Сынъ опять ни слова. Мать долго сидитъ, пригорюнилась и придумываетъ, что бы еще сказать.

— Ишь ихъ тутъ сколько у тебя, во все жирнымъ какія... продолжаетъ она, съ слубожимъ отпрядченемъ поглядывая на непечатныя книги...

— А ты и сегодня не будешь съ нами обѣдать?

— Нѣтъ, матушка, вы опять сюда приманте.

— Новыя порядки стали... Даже и въ съ днѣхъ не хометь... Какъ знаешь, твою волю... Машельно мнѣ не будешь.

Сынъ молчитъ.

— Ну, а пойду, скажетъ она вѣдывая, потому медленне скрутитъ ся внизъ, прикурнетъ куда нибудь въ уголокъ, да тамъ стерпнать, — расплачется.

Иной разъ таннѣ же порядкомъ и отецъ забредеть къ нему и начнетъ разговоры на ту же тему. Потому, очевидно по порученью родителей, къ нему, ни съ того ни съ сего, началъ приходять дячокъ Захарычъ. Придетъ, усядется и съ разстановкой сообщаетъ ему свои премудрыя умоарвнѣя, только чтобы отвлечь его отъ этикъ книгъ-то ехидныхъ. Наконецъ эти частые визиты и однообразное нытье на одну тему начали надоѣдать Третькову и онъ сталъ заператься на замокъ. И догадко, и вѣротно етановилось юношѣ отъ этого систематическаго преслѣдованія и приемотриванья за нимъ, и не разъ появлялась у него беззаконная мысль «удрать развѣ завтра?» но въ тоже время онъ смутно осзнавалъ что у него не хватаетъ рѣшимости сразу покончить съ родителями, что слезы матери обещаютъ

рушиваютъ его да и денегъ нѣтъ у него ни копѣйки, а безъ денегъ бѣжать неловко. — Такъ и пережила она: до поры, до времени крѣпиться и по-немногу готовится къ экзамену, и все еще поддерживалъ въ себѣ надежду, что авось-либо съ теченьемъ времени родители привыкнутъ къ мысли о разлукѣ съ нею, и тогда все устроится съ миромъ и любовью. Этой невѣрной, искусственной надеждой она убаюкивала себя...

— Просидѣвъ въ заперти нѣсколько дней за напряженными работами, Николай Васильчъ утомился, соскучился и началъ изрѣдка показываться изъ своей засады. По вечерамъ онъ выходилъ на площадку передъ церковью и подсаживался къ комунибудь изъ дьячковъ, чтобы поболтать о какойнибудь пустяковинѣ. Вокругъ него тотчасъ собиралась кучка слушателей, сбѣгались ребятинки со всего погоста, и онъ вралъ имъ всякую чепуху, отъ которой общество покатывалось со смѣху. Раза два принимался онъ рассказывать имъ чтонибудь изъ физики, или изъ исторіи, или просто содержаніе какойнибудь прочитанной повѣсти, и слушатели при этомъ корчили свои физиономіи на серьезный ладъ, слушали съ глубокимъ вниманьемъ и изрѣдка только вставляли свои замѣчанія въ родѣ: «ахъ, шельма, вотъ поддѣлъ-то!» и т. п. Иной разъ подкрадывалась къ этому кружку и Тая и тоже осторожно прислушивалась къ словамъ Николая Васильча, но чуть только онъ бывало замѣтитъ ее, она зардѣется вся и старается показать видъ, что зашла сюда невзначай или мимоходомъ. Между тѣмъ, отецъ съ матерью пользовались прогулками сына для своихъ цѣлей. Какъ только онъ уходилъ изъ дому, они осторожно забирались въ его комнату и тамъ на просторѣ пересматривали до подробностей всѣ его книги, читали его записки, разсматривали замѣтки и при этомъ выводили разные заключенія. Послѣ тщательнаго осмотра, они, какъ ни въ чемъ не бывало, спускались внизъ и тоже иногда подсаживались къ нему на скамейку. Но Николай Васильчъ въ присутствіи родителей обыкновенно умолкалъ и чувствовалъ себя какъ-то неловко, точно кто дотрогивался до его раны.

Однажды, измучившись надъ рѣшеніемъ какого-то уравненія, Трепетовъ вышелъ изъ комнаты раньше обыкновеннаго. Скучно сѣдалось ему; занятія не шли въ голову. На погостѣ царилъ тишина: всѣ работали въ полѣ, хлѣбъ припасали на зиму. Въ воздухѣ было знойно и душно; солнце жгло невыносимо. Николай Васильчъ

обгнувъ надбашку и свертывая въ рѣву, гдѣ стоялъ развѣсистый кленъ, подъ невернымъ онъ любилъ жонжировать на травѣ. Тамъ, подъ тѣмъ же кленомъ, онъ замѣтилъ Таню. Сблизивъ голову на руки, она сидѣла на камнѣ и безъ дѣли глядѣла въ даль, на дорогу. Передъ нею стояла корзина съ мокрымъ бѣльемъ, но дѣвухинѣ, очевидно, было не до работы. Треземель есмѣлилась подойти къ ней и она, сверхъ обвиновенія, не убѣжала отъ него, а только инстинктивно оглядѣла себя и поправила волосы.

— Вы все работаете? спросила Треземель.

— Да, вотъ бѣлье стирала, — надо снести, а жарко, — отвѣтила Таня.

— Васъ, однако, мучать порядочно...

— Что-жь, надо жѣ работать... Я прежде у нихъ еще больше работала, а теперь вотъ что-то... уставать стала... Я скоро, кажется, совсѣмъ захвораю...

— Простудились вѣрно?

— Нѣтъ, такъ... скучно что-то.

Таня произнесла это «скучно» такъ искренно, что Треземелю жаль стало ея. Онъ не зналъ, что и сказать ей на это.

— А пропятали вы книгу, которую я послалъ вамъ? спросилъ, онъ попомнявъсь.

— Прочтала.

— Ну, что жѣ? Понравилась?

Таня прозадумалась.

— Я не знаю, отвѣтила она, — какіе-жь они, «бѣдные» люди? Дѣвухиннѣ какой-то отравный, вотъ Поровскій развѣ... Впрочемъ я ничего ни знаю. Я и вникать больше читать не буду; право, лучше и не знать, что на свѣтѣ дѣлается; такъ спокойнѣе...

— Неужели спокойнѣе?

— Во всякъ... Нѣтъ, я не знаю.

— Отчего вы никогда не хотите говорить со мною?

— О чемъ же говорить-то? Вы человѣкъ умный, а я вѣдь ничего не знаю. Прежде, бывало, я много говорила, да отецъ сѣрдился на это: не твоѣ, говоритъ, дѣла разуждаться, надо слушать, что старшіе говорятъ. Вотъ я и слушаю съ тѣхъ поръ, и молчу. Давно говорить-то ни съ кѣмъ не хочется.

— А бываюте вы когда-нибудь несогласны съ тѣмъ, что старшіе говорятъ.

— Бываю, а какъ смолчу, такъ и лучше: мое всегда со мной останется. Вы скоро уѣзжаете? спросила она, помолчавъ.

— Да, надо ѣхать.

— Счастливыи вы какой, сколько народу-то увидите...

— Вамъ завидно?

— Еще бы!... скучно безъ людей. Я тоже вѣдь прежде въ городѣ жила, хоть и невесело, а все лучше чѣмъ... Однако, что же я, — спохватилась дѣвушка, — скоро коровы прядутъ...

— Танька! а Танька!... коровы пришли, — послышался голосъ Дарьи Никитичны.

Таня вздрогнула, проворно схватила корзину и побѣжала къ погосту. За нею слѣдомъ поплеся и Николай Васильичъ; разсѣянно поднялся онъ на вышку, взявъ алгебру и отправился съ нею въ лѣсъ. Тамъ онъ завалился подъ старую сосну и пролежалъ до самой ночи. Конечно, не алгебра занимала его въ эти минуты.

Отецъ Василій съ Катериной Ивановной, видя что Николай Васильичъ не перестаетъ учиться, стали наконецъ серьезно беспокоиться. Поняли они, что тутъ нечего сидѣть сложа руки и ждать пока онъ самъ одумается, а надо дѣйствовать и принимать рѣшительныя мѣры. Но какъ тутъ дѣйствовать? что еще предпринимать? Василій Петровичъ ломалъ голову и ничего не могъ придумать. Наконецъ онъ рѣшился просить помощи у сосѣдей и общими силами обсудить это дѣло, а то, пожалуй, въ Лежинѣ займутъ священническое мѣсто и жди опять потомъ, когда откроется новая вакансія.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, воспользовавшись отсутствіемъ Николая Васильича, Василій Петровичъ пригласилъ себѣ отца Никиту, позвалъ дьячковъ Филмоныча и Захарыча, и пономаря Силыча, и просилъ ихъ посовѣтовать ему, чѣмъ помочь горю, потому сынъ выходитъ изъ повиновенія, а урезонить его нечѣмъ. Общество чинно усѣлось для совѣщанія; всѣ понимали, что дѣло это очень важное и, нѣкоторымъ образомъ, касается благосостоянія всего погоста. Послѣ необходимыхъ оканій и жалобъ на нынѣшнія времена, общество приступило къ самому дѣлу.

— Ты самъ, Василій Петровичъ, виновать во всемъ, — началъ со- ледно отецъ Никита. — Зачѣмъ было смолоду баловать сына, вотъ онъ и не повинуется теперь. У меня бы этого не было, я

бы ему за каждое суровое слово такого трезвону задать, что шоловнй былъ бы. А то какой же ты родитель, ежели тебя даже сынъ не боится?

— Кто-жъ могъ уразумѣть всего, Никита Иванычъ, — отвѣтилъ жалобно отецъ Василій. — Это вотъ все, она баловница, испортила его — добавилъ онъ, указывая на Катерину Ивановну.

— Не тровъ ты меня, Василій Петровичъ, я сама все это понимаю.

— Что жъ теперь дѣлать-то, братіе, научите, Христа ради! взмолился отецъ.

Общество на минуту сползло, и насупилось.

— Молебень надо бы отпѣть, — вставилъ нерѣшительно Захарычъ, откашлявшись въ кулакъ. Ему не отвѣтили.

— А то вотъ проѣздомъ мужикъ лѣтось былъ, — произнесъ робко Иванъ Силычъ, — такъ онъ сказывалъ, что въ деревнѣ Сумяткахъ солдатъ отставной жветъ, ну и онъ.... этотъ самый солдатъ, я говорю....

Всѣ со вниманіемъ посмотрѣли на Ивана Силыча; онъ это чувствовалъ и терялся.

— Что же? спросилъ отецъ Никита.

— Онъ книжки такія имѣеть; сказываютъ отъ всѣхъ болѣзней заговариваетъ, ну и если сынъ тоже.... примѣрно....

— Ври тамъ больше.

— Я и самъ такъ полагаю, — добавилъ смущенный Силычъ, — и думаю, что лучше всего молебень отпѣть....

— Какъ отпѣть-то его? Надо такъ его устроить, что бы Николай не зналъ.

— Все это не то, перебилъ внушительно отецъ Никита. — Тутъ надо прямѣе брать. Вы мнѣ растолкуйте, онъ въ университетъ, что ли, готовится?

— Да, учится.

— Значить, и книги у него съ собой есть?

— Много книгъ.

— Ну, и кончено дѣло. Надо у него эти книги взять да запрятать куда нибудь, вотъ что. Ежели у него книгъ не будетъ, какъ онъ учиться-то станетъ? А? — спросилъ отецъ Никита, самъ восхищенный своею мыслью.

Общество притихло. Саша Катерина Ивановна стала внимательнѣе.

— Такъ ли я говорю?

— Это вѣрно, замѣтилъ Филимонъ, ибо ежели книгъ не будетъ, какъ ему заниматься-то?...

— Куда жь запрятать книги? Гдѣ не спрячешь, отыщеть вѣдь; я его знаю, — сказала мать.

— Въ писаннй вотъ что сказано: анче око твое обблзняетъ тя, вверзи его въ геенну; поэтому я полагаю, что эти книги лучше всего сжечь, — заключилъ отецъ Никита, вставая.

— Убиваться больно будетъ, замѣтилъ отецъ Василій.

— А ты объясни ему ужь, что убиваться грѣшно; что это для его же пользы сдѣлано.

Все общество одобряло гениальную мысль отца Никиты и сообща порѣшило книги сжечь, но только такъ сжечь, чтобъ объ этомъ Николай Васильичъ ничего не зналъ раньше, а то онъ, пожалуй, спасать ихъ начнетъ. Этимъ совѣщаніе кончилось и общество разошлось по своимъ квартирамъ.

Катеринѣ Ивановнѣ такое рѣшеніе пришлось особенно по сердцу, и она задумала не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и покончить съ книгами нынче же ночью. Напрасно усовѣщивалъ ее Василій Петровичъ и пугалъ всякими послѣдствіями: матушка ничего и слушать не хотѣла; она понимала только, что если книги сжечь, то Николая учиться больше не будетъ, а тамъ, что выйдетъ дальше, про то Господь вѣдаетъ, лишь бы книгъ этихъ проклятыхъ не было.

Долго въ эту ночь она сидѣла на крылечкѣ и все поглядывала скоро ли огонь на вышкѣ потухнетъ. Но долго мѣлзвалъ за завѣской этотъ огонь, и потухъ только тогда, когда свѣтать стало. Сильно билось сердце у Катерины Ивановны; страхъ забиралъ ее и легкая дрожь ходила по тѣлу, но она все сидѣла и раздумывала. Вотъ ужъ заря загорѣлась, вспорхнулъ и залился рѣнный жаворонокъ, утренній вѣтерокъ прохватилъ дрожью усталое тѣло Катерины Ивановны; она наконецъ приподнялась, захватила платкомъ и вошла въ комнату. — «Надо еще съ часикъ подождать, пока взгнетъ хорошенько», подумала она и прилегла на постель. За перемородой съшался кашель и храпѣнье отца Василія; онъ тоже не жегъ заснуть отъ тревоги; да и не первую ночь онъ такъ кричитъ и кашляетъ. Пробыло три часа. Катерина Ивановна встала, затопила печку; потомъ положила три земные поклона передъ образомъ и осторожно по-

дошла къ двери сыновней комнаты. Къ счастью ея, дверь эта оказалась незанертой. Николай Васильичъ спалъ, завернувшись съ головою въ старый отцовскій подрясникъ; онъ и не предчувствовалъ конечно, что его лучшіе друзья сегодня осуждены на всесожженіе, и что сію минуту приговоръ надъ ними будетъ исполненъ. Катерина Ивановна чуть слышно подералась къ ненавистнымъ ей книгамъ, захватила ихъ цѣлую охапку и осторожно стащила внизъ; потомъ поднялась на вышку во второй и въ третій разъ, и скоро всѣ книги перешли въ полное ея распоряженіе. А внизу уже печь трещала и накаливалась, и вотъ полетѣли въ нее одна за другою эти невинныя мученицы, собранныя Трепетовымъ съ такими трудами и, къ несчастію, попавшіе на этотъ враждебный имъ холмъ. Вотъ вспыхнули томы Карамзина, задымилась ожирѣвшая алгебра, затрещали журналы; долго еще, прижавшись къ сторонкѣ, спасалась отъ общей погибели «племянница» Евгенія Туръ, но потомъ и она вспыхнула, и скоро отъ всѣхъ этихъ плодовъ російскаго просвѣщенія остался на погостѣ одинъ бурый пепелъ. Окончивъ подвигъ, Катерина Ивановна вдругъ опомнилась и сама испугалась за свое дѣло; мурашки у ней по тѣлу пошли; голова закружилась; и жаль ей стало вдругъ сына, и струсилла она за тѣ послѣдствія, какія могутъ выйти изъ этого дѣла. А младшая дочь ея, Катя, бывшая свидѣтельница этой сцены, бросилась уже трубить по всему погосту, что у брата Николая мать книги сожгла. Поднялся и заговорилъ весь погостъ объ этой новости, развязались языки, поднялись споры и толки.— «Быть бѣдѣ!» рѣшилъ Захарычъ, хорошо знавшій характеръ Трепетова, а отецъ Василій съ утра нарочно уѣхалъ куда-то, чтобъ не видѣть скандала.

Бѣды, однако, особенной не вышло. Когда та же Катя утромъ сообщила Трепетову объ истребленіи книгъ, то этотъ фактъ такъ изумилъ его, что онъ совсѣмъ растерялся и долго не могъ прѣдти въ себя. Онъ никогда и представить не могъ себѣ ничего подобнаго, и съ этой стороны нападенія не ожидалъ вовсе. Долго, какъ ошеломленный, сидѣлъ онъ на своей постели, потомъ безсознательно одѣлся, осмотрѣлъ еще разъ мѣсто, гдѣ лежали книги, и спустился внизъ, въ комнату матери. Хотѣлъ онъ что-то сказать ей, да такъ и не сказалъ ничего, и какъ больной опустился на диванъ. Ни жива, ни мертва сидѣла передъ нимъ Катерина Ивановна; страхъ пронималъ ее, въ душу закрадывалось раскаянье. «Хоть бы обругалъ скорѣе» —

думала она, въ отчаяннѣи взглядывая на сына; а тотъ молчать по прежнему, блѣдный и пахмуренный, и только нижняя губа его судорожно вздрагиваетъ. Наконецъ онъ поднялся.

— Я завтра въ городъ ѣду, — глухо, но отчетливо выговаривалъ онъ. — Дадите лошадей — ладно, и не дадите — пѣшкомъ уйду.

Мать такъ и занѣмѣла. Николай Васильичъ быстро направился къ двери.

— Вотъ вы чего добились, — прошептала онъ уже въ дверяхъ — спасибо вамъ!.. Утѣшались!..

Онъ хлопнулъ дверью. Мать опомнилась, проглатя ее эти слова, и сама не своя бросилась она за нимъ въ погоню. Въ сѣняхъ она остановила сына и, рыдая, повисла на немъ.

— Прости ты меня, глупую, — закричала она, заливаясь слезами, — не покидай твою мать! для твоей же вѣдь пользы...

— Наблюдай, а потомъ плачь!.. Пустите же меня! крикнулъ Трепетовъ надтреснувшимъ голосомъ и, оттолкнувъ Катерину Ивановну, выбѣжалъ на воздухъ.

А на площадкѣ собрался уже народъ. Всѣ знали, что долженъ выйти скандалъ, и съ нетерпѣньемъ ждали, чѣмъ онъ кончится. Изъ оконъ высовывались головы любопытныхъ обитательницъ; ребятишки, притаившись за угломъ, робко слѣдили оттуда за Трепетовымъ. Кто-то изъ нихъ пустилъ въ него комомъ глины... Николай Васильичъ надвинулъ фуражку и пошелъ черезъ погостъ куда глаза глядѣли, безъ всякаго сознанія; пори шли сами собою прочь съ погоста и хотѣлось ему теперь только запрятаться куда нибудь подальше отъ этихъ сердобольныхъ лицъ, съ ихъ непрошенымъ сожалѣньемъ и напвной опекой. У моста догналъ его Захарычъ. — Послушайте-ка Николай Васильичъ, — кричалъ онъ, запыхавшись.

— Убирайтесь вы къ чорту, отвѣтилъ ему Трепетовъ, не владея собою.

— Я только на счетъ того, что ежели вы въ свѣтскіе...

— Уйдете ли вы? Я ни за что не отвѣчаю.

Захарычъ смолкъ и отсталъ, ворча что-то про себя.

Трудно описать, что испытывалъ въ эти минуты Трепетовъ; скажу только, что ощущение его было гадкое, болѣзненное, въ немъ было и чувство обиды, и безсильной злобы, и даже отчаяннѣи. Кровь была въ голову и мучительно металось сердце, точно надавила его

стоудовая пиря; сначала онъ былъ жестокощъ и готовъ былъ идти на своихъ погибшихъ друзей, но потому это жесточеніе перешло въ безнадешное уныніе. «Бъ кому же теперь обратиться съ своимъ болемъ?» зывалъ онъ горько. «Всѣ противъ меня; даже дѣти земли въ меня грязью бросаютъ... Спасибо вамъ!..» Долго шелъ онъ по полямъ и болотамъ, наконецъ обезсвѣлъ и упалъ на траву. На глазахъ его проступали слезы, жгучія, мучительныя слезы, и онъ зарыдалъ, какъ не рыдалъ никогда. Плачь, милѣйшій Николай Васильичъ, благо никто не видитъ слезъ твоихъ! Мучься больно! Эти горькіе уроки пройдутъ для тебя не безъ пользы. Ты вспомянешь ихъ много въ разѣ!..

А между тѣмъ, негость толковала и перасуживала дѣло во всѣхъ рты. Захарычъ объявлялъ во всеуслышанье, что онъ чуть не убилъ его. Бъ Катеринѣ Ивановнѣ обратились разные дѣтшники и дѣтшительницы, и много упрековъ унало въ эти минуты на голову бѣднаго Николая Васильича. Отецъ Никита рѣшилъ радикально, что слѣдовало бы созвать мужиковъ да выдрать хорошеенько этого сорванца разѣ пять на компаніи, такъ онъ и смарился бы. Фалимовычъ, пошла впередъ совѣщаніе, намалъ удрекать Катерину Ивановну, завѣмъ она небаловала сына. А матушка слушала всѣ эти рѣши и лучше надрыдалась, плакала. Передъ вечерней прѣхалъ и отецъ Васильичъ, а, думая, что сынъ завкра хочетъ убраться съ негоста, перепугался до нельзя и прежде всего напалъ на жену. — «Боворилъ я тебѣ, что не надо женѣ, — кричалъ онъ въ сердцахъ, — ну, вотъ теперь и уйдеть». Онъ въ этотъ день даже вышелъ изъ своей обычной смиренной роли и поссорился съ отцемъ Никитой, завѣмъ тотъ далъ такой совѣтъ. Отецъ Никита тоже вышелъ изъ себя за эти замѣчанія и гнѣвъ его всею тяжестью обрушился на Дарью Никитичну и Тамару. Словомъ, миръ и тишина на постояль били нарушены..

Наступилъ вечеръ, а Николай Васильичъ все еще не возвращался, и безмяковство Третьяковыхъ росло съ каждымъ часомъ. Вотъ уже и ужалать вора, и стоять работница; но обыкновенію, накрыла на пять приборовъ, оставивъ одинъ для поповича «неравно захочеть», — а его все еще нѣтъ. — «Неужели болемъ не воротится?» шептала въ раздумьи отецъ Васильичъ, боясь, чтобы жена не далада его опалелій. — «Нѣтъ, утѣшала онъ себя, итѣстать его еще дома, дали вынелъ кулъ.. А кто какъ безъ шиванъ?» — «Холодный потъ шиванъ балъ стариковскую голову.

В сумерки къ нимъ пришла Степанида Петровна и сообщила новое опасеніе, чтобъ Николай Васильичъ руку на себя не наложилъ, потому что если ужъ онъ родителей не почитаетъ, такъ отъ него все станется; при этомъ просвириня разсказала даже, какъ она, «еще въ дѣвущихъ бывши», читала одну толстую книжку, и въ этой книжкѣ такая же исторія описана. Трепетовы почти не слушали ея болтовню, а между тѣмъ, у нихъ стала мелькать и эта мысль: «что, если померь?» После ужина, отъ Василій не перенесъ безпокойства и надѣлъ рясу и шапку.

— Куда ты? спросила жена.

— Пойду, поищу, можетъ и въ лѣсу гдѣ... истати прогуляюсь...

Часа два бродилъ онъ по лѣсу и по берегу рѣни, и воротился домой усталый и полубольной. Отъ постоянной нервной тревоги, онъ почувствовалъ лихорадочные припадки и, сбросивъ теропливо отсырѣвшую отъ росы рясу, прилегъ на кровать. Разъ десять пресыпался онъ въ теченіи ночи и всякій разъ испуганно спрашивалъ себя «гдѣ то онъ теперь? можетъ и не живъ ужъ?»...

Но тревожились старики напрасно. На другой день къ вечеру Николай Васильичъ, ко всеобщей радости, воротился на погостъ. Онъ былъ только блѣднѣе обыкновеннаго и сильно осунулся за эту ночь; въ рукахъ у него были три книги въ роскошныхъ переплетахъ... Онъ хотѣлъ незамѣтно пройти въ свою комнату, но отецъ остановилъ его въ дверяхъ.

— Гдѣ ты былъ, Николай, говори, Бога ради?

— Гдѣ-жъ мнѣ быть? У Вихляева былъ.

— А ты какъ... здоровъ?

— Не совсѣмъ. Я пойду, полежу немного, а вы мнѣ не мѣшайте.

Трепетовъ поднялся на свою вышчу и легъ: лихорадка и его забрала; организмъ не выдержалъ такой передаряги. Голова отупѣла, въ ней туманъ какой-то, а между тѣмъ, все еще сверлятъ мозгъ жгучіе вопросы: какъ быть? гдѣ выходъ? время вѣдь не терять... Онъ рѣшился было убѣжать отсюда, да нѣтъ, силъ все еще не хватаетъ, мать жалко вдругъ стало бросить, да и Вихляевъ тоже совѣтуетъ подождать. Долго Трепетовъ напрягалъ свою голову чтобы обдумать свое настоящее положеніе, но ничего не выдумалъ и болѣзненно зѣвнулъ. Анатія напала на него... Передъ ужиномъ къ нему вошла сестра его Маша.

— Матушка спрашиваетъ, не хочешь ли ты ѣсть? сказала она.

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтилъ онъ ей.

— И молока не хочешь?

— И молока не хочу.

Маша, однако, не уходила и, бояливо поглядывая на брата, искала чего-то въ карманѣ.

— Что ты, Маша?

— Танюша велѣла тебѣ бумагу отдать, да тебя дома не было— сказала она, подавая брату смятый клочокъ бумаги. На этомъ клочкѣ паскоро было написано карандашомъ: «Сію минуту я услышала, то Никита Иванычъ говорилъ, что ваши книги жечь будутъ, и потому вы ихъ спрячьте, а то учиться нельзя будетъ. Т.»

— Когда она дала тебѣ это?

— Еще позавчерась.

— Ну, смотри, Маша, никому не сказывай.

— Я не скажу, Танюша тоже просила.

Маша ушла. Николай Васильичъ еще разъ перечиталъ письмо и пожалѣлъ, что получилъ его слишкомъ поздно. Сталъ онъ вдумывать-ся потомъ въ тѣ побужденія, которыя руководили Таней при этомъ письмѣ, и убѣдился, что тутъ главную роль играло одно безразсчетное, теплое сочувствіе къ нему. Значить, понимала добренькая Таня, какъ трудно было для Третьякова потерять книги. «Чужая поняла меня», думалъ онъ и чувствовалъ, что съ этой минуты она стала ему не чужая.

Утромъ Николай Васильичъ сошелъ внизъ и, отъ нечего дѣлать, спросилъ поѣсть. Катерина Ивановна съ радостью наставила ему цѣлый столъ разныхъ кушаньевъ, но онъ только дотрогивался до нихъ, а ѣсть не могъ. Мать съ перваго взгляду замѣтила, что сынъ ея нездоровъ, что глаза у него мутные и лицо, какъ у покойника.

— Дай, Никола, я тебѣ примочку на голову положу, да бузины напейся,—сказала она какъ можно ласковѣе.—Вѣдь ты совсѣмъ болѣешь.

— Въ самомъ дѣлѣ, матушка, мнѣ что-то нездоровится; полегча на меня.

Катерина Ивановна уложила сына, обклеила его голову мокрыми тряпками и напояла бузиной. Кто можетъ лучше матери ухаживать за больнымъ сыномъ? Третьяковъ понялъ это и, прощаясь съ матерью передъ сномъ, крѣпко пожалъ ея руку.

— Спасибо тебѣ, загрузка, прощайте! онъ.

— То-то, глупый, отвѣтила та, цѣлуя голову сына, ты думаешь, что мать тебѣ зла желаетъ? Ну, кто въ сибирскихъ-то будитъ ухаживать такъ за тобой?

— А все-таки ты опустить неси ъхать?

— Опять ъхать? Господи, да что-жъ это такое?...

IX

Прошло еще нѣсколько дней. Катерина Ивановна, зная, что сынъ начинаетъ опять разговаривать съ нею и сдѣлался какъ-будто ласковѣе, — совсѣмъ было оживилъ; въ ней проснулась надежда, что, можетъ быть, онъ одумался, и, вслѣдствіе этого, съ новымъ жаромъ возобновила она прежнія ухаживанія, ухаживанія и упреки. Опять пошли разныя неприятыя сцены, которыя болѣе и болѣе тяготили Трепетова. Наконецъ, желая вовсе прекратить эти сцены, онъ объявилъ матери, что если она задумаетъ еще разъ дѣлать и жить передъ нимъ, онъ сейчасъ же уѣдетъ съ погоста. После этого все смолкло въ семьѣ и принимало въ присутствіи Никоня Васильича какой-то напряженно-спокойный видъ, хотя никому не чувствовалось легче отъ этого замѣшавшаго, мучительнаго спокойствія.

Положеніе нашего героя было очень невеселое. Онъ все еще крѣпился и не отступалъ отъ своего намѣренія, но и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Трепетовъ теперь убѣдился окончательно, что мать добровольно никогда не согласится опустить его въ университетъ, убѣдился и въ томъ, что если онъ уѣдетъ безъ ея согласія, то это убьетъ ее и надолго, можетъ быть навсегда, разстроитъ счастье родной семьи. А это пугало Трепетова. По привычкамъ дѣтства онъ все еще любилъ свою мать, считалъ себя обязаннымъ ей, цѣнилъ ея прежнія ласки; ему хотѣлось бы по прежнему дѣлать съ нею свое горе и радости, вызывать ея сочувствіе къ своимъ думамъ и дѣламъ, и считать своимъ другомъ до самой смерти; кромѣ того, онъ все еще сознавалъ на себѣ тяготившее какое-то нравственнаго долга, въ силу котораго считалъ себя не въ правѣ ссориться съ семьей, оскорблять ее и поступать противъ ея желанія. Для того, чтобы исполнить этотъ долгъ и сохранить любовь семьи,

нигде было отказаться отъ тѣхъ задуманныхъ плановъ, съ которыми давно сроднилась его натура, и пренебречь свою заманчивую будущность на ту низкую жизнь, которую онъ видѣлъ впереди себя; но такая жертва, казалась, была не по силамъ ему, потому что кто видѣлъ хоть частицу свѣта, тому не хочется, да и трудно оставаться въ потьмахъ. И вотъ сталъ Николай Васильичъ на распутья, и напрасно наирогать отъ свой усталый мозгъ, чтобы найти выходъ, безысходный для себя и для семьи, — выхода не было, а между тѣмъ, и такъ жить становилось невыносимо.

Трепетовъ замѣтилъ, что въ послѣднее время весь погостъ точно отшатнулся отъ него. Идетъ ли онъ по площадкѣ, все память на него глаза съ обиднымъ сожалѣниемъ, валь на помѣшаннаго; заговорить ли съ нѣмъ, всякій нарываетъ образумить его и прельстить красотами сельской жизни. Даже дѣти при его появленіи умоляли, слѣдили за нимъ съ исчерченнымъ любопытствомъ, и на разѣ Трепетову слышалось брошенное вслѣдъ ему слово «свѣтскій» съ самымъ что ругательнымъ отгѣномъ. Да оно и естественно: всѣмъ живущимъ погоста, конечно, понятнѣе было состояніе отца Василія съ женою, чѣмъ иль сына, и потому они болѣе сочувствовали имъ, чѣмъ ему, а при такомъ сочувствіи старались общими силами смирить еретика и обратить его на путь истинный. Дома тоже утѣшенія немного: тамъ всѣ сидятъ молча, повѣсивъ головы; стены похуждѣвъ и бродить самъ на свой по концамъ съ убитой встревоженной миной; онъ и плечь своихъ забываетъ совѣтъ и на требы пересталъ ѣздить. Мать сидитъ гдѣ нибудь въ углу, и хотя не плачетъ при сынѣ, но видно, что слезы у нея всегда на готовѣ. Обрядовая сторона жизни остается таже, но не толь въ ней смыслъ; нѣтъ прежняго спокойствія и отгѣнка самодовольной новизности, которая видѣлась прежде въ каждомъ обрядѣ. Такъ же всѣ ложатся спать, но не снять, ходить на работу, но не спорится работа, столы накрываютъ, но рѣдко кто проглотить нѣсколько плотковъ супу, и тожь всѣ спрашиваютъ другъ друга, «отчего ты не ѣшь?» хотя и понимаютъ причину. Только двѣ младшія сестры Трепетова живутъ по прежнему, полною жизнью и ѣдятъ съ аппетитомъ, потому что у нихъ совсѣ миръ и свои ребячьи интересы. Конечно, и они замѣчаютъ, что въ семьѣ происходитъ нѣчто страшное, но это теперь имъ не совсѣмъ понятно, а будетъ понятнѣе впоследствии, когда они сами стануть въ такое же по-

ложениі. Иногда, чтобы разсѣять думы родителей, Николай Васильичъ начинаетъ разговаривать съ ними о чемъ нибудь постороннемъ, но разговоры выходятъ искусственные, смѣхъ болѣзненный, отъ котораго еще тяжелѣе становится, и рассказчикъ самъ начинаетъ понимать, что этимъ онъ не устранитъ катастрофы и не примирится съ родней. Сидитъ съ ними долго Николай Васильичъ, наконецъ его самого одурь возьметъ и тяжело сбѣлается; онъ инстинктивно выходитъ на свѣжій воздухъ и ищетъ, на чемъ бы успокоиться, чѣмъ бы развлечься. А тамъ опять окружаютъ его разные Захарычи и Силычи съ сердобольными лицами и непрощенымъ участиемъ.

Этотъ разладъ съ окружающей обстановкой, это давящее чувство полного одиночества и отсутствіе всякой внѣшней поддержки—сильно и разрушительно дѣйствовали на неустановившуюся еще патуру нашего героя. Ежедневныя ссоры и непріятности сначала раздражали и сердили его, а потомъ это ожесточеніе перешло въ одну постоянную, вѣчно-ноющую боль, которая съ каждымъ днемъ сильнѣе томила его. Особенно сильно начало мучить его сознаніе, что онъ разстроилъ счастье своей семьи, что заставляетъ страдать свою матушку, которая сбѣлала для него такъ много и ожидала отъ него одной только любви и утѣшенія,—а онъ чѣмъ отплатилъ ей за это? Онъ видѣлъ, что его родители томятся, худѣютъ, болыны совсѣмъ, и онъ одинъ главный виновникъ ихъ тревоги. Что-жъ тутъ дѣлать? Столковаться съ ними нѣтъ надежды, тянуть далѣе это положеніе—силъ нѣтъ, съ ума сойдешь; значитъ надо рѣшить немедленно: быть или не быть? а это вопросъ слишкомъ важный—вопросъ жизни и смерти. Приходилось взвѣсить всѣ шансы и смѣло, съ глубокимъ анализомъ ощупать свои личныя привязанности, чтобы узнать, что для него выше: потребность ли знанія и другой свободной жизни и дѣятельности, или ласки родителей, ихъ любовь и ухаживанье?.. Но какъ тутъ узнаешь это, когда измученная голова совсѣмъ отказывается работать и нервы просятъ отдыха?

Утомился Трепетовъ отъ этой непосильной борьбы. Въ головѣ его стоялъ туманъ, хотѣлось выйдти какъ нибудь изъ этого положенія, чтобы окончательно не сойти съ ума, и не было вокругъ его никого, кто бы могъ указать ему этотъ выходъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ гнетущей тоски, у него начала даже иногда являться отчаянная мысль объ уступкѣ. «Остаться развѣ?» думалъ

онъ. «Вѣдь и тутъ можно книгу купить и прожить не безъ пользы! Можно понемногу изучать условія мѣстной жизни, помогать прихожанамъ по мѣрѣ возможности: заведу школу, въ проповѣдяхъ моихъ жизненный смыслъ будетъ, а потомъ... Что, потомъ?.. Далѣе уже ничто пѣть. Да и что, если эта жизнь вдругъ не поправится? вѣдь перемены никакой быть уже не можетъ, и рыси не бросишь? — тамъ и придется перебиваться изо дня въ день до гробовой доски? А между тѣмъ, каждый сосѣдъ, каждая былинна и козавка, и весь складъ окружающей жизни: будетъ незамѣтно втягивать въ известную колею, потомъ постепенно заврутъ вопросы и желанія, и дѣтъ черезъ плечо — сами не узнаете себя.... Или и тамъ можно бороться и жить?.. Тамъ думалъ Третьяковъ и сознавалъ, что мыслить объ этой уступкѣ — уже значава преступленіемъ стремленіемъ, что пройдетъ еще нѣсколько дней, и эта чуждая ему жизнь можетъ охватить его со всѣхъ сторонъ и увлечь въ свой вихорь... — «Помогите!» кричалъ онъ въ отчаяніи всему міру. — «Помогите, — каданъ!..»

Третьяковъ, отчасти, самъ былъ виноватъ въ томъ, что довелъ себя до такого тяжелатаго состоянія. Если бы онъ съ первыхъ же дней поженуль погостъ, разрывъ пришелъ бы для него и для родителей съ меньшей болью, но, откладывая со дня на день рѣшеніе своего дѣла, онъ только напрасно усиливалъ свои боли и тревогу своихъ родителей. Съ каждымъ днемъ для него являлись новыя комбинаціи, работа усложнялась и быстро втягивала его въ то безвыходное положеніе, въ которомъ онъ теперь чувствовалъ себя. Известно: вѣдь, что неясность положенія болѣе томительна, чѣмъ самое исполненіе факта. Но Третьяковъ этого не хотѣлъ понять и боролся какъ-то механически, почти безсознательно, самъ же охлаждая свои порывы равными размышленіями и надеждами, вовсе неидущими къ дѣлу.

Время, между тѣмъ, проходило безплодно, а Третьяковъ все еще не прискалъ себѣ выхода и только путался больше. Наконецъ, онъ рукой на все махнулъ и сталъ переживать день за днемъ въ полпѣшемъ безсмыслии и бездѣйствіи, точно ждалъ чуда какого то, которое устроить ему развязку. На него напала полная, болѣзненная апатія: туго глядѣлъ онъ на ходъ жизни: на погостъ, на вздохи матери и уныніе отца; лежать на диванѣ и лежать, какъ влать, или бродить гдѣ-нибудь безъ цѣли, а сердце у него все червякъ какой-то сосеть, злой червякъ, которому, однако, онъ и имени не

придумалъ. Если ужъ слышнѣе тяжело дома сдѣлается, онъ уйдетъ къ Вихляеву и играть съ нимъ въ шахматы или корнать въ его библиотекѣ. Онъ думалъ забыться въ чтеніи и пробудить въ себѣ остывшій жаръ къ занятіямъ, но странно, даже такія книги, за которыя прежде онъ полжизни отлагалъ бы, и онъ теперь не могли заинтересовать его; глядѣлъ онъ въ нихъ и ничего не видѣлъ, точно на глазахъ у него сѣтка какая, а на мозгъ непроницаемая плева выросла. Разговоры Вихляева не занимали его, плоскія шутки помѣщика нагоняли на него зѣвоту. Пробовалъ онъ разъ какъ-то поговорить съ нимъ откровенно о своемъ положеніи, но помѣщикъ отвѣтилъ ему, что въ университетѣ очень хорошо, но что и священникомъ быть тоже очень хорошо, особенно въ сосѣдствѣ съ нимъ, Вихляевымъ; и, во всякомъ случаѣ, онъ совѣтовалъ ему прежде всего отдохнуть и полечиться немного.—Хорошо,—отвѣчалъ ему Трепетовъ и возвращался домой искать утѣшенія, а тамъ его встрѣчали опять тѣ же печальныя лица, то же тяжелое безмолвіе.

Однажды, послѣ щекотливаго объясненія съ матерью, Трепетовъ ушелъ изъ дому и трое сутокъ спасался у Вихляева. Наконецъ безпокойство о домашнихъ овладѣло имъ и онъ рѣшился воротиться. На дорогѣ встрѣтилъ его отецъ, блѣдный и особенно чѣмъ-то взволнованный.

— И за тобой, сказалъ онъ сыну.

— Что случилось?

— Мать больна, и боюсь, чтобы твою... не вышло бы худо. Она и то ужъ...

Отецъ говорилъ нервно и глухо.

— Послушай, Николай, вѣдь это все изъ-за тебя, неблагоприятный!.. Пожалѣй ты ее!.. Притворись ужъ лучше, все легче ей будетъ, а то... Слушай, тебѣ это все одно, а я-то какъ же останусь? Мнѣ безъ нея не сдобровать...

Голосъ старика дрогнулъ и нижняя губа задрожала.

— Чѣмъ же я-то виноватъ здѣсь, батюшка? Вы думаете мнѣ самому легко? тихо сказалъ Трепетовъ.

— Убѣжай ужъ ты скорѣе... безъ тебя легче было... право,—произнесъ отецъ, утирая скатившуюся слезу... Ты и меня плакать заставлялъ, а я двадцать лѣтъ не плакалъ... Вотъ что ты сдѣлалъ...

— Успокойтесь, ради Бога,—шепталъ растерявшійся Николай Васильевичъ и торопился отца домой.

Они вѣстѣ вошли въ комнату, гдѣ на кровати лежала Катерина Ивановна, обязанная разными тряпками. Въ комнатѣ пахло уксу-сомъ. Подлѣ большой хлопотала Степанида Петровна и прикладывала къ головѣ ея мокрыя полотенца. Съ Катериной Ивановной въ послѣд-нее время довольно часто начали дѣлаться нервные припадки: про-живъ спокойно столько лѣтъ, она, конечно, не могла перенести всей этой передраги, а послѣ того, какъ Николай Васильичъ на трое сутокъ пропалъ куда-то, она совсѣмъ слегла. Сжалось сердце Трепетова, когда онъ подошелъ къ больной, и тяжело было ему видѣть ея страданія, причину которыхъ онъ зналъ хорошо. «Не-благодарный!» слышались ему слова отца, отъ котораго онъ ни-когда не слыхалъ ничего подобнаго. Значить, сильно было ихъ горе, что даже кроткій отецъ рѣшится произнести это слово. «Когда-жъ наконецъ, и чѣмъ все это кончится?» подумалъ юноша, теряя всякую рѣшимость.

— Матушка, что жъ мнѣ дѣлать-то? спросилъ онъ, наклоняясь надъ матерью.

— Что хочешь, сынъ, твоя воля, не уходи ты только отъ меня,—слабо отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я еще мѣсяца три проживу съ вами, а тамъ какъ нибудь столкнусь.

Мать не отвѣтила ему и заплакала. Степанида Петровна тоже не выдержала наконецъ.

— Бога ты не боишься, тиранъ ты эдакой, варваръ жестокий, закричала она.—Хоть бы креста-то ты побоялся, фармазонъ ты ова-янный, и т. п.

— Оставь его, Степанида Петровна,—замѣтила мать, всхлипывая, но просвирия ужъ если начала ругаться, то остановить ее было трудно. Долго она причитывала надъ Катериной Ивановной, обра-щаясь съ разными упреками «къ тирану», но Николай Васильичъ не слушалъ ея; на него точно столбнякъ нашолъ, и онъ до поздней ночи просидѣлъ неподвижно въ ногахъ у больной матери.

Бываютъ минуты, что умереть хочется, что окружающія невзгоды отравляютъ самую любовь къ жизни. Страшны эти моменты одура-ющаго и жертвющаго отчаянья, потому что тогда человѣкъ очень близокъ къ помѣшательству. Ихъ переживалъ теперь Трепетовъ...

На другой день къ вечеру, мужикъ принесъ отъ Вихляева письмо, адресованное на имя отца Василія. Въ этомъ письмѣ помѣщикъ

увѣдомлялъ «батюшку» что на лежнскую священническую вакансію просятся очень многіе, и потому просилъ его къ завтрашнему дню сообщить ему, Вихляеву, окончательный отвѣтъ: согласенъ ли Николай Васильчъ занять это мѣсто, или нѣтъ? Неизвѣстно, ради какихъ побужденій писалъ это Вихляевъ, знаи очень хорошо намѣренія Трепетова, но, какъ бы те ни было, письмо произвело свое дѣйствіе, и у отца Василя совсѣмъ руки опустились.

Николай Васильчъ тотчасъ узналъ о содержаніи этого письма отъ своей сестры Маши, выругалъ отъ души помѣщика, однако не рѣшился спуститься внизъ. Онъ понялъ, что рѣшительное объясненіе теперь неизбѣжно, и боялся за себя и за свою твердость. Въ томительномъ ожиданіи началъ онъ мерещиться какую-то книгу, а самъ думалъ со страхомъ: «вотъ-вотъ сейчасъ отвернется дверь и войдетъ отецъ. Какъ отвѣтить ему?»

Однако черезъ нѣсколько минутъ вошелъ не отецъ, а сама Катерина Ивановна. Слабая, блѣдная и тяжело переводя духъ, оставилась она въ дверяхъ... Николай Васильчъ никакъ не ожидалъ увидѣть мать, потому что она до сихъ поръ все еще не сходила съ постели.

— Матушка, что вы это? произнесъ онъ, подбѣжавъ къ ней и поддерживая ее.

— Вотъ я больная совсѣмъ, а притащилась къ тебѣ, прошептала та, опускаясь на стулъ.—Дѣло важное... Вотъ читай письмо...

— Я знаю его, сказалъ Николай Васильчъ, бѣгло проглядывъ письмо.—Вотъ что, матушка, ради Бога не будемъ говорить объ этомъ. Ты теперь больна, а поправишься, — мы и потолкуемъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ дашь сегодня послѣдній отвѣтъ... Я не уйду иначе. Пожалѣй же ты меня наконецъ, Никола! Вѣдь я только и жила для тебя... всѣ мои заботы только о тебѣ одномъ... Никола... я и умру, можетъ, скоро... такъ ты ради смерти-то хоть...

Катерина Ивановна не могла продолжать. Важность этого момента отняла у ней послѣднія силы; она понимала, что отъ послѣдняго отвѣта сына зависитъ все ея будущее счастье. Отважись онъ теперь, и завтра же займутъ мѣсто, и тогда исчезнетъ ея послѣдняя надежда. Она съ судорожнымъ рыданьемъ припала къ сыну на грудь и ухватилась за него, точно боялась, что онъ уйдетъ.

— Никола... вѣдь ты одинъ у меня, заговорила она перерывисто.—Ну, помри отецъ, на кого мы всѣ останемся? Вѣдь я изболѣю

совсѣмъ за тебя, и такъ ужъ я изболѣла... За каждый шагъ твой боялась... сколько ночей не спала, все Богу молилась, все худое бывало лѣзеть въ голову... И вотъ, думала, теперь успокоюсь... Николая, родной мой, да неужели жъ ты промѣняешь на кого мать свою?.. Вѣдь, право, хоронить тебя было бы легче...

— Матушка, не мучьте вы меня,—могъ только произнести Трепетовъ.

— Ты покينуть меня хочешь, ты не любишь твою мать, тебѣ каждая книга дороже... А я-то, глупая, думала... Нѣтъ, Николая, ты не сдѣлаешь этого... Послушай меня, сынъ мой, другъ ты мой, пойми же ты наконецъ, что мать никогда тебѣ зла не желаетъ... Помнишь, какъ мы жили прежде съ тобой? а теперь что?.. Испортили тебя злые люди... не такой былъ прежде...

Николай Васильичъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ на руку голову свою. Каждое слово матери отзывалось въ немъ болью, но онъ молчалъ; онъ не могъ говорить и только чувствовалъ, что самъ готовъ разрыдаться. Катерина Ивановна молча и перерывисто всхлипывала и сквозь слезы долго шептала ему слова любви и упрека; потому что она точно опомнилась, отерла слезы и пристально поглядѣла на сына.

— Ну, что же ты? спросила она довольно твердо, — надо вѣдь отвѣчать сегодня.. Ну, какой отвѣтъ дать? будь, что будетъ... Все, небось, къ свѣтскимъ хочешь?..

Сынъ по прежнему молчалъ, блѣдный, какъ въ пытку. Катерина Ивановна сама поблѣднѣла, не спуская глазъ съ сына. Ужасъ овладѣлъ ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, коли ужъ ты не хочешь,—не говори лучше! Пусть хоть надежда какая останется... Господи, помоги ты мнѣ! крикнула она и опять залилась слезами.

— Тяжело наконецъ это, — простоналъ Николай Васильичъ и машинально поднялся.

— Не уходи, Бога ради! въ испугѣ сказала мать и тоже поднялась.

— Не убѣгу, не бойтесь, прошепталъ сынъ.

— Ну, такъ говори же послѣдній отвѣтъ, писать вѣдь надо... Говори что нибудь, не мучь только... Николая, больно вѣдь; пожалѣй мать больную...—произнесла она съ такимъ понятнымъ ему стра-

комъ, что Николай Васильичъ не могъ больше владѣть собою. Онъ бросился къ ней на грудь и самъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Твой я, матушка! Дѣлай ты со мной, что хочешь!.. прошепталъ онъ ей, не помня самъ себя...

Въ тотъ же вечеръ отецъ Василій сочинилъ письмо къ Виклеву, что сынъ его, Николай, изъявилъ желаніе поступить священникомъ въ село Лежино, помѣщика Курдюкова.

Возликовалъ весь погостъ емельяновскій. Радостная вѣсть «согласился» облетѣла всѣ уголки его мирныхъ обитателей; всѣ оживи, заговорили о предстоящихъ празднествахъ и радовались, что скоро опять водворится на погостѣ прерванный покой и тишина. Во многихъ окнахъ далеко за полночь все еще свѣтились огни, точно насква вторая настала.

И. А. Влгоговѣщенскій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТА.

I.

ВИДОВЪМЪНЕНІЯ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ.

Ежедневно возрастающій недостатокъ въ деньгахъ придаетъ вопросу о кредитѣ большое значеніе, въ особенности потому, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ важнѣйшихъ общественныхъ задачъ. Всѣ они должны разъясниться или потерять всякій смыслъ, какъ только откроется возможность удовлетворительно отвѣчать на этотъ повсемѣстный то грозный, то страдальческій крикъ: «деньгъ, деньгъ!»

Практическій смыслъ даетъ кредиту слѣдующее опредѣленіе: кредитъ есть тотъ процессъ, посредствомъ котораго извѣстная доля налично существующаго богатства или капитала затрачивается въ виду возвращенія ея, съ прирощеніемъ или безъ прирощенія, изъ будущаго производства, т. е. *овърнется будущему*.

Если мы возьмемъ самый простой изъ встрѣчающихся на практикѣ видовъ кредитныхъ операцій, то мы увидимъ, что смыслъ его вполне объясняется этимъ опредѣленіемъ: не имѣя ничего въ наличности, кромѣ умѣнья и способности работать, я беру въ займы (кредитуюсь) у капиталиста, которому почему-нибудь внушаю довѣріе, — сумму, необходимую на покупку матеріала, который я обработаю и обращу въ продуктъ, годный для общественнаго потребленія. Продавъ этотъ продуктъ, я возвращаю капиталисту занятія у него деньги и съ прибавкою условленныхъ процентовъ. Я доволенъ, потому что получилъ возможность самостоятельнаго производителя; капиталистъ доволенъ, потому что получилъ безъ малѣйшаго труда извѣстную

долю богатства, въ созданіи котораго онъ участвовалъ чисто пассивно, т. е. только взносомъ своего капитала; общество тоже довольно, потому что производитель явился тамъ, гдѣ безъ кредита его не могло быть.

Останавливаясь на первомъ и самомъ общемъ опредѣленіи кредита, мы видимъ, что это одинъ изъ тѣхъ процессовъ общественнаго организма, посредствомъ котораго общество въ каждую данную минуту затрачиваетъ извѣстную долю наличнаго своего богатства, какъ матеріалъ, какъ сѣмя будущей производительности. Сѣмя это оплодотворяется трудомъ активнымъ, дѣятельнымъ началомъ всякой производительности, и изъ него рождаются новые ряды продуктовъ: изъ нихъ извѣстная доля истребляется для удовлетворенія насущныхъ потребностей общества, а остатокъ *капитализируется*, т. е. сохраняется для того, чтобы снова быть пущеннымъ въ оборотъ и т. д.

Такъ какъ необходимость будущей производительности составляетъ одну изъ постоянно-присущихъ общественному организму потребностей, то кредитъ является какъ бы обязательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ можетъ не ввѣрять другому лицу обработки своего капитала, но если онъ и самъ не станетъ его обрабатывать, то чтобы продолжать существовать въ будущемъ—такъ какъ онъ ничего не создаетъ,—ему придется уничтожать уже созданное. Въ частности такіе случаи встрѣчаются черѣдко, но цѣлое общество никогда еще не представляло подобнаго примѣра.

Общій основной характеръ кредитныхъ операций нисколько не измѣняется отъ того, соединяетъ ли одинъ и тотъ же человекъ въ себѣ роль должника и заимодавца, или же роли эти распределены между двумя лицами или больше. Первые вопросы, которые предстоитъ рѣшить, чтобы опредѣлить условія производительности кредита, остаются все тѣ же; но измѣняется самый способъ ихъ рѣшенія, и въ особенности на практикѣ.

Затрачивая извѣстный капиталъ, я необходимо долженъ сообразить прежде: сколько вѣроятности на то, что капиталъ этотъ возвратится изъ будущаго?—Очевидно, что если я самъ же обрабатываю капиталъ, то мнѣ предстоитъ рѣшить только: можетъ ли быть выгодно предпринимаемое мною производство? если же я даю его другому, то тутъ уже важную роль играетъ довѣріе, внушаемое мнѣ этимъ лицомъ.

Затѣмъ, возникаетъ другой существенный вопросъ: съ какими

именно приращеніемъ долженъ вернуться ко мнѣ затрачиваемый капиталъ? Вопросъ этотъ очень просто рѣшается чисто-техническимъ путемъ, когда капиталистъ рѣшаетъ его самъ съ собою; но чуть явится здѣсь второе лицо, то онъ не замедлитъ принять такую сложность, что самые ученые экономисты едва ли успѣли бы выяснитъ его надлежащимъ образомъ. — Когда я рѣшаюсь самъ обрабатывать свой капиталъ, то соображаю слѣдующимъ образомъ: если я пущусь со своимъ капиталомъ въ такой-то оборотъ, то, приложивъ къ нему максимумъ труда, на который я способенъ, получу съ него, положимъ, 10%; а другое предпріятіе, при тѣхъ же условіяхъ, дастъ мнѣ ихъ 15%. — Когда же я хочу отдать его другому, то соображаю совсѣмъ иначе, или же просто навролю сорвать съ него, на сколько возможно, больше, если я не стѣсненъ какими нибудь чисто-случайными соображеніями. Разумѣется, что мы будемъ разсматривать здѣсь эти вопросы относительно тѣхъ кредитныхъ операцій, которыя совершаются между двумя или нѣсколькими лицами.

Организовать кредитъ, значить открыть полную фактическую возможность каждому нуждающемуся въ немъ пользоваться имъ, по возможности, легчайшимъ и дешовѣйшимъ образомъ, и притомъ съ болшей выгодой для общественной производительности.

Старая политико-экономическая теорія и практика не выработали ни одной кредитной системы, которая бы вполне удовлетворяла этимъ требованіямъ. Ростовщичество, въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ, нельзя назвать кредитомъ въ собственномъ смыслѣ, потому что воровство и монополь нельзя относить къ нормальнымъ явленіямъ соціальной жизни. Что же касается *личнаго* кредита, основаннаго на случайномъ довѣрїи одного лица къ другому, то это — исключительное явленіе, стоящее внѣ экономическихъ законовъ, это — первобытная форма, которая при дальнѣйшемъ развитіи общества сама собою исчезаетъ. Затѣмъ остается третья система — *ипотекальнаго* кредита, на которой остановилась современная политико-экономическая наука.

Но и эта послѣдняя форма кредита прошла чрезъ такіа противорѣчія и злоупотребленія, что отрицаніе ея, во имя лучшаго соціального порядка, становится неизбѣжнымъ.

Отрицаніе это до сихъ поръ еще не дошло до того, чтобы открылась положительная возможность обобщенія кредитныхъ операцій безъ всякой ипотеки; но понятіе о самой ипотекаѣ значительно по-

двинулось впередъ отъ первообразной своей формы: — такъ называемаго теперь ручного залога...

Какъ первый шагъ впередъ, по этой дорогѣ, является возможность заложивать известные предметы, не лишая себя права пользованія ими.

Затѣмъ, вмѣсто вещественнаго залога, является (при вѣсельномъ займѣ) *абстрактная* ипотека, т. е. возможность ссуды, обеспеченной только *сознаніемъ*, нравственною увѣренностью въ состоятельности должника, т. е. въ томъ, что затрачиваемый капиталистомъ капиталъ не ввѣряется будущему, а уже обезпеченъ существующими въ наличности стоимостями.

Дальше этого второго шага старые ортодоксальные экономисты не пошли, а употребили всѣ свои старанія на то, чтобы организовать, по возможности, этотъ замѣнъ вещественной ипотеки— абстрактною.

Поэтому мы и не поидемъ дальше за ними въ ихъ организационныхъ трудахъ и попыткахъ. Весь смыслъ этихъ трудовъ и попытокъ заключается въ двухъ, сдѣланныхъ ими, шагахъ на пути отрицанія ипотеки. Подъ кредитомъ они, тѣмъ не менѣе, разумѣютъ возможность со стороны капиталистовъ предъявлять нѣсколько разъ одну и ту же стоимость; о болѣе прямомъ, менѣе фактивномъ и менѣе случайномъ значеніи кредита, т. е. о сближеніи посредствомъ его труда съ капиталомъ, они заботятся очень мало; а если изъ ихъ дѣятельности и произошла нѣкоторая польза для организациіи кредита въ его послѣднемъ, нормальномъ смыслѣ, то ихъ все же ни винить, ни хвалить за это не слѣдуетъ, потому что она случилось совершенно независимо отъ ихъ стремленій и отъ ихъ сознанія...

Замѣчу однако же, что теоріи политико-экономическаго кредита оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, по ими же избранному пути, для того, чтобы выйти изъ искусственной колеи предопредѣленныхъ взглядовъ и односторонняго пониманія и сочувствія—на болѣе широкую дорогу.

Но дѣло въ томъ, что пока экономическая наука шла по своей избитой колѣѣ и ошунывала въ потемкахъ путь къ нормальному развитію кредита, она частью развила сама, частью же освятила только своимъ признаніемъ много, развитія самую жгзненную рупиноу побочности и случайности, извращающія истинный смыслъ дѣла,

мѣшающія понимать его надлежащимъ образомъ, но, тѣмъ не менѣе, дорогія сердцу жрецовъ капитала и священнаго права *usu et ab usu*.

Но во имя чего капиталисты могли бы отказаться отъ возможности взиманія даннъ съ производителей, хотя бы и въ ущербъ общественному благосостоянію, но съ явной выгодой для себя?—Трудно предположить, чтобъ они изъ одного человеколюбія рѣшились на этотъ подвигъ. Филантропія предлагаетъ слишкомъ много, а болѣе дешовыхъ средствъ удовлетворенія нравственной потребности благодѣлать своему ближнему—не имѣется.

Прудонъ блистательно показалъ несостоятельность политико-экономическихъ теорій съ точки зрѣнія справедливости; и Прудонъ, безъ сомнѣнія,—великій метафизикъ общественной науки. Но, во-первыхъ, экономическая теорія въ его время держалась на недостигаемыхъ вышъ для какой вѣртыки теодицеискихъ вершинахъ. Для того, чтобы быть побѣжденнымъ въ борьбѣ съ сильнымъ нужна извѣстная доля силы. Ея-то и не было въ разбрасываемыхъ имъ экономистскихъ доктринахъ. Во-вторыхъ, понятія о справедливости слишкомъ эластичны у многихъ, и мало надежды на то, чтобы капиталисты отказались отъ *производительности* своихъ капиталовъ потому только, что имъ покажутъ, какимъ образомъ измѣнились критеріумы справедливости со времени процвѣтанія Ганзы и муниципализма, т. е. съ тѣхъ поръ, когда капиталистамъ въ самомъ дѣлѣ было за что брать выкупъ съ производителей...

Здѣсь, мнѣ кажется, мѣсто указать на одинъ фактъ, случившійся почти на нашихъ глазахъ, на который, по моему мнѣнію, недостаточно было обращено вниманія...

Я различаю два періода въ развитіи экономической науки. Представители перваго изъ этихъ двухъ періодовъ, корифеи преобладающаго въ немъ возрѣчія, пользовались особенною силою и почетомъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Ихъ, правда, не долюбивали очень ужъ прогрессивные люди, но общій уровень такъ называемаго передоваго общества былъ повсюду самый благопріятный для нихъ. 49-й и вѣтъмъ 52-й годы во Франціи были рѣшительною побѣдою ихъ надъ немногими противниками... И что же? — Только что умозкли эти побѣжденные противники, и самый могущественный изъ нихъ, Прудонъ, бросивъ въ нихъ своимъ *Руководствомъ для биржевыхъ спекуляторовъ* (*Manuel du spéculateur à la Bourse*), ушелъ въ метафизику права... Умозкли и самые экономисты, а тѣ,

которые и пробовали говорить, сдѣлали еще хуже, стали повторять зады, лишенные всякаго практическаго интереса, или вдалились въ такую головоломную путаницу финансерства, въ которой уже никто ничего не могъ ни понять, ни сообразить: къ чему она клонится.

А между тѣмъ, общественное мнѣніе, усталое отъ борьбы, отъ политикаства, отъ полемикъ, испуганное плохимъ состояніемъ финансовъ, и частныхъ, и общественныхъ, готово уже было радоваться, что поле битвы осталось исключительно за старыми экономистами. «Теперь-то думало оно, безъ задней мысли, безъ политическихъ видовъ, и безъ ненужнаго раздраженія, насъ научать, чѣмъ пополнить дефициты, какъ избѣжать ихъ впредь, какъ устроить производства, торговлю, кредитъ, чтобы всѣмъ было, по возможности, хорошо». И съ жадностью прислушивалось оно ко всему, что говорилось отъ имени политической экономіи. Но скоро убѣдилось—увы! что слушать рѣшительно нечего. На этомъ и застала ихъ *Политическая экономія* Стюарта Милля...

Странно можетъ показаться читателю, но тѣмъ не менѣе справедливо, что эта замѣчательная книга едва ли не всего больше произвела впечатлѣнія въ Россіи. Въ Европѣ ее перевели на всѣ языки, прочли, но Стюартъ Милль такъ и остался до сихъ поръ совершенно одинъ, явленіемъ совершенно случайнымъ, безъ связи съ прошлымъ, безъ того вліянія, которое онъ имѣлъ бы непременно, если бы этого прошлаго не было вовсе.—Немудрено, Стюартъ Милль не подходитъ ни подъ одну изъ категорій извѣстныхъ до него экономистовъ, и въ то же время не представляетъ и компромисса между крайне противоположными направленіями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Книга Милля должна была необходимо возбудить самое горькое разочарованіе на счетъ политико-экономической премудрости во всѣхъ уповавшихъ или претендовавшихъ на нее. Въ самомъ дѣлѣ, пока Прудонъ и фурьеристы изобличали экономистскіе идеалы, отвергали или перестраивали экономистскія категоріи,—это можно было объяснить ихъ неблагонамѣренностью. Но съ Миллемъ такъ легко раздѣлаться невозможно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить въ фаланстерствѣ или въ крайнемъ революціонизмѣ автора сочиненія. «О представительномъ правительствѣ»?

И когда этотъ человекъ видитъ необходимость начать съ азбуки, отказаться отъ старыхъ категорій и самой терминологіи, не крича-

вая имъ никакого значенія, какъ-будто онъ вовсе и не существовалъ до него, тогда сомнѣніе на счетъ старой премудрости само собою вкрадывается въ душу...

Эта несостоятельность экономической теоріи совпадаетъ съ другою, болѣе важною несостоятельностью экономической рутины, выражающею повсемѣстнымъ финансовымъ кризисомъ, который повсюду грозитъ обратиться въ нормальное положеніе. Разумѣется, нельзя отрицать, что политическія дѣла имѣютъ громадное вліяніе на экономическое благосостояніе общества. Но съ другой стороны, нельзя забывать и того, что политическія и юридическія явленія, въ свою очередь, еще болѣе зависятъ отъ степени экономическаго развитія. Уже очень важно было бы съ научною точностью опредѣлить и выяснить эту круговую поруку; но экономической наукѣ предстоитъ въ настоящее время задача еще болѣе широкая и полезная. Въ самомъ дѣлѣ, если и найдутся такого рода страны, въ которыхъ финансовый кризисъ служить выраженіемъ полной общественной нищеты, и притомъ нищеты, такъ сказать, органической, т. е., простирающейся не отъ искусственныхъ причинъ, — то, во всякомъ случаѣ, большинство государствъ находятся въ совершенно иномъ положеніи: обнищали онѣ не потому, чтобы не было подъ рукою достаточнаго матеріала для богатства или не доставало бы силъ на трудъ, необходимый для того, чтобы воспользоваться этими матеріалами, а врѣсто отъ неумѣнья образовать у себя сколько-нибудь правильное производство, отъ неспанія, какъ распредѣлить уже созданное богатство, чтобы ни одна его доля не пропала для общества, чтобы оно не накоплялось въ избыткѣ въ однихъ слояхъ общества, образуя въ нихъ вредныя для общественнаго организма завалы, не пожиралось бы паразитами въ то время, какъ въ другихъ слояхъ общества тысячъ людей, способныхъ стать производителями, вынуждены къ нищетѣ и къ паразитизму въ явный ущербъ и себѣ, и обществу.

Экономисты когда-то очень серьезно вѣрили, что они научатъ насъ всему этому, и они съ жаромъ валились за кредитъ, котораго назначеніе, главнымъ образомъ, распредѣлить, по возможности, производительнымъ образомъ жизненный сокъ общества — капиталъ, богатство. Но взглядъ ихъ на производительность былъ слишкомъ узкій и односторонній; диалектическая ихъ наивность была достойна золотыхъ вѣковъ перваго возрожденія науки. Хвастаясь своимъ презрѣніемъ къ метафизикѣ, они изъ самаго богатства и благосостоянія дѣлали фан-

цію, мифъ, опредѣляли его арифметически - среднимъ числомъ между максимумомъ и минимумомъ частныхъ богатствъ, забывая, что общество состоитъ не изъ алгебраическихъ знаковъ, а изъ живыхъ людей; что отнимая грошъ у бѣднаго, хотя бы грошъ этотъ увеличилъ на рубль благосостояніе богатаго, и арифметическій средній терминъ общественнаго богатства отъ этого только повысился, мы наносимъ громадный ущербъ общественной производительности, невознаграждаемый никакою филантропіею, никакимъ благотѣльнымъ вліяніемъ роскоши и т. п.

Но ограничимся здѣсь одною тою категоріею, которая собственно и составляетъ предметъ этого очерка.

Недолго потрудились экономисты надъ организаціею кредита; но уже дошли до того, что, такъ сказать, рукою ошупали въ немъ какую-то самопожирющую силу. Признавая необходимымъ распространеніе кредитныхъ операцій, слѣдовательно и пониженіе уровня процентовъ, они не могли, однако же, не замѣтить, что все предназначенное ими для этого распространенія, служило только во вредъ ему: деньги дорожали по мѣрѣ того, какъ имъ открывался болѣе широкій сбытъ; они становились все болѣе и болѣе рѣдкостью. Дорожали также и самые продукты, въ особенности если принять въ расчетъ громадный прогрессъ по всѣмъ почти отраслямъ производительности, который необходимо долженъ былъ сдѣлать эти продукты все болѣе и болѣе общедоступными. Механика кредита усложнилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ, росло число фиктивныхъ производителей, реальная производительность облагалась все большей и большей данью. Капиталистъ, скупающій у производителя товаръ на наличныя деньги, выгадывалъ въ свою пользу изъ цѣны товара стоимость фактивной производительности денегъ; производитель получавшій эти деньги, и обыкновенно обязанный обмѣнять ихъ на продукты, нужные для его жизни и для его производительности, не пользовался ни мало этою пролифическою способностью денегъ; онъ долженъ былъ вознаградить свою потерю изъ дальнѣйшей своей производительности. Между нормальнымъ потребителемъ и производителемъ уставилось какое-то хищное племя, требовавшее, чтобы его кормили, одѣвали и вознаграждали за непрошенное посредничество.

Всѣ эти противорѣчія кредита чрезвычайно глубоко и полно исследованы и выяснены Прудомъ. Ни прибавить къ нимъ, ни отнять что-либо отъ ихъ многозначительной рѣзкости нельзя. Джонъ

Стюартъ Милль не пошелъ дальше Прудона въ этомъ отношеніи, и если я поставилъ его, Милля, во главѣ новаго направленія то потому только, что онъ не критически относится къ старому, а игнорируетъ его, и отъ его наблюдательнаго метода, мнѣ кажется, болѣе легокъ переходъ къ серьезно-выработанному физиологическому методу изслѣдованія экономическихъ вопросовъ, чѣмъ отъ прудоновскаго гегелизма. Впрочемъ, именно произвольность метода и того, и другого кладетъ между ними такую громадную пропасть, что едва ли кому-либо придетъ въ голову проводить между ними параллель.

Какъ вообще глава всякаго новаго направленія, Джонъ Стюартъ Милль представляетъ собою только зачатки указанія на то, въ какую именно сторону должны пойти дальнѣйшіе изслѣдователи, чтобы не быть жалкими анахронизмами. Такъ или иначе, появленіе его свидѣтельствуетъ, что широкое поле очищено для новыхъ построекъ, что рутинеры и приверженцы отжившаго не въ состояніи будутъ препятствовать смѣльчакамъ, которые рѣшатся на это, и что общественное мнѣніе не обратитъ вниманія на тотъ недоброжелательный лагъ, которымъ они не преминутъ встрѣтить этихъ смѣльчаковъ.

II.

Попытки противу экономической организациі кредита.—Сохранныя кассы.—Англійскія кооперативныя братства.

Джонъ Стюартъ Милль по кредитному вопросу существенно отличается отъ старыхъ политико-экономистовъ. Онъ вовсе не заботится упрочить за кредитомъ, посредствомъ болѣе или менѣе правильной организаціи, тотъ узкій смыслъ и то противообщественное значеніе, которые выработала ему до сихъ поръ экономическая рутина. Мало занимаясь историческимъ значеніемъ формъ и категорій общественной экономіи, онъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ настоящее время вышеописанныя формы кредита служатъ только тормозомъ дальнѣйшему общественно-экономическому развитію. Онъ открыто признаетъ *нелѣпою* борьбу капитала съ трудомъ, составляющую весь смыслъ старыхъ экономическихъ системъ (его *Polit. Economie*, т. II, «О кооперативныхъ братствахъ»). Въмѣсто того, чтобы принимать сторону капитала въ этой борьбѣ, онъ указываетъ на необходимость прекращенія этой борьбы и на вопросъ,

оставленный безъ отвѣта въ предыдущей главѣ этого очерка,— во имя чего капиталисты отступятся отъ завоеванныхъ уже ими себѣ привиллегій?—онъ отвѣчаетъ: во имя невозможности удержать ихъ за собою.

Невозможность эту рѣче и блистательнѣе его показалъ Прудонъ. Да она и сама собою видна изъ того, что организація кредита, по мѣрѣ того, какъ она должна бы ближе достигать своей цѣли: дешевизны и общедоступности капиталовъ,—достигаетъ результатовъ крайне противоположныхъ этимъ. Теоретическая несостоятельность экономистовъ и на практикѣ финансовыя и торговые кризисы подтверждаютъ эту невозможность гораздо очевиднѣе и общедоступнѣе, чѣмъ все, что я бы могъ сказать здѣсь своего или заимствованнаго мною у другихъ по этому поводу.

Джонъ Стюартъ Милль, оставаясь вѣрнымъ своему глубокому анализу, беретъ другую сторону дѣла ...

Всякая односторонность въ житейской практикѣ обыкновенно вызываетъ противъ себя реакцію, противодѣйствіе. Недоступность кредита для тѣхъ, кто всего больше нуждается въ немъ—для производителей не капиталистовъ,—его враждебное вліяніе на свободу и производительность труда не могли не вызвать противъ себя такого же живого и реального протеста въ многочисленной массѣ оскорбленныхъ людей... Но такъ какъ масса эта располагаетъ несравненно меньшими, противъ капиталистовъ, нравственными и матеріальными средствами, такъ какъ она не имѣла передъ собою руководящихъ ее теоретиковъ, то протестъ противъ экономической тираніи долго существовалъ въ первобытномъ и безсознательномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на столько слабъ, что старые экономисты имѣли полную возможность не обращать на него никакого вниманія, пока онъ оставался въ предѣлахъ полицейской законности... Наиболѣе развитую форму такого протеста представляютъ въ настоящее время разныя виды ремесленныхъ ассоціацій.

Ассоціація—слово весьма эластическое и очень немного выражающее само по себѣ. Но оно принадлежитъ въ настоящее время къ тѣмъ современнымъ (чтобы не сказать моднымъ) словамъ, которые сами собою навязываются на языкъ каждому, и тѣмъ болѣе еще, что ассоціаціи могутъ быть съ весьма разнообразными цѣлями: и съ чисто-прогрессивными, и съ умѣренно-прогрессивными, и съ ретроградными; но какая бы ни была цѣль, она всегда легче достигается чрезъ

ассоціацію, чѣмъ чрезъ особничество, разтѣдипеніе силъ. Даже крайніе индивидуалисты, какъ Прудонъ и Милль, согласны въ этомъ. Да оно въ сущности только и есть новое подтвержденіе старой параболы объ умирощемъ отцѣ семейства и о пучкѣ прутьевъ, котораго никто не могъ сломать, тогда какъ порознь прутья ломались чрезвычайно легко и удобно.

Сами по себѣ ассоціаціи не вносятъ еще ничего поваго въ экономическій бытъ общества; появленіе ихъ можетъ свидѣтельствовать только о нѣкоторой степени развитія, необходимой для того, чтобы совершенно посторонніе одинъ другому люди могли дѣлать съобща, что бы то ни было. Каждый день появляются ассоціаціи капиталистовъ, со всякаго рода названіями и со всевозможными практическими, промышленными или торговыми цѣлями, п до извѣстныхъ предѣловъ никто не мѣшаетъ намъ разсматривать дѣятельность такихъ ассоціацій, какъ дѣятельность собирательныхъ личностей, подчиненныхъ вполнѣ вліянію тѣхъ же законовъ, что и личности единичныя. Въ извѣстныхъ предѣлахъ ассоціаціи не только являются намъ не протестомъ противъ экономической рутинны, но даже законными дѣтищами той же рутинны. Главною побудительною причиною ассоціировать капиталы служить вульгарная аксіома, очень мѣтко выражающая собою основной смыслъ старыхъ экономическихъ системъ: деньга деньгу любить или деньга льнетъ къ деньгѣ, однимъ словомъ, та магнетическая сила денегъ, которая возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ самый капиталъ возрастаетъ въ прогрессіи арифметической. Маленькіе капиталы, совокупляясь, приносятъ большіе доходы, чѣмъ въ раздробъ. Капиталы столь незначительные, что производительная сила ихъ равна нулю, становятся производительными, соединяясь съ такими же капиталами...

Въ ряду экономическихъ учрежденій мы видимъ такъ называемыя «сохранныя кассы», которыхъ дѣятельность представляется отчасти двусмысленною, и которыхъ назначеніе соотвѣтствуетъ послѣдней изъ указанныхъ здѣсь цѣлей, т. е. придать малѣйшимъ изъ капиталовъ способность производительности.

Сохранныя казны или кассы представляютъ переходную форму отъ старыхъ организацій кредита къ учрежденіямъ новымъ. Капиталъ ихъ создается на ассоціаціонномъ основаніи, т. е. посредствомъ взноса маленькихъ суммъ добровольными вкладчиками, а слѣдовательно, нечего и говорить о томъ, что онъ по праву принадлежитъ каждому

изъ этихъ вкладчиковъ въ той мѣрѣ, въ которой онъ участвовалъ въ его созданіи. А вслѣдствіе этого, само собою слѣдуетъ, что каждый изъ вкладчиковъ нормально долженъ бы имѣть и право голоса въ дѣлѣ распоряженія созданнымъ такимъ образомъ капиталомъ. Сохранныя кассы такого рода, гдѣ вкладчики, по крайней мѣрѣ, меньшихъ суммъ, пользуются только процентами внесеннаго капитала, — очевидно, не удовлетворяютъ своему назначенію. Право голоса должно быть предоставлено имъ прежде всего, потому что это единственное возможное для нихъ серьезное обезпеченіе въ томъ, что внесенныя ими деньги будутъ употреблены производительнымъ образомъ. По самому духу учрежденія, капиталы его не могутъ быть затрачиваемы такъ, чтобы въ опредѣленные сроки, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ ихъ не могла бы быть возвращена въ наличности тѣмъ изъ вкладчиковъ, которые могутъ потребовать возвращенія своихъ вкладовъ; т. е. капиталы преимущественно должны быть отдаваемы въ ростъ, какъ оно и бываетъ въ дѣйствительности. А при нормальныхъ условіяхъ администраціи, понятно, что право кредитоваться частью этого капитала не замедлитъ стать привилегіею тѣхъ изъ вкладчиковъ же, которые наиболѣе внушаютъ довѣріе. Счень часто право или привилегія эта, самыми учрежденіями сохранныхъ кассъ, присваивается вкладчикамъ и служитъ главною изъ причинъ, побуждающихъ ремесленника, сколотившаго микроскопическій капиталъ, внести его въ это предпріятіе. Проценты же съ такихъ микроскопическихъ суммъ бываютъ до того незначительны, что едва ли могутъ служить приманкою для кого-либо.

Я не стану распространяться о томъ, что сохранныя кассы легко могутъ быть, и въ дѣйствительности часто бываютъ, отклоняемы отъ своего двойкаго назначенія: во-первыхъ, дѣлать производительными маленькіе капиталы, во-вторыхъ, давать вкладчикамъ возможность, подъ извѣстными условіями, пользоваться за опредѣленные проценты долею капитала. Достаточно того, что такія кассы, которыя удовлетворяютъ этому двойкому назначенію, должны быть признаны наилучше организованными.

Выгода отъ нихъ въ такомъ случаѣ очевидная. Нуждающійся въ кредитѣ вкладчикъ-производитель защищается ими въ нѣкоторой степени отъ деспотическаго произвола капиталистовъ, да кромѣ того, еще извѣстная доля имъ же внесеннаго выкупа за право стать производителемъ возвращается къ нему подъ видомъ слѣдующаго ему дивиденда съ доходовъ кассы.

Ясно, что по мѣрѣ того, какъ учрежденія эти будутъ развиваться, они все болѣе и болѣе будутъ утрачивать ту сторожу, которою они входятъ въ экономическую организацію кредита. Но при самомъ развитіи изъ существующихъ въ настоящее время видовъ ихъ, протестантское значеніе ихъ очень слабо и ограничивается тѣмъ только, что они дѣлаютъ конкуренцію капиталистамъ и, по крайней мѣрѣ, для многихъ избранныхъ отырывается возможность займовъ за однажды установленные и, по возможности, умѣренные проценты.

Я указываю на сохранныя кассы потому, что они представляютъ намъ учрежденіями такого рода, которые, будучи зарожжены экономическими методами кредита, мало по малу окрашиваются во враждебный ему цвѣтъ и служатъ слабѣйшими изъ проявленій въ дѣятельности оппозиціонно-экономическихъ возрѣлій...

Уже и въ настоящее время есть сравнительно сильнѣйшія и болѣе развитыя проявленія того же духа. Къ сожалѣнію онѣ проявлялись безъ всякой видимой связи между собою, и это дѣлаетъ обзоръ ихъ затруднительнымъ. Вдаваться въ подробности по ихъ поводу въ этомъ очеркѣ я не могу. А между тѣмъ, мнѣ необходимо показать, какъ развивалась и развивается самая общественная жизнь задача организаціи кредита.

Инициативою отдѣльныхъ личностей созданы уже давно въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи учрежденія, весьма разнообразныя, съ цѣлью облегченія участи работниковъ. Но взгляды самихъ учредителей на святое дѣло эманципаціи труда представляютъ множество, болѣе или менѣе самобытныхъ, отгѣнковъ; вслѣдствіе чего, учрежденія эти являются то чисто-филантропическими, то затѣваемыми изъ политическихъ видовъ, то принимаютъ, наконецъ, до нельзя сбивчивый и неопредѣленный характеръ, и для того, чтобы дать читателю сколько нибудь ясное понятіе объ одномъ изъ нихъ, пришлось бы написать особую статью, можетъ быть, длиннѣе всего этого очерка!

Дж. Ст. Милль обращаетъ особенное вниманіе на англійскія кооперативныя братства (*equitable Pioneer co-operative society*). Главная изъ этихъ ассоціацій имѣетъ своимъ центромъ Рочдель (*Rochdale*). Вотъ основныя черты ея устава:

1. Учрежденія магазиновъ для сочленовъ братства. Въ магазинахъ этихъ не продаютъ крѣпкихъ напитковъ, а также ничего не отпускаютъ въ кредитъ.

II. Покупка и постройка зданій для помѣщенія сочленовъ и улучшение другими способами помѣщеній.

III. Покупка и наемъ земель.

IV. Ассоціаціонная выработка тѣхъ продуктовъ, которые признаютъ выгоднѣе производить самимъ, чѣмъ покупать.

V. Устройство школъ, библиотекъ и проч.

VI. Основаніе колоніи или общаго дома для сочленовъ.

VII. Братская помощь другимъ ассоціаціямъ.

VIII. Распредѣленіе богатствъ, соразмѣрное съ участіемъ каждаго въ производительности...

IX. Упрежденіе въ Англій ассоціацій основанныхъ на взаимныхъ выгодахъ (*F-co Viganò Vanehe Popolari* стр. 202. Миланъ 1863 г.)

Кромѣ рочдшильскихъ братствъ, учредившихъ уже нѣсколько промышленныхъ ассоціацій *Mill*, (*Peoples Rochdale-Manufacturing society*) въ Англій существуютъ и другія, основанныя на тѣхъ же началахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Manchester co-operative spinning and manufacturing society* въ Ньютоунчетѣ, заведенное въ 1860 г. машины стоимостью въ 1,250,000 франковъ. Капиталъ этотъ составленъ былъ акціями въ 25 франковъ каждая. Цѣна акцій выплачивалась еженедѣльными взносами по шиллингу.

Эти англійскія кооперативныя братства въ самомъ дѣлѣ превосходятъ собою все другія, заведенныя уже и теперь еще заводимыя въ другихъ странахъ.

Но собственно кредитныхъ ремесленныхъ ассоціацій въ Англій нѣтъ. Правда, здѣсь существуютъ банки для займовъ безъ залога (*loan-society*), представляющіеся, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе шотландскихъ банковъ. Но и тѣ, и другіе, то есть, и шотландскіе, и англійскіе банки, представляютъ случайную попытку организаціи личнаго метода кредита, и до сихъ поръ благотѣльное вліяніе ихъ еще весьма и весьма незначительное. По примѣру этихъ банковъ личнаго займа, заводятся подобныя же во Франціи, въ Италиі и въ Швейцаріи. При томъ, эти банки подходятъ совершенно подъ категорію капиталистскихъ ассоціацій. Выгоды должника и заимодавца раздѣлены здѣсь еще больше, чѣмъ въ сохранныхъ кассахъ описаннаго вида.

Тѣмъ не менѣе, рабочныя ассоціаціи, хотя бы и вовсе неимѣющія въ виду кредитныхъ операцій, заслуживаютъ особеннаго вниманія, прежде всего въ смыслѣ протеста противъ старей политико-экономической теоріи. Главный смыслъ рочдельскихъ кооперативныхъ

братствъ и другихъ имъ подобныхъ—дать производителямъ возможность обходиться безъ кредита.

Дж. Ст. Милль прямо указываетъ на дѣятельность кооперативныхъ братствъ, какъ на средство преобразовать радикально существующій методъ кредита. Да и мнѣ кажется, что отъ нихъ можно ждать большаго, чѣмъ отъ современныхъ попытокъ организовать личный кредитъ, въ духѣ ли прусскаго парламентаризма, какъ думаетъ Шульце-Деличъ, или съ англійскимъ филантропическимъ оттѣнкомъ, или же, наконецъ, съ правительственной интервенціей на французскій ладъ, надъ чѣмъ трудился покойный Лассаль.

Кредитъ, какъ спекуляція на денежные стоимости, вовсе не выдуманъ ортодоксальными экономистами:—онъ сталъ таковымъ вслѣдствіе коренныхъ условій историческихъ, политическихъ и юридическихъ. Экономисты слѣдуетъ винить за то только, что они не выяснили, а напротивъ, тщательно скрывали вредъ, наносимый ими общественному производству. Они заботились о томъ, чтобы возможность спекулировать на денежные стоимости оставалась вѣчною привилегією кружка избранныхъ, то есть, владѣющихъ пассивными капиталами.—Появленіе «сохранныхъ кассъ», весьма послѣдовательно зародившихся изъ того же сѣмени, которое породило циркуляціонныя банки Родшильдъ, Перейровъ и ростовщичество, показывало, что удержать привилегію за этимъ кругомъ избранныхъ — невозможно. Сохранныя кассы, какъ уже сказано — первая попытка сдѣлать эксплуатацію реальныхъ производителей доступною не капиталистамъ. — Но тогда гдѣ же предѣлъ, на которомъ остановится эта привилегія? Если она переступаетъ даже цензъ, отдѣляющій капиталиста отъ труженика, то смѣло можно сказать: нѣтъ такого предѣла.

Уже въ сохранныхъ кассахъ, дошедшихъ до нормальнаго своего развитія (напр. Болонская), между заемодавцемъ и кредиторомъ существуетъ извѣстная степень солидарности. Стоитъ развить эту солидарность до крайняго ея предѣла—и тогда каждый эксплуататоръ будетъ эксплуатировать себя же самого. Привиллегія эксплуатація, ставъ поголовною, станетъ равна нулю.

«Всякая дорога ведетъ въ Римъ», говорились встарь въ романскомъ мірѣ. Еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что коль-скоро человѣчество или какая нибудь часть его натолкнулась на необходимость извѣстнаго преобразованія, — что бы ни затѣвало оно, хотя бы, повидимому, вовсе неотносящагося къ требуемой ре-

формѣ, — плп лопается, какъ мыльный пузырь, эти же ведетъ къ заповѣдному Риму.

У ремесленныхъ ассоціацій подъ погами слишкомъ реальная почва для того, чтобы онѣ могли лопнуть, какъ мыльный пузырь, а потому, съ какой стороны ни возьмите ихъ, онѣ представлятъ вамъ именно, какъ рѣшительная попытка выбраться изъ тяжелаго насущнаго положенія на широкую дорогу къ будущему благоеостояннiю.

Не заходя далеко впередъ, придержимся слѣдующаго естественнаго хода развитія:

Ближайшій результатъ экономической организаціи кредита — допознана на деньги. Между двумя производителями, нуждающимися во взаимномъ обмѣнѣ своихъ продуктовъ, затесываются непрошенныя посредники, служащіе имъ необходимыми для обмѣна денежными знаками, перехватывающіе ихъ продукты на пути къ ихъ нормальному назначенію, потому что если деньги представляютъ собою всякій продуктъ, то и всякій продуктъ, въ извѣстной степени, выражаетъ собою деньги. Стоитъ, чтобы продуктъ набрался въ большемъ количествѣ — и выражаемая имъ денежная стоимость начинаетъ притягивать къ себѣ деньги изъ чужого кармана.

Ремесленнику нужны деньги. Капиталистъ скупаетъ у него его продукты, выжимая въ свою пользу все, что можно извлечь изъ денежной суммы, съ которою ему приходится разстаться. Ремесленникъ долженъ выносить это, потому что безъ денегъ — онъ нищій, хотя бы лавочка его была завалена продуктами его издѣлія. Продуктъ капиталиста — деньги игналируютъ, подавляютъ собою всякій другой продуктъ. — Но вотъ другой производитель, потерпѣвшій такія же прижимки, является къ капиталисту, скупившему товаръ его собрата, купить на *деньги же* долго требуемаго продукта. Вы думаете, что теперь-то онъ своими деньгами игналируетъ продуктъ капиталиста. Ничуть не бывало. Его деньги вовсе не продуктъ. Капиталистъ-купецъ охотно продаетъ ему свой товаръ, но онъ возьметъ съ него, во-первыхъ, нормальную стоимость продукта, во-вторыхъ, процентъ той денежной стоимости, которую онъ затратилъ на покупку продукта; въ-третьихъ, издержки по посредничеству съ причитающимся на нихъ процентомъ; въ четвертыхъ, плату себѣ за посредничество, которую одну онъ только и считаетъ чистымъ своимъ барышомъ. И такимъ образомъ, продуктъ, купленный имъ за 5, продается за 8.

А если положимъ, что нормальная стоимость этого продукта была бы 6, то увидишь, что работникъ за свое произведеніе получитъ, выраженную другимъ продуктомъ, едва третью часть нормальной его стоимости.

Кооперативныя братства, не только англійскія но и другія, учреждаютъ магазины и склады, гдѣ каждый работникъ-членъ можетъ получать всѣ необходимыя для его жизни и работы продукты, выглачивая только: первое, — нормальную стоимость продукта, второе, — издержки на содержаніе магазина.

И этимъ вростымъ и дешевымъ средствомъ уничтожается одно (обыкновенно самое тяжелое для работника) изъ вліяній экономической организаціи кредита на справедливость обмѣна.

Остается организовать такимъ же точно образомъ другую сторону дѣла: — открыть работнику возможность правильнаго и независимаго отъ притѣсненія капиталистовъ сбыта своего продукта, и тогда производитель, находящійся въ нормальныхъ условіяхъ, не будетъ имѣть надобности въ кредитѣ.

Я не думаю сказать, что устроить эту вторую часть легко, — совершенно напротивъ: это весьма и весьма трудно. Но я хотѣлъ показать только, что рабочныя ассоціаціи, которыя еще очень недалеко ушли отъ первобытнаго своего вида, на которыя только очень недавно экономисты — и то талантливіѣшіе изъ нихъ, — вздумали обратить вниманіе, умѣли устранить уже значительную часть зловреднаго вліянія экономической организаціи кредита на торговлю. Если бы этотъ фактъ сталъ повсемѣстнымъ, то очевидно, что спекуляціи на денежные стоимости стали бы присущи только операціямъ чистаго кредита; а съ тѣхъ поръ, какъ деньги перестали бы быть производительными при торговыхъ операціяхъ, цѣна ихъ понизилась бы.

И такъ, мы уже имѣемъ два различныхъ пути, которыми кредитъ стремится освободиться отъ узкихъ формъ, упроченныхъ за нимъ рутинною и экономическимъ доктринаризмомъ. Съ одной стороны, посредствомъ сохраненныхъ кассъ привиллегія спекуляцій на денежные стоимости переходитъ рубиконъ и стремится стать всеобщею. Съ другой стороны, рабочныя ассоціаціи стремятся, посредствомъ дѣятельной оппозиціи этого рода спекуляціямъ, свести и кредитъ, и деньги къ ихъ нормальному значенію.

Оба пути кажутся безмѣрно длинными, въ особенности же, если принять въ соображеніе то количество лѣтъ, которое понадобилось экономической организаціи кредита для того, чтобы породить и развить въ себѣ сохранныя кассы, а этиѣ сохраннымъ кассамъ для того, чтобы хотя мѣстами, въ видѣ исключительнаго и рѣдкаго случая дойти до такого вида, который можно признать нормальнымъ видомъ. Съ другой стороны кооперативныя братства, — какъ ни быстро, казалось, разрастались они и въ Англіи и на материкѣ—едва только начинаютъ доходить до удовлетворительнаго разрѣшенія легчайшей изъ составныхъ частей задачи эмансипаціи труда.

До тѣхъ поръ, пока условія производительности кредита неопредѣлены съ научною точностью, понятно, что практическія поштыки организаціи его необходимо пойдуть рядомъ всевозможныхъ отклоненій отъ прямого и ближайшаго пути.

Достолавная дѣятельность Шульце-Делича въ Пруссіи можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ, что одною благонамѣренностью немного возьмешь въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Прежде всего необходимо ясное пониманіе законовъ, заправляющихъ экономическимъ бытомъ обществъ. Всякое напередъ заготовленное воззрѣніе: политиканское или филантропическое, можетъ только служить препятствіемъ этой ясности пониманія.

Самъ Шульце-Деличъ считаетъ главнѣйшею заслугою то, что его дѣятельность отвлекла прусскихъ работниковъ отъ «круговорота социальныя идей». (См. его письмо къ Ф. Вигано, автору итальянскаго сочиненія о народныхъ банкахъ). Это, конечно, очень похвально и со стороны прусскихъ рабочихъ, и со стороны Шульце-Делича; но одно это еще не даетъ намъ права ждать отъ дальнѣйшаго распространенія Шульце-Деличевскихъ ассоціацій удовлетворительнаго рѣшенія задачи организаціи кредита.

Но такъ какъ этотъ новый организаторъ заботится всего больше о палкятивномъ значеніи многосложнаго своего предпріятія, то нѣкоторое знакомство съ его дѣломъ можетъ быть интересно въ томъ смыслѣ, что оно укажетъ намъ на самыя больныя стороны современнаго экономическаго быта. На этомъ основаніи я и посвящаю Шульце-Деличевскимъ ассоціаціямъ слѣдующую главу.

VII.

Шульце-Деличевскія ассоціаціи. — Принципы самоблагодѣтельствованія. — Прусскіе антиципаціонныя банки. — Индустріальныя банки сырого матеріала.

Шульце Деличъ считаетъ экономическую организацію кредита самою существенною пзъ современныхъ болячекъ общества а въ этомъ мы съ нимъ вполне согласны. Во что бы то ни стало онъ считаетъ нужнымъ переобразовать эту организацію, а не то, пожалуй, окажется и вовсе невозможнымъ отвратить работниковъ, хотя бы и прусскихъ, отъ «круговорота вредныхъ идей». — Цѣль его, слѣдовательно, не столько филантропическая, сколько политическая, да и въ самомъ основаніи его дѣятельности лежитъ принципъ болѣе человѣчный, чѣмъ очень похвальное желаніе благодѣльствовать своего ближняго. Онъ хотѣлъ бы научить своего ближняго, если не вовсе обходиться безъ благодѣнія, то, по крайней мѣрѣ, стать самому своимъ благодѣтелемъ.

Операции экономической кредитной системы въ самомъ дѣлѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ благодѣльствованіе такого рода, къ которому, во-первыхъ, вынужденъ всякій капиталистъ необходимою надѣти сбытъ для своего капитала; а во вторыхъ, онъ щедро вознаграждаетъ себя за это благодѣяніе не однимъ только сознаніемъ благого дѣла, но идеями, можетъ быть, воображая, въ наиполности своей души, что взимаемые проценты выражаютъ собою стоимость благодѣнія, оказываемаго имъ общественной производительности или лично должнику-производителю, или же наконецъ обимъ вмѣстѣ.

Англійскія кооперативныя братства стремятся устроить такимъ образомъ рабочиую жизнь, чтобы не было никакой необходимости въ кредитѣ, какъ въ благодѣяніи. Если капиталисты могутъ тянуть дальше старыи методъ кредита, то пусть эксплуатируютъ другихъ. Если же, вслѣдствіе новой организаціи жизни ремесленныхъ классовъ, капиталисты почувствуютъ сильнѣе потребность сбыта своихъ капиталовъ, то новый методъ кредита не замедлитъ образоваться изъ полюбовныхъ сдѣлокъ между капиталистами и работниками, съ тѣхъ поръ, какъ запросъ на кредитъ станетъ необязательнымъ. Дж. Ст. Милль предвѣщаетъ то время, когда капиталисты отдадутъ свои капиталы кооперативнымъ братствамъ за умѣренныя проценты, а потомъ, можетъ быть, — продолжаетъ онъ, — и преобразуютъ ихъ annuity, т. е.

ежегодную ренту. «Изъ всѣхъ организацій производства, которыя можно въ настоящее время предвидѣть, прибавляетъ онъ, такое всего болѣе было бы сообразно съ понятіями о справедливости въ обществѣ и благодѣтельно по вліянію своему на обязательную производительность, предполагая, разумеется, что женщины наравнѣ съ мужчинами пользовались бы выгодами ассоціацій и участвовали бы въ управленіи ими.»

Шульце-Деличъ же, поставивъ кореннымъ своимъ принципомъ *самоблагодѣтельствованіе*, иначе принимается за дѣло. «Пусть работникъ самъ даетъ себѣ взаимны» говоритъ онъ, и этого добивается. Ассоціаціи его имѣютъ, главнымъ образомъ, кредитную цѣль и представляютъ двѣ категоріи: денежные антиципаціонные банки и антиципаціонные банки сырыхъ продуктовъ.

Очевидно, организовать *самозэксплуатацію*, значить, уничтожить эксплуатацію человѣка человѣкомъ. Но въ самомъ приѣмѣ этомъ есть нѣчто карикатурное, смѣшное.

Такъ какъ въ ряду экономическихъ категорій кредитъ является какъ бы высшею изъ нихъ, т. е. позднѣйшею, если не въ историческомъ, то по крайней мѣрѣ, въ метафизическомъ смыслѣ, то нѣкоторые изъ теоретиковъ (наприм. Вигано, о которомъ здѣсь уже приходилось упоминать) указываетъ на прусскіе антиципаціонные банки, какъ на высшій видъ ассоціацій, сравнительно съ кооперативными братствами, будто бы еще недоросшими до кредита. Но мнѣ кажется, что ассоціаціи эти такъ мало имѣютъ между собою общаго, что ихъ и сравнивать нѣтъ надобности. Пути, избранные обѣими сторонами, совершенно различны; оба они, пожалуй, и ведутъ къ одной цѣли, иначе понимаемой обѣими сторонами. Но есть такія дороги которыя, пожалуй, и ведутъ все въ тотъ же Римъ, но устѣяны онѣ такими препятствіями, путаются и развѣтвляются такимъ многосложнымъ образомъ, что, идя ими, легко заблудиться, ужь не говоря даже о томъ, что, непременно проболесишь вокругъ да около, попямя, по буеракамъ, и безъ всякой надобности.

Во всякомъ случаѣ, по воззрѣніямъ на свою цѣль, шульце-деличевскія ассоціаціи гораздо ближе подходятъ къ сохраннымъ кассамъ, чѣмъ къ кооперативнымъ братствамъ. По своему отношенію къ первымъ, онѣ дѣйствительно являются болѣе развитыми: — прагматически въ общественной массѣ, которое не всѣми сохранными кассами признается за сочленами и, во всякомъ случаѣ, является

въ кредитныхъ учрежденіяхъ этого вида, какъ извѣстный и немногими достигнутый еще предѣлъ ихъ развитія,—право это, говорю я, служить точкою отправленія деличевскимъ ассоціациямъ.

Первый вопросъ, необходимо возникающій при этомъ: откуда взять денежные суммы, которыми будутъ кредитовать сами себя сочлены? Въ сохранныхъ кассахъ вопросъ этотъ рѣшается не чисто-ассоціационнымъ, а рутиннымъ экономическимъ порядкомъ: каждый желающій вносить, сколько желаетъ, въ общую кассу, и такъ какъ вклады или очень неровные, или же слишкомъ умѣренные, то очевидно, что и общность интересовъ вкладчиковъ весьма слабая. Каждый заинтересованъ ассоціаціею или въ слишкомъ неравной степени, или же на слишкомъ малую сумму.

Шульце рѣшаетъ этотъ вопросъ прогрессивнѣе...

Прежде всего не требуется отъ вкладчика вовсе никакого капитала: капиталъ антиципаціоннаго денежнаго банка образуется изъ еженедѣльныхъ вкладовъ членовъ-соучастниковъ, т. е. на ассоціационныхъ основаніяхъ, давно уже выработанныхъ и примѣненныхъ къ дѣлу англійскими братствами. Но собранный такимъ образомъ капиталъ Шульце признаетъ (и вполнѣ основательно) недостаточнымъ. А потому признано необходимымъ пополнять капиталъ этотъ внѣшнимъ займомъ, гарантируемымъ, во-первыхъ, наличнымъ капиталомъ ассоціаци, во-вторыхъ, имуществомъ и заработками всѣхъ сочленовъ. Такимъ образомъ, дѣло представляетъ характеръ весьма смѣшанный, и благотѣльное вліаніе его на судьбу работниковъ значительно смягчается прежде всего необходимостью брать съ должниковъ общества проценты, необходимо высшіе противъ тѣхъ, за которые сама ассоціация достала капиталъ отъ лица, недумавшаго някого благотѣлствовать, а искавшаго только помѣстить свой капиталъ вѣрнымъ и производительнымъ для себя образомъ.

Предполагая возможнымъ (что и оказалось въ дѣйствительности) совершить этотъ внѣшній заемъ за 50% въ годъ, Шульце-Деличъ постановилъ максимумъ процентовъ, взимаемыхъ обществомъ съ своихъ должниковъ—10; но по мѣрѣ того, какъ уплатится 5-ти процентный долгъ ассоціаци, цѣна эта должна понизиться до 8-ми проц. въ годъ.

Шульце-Деличъ, очевидно, думалъ, какъ говорится, убить разомъ двухъ зайцевъ посредствомъ подобныхъ ассоціаций: — доставить работникамъ случай выгодно помѣщать накопившіеся у нихъ капиталы и,

кромѣ того, тѣмъ изъ нихъ, которые нуждаются въ кредитѣ, оставить возможность пользоваться имъ.

Вторую изъ этихъ цѣлей можно было, очевидно, достигнуть и въ большей степени, и, къ тому же, легчайшимъ и дешовѣйшимъ образомъ:—съ какою бы цѣлью ни составила рабочія ассоціація, достаточно было только того, чтобы всѣ изъ ея членовъ объявили себя солидарными, отвѣтственными за вѣршнй заемъ каждаго изъ нихъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ. Очевидно, что тогда не было бы никакой надобности заставлять нуждающагося въ кредитѣ сочлена платить, по крайней мѣрѣ, 8, а то и всѣ 10⁰/₀, вмѣсто 5-ти, взимаемыхъ постороннимъ капиталистомъ.

Посмотримъ теперь вторую цѣль. Но здѣсь прежде всего слѣдуетъ сказать, что сохранныя кассы, предшествовавшія шульце-деличевскимъ антиципаціоннымъ банкамъ, открывали полную возможность каждому номѣщать производителю свой капиталъ. Новые прусскіе антиципаціонные банки представляютъ въ этомъ отношеніи только то, что здѣсь капиталъ создается понемногу, въ теченіи дѣлаго года. Но и эта черта заимствована у англійскихъ кооперативныхъ братствъ, и вовсе не составляетъ характеристической особенности шульце-деличевскихъ ассоціацій, которые отличаются отъ кооперативныхъ братствъ только назначеніемъ составленныхъ такимъ образомъ капиталовъ. Шульце и его приверженцы наираютъ особенно на нравственное значеніе антиципаціонныхъ банковъ: они-де приучаютъ работника сберегать изъ своихъ заработковъ известную долю. На это нельзя не замѣтить, что всякій изъ работниковъ, вѣроятно, не хуже любого оскантропа, понимаетъ, какъ сладостно имѣть капиталъ. Вся задача—въ возможности капитализировать. А открываютъ ли эти антиципаціонные банки работнику большую возможность капитализировать, чѣмъ сохранныя кассы или частныя ростовщическія ассоціаціонныя предпріятія? Смѣшно было бы увлекаться мыслью, что работникъ охотнѣе будетъ вносить капиталъ въ антиципаціонную кассу, потому что ему представляется возможность при случаѣ занять изъ этой кассы требуемую сумму. Тѣ же удобства могутъ представлять и сохранныя кассы, и никакъ не въ меньшей степени. Работникъ, который въ теченіи десяти лѣтъ вноситъ въ такую кассу по 25 коп. сер. въ недѣлю, имѣетъ уже известный капиталъ, который онъ во всякое время можетъ извлечь оттуда, или просто продать, или заложить выданное ему оттуда свидѣтельство. Выбди

пъ сочленовъ антиципаціоннаго банка, онъ еще *на годъ* остается созидать съ ассоціаціею. (См. уставы антиципаціоннаго денежнаго банка Шульце-Делича).

Опредѣленіе максимума ссудной суммы при такомъ предпріятіи играетъ слишкомъ важную роль, и до сихъ поръ статья эта еще не разработана рационально, хотя такіе максимумы вездѣ опредѣлены такъ или иначе. Предполагая, что вѣйшимъ займомъ можно увеличить на $\frac{2}{3}$ составленный вкладомъ сочленовъ капиталъ, такимъ образомъ, весь капиталъ будетъ относиться къ числу членовъ, какъ 5 къ 3-мъ. Если мы положимъ минимумъ ссудной суммы вдвое больше цѣны, внесенной каждымъ ежегодно, то $\frac{5}{6}$ всего количества членовъ будутъ имѣть возможность пользоваться кредитомъ ассоціаціи. Но тогда каждый, взявшій займы за 10% (какъ установлено обществомъ), въ сущности платилъ бы 20% въ годъ, потому что половина взятой имъ суммы внесена имъ самими, и онъ могъ бы пользоваться ею не только безпроцентно, но еще съ нея получить % въ теченіи года, когда онъ не пользовался ею. Сумма громадная, и, очевидно, тотъ кто вздумалъ бы пользоваться такимъ минимумомъ, былъ бы страшно эксплуатируемъ непользующимся ею. Очевидно, что съ этой стороны общества должны стремиться установить, по возможности, высокій максимумъ ссуды. Но чѣмъ выше этотъ максимумъ, тѣмъ меньшее число членовъ можетъ пользоваться кредитомъ ассоціаціи; при этомъ абсолютная цифра эксплуатаціи уменьшится. Но въ то же самое время уменьшится и число эксплуатируемыхъ, т. е. создающихъ въ дѣйствительности ту стоимость, которую ассоціація присвоиваетъ себѣ подъ видомъ результата фактивной производительности капиталовъ; т. е. относительная цифра эксплуатаціи увеличится. Въ самомъ дѣлѣ, дивидендъ, получаемый каждымъ, пропорціоналенъ его вкладу, и чѣмъ больше взятая имъ займы сумма, тѣмъ меньшая часть платимыхъ имъ процентовъ возвращается къ нему въ видѣ этого дивиденда.

Между этими двумя неблагоприятными крайностями заигрывать невозможно; т. е. подобный банкъ обратится непременно или въ пагубную эксплуатацію чисте-ростовщическимъ образомъ большинства своихъ членовъ въ пользу меньшинства, неуплащающагося въ ссудѣ и представляющаго собою капиталистовъ; или же уменьшая число эксплуатируемыхъ и абсолютную цифру процентовъ, она уменьшаетъ, вместе съ тѣмъ, и солидарность между эксплуатируемыми и эксплуа-

таторомъ: — каждый изъ сочленовъ, берущихъ взаимны ассоціаціонныя деньги, участвуетъ въ эксплуатаціи себя только на цифру своего вклада, раздѣленную, разумѣется, на число сочленовъ и за вычетомъ изъ причитающагося ему дивиденда извѣстнаго 0% на расходы по предпріятію. Слѣдовательно, если взятая имъ взаимны цифра вдвое больше, то онъ солидаренъ въ эксплуатаціи себя только на половину единицы вклада, дѣленной на число сочленовъ. Если ссудная сумма въ 6 разъ больше вклада (что обыкновенно признано за норму максимуму шульце-делическими ассоціаціями), то солидарность должника съ ассоціаціею будетъ равняться $\frac{1}{6}$ той же самой дроби, и т. д. Этого достаточно, кажется, чтобы понять, на какомъ основаніи мы не въ правѣ ожидать отъ этихъ ассоціацій никакого прогрессивнаго видоизмѣненія въ методѣ кредита...

Но слѣдующее соображеніе прежде всего приходитъ въ голову: если работникъ имѣетъ возможность брать взаимны изъ ассоціаціонной кассы, хотя бы за 8% (это минимумъ 0% въ прусскихъ антиципаціонныхъ банкахъ), капиталъ, извѣстная часть котораго принадлежитъ уже ему, то очевидно, что производство, на которое онъ употребитъ эти деньги, дастъ ему больше процентовъ. Если бы ассоціація тоже употребила свои капиталы на то же производство, то она въ большей степени достигла бы одной изъ своихъ цѣлей: внесенныя работниками деньги были бы производительнѣе, дали бы большій доходъ, чѣмъ будучи употребленными на кредитныя операціи.— Совершенно справедливо, скажутъ мнѣ, но тогда же ассоціація не имѣла бы возможности дѣлать кредитъ нуждающимся въ немъ своимъ сочленамъ.

Если ассоціація затѣвается не изъ дилеттантства кредитныхъ операцій, а изъ серьезной потребности улучшить бытъ работниковъ, то она должна серьезно задуматься надъ вопросомъ: лучше ли и производительнѣе ли для общества открыть возможность новымъ операціямъ кредита, въ настоящемъ ихъ практическомъ смыслѣ, или же устроить производство и жизнь работника такимъ образомъ, чтобы возможно болѣе уменьшилась потребность, ощущаемая имъ въ самомъ кредитѣ?— При этомъ не слѣдовало бы упускать изъ виду и того, что ассоціація сама по себѣ—т. е., разумѣется, ассоціація съ полною солидарностью между ея членами,—имѣетъ нѣчто такое, что служитъ суррогатомъ залога. Коль скоро антиципаціонныя банки вынуждены брать съ своихъ сочленовъ-должниковъ большіе проценты, чѣмъ тѣ, за ко-

торые они сами получаютъ деньги отъ посторонняго капиталиста, то все благодѣтельное ихъ дѣйствіе ограничивается тѣмъ, что они могутъ не требовать залога съ хорошо извѣстныхъ имъ сочленовъ. Но въѣдъ и капиталисты ввѣряютъ деньги ассоціаціи безъ залога и не требуютъ отъ нея никакого отчета въ распоряженіи требуемыми суммами. Гдѣ же послѣ этого необходимость, обусловливающая появленіе такихъ банковъ?—Предоставляется судить читателю.

Слѣдить подробно за фактическою стороною развитія этихъ банковъ едва ли было бы здѣсь интересно. Мы только отвлеклись бы еще больше отъ самаго предмета.—Но нельзя не указать на одинъ шагъ, который еще можетъ быть сдѣланъ такого рода предпріятіями на пути къ ихъ развитію, по необязывающей ихъ нисколько видоизмѣняться.

И говорю про то, что антиципаціонныя банки могутъ и не брать процентовъ выше тѣхъ, за которые сами они получаютъ деньги. Занятый ими капиталъ едва ли можетъ равняться $\frac{2}{3}$ наличнаго ихъ капитала, и никогда въ дѣйствительности не превышаетъ этой цифры.

Спекулируютъ же они на всѣ $\frac{1}{3}$, слѣдовательно, и платимый ими процентъ съ $\frac{2}{3}$ капитала можетъ быть разложенъ на всю сумму... Впрочемъ, благодаря противорѣчію въ самой ихъ цѣли, онѣ неспособны развиваться ни въ ту, ни въ другую сторону.

Тотъ же Шульце-Деличъ выказываетъ сравнительно болѣе глубокое пониманіе реальныхъ нуждъ работника своею операціею антиципаціонныхъ банковъ сырого матеріала.

Этого рода учрежденія и до сихъ поръ распространены меньше, чѣмъ предыдущія, но это еще не можетъ служить мѣрою ни для теоретическаго, ни для практическаго ихъ значенія. Шульце-Деличъ очень много писалъ по этому предмету, стараясь поставить на видъ ту громадную потерю стоимостей, которую терпятъ работники, покупая въ раздробь свои матеріалы. По его расчету, сапожники теряютъ на кожахъ отъ 40 и до 50%, столары на красномъ деревѣ отъ 20 до 40%, сравнительно съ тѣмъ, что стоятъ тѣ же продукты, покупаемые оптомъ.

Для устраненія этой потери, онъ предлагаетъ, подъ именемъ *индустриальныхъ банковъ сырого матеріала*, ассоціаціи, которыхъ капиталъ составляется такимъ же образомъ, какъ и капиталы денежныхъ банковъ, но затрачивается на покупку оптомъ, а иногда и на ассоціаціонную обдѣлку нѣкоторыхъ матеріаловъ.

Я сказалъ, что ассоціаціи эти представляютъ высшую, сравнительно съ депозитными банками, степень развитія задачи эманципации труда. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ ихъ работники освобождаются отъ дави, платимой ими капиталу при одномъ изъ весьма важныхъ столкновений съ нимъ, — покупкѣ матеріала своей производительности.

Такимъ образомъ, индустриальныя банки эти выполняютъ одну изъ составныхъ частей программы англійскихъ кооперативныхъ братствъ.

IV.

КАТЕГОРИИ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. — Ассоціаціи для взаимнаго обмена ремесленныхъ продуктовъ.

Стюартъ Милль въ теоріи, на практикѣ дѣятельность ассоціацій служатъ представителями второго періода, въ который вступила задача организаціи кредита, а вмѣстѣ съ нею и политическая или общественная экономія.

Въ теоріи второй періодъ является безъ всякой видимой связи съ первымъ періодомъ, скорѣе какъ отрицаніе, чѣмъ продолженіе его. На практикѣ живое учрежденіе — сохранныя кассы, представляютъ собою какой-то переходный типъ, служатъ органическою связью между двумя періодами. Зародившись, весьма естественно, въ старомъ періодѣ, при господствовавшемъ тогда воззрѣніи на кредитъ, онѣ переходятъ тоже довольно послѣдовательно въ дѣятельность ассоціацій, которыя получаютъ въ глазахъ всѣхъ чрезвычайное важное значеніе. Но дѣятельность этихъ ассоціацій и теоретически, и фактически далеко незаконченная. Задача организаціи кредита, шедшая довольно стройно по узкой, односторонней тропинкѣ въ старомъ періодѣ, развѣтвляется въ разныя стороны. Сойдутся ли гдѣ нибудь снова вмѣстѣ всѣ эти развѣтвленія? Гдѣ онѣ сойдутся и куда ведутъ онѣ? Все это далеко еще нерѣшенные вопросы. А пока, мы ищемъ передъ собою большое количество фактовъ, которые я и старался здѣсь собрать въ извѣстной послѣдовательности вокругъ одной, общей всѣмъ имъ, путеводной нити.

Я уже сказалъ, что въ первобытномъ состояніи обществъ являлись частныя случаи кредита, единственно вслѣдствіе врожденной, такъ сказать, обществу потребности въ кредитѣ. Потомъ, стремясь, въ силу

той же потребности, изъ частныхъ случаевъ сдѣлаться нормальными явленіями, они начинаютъ развиваться, организоваться. Для должниковъ, которые никогда не лгутъ, и для кредиторовъ, которые не допускаютъ въ своемъ ближнемъ возможности лжи и порока, первообразная форма кредита могла бы еще быть удовлетворительною; но большинство людей не подкачили подъ эту категорію. И вотъ, является новый видъ кредита: гипотечарный, вещественный кредитъ. Люди простодушные развивались медленно и мѣтальнѣе туго; потому и методъ ихъ прошелъ черезъ вѣка, снова отклонившись отъ первоначальнаго своего вида. Слэптони и эпископы обладали большою силой инициативы и разработали свой методъ.

Первые научныя изслѣдованія встаютъ задачу организаціи кредита въ томъ ея возрастѣ, когда, благодаря тоже искони водворившейся денежной системѣ, послѣдніе успѣли сдѣлать изъ своего кредитнаго метода очень удобное средство собирать дань съ людей, оставшихъ отъ нихъ на шоринѣ умственного развитія. И очень долго никто не возмущался этимъ сборомъ дани.—Затѣмъ, условія жизни начинаютъ измѣняться, съ одной стороны, требуютъ примѣненій такой силы и энергіи, существованія которыхъ въ человечествѣ никто прежде не подозревалъ; съ другой стороны, сила и энергія вообще начинаютъ проявляться тамъ, гдѣ прежде ихъ не было и гдѣ, по праву наслѣдства, ихъ вовсе и не должно быть. Престарѣвшій экономическій порядокъ ослышается, въ силу этого, несправедливымъ. Является протестъ со стороны обдѣленныхъ, сперва глухой и скрытый, потомъ дѣятельный; завязывается борьба. Люди робкіе и недалезоркіе, которые, какъ Карлъ XII у Пушкина:

Успѣхомъ прошлымъ только мѣрять

слы и враговъ, и друзей, считаютъ самую борьбу незаконною, невозможною. Притязанія противниковъ возбуждаютъ ихъ еще съ большимъ рвеніемъ развить всѣ свои силы. Кредитный методъ, какъ средство давить противниковъ, собирать съ нихъ дань, развивается быстро, совершенствуется. Сдѣлавъ два вышеозначенные и весьма многозамѣчательные шага на этомъ пути, онъ начинаетъ осязать передъ собою предѣлъ, пропасть, черезъ которую онъ перешагнуть не можетъ. Остается либо остановиться, замереть на однажды принятой формѣ; — по для этого надо, чтобы общество остановилось и замерло на вастическомъ устройствѣ; а какъ послѣднее не случи-

лось, то и организація кредита не могла остановиться передъ предѣломъ, который она оцупала передъ собою. Въ одно и то же время, она пачинаетъ искать другихъ путей, и наконецъ старая организація, не измѣняя конечной своей цѣли—упрочить власть капитала надъ трудомъ, отжившаго момента производительности надъ наступающимъ,—оказывается вынужденною ко всякаго рода уступкамъ и компромиссамъ, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ германскіе работники, а вслѣдъ за ними, пожалуй, и другіе «отдѣлять задачу улучшенія собственнаго быта отъ дѣла національнаго прогресса», какъ выражается Шульце-Деличъ, и что тогда уже никакимъ образомъ «не отвратить ихъ отъ круговорота опасныхъ идей».

Я счелъ нелишнимъ повторить здѣсь въ немногихъ и общихъ словахъ то, что уже было сказано на предыдущихъ страницахъ. Вслѣдствіе сказаннаго, мы можемъ теперь собрать всѣ многочисленныя виды кредитныхъ учрежденій, существующихъ на практикѣ безъ всякой, повидному, разумной и послѣдовательной связи между собою, въ слѣдующія категоріи:

1) Экономическія кредитныя учрежденія, имѣющія цѣлью открыть капиталамъ доходный и вполне обезпеченный сбытъ. Эти учрежденія, развиваясь прогрессивно, видоизмѣняются слѣдующимъ образомъ:

Первообразною ихъ формою мы можемъ считать *частное ростовщичество*.

Ломбарды (*Monts de Piété*) являются, какъ то же частное ростовщичество, организованное гражданскимъ порядкомъ.

Затѣмъ являются ипотечарныя банки, частныя или государственныя—экономическій смыслъ ихъ нисколько не измѣняется отъ этого. Собственно къ этому отдѣлу слѣдуетъ отнести только банки, при которыхъ ипотека не мортифицируется (т. е., право пользованія заложенною собственностью остается за должникомъ). Таковы поземельныя и территоріальныя банки, у насъ Опекунскій Совѣтъ, и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ вексельнымъ банкамъ. Наиболѣе распространенныя всюду видоизмѣненія этого отдѣла: банки или копторы для перевода денежныхъ стоимостей и учета векселей, циркуляціонныя банки.

Фондiарныя банки и сохранныя кассы стоятъ уже на рубежѣ этой первой категоріи. О сохранныхъ кассахъ уже было говорено. Фондiарныя же банки, имѣя своею цѣлью группировать маленькіе капиталы для того, чтобы успливать этимъ степень ихъ производитель-

ности, также легко и послѣдовательно своимъ кореннымъ началамъ утрачиваютъ существенную, характеристическую черту, общую всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ первой категоріи: упрочить власть капитала надъ трудомъ и съ этою цѣлью организовать прочную іерархію между капиталистами, основанную на томъ, что степень производительности капитала зависитъ отъ его величины. Съ тѣхъ поръ, какъ и маленькіе капиталы, черезъ посредство фондіарныхъ банковъ и сбереженныхъ кассъ, становятся производительными, іерархія эта начинаетъ сильно колебаться.

2) Является вторая категорія кредитныхъ учреждений, которую не такъ легко охарактеризовать, какъ первую, потому что она въ сущности является, какъ уступка, какъ *mezzo-terme*, вѣчно лавирующий между крайностями, впадающій то въ ту, то въ другую изъ нихъ. Кромѣ двухъ переходныхъ видовъ, уже названныхъ здѣсь, категорія эта вмѣщаетъ въ себѣ еще шульце-девическіе антиципаціонные банки, множество другихъ учреждений, болѣе или менѣе подобныхъ этимъ и появляющіяся въ настоящее время то тамъ, то здѣсь, въ Европѣ (напр. французское общество *du Prince Impérial*).

3-ю категорію составляютъ ассоціаціи на подобіе англійскихъ кооперативныхъ братствъ, имѣющія своею прямою и опредѣленною цѣлью освободить трудъ изъ подъ власти капитала.

О дѣятельности учреждений, принадлежащихъ къ первой изъ этихъ категорій, говорено здѣсь уже довольно подробно. Что касается второй категоріи, то при обзорѣ шульце-девическихъ организацій уже показано, что и на практикѣ учрежденія этой категоріи, разумно развиваясь, переходятъ въ учрежденія чисто-эманципаціонныя или же впадаютъ въ противорѣчія, до времени прикрытыя филантропическою риторикою, но рано или поздно разоблачающіяся.—Вообще, учрежденія этого второго разряда должны быть разсматриваемы, какъ переходъ отъ старой, уже отжившей своей вѣкъ формы кредита—къ новой, неизвѣстной. А такъ какъ въ учрежденіяхъ третьей категоріи мы находимъ гораздо больше указаній на эту неизвѣстную форму, то да будетъ мнѣ позволено покончить здѣсь съ экономическими компромиссами и перейти къ позднѣйшему, а слѣдовательно, и наиболѣе развитому изъ существующихъ уже въ дѣйствительности моментовъ развитія задачи организаціи кредита.—Указавши на ту связь, которая существуетъ между первообразами кредита и кооперативными братствами, являющимися, какъ са-

мый, самый и самый развитый из этих моментов, перебежать к ближайшему обзору их деятельности *).

По отношению к вопросу об организации кредита, деятельность эта на первый раз является чисто отрицательною. Кооперативные братства не пытались даже создать свой собственный, новый метод кредита. Замечая, что в экономическом пратике каждое столкновение работника с капиталистом приводит к тому только, что первый платит последнему известный выкуп, ассоциация эти весьма благоразумно предприняли устранить, по возможности, сами эти столкновения, в ожидании того, пока откроется некоторая вероятность организовать их более выгодным для работника образом.

Таких столкновений в действительности бывает три рода: *покупка* необходимых для производства и для жизни работника материалов, *продажа* продуктов его собственного производства и наконец *кредит*.

Первое из этих трех столкновений устраняется вполне легко и удобно устройством ассоциационных магазинов или складов (из рода прусских банюк сырого материала), в которых члены работниии могут приобретать нужные для них материалы, хотя бы и в небольшом количестве, по оптовой цене. Мы знаем уже, что, по расчетам Шульце-Далича, столлары эборэгают таким образом от 20 до 40%, а сапожники до 50% со всей суммы, затрачиваемой ими на покупку материала; а вследствие этого, и потребность, которую они могут ощущать в кредите, значительно уменьшается.

Этот первый шаг, какъ уже сказано, во многих странах (главным образом в Англия и затѣмъ въ Германіи) уже сдѣланъ ремесленными ассоціаціями.

Устранить второе изъ указанныхъ выше столкновений труда съ капиталомъ—не такъ легко. Но во всякомъ случаѣ, это ближайшая въ настоящее время задача ассоціацій и другихъ учреждений, имѣющихъ своею цѣлю не только улучшение быта работниковъ, но и вообще усовершенствованіе экономическаго быта всего общества.

*.) Я ставлю внѣ всякихъ категорій *шотландскіе банки* и другія, весьма рѣдкія до сихъ поръ попытки займа, основаннаго на личномъ довѣрїи, такъ какъ онѣ не вносятъ ничего новаго въ методъ кредитныхъ операцій и являются только, какъ и включеніе изъ общ. правила.

А потому на ней слѣдуетъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Ассоціація для заготовленія матеріаловъ работникамъ не будутъ никакихъ специальныхъ капиталовъ. Если мы предположимъ 10 сальщиковъ, соединившихся для того, чтобы избѣжать при покупкѣ кожъ потери вышеуказанныхъ %₀, то достаточно для этого, чтобы всѣ они сложили вмѣстѣ тѣ капиталы, которые каждый изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, долженъ затратить на эту покупку. Весь расчетъ основанъ на томъ только, что кожи обойдутся дешевле, если ихъ покупать въ количествѣ 10 разъ большемъ, чѣмъ потребное для каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Но ассоціаціи для покупки у работниковъ ихъ продуктовъ возможны только на совершенно иныхъ основаніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, работникъ вынужденъ продавать свой продуктъ на наличныя деньги, а для того, чтобы ассоціація могла выплачивать каждому хоть бы только часть стоимости его товара, ей необходимы громадные капиталы. Очевидно, что сами работники не могутъ образовать между собою такихъ ассоціацій, именно по неимѣнію у нихъ капитализированныхъ избытковъ въ нужномъ количествѣ. Очевидно, съ другой стороны, что и капиталисты не пустятъ свои капиталы въ такого рода оборотъ, такъ какъ его назначеніе чисто враждебно фактивной производительности капиталовъ.

Но трудность значительно устранилась бы, еслибъ такое предпріятіе стало общимъ дѣломъ всѣхъ ремесленниковъ какого-либо города или околка, хотя бы не въ поголовномъ смыслѣ, а только въ томъ, что каждое мастерство или ремесло имѣло бы своихъ представителей въ этой ассоціаціи. Такъ какъ извѣстная доля продуктовъ каждого ремесленника предназначена самою необходимостью для обмена на продукты другихъ ремесленниковъ, то ассоціація, устроенная складъ для обмена продуктовъ разнообразныхъ ремеслъ, можетъ до извѣстнаго предѣла обходиться безъ всякихъ капиталовъ, кромѣ, разумѣется, нужныхъ для устройства и поддержки самаго магазина. По оцѣнкѣ предлагаемаго ей ремесленникомъ продукта, она выдаетъ ему квитанцію (bon) на соответствующую денежную сумму. Изъ того же ассоціаціоннаго магазина ремесленникъ можетъ приобрести на эту квитанцію нужные ему продукты другихъ ремеслъ. Нечего затрудняться тѣмъ, что съ перваго взгляда можетъ показаться невозможнымъ вовсе выяснить: какая именно доля всего продукта каж-

даго ремесленника предназначена для такого объёма на продукты других работников того же города, и затѣмъ съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ ассоціація будетъ имѣть возможность обмѣнивать выданную ею же квитанцію на требуемый ея предъавителемъ продуктъ, т. е. можетъ ли въ ассоціаціи участвовать больше, напр., сапожниковъ, чѣмъ хлѣбниковъ или столяровъ. Если она будетъ принимать безъ границъ всѣ предлагаемые ей продукты сапожного ремесла, то легко можетъ случиться, что число находящихся въ ея складѣ сапоговъ и башмаковъ будетъ превышать требованье на нихъ другихъ ремесленниковъ. Тогда сапожники, желающіе приобрести изъ ассоціаціоннаго магазина нужный для нихъ запасъ хлѣба въ обмѣлъ на полученную квитанцію, не могутъ уже быть удовлетворены. — Теоретически разрѣшить этотъ вопросъ, можетъ быть, и трудно, но на практикѣ потребуется только, чтобы ассоціація въ самомъ магазинѣ вывѣшивала бы подробную опись находящихся у нея продуктовъ, а также и списокъ своихъ сочленовъ, съ обозначеніемъ ремесла ихъ, и тогда каждый продавецъ или покупатель легко будетъ судить о томъ, на сколько ему подходитъ требуемая сдѣлка съ ассоціаціоннымъ складомъ.

Притомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что каждая выданная такимъ магазиномъ квитанція выражаетъ дѣйствительно находящуюся въ его рукахъ реальную стоимость, и слѣдовательно, она необходимо будетъ имѣть свой курсъ на биржѣ. Курсъ этотъ, разумѣется, будетъ зависѣть отъ того, признаетъ ли ассоціація только за своими сочленами право получать изъ ея магазиновъ требуемые продукты въ обмѣлъ на ея квитанціи, или же право это будетъ предоставлено ею и лицамъ постороннимъ ей?

Вопросъ этотъ имѣетъ свою важность. Но подобныя ассоціаціи, безспорно имѣвшія бы громадное вліяніе на методы кредита, относятся, тѣмъ не менѣе, главною своею частью къ организаціи обмѣла. Слѣдовательно, въ подробный обзоръ ихъ нѣтъ надобности вдаваться здѣсь. Достаточно указать только на то соотношеніе, которое существуетъ между ними и предметомъ этой статьи: — организаціею или опредѣленіемъ условій производительности кредита...

Если бы дѣятельность рабочничьихъ ассоціацій ограничилась только подобными складами, то — предполагая уже существующими ассоціаціи для заготовленія рабочникамъ сырого матеріала, — вліяніе ихъ на оиктивную производительность капиталовъ, а слѣдовательно, и на

методъ кредита, было бы уже весьма значительное. Вліяніе это еще усилилось бы, если бы ассоціаціи или банки сырого матеріала находились въ полной связи и солидарности съ ассоціаціями объѣма.

Съ перваго взгляда вліяніе это можетъ показаться чисто-отрицательнымъ, т. е. новый методъ кредита будто не создается имъ, а только устраняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимость и, пожалуй, даже возможность кредитныхъ операцій стараго метода.

Но на такомъ опредѣленіи ихъ вліянія остановиться нельзя. Слова отрицательный и положительный имѣютъ сами очень относительное значеніе; а созданіе имѣетъ свои степени, и одною изъ такихъ степеней является подготовленіе. Установить точную границу, гдѣ кончается подготовительная дѣятельность и начинается чистое созданіе, — я на себя не беру. Но напомину читателю, что формула экономистовъ: свобода кредита, по моему мнѣнію, должна быть принята безусловно, не смотря на всю ея эластичность; но что въ пониманіи ея нельзя не расходиться съ ортодоксальными экономистами, имѣвшими въ виду только одну ея сторону: свободу предложенія (*offre*) кредитныхъ операцій. Эта же сторона свободы кредита съ давнихъ поръ существуетъ фактически. Официальное вмѣшательство не можетъ нисколько нарушить ее. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ насъ уже одно то, что ростовщичество существуетъ по всюду, хотя бы юридически его преслѣдовали, какъ это встрѣчается иногда въ дѣйствительности.

Точно такъ же съ увѣренностью можно сказать, что другая сторона: свобода запроса не существуетъ фактически, и что создать ее нельзя никакимъ юридическимъ вмѣшательствомъ или невмѣшательствомъ. Она-то постепенно и послѣдовательно создается дѣятельностью кооперативныхъ братствъ. Не трудно понять, что когда дѣятельность ихъ достигнетъ своего желаннаго исхода, т. е. когда запросъ на кредитъ станетъ вполне свободнымъ, то и существующій методъ кредита, методъ односторонне-свободный или ортодоксально-экономическій, долженъ будетъ измѣниться.

Заключеніе.

Въ самомъ началѣ этой статьи, я разложилъ задачу организаціи кредита на двѣ составныя ея части:

Какимъ образомъ организовать полное довѣріе между капитал-стомъ-займодавцемъ и его клиентомъ-производителемъ?

Какимъ образомъ опредѣлить предѣлы законности приращенія, требуемаго займодавцемъ съ должника?

Первый изъ этихъ вопросовъ логически и естественно предше-ствуетъ второму: капиталистъ не станетъ условливаться съ нами въ процентахъ прежде, нежели онъ увѣрится, что капиталъ будетъ нами возвращенъ ему. Понятно, что въ дѣйствительности общество пыталось прежде рѣшить первый вопросъ.

Самымъ близкимъ и временно-удовлетворительнымъ рѣшеніемъ его явилась ипотека. Но появленіе ея извратило смыслъ кредита, и какъ ни развивался ипотечарный методъ кредита, займодавецъ все же оставался несолидарнымъ съ будущимъ моментомъ производительности. Нужны были вѣка, чтобы отъ этого, весьма неудовлетворительнаго способа обезпеченія дойти до ассоціаціоннаго принципа, который, при известной степени развитія, можетъ имѣть для капиталиста такъ же гарантирующій характеръ, какъ и общепринятая уже отвлеченная ипотека, но который оставляетъ капиталиста вполне солидарнымъ съ будущимъ производствомъ.

Капиталистъ не вѣряетъ своего капитала изолированному лицу, хотя бы честность этого лица была ему известна, потому что изолированное лицо подвержено слишкомъ многимъ случайностямъ: онъ можетъ умереть до окончанія затѣяннаго имъ производства, и т. п. Ассоціація не подвержена никакимъ случайностямъ. Кроме того, ассоціація не требуетъ отъ капиталиста довѣрія къ своей честности въ той же степени, какъ отдѣльная личность, которая очень часто можетъ укрыться отъ судебныхъ преслѣдованій въ случаѣ неблагона-вѣренности или несостоятельности. Съ этой стороны, следовательно, капиталисты смѣло могутъ вѣрить свои капиталы ассоціаціи безъ всякой ипотеки, и хотя бы ассоціація не имѣла въ наличности никакого капитала, гарантирующаго взятія ею въ займы стоимости.

Но прежде, чѣмъ дошли до отвлеченнаго пониманія ипотечар-ной силы ассоціаціоннаго принципа, успѣлъ уже выработаться методъ кредита, весьма отклонившійся отъ своей нормы, но выгод-ный для займодавцевъ. А потому, прежде чѣмъ ждать отъ ассоціа-цій того измѣненія кредитнаго метода, которое приводитъ Дж. Стюартъ Милль, необходимо отнять возможность операцій кредита, въ смыслѣ торговли деньгами; говоря другими словами: организовать свобод-

ный запросъ на кредитъ. Этого достигаютъ опять-таки тѣ же ассоціаціи посредствомъ такой организаціи обмѣна, о которой уже говорено выше и о которой надѣюсь говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Когда организація свободнаго запроса станетъ реальнымъ фактомъ и исчезнетъ со стороны производительныхъ классовъ необходимость платить дань капиталѣстамъ, тогда, очевидно, предпочтутъ ввѣрять обработку своихъ капиталовъ ассоціаціямъ, неизолированнымъ производителямъ. А такъ какъ сбытъ нуженъ капиталу въ такой же мѣрѣ, какъ капиталъ нуженъ труду, то капиталистъ, желающій своимъ капиталомъ участвовать въ какомъ бы то ни было производствѣ, не имѣетъ ни права, ни разумнаго основанія требовать себѣ гарантій большаго, противъ тѣхъ, которыя предоставляются лицамъ, активно участвующимъ въ этомъ производствѣ, и заключающихся въ томъ только, что предпріятіе будетъ вестись вполнѣ добросовѣстно. Принимая, такимъ образомъ, на себѣ солидарность съ дальнѣйшимъ производствомъ, капиталистъ долженъ будетъ соображать: какую степень вѣроятности возвращенія затрогиваемаго капитала представляетъ затѣваемое предпріятіе? Тогда этотъ первый коренной вопросъ производительности предмета, будетъ рѣшаться совершенно тѣмъ же способомъ, какъ онъ рѣшается и теперь въ тѣхъ случаяхъ, когда одно и то же лицо соединяетъ въ себѣ роль должника и заимодавца, т. е., когда самъ капиталистъ обрабатываетъ свой собственный капиталъ.

Что же касается вопроса о процентахъ, то колы скоро онъ утратитъ тотъ характеръ, который имѣютъ при экономическомъ методѣ кредита, т. е. при всѣхъ видоизмѣненіяхъ ростовщичества и вексельнаго займа, гдѣ они являются въ видѣ дани, платимой должникомъ капиталисту за возможность стать производителемъ. — то, говорю я, вопросъ вполнѣ устранится, найдетъ себѣ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе въ рѣшеніи кореннаго вопроса общественной экономіи: какую относительную роль играютъ трудъ и капиталъ въ созданіи новыхъ стоимостей? Вопросъ этотъ, какъ видите, слишкомъ косвенно относится къ кредиту, а потому я и считаю за лучшее пока остановиться передъ нимъ.

Л. Бранди.

ПЗЪ ГЕЙНЕ.

Въ тѣ дни, какъ свѣтило мнѣ счастье,
Я видѣлъ повсюду участие,
Друзья окружали толпой
И братски дѣлили со мной
Обѣды мои и монеты,
И всѣ остальные предметы.

Я съ счастьемъ на вѣки простился,
Совсѣмъ кошелекъ истощился,
Померкнула радость моя—
И всѣ дорогіе друзья,
Съ своимъ неподдѣльнымъ участиемъ,
Ушли за исчезнувшимъ счастьемъ.

Забота, сидѣлкой ночью,
Угрюмо сидитъ надо мною,
Одѣтая въ черный колпакъ,
И нюхаетъ северный табакъ,—
И нюханье слухъ мой терзаетъ
И гадко старуха биваетъ.

Порою мнѣ грезится: снова
Вернулись дни счастья былого,
И солнце, и дружескій кругъ...
Но скрипъ отвратительный вдругъ
Касается бѣднаго слуха,—
То носъ утираетъ старуха.

И. Вейсбергъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕРДИТОЕ БЕЗСИЛІЕ.

Я знаю очень хорошо, что наша публика безконечно добра и простодушна; но иногда эти похвальные свойства ея характера проявляются въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что меня раздражаетъ охота повторить съ нѣкоторыми измѣненіями непочтительныя слова Берне. «Каждый человѣкъ, говорить этотъ писатель въ своихъ «Парижскихъ письмахъ», имѣетъ полное право быть глупымъ, но нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ.» Мнѣ кажется, что наша читающая публика въ прошломъ году злоупотребила правомъ быть доброю и простодушною. Она не только прочитала, но даже превознесла до небесъ романъ г. Ключникова: «Марево». Если бы этотъ романъ могъ попасть, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ руки покойнаго барона Брамбеуса, то Брамбеусъ бросилъ бы его подъ столъ и написалъ бы о немъ всего полстроки: «Ванька, это твоя литература!» Если бы наша публика, въ общей массѣ своей, дѣйствительно поумѣла со временъ Брамбеуса, то мнѣ, разумѣется, и въ голову не могла бы придти дикая мысль писать критическую статью о такомъ произведеніи, какъ романъ г. Ключникова. Даже теперь, принимаясь за такую постыдную работу, я чувствую потребность извиниться передъ мыслящею частью нашей читающей публики. Газбировать романъ г. Ключникова — занятіе крайне неприличное. Невозможно говорить просто: «г. Ключниковъ», «романъ Марево». Надо непремѣнно говорить такъ: «съ позволенія сказать, г. Ключниковъ», «съ позволенія сказать, романъ Марево». Что бы вы сказали, напрямѣръ, господа мыслящіе читатели, если бы я осмѣлился поднести вамъ критическую статью о драма-

тических произведеніяхъ г. Дьяченки или о романахъ г. Воскресенскаго, или о философіи г. Аскоченскаго, или о какомъ нибудь преискурантѣ винъ и колониальныхъ товаровъ? Вы бы сказали, вѣроятно, что я съ ума сошелъ и что я начинаю шутить съ вами совершенно неприличныя шутки; вы бы замѣтили совершенно основательно, что во всѣ эти вещи можно, пожалуй, завертывать мыло, сыръ или копченую рыбу, но что о нихъ нѣтъ никакой возможности размышлять и писать критическія статьи, потому что ~~всѣ эти вещи относятся къ литературе, а только печатная бумага.~~ И все это вы имѣете полное право сказать мнѣ теперь, когда вы видите, что я имѣю дерзость говорить съ вами о романѣ: «Марево». И въ то же время я васъ могу увѣрить честью, что я не сошелъ съ ума и вовсе не намѣренъ позволять себѣ въ отношеніи къ вамъ неприличныя шутки. Что же прикажете дѣлать, какъ прикажете не говорить объ этомъ произведеніи російскаго гениа, когда наша публика уже успѣла забыть все, что толковать ей великій эстетикъ Бѣлинскій? Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что наша публика любитъ и уважаетъ Бѣлинскаго: издано 12 томовъ его сочиненій; томы эти раскупаются, разрѣзываются и даже читаются; самые убогіе писакы называютъ Бѣлинскаго своимъ учителемъ, великимъ бойцомъ, основателемъ русской критики, законодателемъ въ области эстетики. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ истины, высказанныя и доказанныя великимъ критикомъ, вошли уже въ плоть и кровь читающихъ людей, и сдѣлались навсегда тѣмъ общимъ капиталомъ, которымъ непременно долженъ обладать каждый образованный русскій человѣкъ. Подумаешь, что теперь уже не зачѣмъ твердить зады, и что теперь можно уже смѣло строить дальше на томъ прочномъ фундаментѣ, который заложенъ Бѣлинскимъ. Подумаешь — и жестоко ошибешся! Публика читаетъ Бѣлинскаго и похваливаетъ: какъ, дескать, у него складно это все выходитъ! — Публика читаетъ «Марево» и замираетъ отъ восторга: «ух! какъ интересно! страсть, какъ интересно!» Чему же научилась масса публики у Бѣлинскаго, когда она до сихъ поръ не умѣетъ отличать въ литературныхъ произведеніяхъ жизненную правду отъ риторической лжи? Чѣмъ подвинулась публика впередъ въ своемъ взглядѣ на литературу съ тѣхъ баснословныхъ временъ, когда она трепетала отъ волненій надъ переводными романами Поля Феваля и заливалась то смѣхомъ, то слезами надъ такими же переводными романами Пол-де-Кока? — Ни у Феваля, ни у Поля-де-Кока вы никогда не найдете ничего подобнаго тому, что создалъ г. Ключниковъ. Не о тенденціяхъ этого начинающаго романиста я намѣренъ

здѣсь говорить. Я слишкомъ уважаю самого себя, чтобы вступать съ г. Ключниковымъ въ какія бы то ни было теоретическія препирательства; это совсѣмъ не его ума дѣло. Противъ моего всегдашняго обыкновенія, я посмотрю на романъ г. Ключникова съ чисто-эстетической точки зрѣнія, потому что ни съ какою другою точки зрѣнія на него не стоитъ смотрѣть. Я поставлю и рѣшу только вопросъ: годится ли на что нибудь этотъ романъ? То есть, можно ли въ немъ найти хоть малѣйшую искру ума или таланта? Есть ли въ немъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла и знанія дѣйствительной жизни? Похожи ли его дѣйствующія лица хоть немного на живыхъ людей? Если мнѣ, на всѣ эти вопросы, придется отвѣчать отрицательно, то никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о романѣ «Марево» и быть не можетъ. Развѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, возможность разсуждать о жизненныхъ явленіяхъ, затронутыхъ въ романѣ, когда окажется, что романъ не затронулъ совсѣмъ никакихъ явленій? Въ клеветѣ, въ каррикатурѣ можетъ все-таки проявиться умъ, талантъ, своеобразный взглядъ на то или другое явленіе дѣйствительной жизни. Но въ каракулькахъ, написанныхъ или нарисованныхъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, которому подарили листъ бѣлой бумаги и очиненный карандашъ, нельзя усмотрѣть рѣшительно ничего, кромѣ неумѣнья рисовать и ребяческой нетвердости руки. Обыкновенно художественныя произведенія пятилѣтнихъ Рубенсовъ оставляются всѣми здравомыслящими людьми-безъ вниманія; всякій видитъ, что это каракульки, и всякій понимаетъ, что не зачѣмъ и разсуждать о ихъ бессмысленности. Обыкновенно также литературныя произведенія бездарныхъ писателей оставляются безъ вниманія здравомыслящими критиками. Всякій видитъ, что это — хламъ, и всякій понимаетъ, что безъ хлама не обходится ни одна литература, и что отъ хлама не отобьешься никакою критикою, потому что на свѣтѣ всегда будетъ очень много людей, совмѣщающихъ въ себѣ гениальность шестинедѣльнаго ягненка съ честолюбіемъ Александра Македонскаго. Но когда честолюбивый ягненокъ приобрѣтаетъ себѣ своими каракульками всероссийскую извѣстность, тогда критика поневолѣ должна нарушить свое презрительное молчаніе. Критика должна, во всякомъ случаѣ, удовлетворять умственнымъ потребностямъ публики. Если публика еще способна обольщаться каракульками, значитъ, она нуждается въ томъ, чтобы ей объяснили негодность такихъ художественныхъ произведеній. Нечего дѣлать! Давайте разбирать каракульки и обсуживать претензіи честолюбивыхъ ягнятъ. Это очень печальная обязанность, но дѣлать нечего. Не публика существуетъ для удо-

вольствія критиковъ, а критики существуютъ для того, чтобы приносить пользу публикѣ.

II.

Бездарный, но честолюбивый писатель г. Ключниковъ силится изобразить въ своемъ уморительномъ романѣ борьбу двухъ міровыхъ силъ, доброй и злой. Добрая сила воплощена въ кандидатъ Владиміръ Русановъ, а злая въ графъ Владиславъ Бронскомъ. Между этими двумя силами качается, какъ маятникъ, «святая женская душа», которую г. Ключниковъ называетъ Инною и которую онъ старается сдѣлать весьма интересною. Г. Ключниковъ увѣряетъ насъ, что эта интересная Инна влюблена въ добродѣтельнаго Русанова. Мы ему, разумѣется, охотно вѣримъ, и желаемъ молодымъ людямъ всякаго благополучія, тѣмъ болѣе, что и Русановъ пылаетъ нѣжкою, но цѣлжудренной страстью. Но авторъ никакъ не можетъ согласиться на ихъ бракъ, потому что тогда не произошло бы никакого «Марева.» На сцену является злое начало, и «святая женская душа», продолжая любить Русанова, обольщается демоническими рѣчами Бронскаго и вовлекается въ его злое умысла. Вслѣдствіе такихъ предосудительныхъ поступковъ, «пері молодая» изгоняется изъ эдема, такъ что послѣдняя часть романа переноситъ насъ уже за границу. — Коварная фантазмагорія, разлучившая пару родственныхъ душъ, напоминаетъ г. Ключникову то явленіе природы, которое называется въ степяхъ южной Россіи «маревомъ,» а въ обыкновенномъ литературномъ языкѣ — миражемъ. Роману, какъ видите, дано заглавіе эмблематическое, нелишенное значительныхъ претензій на глубокомысліе. Дѣйствующихъ лицъ въ романѣ очень много, и всѣ они выведены отчасти для большаго посяраженія злого начала, отчасти же, и даже преимущественно потому, что надо же чѣмъ нибудь наполнять страницы, благо есть еще на Руси добродушные люди, покупающіе печатную бумагу не пудами, а въ видѣ книжекъ. Весь романъ есть нестерпимое море безсвязной болтовни, посредствомъ которой г. Ключниковъ старается показать публикѣ, что онъ слыхалъ въ своей жизни всякіе разговоры, читалъ всякія статьи и умѣетъ изобразить на бумагѣ, безъ орфографическихъ ошибокъ, всякое мудреное слово. Эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, и добродушная публика узнаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ Россіи родился еще одинъ литераторъ, еще одинъ двигатель отечественнаго прогресса, еще одинъ просвѣтитель общественнаго сознанія. Если Петръ Ивановичъ

Бобчинскій живъ и здоровъ до настоящей минуты, — онъ, разумѣется, уже не станетъ обращаться къ Хлестакову съ просьбою довести до свѣдѣнія важныхъ особъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Онъ просто напишетъ романъ для «Русскаго Вѣстника» или критическую статью для «Эпохи». Редакціи примутъ его трудъ съ благодарностью, и честолюбивый идіотъ не только увидитъ свою фамилію въ печати, но даже получитъ за это удовольствіе денежное вознагражденіе, потому что, какъ говорятъ французы, *chaque sot trouve toujours un plus sot qui l'admire*. — Вотъ вамъ, напримѣръ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, посредствомъ которыхъ г. Ключниковъ двигаетъ отечественный прогрессъ и просвѣщаетъ общественное сознание. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, на балѣ у мѣстнаго предводителя дворянства.

— «Ахъ! крикнула одна дама, заматавшись. — Русановъ подхватилъ ее, думая, что съ нею обморокъ. Она глядѣла черезъ плечо; весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлыя юпки. (Послѣ такого событія, дамѣ, повидимому, слѣдовало бы бѣжать въ уборную и поправлять разстроенный туалетъ. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ, но въ романѣ г. Ключникова такъ случиться не можетъ, потому что тогда трудно было бы понять, зачѣмъ рассказанъ эпизодъ о разорванномъ платьѣ. Дама остается въ залѣ, и начинается поучительная сцена, влonyaющаяся къ посрамленію какихъ-то представителей злого начала.)

— Извините, бормоталъ сконфуженный Коля (пятнадцатилѣтній гимназистъ, рано развращенный вліяніемъ злыхъ элементовъ).

— Медвѣжонокъ! (Дама продолжаетъ показывать т анцующему обществу свои бѣлыя юпки, единственно для того, чтобы поругаться съ развращеннымъ мальчишкой, который при этомъ случаѣ долженъ обнаружить передъ смущенными читателями всю гнусность и завоснѣлость заблуждающейся молодежи).

Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было. (но она все-таки не пошла въ уборную).

— Что такое? сказала та, поднявъ носикъ.

— Я говорю: вольно-жѣ вамъ такіе шлейфы отращивать, что ходить нельзя.

— Да какъ вы смѣете? дерзкій мальчишка! (Да уведите же вы ее, ради Бога, въ уборную и вразумите ее тамъ, что въ порядочномъ обществѣ дамы не ругаются за случайную неосторожность. Наступивши ей на платье, Коля сконфузился и сказалъ: «извините!»)

Чего же ей еще отъ него хочется? Называя его медвѣжонкомъ, она сама напрашивается на дерзость).

— А вы синица долгохвостая! (Ну вотъ, раздражила ребенка, онъ и обругалъ ее).

— Г. Горобецъ (это фамилія Коли), извольте отправиться въ гимназію и объявить дежурному надзирателю, что вы мною арестованы въ карцеръ, сказалъ подошедшій инспекторъ губернской гимназіи. (Этотъ инспекторъ, увлечшись рыцарскимъ желаніемъ поддержать обиженную даму, совершенно забываетъ, вмѣстѣ съ г. Ключниковымъ, условія времени и мѣста. Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, во время каникулъ, и балъ дается не въ губернскомъ, а въ уѣздномъ городѣ. Коля живетъ на хуторѣ у своего дяди, и пріѣхалъ на балъ безъ всякихъ пожитковъ, такъ какъ люди обыкновенно ѣздятъ въ гости. И дядя вовсе не уполномочилъ его скакать, сломя голову, въ ночь, въ губернской городъ, до котораго, какъ видно изъ другихъ мѣстъ романа, надо считать, но меньшей мѣрѣ, верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Куда же это пастырь добрый посылаетъ своего буйнаго питомца? И зачѣмъ же этотъ пастырь добрый такъ глупъ, что даетъ ему неисполнимое привязаніе?)

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Егоровъ, отвѣтилъ, насколько не смутившись, юноша, что вы мой начальникъ только въ зданіи гимназіи, а здѣсь—такой же гражданинъ, какъ и я. (Къ кому или къ чему г. Ключниковъ хочетъ обратить такое поученіе — я рѣшительно не знаю, но ясное дѣло, что мудреное слово «гражданинъ» употреблено не спроста. Мнѣ часто случалось слышать, какъ гимназисты грубятъ начальству, но никогда въ подобныхъ случаяхъ не произносилось ни слова о гражданскихъ правахъ, потому что это было бы ужъ чересчуръ глупо. Значить, тутъ говорить не гимназистъ; тутъ говорить какаля-то эмблема какого-то таинственнаго зла. Коля Горобецъ есть лицо аллегорическое или символическое, но подъ этою многозначительною каракулькою слѣдуетъ непременно подписать, что она направлена противъ такихъ-то и такихъ-то явленій дѣйствительной жизни; а то, безъ этой подписи, никто не угадаетъ тайныхъ поползновеній автора. Г. Ключниковъ кого-то или что-то обличаетъ, но его обличительное брахтѣнье вызываетъ въ читателѣ только сострадательный смѣхъ надъ *сердитымъ безсильемъ* честолюбиваго ягненка).

Разстроившійся *rondeau* собрался вокругъ спорившихъ. (А что же даму, увели въ уборную? Или Русановъ все еще продолжаетъ ее поддерживать и созерцать вмѣстѣ съ нею развалины ея платья?)— Г. Ключниковъ такъ увлекается гимназическою теорією граждан-

слага равенства, что, занявшись изложеніемъ этого спорнаго вопроса, навсегда забываетъ о существованіи дамы и ея платья. Такъ до самаго конца романа мы ничего больше о нихъ и не узнаемъ).

— Что такое? Что такое? раздавались голоса.

— Ну, всё на одного, кричалъ разгорячившійся питомецъ гимназіи: — милости просимъ, я давно до васъ добирался. (До кого добирался? И что значитъ «добирался»? И съ какою цѣлью добирался? Всѣ эти вопросы на вѣчныя времена остаются нерѣшенными.)

— А вотъ я тебѣ уши выдеру, не стерпѣлъ инспекторъ. (Молодецъ мужчина! Хвалю за энергію! Тутъ, по крайней мѣрѣ, ясно видно, до чего человекъ добирается. Но если взглянуть на дѣло не съ воинственной, а съ педагогической стороны, то окажется, что инспекторъ глупъ, какъ пробка. Онъ начинаетъ съ того, что даетъ своему питомцу неисполнимое приказаніе; питомецъ отвѣчаетъ ему поразительною глупостью, а инспекторъ оставляетъ эту глупость безъ вниманія и лѣзетъ драться. Развѣ такъ надо учить юношество уму-разуму? Инспекторъ, подобно дамѣ съ оборваннымъ платьемъ, самъ напрашивается на дерзость и сѣдаетъ весьма невкусный грибъ).

— Прошу, рукамъ воли не давать, отвѣтилъ тотъ, взявшись за стулъ:—вы сами прозвали нигилистомъ! (Послѣ этого отвѣта, подкрѣпленнаго выразительною мимикою, инспекторъ умолкаетъ и ступовывается. Г. Ключниковъ, которому подвернулось подъ руку новое мудреное слово, совершенно забываетъ о существованіи инспектора, такъ какъ онъ уже забылъ о существованіи дамы, заварившей всю кашу своимъ стремленіемъ поругаться. Что же это наконецъ такое? Коля рѣшительно держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ весь провинціальный beau-monde. Назвалъ даму долгохвостую синицею—та замолчала. Погрозилъ инспектору стуломъ—тотъ поджалъ хвостъ. А что же дѣлаетъ во все это время хозяинъ дома? Что же это за колпакъ, если онъ не умѣетъ вступить за даму и усмирить, двумя-тремя спокойно сказанными словами, буйныя страсти пятнадцатилѣтняго нигилиста?.. Нигилиста!.. Вотъ оно — роковое слово! Вотъ вамъ надлежащая подпись къ обличительной каракулькѣ, измышленной сердитымъ, но безсильнымъ писателемъ. Коля Горобецъ есть символъ или эмблема нигилизма. Весь задъ дамскаго платья оторванъ отъ лифа, дама ругается, инспекторъ говоритъ глупости — единственно для того, чтобы обрисовать съ разныхъ сторонъ чудовище, пожирающее умственные способности русскаго

общества. Обрисовываю, начатое съ такимъ успѣхомъ, продолжается въ послѣдующихъ строкахъ).

— Вотъ они, вредоносные-то плоды литературы, вмѣшался старшій чиновникъ. (Не на радость себѣ онъ вмѣшался! И читатель рѣшительно не знаетъ, зачѣмъ г. Ключниковъ вложилъ въ его уста это глупое изреченіе? Затѣмъ ли, чтобы ущипнуть старшій чиновникъ и заявить такимъ манеромъ свой собственный, тихонькій либерализмъ, или затѣмъ, чтобы изъ-за угла пустить противъ литературы то невинное замѣчаніе, что она развращаетъ гимназистовъ).

— Это вы говорите потому, что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ! (Старшій чиновникъ тотчасъ исчезаетъ со сцены и присоединяется къ лицамъ, навсегда забытымъ авторомъ. А въ отвѣтъ Коля заключается такой же обоюдоострый мечъ, какой мы видѣли въ изреченіи стараго чиновника. Съ одной стороны, г. Ключниковъ, повидимому, выражаетъ ту смѣлую и новую мысль, что въ Россіи есть старые чиновники, способные нарушать правила строгой честности. Но съ другой стороны, г. Ключниковъ также повидимому, усиливается довазать, что обличать старыхъ чиновниковъ «въ вѣдомостяхъ, да еще въ воровствѣ», способны только такіе развращенные пошляки, какъ Коля Горобецъ.— Легко можно быть, что г. Ключниковъ писалъ свои діалоги безъ малѣйшаго умысла, по избытку своего простодушія, по непосредственному влеченію своей природы, такъ какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ. Но что дѣлать? Бываютъ ужъ такія избранныя организаціи, у которыхъ «перлы и алмазны» такъ и сыпятся изо рта, даже помимо ихъ собственнаго желанія. Что ни скажетъ, что ни напишетъ — все, каждое слово выходитъ непременно или глупо, или пошло. Въ этомъ отношеніи только одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ писателей можетъ сравниться съ г. Ключниковымъ. Это — г. Николай Соловьевъ, начавшій съ недавняго времени ни украшать своими статьями критическій отдѣлъ «Эпохи». Невинность и простодушіе этого писателя сквозятъ въ каждой его строкѣ. А между тѣмъ, въ каждой изъ этихъ невинныхъ и безсвязныхъ строкъ притаилась — незамѣтная для простодушнаго автора, но очевидная для внимательнаго читателя, — злокачественная инсинуація. Г. Николай Соловьевъ имѣетъ привычку читать всѣ мои статьи, чтобы мои, неслѣзные для него, слова, не показались ему бездоказательною бранью, я напомиаю ему только то мѣсто изъ ноябрьской книжки «Эпохи», въ которомъ онъ, на основаніи повѣстей Помяловскаго, старается уличить нигилистовъ и реалистовъ въ систематической ненависти къ родителямъ. Пусть наивный критикъ

задумаетъ надъ этимъ мѣстомъ и пошлетъ тепломъ свою убогую голову.—Однако, все это въ скобкахъ; пора воротиться къ свирѣпо-му гимназисту, нагнавшему страхъ на провинціальное общество).

— *Il est poli ce petit bonhomme*—нечего сказать!—слышались женскіе голоса.

— Это вы говорите оттого, что я не хочу съ вами ногъ вывертывать, какъ ученая собачка, или оттого, что у васъ подъ шляпками, вмѣсто мозговъ, цвѣты на сажень торчатъ. (Эта рѣчь буйнаго юноши не обращена ни къ кому въ частности. Это отвѣтъ на возгласы «женскихъ голосовъ». Это воззваніе ко всему женскому полу вообще. Въ дѣйствительной жизни такія воззванія совершенно невозможны, потому что разобиженный человѣкъ всегда привязывается съ своею бранью къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя его оскорбили, но въ романѣ «Марево» человѣческія страсти разыгрываются иначе. Здѣсь тщедушное воплощеніе нигилизма, стараясь заявить свою собственную глупость и гнусность, оскорбляетъ все общество и всѣхъ женщинъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Слово *мозги* употреблено съ очевидною цѣлью попрекнуть нигилистовъ Молешотомъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что южно-русскіе нигилисты, какъ видно изъ словъ Коли Горобца, предписываютъ дамамъ носить *мозги* не внутри черепа, а снаружи, подъ шляпками, тамъ, гдѣ въ настоящее время, по изящному выраженію того же Коли, «торчатъ на сажень цвѣты». Такъ какъ ни одна дама не носитъ подъ шляпкою цвѣтовъ «на сажень» и такъ какъ съ другой стороны, носить *мозги на головѣ* неприятно и бесполезно, то читатель долженъ согласиться, что нигилизмъ совершенно несостоятеленъ, ибо нигилисты дгутъ безсовѣстнымъ образомъ и для своихъ преступныхъ цѣлей, извращаютъ основныя истины анатоміи и физиологіи).

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались? сказалъ Бронскій, подойдя въ свою очередь. (Самъ демонъ выступаетъ на сцену, чтобы защитить несчастное общество отъ неукротимаго пятнадцатилѣтняго злодѣя. Однако, надо сказать правду, первый вопросъ демона паразитально глупъ. Къ чему этотъ разговоръ о воспитаніи, когда забывшійся мальчикъ обругалъ всѣхъ дамъ дурами? Его просто надо было увести изъ комнаты и надо было предложить ему стаканъ холодной воды для успокоенія взволнованныхъ его страстей. Но, разумѣется, демонъ и не можетъ быть уминымъ, потому что онъ созданъ г. Ключниковымъ, а извѣстное дѣло, творецъ можетъ дать своему творенію только тѣ свойства, которыми онъ самъ обладаетъ).

— Оставьте его, шепнуть Доминовъ:—это забавно. (Доминовъ— молодой, но уже очень солидный чиновникъ, товарищъ председателя гражданской палаты. По какому случаю и съ какой точки зрѣнія этотъ господинъ можетъ находить забавными глупыя и неприличныя выходки Коли Горобца—это остается для читателя непроницаемою тайною).

— Нѣтъ, онъ можетъ повредить... также полу-шопотомъ отвѣчалъ Бронскій. (Кому повредить, чѣмъ повредить — это опять неразгаданная шарада. Авторъ, очевидно, старается напустить какъ можно больше таинственности; простодушные читатели ловятся на эту балаганную штуку и быстро поглощаютъ одну страницу за другою, въ надеждѣ найти наконецъ желанное объясненіе. Никакого объясненія они не находятъ, но они не злопамятны; имъ надо было только убить время. Если авторъ усыпаетъ свой рассказъ глухими намеками на какую-то интригу, то читатели, по своему добродушію, не потребуютъ отъ него, чтобъ онъ имъ показать всѣ нити и весь смыслъ интриги; они до самаго конца романа будутъ чего-то ждать, а потомъ, ничего не дождавшись, смиренно поблагодарятъ должнаго писака за доставленное имъ удовольствіе).

— Наше поколѣніе само себя воспитывало, продолжалъ Коля. (Вотъ вамъ третье мудреное слово. — «Гражданинъ», «нигилистъ», «наше поколѣніе»—все это слова весьма предосудительныя, которыя могутъ произносить только неблагонаправленные гимназисты).

— И съ перваго разу поретъ дичь, спокойно возразилъ Бронскій. Что это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди рождаются?

— Bravo! bravo! раздавалось вокругъ. (Ахъ, какой умный Бронскій и какое умное общество! Чему-жъ они такъ обрадовались, и съ какой стати закричали «bravo»? По словамъ Бронскаго выходитъ, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежать къ одному поколѣнію. Ихъ раздѣляетъ, правда, промежутокъ времени въ девяносто девять лѣтъ, но вѣдь это ровно ничего не значить. Годъ состоитъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, мѣсяць изъ тридцати дней, день изъ 24 часовъ, часъ изъ 60 минутъ, а люди рождаются каждую минуту. Столѣтній старикъ принадлежитъ къ одному поколѣнію съ тѣмъ человѣкомъ, который родился минутою позднѣе его; и съ тѣмъ также, который родился двумя минутами позднѣе, и тремя, и четырьмя, и пятью, и такъ далѣе; если продолжать такой расчетъ очень долго, то и окажется, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежать къ одному поколѣнію. Это вариация на извѣстный софизмъ старой схоластической логики—о плѣ-

живомъ. Вамъ предлагаютъ вопросъ: если вырвать у васъ одинъ волосъ, сдѣлаетесь ли вы плѣшивымъ?—Вы, разумѣется, отвѣтите: нѣтъ. — А если вырвать еще одинъ? — Нѣтъ. — А еще одинъ? — Нѣтъ.—Но наконецъ вамъ придется же сказать: да; и тогда вашъ собесѣдникъ объявитъ вамъ, что вы сдѣлались плѣшивымъ отъ потери *одного* волоса, или же, что между плѣшивымъ и не плѣшивымъ человекомъ нѣтъ никакой разницы. Тотъ, кто первый выдумалъ эту штуку, былъ, конечно, очень остроуменъ, но прилагать эту старую выдумку къ различнымъ частнымъ случаямъ—совсѣмъ не трудно. Но даже въ частномъ приложеніи стараго софизма г. Ключниковъ полветъ по чужимъ слѣдамъ. «Русскій Вѣстникъ», питающій гнѣвную страсть ко всякой схоластической дребедени, уже давно старался доказать схоластическими ухищреніями, что молодое поколѣніе есть мифъ, сочиненный двумя-тремя злонамѣренными журналистами).

— Что тутъ значать дѣла? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія, (Четвертое мудреное слово, вложенное въ уста Коли для опозоренія! Толковать объ убѣжденіяхъ могутъ только малолѣтніе грубіаны).

— Значить, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія... (Тутъ я даже въ тупикъ становлюсь передъ величіемъ этой пошлости. Откуда это почерпнулъ Бронскій то свѣдѣніе, что Коля Горобецъ ничего не признаетъ? И что это значить—ничего не признавать? И кто это ухитрился не признавать классификацій и убѣжденій? Если я не признаю классификацій, то значить, я смѣло могу утверждать, что орангъ-утангъ есть металлъ, что дубъ есть млекопитающее, а желѣзо—растеніе. Такъ, что-ли?—Но въ сущности, это все равно. Дѣло не въ томъ. Г. Ключниковъ, очевидно, полагаетъ, что есть на свѣтѣ люди, непризнающіе ничего, непризнающіе классификацій и убѣжденій. Въ этомъ мнѣніи г. Ключникова нѣтъ ничего особенно изумительнаго. Вѣдь полагаютъ же странница Феклуна, появляющаяся на сценѣ въ «Грозѣ» Островскаго, что есть люди съ песьими головами. Я не вижу ни малѣйшаго резона, почему и г. Ключникову не имѣть столь же оригинальныхъ понятій о землѣ и о тваряхъ, на ней живущихъ. Что позволительно Феклушѣ, то вовсе не должно составлять запретный плодъ и для г. Ключникова. Но вѣдь вы вотъ что возьмите въ расчетъ: Бронскій видитъ Колю Горобца въ первый разъ въ жизни; въ словахъ Коли не было высказано еще ни одного намека на какия бы то ни было призыванія или отрицанія. Спрашивается, какимъ же процессомъ мысли Бронскій могъ добраться до той нево-

стижимой нелѣпости, которую онъ произноситъ? Г. Ключниковъ, какъ клиентъ «Русскаго Вѣстника», очень сердится на какихъ-то людей съ песьими головами. Мысль объ этихъ чудовищахъ не даетъ покоя г. Ключникову, но зачѣмъ же онъ навязываетъ свою собственную галлюцинацію тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ романа, которыя никакъ не могутъ думать, чувствовать и говорить такъ, какъ думалъ, чувствовалъ и говорилъ бы на ихъ мѣстѣ самъ г. Ключниковъ?)

— А, да чортъ васъ побралъ бы, крикнуть гимназистъ и улизнуть изъ залы.

— Молодецъ графъ, не нынѣшнимъ чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ. (Вы видите, что солидные господа принимаютъ Колю Горобца за одного изъ «нынѣшнихъ». Какъ лестно должно быть графу, что его называютъ «молодцомъ» такіе умные люди! И какъ приятно должно быть графу то сознаніе, что онъ, передъ лицомъ всего уѣзднаго общества, съумѣлъ побѣдить въ словесномъ турнирѣ даже пятнадцатилѣтняго гимназиста! Да и мудро было не побѣдить! Какъ ни глупы были выходки Коли, однако фразы Бронскаго еще неизмѣримо глупѣе, а глупость, доведенная до колоссальныхъ размѣровъ, можетъ ослѣпить, оглушить, ошеломить и окончательно сбить съ толку самаго искуснаго діалектика. Спорить можно только съ тѣмъ человѣкомъ, который дѣйствительно работаетъ умомъ во время спора. Побѣдить въ спорѣ можно только того человѣка, у котораго есть въ головѣ здоровая, естественная логика. Говоря съ такимъ человѣкомъ, вы можете прослѣдить весь процессъ его мысли и отыскать ту точку, въ которой кроется основная причина вашего разногласія. Но что же вы станете дѣлать съ такимъ собесѣдникомъ, который неспособенъ связать въ своей головѣ двухъ мыслей? Скажетъ онъ вамъ, наприимѣръ, фразу; вы увидите въ этой фразѣ нелѣпость; начнете вы доказывать ему, что онъ ошибся; онъ сейчасъ отпуститъ вамъ вторую фразу, опять съ нелѣпостью, неимѣющею даже никакой логической связи съ первой; вы кинитесь къ этой второй фразѣ и начнете ее распутывать; онъ вамъ— третью, такого же достоинства и такъ же совершенно независимую отъ двухъ первыхъ. И такимъ образомъ онъ отчеканитъ десятки фразъ, безъ малѣйшаго утомленія, потому что онъ не думаетъ, а только говоритъ. Но вы, разумѣется, очень скоро совершенно опалѣете отъ безплодныхъ усилій отыскать между его фразами какую нибудь логическую связь. Вы попросите пощады или, подобно Горобцу, улизнете изъ комнаты, а вашъ глупый собесѣд-

никъ будетъ считаться въ солидномъ обществѣ такимъ молодцомъ, который «не нынѣшнимъ чета». Бронскій спрашиваетъ у Горобца, гдѣ онъ воспитывался; тотъ ему отвѣчаетъ; Бронскій, не продолжая своей прежней мысли, ухватывается за одно слово въ отвѣтѣ Горобца и на этомъ словѣ строить фразу; Горобецъ отвѣчаетъ на эту фразу; Бронскій опять выхватываетъ одно слово изъ отвѣта и опять на этомъ словѣ строить новую фразу. Такая забава можетъ продолжаться до безконечности. — Г. Ключниковъ заставляетъ Бронскаго говорить глупости не потому, что желаетъ представить его безтолковымъ человѣкомъ. Напротивъ того, Бронскій — по замыслу г. Ключникова, — продувная шельма, демонъ, хитрый и опасный человѣкъ; г. Ключниковъ стремится увѣрить насъ, что Бронскій опуталъ своими интригами цѣлый край; г. Ключниковъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы въ каждое слово Бронскаго вложить нѣчто многозначительное и молніеносное; но г. Ключниковъ все-таки остается г. Ключниковымъ, и поэтому Бронскій оказывается пугалицею, вмѣсто того, чтобы быть лукавымъ демономъ. И читатель припоминаетъ съ сострадательною улыбкою ту неосновательную лягушку, которая старалась усвоить себѣ тучность вола. Г. Ключникову было бы очень выгодно, если бы мы повѣрили ему на слово; тогда бы онъ намъ просто сказалъ: Бронскій и Русановъ — умные люди; мы бы этимъ увѣреніемъ тотчасъ удовлетворились; но мы тоже люди хитрые и несговорчивые; мы на это возражаемъ г. Ключникову: а вы намъ нарисуйте умныхъ людей! Вы намъ покажите, какъ умные люди говорятъ, дѣйствуютъ. Ну-ка попробуйте! — Г. Ключниковъ пробуетъ, но тучность вола остается для него недостижимымъ идеаломъ. И Бронскій, и Русановъ, и всякіе Горобцы мужскаго и женскаго пола наводятъ на читателя уныніе и оцѣпенѣніе, потому что на всѣхъ этихъ особахъ сіяетъ неизгладимая печать ихъ общаго фабриканта.»

III.

Разобранная мною сцена занимаетъ въ романѣ г. Ключникова двѣ небольшія странички. Когда же я взялъ на себя печальный трудъ отмѣтить и распутать всѣ бессмыслицы, украшающія эту сцену, тогда мнѣ пришлось написать слишкомъ десять страницъ большого формата. Вы у меня, вѣроятно, спросите: ради чего же я такъ усердствовалъ?—А вотъ видите ли: мнѣ хотѣлось показать публикѣ, ка-

инымъ образомъ стѣдуетъ читать русскія книги. Если вы прочтете сцену безъ вниманія, то вы не увидите въ ней ничего особеннаго: гимназистъ оторвалъ платье, поругался съ почтмейстеромъ людьми, убрѣжалъ изъ комнаты — все это вещи возможныя, нисколько неварушающія законовъ природы. Но прочтите ту же сцену со вниманіемъ, и вы увидите въ ней моразительную безтолковщину. Всѣ дѣйствующія лица — какія-то куклы на шружникахъ; всѣ говорятъ со своимъ же то, что они могутъ и должны говорить по своему положенію и характеру; отвѣты не вяжутся съ вопросами; каждый говоритъ свою собственную чууху, и вы никакъ не можете понять, какая побуждательная причина выталкиваетъ изъ него столь неожиданныя и неправдоподобныя звуки. Если бы наша публика выучилась читать внимательно романы и журнальныя статьи, если бы она постоянно требовала отъ писателя строгаго отчета въ каждомъ написанномъ имъ словѣ, если бы она проникнулась тѣмъ убѣжденіемъ, что каждое слово должно непременно выражать собою мысль, совершенно понятную для того, кто шипеть это слово, — тогда литература наша навсегда очистилась бы отъ такихъ худосочныхъ прищепъ, какъ романъ «Марево» или журналъ «Эпоха». Весь романъ «Марево», съ первой страницы до послѣдней, написанъ совершенно такъ, какъ разобранная мною сцена. Попробуйте, господа читатели, раскрыть его на удачу въ разныхъ мѣстахъ и разобрать попавшія вамъ двѣ-три страницы съ тою тщательностью, съ какою я разобралъ 54-ю и 55-ю страницы перваго тома. У васъ просто голова кругомъ пойдетъ отъ этого убійственнаго чтенія; а между тѣмъ, въ прошломъ году, этотъ романъ читался на расквартъ. Что же дѣлать критикѣмъ противъ этого скандальнаго торжества бездарности? Публикѣ были даны, еще со временъ Вѣлинскаго, превосходныя руководящія принципы. Но что же дѣлать, если она сама еще не умѣетъ прикладывать ихъ къ частнымъ случаямъ? Остается только одно послѣднее средство: надо, въ критическихъ статьяхъ, кромѣ теоріи, давать еще и практику. Надо не только дать публикѣ въ руки букварь, но надо еще читать вмѣстѣ съ нею на распѣвъ: буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва и такъ далѣе. Мой разборъ влюшниковской сцены есть именно такое чтеніе на распѣвъ. Это очень скучно и утомительно, но болѣе вы ничѣмъ не оставите наплыва бездарностей, позорившихъ нашу литературу во всѣхъ ея отрасляхъ. Чего добраго, мнѣ скоро придется возиться съ статьями г. Николая Соловьева такъ, какъ я возусь теперь съ романомъ г. Ключникова. Бездарность душитъ насъ со всѣхъ сторонъ. — Мы видѣли, какъ прелестью г. Ключниковъ рисуетъ мельчайшія подробности вседневной жизни.

Посмотримъ теперь, искусенъ ли онъ въ группированіи и освѣщеніи крупныхъ событій, на которыхъ лежитъ весь психологическій интересъ его романа. Посмотримъ, каково задуманы и обрисованы главные характеры. Разумѣется, важнѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ—кандидатъ Русановъ, добродѣтельный юноша, которому авторъ вполне сочувствуетъ и который даже, по словамъ одного эстетика, г. Эдельсона, представляетъ собою лицо идеальное. Намъ очень пріятно познакомиться съ такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Посмотримъ же теперь, какими глазами лицо идеальное созерцаетъ міръ запутанныхъ человѣческихъ отношеній? Русановъ, только-что кончивши курсъ въ московскомъ университетѣ, пріѣзжаетъ въ одну изъ украинскихъ губерній, на хуторъ къ своему дядѣ, и, заинтересовавшись одной барышней, Инною Горобецъ, рѣшается поселиться въ тихомъ уголкѣ и занять тамъ должность мирового посредника. Онъ, въ одно прекрасное утро, отправляется по сосѣднимъ хуторамъ, знакомится съ помѣщиками и, объявляя имъ свое желаніе, проситъ ихъ содѣйствія на предстоящихъ выборахъ. Странное дѣло! Лицо идеальное сразу ставитъ себя въ самое смѣшное положеніе. Представьте себѣ, что вы помѣщикъ. Къ вамъ пріѣзжаетъ незнакомый вамъ юноша и говоритъ: честь имѣю рекомендоваться. Я—кандидатъ Русановъ. Потрудитесь подать за меня голосъ, когда вамъ придется выбирать мирового посредника.—Если вы человѣкъ благоразумный, то вы, вѣроятно, посмотрите на вашего гостя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Онъ только-что успѣлъ показать вамъ свою фізіономію и произнести свою фамилію, и онъ уже думаетъ, что имѣетъ нѣкоторыя права на ваше довѣріе и уваженіе. Онъ полагаетъ, что вы сами, добровольно, отдадите въ его руки заботы о такомъ важномъ для васъ вопросѣ, какъ любовное размежеваніе вашихъ интересовъ съ интересами крестьянъ. Изъ любопытства вы спросите у вашего гостя: давно ли вы изволили пріѣхать въ наши края?—Онъ вамъ отвѣтитъ: три недѣли.—А прежде гдѣ вы изволили жить?—Въ Москвѣ. Я учился въ тамошнемъ университетѣ.—Изъ этихъ двухъ краткихъ отвѣтовъ вы уразумѣете, что вашъ собесѣдникъ никогда не былъ деревенскимъ жителемъ и, слѣдовательно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о тѣхъ людяхъ, съ которыми ему придется имѣть дѣло, ни о тѣхъ матеріальныхъ интересахъ, которые онъ такъ отважно беретъ размежовывать. Такъ какъ вашъ юный гость стремится къ званію мирового посредника, не обращая никакого вниманія на свою очевидную неопытность и некомпетентность, то вы имѣете полное право видѣть въ немъ или замосчиваго и пустоголоваго

вѣтрогона, хватающагося за всякую работу и немѣющаго даже понятія о тѣхъ серьезныхъ трудностяхъ, которыя сопряжены съ добросовѣстнымъ отправленіемъ каждой общественной должности,— или же молодого пройдоху, пошлаго искателя приключеній, которому хочется только сорвать съ земства полторы тысячи рублей на канцелярскіе расходы, и потомъ вести дѣло на авось, спустя рукава, безъ всякихъ расходовъ и трудовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, вы принуждены будете отнестись къ вашему новому знакомому съ сострадательнымъ презрѣніемъ, которое, по всей вѣроятности, нисколько не подвинетъ его впередъ, къ его желанной цѣли. Идеальное лицо—Русановъ, повидимому, долженъ былъ все это предвидѣть заранѣе. Но Русановъ о такихъ пустякахъ не думаетъ. Онъ рѣшается быть мировымъ посредникомъ совершенно неожиданно для себя и для читателя, такъ какъ онъ рѣшился бы выкупаться въ рѣкѣ или пойти на охоту, или сыграть съ добрымъ пріятелемъ партію на билліардѣ. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, идеальныя лица должны приниматься за общественную дѣятельность съ такою младенческою беззаботностью? Вы, можетъ быть, попробуете сказать, въ оправданіе Русанова, что онъ еще очень молодъ, не знаетъ жизни, видитъ вещи въ розовомъ свѣтѣ, слишкомъ много надѣется на свои юношескія силы и, вслѣдствіе этого, слишкомъ смѣло и необдуманно хватается за такую дѣятельность, о которой онъ имѣетъ самое поверхностное понятіе. Нѣтъ. Ваше оправданіе не идетъ къ дѣлу. Въ студенческіе годы мы не знаемъ дѣйствительной жизни, но мы живемъ въ области мысли; мы въ это время долго, упорно и серьезно думаемъ о нашей будущей дѣятельности: мы подходимъ къ явленіямъ дѣйствительности съ очень строгими, быть можетъ, даже неосуществимыми требаваньями; взглядъ нашъ на человѣческія отношенія и на предстоящій трудъ отличается въ молодости скорѣе излишнею торжественностью, чѣмъ излишнимъ легкомысліемъ. Вѣтренными юношами выходятъ изъ университета только тѣ личности, которыя, во все время своего студенчества, не переставали быть прилежными учениками или рѣзвыми малютками. Молодые люди, мало-мальски умные и даровитые, переживаютъ обыкновенно, во время своего студенчества, при столкновеніи съ живою струею науки, много тяжелыхъ и незабвенныхъ минутъ внутренней борьбы и умственного броженія. Молодой человѣкъ углубляется въ самого себя и съ замираніемъ сердца задаетъ себѣ рѣшительные вопросы: что я такое? Какъ я проживу на свѣтѣ? Каковъ складъ моего ума? Каковы размѣры моихъ силъ? На что я годенъ? Къ чему я себя пристрою? Чѣмъ я обезпечу за

обкою право подавать руку честнымъ людямъ и смотрѣть имъ прямо въ глаза? Рѣшеніе этихъ вопросовъ тѣмъ болѣе мучительно, что молодость всегда нетерпѣлива. Молодость тратитъ неразсчетливо все, начиная отъ своего двугривеннаго и кончая своею величайшею драгоценностью, живыми силами организма. Но когда неразсчетливый юноша скрываетъ себя за голову и потрясенный какими-нибудь новыми впечатлѣніями, вдругъ, съ поразительною ясностью, чувствуетъ потребность рѣшить вопросы жизни, — тогда юношѣ кажется, что время не терпитъ, что каждая минута драгоценна, что надо тотчасъ сдѣлать рѣшительный выборъ, тотчасъ готовить себя въ извѣстной дѣятельности, что малѣйшее промедленіе вредно и преступно, какъ медленное самоубійство или какъ позорное отступничество. Въ умѣ молодого человѣка поднимается буря; вопросы рѣшаются сегодня такъ, завтра иначе, черезъ недѣлю — на третій манеръ. Молодой человѣкъ злится, бранитъ себя за безхарактерность, выбивается изъ силъ, унываетъ, потомъ принимается за работу хладнокровнѣе, потомъ опять горячится; опять изнемогаетъ, и понемногу, въ этихъ необходимыхъ и спасительныхъ буряхъ нашей молодости, созрѣваетъ и складывается сильный и мужественный характеръ, который будетъ встрѣчать и переносить съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ добродушнѣйшею веселостью все то, что пугаетъ, давитъ, развращаетъ и уродуетъ мелкихъ людишекъ, незакаленныхъ въ суровой школѣ внутренней борьбы и умственныхъ страданій. Если молодой человѣкъ по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ мѣняетъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ жизни, то эта подвижность вовсе не доказываетъ, что рѣшенія даются ему дешево и что онъ относится легкомысленно къ своей будущей дѣятельности. Мѣняетъ онъ свои рѣшенія совсѣмъ не для того, чтобы увеселять себя разнообразіемъ; онъ худѣетъ и блѣднѣетъ, онъ ночей не спитъ отъ этого увеселенія; чѣмъ чаще приходится мѣнять, тѣмъ сильнѣе онъ страдаетъ; да вѣдь что же дѣлать? Такіе вопросы не рѣшаются кое-какъ; и невозможно же, изъ любви къ умственному комфорту, оставлять неизмѣненнымъ такое рѣшеніе, которое уже перестало казаться удовлетворительнымъ. — Юношамъ приписываютъ обыкновенно способность мечтать о будущемъ; юность и мечта — два понятія неразлучныя; нѣтъ того рифмоплета, нѣтъ того бездарнаго писака, который бы не отпустилъ нѣсколько казенныхъ пошлостей о золотыхъ или о розовыхъ мечтахъ юности. Рифмоплетъ или бездарный беллетристъ въ своей юности дѣйствительно только на то и были годны, чтобы мечтать о розовомъ предметѣ, напримеръ, о какой-нибудь барышнѣ; или о золотомъ предметѣ, напри-

мѣръ, объ офицерскихъ эпюлетахъ. Можетъ быть, у этихъ госнодь были, кромѣ того, и каравонны мечты, направившіяся къ верховой лошади такой масти, и сѣдлы мечты, клонившіяся къ бобровому воротнику, который, въ свое время, будетъ весьма картинно серебриться морозной пылью, по незабвенному выраженію Пушкина, величайшаго специалиста по части всякихъ юношескихъ мечтаній, пѣгихъ и буланыхъ, о маленькихъ ножкахъ и объ издѣліяхъ вдовы Кляко. Всѣ подобныя мечтанія чрезвычайно усадительны, но то юношество, которое понесетъ на своихъ плечахъ судьбу общества въ ближайшія десятилѣтія, то юношество, въ которомъ лежатъ задатки мужественной зрѣлости,—мечтаетъ мало. Оно думаетъ, и его думы награждаютъ его ранними морщинами и преждевременными лысинами. Объ этой крѣпкой, страстной и серьезной дѣятельности юношеской мысли г. Ключниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Его идеальное лицо—Русановъ мечталъ въ университетѣ объ общественной дѣятельности такъ, какъ современники Пушкина мечтали о шампанскомъ и о балетѣ. Возвышеннѣе такого идеала г. Ключниковъ, разумѣется, и не можетъ ничего создать. Безсиліемъ автора и узкостью его пониманія только и объясняется то хлестаковское нахальство, съ которымъ лицо идеальное пытается сунуть свой носъ въ совершенно неизвѣстную ему отрасль серьезной практической дѣятельности. Зрѣлице выходитъ умилительное и уморительное. Герой дѣлаетъ пошлѣйшую изъ пошлостей, а романтистъ одобрительно и даже почтительно киваетъ головою. Это напоминаетъ мнѣ ту сцену изъ «Мертвыхъ душъ», когда Маниловъ, съ радостнымъ умиленіемъ, свойственнымъ глупому отцу, превозноситъ гениальныя способности своего вислоухаго Фемистоклоса, котораго, въ эту самую минуту, насильственно сморкаетъ лакей.

Плохія газеты, стараясь заявить свой либерализмъ, подтруниваютъ обыкновенно надъ какою нибудь несчастною Турціею, или упрекаютъ въ ретроградствѣ какого нибудь шапхайскаго мандарина. Плохіе беллетристы, подобные г. Ключникову, стремясь обнаружить свою образованность и тонкость своего юмора, рисуютъ обыкновенно, съ великосвѣтскою насмѣшливостью, картины дикихъ провинціальныхъ нравовъ. Ироническіе отзывы о завоснѣлости Турціи и о провинціальномъ *mauvais-genre* питаютъ и грѣютъ многихъ либеральныхъ каплуновъ, которымъ барская спѣсь и непобѣдимая лѣнь мѣшаютъ взяться за пиленіе дровъ или за тасканіе воды.—Описывая путешествіе Русанова по сосѣднимъ хуторамъ, г. Ключниковъ, разумѣется, развертываетъ сокровища своего юмора и бросаетъ насмѣшливые взгляды на обитателей украинскаго захоlustья. Но просвѣщенный

либераль не замѣчаетъ того, что чѣмъ больше онъ издѣвается надъ смиренными провинціалами, тѣмъ глупѣе и смѣшнѣе становится фигура его любимаго героя, сунувшагося въ воду, не спросясь броду.—«Ну, будетъ по сьумасшедшимъ домамъ шляться! восклицаетъ Русановъ, объѣхавъ около десятка хуторовъ.»—О, милѣйшій господинъ Русановъ, какъ жестоко вы поражаете этимъ возгласомъ вашу собственную особу! Вы сами напрашивались на такую должность, которая приводила бы васъ въ ежедневныя сопривосновенія съ самыми допотопными типами провинціальной жизни. Вы называете вашихъ сосѣдей сьумасшедшими? Прекрасно! Но, къ счастью для васъ, у этихъ сьумасшедшихъ все-таки хватило здраваго смысла на то, чтобы отклонить вашу просьбу о мировомъ посредничествѣ. А что бы вы заплѣли въ томъ случаѣ, если бы сьумасшедшіе не оказались благоразумнѣе васъ и если бы они исполнили ваше желаніе? Вѣдь вамъ, мой неразсудительный другъ, пришлось бы тогда каждый день бывать въ какомъ нибудь сьумасшедшемъ домѣ и каждый день по нѣскольку часовъ подъ рядъ вести юридическія или экономическія бесѣды то съ помѣщицею Коробочкою, то съ Собакеви, чемъ, то съ Ноздревымъ. У васъ голова закружилась отъ нѣсколькихъ легкихъ разговоровъ о погодѣ и объ урожаѣ, а каково бы вамъ пришлось тогда, когда надо было бы толковать обитателямъ сьумасшедшихъ домовъ положеніе 19 февраля, объяснять имъ, что такое уставная грамота, выкупная сдѣлка, разверстаніе угодій? Какъ же вы осмѣлялись просить себѣ званія мирового посредника, когда вы даже приблизительно не знали умственной и нравственной фізіономіи того общества, въ которомъ вамъ пришлось бы судить и рядить? Если вы называете сьумасшедшими вашихъ сосѣдей, смиренно сидящихъ въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, то какъ прикажете назвать Владимира Ивановича Русанова, образованнаго юношу, врывающагося въ міръ сьумасшедшихъ домовъ для полученія тысячи пятисотъ рублей за такую работу, которую онъ никакъ не можетъ выполнить добросовѣстно и удовлетворительно?—На одномъ изъ хуторовъ Русановъ бесѣдуетъ съ сантиментальною помѣщицею, которая, послѣ первыхъ двухъ словъ, наводитъ разговоръ на амурныя дѣла. Русановъ цѣломудренно уклоняется отъ этого щекотливаго предмета и выдвигаетъ впередъ свое желаніе быть мировымъ посредникомъ. Происходитъ маленькое недоразумѣніе, созданное г. Ключниковымъ для того, чтобы уязвить и осмѣять провинціалку которую онъ называетъ «дебелю красавицею». Но несчастный Русановъ при этомъ недоразумѣніи оказывается несравненно смѣшнѣе «дебелю красавицы».

— «Я желать бы переговорить съ вашимъ супругомъ, говорить Русановъ... я желать бы быть посредникомъ.»

— О, шалуны! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ.

— Какъ-съ?

— Между замуженю женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ...

— А-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, муза нѣтъ дома. Это не по моей части...» (Стр. 22).

«Дебелая» красавица желаетъ пошалить съ молодымъ человекомъ. Это, конечно, очень безнравственно, но совѣтъ не глупо, потому что многіе молодые люди—большіе охотники до шалостей; стало быть, красавица не могла знать заранѣе, что ея желаніе не осуществится. Молодой человекъ заговариваетъ «съ дебелою красавицею» о мировомъ посредничествѣ. Это, конечно, несколько не безнравственно, но за то очень глупо, потому что молодой человекъ долженъ былъ сразу увидѣть и понять, что «дебелая красавица» способна заниматься только тѣмъ, что «по ея части.» Стало быть, бесѣдовать съ нею о дѣлахъ государственной или общественной службы было совершенно неумѣстно.

IV.

Потерпѣвши неудачу въ исканіи мирового посредничества, Русановъ поступаетъ на службу въ гражданскую палату и получаетъ мѣсто столоначальника. Когда ему уже было обѣщано это мѣсто, онъ ведетъ слѣдующій разговоръ съ своимъ бывшимъ университетскимъ товарищемъ, Бронскимъ.

— «Вы все такой же, Владиславъ, говоритъ Русановъ. Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите!

— А вы свои приложите?

— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили наше вступленіе въ жизнь? *(Пить вступленіе въ жизнь запрещено законами русскаго синтаксиса. Если бы можно было пить вступленіе въ жизнь, то было бы также совершенно позволительно пить день рожденія или свадьбу. Но до сихъ поръ никому не приходила въ голову такая преступная мысль). Съ завтрашняго дня я—столоначальникъ гражданской палаты.*

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ графъ, отодвигаясь. (Стр. 58).

Разумѣется, трудно повѣрить тому, чтобы идеальное лицо—Русановъ мечталъ, при выходѣ изъ университета, именно о мѣстѣ столоначальника гражданской палаты. Молодые люди, одержимые демономъ честолюбія, мечтаютъ обыкновенно о болѣе возвышенномъ положеніи въ служебной іерархіи, на примѣръ, о министерскомъ портфель или, по меньшей мѣрѣ, о превосходительномъ титулѣ, о звѣздѣ, о лентѣ, о золотомъ ключѣ. Но я думаю, что даже г. Клопшиниковъ постыдится официально заявлять свое сочувствіе къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые смотрятъ на государственную службу исключительно, какъ на средство удовлетворять прихотямъ мелочнаго тщеславія. Поэтому, я готовъ допустить, что Русановъ, при выходѣ изъ университета, мечталъ не о чинахъ и знакахъ отличія а о той пользѣ, которую онъ будетъ приносить обществу, занимая въ государственной службѣ какую нибудь скромную должность. Словомъ, Русановъ мечталъ въ университетѣ такъ, какъ Надимовъ и великодушный становой г. Львова мечтали на сценѣ Александринскаго театра. Можно было бы замѣтить, что эти мечты составляютъ уже для русскаго общества разогрѣтое кушанье, но я буду снисходителенъ до конца, постараюсь забыть несвоевременность русановскихъ мечтаній и произнесу надъ ними приговоръ только на основаніи тѣхъ фактовъ, которые изобрѣтаеть самъ г. Клопшиниковъ.—Черезъ нѣсколько времени послѣ поступленія Русанова на службу, помощникъ новаго столоначальника, Чижииковъ, приглашаетъ его къ себѣ пообѣдать запросто. Послѣ очень скромнаго обѣда, Чижииковъ пускается съ своимъ начальникомъ въ откровенный разговоръ.

— «По правдѣ сказать, Владиміръ Ивановичъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ, сказалъ Чижииковъ, по-смѣиваясь:—а я... лучше ужъ разомъ покаяться... Я беру взятки.. А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяцъ; ну, мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этими бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобы являться въ своемъ видѣ, не оборвышемъ; ну, и сапоги... Хотя, съ высшей точки зрѣнія, казалось бы, что такое сапоги! А тутъ благодарять двумя-тремя рубликами... Не бралъ-съ, ей Богу не бралъ, пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышеніе, а вышло вотъ что!..

Чижииковъ пустиль густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухѣ.

— Скажите, пожалуйста, началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе: — неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрою?» (Стр. 115).

Вмѣсто того, чтобы описывать весьма картинно, какимъ образомъ бѣлое кольцо дыму плыло, плыло и пропадало въ воздухѣ, г. Ключникову не мѣшало бы задуматься надъ тѣмъ двусмысленнымъ положеніемъ, въ которое попалъ Русановъ вслѣдствіе «тяжелаго объясненія» съ своимъ подчиненнымъ. Но г. Ключниковъ даже не замѣтилъ никакой двусмысленности и никакого положенія. Русановъ, который, разумѣется, не можетъ быть дальновидѣе своего творца, также отнесся ко всему этому разговору очень легко и игриво. Онъ только своротилъ въ сторону отъ «тяжелаго объясненія» и затѣмъ счелъ все дѣло оконченнымъ. Этого мало. Онъ даже, въ домѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, Горобцовъ, «началъ описывать чиновный міръ и пошелъ по своей колеѣ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ» (стр. 127). По какой колеѣ ходитъ обыкновенно Русановъ въ своихъ разговорахъ—этого я не знаю, потому что всѣ его разговоры, приведенные въ романѣ, совершенно безсвязны, безалаберны, наполнены внутренними противорѣчіями и ни въ какую опредѣленную колею не могутъ быть втиснуты. Что Русанову свойственъ какой-то юморъ, этому я также не могу повѣрить, потому что во всѣхъ его разговорахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ юмора. Въ добродушіи же я, пожалуй, откажу Русанову, если только подъ этимъ именемъ мнѣ позволено будетъ подразумѣвать его абсолютную неспособность отнестись серьезно къ какому бы то ни было явленію жизни, и довести послѣдовательно до конца какую бы то ни было дѣльную мысль.—На *добродушные* рассказы Русанова о чиновномъ мірѣ, злобный Бронскій дѣлаетъ слѣдующее возраженіе.—«Какъ не пожалѣть, въ самомъ дѣлѣ! Жена, дѣти, et caetera, et caetera... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе?—И затѣмъ оный принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ» (стр. 128). Возраженіе Бронскаго показываетъ ясно, что Русановъ изощрялъ свой *добродушный юморъ* надъ чѣмъ нибудь, въ родѣ *тяжелою объясненія*, происшедшаго въ квартирѣ Чижиикова. Я вовсе не хочу заподозрить Русанова въ томъ, что онъ зубоскалилъ на счетъ горемычнаго житія бѣдныхъ чиновниковъ. Нѣтъ. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ. Тутъ важно то обстоятельство, что Русановъ относился весело и добродушно къ такому явленію, которое радикально под-

рываетъ для него всякую возможность остаться на службѣ. Основная тема русановскихъ разсказовъ о чиновномъ мірѣ состоитъ, очевидно, въ томъ, что, моль, никакъ нельзя—жена, дѣти, преневождъ беретъ.—Хорошо! Русановъ, какъ мы видѣли, узналъ, что его подчиненный беретъ взятки. Это *тяжелое объясненіе* каждому мыслящему человѣку, находящемуся на мѣстѣ Русанова, дадо бы почувствовать, что онъ попалъ въ такіе страшные тиски, изъ которыхъ нѣтъ другого выхода, кромѣ истой отставки. Къ чему обязываютъ Русанова его присяга, его совѣсть, требованія высшей идеи общественнаго быта? Очевидно, къ тому, чтобы безпощадно искоренять взяточничество. Какъ ближайшій начальникъ Чижикова, онъ долженъ донести о его противозаконныхъ поступкахъ, и употребить всё свои усилія на то, чтобы врагъ общественнаго блага, былъ отданъ подъ судъ. Если у Русанова не дрогнетъ рука задавить Чижикова и пустить по міру его жену, если Русановъ твердо рѣшился давить точно такимъ же образомъ, во все продолженіе своей службы, всѣхъ бѣдныхъ чиновниковъ, подобныхъ Чижикову, если Русановъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, производя въ своемъ вѣдомствѣ это постоянное избіеніе младенцевъ, онъ дѣйствительно искореняетъ взяточничество и оказываетъ великія благодѣянія своему отечеству,—тогда Русановъ смѣло можетъ оставаться на службѣ и утверждать во всеуслышаніе, что его студенческая мечта о полезной общественной дѣятельности осуществилась блистательно. Но Русановъ поступаетъ совсѣмъ не такъ. Онъ не давить Чижикова, и даже остается съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. *И въ то же время, Русановъ не выходитъ въ отставку.* Вотъ это уже веркъ непослѣдовательности, той жалкой, старушечьей непослѣдовательности, которая происходитъ не отъ цѣлкости страстей, а отъ слабости разсудка. Если Русановъ помиловать Чижикова, тогда онъ, очевидно, долженъ миловать постоянно всѣхъ чиновниковъ, находящихся подъ его начальствомъ. Какъ бы широко ни шла служба Русанова, какъ бы быстро ни подвигалась впередъ его карьера, какъ бы широко ни раздвигались размѣры его власти и дѣятельности—все равно: Русановъ все-таки не можетъ сдѣлать ни шагу для прекращенія чиновническихъ злоупотребленій. Чижиковъ—хорошій человѣкъ, и у него на рукахъ жена; но вѣдь какойнибудь Степановъ тоже чудесный человѣкъ, и у него на рукахъ старуха мать; а чѣмъ же дурень Фадѣевъ, у котораго на рукахъ двѣ сестры? И за что же обижать вдовца-Тихонова, у котораго на рукахъ пятеро малолѣтнихъ дѣтей?—Есѣ берутъ по необходимости, всякому деньги не безполезны и у всякаго есть что нибудь на ру-

какъ. Значить, въ чему же сводится, при такихъ условіяхъ задачи, студенческая мечта Русанова о полезной общественной дѣятельности? И чѣмъ же будетъ отличаться идеальный чиновникъ Русановъ отъ всѣхъ матеріальныхъ чиновниковъ, служившихъ еще во времена Очакова и покоренія Крыма? Развѣ только тѣмъ, что тѣ воровали, а Русановъ *самъ* не будетъ воровать?—Значить, Русановъ служить не для того, чтобы приносить положительную пользу, не для того, чтобы искоренять зло, а для того, чтобы *не участвовать* во злѣ. На вопросъ: что вы дѣлаете въ гражданской палатѣ? — Русановъ долженъ отвѣчать: я *не ворую*. Но тогда можно ему замѣтить, что этому отрицательному занятію онъ можетъ съ величайшимъ успѣхомъ предаться и у себя на хуторѣ, и въ Петербургѣ, и за границей, и гдѣ угодно. Для того, чтобы *не воровать*, нѣтъ абсолютной необходимости носить вицмундиръ и ходить каждое утро въ гражданскую палату. Поступать на службу для того, чтобы, со временемъ, своимъ вліяніемъ, реформировать и обновить цѣлыя обширныя части канцелярскаго механизма — это еще куда не шло; объ этомъ, пожалуй, могутъ мечтать юноши, созерцающіе жизнь изъ прекраснаго далека; но мечтать о томъ, чтобы быть въ своей жизни только безвреднымъ, готовить себя совершенно сознательно къ тому, чтобы сдѣлаться навсегда пассивнымъ винтомъ въ ветхомъ механизмѣ—уже явный симптомъ такой вялости и хлостности, такой собачьей старости, которая во всякомъ энергическомъ человѣкѣ возбуждаетъ полнѣйшее отвращеніе. О великій романистъ, г. Ключниковъ! О великій редакторъ, г. Катковъ! О великій эстетикъ, г. Эдельсонъ! Такъ это воплощеніе собачьей старости есть, по вашему мнѣнію, лицо идеальное?—Но, позвольте! Это еще не все. Внутреннія противорѣчія въ поведеніи Русанова, какъ-будто нарочно, доводится авторомъ до послѣднихъ предѣловъ комическаго безобразія. И авторъ такъ слѣпъ, что даже не замѣчаетъ этихъ противорѣчій. На страницѣ 109, Русановъ, придя въ первый разъ на службу, безъ малѣйшей надобности вступаетъ съ однимъ старымъ столоначальникомъ въ ожесточенный споръ по вопросу о взяткахъ. Вотъ вамъ эта поучительная бесѣда, въ которой Русановъ сіяетъ чисто-надимовскимъ благородствомъ души и беззастѣнливостью помысловъ.

— «Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ!—увѣщевалъ старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣньемъ и до взятокъ не дадеко, рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе-хе!... Молода еще...

— Что?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человекъ! кто беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки же: благодарность за труды! Если вы, примѣрно, ночь просидите за какимъ нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу, какая же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ....

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, высморкался съ полнымъ сознаниемъ неотразимаго аргумента.

— Да, почтеннѣйшій collega, перебилъ Русановъ, если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно не за очередное: то и безъ того доложится... Стало быть взятка!

— Погодите, послужите, попривыкнете къ нашему порядку...

— Ну, ужъ это дудки! Это вамъ придется къ нашему порядку-то приглядываться...» (стр. 109—110).

На страницѣ 110 Русановъ горячится и говорить, что «это дудки», а на слѣдующей, 111-й страницѣ, Чижиновъ приглашаетъ его къ себѣ обѣдать, и послѣ обѣда—на страницѣ 114,—начинаетъ «тяжелое объясненіе», которое Русановъ прекращаетъ на страницѣ 115. — Спрашивается теперь, съ умысломъ ли или безъ умысла г. Ключниковъ поставилъ рядомъ двѣ сцены, одну между Русановымъ и старичкомъ, развивающимъ теорію благодарности, а другую между тѣмъ же Русановымъ и Чижиновымъ, развивающимъ теорію необходимости? Если это сопоставленіе двухъ сценъ произошло нечаянно, тогда вопіющее слабоуміе автора не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію. Тогда, значитъ, г. Ключниковъ пишетъ одну сцену за другою по какой-то силѣ инерціи, совершенно машинально: безъ всякаго общаго плана, не умѣя даже понимать смыслъ собственныхъ своихъ фразъ. Онъ пишетъ такъ, какъ деревенскіе дьячки читаютъ псалтырь. И это толкованіе чрезвычайно выгодно для г. Ключникова, потому что, если я предположу, что обѣ сцены написаны сознательно, съ умысломъ, тогда выдетъ результатъ изъ рукъ вонъ пакостный, такой результатъ, который покажется пакостнымъ всѣмъ пишущимъ и читающимъ людямъ, безъ различія литературныхъ партій. — Старичокъ говоритъ Русанову: «попривыкнете къ нашему порядку», и Русановъ дѣйствительно, въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, привыкаетъ. Старичокъ говоритъ: «благодарность за труды», и Русановъ горячится; Чижиновъ говоритъ: «благодарятъ двумя-тремя рубликами», и Русановъ отвѣт-

ваетъ отъ этого разговора, какъ человѣкъ, старающійся заглушить въ себѣ голосъ совѣсти. Значить, что же это такое? Значить, старичокъ былъ правъ и слова его были пророчествомъ. Значить, человѣкъ возмущается взятками только тогда, когда «молода еще, въ Саксоніи не была», а какъ только побываетъ «въ Саксоніи», такъ сейчасъ и увидитъ, что взяточничество освящено законами природы, на вѣки нерушимыми, противъ которыхъ ратуютъ, только что своей безтолковости, безпокойные волтеріанцы и фармазоны. Значить, даже и противъ взяточничества ратовать не слѣдуетъ. Значить, самые умные, самые честные, самые крѣпкіе молодые люди должны, съ тупымъ спокойствіемъ траводныхъ животныхъ, тянуть старую канитель, завѣщающую прадѣдами, потому что, извѣстное дѣло, яйца курицу не учатъ, и все это не нами началось и не нами должно кончиться.—Множество романовъ и повѣстей посвящалось и посвящаются до сихъ поръ описанію того, какимъ образомъ молодые люди понемногу мирятся со всѣми жерзостями дѣйствительной жизни; но авторы этихъ романовъ и повѣстей никогда не осмѣливались оправдывать это примиреніе; они относились къ примирившимся юношамъ болѣе или менѣе сурово, иногда съ сострадательнымъ презрѣніемъ, можетъ быть, съ тихою грустью, но ужь, во всякомъ случаѣ, безъ восторженнаго сочувствія. Эти романы и повѣсти были всегда вариациями на знаменитыя слова Гоголя въ главѣ о Плюшкинѣ, на тѣ слова, которыми Гоголь совѣтуетъ юношамъ забирать съ собою смолоду свѣжія чувства, потому что потомъ не подымешь на дорогѣ.—А въ романѣ г. Ключникова дѣло идетъ совсѣмъ на выворотъ. Русановъ, примирившійся съ взяточничествомъ, остается для автора идеаломъ и героемъ. Этотъ самый Русановъ, участвуя своимъ молчаніемъ въ мелкихъ плутняхъ Чмышева, стремится пролить и дѣйствительно проливаетъ за отечество нѣкоторую часть своей благонамѣренной крови. Значить, тутъ и рѣчи быть не можетъ о нравственномъ паденіи героя и о сострадательномъ презрѣніи автора. Если бы г. Ключниковъ относился къ Русанову неодобрительно, то, разумѣется, г. Ключниковъ не поставилъ бы этого ошозореннаго человѣка въ картинную позу Бурція, бросающагося въ зыбущую провасть для спасенія отечества. Великій истинный патріотъ долженъ понимать, что только чистые люди имѣютъ право совершать чистые подвиги патріотизма. Отдавать, въ литературномъ произведеніи, эти подвиги въ руки замаранныхъ и оподенныхъ личностей, значить протитупировать идею патріотизма и усыплять въ обществѣ ту чуткость нравственныхъ требованій, которая составляетъ самое прочное и разумное основа-

ніе любви въ отечеству и къ согражданамъ.—И такъ, г. Ключниковъ поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ предложенныхъ мною объясненій: или онъ пишетъ безсознательно, въ принадлежкахъ хроническаго сомнамбулизма, не понимая того, что выходитъ изъ подъ его пера; или же онъ умышленно проводитъ въ своемъ романѣ тенденціи старичка и старается реабилитировать взяточничество. Пусть потребуетъ кто нибудь изъ защитниковъ романа «Маревъ» объяснить какъ нибудь иначе смыслъ тѣхъ сценъ, которыя я разобралъ въ этой главѣ. Передъ такою задачею станеть въ тупикъ даже такой неустрашимый софистъ, какъ г. Катковъ. А между тѣмъ, въ этомъ вопросѣ прямо заинтересована честь г. Каткова, если только она еще можетъ чѣмъ нибудь интересоваться. Романъ «Маревъ» былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Пускай же «Русскій Вѣстникъ» торжественно просить у публики прощенія въ томъ, что онаиваетъ ее такимъ дурманомъ. Или же, пускай онъ прямо объявитъ себя адвокатомъ взяточничества и торжественно проклянетъ даже «Губернскіе очерки» Щедрина, положившіе основаніе всему величію гг. Каткова и Леонтьева. Систематическая аналогія взяточничества будетъ дѣломъ безпримѣрнымъ даже въ нашей журналистикѣ, опозорившей себя всякими нечестностями и гнусностями. Наши литературныя партіи расходятся между собою очень сильно по всѣмъ возможнымъ вопросамъ; даже въ вопросѣ о взяточничествѣ онѣ несогласны на счетъ тѣхъ средствъ, которыя должны привести за собою искорененіе этого общественнаго зла. Но до сихъ поръ я былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть даже у насъ такой литературной партіи, которая рѣшилась бы публично провозгласить взяточничество явленіемъ нормальнымъ и не требующимъ искорененія. Я даже и теперь осмѣливаюсь думать, что «Русскій Вѣстникъ» не рѣшится защищать умствованія г. Ключникова и скромно промолчать, чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи.

V.

Мы любовались на Русанова, какъ на гражданскаго дѣятеля. Посмотримъ теперь на его отношенія къ любимой женщинѣ. Здѣсь безсиліе автора выражается вполне въ безцвѣтной вялости героя. Г. Ключниковъ готовъ намъ побожиться, что Инна любитъ и уважаетъ Русанова, но мы не повѣримъ никакой божбѣ; мы скажемъ автору: покажите намъ такого Русанова, котораго женщина могла

бы любить и уважать; передайте намъ тѣ разговоры или поступки Русанова, которые могли бы произвести на женщину глубокое впечатлѣніе; сдумайте создать сильную, умную, мужественную личность, и тогда мы вамъ повѣримъ безъ всякой божбы.—Помилуйте, господа читатели, отвѣтитъ авторъ, чего вы отъ меня требуете? Развѣ можетъ Пульхерія Ивановна изобрѣсти какую нибудь машину? Развѣ можетъ странница Феклуша написать изслѣдованіе по сравнительной анатоміи? И когда же это видано, и когда же это слышано, чтобы курочка бычка родила, поросеночекъ лячко снесъ? Послѣ этого, какъ же вы отъ меня требуете, чтобы я создалъ сильную, умную, мужественную личность? Какъ же вы хотите, чтобы я сочинилъ для моего Русанова умные разговоры или поступки?—Ну, такъ не зачѣмъ вамъ и божиться въ томъ, что Русанова любить и уважаетъ женщина,—отвѣтитъ читатель. Сказали бы просто, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на деревенскую барышню своимъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ и своею румяною фізіономіею. Этому мы, пожалуй, повѣримъ, тѣмъ болѣе, что мы уже видѣли, какъ заигривала съ вашимъ героемъ дебелая красавица. Но г. Клюшниковъ пропускаетъ этотъ отвѣтъ мимо ушей и продолжаетъ божиться. Божится же онъ преуморительно. Такъ, напримѣръ, мы видѣли уже, что онъ приписалъ Русанову добродушный юморъ. Но если бы читатели спросили: а гдѣ-жъ онъ, юморъ-то? подавайте его сюда!—то г. Клюшникову осталось бы только сказать: былъ, да весь вышелъ. Ей богу, былъ. У меня, господа, Русановъ—самый настоящій юмористъ, да только я этого выразить никакъ не умѣю. Въ другомъ мѣстѣ, на страницѣ 30, авторъ увѣряетъ читателя, что Русановъ говоритъ иногда «горячія тирады о значеніи современнаго движенія». Читатель сейчасъ входитъ во вкусъ и требуетъ: давай-те мнѣ сюда горячую тираду. Что въ печи, то и на столъ мечи. Но горячія тирады такъ и остаются въ печи, и читатель рѣшительно не знаетъ, что именно Русановъ называетъ *современнымъ движеніемъ* и какъ онъ въ немъ усматриваетъ значеніе. Автору опять приходится божиться, что *горячія тирады*—не мифъ. Въмѣсто горячихъ тирадъ и добродушнаго юмора, авторъ представляетъ намъ, напримѣръ, слѣдующій эпизодъ изъ его бесѣдъ съ Инной. «Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все собирался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянулъ.—Славный нынче день, сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны» (стр. 29). Впрочемъ, можетъ быть, именно въ этомъ эпизодѣ сидятъ и горячность, и тирады, и добродушіе, и юморъ. Но читатель не знаетъ навѣрное, куда пристроить

эти слова. Тираду ми навли: «славный нынче день!» Разговоръ о свойствахъ *мытицкило* дня есть, безъ сомнѣннй, самый *современный* изъ всѣхъ возможныхъ разговоровъ. Но какъ же мы поступимъ дальше? Съ одной стороны, легко можетъ быть, что Русановъ *«лодилъ за ней»* съ добродушіемъ, *раздвигалъ вѣтви* съ юморомъ и *жевалъ листья* съ горячностью; но съ другой стороны, весьма правдоподобно и то предположеніе, что онъ *рѣшался* съ горячностью, *кашлялъ съ юморомъ* и *опускалъ глаза* съ добродушіемъ. Просимъ г. Ключникова вывести насъ изъ тягостнаго недоумѣннй.—На 30-й страницѣ, на той самой, на которой г. Ключниковъ приписываетъ своему герою способность провоносить горячія тирады, авторъ объявляетъ намъ, что «вмѣстѣ съ наступавшею темнотою Русановъ становится смѣлѣе». У читателя, разумѣется, бьется сердце и замираетъ духъ. Даже тогда, когда было свѣтло, Русановъ рискнулъ заговорить о такомъ современномъ вопросѣ, какъ свойства нынѣшняго дня; даже тогда онъ уже жевалъ листья съ горячностью. Что же епособенъ онъ сдѣлать теперь, при наступленнй темноты, когда онъ становится даже *еще* смѣлѣе? Теперь онъ будетъ жевать и глотать дубовыя вѣтки и кирпичи. А ужъ о чемъ онъ заговорилъ—этого я и представить себѣ не могу, потому что *современнѣе* нынѣшняго дня быть ничего не можетъ. Но какова же будетъ горячность его тирады! Онъ просто испелитъ ими сердце несчастной дѣвушки, и Инна умретъ на мѣстѣ, какъ у ерла Тамара, поцѣловавшись съ шаловливымъ кавказскимъ демономъ, котораго, на старости лѣтъ, разобрала охота влюбляться. Сдѣлавшись *еще* смѣлѣе, Русановъ дѣйствительно царапнулъ слѣдующую тираду:—«Инна Николаевна, хотѣлось бы вамъ побывать въ Москвѣ?» Послѣ этого вопроса, разговоръ становится уже менѣ замѣчательнымъ. Иннѣ, какимъ-то непостижимымъ чудомъ, удалось спастись отъ испеленнй; но читатель, конечно, согласится, что Русановъ достаточно обнаружилъ свою увеличившуюся смѣлость. Г. Ключниковъ до такой степени внимателенъ къ своему герою, что даже считаетъ священнымъ долгомъ сообщать читателю подробности о тѣлодвиженняхъ его лошади. На стр. 140, мы узнаемъ, что «лошадь Русанова кашлянула и попробовала укусить его шенкель.» Это замѣчательное покушеннй произошло во время одной кавалькады, когда Русановъ ѣхалъ рядомъ съ Инною. Къ Иннѣ же г. Ключниковъ, къ сожалѣнню, менѣ внимателенъ, и поэтому не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о поведеннй ея лошади. Но, не смотря на постоянную внимательность автора къ герою, мы все-таки не узнаемъ рѣшительно ничего изъ разговоровъ Русанова съ Инною.—Чтобы г. Ключниковъ или его за-

читники не могли обвинить меня въ произвольномъ искаженіи фактовъ, я передамъ тотчасъ, съ педантическою точностью, содержаніе всѣхъ бесѣдъ, происходившихъ между геросемъ и героннею, до той самой минуты, когда Инна убѣжала съ Бронскимъ, не какъ любовница, а какъ сообщница. На стр. 29, Русановъ, искавшій въ это время мирового посредничества, жалуется Иннѣ на необразованность провинціаловъ и прибавляетъ слѣдующія слова: «а я-то думалъ, что это Аркадія какая-то.» Эти слова доказываютъ, что Русановъ не только ничего въ своей жизни не видалъ, но даже ничего не читалъ; если бы онъ зналъ дѣйствительную жизнь только по русскимъ романамъ и повѣстямъ гоголевской школы, то и тогда бы онъ пересталъ мечтать объ Аркадіи. Впрочемъ, мы не знаемъ, какъ Русановъ жаловался на провинціаловъ. У г. Ключникова приведена только одна фраза Русанова: «ну, люди въ здѣшней сторонѣ!» А затѣмъ сказано глухо, что «онъ началъ описывать ей свои странствованія». И описывать, должно быть, прескучно, потому что она сказала ему: «будетъ!»—На стр. 30, Русановъ задаетъ свой смѣльный вопросъ на счетъ Москвы, а Инна за это говоритъ ему, что онъ «точно Подколесникъ». Русановъ, развивая далѣе свою мысль, спрашиваетъ у нея, желала ли бы она насладиться развлеченіями, театромъ, обществомъ? Инна отвѣчаетъ на это, что она не любитъ «вообще множества, а въ частности того, что называется обществомъ.»—Русановъ случайно услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ Инною въ то время, когда она думала, что она одна въ саду; слова эти были обращены къ водолазу Ларѣ. «Ты думаешь, онъ придетъ?» говорила Инна. Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного...» Потерпѣвши неудачу въ разговорѣ о московскихъ развлеченіяхъ, Русановъ спрашиваетъ: «кто это они, кого нѣтъ больше на свѣтѣ?» Послѣ нѣкоторыхъ отвѣчиваній, Инна отвѣчаетъ: «они—тѣ, которые сдумѣли стать выше земли. — Романтики? идеалисты?» спрашиваетъ Русановъ.—Они—тѣ, говоритъ Инна, чья душа и темна, и свѣтла, какъ эта ночь; они—тѣ, что не продадутъ своей совѣсти ни за какія... коврижки.—Только-то? сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать» (стр. 32). Въ этомъ діалогѣ ясно выражается желаніе г. Ключникова сдѣлать изъ Инны весьма интересное, глубокомысленное и загадочное существо. Но на всякое хотѣніе есть терпѣніе. Въмѣсто глубокомыслія, фразы Инны заключаютъ въ себѣ только пустоту и напыщенность. А Русановъ здѣсь, какъ и вездѣ, говоритъ только для того, «чтобы что-нибудь сказать».—На стр. 63, Инна приглашаетъ Русанова сдѣлать съ нею обходъ по деревнѣ; Русановъ, видя ея приготовленія, спрашиваетъ съ улыбкой: «посѣщеніе боля-

щихъ?» Улыбка, должно быть, выходит у него приторная и глупая; по крайней мѣрѣ, Иннѣ она не нравится. «Да, чему же улыбаться-то? строго спросила она.—Въ употребленіи слова «болящихъ», вмѣсто «больныхъ», авторъ, повидному, старается проявить «добродушный юморъ» Русанова. Выходитъ плоскость.—Побывавши въ одной мужицкой хатѣ, Русановъ утверждаетъ, что «надо, во что бы то ни стало, развить эстетическія наклонности въ народѣ». Инна осмѣиваетъ и освятиваетъ эту новую пошлость, сказанную Русановымъ, по всей вѣроятности, для того, «чтобы что нибудь сказать» На стр. 67, Русановъ продолжаетъ пошлить: «увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога», онъ изображаетъ на своемъ лицѣ «конвульсивную гримасу». Инна говоритъ ему: «дайте мазь; да не падайте въ обморокъ». На слѣдующей страницѣ, Русановъ произноситъ слова: «Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты!» Такъ какъ эта фраза произносится «восторженно», то читатель можетъ принять ее за «горячую тираду о современномъ движеніи» дамскихъ чувствъ. Но дама русановскаго сердца понимаетъ вещи не такъ, какъ ея кавалеръ; на «восторженную» тираду о счастья посящать «болящихъ», Инна отвѣчаетъ, почти съ отчаяньемъ: «все бесполезно! все напрасно! ни къ чему не ведетъ!» Иной кавалеръ полюбопытствовалъ бы узнать причину этого отчаянья и вступилъ бы съ своею дамою въ разговоръ, вызывающій на размышленіе. Если дамское отчаянье указываетъ на расположеніе Инны къ нигилизму или къ какой нибудь другой зловерной пакости, то, повидному, прямая обязанность Русанова, постигнувшаго несостоятельность всякаго зла, заключалась въ томъ, чтобы разумнымъ словомъ отвлечь тоскующую душу отъ бездны заблужденій. Но Русановъ чувствуетъ свою умственную убогость и не спрашиваетъ о причинахъ отчаянья, смутно сознавая, что разговоръ на эту тѣму можетъ принять очень головоломный характеръ, и что въ такомъ трансцендентальномъ разговорѣ не выйдешь ни на добродушномъ юморѣ, ни на горячей тирадѣ, ни даже на раздвиганіи вѣтвей и на жеваніи листьевъ. Русановъ поспѣшно переводитъ бесѣду на реальную почву и рассказываетъ Иннѣ, что онъ вчера подслушалъ заговоръ, направленный противъ нея; Инна совсѣмъ не хотѣла слушать, въ чемъ состоитъ заговоръ, и намъ тоже нѣтъ никакой надобности заниматься имъ, потому что самъ г. Ключниковъ, по своему обыкновенію, точчасъ же совершенно забываетъ о его существованіи. На дальнѣйшій ходъ романа заговоръ не имѣетъ никакого вліянія; значитъ—ясное дѣло.—онъ былъ измышленъ для наполненія страницъ пріятными пустяками. Бесѣда снова принимаетъ направленіе психологи-

ческое и головоломное. «Развѣ у меня не можетъ быть привязанности? вопрошаетъ Русановъ.— У васъ? Полноте! отвѣтствуетъ Инна.» Тогда Русановъ не на шутку приходить въ азартъ и пускаетъ «горячую тираду». Вотъ она вся пѣликомъ.— «Инна Иннолаевна! Вы, вотъ, смотрите на меня, да только и говорите, что полноте; а есть ли какая нибудь возможность выдаваться такъ, чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же и виновать, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ, что Бѣлинскій велитъ Ванькѣ по субботамъ читать».— Кажется, Русановъ приписалъ тутъ Бѣлинскому фразу барона Брамбеуса, но это еще не велика бѣда. Но вотъ что очень плохо: Русановъ думаетъ, что выдаваться изъ толпы пошляковъ можно только какими нибудь подвигами во вкусѣ Еруслана Лазаревича; онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что въ XIX столѣтїи людей выдвигаютъ впередъ не логаніе казенныхъ стульевъ по случаю Александра Македонскаго, а умственная оригинальность и нравственная самостоятельность. Умные люди и честные работники встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, а сочувствіе не въ пошлыхъ романахъ. Всѣ изобрѣтатели, всѣ замѣчательные изслѣдователи, всѣ даровитые писатели, всѣ добросовѣстные преподаватели, наконецъ, всѣ люди, умѣющіе мыслить и трудиться, выдаются изъ толпы такъ, что ни одна умная женщина не скажетъ имъ: «полноте!» А развѣ эти люди встрѣчались когда нибудь въ романахъ Загоскина, Рафаила Зотова или Воскресенскаго? Значитъ, «горячая тирада» Русанова оказалась бездѣлною глупостью, неудачно направленною къ тому, чтобы оправдать собственное, бездѣлно-глупое прозябаніе говорящей личности.— Русановъ объявляетъ далѣе Иннѣ, что онъ завтра ѣдетъ въ губернскій городъ на службу. Инна говоритъ ему: «я все-таки лучше объ васъ думала», и спрашиваетъ потомъ: «неужели нельзя пробить свою тропинку?» Русановъ тотчасъ отхватываетъ новую тираду; въ первой онъ цитировалъ Бѣлинскаго, въ этой ссылается на Лермонтова. Я опять привожу его краснорѣчіе безъ утайки. «Вотъ что! Ну, это точно, какъ вамъ сказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говорить, что живетъ, точно читаетъ дурной переводъ книги послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ всѣ мечты, а намъ и того хуже, мы опытни.» Оно и замѣтно, что *опытны*. Опытные люди всегда ожидаютъ найти аркадію въ захолустьѣ, наполненномъ всеми митовидными продуктами и остатками крѣпостного права. Опытные люди всегда суются въ мировые посредники, не имѣя понятія о крестьянскомъ бытѣ и о помѣщичьихъ правахъ. Опытные люди всегда толкуютъ о томъ, что надо развивать эстетиче-

скія наклонности въ народѣ, у котораго нѣтъ ни школы, ни больницы, ни повивальныхъ бабокъ. «То есть, продолжаетъ *отысканій* человекъ, Русановъ, у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, вѣтъ и въ молодости-то было спросить дѣйствительность.» — Опять пустословіе и вранье! Изъ разговора Русанова съ Бронскимъ, выписаннаго мною въ началѣ моей IV главы, мы уже знаемъ, что у обоихъ товарищей были мечты, когда они на станціи, вмѣсто вина, «*пили вступленіе въ жизнь*». Русановъ даже утѣшаетъ Бронскаго въ томъ, что онъ опять утонулъ въ мечтахъ. А Бронскій принадлежитъ къ одному поколѣнію съ Русановымъ. Значитъ, какой же смыслъ имѣютъ слова Русанова — *у насъ*? Какихъ это *насъ* онъ противопоставляетъ поколѣнію Лермонтова? И зачѣмъ же Русановъ намекаетъ на существованіе *поколѣній*, когда г. Ключниковъ уже доказалъ, посредствомъ Бронскаго, заблуждающемуся гимназисту, Колѣ Горобцу, что никакихъ поколѣній быть не можетъ, ибо люди рождаются каждую минуту? А кстати можно замѣтить, что на стр. 27 г. Ключниковъ самъ, отъ своего авторскаго лица, употребляетъ слово «поколѣніе», которое онъ потомъ, на стр. 56, побѣдоносно осмѣиваетъ. Значитъ, какъ же мы рѣшимъ мудреный вопросъ: существуютъ ли дѣйствительно поколѣнія или же они изобрѣтены журнальными свистунами? Русановъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что у него были такія мечты, которыя не могли скрасить дѣйствительность; онъ драпируется въ тогу гордаго страданія и говоритъ: «намъ и того хуже». Но слова «намъ и того хуже», которыя онъ произноситъ съ тайной гордостью, должны быть, напротивъ того, произнесены съ глубочайшимъ смиреніемъ. Въ нихъ заключается, по настоящему, слѣдующій смыслъ: «я очень глупъ въ сравненіи съ Лермонтовымъ; у меня нѣтъ ни ума, ни чувства, ни фантазіи, и поэтому, даже мои юношескія мечты были тусклы, какъ старый, стертый четвертакъ.» — Одинъ мужикъ мечталъ такимъ образомъ: кабы я, говорить, былъ царемъ, я бы каждый день свиное сало ѣлъ! Одна кухарка аккуратно каждую ночь видѣла во снѣ, что она стоитъ передъ плитою и ворочаетъ разныя кострюли. Мечты мужика и сновидѣнія кухарки очень мало способны «скрасить дѣйствительность», потому что онѣ почти совсѣмъ не отдѣляются отъ ихъ дѣйствительности, но этотъ трезвый характеръ ихъ грезъ вовсе не доказываетъ намъ, что этотъ мужикъ и эта кухарка — мыслящіе реалисты и отличные работники. Это доказываетъ только, что они задавлены и притуплены до крайности безцвѣтнымъ однообразіемъ своего существованія. Ихъ умственный горизонтъ такъ узокъ, ихъ жизнь такъ бѣдна впечатлѣніями, что имъ не откуда взять красокъ для разрисовыванія фан-

тастическіх картинъ. Если русановскія мечты проникнуты ароматомъ свиного сала и кухонной посуды; если, вступая въ жизнь, онъ не требовалъ отъ нея почти ничего и готовъ былъ удовлетвориться самыми мизерными разжвѣрами дѣятельности, то это доказываетъ не то, что Русановъ *опытенъ* и годенъ на какое нибудь практическое дѣло, а только то, что Русановъ—бездарный; вялый, тряпичный человѣкъ; перешедшій прямо изъ дѣтства въ старость. Мыслящіе юноши—лучше юношей мечтающихъ; но мечтающіе юноши все-таки лучше юношей «умѣренныхъ и аккуратныхъ». Безтолковый идеалистъ Рудинъ стоитъ все-таки неизмѣримо выше искуснаго практика Молчалина. Но Русановъ стоитъ даже ниже Молчалина, потому что Молчалинъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно опытенъ, а у Ключниковскаго героя даже и этого достоинства не имѣется.— «Инна Николаевна, говоритъ Русановъ далѣе, да кто-жъ мнѣ мѣшала жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть, и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что нибудь сдѣлать; все остальное бессильно...» Что именно *хотѣлъ* сдѣлать Русановъ и что подразумеваетъ онъ въ словѣ «что нибудь»—этого я не знаю. Но что онъ *сдѣлалъ*—это намъ доподлинно извѣстно. Онъ посмотрѣлъ на бѣлое кольцо дѣла, пущенное Чижиковымъ, и уклонился отъ «тяжелаго объясненія». И какой, подумаешь, всезнающій человѣкъ этотъ Русановъ! «*Все остальное бессильно...*» значить, все извѣдано Русановымъ, все обдуманно и взвѣшено. Каковъ мудрецъ! Сущій Гете!

„Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.“

Но позвольте, господинъ столоначальникъ Гете! «Все остальное»? Все, кромѣ чего? Все, кромѣ гражданской палаты? Значить, теперь, когда гражданская палата будетъ совершенно передѣлана судебною реформою, теперь все безъ исключенія сдѣлается бессильнымъ? Ахъ, милѣйшій господинъ Русановъ, Гете тожъ, зачѣмъ вы издаете звуки, въ которыхъ вы сами не можете усмотрѣть никакого опредѣленнаго смысла? Зачѣмъ вы говорите обо *всемъ остальномъ*, когда вы совсѣмъ ни о чемъ, да вѣдь рѣшительно ни о чемъ не имѣете никакого понятія?—Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, отвѣчаетъ разобиженный Русановъ. Я-то чѣмъ виноватъ? Это все г. Ключниковъ подсказываетъ мнѣ такія глупости. И охота же вамъ обращаться ко мнѣ, какъ къ живому человѣку, когда я просто кша печатной бумаги.—Это я, господинъ Русановъ, знаю, а обращаюсь къ вамъ только по игривости моего характера.—По окончаніи раз-

говора, Инна, глядя вслѣдъ Русанову, подумала: «*nxel!*» (Sic!) (стр. 71).

VI.

На стр. 135, Русановъ говоритъ Иннѣ: «я боюсь, что вы попадетесь подъ вліяніе Бронскаго. — А что? возражаетъ Инна. Развѣ онъ брыкается?»—Русановъ боится за Инну, а между тѣмъ, наканунѣ, когда Бронскій при Иннѣ заговорилъ въ духѣ страшной нетерпимости, тотъ же самый Русановъ «рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ» (стр. 128). Да, конечно, «удалаясь въ уголокъ», мудроно противоdѣйствовать вліянію такого человѣка, который говоритъ смѣло и горячо. Отступая отъ честной и открытой борьбы съ идеями Бронскаго, Русановъ, какъ старая салонница, старается пошептать кое-что противъ Бронскаго во время его отсутствія. Зачѣмъ же Русановъ наканунѣ «рѣшился уступить поле противнику?» Или онъ не хотѣлъ, или не могъ спорить съ Бронскимъ. Не хотѣлъ? Странное предположеніе! Любящій мужчина видитъ, что любимая женщина находится въ опасности и для ея спасенія, *не хочетъ* шевельнуть мовгомъ и возвысить голосъ. Хороша любовь и хорошъ мужчина!—Оказывается, что не могъ. Инна спрашиваетъ прямо: «развѣ не правду говорилъ онъ вчера?»—Русановъ отвѣчаетъ: «правду!» Иначе онъ и не можетъ отвѣтить, потому что тогда Инна тотчасъ задала бы ему вопросъ; зачѣмъ же вы его вчера не опровергали? и на это Русанову пришлось бы отвѣтить: потому, Инна Николаевна, что я еще гораздо глупѣе Бронскаго, хотя и Бронскій глупъ весьма достаточно. Но, сознавшись въ томъ, что Бронскій говоритъ правду, Русановъ прибавляетъ тотчасъ: «да вѣдь это все однѣ слова.» Русанову хотѣлось, повидящему, чтобы изъ рта Бронскаго сыпались, вмѣсто словъ, червонцы или алмазы. Къ сожалѣнію, этого не бываетъ. Когда человѣкъ говоритъ, онъ всегда произноситъ только слова, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, правдивы ли эти слова или нѣтъ. Если бы Инна увлеклась *правдивыми* словами Бронскаго, то она, очевидно, поддалась бы не вліянію Бронскаго, а вліянію истины. Признавая слова Бронскаго за выраженіе истины, Русановъ отнимаетъ у себя всякую возможность противоdѣйствовать его вліянію. Впрочемъ, я крѣпко сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Бронскій дѣйствительно былъ способенъ высказывать такіа истины, которыя могутъ увлечь умную женщину. Изъ сцены Бронскаго съ Колею, мы уже видѣли, что Бронскій несетъ чепуху страшную. А что онъ говорилъ, когда

Русановъ удалился въ уголокъ,—этого мы не знаемъ, потому что г. Ключниковъ не мастеръ сочинять для своихъ героевъ рѣчи вызывающія на размышленіе. У г. Ключникова сказано очень глупо, что «Бронскій громилъ все съ плеча, говорилъ съ жаромъ... отъ чиновничества перешелъ къ обществу... досталось и литературѣ...» (Стр. 128.). Обо всемъ этомъ можно говорить очень умно, но можно также говорить и очень глупо. Я полагаю, что Бронскій говорилъ очень глупо, по той простой причинѣ, что онъ есть дѣйствующее лицо въ романѣ «Марево», сочиненномъ г. Ключниковымъ. А Инна и Русановъ слушали его, развѣсивъ уши, потому что они оба нисколько не уступаютъ Бронскому въ слабоуміи. Продолжая разговоръ о вліяніи Бронскаго, Инна задаетъ Русанову вопросъ: «какой же вашъ-то идеалъ? Обрисуйте»... Русановъ на это отвѣчаетъ, что у нихъ въ гражданской палатѣ товарищъ предсѣдателя Доминовъ— очень хорошей человѣкъ, и что этотъ Доминовъ однажды въ городскомъ саду объяснилъ ему, Русанову, какимъ образомъ муравьи со- суютъ сладкій сокъ, выдѣляемый тлями. Если читатель не вѣритъ мнѣ на слово, что такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ Русановымъ на вопросъ объ идеалѣ, то я убѣдительно прошу читателя взглянуть на 137 страницу I-го тома романа «Марево». — На стр. 160, Русановъ рассказываетъ Иннѣ «грусныя извѣстія, полученныя имъ изъ Петербурга». Эти «грусныя извѣстія» такъ глупы, безсвязны и неправдоподобны, что я о нихъ, по всегдашней моей скромности, умолчу. «Ну-съ, перебила Инна, наговорили вы много; къ какому результату вы пришли?» Этотъ вопросъ застаётъ Русанова врасплохъ и ставитъ его въ тупикъ. Онъ спрашиваетъ простодушно: «какой же тутъ результатъ?» Онъ рассказывалъ слухи, такъ какъ словоохотливыя бухарки рассказываютъ другъ другу всякія сплетни, и вдругъ отъ него потребовали какого-то результата. Разумѣется, онъ вытаращилъ глаза и немедленно ступешевался. Не подожить ни малѣйшему сомнѣнію, что Русановъ — любимецъ г. Ключникова. Именно по этой причинѣ, Русановъ глупѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ отъ всѣхъ получаетъ щелчки по носу, и на всѣ эти ласки отвѣчаетъ только оханьемъ и соболизнованіями о человѣческой испорченности.—На стр. 167, Русановъ объявляетъ, что ему не нравится орфографія г. Кулиша. На стр. 168, онъ спрашиваетъ, «что такое духъ времени? Изъ этого вопроса, мы можемъ заключить, что у Русанова память очень коротка; на стр. 147, онъ упрекалъ Бронскаго въ томъ, что Бронскій клянется «духу времени», потому что ему уже совѣстно клянуться генераламъ. Значитъ, на 147 страницѣ Русановъ знаетъ, что такое духъ времени, но съ тѣхъ

поръ успѣлъ позабыть. А впрочемъ, можетъ быть и то, что Русановъ на 147 стр. употребилъ такое слово, котораго смыслъ для него непонятенъ. Такіе случаи вовсе не рѣдки. Если бы всякій дуракъ непременно желалъ понимать все, что онъ самъ говоритъ, то многимъ дуракамъ пришлось бы обречь себя на вѣчное безмолвіе. У насъ же дураки не только говорятъ неумоимо, но еще, кромѣ того, пишутъ, печатаютъ и издаютъ журналы, газеты и книги. — На стр. 168, Русановъ порицаетъ идеалы Шевченка; но я осмѣлюсь замѣтить, что Русановъ, быть можетъ, судитъ Шевченка слишкомъ строго; вѣдь легко можетъ быть, что Шевченко не былъ знакомъ съ товарищемъ предсѣдателя Доминовымъ, не гулялъ съ нимъ по городскому саду и не слышалъ отъ него разсказовъ объ отношеніяхъ между муравьями и тлями. Послѣ этого, посудите сами, есть ли возможность требовать отъ несчастнаго поэта, чтобы онъ выработалъ себѣ тотъ высокій идеалъ, который обрисованъ Русановымъ на стр. 137? Когда мы судимъ о человѣкѣ, надо всегда принимать въ соображеніе обстоятельства, облегчающія его вину. — На стр. 170, Русановъ объявляетъ, что у него «отъ этой литературы ужъ голова трещить.» — «Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?» спрашиваетъ Инна. — Такъ и порѣшили, отвѣчаетъ «съ неудовольствіемъ» любимецъ г. Ключникова, расписываясь этимъ отвѣтомъ въ полученіи полномѣснаго щелчка по носу. — На стр. 180, Русановъ, разговаривая съ Инною въ саду, днемъ, обнаруживаетъ внезапно такую предприимчивость, что Инна кричитъ «въ испугѣ: Владиміръ!» и потомъ, чтобы успокоить разгуливашагося шалуна, говоритъ ему: «ужо! ужо!» Такъ какъ г. Ключникову угодно, чтобы Инна любила Русанова, то оказывается, что она сама дрожитъ отъ страсти въ русановскихъ объятіяхъ и вырывается изъ нихъ только изъ уваженія къ условіямъ времени и мѣста. Однако Русанову не пришлось дожидаться никакого «ужо!» Вскорѣ послѣ нескромныхъ объятій, Инна убѣгаетъ съ Бронскимъ за границу. Русановъ, узнавши о ея побѣгѣ, гонится за нею верхомъ по большой дорогѣ, куда-то пропадаеть въ продолженіе двухъ дней, никого не успѣваетъ догнать и приобретаетъ себѣ горячку. Изъ этого подвига можно заключить, что Русановъ — неустрашимый всадникъ, но весьма плохой мыслитель и діалектикъ; ему надо было дѣйствовать на Инну силою убѣжденія тогда, когда она еще была способна слушать совѣты. Когда же молодая дѣвушка ошалѣла на столько, что рѣшилась бѣжать, тогда уже поздно и глупо лупить за нею во всѣ лопатки по большой дорогѣ. Чѣмъ именно Бронскій околдовалъ Инну—это остается для

насть тайною. Побѣтъ ея составляетъ для читателя совершѣнный сюрпризъ. Убѣгая вибѣтъ съ Бросскимъ, Инна оставляетъ Русанову, по приказанію г. Ключниковъ, разные похвальные аттестаты. Въ писемѣ, написанномъ ею передъ самымъ побѣгомъ, изображены слѣдующія слова: «едва вы сказали первое слово любви, едва я поглядѣла вамъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упрочныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь»... «Чѣмъ больше вы съ нами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы превосходный человѣкъ» и такъ далѣе (Стр. 216.). Бумага все терпитъ; написать на ней можно, что угодно; но какъ бы ни расхваливать г. Ключниковъ свое любимое созданіе, какъ бы опъ ни болелъ въ томъ, что Русановъ — самый первый сортъ, отжѣвнѣвшей доброты, мыслящій читатель все-таки будетъ только смѣяться надъ этою гостиниодворскою замашкою автора превозносить собственныхъ надѣлицъ, которыми опъ не умѣетъ придать никакихъ дѣйствительныхъ достоинствъ. — На стр. 340, мы читаемъ отрывекъ изъ дневника Инны: 15 Юни она находитъ въ Русановѣ «дѣкія козявкія;» 17 Юни — «мелкія, славныя повятія.» 19 Юни «я перестаю подавать ему руку.» 29 Юни, «этотъ человѣкъ загадка.» — Таки нагло досякъ поръ еще ни одинъ писатель не насмѣхался надъ публикой. Мы рѣшительно не знаемъ, какими сужденіями или поступками Русановъ производилъ на Инну тѣ противорѣчивыя впечатлѣнія, которыя она занесла въ свой дневникъ. Этотъ дневникъ составляетъ для насъ тарабарскую грамоту; это еще одно проявленіе усерднаго, но чрезвычайнаго неискуснаго и неудачнаго шарлатанства.

VII.

Прибавлю еще одно короткое замѣчаніе. Г. Ключниковъ вводитъ насъ въ губернскую гимназію и, бредя оцунью, натывается тамъ на педагогическій вопросъ. Гимназисты распущены до нельзя, дурачатся, не хотятъ учиться и лѣзутъ въ политику. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга новый инспекторъ Разгоняевъ. Онъ собираетъ учителей на педагогическій совѣтъ и спрашиваетъ, какъ они намѣрены вести воспитаніе юношества. Одинъ изъ педагоговъ говоритъ, что у нихъ мальчишки «все такой народъ — аховый.» Другой говоритъ: «кто съ борку, это съ сосенки.» *Аховый* характеръ и древесное происхожденіе мальчишекъ доказываютъ ясно, что противъ нихъ надо дѣйствовать *аховыми* и древесными средствами. Нѣмецъ говоритъ, что «нужно... розга.» Молодой учитель математики объясняетъ безо-

рядки въ классѣ тѣмъ, что учительскія и надзирательскія обязанности соединяются въ одномъ лицѣ. По его мнѣнію, необходимо, чтобы въ классѣ сидѣлъ надзиратель. Однако самъ г. Ключниковъ быстро уличаетъ этого учителя во враньѣ; безпорядки происходятъ въ дортуарахъ, гдѣ постоянно торчитъ надзиратель. Инспекторъ совѣтуетъ учителямъ обходиться съ воспитанниками помягче и представлять ему немедленно о всякомъ наказаніи. Но вскорѣ этотъ инспекторъ, подобно Иннѣ, попадаетъ подъ вліяніе злыхъ людей, и безпорядки въ гимназіи не прекращаются. А г. Ключниковъ, по своему обыкновенію, наткнувшись на мудреный вопросъ, оставилъ его неразрѣшеннымъ, и представилъ такіе факты, которые ведутъ за собою неблаговидныя заключенія. Какими же мѣрами можно усмирить свирѣпость *ахового* народа? «Драть или не драть? вотъ въ чемъ вопросъ.» — Г. Ключникову хочется, повидимому, рѣшить этотъ гамлетовскій вопросъ въ томъ смыслѣ, что драть не годится, а посѣвать не мѣшаетъ. А «Русскій Вѣстникъ» рѣшитъ, вѣроятно, этотъ вопросъ такъ: въ филологическихъ гимназіяхъ давать воспитанникамъ заразъ по 25. розогъ; въ реальныхъ же, по крайней мѣрѣ, вдвое, потому что естественныя науки развиваютъ въ юношахъ *аховое* направленіе, которое нуждается въ столь же *аховомъ* противодѣйствіи.—Убѣдительно прошу мыслящую часть русской публики извинить меня, что я такъ долго возился съ романомъ «Марево».

Д. Шварсъ.

ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Публика наша изображаетъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, Агафью Тихоновну изъ гоголевской «женитьбы». Такова, по крайней мѣрѣ, роль ея относительно ея почительныхъ и остроумныхъ публицистовъ. Публицисты эти постоянно напоминаютъ намъ стаю искателей руки Агафьи Тихоновны. Они ведутъ съ своей Пенелопой такія же умныя рѣчи, такъ же сплетничаютъ другъ на друга, такъ же лгутъ и имѣютъ такой же успѣхъ. Глядя на столь почтенную дѣятельность, иной порядочный человѣкъ не вытерпитъ и давай доказывать имъ, что они говорятъ вздоръ, поступаютъ бессмысленно, сами не знаютъ, чего хотятъ и чего ждутъ, что, словомъ, всѣ они выѣденнаго яйца не стоятъ. Такого обращенія съ ними я не одобряю, потому что на нихъ никакія убѣжденія не подѣйствуютъ и никакія доказательства не проникнутъ сквозь ихъ толстую кожу. Я знаю, что если бы кто нибудь посвятилъ цѣлую жизнь на то, чтобы доказать имъ ихъ ничтожество — будь это хоть величайшій гений, — они все-таки остались бы убѣждены въ своихъ достоинствахъ и въ глубокомъ значеніи извергаемой ими трухи. Да и стоитъ ли доказывать какому нибудь экзекутору Яичницѣ или лейтенанту Жевакину, что они, Яичница и Жевакинъ, находятся въ горькомъ заблужденіи, воображая, что дѣятельность ихъ имѣетъ какой бы то ни было смыслъ; что Яичница не заслуживаетъ гражданскихъ лавровъ и удивленія соотечественниковъ за то, что служить экзекуторомъ, и что лейтенантъ Жевакинъ не можетъ претендовать на благоговѣнное вниманіе аудиторіи, когда повѣствуетъ о Сициліи, если только аудиторія не состоитъ изъ подобныхъ же ему искателей руки Агафьи Тихоновны?

Не лучше ли слѣдующая система дѣйствій?—Если искатели Агафьи Тихоновны предадутъ свою ложь и сплетни тисненію, не лучше ли

вооружиться этими несокрушимыми монументами их глупости и сказать имъ:—Послушайте, Яичница, вы претендуете на общественную дѣятельность, желаете быть просвѣтителемъ этой прелестной и юной Агафьи Тихомировны, принимаете дерзкій видъ и утверждаете, что имѣете право на уваженіе современниковъ.— Хорошо. Потрудитесь же мнѣ отвѣтить, точно ли принадлежитъ вашему перу то-то и то-то, и если принадлежитъ, то можно ли вамъ претендовать на гражданскіе лавры, и если, наконецъ, вы скажете, что я придираюсь къ вашимъ слабымъ сторонамъ, то укажите мнѣ, что именно въ трудахъ вашихъ заслуживаетъ благоговѣнія и какою смысломъ приписываете вы ансамблю вашихъ трудовъ?—Я напередъ знаю, что, въ отвѣтъ на это, Яичница понесетъ оболесную о постепенномъ прогрессѣ, которому онъ служить, о любви, которую проповѣдуетъ, о патриотизмѣ, который онъ въ себѣ воплощаетъ. Яичница понесетъ оболесную и будетъ доволенъ, что пустилъ пыль въ глаза. Но вѣдь я и не жду отъ него раскаяннѣ или чистосердечнаго сознанія; я напередъ знаю, что, кромѣ пыли, ничего и не будетъ. Результатъ, котораго я надѣюсь достигнуть такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что разобиженный Яичница, въ тщетныхъ усиліяхъ дать приличную вывѣску своей дѣятельности, будетъ принимать позы до того неблагопристойныя, что уже всякому станетъ ясно, что онъ просто экзекуторъ Яичница или даже Яичничанинъ (хотя онъ этого имени принимать не желаетъ), а вовсе не русскій Милль и не русскій Гейссъ, и не русскій Кузень, и не русскій Гизо.

Я уже говорилъ и повторяю: не спорьте вы съ Яичницами! Если публицистъ говоритъ вамъ, что слѣдуетъ устроить такъ, чтобы евреевъ не оказалось въ наличности, то не оспаривайте его, а попросите указать, какими средствами этого достигнуть. Если другой публицистъ говоритъ вамъ, что дѣятельность его имѣетъ смѣломъ любвеобильный, клонится къ тому, чтобы вселить любовь въ сердца согражданъ, и этимъ отличается онъ отъ прочей братіи, то не спорьте съ нимъ. Гораздо лучше попросить публициста сказать, въ чемъ выражается это любвеобильное направленіе: въ разсказахъ ли о таинственныхъ убійствахъ, въ статьяхъ ли о недопущеніи женщинъ въ университетъ (какъ-будто ихъ допускають), въ филиппикахъ ли противъ города Петербурга, въ придирахъ ли къ неудачнымъ стихамъ или во всемъ этомъ, вмѣстѣ взятомъ?—Можно процитировать публицистамъ ихъ изрѣченія и спросить: находятъ ли они, что въ этомъ выражается ихъ любвеобильность? Но, Боже

упасъ, начать доказывать имъ ихъ ничтожность, бесполезность и туность,—этому они никогда не повѣрятъ.

Вотъ, напр. лейтенанты Жевакины «Эпохи» толкуютъ о проповѣдываніи любви. Они полагаютъ, что всѣ прочіе журналы—какіе-то челоѡковенавистники, особенно «Современникъ» и «Русское Слово». «Эпоха» обвиняетъ всѣ прочіе органы журналистики въ злобной наклонности къ утилитаризму, и потому считаетъ дѣятельность свою очень полезною, какъ противоядіе столь ядовитому духу. Никому не совѣтую вступать съ «Эпохой» въ споръ по этому поводу и отстаивать противъ нея утилитаризмъ. Невозможно вообразить себѣ труда болѣе неблагодарнаго. Рѣшиться на это, значить, доставить «Эпохѣ» на цѣлый годъ матеріалъ и поощрить ея лейтенантовъ Жевакиныхъ къ дальнѣйшей болтовнѣ на эту тему. Несравненно лучше будетъ взглянуть на то, что они дѣйствительно дѣлаютъ и что на ихнемъ жевакинскомъ языкѣ называется проповѣдью любви.

Если послушать публицистовъ «Эпохи», то окажется, что журналъ этотъ возбуждаетъ къ себѣ озлобленіе въ литературѣ *ganz-voegen* и ставитъ это себѣ въ честь. Какъ, подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, презрѣнна литература и какъ недосягаемо-высоки Иваны Павловичи Яичницы и лейтенанты Жевакины «Эпохи»! Какая мелкая тля, съ одной стороны, и какіе величественные орлы, съ другой! Какъ присталъ къ нимъ этотъ презрительный тонъ,—эта именитость! Ахъ, Иванъ Павловичъ Яичница, лѣтописецъ «Эпохи», какой вы благородный и грандіозный мужчина! Какъ же вамъ не имѣть успѣха! Кому же имѣть его, какъ не вамъ,—вамъ, которымъ озлобленіе литературы можетъ приносить только честь?—Позвольте же, орлы, полюбоваться на васъ поближе, позвольте рассмотреть васъ внимательнѣе.

Прежде всего орлы спокойны и невозмутимы. Такое блаженное состояніе ихъ духа происходитъ не столько отъ сознанія своей силы, сколько отъ довольства самими собою и всѣмъ окружающимъ. Тотъ же лѣтописецъ заявляетъ о стремленіи нынѣшней литературы изобразить типы *новыхъ людей*: съ орлиною пронизательностью, лѣтописецъ усматриваетъ это стремленіе и въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, и въ *Взбаломученномъ морѣ*, и въ *Что платить?* и въ *Некуда*. Но затѣмъ онъ начинаетъ сокрушаться о томъ, что значить это стремленіе?—Что же это значить? вопрошаетъ онъ себя. Ужели изображеніе *новыхъ людей* выражаетъ желаніе *новой жизни*?—Да, это несомнѣнно, это такъ. Но не означаетъ ли такое желаніе недовольство настоящимъ? Не значить ли, что въ настоящемъ перестали

находить удовлетвореніе, перестали видѣть свѣтлыя и темныя стороны его? Очевидно, что люди, ищущіе *новыхъ людей*, ищутъ *новой жизни*, слѣдовательно, отворачиваются отъ всего стараго!.. «Нельзя отъ души не пожалѣть людей, заключаетъ Яичница, которые достигли такого мрачнаго унынія». Въ самомъ дѣлѣ, бѣдныя слѣпцы; кругомъ ихъ цвѣтеть весна, благоухаютъ цвѣтущія нивы, *die gelbvöglein singen*, соловей обнимается съ розой, «Эпоха» проповѣдуетъ любовь, — ихъ окружаетъ счастье, блаженство, рай земной, а несчастные слѣпцы ничего этого не замѣчаютъ, ищутъ новыхъ людей и съ ними новой жизни.

Но лѣтописецъ Яичница ошибается, думая, что это недовольство и исканіе раздѣляютъ почтенные авторы *Взбаламученнаго моря* и *Некуда*. Люди эти не столь слѣпы, я въ этомъ убѣжденъ. Пусть лѣтописецъ самъ спроситъ у г. Стебницкаго: правъ я или нѣтъ?

Что касается до прочихъ героевъ «Эпохи», то о нихъ можно судить по слѣдующимъ чертамъ. Въ январьской книжкѣ, напр. нѣкто г. Образцовъ называетъ Монтескье, Вольтера и Руссо—«прожектерами». «Въ Европѣ, говоритъ, часто являлись прожектеры въ родѣ Монтескье, Вольтера и Руссо». Про нихъ и «вообще про всѣхъ энциклопедистовъ» г. Образцовъ выражается, что и это умы «очень недюжинные сами по себѣ, но крайне вредные», ибо распространили «ужасающее легкомысліе». Такой взглядъ въ наше время на энциклопедистовъ и особенно сопоставленіе Руссо съ Монтескье можетъ, конечно, принадлежать только поклонникамъ Агафьи Тихоновны. Дескать, и Руссо—бусурманъ, и Монтескье—бусурманъ, и жили они въ одно время, и либералами оба считались, — чего же больше? должно быть, оба фармазоны; а фармазонъ отъ мазурника недалеко уѣхалъ, стало, пиши: прожектеры—и мѣтко, и устроумно, и въ просакъ не попадешь. А ученая редакція все это валить въ кучу, и «Эпоха» приобрѣтаетъ успѣхъ немовѣрный, какъ заявляетъ тотъ же Яичница въ январьской книжкѣ (см. Замѣтки Лѣтописца).

Такимъ же образомъ выражался недавно г. Аверкіевъ о К. Фогтѣ: натуралистъ, говоритъ, незавидный. Оно и натурально: что, въ самомъ дѣлѣ, К. Фогтъ для такихъ орловъ, какъ г. Аверкіевъ? Поэтому меня грустно поразило, что въ январьской книжкѣ г. Владиславлевъ принялся опровергать отзывъ своего сотрудника о Фогтѣ. Читатель «Эпохи» долженъ придти въ немалое изумленіе, узнавъ отъ г. Владиславлева, что «незавиднаго натуралиста» цѣнить въ ученыхъ кружкахъ, что онъ извѣстенъ ученому міру, какъ геологъ, палеонтологъ и фізіологъ, что его можно считать однимъ изъ

лучшихъ представителей геологін въ Германіи, что научныя заслуги его не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ нихъ никто и не сомнѣвался... Но здѣсь читатель по необходимости прерветъ г. Владиславлева, чтобы указать ему на его же сподвижниковъ, и я полагаю, что г. Владиславлевъ долженъ придти въ конфузъ, если не передъ читателями, то передъ своими же сподвижниками. Впрочемъ г. Владиславлевъ самъ сообразилъ, что хватилъ черевъ врай въ похвалахъ учености Фогта, и что, пожалуй, орлы, незавидующіе Фогту, какъ натуралисту, откажутся принять его статью. Поэтому онъ послѣшилъ заговорить о другомъ ученомъ, Бюхнерѣ, такимъ тономъ, какимъ еще не говорилъ о немъ въ «Эпохѣ» никто. «О Бюхнерѣ же можно сказать, речетъ онъ, только то, что, *можетъ быть*, онъ читалъ двѣ-три книжки по естественнымъ наукамъ, и то, *можетъ быть*, только популярныя сочиненія самого Фогта или Шлейдена, Россмеслера и др.» Но, къ несчастію, разноглаголица, которая вышла по поводу Фогта между сотрудниками «Эпохи», возбуждаетъ въ читателѣ недобріе къ приговорамъ этихъ великихъ мужей надъ дѣятельностью германскихъ ученыхъ. Кто знаетъ, *можетъ быть* въ слѣдующей книгѣ «Эпохи» кто нибудь возвѣститъ, что ученость Л. Бюхнера не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она признана всѣми, что онъ избранъ президентомъ одного изъ антропологическихъ обществъ Германіи, что онъ обладаетъ замѣчательною начитанностью и т. д.

Наконецъ, обращаюсь къ самому задорному изъ орловъ «Эпохи», къ г. Н. Соловьеву. Этотъ лейтенантъ Жевакинъ пишетъ о предметахъ самыхъ разнообразныхъ и достойнымъ образомъ дополняетъ гг. Страхова и Аверкіева. Онъ навязывается на полемику самъ, упрасивая только о томъ, чтобы ему отвѣчали кратко. Вообще, онъ терпѣть не можетъ длинныхъ статей, и даже замѣчаетъ справедливо, что длина статьи можетъ принести существенный вредъ. Ибо, разсуждаетъ онъ, «иной администраторъ и прочелъ бы статью, да гдѣ-жъ одолѣть ее, если она написана какъ-будто для людей, у которыхъ и дѣла нѣтъ другого, какъ только читать статьи». При этомъ онъ резонно соображаетъ, что, «при сжатости и сдержанности, и самое слово имѣло бы болѣе вѣса, какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ правительства».

Но я не намѣренъ вступать ни въ долгую, ни въ краткую полемику съ орлами «Эпохи», ибо напередъ предвижу, что они меня заклюютъ. Гораздо лучше будетъ съ моей стороны доставить удовольствіе и себѣ, и читателю, извлеченіемъ нѣсколькихъ перловъ изъ сокровищницы «Эпохи».

Одинъ изъ слъ сподвижниковъ «считаетъ бесполезнымъ» для женщннъ слушать въ университетѣ лекціи «пмъ теперешнмъ отношеніямъ обомхъ половъ». Но, какъ я замѣтилъ, подобныя протесты необыкновенно странны, потому что совершенно излишни. Я не хочу говорить съ этимъ Жезавиничемъ объ основаніяхъ его протеста, потому что Жезавиничъ никогда не повѣритъ мнѣ, что они правы, а читатель увидитъ это и безъ меня. Но я хочу указать читателю на великое значеніе «Эпохи», занимающейся протестами противъ несуществующаго зла,—зла, котораго не только на дѣлѣ нѣтъ, но о которомъ и думать забыли.

На тѣхъ же основаніяхъ протестуетъ г. Соловьевъ и противъ женскихъ ремесленныхъ мастерскихъ. На этотъ разъ онъ болѣе правъ, потому что, увы! это зло дѣйствительное, и только отъ статей г. Соловьева можно ждать спасенія, съ условіемъ, если онѣ будутъ кратки.

Въ этой же занимательной статьѣ («Женщинамъ». «Эпоха», декабрь 1864) г. Соловьевъ скорбитъ, что по вечерамъ окна университета не освѣщены. Понимая, какое изумленіе должна произвести такая скорбь, онъ прибѣгаетъ къ оговоркамъ: «Хотя и странно было бы съ нашей стороны желать, чтобы учебныя заведенія были освѣщены по ночамъ, но не странно, въ качествѣ бывшаго студента, какъ бы (прелестно это *какъ бы!*) завидовать сравнительно-обезпеченному состоянію кафе-шантановъ передъ университетами.» Ну, скажите на милость, къ чему вы все это наболтали, г. Жезавиничъ? Объясните мнѣ, что сей весь сонъ означаетъ? И какія вамъ радость была бы, если бы университетъ по ночамъ освѣщали?—Будьте же довольны тѣмъ, что туда женщины не пускаютъ, а пустяки-то зачѣмъ говорить! Нѣтъ, г. Соловьевъ, не станете вы читать ни одинъ администраторъ,—вотъ увидите!

Переходя къ «Отечественнымъ Запискамъ», я прежде всего долженъ замѣтить имъ вранье довольно безобразнаго свойства. Откуда это онѣ почерпнули, будто я сказать, что «сапоги лучше Шекспира, а г. Антоновичъ лучше сапоговъ», какъ говорится въ январьской книжкѣ, въ предисловіи къ статьѣ Бекля и въ отвѣтѣ «Современнику» (стр. 119 и 87)? И для чего это вы, «Отечественныя Записки», такъ врите? Какой вамъ отъ этого барышъ? Вотъ что вы расканвааетесь въ томъ, что печатали у себя Бекля, въ этомъ вы правы, потому что онѣ къ вамъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Прилично ли, въ самомъ дѣлѣ, ему находиться рядомъ съ «Русскими лгунамъ» г. Писемскаго и со статьями Incognito? Посмотрите, жанръ, что говоритъ Incognito, защищая искусство: «Можетъ или не мо-

жетъ реалистъ, спрашиваетъ онъ автора «Нерѣшеннаго вопроса», пожелать когда нибудь имѣть портретъ своей подруги? (Прошу извиненія у Incognito, что опускаю, для краткости цитаты, игривые эпитеты, придаваемые имъ реалисту и его подругѣ). Если онъ можетъ, то пожелаетъ ли онъ, чтобы портретъ этотъ былъ написанъ изящно или безобразно? Если онъ согласенъ будетъ на безобразный или даже вовсе несогласенъ, то будетъ ли у него какое нибудь право требовать, чтобы и другіе довольствовались только безобразными портретами или и вовсе бы ихъ не имѣли, не смотря на потребность своей натуры? Эти вопросы касаются теоріи происхожденія и преуспѣванія живописи». Видите ли, какъ человѣкъ умно защищаетъ живопись! Неужели же вы не понимаете, г. Incognito, что защита ваша дальше фотографіи не простирается? Кромѣ того, развѣ вы не знаете, во имя чего реалисты протестуютъ противъ искусства? А если знаете, то какой смыслъ имѣетъ вашъ вопросъ о «правѣ требовать, чтобы и другіе довольствовались безобразными портретами или и вовсе бы ихъ не имѣли?» Если реалистъ говорить, что искусство въ настоящее время бесполезно и потому вредно, развращаетъ и художниковъ, и общество, поддерживается тунеядцами въ общественной экономіи, заслоняетъ мишурной цивилизаціей настоящую,—то вашъ вопросъ совершенно нелѣпъ, потому что когда говорить, что такое-то явленіе есть зло, то само собою разумѣется, что каждый, думающій такъ, имѣетъ право противиться ему. Къ чему же всѣ ваши вопросы со всѣми, сопровождающими ихъ, островами? И вполнѣ извиняю вамъ, что вы не рѣшаетесь выставить подъ вашими разсужденіями своего имени. Собственно говоря, ваше инкогнито не имѣетъ смысла, потому что инкогнито уважительно только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уважительны причины, заставляющія прибѣгать къ нему; въ такомъ случаѣ человѣкъ, разоблачающій инкогнито или псевдонимъ, заслуживаетъ великаго порицанія, о чемъ вы можете сообщить г. Лохвицкому, пишущему въ единоутробномъ вамъ «Голосѣ», который такъ краснорѣчиво распространяется о менцелизмѣ. Ваше же инкогнито, хотя вовсе не уважительно, но понятно и до нѣкоторой степени простительно. Иначе, къ вамъ бы слѣдовало отнести то, что говорить о неумѣстныхъ инкогнито Шопенгауеръ.—А знаете ли, что онъ говорить? Вотъ что: «Анонимное рецензентство недостойно и безчестно. Рецензентъ называетъ себя m-g Nobody (г. Никто), но каждый въ правѣ сказать, что m-g Nobody—мошенникъ. Поэтому, такого анонима слѣдуетъ всегда подчивать названіями мошенника и негодяя, вмѣсто того, чтобы говорить ему, какъ нѣкоторые, замаранные этою сволочью, автѣ-

ры: «уважаемый критикъ». «Негодяй, скрывающій свое имя» — вотъ что должны сказать ему всѣ честные люди. Кто стащитъ маску съ такого проходчика, пробѣгающаго подъ шинцуретками, и вытащитъ его за ухо на свѣтъ, тотъ окажетъ большую заслугу, а сова при дневномъ свѣтѣ возбудитъ всеобщій хохотъ»..... (Parerga und Paralipomena 548—49).

Здѣсь же кстати вспомнить прежнія насмѣшки Incognito надъ тѣмъ, что я въ статьяхъ моихъ говорю о себѣ — какъ слѣдуетъ по грамматикѣ и здравому смыслу, — въ первомъ лицѣ единственнаго числа. По поводу этого я, Incognito, считающій это верхомъ неиррациональности, напомнилъ мнѣ о нашемъ великомъ вѣкѣ, — вѣкѣ парокодовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, свѣтъ великаго я, а не ничтожнаго я. Я тогда не отвѣчалъ ему; но теперь кстати процитирую ему еще разъ Шопенгауера:

«У анонимныхъ критиковъ существуетъ презабавная безстыдная замашка говорить о себѣ, точно короли, мы. Но имъ слѣдуетъ говорить о себѣ не только въ единственномъ числѣ, а въ уменьшительномъ и уничижительномъ родѣ, на примѣръ такъ: «мое жалкое ничтожество, моя трусливая замаранность, моя замаскированная некомпетентность, мое ничтожное негодяйство» и т. д. (ibid.)».

Въ заключеніе замѣчу, что «Отечественныя Записки», подобно «Эпохѣ», также враждуютъ со всѣми журналами и также радуются этому, ставятъ себѣ въ честь и хвалятся свои и успѣхами. Для читателя это совершенно необъяснимо, и, признаюсь, я какъ читатель, что «Эпоха» — журналъ, относительно «Отечественныхъ Записокъ», враждебный, такъ и доселѣ остался въ недоумѣніи. Изъ-за чего бы имъ, кажется, враждовать, когда дѣятельность обоихъ исключительно состоитъ въ опроверженіи «Современника» и «Русскаго Слова», и въ защитѣ эстетики разныхъ авторитетовъ? и т. п.? Однако, оказывается, что враждуютъ. Мы уже видѣли, что «Эпоха» ставитъ эту вражду себѣ въ честь. Но и «Отечественныя Записки», съ своей стороны, говорятъ: «Если бы враги наши (въ томъ числѣ и «Эпоха») хвалили насъ, мы пришли бы въ уныніе, — значило бы, мы ошиблись. Но теперь они бранятъ насъ, значитъ, мы вполнѣ правы». — Далѣе говорится, что нападки на нихъ «Эпохи», о которыхъ они только стороною слышали, а сами прочесть не удостоили, — имъ «очень лестны». И тутъ же заявляютъ, что публика, подпискою на «Отечественныя Записки», доказала имъ свою любовь и одобреніе.

Такимъ образомъ, коса нашла на камень: однимъ брань дѣлаетъ честь, другимъ — очень лестна. Одни орлы, но и другіе орлы. Если

Иванъ Павловичъ Ячницца преисполненъ достоинства, то и лейтенантъ Жевакинъ—мужчина бодрый. Словомъ, борьба величественная и споръ вполне равный, такъ что остается спросить: кто у кого эзимиствуетъ оружіе? Но увѣраю орловъ, что имъ совершенно не зачѣмъ выклевать другъ другу глаза, и гораздо лучше соединенными силами продолжать свою полезную дѣятельность противъ насъ и «Современника». Не совѣтую только «Отечественнымъ Запискамъ» приводить небывалые цитаты и считать въ числѣ сотрудниковъ женевского профессора Тюри. Тюри этотъ хотя довольно глупъ, но въ «Отечественныхъ Запискахъ» писать все-таки не станеть.

О «Библиотекѣ для Чтенія» и говорить-то тошно послѣ всѣхъ ея подвиговъ. Что сказать о журналѣ, который помѣщаетъ у себя произведенія такихъ беллетристовъ, какъ г. Стебницкій, и такихъ публицистовъ, какъ г. Варнекъ. Чтобы показать, до какихъ грандіозныхъ размѣровъ, совершенно немислимыхъ ни въ какой литературѣ, доходятъ прелести статей, помѣщаемыхъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», укажу на нѣкоторые крупные перлы, найденные мною у г. Варнека и его сотоварищей.

Г. Варнекъ, напримѣръ, рассуждаетъ о чемъ-то, будто бы извѣстномъ ему одному, слѣдующимъ образомъ:

«А все за лобъ! Всякій держится за лобъ. И къ чему лбу такая честь?

Къ чему сей шумъ?

Къ чему тимпановъ звукъ и кляксы?

«Положимъ, можетъ быть, нѣмецкіе мозги спасли Римъ,—а мы что сдѣлали такое? Чѣмъ такъ отличился нашъ новый, увѣнчанный идолъ? — Наши мозги чуть ли не самое слабое наше мѣсто (вотъ что правда, то правда, гг. публицисты Библиотеки), наименѣе практиковавшееся, наименѣе укрѣпленное.

«Давно уже было какое-то колесо въ головѣ. Понгрывали люди въ карты, попивали, при случаѣ побивали и Мамаю (ну, все это и теперь еще происходитъ, не исключая и Мамаева побойща), а объ колесѣ никто и не думалъ. Заржавѣло колесо, казалось бы, и въ дѣло употребить нельзя, а вышло не такъ.—Спохватились.—А что это въ головѣ за штука? Понатужься! Ну-ка, натяни, попробуешь!—И пошло колесо, завертѣлось, и визжитъ, и шипитъ... эхъ, братъ, весело! Нутка, давай, смажемъ малехонько научнымъ жиромъ.—Смазали. — Эхъ ты, мать моя! Идетъ, другъ ты любезный, идетъ! И

хрипота есть, а всежь будто катуги поменьше надо. Такая пошла приятность, любо-дорого!

«И то не такъ!

И тотъ дуракъ!

И изъ того-то худо будетъ!»

«Съ новости и работа всласть! Орѣхъ!.. ничего, искрошится. Казалось бы, это щепка?.. Попробуемъ, колесо и на щепкѣ!.. Гвоздь тамъ, что ли? Перемелемъ и гвоздь—наше, братъ, дѣло такое! Такъ весело, что и сказать нельзя!

«Фактишка тамъ или дрянная статистическая цифра... и забили въ головѣ барабаны, затрубили трубы, и вотъ, не угодно ли?.. мозговая личинка, только что изъ печени, съ сближеніями и цитатами, съ противоположеніями и уподобленіями, съ примѣчаніями и ссылками на философовъ и натуралистовъ.»

«И цѣнить фразу за фразой, и причины, и слѣдствія, и догадки съ соображеніями! Чуть не сѣмъ генераль-прокуроръ!»—«Это не просто съ ума сошелъ баронъ въ Мартыновомъ переулкѣ! Тутъ шектались три бабы, выли собаки, у хожалаго носъ озябъ...» и т. д.

Всѣ эти перлы сплошнымъ рядомъ лежатъ на 23 печатныхъ страницахъ. Если бы все это называлось «Записками съумасшедшаго» или «Впечатлѣніями желтаго дома», или «мыслями въ Delirium tremens»—то было бы еще сколько нибудь сообразно, хотя по растянутости скучно и несносно. Но вѣдь вы пишете такимъ образомъ статьи подъ серьезными заглавіями, это ваши серьезные публицисты такъ отличаются! И редакция дѣлаетъ къ этимъ статьямъ примѣчаніе, въ которомъ заявляетъ, что раздѣляетъ мысли (?) автора, признавая, съ своей стороны, что «общественное спасеніе не заключается въ одномъ радѣніи *о брюхѣ, сирѣчь животѣ*, ни даже въ вопросѣ о брюшномъ равенствѣ, что болѣе высокія общественныя идеи и заботы несравненно важнѣе, что онѣ заключаютъ въ себѣ первое условіе сколько нибудь сноснаго рѣшенія всякихъ брюшныхъ и не брюшныхъ общественныхъ задачъ и т. д. Это ужъ переходить всякія границы приличія и здраваго смысла, и такъ безстыдно издѣваться можно только надъ русской публикой. Писать статьи, наполненныя краснорѣчіемъ и мыслями, образецъ которыхъ я привелъ, и серьезно увѣрять публику, что рѣшаютъ ими общественныя задачи! А пова вы такъ рѣшаете общественныя вопросы, противъ васъ обращаются ваши собственные сотрудники, ■

вы противъ нихъ. И не мудрено: печатая всякій сбродъ, какой вамъ дадутъ, рядомъ съ ерундой собственного изобрѣтенія, вы припечатали и скорбь о крѣпостномъ правѣ г. Судовщикова и думаете отдѣлаться отъ упрековъ, заявивъ въ примѣчаніи, «что не вполне согласны съ нѣкоторыми мнѣніями почтеннаго автора». По счастью, если самими вами такія продѣлки кажутся естественными, то находятся такіе рьяные люди, какъ г. Судовщиковъ, которые тутъ же васъ и осаживаютъ. Къ сожалѣнію, такіе уроки не идутъ вамъ въ прокъ, потому что не успѣютъ васъ осадить, какъ уже въ слѣдующей книжкѣ вы опять печатаете какуюнибудь безобразную штуку въ родѣ «Объясненія г. Стебницкаго», главнымъ замѣчая, что «далеко не раздѣляете высказанныхъ въ немъ мнѣній и оставляете на отвѣтственности автора многочисленныя намеки, объясненія». Очень жаль, что г. Стебницкій храбръ только подъ именемъ Розонова, а то онъ за это осадилъ бы васъ. Вы позволяете себѣ говорить о произведеніяхъ вашего сотрудника въ такомъ тонѣ: «Исходя, быть можетъ, изъ очень добросовѣстной точки зрѣнія, г. Корнѣй указалъ на недостатки романа (*Некуда*) съ такою бестактностью, что подтвердилъ самую странную выходку «Русскаго Слова», и въ заключеніе далеко оставилъ за собою автора «*Некуда*», гримаси тѣми же недостатками». Далѣе объясняется, что недостатки указанія «*Петербургскихъ Вѣдомостей*» состояли въ личныхъ намекахъ. Слѣдовательно, по собственному вашему сознанію, и въ «*Некуда*» существуютъ личности и сдѣланы. Вотъ такъ здравствуйте! А какой воля угнѣтенной невинности быть подягать вамъ, когда вамъ въ первый разъ замѣтили это! Какъ вы влязаете и божитесь въ притивномъ! Знаете ли, что это хуже статей Варшва.

Дѣло впрочемъ очень понятное: романъ «*Некуда*» вы навѣчтали, рассчитывая произвести эффектъ, и пока печатали его, то лѣзли лѣзь кожи, защищая его. Но убѣдившись, что даже единомышленники ваши находятъ, что вы уже черезъ край хватили, и смотреть на г. Стебницкаго, какъ на епѣанъ тѣмнѣе, отъ котораго надо отрѣчься, если есть хоть малѣйшее пожеланіе сохранить свое достоинство, вы, окончивъ, между тѣмъ, подъ шумокъ романъ, начинаете мало по малу отъ него отдѣлываться. Не мудрено, что въ самомъ непредолжительномъ времени вы заявите о своемъ отвращеніи къ личностямъ въ литературѣ и будете съ благороднымъ величаніемъ говорить о «недостаткахъ «*Некуда*». Однако, предупреждаю васъ, что я употреблю всѣ усилія, чтобы не допустить

вась до этого и помѣшать вамъ вытащить изъ своего горла эту кость, которую вы добровольно проглотили.

Вообще, кажется, либерализмъ намѣренъ снова разцвѣсти, и литература, это вѣрное зеркало общественной жизни, готовится снова повѣять весной. Поэтому публикѣ предстоитъ въ скоромъ времени насладиться зрѣлищемъ цѣлыхъ сонмовъ публицистовъ и другихъ литературныхъ дѣятелей, вытаскивающихъ у себя изъ горла кости и старающихся вылѣзти изъ трясины, въ которую заглѣзли. При этомъ зрѣлищѣ, примѣръ котораго намъ только что представила «Библиотека для Чтенія», должно обнаружиться различіе между людьми, утратившими способность вѣрить въ нашъ либерализмъ и сохранившими ее. Хотя со стороны журналистики—я говорю только о ней, — было сдѣлано весьма много, чтобы привести зрителей къ полному скептицизму, но я полагаю, что, благодаря искусству публицистовъ вылѣзати изъ трясины и благодушію зрителей, большинство сохранить эту вѣру.

Что же касается «Русскаго Вѣстника», то читатель пойметъ, почему я не говорю о немъ такъ подробно, какъ о прочихъ, просмотрѣвъ одни заглавія статей, хотя бы январьской книжки этого журнала. Здѣсь г. Шловайскій пишетъ о *графѣ Сиверсѣ*, *графѣ Л. Н. Толстой* (на французскомъ языкѣ) о *князьяхъ и княгиняхъ Бояконскихъ, Друбецкихъ, Кураиныхъ, Фрейлимахъ Шереръ, виконтахъ Мортмаръ, графахъ и графиняхъ Ростовыхъ, Безухихъ, batarde'axъ Пьерахъ* и тому подобныхъ именитыхъ и великосвѣтскихъ лицахъ, здѣсь Ф. Ф. Вигель воспоминаетъ о *графахъ Прованскомъ и Артуа, Орловыхъ* и проч., и объ *оберъ-архитекторахъ*; о народномъ воспитаніи пишетъ г. *Ржевскій* и наконецъ г. *Фетъ* пишетъ стихотворное посланіе г. *Тургеневу*, въ которомъ объ И. С. Тургеневѣ говорить, что онъ

«...хижину себѣ воздушную сложилъ
Подъ очарованной скалою».

Что его

«пригрѣлъ чужой денницы яркій лучъ»

и чт) онъ

«Душѣ сыскалъ возрожденъ».

О себѣ же г. Фетъ заявляетъ, что

«Обрѣлъ, чего алкалъ,
Что отложили плектронъ и взялся за топоръ
И за блестящую лопату»,

и что вообще очень доволенъ, что нашелъ наконецъ убѣжище

«Отъ толпы безчиной».

Должно полагать, что ни гуси, ни свиньи не смущаютъ уже душу поэта, и что онъ развязался даже съ Семеномъ, потому что онъ говоритъ, что

«Ни рѣзкій крикъ глупцовъ, ни подлый ихъ разгулъ
Сюда не досягнутъ»,

и что пѣсни его слушаетъ только пустыня.

На этой пустынѣ впрочемъ и можно остановиться.

Теперь обратимся къ подробному разсмотрѣнiю славной борьбы, которую журналисты и публицисты ведутъ противъ современнаго главнаго врага ихъ.

Нынѣшнiй врагъ большей части журналистики, противъ котораго она напрягаетъ свои благородныя усилiя, называется уже не нигилизмомъ, сенаратизмомъ и не происками иезуитовъ. Чудовище, противъ котораго теперь вооружилась журналистика отъ мада до велетка, называется утилитаризмомъ. Если бы я не ограничивался здѣсь обзоромъ журналистики, то мы увидѣли бы, что противъ этого возникаютъ протесты и въ литературы. Литература же преслѣдуетъ его со всѣмъ жаромъ, съ какими преслѣдовала нѣкогда свистуновъ, а потомъ нѣмцевъ и евреевъ. Въ доказательство этого, я сошлюсь на важнѣйшiя статьи большей части журналовъ.

Такъ, въ «Эпоху» прибыло, съ нарочитой цѣлью бороться противъ утилитаризма, двое приѣзжихъ, одинъ изъ провинцiи, другой изъ-за границы. Приѣзжiе немедленно соединились съ туземцами «Эпохи» и выступили противъ утилитаризма. Походъ открылся въ ноябрьской книжкѣ. Одинъ туземецъ, г. Дм. Аверкиевъ, и оба приѣзжiе повели разомъ атаку противъ «теорiи пользы и выгоды».

Гозраженiя и доводы ихъ необыкновенно умны и справедливы, но, къ сожалѣнiю, не попадаютъ въ цѣль, потому что нападающiе

не понимают хорошенько то, противъ чего ратуютъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ полагаетъ, что «польза есть ничто иное, какъ прямое, непосредственное примѣненіе силъ и средствъ къ настоящей минутѣ». Опредѣленіе это такъ мѣтко, что всякія похвалы будутъ излишни; я, съ своей стороны, скажу только, что пріѣзжій не даромъ пронутешествовалъ изъ провинціи въ Петербургъ, потому что еслибъ даже онъ и не привезъ ничего, кромѣ этого опредѣленія, то и тогда вояжъ его былъ бы вполне плодотворенъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что онъ привозилъ тамъ еще не мало другого замѣчательнаго. Такъ, онъ остроумно—хотя не совсѣмъ самостоятельно,—разсуждаетъ о людяхъ, для которыхъ существуетъ одно лишь брюхо, и все есть только брюхо. По словамъ пріѣзжаго, для этихъ людей «даже сигара есть брюхо». (Эпоха. Ноябрь. Теорія пользы и выгоды, стр. 14). Я нарочью указалъ страницу, потому что напередъ знаю, что никто мнѣ не повѣрилъ бы на слово, еслибъ я приводилъ такіе афоризмы безъ точнаго указанія мѣста, откуда они заимствованы. Затѣмъ, пріѣзжій и г. Дм. Аверкіевъ жалуются на покушеніе людей, для которыхъ даже сигары—брюхо, отнять у народа пѣсни, отрѣзать пріѣзжему носъ (Эпоха. Декабрь. Безплодная плодovitость, стр. 6), а г. Дм. Аверкіеву помѣнять «вѣровать не по разуму» (ibid. по поводу признанія двухъ петербургцевъ, ст. 6). Противъ такихъ покушений лица эти горячо протестуютъ. Г. Дм. Аверкіевъ настаиваетъ на томъ, что, вопреки всѣмъ, будетъ «вѣрить не по разуму, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ мышленіемъ, всею душою, всѣмъ своимъ существомъ»; будетъ такъ вѣрить и «наградъ за это не потребуетъ». (Не награждайте меня). «На логическомъ доказательствѣ не успокоится», но проситъ Бога удалить отъ него гордыню духа. «Для торжества своей идеи не будетъ дѣйствовать, потому что его идея—не его идея» (философій научень!); «хочетъ дѣлать добро, потому что это святая святыхъ души его» (ibid. ibid.). Пріѣзжій же, ни подъ какимъ видомъ, «добровольно не даетъ отрѣзать себѣ носъ» (см. въ вышешок. мѣстѣ). Не затѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, ѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Въ другомъ мѣстѣ (уже указ. Теорія пользы и выгоды, стр. 12) пріѣзжій разсуждаетъ такъ. «Съ которой бы стороны мы не взглянули на міръ, онъ вездѣ состоитъ изъ двухъ сторонъ, изъ двухъ крайностей, взаимно другъ друга дополняющихъ; міръ разодрапъ на двѣ половины, какъ выразился великій поэтъ. Есть тепло, есть холодъ, есть свѣтъ и теплота, есть добро и зло, есть эгоизмъ и гуманизмъ. Эгоизмъ и гуманизмъ составляютъ два такіа же нераз-

рывныя и обоюдныя начала, какъ силы притягательная и отталкивающая. Магнетизмъ, электричество, нервная сила, мысль—все имѣетъ эти двѣ стороны—положительную и отрицательную. Эгоизмъ и гуманизмъ есть плюсъ и минусъ того, что мы разумѣемъ подъ словомъ любовь. Смѣшеніе двухъ полюсовъ этого мірового дѣятеля произвело бы въ жизни такую путаницу, какую произвело бы въ наукѣ смѣшеніе начала положительнаго съ отрицательнымъ».

Преслѣдуя утилитаризмъ даже тамъ, гдѣ его нѣтъ, журнальное большинство радуется своимъ достоинствомъ. Поводы къ радостямъ различны. «Эпоха» радуется, главнымъ, образомъ отсутствію въ своихъ публицистахъ эгоизма и преобладанію въ нихъ гуманизма. Одинъ изъ пріѣзжихъ (пріѣзжій изъ-за границы) печатаетъ въ этомъ журналѣ комплименты редакціи. Люблю, говоритъ, васъ за то, что вы требуете «изучать бытъ и относиться къ нему съ любовью». Особенно, говоритъ, люблю васъ за вашу любовь. «Ибо великое различіе изучать съ любовью или безъ любви. Для любви всякая мелочь интересна. Нельзя не согласиться съ этимъ: «Эпоха», изучающая «бытъ» съ любовью, нашла въ себѣ силу упрекать общество за то, что дѣтямъ не прочли у насъ ни одного тома гѣтописей или актовъ, и вообще не знакомятъ ихъ съ источниками русской исторіи. Польза такого знакомства несомнѣнно и наглядно доказывается «Мамаевымъ побощемъ».—Далѣе пріѣзжій продолжаетъ говорить редакціи любезности, и такъ подробно рассказываетъ ей ея направленіе, что рождается подозрѣніе въ необходимости для нея въ такомъ толкованіи. Редакція же въ примѣчаніи полагаетъ, что читателямъ будетъ интересно узнать похвалы, ростоцаемыя ей. Похвалы эти тѣмъ драгоцѣннѣе, что пріѣзжій вполне раздѣляетъ и антипатіи «Эпохи». Онъ энергически возстаетъ на «пинущихъ людей, которымъ служеніе извѣстному направленію даетъ кусокъ хлѣба». Подъ этимъ авторъ подразумѣваетъ тѣхъ самыхъ свистуновъ изъ-за хлѣба, которыхъ недавно обличила редакція «Эпохи». Авторъ считаетъ такихъ свистуновъ безнадежными, равно какъ и большую часть молодого поколѣнія, которая если еще не погибла, то погибнетъ, испорченная матеріалистическими предразсудками. Далѣе пріѣзжій скорбитъ о многочисленныхъ переводныхъ изданіяхъ. Онъ не прочь, чтобы издавали переводы иностранныхъ сочиненій. «Не мраколюбецъ же я какойнибудь!»—воскликаетъ онъ. Но онъ недоволенъ тѣмъ, что на русскій языкъ переводятся только либеральныя книги. Пріѣзжій обвиняетъ

няютъ въ этомъ неблаговидныкъ публицистовъ, ядовито хвалящихъ только либеральныя книги.—Позволю себѣ замѣтить прїѣзжему, что онъ не совсѣмъ правъ. Большинство публицистовъ, и именно тѣ, которыхъ онъ любитъ, невиноваты въ этомъ. Если же и есть такіе злокозненные люди, то почему же его друзья не противодействуютъ этому, хваля нелиберальныя книги? Онъ самъ говоритъ, что публицисты, хвалящіе либеральныя сочиненія, не умѣютъ отличать десницы отъ шуйцы. Друзья же его глубоко учены и проницательно мудры: чего же они молчатъ и допускаютъ такое зло, которому имъ ниже не стоитъ помѣшать? Хоть бы вы ихъ за это дружески упрекнули, г. прїѣзжій. А то вѣдь, знаете, они сами способствуютъ размноженію либеральныхъ сочиненій: знаете ли вы, что гг. Страховъ, Аверкіевъ и покойный Григорьевъ переводили Гейне для изданія г. Берга? переводили, правда, въ сотрудничествѣ съ г. В. Костомаровымъ,—но все же переводили.

Совершенно въ томъ же духѣ и такимъ же образомъ разсуждаетъ въ «Библіотекѣ для чтенія» вышеупомянутый г. К. Варнекъ. Онъ говоритъ, что явились какіе-то «полу-люди» (рекомендую это г. прїѣзжимъ), проповѣдующіе утилитарное направленіе. Онъ напоминаетъ имъ, что «не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ», и что «стремленіе къ матеріальному богатству заѣдаетъ идею.» Отъ этого стремленія происходитъ рабство негровъ въ южной Америкѣ, и оно же производитъ социалистовъ и коммунистовъ, которые придерживаются социализма и коммунизма не потому, чтобъ эти идеи имъ нравились, а потому, что въ нихъ—оппозиція утилитаризму. Но на слѣдующей страницѣ оказывается, что социализмъ—теорія хлѣбная, вслѣдствіе чего и не удался. Въ противоположность ему ставится война за Италію, «въ которой (придерживаюсь оригинальнаго слога автора) идеализмъ», этотъ идеализмъ не хлѣбный, однако народу понравился и былъ имъ проглоченъ.—Поди же ты, подумаешь, какъ это на свѣтѣ бываетъ! Хлѣбный, а не понравился! Диво!—«Умный Наполеонъ III,—философствуетъ г. Варнекъ далѣе,—однако не удовольствовался однимъ идеальнымъ и подбавилъ къ нему Савойю, т. е. подбавилъ реальнаго». Тоже хлѣбнаго захотѣлъ! «Такъ соблюдена была гармонія,» заключаетъ г. Варнекъ.

Далѣе г. Варнекъ философствуетъ такъ:

«Жизнь должна идти индуктивно отъ опыта, а не отъ теорій. А мы, усиливаясь разсуждать индуктивно отъ опыта, отъ какаго

тека» рассказывает так: «Голосъ» сперва долго протовѣдывалъ, что въ Варшавѣ *того* должна уступить мѣсту, что тамъ нужна диктатура, необходимы суровыя наказанія; а потомъ сталъ обвинять крикунами людей, признававшихъ необходимость всегнато управленія; а люди, которымъ судьба судила тяжкое дѣло подписанія приговоровъ, оказались уже битыми бѣлыми».

За то «Библиотека» отдаетъ полную справедливость твердости и стойкости убѣжденій редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Они, говоритъ она, не мѣняютъ своихъ мнѣній (вотъ, что правда, то правда!), знаютъ ту общественную цѣль, къ которой идутъ (еще какъ знаютъ-то!). Но, къ сожалѣнію своему, «Библиотека» усматриваетъ въ нихъ недостатокъ важный, а именно книжность или кабинетность ихъ пріемовъ и дѣйствій. Этотъ недостатокъ, изъясняется далѣе «Библиотека», состоитъ въ томъ, что, большею частью, они ограничиваютъ свою дѣятельность журнальной сферой, «сосредоточиваютъ свою зоркость на литературномъ полѣ», не простирая ни ту, ни другую за предѣлы журналистики. Конечно, г. Каткову должно быть очень грустно слышать такіе упреки: онъ ли не старается, онъ ли не трудится—и вдругъ такая неблагодарность, такое отрицаніе лучшихъ правъ его на благодарность современниковъ, такое похищеніе самыхъ крупныхъ лавровыхъ листьевъ изъ его вѣнца. Какъ! г.г. Катковъ и Леонтьевъ только и дѣлали, что преслѣдовали *рижскую газету* и малороссійскія оперы—и только!? И больше ничего!? Гдѣ же послѣ этого справедливость? Стоитъ ли трудиться для современниковъ!

Этого мало; «Библиотека» упрекаетъ Г. Каткова въ томъ, что онъ не сдѣлалъ всего, что могъ, даже въ предѣлахъ литературы. Онъ не принялъ мѣръ, чтобы сдѣлать заблаговременно невозможными «школьническія, полуневѣжественныя выходы «Современника» и «Русскаго Слова»,—далъ имъ усилиться!—Понимаете ли вы, что вы надѣлали, г. Катковъ? Постарайтесь же поправить зло, пока можно. «Библиотека» и содѣйствіемъ, и примѣромъ поможетъ вамъ. Она уже перевела свои цѣли за предѣлы литературы, и преслѣдуетъ своихъ враговъ уже не только на страницахъ журналовъ и столбцахъ газетъ, но и на поляхъ ихъ, въ домахъ ихъ, въ деревняхъ ихъ, на путяхъ ихъ, на постеляхъ ихъ; она преслѣдуетъ ихъ въ битвахъ, молштвахъ, не только въ рѣчахъ, но и въ молчаніи ихъ; преслѣдуетъ ихъ въ пищѣ, питьѣ, снѣ ихъ—отъ маковки до пя-

ТОВА, и отъ пятовъ до маковки преслѣдуетъ она ихъ, и не даетъ имъ покоя. Истинно-полезный писатель можетъ быть только тотъ, который, забывъ журналистику и литературу, «простираетъ свою зоркость за предѣлы ихъ».

Будемъ надѣяться, что настанетъ столь золотое время, когда это будетъ несомнѣнной истиной для каждаго русскаго писателя.

В. Зайцевъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Г. АНТОНОВИЧУ.

Виде: въ прошлой книжкѣ «Современника» г. Посторонній сатирикъ представлялъ ко мнѣ съ вопросами на счетъ моей статьи: «По-стѣдній философы-идеалисты» (Рус. Слово. Декабрь. 1864). Но вопросы эти выражались въ такой милой формѣ, въ такихъ приятныхъ выраженіяхъ, съ такими обшчашіями: «тыжуть носомъ», что отвѣчать на нихъ не было возможности; не впадая въ томъ, который мнѣ крайне не нравится; и впадать въ который я не желаю.

Тенерь г. Антоновичъ, выполняя обшчаніе г. Посторонняго сатирика, указываетъ мнѣ въ особой статьѣ (Современ. Февральск. кн.) мои промахи и ошибки, сдѣланные въ названной мною статьѣ моей. Всѣ главные обвиненія его сводится въ тремъ, въ такомъ порядкѣ:

1) Разсматривая философію Шопенгауера, я нарушилъ всѣ правила и приемы здравой философской критики.

2) Я отозвался о Шопенгаурѣ такъ, какъ омы этого не заслуживаетъ.

3) Я обмѣлился дѣлать замѣчанія на статью г. Стяжнова: «Рефлексы головного мозга», — замѣчанія нвоновательныя, исполненные ошибокъ и противорѣчій.

На первыя два обвиненія почти не стоитъ отвѣчать. Въ статьѣ о Шопенгаурѣ я дѣйствительно «пренебрегъ правилами философской критики», но дѣло въ томъ, что я никогда и не думалъ не только критиковать, но и просто излагать философію Шопенгауера въ томъ видѣ, какъ она выражена въ его сочиненіяхъ. Находя вмѣстѣ со всѣми нѣмецкими и французскими писателями, писавшими о Шопенгаурѣ, что во выводами, которые можно безъ всякой натяжки сдѣлать изъ его философіи, омы очень приближается къ той теоріи, которую прежде развивали сенсуалисты; а теперь продолжаютъ нѣкоторые германскіе ученые, — я смель для себя удобнымъ, представить нѣкоторыя черты этой теоріи, какъ выводы изъ идеалистической системы. Какъ выволнить. язга — вопросъ другой;

пока, дѣло въ томъ, что никакой философской критики я не имѣлъ въ виду, не находя нужнымъ ни излагать философію Шопенгауера въ ея настоящемъ видѣ, ни подвергать ее критикѣ.

Надѣюсь, что изъ этихъ немногихъ словъ г. Антоновичъ пойметъ, съ какою цѣлью говорилъ я о Шопенгауерѣ и почему, говоря о немъ, уклонялся отъ правилъ философской критики.

Что касается до самого Шопенгауера, то я удивляюсь, что за охота г. Антоновичу тратить столько краснорѣчія на доказательство его тупости и обскурантизма? Если бы я хотѣлъ отвѣчать на этотъ счетъ г. Антоновичу такъ же подробно, какъ онъ нападаетъ на меня, то здѣсь мнѣ представлялся бы удобный случай пуститься въ длинные споры о добродѣтеляхъ Шопенгауера; но такъ какъ сама по себѣ личность его не имѣетъ никакого значенія, то я считаю такой споръ совершенно бесполезнымъ. Не все ли равно намъ, напр., сознательно или несознательно объясняя Шопенгауера память? Еще стоило бы спорить о достоинствѣ объясненія; а о томъ, сознательно ли оно было, или «сболтнулось сдуру» — хотя и было умно, — спорить нелѣпо. Я полагаю поэтому, что каждый изъ насъ, безобидно другъ для друга, можетъ остаться на этотъ счетъ при своемъ мнѣніи: я — при томъ мнѣніи, что Шопенгауеръ былъ умный и ученый человѣкъ, небезполезный для общества; вы — что это была личность въ родѣ Ивана Яковлевича, болтавшая только безсмысленныя фразы и совершенно неспособная сказать правду иначе, какъ «сдуру.» — На томъ и покончимъ, безъ ущерба для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что передъ нами самый важный — третій пунктъ.

Что до него касается, то я совершенно соглашаюсь съ г. Антоновичемъ, сознаваясь, что слишкомъ увлекся Биша и Кабани, и черезъ это впалъ въ ошибки. Соглашаясь съ вами въ томъ, что «относительно психическихъ актовъ наше тѣло, со всѣми своими внутренностями, есть внѣшній предметъ,» я тѣмъ самымъ отказываюсь отъ различія между психическими актами, вызываемыми внѣшними и внутренними возбужденіями, которое я проводилъ въ своей статьѣ.

Очистивъ, такимъ образомъ, свою совѣсть, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ статьи г. Антоновича. Впрочемъ большинство ихъ таково, что хотя цѣль ихъ — оскорбить меня, тѣмъ не менѣе отвѣчать на нихъ не стоитъ. Напр., г. Антоновичъ объявляетъ, что я Шопенгауера самого не читалъ, а читалъ «какое нибудь очень одностороннее сочиненіе о немъ». Къ чему г. Антоновичъ говорить это, — я понять не могу. потому что не богъ вѣсть какая доблесть прочитавъ Шопенгауера, и не особенный поворотъ не читать его. Я и не стану, слѣдовательно

доказывать г. Антоновичу, что совершилъ столь доблестный подвигъ, а равно и г. Антоновичу не было видимой причины лишать меня такой славы. Зачѣмъ также говорить г. Антоновичъ своимъ читателямъ, будто я не знаю, что Кантъ считалъ пространство, время и др. категоріи врожденными душѣ? Единственный непріятный для меня результатъ изъ этого утвержденія г. Антоновича былъ тотъ, что я долженъ былъ встать, найти № журнала, а въ немъ страницу, на которой это сказано въ моей статьѣ. Преодолѣвъ эти затрудненія, я могу успокоиться и указать стр. 165, строку 8 и слѣдующую сверху, гдѣ все это изъяснено. Зачѣмъ же заставлялъ меня г. Антоновичъ вставать и искать? Онъ и безъ того нашель въ моей статьѣ довольно дѣйствительныхъ промаховъ, чтобы приписывать мнѣ небывалые? Такихъ маневровъ я съ его стороны не понимаю. Но о нихъ говорить дальше не стоитъ.

Гораздо важнѣе тѣ нападки, которыя употребляетъ противъ меня г. Антоновичъ отъ лица г. Сѣченова, вступившисъ за него. Но въ статьѣ моей не было сказано ничего, что бы могло оскорбить г. Сѣченова или его почитателей. Если мнѣ показалось у г. Сѣченова противорѣчіе, то я неправъ только въ томъ, что мнѣ ложно показалось, а не въ самомъ фактѣ заподозрѣнія г. Сѣченова въ противорѣчіи; если я полагаю, что отдѣлъ статьи его, гдѣ онъ говоритъ о страстяхъ, могъ бы быть полнѣе и разностороннѣе, то я опять-таки неправъ не потому, что такъ полагаю, а потому что ложно полагаю. Всѣ мои замѣчанія на статью г. Сѣченова высказаны въ такихъ выраженіяхъ, которыми не могъ бы, повидному, оскорбиться никто въ мірѣ. Г. Антоновичъ опровергъ мои замѣчанія, — тѣмъ бы, кажется, и дѣлу конецъ. Я полагаю, самъ авторъ «Юлія Цезаря» удовольствовался бы этимъ. Но г. Антоновичъ, не довольствуясь этимъ, называетъ мою смѣлость — дѣлать замѣчанія на статью г. Сѣченова — литературнымъ преступленіемъ! Отъ самого же г. Сѣченова онъ передаетъ мнѣ, что г. профессоръ хоталъ, читая мои замѣчанія, которыми я, будто бы, хотѣлъ поучать его. На это я замѣчу, что поучать г. Сѣченова мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило, что я вполнѣ сознаю неизмѣримое превосходство, которое въ научныхъ вопросахъ имѣеть надо мною г. Сѣченовъ, — сознаю до того, что нахожу съ его стороны совершенно излишнимъ подавлять меня имъ. Если съ моей стороны было преступленіемъ заподозрить въ статьѣ г. Сѣченова противорѣчіе, то съ его стороны, по крайней мѣрѣ, не деликатно такъ злоупотреблять своимъ превосходствомъ. Я рискну замѣтить, что вѣдь и преступникъ имѣеть право на человѣческое обращеніе.

Что касается до извинений, которыхъ требуетъ отъ меня г. Съченковъ черезъ г. Антоновича, то я, право, въ недоумѣнн; какого рода они могутъ быть, кромя отказа отъ своей ошибки? Но г. Съченковъ, очевидно, требуетъ еще чего-то, потому что у г. Антоновича обязанъ требоваться самъ по себѣ; а извиненіе само по себѣ. Пусть-же Съченковъ или г. Антоновичъ объяснятъ мнѣ; чего мнѣ еще отъ меня нужно, какой эпитетъ?

Такъ какъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ — дѣло не легкое — какъ справедливо дравнишь меня г. Антоновичъ, — то легко можетъ быть, что это неприятное чувство заставляетъ меня слишкомъ мрачно смотрѣть на всю статью г. Антоновича. Легко можетъ быть, что въ ней ни однимъ словомъ не преступлена должная граница наказанія, котораго заслуживаетъ мое преступленіе. Во всякомъ случаѣ, я самъ, какъ судья пристрастный, не могу судить объ этомъ; апеллировать мнѣ также не въ кому. Не апеллировать же мнѣ къ журнальному стаду: очень многіе, составляющіе его, оттого и сами сидятъ въ немъ, что во-время не сознались въ своихъ ошибкахъ; въ моемъ сознанн они будутъ видѣть только сюжетъ, смѣха достойный; а то заступятся; чего добраго, — такъ еще хуже наплачешься. Поэтому я рѣшаюсь апеллировать къ самому г. Антоновичу и просить его сказать мнѣ откровенно: не преступилъ ли онъ въ своей статьѣ предѣловъ полемики, которая могла быть ведена противъ меня; и неужели ни въ статьѣ моей: «Постыдннй философъ — идеалистъ», ни въ прочей моей литературной дѣятельности нѣтъ ничего, что бы могло огрaдить меня отъ оскорбленій съ его стороны, подобныхъ тѣмъ, которыми онъ осыпаетъ меня? Наконецъ, не виднть ли онъ дисгармонн между своимъ сладенькимъ вступленіемъ и общимъ тономъ всей статьи?

В. А. Захаровъ.

ГГ. ПОСТОРОННЕМУ И ВСЯКИМЪ ПРОЧИМЪ САТИРИКАМЪ.

Такъ какъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Слова» г. Благосвѣтовъ сказалъ уже все, что слѣдовало сказать въ отвѣтъ на брань г. Посторонняго сатирика, то я и прочіе мои сотрудники не сочли бы нужнымъ болѣе касаться этого предмета, если бы приверженцы г. Посторонняго сатирика, вступившись за него, не старались всѣчески содѣйствовать побѣдѣ, которую онъ обѣщаль отпраздновать надъ нами. Но содѣйствіе, оказываемое ими славному дѣятелю «Современника»,—такого рода, что побуждаетъ меня объясниться съ ними отъ себя и отъ имени моихъ сотрудниковъ вполне откровенно.

Я, конечно, не стану продолжать спорить съ г. Постороннимъ сатирикомъ противъ его нападокъ лично на меня. Я не стану продолжать съ нимъ споръ о неграхъ, хотя бы потому, что доводы, приводимые имъ противъ меня, не заслуживаютъ опроверженія; такое мнѣніе, какъ то, которое взялся защищать г. Посторонній сатирикъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ серьезно, чтобы могло быть защищено указаніемъ на Ольриджа и каламбурами въ родѣ того, что «цвѣтной Ольриджъ гораздо лучше многихъ безцвѣтныхъ актеровъ». Нельзя также защищать этого мнѣнія и глубокомысленными замѣчаніями о томъ, что «если негровъ и *легко поработить*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ *должно поработить*»—какъ-будто кто нибудь говоритъ въ этомъ случаѣ о долѣ. И еще нельзя поддерживать мнѣніе, противоположное моему, указаніями на то, что я говорю то же, что и плантаторы, потому что это я и безъ Посторонняго сатирика знаю и ни мало этимъ не смущаюсь. Словомъ, доводы г. Посторонняго сатирика не таковы, чтобы серьезно разбирать ихъ. На этотъ счетъ гораздо сообразнѣе статья въ № 8 «Искры», и я охотно бы отвѣчалъ на нее, если бы она не была такъ темна. Что же касается до ея темноты, то объ этомъ можно судить по слѣдующему обращенію ко мнѣ, которое, быть можетъ, вполне справедливо, но котораго я, къ сожалѣнію, не понимаю.

«Г. Зайцеву, говоритъ эта статья, почему-то захотѣлось блеснуть оригинальною мыслью, что при рѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ бѣлой и черной расъ можно обойтись безъ филантропической точки

зрѣнія; онъ не замѣтилъ ея практической неизбѣжности въ рѣшеніи всѣхъ практическихъ вопросовъ въ извѣстную сторону, — какъ будто наука можетъ что-либо дать, кромѣ знанія соотношенія причинъ и явленій, и предчувствія возможности при соблюденіи или воспроизведеніи тѣхъ или другихъ условій достиженія тѣхъ или другихъ результатовъ; обязательнымъ для развитой личности выборомъ болѣе соотвѣтственнаго — онъ пренебрегъ, и этимъ порѣшилъ со всякимъ смысломъ личности». («Искра», № 8; стр. 114, столбецъ 2-й).

Признаюсь, не понимаю, не моего ума-разума дѣло! Оставляя несчастныхъ негровъ на попеченіе болѣе искусныхъ защитниковъ, возвращаюсь къ г. Постороннему сатирику и его вполнѣ искуснымъ защитникамъ. Изъ всѣхъ вопросовъ его, я отвѣчу ему на одинъ: онъ спрашиваетъ меня: «нахожу ли я, что полемика его не имѣла серьезной цѣли и не проводила серьезныхъ мыслей, а была только массою ругательствъ, личностей и вообще изумительныхъ непристойностей? По правдѣ сказать, — грѣшенъ, дѣйствительно думаю я такъ, и когда г. Посторонній сатирикъ началъ полемику съ «Русскимъ Словомъ», то еще болѣе утвердился во мнѣніи, что всѣ серьезные мысли и цѣли его состояли въ увѣреніи всѣхъ въ томъ, что онъ очень храбръ, остроуменъ, благороденъ, уменъ и вообще выше всѣхъ въ литературѣ. Я полагалъ даже, что для этихъ серьезныхъ цѣлей г. Посторонній сатирикъ не пренебрегалъ нивагими ругательствами и личностями, и даже клеветой. Каюсь: въ душѣ я совершилъ еще худшій грѣхъ, полагая, что такая полемика, какую г. Посторонній сатирикъ ведетъ противъ «Русскаго слова», — невозможна въ сколько нибудь уважающей себя литературѣ, и прилична только той, которая volens-voles отразила въ себѣ всѣ прелести послѣднихъ грѣхъ лѣтъ. Январская статья противъ «Рус. Слова» г. Посторонняго сатирика, въ которой онъ обѣщался «ткнуть насъ носомъ на номеръ» и употребляетъ тому подобныя игривыя выраженія, отвѣчая на указанія игривости ихъ возгласами, въ родѣ слѣдующихъ: «что? обидѣлись? Вотъ то-то и есть, крошечна г. Зайцевъ и душечка г. Благовѣтловъ!» — такъ эта-то послѣдняя статья еще болѣе утвердила меня во всѣхъ моихъ грѣховныхъ мнѣніяхъ. Кто знаетъ? быть можетъ, я доселѣ коснѣлъ бы во грѣхѣ, если бы г. Посторонній сатирикъ не нашелъ себѣ столь талантливыхъ защитниковъ, какъ напр., г. Ив. Дмитриевъ. Защитники эти начали съ того, что за веѣ мой дерзости противъ г. Посторонняго сатирика приравнили меня въ «Искрѣ» и «Будильникѣ» къ гг. Каткову, Краевскому и всѣмъ прочимъ. Это было для меня первымъ лучшимъ постигомъ, потому что сравненіе было дѣйствительно слишкомъ мѣтко, чтобы не отрезвить даже та-

кую грѣшную душу, какъ моя. Но г. Ив. Дмитріевъ и прочіе защитники г. Посторонняго сатирика, не дожидаясь даже раскаянья «Русскаго Слова», прибѣгли къ такимъ краснорѣчивымъ увѣщаніямъ, что всякое сомнѣніе въ высшихъ дарованіяхъ г. Посторонняго сатирика совершенно во мнѣ исчезло. И теперь я открыто и всенародно приношу за себя покаяніе, отрекаюсь отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній и обѣщаю впредь находить умнымъ и достойнымъ все, что онъ скажетъ. Къ моему огорченію, я не могу сказать того же отъ имени моихъ сотрудниковъ. Вѣроятно, считая себя болѣе огражденнымъ отъ полемическихъ приемовъ нашихъ сатириковъ, гг. Писаревъ, Шелгуновъ и другіе продолжаютъ упорно отвергать великія цѣли въ дѣятельности г. Посторонняго сатирика. Я надѣюсь, что сатирики примутъ во вниманіе, что я въ этомъ упорствѣ ихъ несколько невиноватъ, и повѣрятъ мнѣ, что съ своей стороны я употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить ихъ къ измѣненію своего образа мыслей.

Принеся столь публичное покаяніе, я считаю уже себя въ правѣ не отвѣчать болѣе г. Постороннему сатирику, чтобы онъ еще говорилъ обо мнѣ и о «Русскомъ Словѣ»; потому что если въ чемъ нибудь сомнѣнія, — онъ будетъ говорить правду, то мнѣ останется только злѣча выслушивать ее; но если бы даже онъ сталъ вести споръ такъ же удачно, какъ о правахъ жегровъ, то я, помышляя о тѣхъ аргументахъ, которыми дѣйствуетъ въ полемикѣ г. Посторонній сатирикъ (какъ то: упреки, зачѣмъ я не пишу обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ писать; взведеніе клеветы съ ссылкой на знатоковъ русской литературы и т. п.), а еще болѣе защитники его, — не нахожу въ своемъ арсеналѣ оружія, съ которымъ бы могъ отвѣтить съ ними въ бой.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ защитникамъ г. Посторонняго сатирика, особенно г. И. Дмитріеву. Въ своей статьѣ противъ Г. Е. Благосвѣтлова (Будильникъ, № 18), о достоинствахъ которой судить не мнѣ, а развѣ г. Стѣбницкому, онъ дѣлаетъ честь сотрудникамъ «Русскаго Слова», называя ихъ людьми честными. Не знаю, какъ велика эта честь и кого онъ разумѣетъ здѣсь, но уполночченъ сказать, что если этотъ лестный эпитетъ отнесенъ г. Дмитріевымъ къ гг. Благовѣщенскому, Писареву, Серно-Соловьевичу, Шелгунову или ко мнѣ, то тѣмъ хуже для него, потому что означенныя лица не могутъ чувствовать ничего, кромѣ презрѣнія къ сатирикамъ, подобнымъ г. Ив. Дмитріеву, которые грязнятъ наши дорогія убѣжденія, совершая подъ покровомъ ихъ свои славные подвиги.

В. Зайцевъ.

ПОСЛѢДНЕЕ МОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ Г. ПОСТОРОННИМЪ САТИРИКОМЪ «СОВРЕМЕННОМЪ».

Можно было предвидѣть, что послѣ *черной* грязи, нанесенной за послѣднее время гг. Ключниковыми въ литературу, не замедлитъ явиться и *бѣлая* грязь. Она дѣйствительно явилась, и въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, что не знаешь, гдѣ оканчивается *черная* и начинается *бѣлая*. Границы этихъ двухъ болотъ до того смѣжны, что самый опытный глазъ едва ли различитъ ихъ. Я даже склоненъ думать, что черная грязь нѣсколько сноснѣе, потому что изобрѣтатели ея сплетничали и клеветали подѣ вымышленными именами, какъ бы сознавая, что и мѣдный лобъ можетъ краснѣть отъ стыда; любители же бѣлой грязи перешли послѣдній рубежъ безстыдства; они начали пачкать все безъ разбора и на всемъ ставить собственное имя. Это понятно; хриплому бесплію мысли оставалось только ухватиться за такое оружіе, которое всякой мелюзгѣ по плечу.

Открытіе *бѣлой* грязи неотъемлемо принадлежать г. Постороннему сатирику «Современника». Эту честь онъ можетъ поровну раздѣлить не только съ такими изъ своихъ прихвостниковъ, какъ г. Ив. Дмитріевъ и Литературное Домино, но и съ кѣмъ ему угодно. Даже г. Стебницкій можетъ позавидовать этой чести. Началь онъ — не г. Стебницкій, а г. Посторонній сатирикъ, — какъ будто литературной полемикой, но, оборвавшись на первомъ же шагу, ударился въ *личности*, въ сплетни, споръ изъ-за мнѣній перевелъ на голую и бездоказательную ругань, сталъ откапывать въ жизни своихъ противниковъ все, что могло бы пригодиться только площадной торговкѣ, чтобы попрекнуть свою сосѣдку отцомъ или матерью. Если бы все это происходило въ какихъ ни-

будь ясныхъ рядахъ, то тутъ нечему и удивляться; но на это странное зрѣлище приглашена наша лучшая читающая публика, и въ такомъ органѣ, гдѣ г. Антоновичъ берется предостерегать читателей «Рус. Слова» отъ промаховъ гг. Зайцева и Писарева. Вотъ это-то обстоятельство, при всемъ моемъ глубочайшемъ отвращеніи къ полемикѣ такого рода, заставляетъ меня еще разъ объясниться съ г. Постороннимъ сатирикомъ.

Въ прошлой кн. «Рус. Слова» я былъ вызванъ на отвѣтъ г. Постороннему сатирику крайне неприличной выходкой его, въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться—наглости ли обвиненія, или невѣжеству моего обличителя. Не находя, къ чему бы можно было привязаться въ моей частной и литературной дѣятельности, онъ рѣшился прибѣгнуть къ постыдному орудію — къ клеветѣ, и сталъ клеветать на меня такими фактами, которые были расчитаны имъ не безъ особенной цѣли. Средствомъ для этой клеветы онъ выбралъ «одно лицо», которому едва ли самый злѣйшій врагъ могъ оказать такую пріятельски-медвѣжью услугу. Потомъ, сообразивъ, подобно Хлестакову, что отдаленность времени и мѣста благоприятствуютъ беззастѣнчивости лганья, онъ обратился къ моей статьѣ, напечатанной за десять лѣтъ раньше, и, передернувъ въ ней числа, перевернувъ смыслъ, сплелъ обвиненіе, которому и другого примѣра не знаю въ литературѣ. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, придетъ охота справляться съ старыми журналами и провѣрять ихъ критическіе отдѣлы; и кто бы могъ подумать, что человѣкъ, такъ самоувѣренно выставляющій свою добросовѣстность и непогрѣшимость, охраняющій литературу даже отъ промаховъ, станетъ заниматься полемической хлестаковщиной? Этого мало; онъ прикинулся обиженнымъ и апеллируетъ во имя такихъ идей и лицъ, которыя таскать по грязи позволяется только гг. Стебницкимъ и Ключниковымъ. Въ то же время г. Посторонній сатирикъ не пренебрегъ и другими вспомогательными средствами; онъ воспользовался услугами такой дрянн, какъ его прихвостники, и показалъ имъ на опытъ, что въ отношеніи клеветы на русскаго писателя можно обойтись и безъ фактическихъ доказательствъ. Обставивъ себя такимъ образомъ, г. Посторонній сатирикъ могъ смѣло идти противъ меня и не останавливаться уже ни на чемъ. Такъ и поступилъ онъ, какъ увидимъ ниже.

Главное обвиненіе, направленное противъ меня г. Постороннимъ сатирикомъ, заключается въ томъ, что я полемизировалъ противъ «одного лица» и *«укорялъ его въ измѣнѣ за то, что оно оставило «Отечест. Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Со-*

временнику»¹⁾. На это я замѣтилъ, что г. Посторонній сатиричь лжетъ, и попросилъ его справиться съ дѣломъ получше, потому что подобныя обвиненія, основанныя на показаніи какого-то знатока литературы, принимаютъ характеръ сплетни довольно гнуснаго свойства²⁾. Изъ февральской книжки «Современника» я уже вижу, что г. Посторонній сатиричь справился, но вмѣсто чисто-сердечнаго раскаянья въ своихъ хлестаковскихъ заманкахъ, пошелъ еще дальше и, кажется мнѣ, превзошелъ всѣхъ литературныхъ Хлестаковичихъ нашего хлестаковского времени. Онъ откопалъ въ январьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» 1856 г. мою статью: *Взглядъ на русскую критику* и придать ей такое толкованіе, какое мнѣ и во оубъ не спилось. Самый процессъ этого толкованія превосходить всѣ тонкости схоластической діалектики. Выхватывается отдѣльная фраза, комментируется въ томъ смыслѣ, какой нуженъ діалектику; затѣмъ въ скобкахъ дается ей отгнѣножь какой нибудь мерзости и потомъ, чтобы окончательно отуманить читателя, ставится восклицательный знакъ изумленія. Такое полемическое шулерство идетъ на вѣрный выпрышь. Дѣйствуя такъ, вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ г. Посторонній сатиричь по прочтеніи моей статьи:

1) Что будто бы я держался эстетическихъ воззрѣній тогдашнихъ (т. е. въ 1856 г.) «Отечеств. Записокъ» и хотѣлъ противо-дѣйствовать *возродившемуся* «Современнику», поддерживая эстетическое направленіе противъ реальныхъ тенденцій «одного лица». Вотъ собственныя слова г. Посторонняго сатирика: *Однако, ничто не могло пронять г. Благосвѣтлова, и онъ держался эстетическихъ воззрѣній «Отечеств. Записокъ»... и погрозился доказать, что одно лицо не понимаетъ эстетики*³⁾. Далѣе изъясняется, что я *изъ-за сины г. Дудышкина*⁴⁾ *сталъ лаять на одно лицо, недо-*

1) См. янв. кн. «Современника» 1865 г. Литер. мелочи, стр. 168. Прошу читателя извинить меня, что я вынужденъ испестрить эту статью длинными и скучными выписками и цитатами: но я долженъ это сдѣлать, потому что путь дѣло съ такимъ прогнванкомъ, у котораго достанетъ храбрости проше-бить самую сину лбомъ. Такого господина не урезонивъ обращеніемъ къ добросовѣстности; его надо убѣждать такими цифрами и фактами, которое бы не давали ему никакой возможности вывертываться и искажать ихъ, которые бы посрачали его—его же собственннхъ лгашень.

2) См. янв. кн. «Рус. Слова» 1865 г. Буря въ стаканъ воды, стр. 169.

3) См. февр. кн. «Современника». Литер. мелочи, стр. 379 и 381.

4) Примѣч. Г. Дудышкинъ, прошу васъ убѣдить этого врага въ томъ, что я не только никогда не стоялъ за вашей синей, но, если не ошибаюсь, да-

вольное положеніемъ литературы и представлявшее ей новыя требованія (тамъ же). Всѣ эти скверности, какъ утверждаетъ г. Посторонній сатирикъ, я совершилъ въ моей статьѣ: *Взглядъ на русскую критику*».

Раскроемъ теперь самую статью и, за невозможностью выписывать два съ половиною листа цѣлкомъ, приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ:

Первый:

„Какими правилами (описалъ я въ 1836 г. въ янв. кн. Отечеств. Записокъ) руководствовалась критика: «Современника», — это первый и самый важный вопросъ. Первая книжка его, въ 1836 году ¹⁾, открывается воинственною статьёю Гоголя: „О движеніи журнальной литературы. Авторъ „Ревизора“, перебаравъ отличительныя свойства безжизненной критики современныхъ журналовъ, негодуетъ на отсутствіе эстетическаго наслажденія и вкуса. „Еще въ московскихъ журналахъ (говорить онъ) виднѣвъ иногда какой нибудь вкусъ, что нибудь похоже на любовь къ искусству; напротивъ того, въ журналахъ петербургскихъ критика вычуждена“. После такого рѣшительнаго отзыва, рецензенту следовало выразить свое собственное мнѣніе о критикѣ, ея назначеніи и основаніяхъ началъ, но Гоголь обошелъ главный вопросъ глубокимъ молчаніемъ. Что понималъ опы подъ именемъ эстетическаго наслажденія и вкуса въ области критической дѣятельности? Искренно, то же самое, что понимаютъ и другіе критики, т. е. ровно ничего ²⁾.

Второй. Говоря о тѣхъ ложныхъ направленіяхъ нашей журнальной критики, которые смѣняли другъ друга, я продолжаю на стр. 15 такъ:

„Долго-классическая теорія, которой жизненные органы постепенно заштрап, наконецъ лишилась послѣднихъ силъ и уступила мѣсто романтической школѣ. „Московский Телеграфъ“, явившійся въ 1825 г., сталъ подъ знаменемъ новаго направленія и, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетикъ, объявилъ, что воображенію и чувству—„закононамъ судьямъ поэтическаго творенія не должно существовать никакихъ математическихъ прѣятствій;“ иначе говоря: нѣтъ никакихъ законовъ для чело-вѣческой фантазіи. Подъ видомъ алой увлекательной мѣчты, столь благоприятной для невѣжества и бездарности, „Телеграфъ“ вводилъ не-

же никогда не имѣлъ удовольствія видѣть васъ въ лицо; по крайней мѣрѣ, хорошо помню, что я никогда не бывалъ у васъ и никогда ни одного слова не говорилъ съ вами.

¹⁾ Прошу читателя замѣтить этотъ годъ, потому что обанчитель мой обогалъ меня п-ла цифрахъ.

²⁾ Отечеств. Зап. 1836 г. янв. кн. Взглядъ на русскую критику. Стр. 9—10.

обузданный прозаизмъ въ область критическаго анализа. Новая критика, разрушивъ старыя подмостки, на которыхъ стояла ея предшественница, формальная критика, повисла въ воздухъ, не имѣя подъ собою никакой основы. Она учила, что „всякое произведеніе изящной словесности есть идея изящества, въ восторгъ выраженная словомъ. Твореніе словесности перестаетъ быть изящнымъ, какъ скоро разрушается связь безконечныхъ идей съ конечными изображеніями.“ (Моск. Телегр. 1826 г. кн. I.) И такъ, *идея изящнаго* воцарилась въ нашей литературѣ и послужила основаніемъ „эстетической критикѣ.“

Но что такое идея изящнаго?—Сколько ни старались опредѣлить ее, эта идея, самая хитрая и неудовимая изъ всѣхъ идей человѣческихъ, ускользала отъ всякаго положительнаго и яснаго опредѣленія, какъ фантомъ, исчезающій отъ осязанія. Между тѣмъ, во имя этой идеи, которую поставили внѣ всякихъ внѣшнихъ условій, внѣ предѣловъ дѣйствительнаго міра, эстетическая критика присвоила себѣ право разсматривать литературныя произведенія подѣ вліяніемъ личнаго воззрѣнія, лишенаго всякихъ доказательствъ и основанія. Сегодня она называла Кантемира превосходнымъ сатирикомъ, а завтра—холоднымъ, безжизненнымъ риторомъ; сегодня она превозносила сочиненіе, которое завтра осуждала. По волѣ капризовъ эстетической критики, «Москвитянка» первые семь лѣтъ своего существованія не признавала въ Гоголѣ таланта, называя его основателемъ *пошлаго въ области художества*, а въ послѣдніе восемь лѣтъ возвела его на степень первостепенныхъ гениевъ, оправдывала и хвалила самые его недостатки. *Однимъ словомъ, нѣтъ ни одного парадокса, ни одного противорѣчія, которое бы не допускала въ свою сферу эстетическая критика* » ¹⁾.

Третій. Далѣе я говорю, что эстетическая критика была порожденіемъ гегелевскаго филлстерства:

«Гнилыя опоры, на которыхъ кое-какъ держалась схоластическая школа, окончателно рухнули. Риторика, составленная подѣ вліяніемъ Квинтилиана, въ духѣ стараго ученія, отжила свой послѣдній день, и на развалинахъ ихъ возникли новыя теоріи. Новое ученіе, занесенное къ намъ изъ Германіи съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, проповѣдуя независимость творческаго воображенія и ума, принимало, на правахъ полнаго гражданства, всякое правдное мечтаніе, облеченное въ форму положительнаго знанія. Наступила пора эстетикъ. Въ курсахъ словесности заговорили о высшихъ воззрѣніяхъ ума, объ идеалахъ, объ изящномъ вкусѣ со всѣми его причудами, и русскую литературу со всѣхъ сторонъ обложили туманныя облака, такъ что мы невольно закричали: *Libera nos, Domine, a nebulis germanicae philosophiae* (освободи насъ, Господи, отъ облаковъ нѣмецкой философіи)“ ²⁾.

¹⁾ Отеч. Зап. янв. кн. 1836 г. Взглядъ на Рус. Критику. стр. 15

²⁾ Тамъ же.

Четвертый. Приводя примѣры тому, что модь именемъ эстетической критики можно породить всякую чушь, я писалъ:

«Вообще надобно замѣтить, что въ критическомъ отдѣлѣ «Современника» сплошь и рядомъ встрѣчаются отзывы въ родѣ слѣдующихъ: „Г. Фетъ преимущественно востъ пропадающаго по душѣ ощущенія, и всетагда когда оаъ. ехизиваетъ его, пьеса выходитъ превосходна. (Соврем. 1850 г. т. XX. Библ. стр. 3). Вотъ отзывъ о повести г. Тургенева: „длинное настроеніе автора облакаетъ особенными яркими свѣтотомъ оцѣнку и предметы, направляя и преломляя допояма вся те, чего недостаетъ юмору его. (Соврем. 1854 г. О мысли въ проиэвед. пзаци. словесн.). Въ чемъ состоитъ отличительная черта таланта г. Островскаго и его комедій? «Современникъ» отвѣчаетъ намъ на это такъ: имъ затронута одна струна, которая до сихъ поръ въ области искусства издавала только слабые звуки, а именно—струна навности, ищерепоности, какой-то откровенности въ эгопзмъ.“ (Соврем. 1852 г. Крат. стр. 2) 4).

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно для того, чтобы показать основной взглядъ моей статьи, направленный именно противъ эстетической критики и ея безпардоннаго произвола. Кому угодно прочитать мою статью — разумѣется, не такъ, какъ читаетъ въ книгахъ г. Посторонній сатирикъ,—тотъ увидитъ, что отъ первой и до послѣдней строчки вся моя статья идетъ въ разрѣзъ съ эстетическими воззрѣніями, и я черезъ десять лѣтъ не беру назадъ изъ этихъ убѣжденій ни одного слова. Какъ тогда, такъ и теперь я думаю, что есть два направленія въ хорошемъ критическомъ анализѣ—реальное и историческое, которыя должны сходиться въ высшемъ социальномъ воззрѣніи на всѣ мнѣнія дѣйствительной жизни. Понималъ я это въ то время, разумѣется, не такъ ясно, какъ теперь. Но вѣдь десять лѣтъ жизни не даромъ же проходить въ развитіи отдѣльнаго лица. И такъ какъ эстетическая критика, доведенная до теніальныхъ размѣровъ Бѣлинскимъ въ «Отечеств. Запискахъ», была пустѣйшей трескотней фразъ въ тогдашнемъ «Современникѣ», стоявшемъ неизмѣримо ниже «Отеч. Записокъ», то я и взялъ «Современникъ» предметомъ моего разбора. Затѣмъ я думалъ провести свой взглядъ дальше, разобравъ критическое направление «Библиотеки для чтенія» и «Москвитянина», но мнѣ помнится, что мы не сошлись съ г. Краевскимъ во взглядѣ на дѣятельность Сеньковского, и вторая моя статья осталась ненапечатанною.

1) Отеч. Записки. 1856 г. январь. Взглядъ на Рус. Критику. стр. 30.

Теперь я спрашиваю г. Посторонняго сатирика: какъ же это такъ вышло по его словамъ, что я держался эстетическихъ возрѣній «Отечеств. Записокъ» и въ то же время вооружался противъ эстетики? Какъ я могъ «лаять изъ-за спины г. Дудышкина противъ автора «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности», когда авторъ на падалъ на ту же эстетику? Или, можетъ быть, онъ стоялъ за эстетику и возрождалъ «Современникъ» для такого направленія, которое по смерти Бѣлинскаго, попавъ въ руки различныхъ бездарностей, потеряло всякій кредитъ? Требованія, дѣйствительно, выступали новыя и противоположныя умеравшей эстетической критикѣ, но объ этихъ требованіяхъ *въ то время* можно было выражаться только намеками, во-первыхъ потому, что авторитетъ Бѣлинскаго еще былъ силенъ, а во-вторыхъ потому, что литературѣ только начинали развязывать языкъ. Слѣдовательно, вопросъ долженъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ: кто изъ насъ отстаивалъ эстетику—авторъ «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» или я. Изъ выписокъ, приведенныхъ мною, очевидно, что я былъ противъ эстетики, противъ нея же было и «одно лицо». слѣдовательно, мы сходились въ основной идеѣ; а если мы сходились въ основной идеѣ, то зачѣмъ же было мнѣ «лаять на одно лицо»? Неужели г. Посторонній сатирикъ станетъ и тутъ влиять хвостомъ и перетолковывать фразы. Но теперь факты на лицо, и вамъ надо или пробить стѣну лбомъ, или сознаться, что вы нахальнѣйшимъ образомъ напали на меня. — Да, вы напали, теперь это всякій видитъ; вы скрыли основную мысль моей статьи, выхватили изъ нея нѣсколько фразъ, переврали ихъ по своему и затѣмъ опрокинули на меня цѣлый лексиконъ ругательствъ. Ну, какой же Хлестаковъ рѣшился бы на такую штуку? Вѣдь Хлестаковъ вралъ въ четырехъ стѣнахъ и въ пьяномъ видѣ передъ уѣздной барышней, а вы лжете, конечно, въ трезвомъ видѣ и печатно передъ всѣми подписчиками «Современника». И еще достааетъ у васъ совѣсти поправлять промахи другихъ? Ахъ вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный! И послѣ этого вы собираетесь посадить меня къ себѣ на ладонь и показать публикѣ? но я совѣтовалъ бы вамъ не садиться ни на чью ладонь, а спрятаться куда нибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжныхъ глазъ ни въ редакцію «Современника», ни своимъ знакомымъ,—никому, кто понимаетъ, что значить лгать печатно.—А вамъ, г. Некрасовъ, не стыдно помѣщать такую мерзость на страницахъ вашего журнала? Или вы на все махнули рукой?

Но я еще далеко не расквитался съ моимъ обличителемъ, и по-

тому приступаю въ разбору его второго вывода, сдѣланнаго нмѣ изъ моей статьи.

2) «Возрожденіе нашей литературы», говоритъ мой Хлестаковъ, началось, какъ извѣстно, съ 1855 года. 1855 года «Современникъ» совершенно переродился; фizioномія «Современника» совершенно опредѣлилась и оставалась уже неизмѣнною во все послѣдующее время... Какъ же дѣйствовалъ г. Благовѣстловъ на зарѣ возрожденія нашей литературы, понималъ ли онъ новый духъ и на чью сторону онъ сталъ въ борьбѣ новаго съ старымъ? Какъ и слѣдовало ожидать, г. Благовѣстловъ не понималъ ничего, новый духъ и новая теорія показались ему камикадзею, и онъ сталъ на сторону «Отечест. Записокъ»¹⁾. И такъ, я не понималъ новаго духа, потому что защищалъ эстетику противъ автора «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности», а такъ какъ авторъ возродилъ «Современникъ» съ 1855 года (прошу этотъ годъ помнить), то я, полемизируя противъ него, естественно, стоялъ за старое и отжившее, т. е. былъ обскурантомъ.—Посмотримъ.

Положимъ, что «Современникъ» возродился съ 1855 г.; но развѣ я полемизировалъ противъ «Современника» 1855 г.? Г. Посторонній сатирикъ непремѣнно напираетъ на этотъ годъ, иначе ему не было бы возможности обвинять меня въ обскурантизмѣ и въ полемикѣ противъ возродившагося «Современника». И знаетъ онъ очень хорошо, что лжетъ, но если бы онъ не лгалъ, то ему не было бы повода и писать свою вторую статью противъ меня. А что онъ лжетъ — вотъ этому доказательство арифметической точности. Въ статьѣ своей я прямо оговорился, что разбираю критическую дѣятельность «Современника» за 18 лѣтъ (см. 9 стр. Взглядъ на Русскую Критику), и, какъ видно изъ первой моей выписки, разборъ этотъ начался съ первой книжки «Современника» 1836 года, съ статьи Гоголя. Теперь сосчитаемъ по пальцамъ: 1836 г., 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853; итого 18 лѣтъ. Считайте, г. Посторонній сатирикъ, вмѣстѣ съ мной по пальцамъ и не обманьте хоть арифметику, — вѣдь это не эстетика, а наука самая точная. Ну, пожалуй, въ пользу вашего лгавья, я напущу вамъ еще годъ — 1854-й. Все же выйдетъ въ результатъ, что я говорилъ о «Современникѣ» только до 1855 года, т. е. до его возрожденія. А если старинный и одряхлѣвшій «Современникъ» требовалъ возрожденія, то говорить противъ него было дѣломъ честнымъ, и я очень хорошо поступилъ, что съ своей сторо-

1) Современникъ, январь, 1865 г. Литер. Мелочи. Стр. 378.

ны помочь расстроить его обветшавшее зданіе и возродить новое. То же самое дѣлалъ и авторъ «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности»; зачѣмъ же мнѣ было лаять на него? — посудите вы сами, умная голова. Но вы и тутъ лжете, т. е. вы рѣшительно ни одного слова не можете сказать, чтобы не соврать и не напечатать вашего вранья на 20 или 30 страницахъ. «Современникъ» измѣнилъ свое направленіе (возродился) гораздо позже, потому что еще въ 6 кн. его за 1855 г. онъ относился къ автору «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» весьма генеральственно. Такъ напримѣръ, онъ писалъ въ своей критикѣ: («авторъ Эстетическихъ отношеній»), по нашему мнѣнію, сдѣлалъ очень прискорбную ошибку, не развивъ подробнѣе мысль о правтческомъ значеніи искусства, о его благодѣтельномъ вліяніи на жизнь и образованность.... Онъ оставилъ недосказанными свои мысли и долженъ отвѣчать за такое упущеніе.» И дагѣ: «Мы должны сказать, что авторъ *обнаруживаетъ нѣкоторую способность* (человѣкъ-то, который возродилъ «Современникъ» съ 1855 г., въ томъ же году трагтуется чуть не П. В. Анненковымъ) понимать эти общія начала и нѣкоторое умѣнье прилагать ихъ къ даннымъ вопросамъ.... Надобно что нибудь сказать и о формѣ сочиненія. Мы ею рѣшительно недовольны, потому что она кажется намъ несоотвѣтствующею цѣли автора — возбудить вниманіе къ мыслямъ, на которыхъ онъ стѣрается построить теорію искусства.» («Современникъ» 1855 г., июнь). Ну, сообразите теперь, какимъ образомъ возродившійся «Современникъ» могъ отзываться въ такомъ покровительственномъ тонѣ о виновникѣ своего возрожденія? И почему онъ не напечаталъ на своихъ страницахъ «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности», если только этой диссертациі суждено было возродить и редакцію, и журналъ? Кромѣ того, мнѣ было бы не трудно доказать вамъ безчисленными выписками изъ критическаго отдѣла «Современника», даже за 1856 годъ, что онъ и въ этомъ году еще не думалъ возрождаться. Такъ, въ 1856 году въ немъ дебютировалъ, какъ критикъ, П. В. Анненковъ; посмотрите въ мартовскую книжку и убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Первый же отдѣлъ «Современника» въ этомъ году постоянно уврашался слѣдующими сотрудниками: Фетъ, Майковъ, Грековъ, Полонскій, Дружининъ, Анненковъ, Гербель, Тютчевъ, Гончаровъ и tutti quanti. На первой книжкѣ «Современника» 1857 г., читаемъ даже такую рекламу: «Съ 1857 г. будутъ принимать исключительное и постоянное участіе въ «Современникѣ»: Д. В. Григоровичъ, Л. Н. Островскій, графъ Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ.» Когда я вамъ указалъ на этотъ

фактъ, вы отвѣтили, что они *изманы* изъ «Современника». Какъ ни пріятно долженъ звучать этотъ трактирный терминъ въ ухахъ г. Некрасова, по отношенію къ его старымъ друзьямъ, но дѣло не въ томъ, что *«ибо были изманы»*, а *когда?* До возрожденія «Современника или послѣ? Если послѣ, то мы въ правѣ считать не 1855 г. эпохой возрожденія, а 1858 или 1859. Такъ оно и должно быть. Сколько мнѣ помнится, первая критическая статья автора «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» была напечатана въ послѣдней книжкѣ «Современника» за 1855 г. Статья эта называлась: «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». Какъ бы ни была превосходна эта статья сама по себѣ, но можно ли было молодому сотруднику вдругъ перевернуть направленіе журнала и очистить его аугеевы ясли отъ тѣхъ, кто теперь пасется на зеленыхъ лугахъ «Русскаго Вѣстника»? Нѣтъ, нельзя. Кто знаетъ, какъ нелегка у насъ борьба съ виѣшней обстановкой журнальнаго дѣла, съ окостенѣвшей рутинной нашихъ мнѣній, тотъ пойметъ, что надо употребить много и силъ, и времени, и труда, чтобы стать въ головѣ новаго направленія. Поэтому очищеніе аугеевыхъ яслей происходило постепенно, и возрожденіе «Современника», благодаря общимъ и стройнымъ усиліямъ Добролюбова и автора «Эстетическихъ отношеній», совершилось гораздо позже, чѣмъ вы думаете. Даже похоронить журналъ не легко, и я могу навѣрное сказать, что, напримѣръ, вамъ придется печатать ваши полемическія сплетни, по крайней мѣрѣ, года два, чтобы отбить отъ «Современника» послѣднихъ его читателей и уложить его въ архивъ негоднаго старья. А возродить, разумѣется, еще труднѣе. Такимъ образомъ, «Современникъ» вышелъ на новую дорогу не въ 1855 году, а позднѣе, и статья моя, разбиравшая эстетическое направленіе этого журнала только до 1855 года, никакъ не могла противодѣйствовать его новымъ требованіямъ. Все это вы нагнали во второй разъ, чтобы вывернуться изъ вашего перваго лганья. Такимъ образомъ, вы—лгунъ, помноженный на два.

Нисколько не желая давать факты изъ своей жизни въ руки вамъ и вашимъ прихвостникамъ, я однакожъ упомяну здѣсь, для ясности дѣла, объ одномъ обстоятельстве. Вскорѣ послѣ напечатанія своей статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Взглядъ на русскую критику»), я уѣхалъ за-границу. Тамъ я пробылъ около четырехъ лѣтъ, и во все это время не видѣлъ и трехъ книжекъ русскихъ журналовъ (въ то время они были такою же рѣдкостью, какъ и тульскіе самовары). Поэтому, какъ возрождался «Современникъ» и что вообще дѣлалось въ нашей литературѣ — было

для меня совершенно темной грамотой, а потому мѣшать новому движенію мысли я не имѣлъ физической возможности. Притомъ еще разъ настаиваю, что всѣ мои статьи, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ», были подписаны моимъ именемъ; первая статья такъ: Г. Б—в—въ, а всѣ остальные полнымъ. И если вы уважете мнѣ хотя одну, неподписанную моимъ именемъ, въ этомъ журналѣ, то я возьму назадъ тотъ грязный хвостъ, который, по праву, возвращаю вамъ. Но вы, пожалуй, способны и на то, чтобы отрыть какую нибудь безыменную статью и навазать ее мнѣ или поручить такому герою, какъ г. Ив. Дмитріевъ въ «Будильникѣ», сочинить нарочно для моего обвиненія. Нѣтъ, не дѣлайте этого, а то я жестоко уличу васъ, и вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ подарю вамъ и колпакъ съ ослиными ушами. Затѣмъ я приглашаю каждую хавронью, подобную вамъ, раскопать въ моихъ статьяхъ хоть одну фразу, хоть малѣйшую цитату, изъ которой бы было видно, что я лаялъ на «одно лицо», а вѣдь вы знаете, что «лаять» противъ какого-либо лица и его мнѣній, и никогда не коснуться его имени и убѣжденій—невозможно. Такъ уважьте же хоть одну фразу во всѣхъ моихъ статьяхъ, которая была бы «лаемъ» противъ автора «Эстетическихъ отношеній». Если вы не уважете, то оставайтесь лгуномъ, помноженнымъ *на три*.

Вы рѣшились представлять въ невыгодномъ свѣтѣ даже мое затрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ»; на это я вамъ скажу, что вы поступаете очень неделикатно въ отношеніи одного изъ редакторовъ «Современника», А. Н. Пыпина, который также, и въ то же время, участвовалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». На сколько это унижаетъ его въ вашихъ глазахъ — не знаю, но я считаю г. Пыпина гораздо умнѣе и неизмѣримо добросовѣстнѣе васъ въ его литературной дѣятельности.

Послѣ того, какъ г. Посторонній сатирикъ поддѣлалъ смыслъ моей статьи, сказавъ факты и числа, и на основаніи самой нахальнѣйшей поддѣлки оклеветалъ меня, послѣ всего того, что онъ видѣлываетъ въ своемъ полемическомъ наѣздничествѣ и съ другими лицами, послѣ всей этой небывалой безсовѣстности, я чувствую, что у меня рѣшительно нѣтъ никакой защиты противъ его пошлаго вторженія въ мою частную жизнь, въ мою нелитературную дѣятельность. Если чело­вѣкъ позволяетъ себѣ лгать на печатную статью, которую можетъ всякій прочесть, то чего же нельзя ожидать отъ него въ той сферѣ, гдѣ все основано на простыхъ чело­вѣческихъ отношеніяхъ и гдѣ нельзя уличать лгуна выписками и

цитатами. Въ этомъ отношеніи я даже готовъ назвать г. Посторонняго сатирика очень скромнымъ, потому что онъ съ одинаковымъ апломбомъ могъ бы назвать меня злодѣемъ или подлинной графа Кушелева-Безбородко; если ужъ лгать, такъ лгать, нисколько не стѣсняясь; если сочинять пасквиль, то сочинять ее ужъ такъ, чтобы и высморкаться въ нее было скверно. Поэтому я и не намѣренъ защищаться противъ личныхъ оскорбленій, а укажу только, гдѣ бы могъ получше справиться г. Посторонній сатирикъ относительно моихъ частныхъ поступковъ.

1) Онъ говоритъ, что одинъ изъ редакторовъ «Рус. Слова» называетъ въ глаза г. Благосвѣтлова самыми поносными, но справедливыми именами.—Что это за редакторъ «Рус. Слова?» не укажетъ ли г. Посторонній сатирикъ. Если это тотъ самый господинъ, который въ безобразномъ видѣ явился на обѣдѣ только-что похороненнаго Свириденки и щеголялъ остротами Фокина противъ меня и противъ «Рус. Слова» вообще, то мнѣ остается только прибавить, что этотъ господинъ говоритъ поносныя слова только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему подають салазки изъ какого нибудь журнала, и говоритъ всегда заочно. Впрочемъ, человѣкъ, которому осталось только кувыряться колесомъ вмѣстѣ съ Фокинымъ, можетъ и не сознавать того, что говоритъ поносныя слова въ глаза другому лицу—отвратительно и для собственной физиономіи убыточно. Чтобы поправить это лганье, я приглашаю г. Посторонняго сатирика справиться у людей, знающихъ близко мои бывшія отношенія въ этому остраку, выдуманному буттерброды.

2) Хлестаковъ мой утверждаетъ, что я спалъ, въ графской передней на ливреяхъ. Дѣйствительно, спалъ, и тогда же убѣдился, что гораздо приличнѣе находится въ обществѣ ливрейныхъ лакеевъ, чѣмъ въ таковой компаніи, какъ литературный лгунишка «Современника» и его пріятель, говорящій поносныя слова въ лицо.

3) Г. Посторонній сатирикъ не упустилъ даже случая укорить меня тѣмъ, что я угождалъ графу Кушелеву, чтобы получить отъ него «Русское Слово» въ подарокъ. Журналъ этотъ, какъ извѣстно всякому, былъ принятъ мною послѣ закрытія его на 8 мѣсяцевъ въ 1862 году, и когда графъ Кушелевъ отказался продолжать его. Я съ величайшимъ рискомъ принималъ журналъ, въ которомъ я уже работалъ около двухъ лѣтъ и оставить его не хотѣлъ. Отъ такихъ подарковъ я никогда не отказываюсь. Независимость же этого органа отъ какихъ бы то ни было графскихъ или другихъ вліяній извѣстна даже швейцару Кушелева, а потому я отсылаю г. Посторонняго сатирика за справкой въ этому почтенному старику. Что же до типографіи, то она пріобрѣтена мною на такихъ условіяхъ, на ка-

кихъ я приобрѣлъ бы ее у всякаго посторонняго лица, а за сколько именно—объ этомъ г. Посторонній сатирикъ можетъ узнать у того же швейцара.

4) Обличитель мой отставляетъ меня даже отъ «Рус. Слова» и считаетъ лишнимъ среди его постоянныхъ сотрудниковъ, въ особенностяхъ гг. Писарева и Зайцева. Дай Богъ, чтобы я поскорѣе сдѣлался между ними лишнимъ, и ужь конечно не Хлестаковъ мой оцѣнилъ прежде значеніе этихъ умныхъ и благородныхъ людей, которымъ я только одно и посовѣтовалъ бы: не связываться съ такимъ господиномъ, какъ Посторонній сатирикъ.

5) Г. Посторонній сатирикъ вызываетъ меня на крайнюю грубость, но я охотно обмѣняюсь съ нимъ этой взаимностью. Заштатный юмористъ (см. «Рус. Слово» 1864 г. декабрь) попрекнулъ его бурсацкими трактатами Теодора Безы, а г. Посторонній сатирикъ приписываетъ ихъ мнѣ лично. Вотъ его слова:.. «г. Благосвѣтлову не слѣдуетъ и жаловаться на меня, особенно на мои сплетни, потому что первый изъ насъ сталъ сплетничать—г. Благосвѣтловъ. Во-первыхъ, онъ укорялъ меня, будто бы я когда-то писалъ какія-то разсужденія въ родѣ Теодора Безы, и откуда онъ это узналъ? Во-вторыхъ, онъ укорялъ меня, будто острота бутерброда найдена мною на улицѣ»... (Соврем. 1865 г. февр. Лит. мелочи. Стр. 377.). Извините, мой неподражаемый Вральманъ, я никогда не укорялъ васъ въ этомъ, это говорилъ Заштатный юмористъ; вы можете справиться съ декабрьской кн. «Рус. Слова.» Но если вы рѣшаетесь разоблачать чужіе «инкогнито», то почему же и вамъ не дозволить открыть вашъ собственный. Плата вамъ простою взаимностью, а долженъ объявить, что подъ маской Посторонняго сатирика дебутируетъ г. Антоновичъ, и кромѣ г. Антоновича едва ли кто сталъ бы такъ умно и такъ прилично дебутировать въ «Литературныхъ мелочахъ».—Теперь я кстати могу удовлетворить любопытство и моего пріятеля, спрашивающаго меня изъ Вологды: «скажите мнѣ, пишетъ мой пріятель, кто это такой Посторонній сатирикъ въ «Современникѣ»; вѣдь Щедрина, кажется, тамъ нѣтъ?» Отвѣчаю моему любопытному пріятелю: Щедрина, дѣйствительно нѣтъ, но мѣсто его не осталось вакантнымъ, и его съ честью занялъ г. Антоновичъ.

Въ заключеніе дамъ торжественное обѣщаніе не входить больше ни въ какія объясненія съ г. Антоновичемъ, и чтобы онъ не налагалъ на меня, я надѣюсь сохранить на столько хладнокровія, чтобы не состязаться съ моимъ противникомъ его же орудіями. А другихъ орудій не стоитъ и брать противъ такого врага.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Возрастающее значеніе атлійскаго пролетаріата.—Поглощеніе земледѣльческаго сословія богатой буржуазіей.—Приговоръ невиннаго Пеллиони къ висѣльцѣ.—Бродмуръ—образцовый пріютъ для убійцъ, признанныхъ умопомѣшанными.—Смерть ирландца Тимоти Дели и коифузъ для шилійской благотворительности.—Взаимное отношеніе мистровъ прусскаго и австрійскаго.—Старая мечта Пруссіи—обвагестись военнымъ флотомъ.—Странствующее общество іезуитовъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.—Уничтоженіе смертной казни въ Италиі.—Смерть графа Морни, одного изъ корифеевъ второй имперіи.—Напряженное состояніе парижскаго рабочаго населенія.—Война бразильской имперіи съ маленькой республикой Уругвай.

Незамѣтно, чтобы за послѣдній мѣсяцъ политическое положеніе Европы пзмѣнилось. Правда, что почти вездѣ открылись парламенты, но ихъ пренія пока не отличаются особеннымъ интересомъ; слабѣе важныя дебаты будутъ имѣть мѣсто нѣсколько позже.

Въ Англии предвидятъ близкую агитацію, но ея ждутъ съ большимъ комфортомъ и съ какимъ-то тупымъ спокойствіемъ. Прогрессисты парламента, Кобденъ, Брайтъ, Стэнсфильдъ и другіе пресбуютъ рабочихъ, желая побудить ихъ дѣятельно взять въ свои руки дѣло избирательной реформы. Послѣ успѣха кооперативнаго движенія, политическія партіи заискиваютъ сюза пролетаріевъ; каждая желала бы заручиться исключительно на свою сторону этой таинственной силой, которой, какъ предчувствуютъ, будетъ принадлежать на будущее время преобладающее вліяніе на судьбы страны.

ны. Не говоря уже о радикалахъ, которые являются въ палатѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, уполномоченными отъ пролетаріата, виги и торіи также льстятъ себя надеждой завербовать на свою сторону рабочихъ. Виги рассуждаютъ такимъ образомъ:—«предъ лицомъ наследственной поземельной аристократіи мы—либералы. Спускъ отъ либераловъ къ радикаламъ скользокъ и переходы нечувствительны. Молодъ—радикаль, зрѣлаго возраста—либераль, старъ—консерваторъ. Нашъ лагерь вербуетъ между радикалами, которые почти всѣ вступаютъ въ наши ряды, по мѣрѣ того, какъ молодежь приобретаетъ нѣсколько опытности и обдуманности. Если зерно ихъ партіи третируетъ насъ, какъ враговъ, то, потому, что мы сами пошли на это: мы отказали въ большей части уступокъ, которыхъ они требовали; а если и уступали, то слишкомъ дорогой цѣною; но намъ вѣдь стоитъ теперь лишь немного посбавить цѣну. Самый пустякъ достаточенъ, чтобъ они стали облизываться, а какъ скоро они почувствуютъ во рту сладко;—можно быть увѣреннымъ, что на нѣкоторое время они будутъ спокойны. Относительно ихъ, за нами всѣ преимущества положенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы—аристократы относительно этихъ ремесленниковъ и мелкихъ буржуа; малѣйшая предупредительность съ нашей стороны безмолвенно льститъ имъ, и потому намъ стоитъ только сдѣлать на встрѣчу имъ одинъ шагъ, для того, чтобы они сдѣлали на встрѣчу намъ три или четыре. Но для насъ вовсе нѣтъ надобности, чтобъ они приблизились къ намъ очень близко и слѣдовали за нами по пятамъ. Не болѣе же того мы нуждаемся и въ томъ, чтобъ они явились въ большомъ числѣ и мѣшали свободѣ нашихъ движеній. Отчего же,—время отъ времени, милости просимъ къ намъ; пожалуй даже,—особенно во время выборовъ,—мы снизойдемъ до приглашенія наиболѣе вліятельныхъ и почтенныхъ лицъ ихъ партіи, но мы не предполагаемъ, чтобъ они пожаловали къ намъ, не позаботившись доложить о себѣ чрезъ лакея. Что мы останемся всегда властелинами положенія—понятно, потому что мы занимаемъ высшія мѣста въ сферахъ индустріи, а эта мелюзга—наши работники; слѣдовательно, они въ нашихъ рукахъ!»

— «Это-то именно и вредитъ вамъ, отвѣчаютъ торіи; на это мы и рассчитываемъ, чтобъ привлечь пролетаріевъ къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, заручиться ихъ нейтралитетомъ, который будетъ совершенно равносильнъ союзу, потому что въ то время, какъ мы станемъ наносить вамъ удары, они, съ своей стороны, будутъ вести подъ васъ подкопы. Вы ихъ хозяева, слѣдовательно ихъ враги. Въ

качествѣ большихъ поземельныхъ собственниковъ, для насъ вовсе не-непріятно, если нашихъ соперниковъ, большихъ промышленниковъ будутъ тѣснить мелкіе промышленники: поле останется свободнымъ за нами. Мы не хотимъ одного, чтобъ эта мелюзга сдѣлалась черзчуръ сильной и приобрѣла заносчивость, которую сообщаетъ власть. Мы вполне согласны имѣть въ рабочемъ классѣ помощниковъ, но никакъ не властителей.»

Особенность всѣхъ политическихъ положеній и состоитъ въ томъ, что каждая партія до извѣстной степени права. Виги не вполне неправы въ своихъ расчетахъ, точно такъ же, какъ не вполне обманываютъ себя и тори. Всего же вѣроятнѣе, что со временемъ новое поколѣніе рабочихъ будетъ пересвѣнивать побѣду на сторону тори противъ виговъ, и на сторону виговъ противъ тори, и тѣмъ самымъ повредить имъ обѣимъ. То, что классъ пролетаріевъ выиграетъ въ образованіи, развитіи и благосостояніи, онъ раздѣлитъ съ господствующими классами, которые будутъ въ барышахъ отъ того гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ; но все, что пролетаріатъ выиграетъ въ политическомъ вліяніи, будетъ потеряно для господствующихъ классовъ. — Въ политическомъ отношеніи промышленная революція, которая совершается теперь въ Англіи чрезъ вліяніе кооперативнаго движенія, имѣетъ роковое значеніе для преобладанія высшей британской буржуазіи; но не менѣе разрушительно отзовется она и на автократизмъ большихъ поземельныхъ магнатовъ. До сихъ поръ еще вопросъ о поземельной собственности не былъ серьезно затронутъ, и со времени Уилльяма Коббета никто еще не задавалъ себѣ вопроса: какимъ образомъ случилось, что англійская нація была, въ извѣстномъ смыслѣ, утрачена отъ обладанія Англіей, и что тридцать милліоновъ чело-вѣкъ очутилось постояльцами у тридцати тысячъ чело-вѣкъ? Однако же, время отъ времени въ Англіи раздаются крики: Free trade in land! («Дайте торговую подвижность поземельной собственности!») Начинаютъ озабочиваться непрерывнымъ уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія, — фактъ, о которомъ послѣднія статистическія данныя весьма краснорѣчивы, но который въ то же время не слышномъ-то любятъ выставять въ надлежащемъ свѣтѣ. Утверждаютъ, что фабричныя заработки увеличились — смотря по провинціямъ и по роду занятій, — въ пропорціи 1 къ 8, между тѣмъ, какъ заработки земледѣльцевъ едва ли возвысились среднимъ числомъ на одну треть или на половину. Можно даже сказать — и нѣкоторые политики упираютъ на это, — что еслибъ не крайняя бѣдность крестъ-

лства Англии, то она не нашла бы вовсе людей для комплектования своей армии... «Развѣ солдатъ дѣлаютъ только изъ бѣдныхъ?» спросилъ когда-то у отца знакомый мнѣ ребенокъ. — «Да, мой другъ, изъ бѣдныхъ же дѣлаютъ и приходскихъ священниковъ!» Этотъ отвѣтъ былъ одинаково вѣренъ и для Англии, гдѣ жалуются на возрастающую бѣдность въ лицахъ духовнаго званія, какова бы ни была тому причина:—прогрессъ ли въ образованіи и общественномъ богатствѣ, какъ говорятъ одни, прогрессъ ли въ нечестіи, какъ утверждаютъ другіе.—Великобританскій крестьянинъ, неприерѣпляемый къ почвѣ всемогущей силой собственности, эмигрируетъ или шлетъ своихъ дѣтей на фабрику. По мѣрѣ того, какъ образовывались, такимъ образомъ, просвѣты въ земледѣльческомъ населеніи, собственникъ замѣнялъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растений и даже обработку земли въ собственномъ смыслѣ—разведеніемъ скота; и бараны мало по малу занимали мѣсто человѣка. Дѣло немаловажное, если только справедливо вычисленіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что для того, чтобъ доставить человѣку то же количество и въ той же химической пропорціи питательныхъ ингредиентов въ различномъ мясѣ и хлѣбѣ, необходимо въ одиннадцать разъ болѣе почвы для производства животной пищи посредствомъ преобразованія травы въ мясо, чѣмъ посредствомъ прямого производства растительной пищи.—Соображеніе это, однакожъ, не такъ тревожно, пока обширныя равнины Россіи не перестанутъ производить громадное количество хлѣба, а южно-американскіе *намасы* и австралійскіе *буши* не перестанутъ доставлять массы говядины, три четверти которой пропадетъ даромъ.

Пустоты, обнаруживающіяся день ото дня въ земледѣльческомъ населеніи, пока еще восполняются все болѣе и болѣе усовершенствованными машинами, замѣняющими ручной трудъ человѣка. Благодаря этимъ машинамъ и вообще системѣ большого хозяйства, англійскіе агрономы хвастаются умѣньемъ производить на англійскомъ гектарѣ жатву вдвое больше той, которую даетъ французскій гектаръ, и все это съ меньшимъ на половину человѣческимъ трудомъ. Результатъ громадный; понятно также, что почва Великобританіи не можетъ же постоянно безлюдѣть и безлюдѣть. Не менѣе понятно и то, что съ постояннымъ возрастаніемъ промышленныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ, земледѣлецъ одинъ не можетъ же быть исключенъ отъ всеобщаго возвышенія

заработной платы и умноженія благосостоянія.— Кое-гдѣ раздаются такіе голоса:

«Мало комичнаго, говорить г. Уильямъ Гаргрэвъ, и весьма много трагичнаго представляетъ намъ рожденіе, жизнь и смерть англійскаго земледѣльца... Тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ заработать болѣе трехъ рублей въ недѣлю, совершенно бесполезно рекомендовать посылать своихъ дѣтей въ школу. Однакоже бесполезно рекомендовать жонамъ этихъ самыхъ лицъ сдѣлать внутренность своихъ жилищъ чистой и привлекательной».

Гаргрэвъ прибавляетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что негръ въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ освобожденъ ранѣе нашихъ крестьянъ; русскій крестьянинъ, вчера еще бывший узаконеннымъ рабочимъ, будетъ, по всей вѣроятности, независимымъ, воспитаннымъ и жить въ свое удовольствіе прежде обитателей нашихъ деревень.»—Профессоръ Фосеттъ сѣтуетъ подобнымъ же образомъ: «Я основательно знаю наше сельское населеніе. Неоспоримо, что существующіе заработки совершенно недостаточны, чтобы доставить работникамъ вещи первѣйшей необходимости для существованія и дать имъ возможность посылать своихъ дѣтей въ школу. Послѣ жизни всевозможныхъ лишеній, истощившихъ наконецъ организмъ, работникъ, съ потерей силъ, а вмѣстѣ съ ними и работы, попадаетъ на пересылку изъ одной богадѣльни (workhouse) въ другую для того, чтобы нищимъ онъ провянулъ руку къ общественной благотворительности.» Говоря открыто, за исключеніемъ Ирландіи, нѣтъ, кажется, страны въ мірѣ, въ которой бы положеніе крестьянина, т. е. человѣка, который долженъ бы быть гражданиномъ по преимуществу, было бы болѣе несчастно, какъ въ Англіи.

Будемъ надѣяться, что работникъ большихъ городовъ, политическое и социальное положеніе котораго улучшается день ото дня, сдумаетъ употребить свое возрастающее вліяніе въ пользу своего обездоленнаго деревенскаго брата! Если онъ не хочетъ образовать въ свою очередь, касту болѣе эгоистичную, чѣмъ тѣ, ослабленія которыхъ онъ требуетъ, то пусть вспомнить, что есть люди несчастіе его!

Внѣ политики, умы въ Англіи снова заняты вопросомъ о смертной казни по поводу новой судебной ошибки.

Это случилось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ. Нѣсколько итальянцевъ, по большей части матросовъ, собрались въ одной изъ лондонскихъ тавернъ. Завязался споръ, въ которомъ дѣло дошло до крупной брани, и Грегорио Монья, полупьяный, далъ пощочину содержателю кабака. Этотъ тотчасъ же сталъ звать къ себѣ на помощь англичанъ, бывшихъ въ задней комнатѣ; они прибѣжали, захвативъ палки, которыми ихъ снабдили половые заведенія. Англичанинъ не отличается рыцарствомъ и вообще избыткомъ великодушія: когда онъ хватилъ черезъ край, да при этомъ въ рукахъ палка, а у противника нѣтъ ея, онъ, не колеблясь, начинаетъ бить. Такъ и на этотъ разъ. Удары посыпались на итальянцевъ градомъ. Многіе изъ нихъ попадали, въ томъ числѣ Джіованни Монья, братъ зачищника ссоры, Грегорио. У Джіованни все лицо было въ крови, онъ лежалъ недвижимъ, а одинъ англичанинъ желалъ доковать его. У Грегорио былъ ножъ; онъ обнажилъ его и, опустивъ голову, бросился на нападающихъ, и тронхъ или четверыхъ изъ нихъ тяжело ранилъ. Одинъ же англичанинъ палъ мертвымъ рядомъ съ Джіованни.

Все это произошло въ одно мгновеніе, въ плохо освѣщенной комнатѣ, среди облаковъ табачнаго дыма, винныхъ паровъ и слѣпого остервенѣнія свалки пьяныхъ. Когда тишина мало по малу возстановилась, на тѣлѣ умирающаго англичанина нашли одного итальянца, который споткнулся и упалъ. У этого итальянца, Пеллицони, двоюроднаго брата Грегорио и Джіованни, на рукахъ и на лицѣ была кровь, и когда его осмотрѣли, то нашли въ его карманѣ ножъ, который, правда, не былъ окровавленъ, но на эту важную подробность не обратили надлежащаго вниманія. Въ предсмертной боѣ умирающій сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, когда его спросили, не Пеллицони ли его убійца;—*хозяинъ* таверны также въ томъ клялся, вмѣстѣ съ шестью англичанами, участвовавшими въ свалкѣ. Напрасно Пеллицони заявлялъ свою невинность, напрасно другіе итальянцы, очевидные свидѣтели, сообщали противорѣчащія подробности, — судья, знаменитый баронъ Мартинъ, имѣющій спеціальностью смертные приговоры, объявилъ, что «никогда еще въ жизни онъ не былъ такъ глубоко убѣжденъ въ виновности чело-вѣка», и Пеллицони былъ осужденъ на висѣлицу.

Но что сталося съ Грегорио?—Когда онъ нанесъ смертельный ударъ, то, охваченный ужасомъ, тотчасъ же бѣжалъ изъ таверны, бросилъ роковой ножъ и провелъ ночь у одного друга; на другой

же день удался въ Бирмингамъ, гдѣ постарался, какъ говорятъ, кануть въ воду.

Приговоръ надъ Пеллицони, котораго считали невиннымъ, взволновалъ всю итальянскую колонію. Нѣкто г. Негретти, весьма извѣстный негоціантъ, узнаеть, куда скрылся Грегорио. Онъ ѣдетъ съ Бирмингамъ, открываетъ Грегорио въ мастерской одного плотника, идетъ прямо къ нему.—«А знаешь ли, что твой двоюродный братъ будетъ повѣшенъ? — Нѣтъ! — Такъ знай же, что это такъ! Нѣтъ ли какого нибудь средства спасти его? — Одно, говоритъ Грегорио, взявъ свою шляпу: я слѣдую за вами; мой двоюродный братъ не будетъ повѣшенъ за меня.»—Не теряя ни минуты, они отправились по желѣзной дорогѣ и, какъ только прибыли въ Лондонъ, Грегорио объявилъ себя убійцей англичанина.

Его принуждены были судить и осудить. Состоялся приговоръ, которымъ онъ подвергнутъ пятилѣтней каторжной работѣ.

Вы полагаете, что появленіе Грегорио немедленно же повело къ освобожденію Пеллицони? Вовсе нѣтъ. Пеллицони оставался по прежнему подъ тяжестью смертнаго приговора. Судья, баронъ Мартинъ, ограничился тѣмъ, что заявилъ, что случай дѣйствительно странный. Лордъ Джоржъ Грей не успѣлъ еще познакомиться съ дѣломъ. *Times*, который недавно еще предлагалъ было послать весь англійскій флотъ съ заряженными орудіями, чтобъ раздѣлаться, въ случаѣ нужды хоть силой, съ нѣмцемъ Мюллеромъ, предполагаемымъ убійцей Мистера Бриггса, — *Times* на этотъ разъ отнесся къ Пеллицони съ беззаботностью и пренебреженіемъ. Для *Times'a*, точно такъ же, какъ и для каждаго истаго англичанина, *foreigner* (иностранецъ) представляется презрѣнной личностью, невинность которой—взоръ; преступленіе же, если оно было совершено противъ священнаго существа, называемаго *британцемъ*,—непростительно. Припомните процессы Мюллера, грековъ, пяти малайцевъ:—всѣ они были повѣшены, не понимая ни одного слова изъ того, о чемъ шла рѣчь,—и юридическое убійство Бартелеми.

Однако же, либеральная пресса встревожилась наконецъ этимъ дѣломъ, правительство соблаговолило даровать отсрочку для пересмотра процесса вновь. Чтобы осудить Грегорио, который обвинилъ самъ себя, судъ не колебался, но чтобъ освободить Пеллицони отъ веревки—сколько медленности, сколько колебаній!

Тѣмъ не менѣе, уничтоженіе смертной казни съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ голосовъ въ Англии. Весьма часто англійскій судъ присяжныхъ произноситъ по уголовнымъ

дѣлаемъ такой приговоръ: «Справдамъ по причинѣ помѣшательства». Затрудненіе въ томъ, чтобъ умѣть отличить нравственную испорченность отъ помѣшательства, когда испорченность чаще всего и есть помѣшательство, и когда самые компетентные психіатры объявляютъ, что положительно нѣтъ никакой возможности опредѣлить помѣшательство и сказать, чѣмъ отличаются нѣкоторые сумасшедшіе отъ нѣкоторыхъ лицъ, почитаемыхъ за здравомыслящихъ и *vice versa*. Возраженіе это, дѣлаемое обыкновенно въ пользу эшафота, намъ представляется, напротивъ, однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ за его отмену. Если нѣтъ возможности установить раздѣльную черту между убійцей и помѣшаннымъ, и если для насъ безусловно возмутительно повѣсить или гильотинировать сумасшедшаго человѣка—что было бы нравственной чудовищностью, — рѣшиться ни вѣшать, ни гильотинировать ни много. Англійскіе присяжные формулируютъ такимъ образомъ свой приговоръ, англійскій же судья неизмѣнно провозноситъ въ такомъ случаѣ: заточеніе на время, какое благоугодно будетъ ея величеству. Но многочисленные опыты доказали, что у помѣшаннаго, подверженнаго мономаніи смертоубійства, послѣ леченія и заявленія врачей о его совершенномъ выздоровленіи, обнаруживались страдные возвраты припадковъ болѣзни.

Три года тому назадъ, устроили специальное заведеніе, въ которое принимаютъ убійцъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они совершили преступленіе въ такомъ умственномъ состояніи, которое дѣлало ихъ безответственными за самихъ себя. У лондонскихъ воротъ, на великолѣпномъ мѣстоположеніи, построили образцовый пріютъ Бродмуръ (Broadmoor).

Жизнь пансіонеровъ этого заведенія стараются сдѣлать возможно сноснѣе и пріятнѣе, но эта благосклонность не переходитъ за ворота пріюта, обитатели котораго сторожимы съ такой же заботливостью, какъ въ государственной тюрьмѣ. Какъ скоро узникъ переступилъ порогъ пріюта, — онъ умеръ для міра, точно палачъ задушилъ его въ Ньюгетѣ. Ворота пріюта не отворяются никогда, чтобъ возвратитъ міру живого ли, мертваго ли узника; въ одномъ углу заведенія устроено особое кладбище. Въ Бродмурѣ живутъ уже 400 убійцъ и 50—60 женщинъ, уличенныхъ въ отравленіи или убійствѣ. Едва ли мы не останемся ниже истины, если положимъ 1000 человѣкъ на число ихъ жертвъ. Современная знаменитость между этими пансіонерами—капитанъ Джэксонъ, погубившій самымъ хладнокровнымъ образомъ въ одинъ день цѣлый экипажъ своего корабля *Гочу*. —

Эти несчастные имѣютъ хорошія помѣщенія, столы и большія мѣста для прогулки. Они могутъ курить, принимать посѣтителей, писать, къ кому заблагорассудится. Мужчины занимаются садоводствомъ, а женщины руководѣлемъ, многіе скопляютъ малую толику денегъ, которой располагаютъ по своему произволу, но трудъ никѣмъ образомъ необязателенъ.

«Чрезвычайно интересно видѣть, — рассказываетъ одинъ очевидецъ, — какъ эти люди, герои какой нибудь кровавой драмы, гуляютъ, разговариваютъ, играютъ въ разные игры; иногда тридцать убійцъ играютъ вмѣстѣ партію въ мячъ или въ барры. — Въ регистрахъ учрежденія встрѣчаются такія замѣчанія:

«Д. М. убилъ свою жену и дѣтей, — тихъ и совершенно безопасенъ.

«Д. Т. убилъ свою жену, сестру и ребенка, — послушенъ, тихъ и безопасенъ.

Правда, что не всѣ узники такого короткаго обхожденія, и при заведеніи существуетъ особое отдѣленіе, въ которомъ заключаютъ наиболѣе опасныя личности. Отъ ихъ ружья тщательнѣе устраниваютъ доступъ всего, что могло бы послужить оружіемъ, и даже просѣиваютъ землю на ихъ особомъ дворѣ, чтобы они не могли найти въ ней камней.»

Эти подробности показались намъ особенно интересны въ тотъ моментъ, когда уничтоженіе смертной казни составляетъ предметъ дѣятельнаго изслѣдованія во многихъ странахъ Европы. Теоретически, намъ кажется, вопросъ давно уже разрѣшенъ, и представляетъ лишь теперь одни практическія затрудненія. Въ Бродмурѣ сдѣланъ былъ первый шагъ въ реформѣ. Остается идѣмъ второй.

— — — — —

Одинъ бѣдный ирландецъ, Тимоти Дэли, имѣлъ посмертную славу привлечь на минуту общественное вниманіе на свою печальную участь. Онъ буквально умиралъ съ голоду. Кончили тѣмъ, что перенесли его въ одинъ изъ лондонскихъ рабочихъ домовъ (work-house), въ которомъ онъ былъ такъ дурно пользуетъ, что предпочелъ отправиться умереть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

«Да вѣрно ли, что Тимоти Дели умеръ? спрашиваетъ Daily News,— мы видѣли его до сихъ поръ живымъ; но рапортъ инспектора М-ра Ферналя внушилъ намъ нѣкоторое сомнѣнiе на счетъ дѣйствительности факта. Принявъ заключенiя этого почтеннаго чиновника, мы не можемъ представить себѣ, чтобъ Дели могъ умереть отъ язвы, какъ предполагали. Даже допустивъ, что смерть дѣйствительно имѣла мѣсто, мы обязаны, все же основываясь на изслѣдованiяхъ г. Ферналя, придти къ тому заключенiю, что эта смерть есть только новое доказательство ирландской испорченности и фантазерства.— Дѣли былъ кельтъ и пожертвовалъ собою чисто по зложелательству, единственно, чтобъ подтрунить надъ саксонскими учрежденiями.— Конечно, г. Ферналь не можетъ извинить этому негодяю, которому все было дано, чтобы остаться живымъ: онъ пользовался попеченiемъ администраторовъ, превосходной организацiей учрежденiя, ученостью медиковъ, деликатной заботливостью больничныхъ служителей и служительницъ, а въ особенности—предусмотрительностью закона о бѣдныхъ, и, не смотря на всѣ эти благодѣянiя, захотѣлъ умереть, и умереть нарочно для того, чтобы подсмѣяться надъ образцовой англiйской филантропiей. Но нашелся другой органъ, болѣе искреннiй въ оцѣнкѣ этой знаменитой филантропiи, и высказался прямо:

«Утѣшайтесь вашей благотворительностью, сколько угодно, но убѣдитесь же наконецъ, что она есть одно изъ величайшихъ социальныхъ золъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали плодить ваши филантропическiя учрежденiя и предаваться публичному лицемерiю въ дѣлѣ гуманности, число вашихъ тюремъ увеличилось, массы нищихъ не убавились и вы не можете утверждать, чтобы ваша филантропiя залечила хоть одну какую нибудь общественную язву; но вамъ пора сознаться, что благотворительность ваша давно мѣшаетъ смотрѣть на дѣло прямо, и вмѣсто спасительныхъ операцiй предлагаетъ разныя припарки, и тѣмъ отдаляетъ на долгiя времена рѣшительныя мѣры для уничтоженiя такихъ фактовъ, какъ смерть Тимоти Дели.»

Для лучшей оцѣнки нейтралитета англчанъ въ междуособной войнѣ унiонистовъ и рабовладѣльцевъ, замѣтимъ, что изъ официальной

и ихъ донесеній, принадлежащихъ правительству конфедератовъ оказывается, что такъ называемыя курьерами чрезъ блокаду, (Blockade runners) выгружено въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ, съ 26 октября прошлаго до первыхъ чиселъ января настоящаго года, около 75,000 килограммовъ свинца, 1,000,000 вил. селитры, 69,000 карабиновъ, 43 пушки, 646,000 паръ башмаковъ, 316,000 суконныхъ паръ, 4,300,000 килограммовъ говядины, не говоря о кофе, аптекарскихъ матеріалахъ и пр.

Ради любопытства замѣтимъ, что возбужденъ вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги между Жюппъ (Joppé) и Іерусалимомъ; образуется одна англійская компанія, съ цѣлю основанія фабрики для извлеченія бромистыхъ соединеній изъ водъ Мертваго моря.

Не все неприятно въ извѣстіяхъ, получаемыхъ изъ Германіи. Мы узнаемъ, напр., что тамъ кое-гдѣ обнаруживаются протесты противъ смертной казни. Вюртембергская палата представителей вотировала уничтоженіе этой казни, что представляется тѣмъ рѣшительнѣе, что новый король самъ, какъ говорятъ, разделяетъ мнѣніе большинства представителей. Веймарскій Ландтагъ, въ свою очередь, послѣдовалъ примѣру Штутгарта, и въ засѣданіи 18 февраля высказался за уничтоженіе смертной казни.

Впрочемъ, вотъ и все утѣшительное для Германіи, что мы могли узнать за прошлый мѣсяць.

Что до остальнаго, то это продолженіе старой, скучной исторіи. Все по прежнему: Бисмаркъ и Менсдорфъ, Бейстъ и Шфордтегъ, National Verein и Reform Verein—дальше ни съ мѣста. Es ist zum Erbarmen! Въ молодые годы мы были энтузиастами Germania Mater. Это было прекрасное время горячей любви, страстныхъ нападокъ, горькихъ упрековъ. Нами овладѣвалъ счастливый гнѣвъ, что Германія мѣшкала на пути прогресса, что она трюхала по старымъ, избитымъ колеямъ и вязла по уши въ феодальной грязи. Но теперь она утомилась терпѣніемъ, какъ и нашу нетерпѣливостъ; она обезоружила нашу прежнюю яростъ неизлечимой скукой, хроническимъ пзнуреніемъ. При новыхъ шалостяхъ, у насъ, по крайней мѣрѣ, достанетъ силы покачать плечами, пробормотавъ: «Meinetwegen! Геніальныя штуки

Бисмарка имѣютъ болѣе шансовъ разсѣять насъ, чѣмъ невозмутимая флегма и лимфатичная честность депутатовъ прусской оппозиціи.

Въ Берлинѣ, какъ и въ Вѣнѣ, въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, обѣ стороны стоятъ въ самомъ ложномъ ихъ положеніи. Съ одной стороны упорство, съ другой—необыкновенная вялость. На сторонѣ правительства армія, администрація и крестьянство. На другой сторонѣ буржуазія, могущественная и вліятельная буржуазія.

Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, министерство и палата играютъ въ шахматы. Но между этими двумя странами та разница, что въ либеральной Пруссіи нападаютъ на парламентаризмъ, который защищается съ упорной пассивностью; между тѣмъ, какъ въ Австріи парламентаризмъ нападаетъ на министерство, которое обороняется также съ упорной пассивностью. Здѣсь Бисмаркъ въ наступательномъ положеніи, тамъ Пленеръ въ оборонительномъ.

Но если гг. Пленеръ, Менсдорфъ и Шмерлингъ играютъ печальную роль предъ ихъ палатой, тогда какъ г. Бисмаркъ разыгрываетъ свою съ депутатами въ такомъ развязномъ тонѣ, то это потому, что у него есть деньги, а у австрійскихъ министровъ ихъ нѣтъ. Изъ этого контраста выходитъ такое поученіе, что политическій успѣхъ для того, чтобъ быть полнымъ, долженъ имѣть полные карманы. Въ средніе вѣка общины основались, благодаря стѣпеннымъ обстоятельствамъ королей, принцевъ и сенберовъ, которые продавали простолюдинамъ права, вольности и привилегіи. Въ настоящее время, конституціонализмъ ничего болѣе не требуетъ, какъ только устроиться подобнымъ же образомъ, и весьма вѣроятно, что австрійцы съ восхищеніемъ согласились бы уплатить весь громадный дефицитъ въ бюджетъ, съ условіемъ назначать этотъ послѣдній на будущее время уже самимъ, на томъ простомъ основаніи, что слѣдуетъ протягивать ножки по одежкѣ.—Этой-то простой истины и не хочетъ понять г. Пленеръ, но какъ и всѣ его предшественники считаетъ себя весьма искуснымъ финансистомъ, потому что ежегодно успѣваетъ истратить сотнягу милліоновъ сверхъ того, что собралъ въ шкатулку. Этотъ министръ финансовъ не переставалъ считать себя гениальнымъ, представляя вѣнскому рейхсрату временный бюджетъ 1866 г., весь дефицитъ котораго составлялъ какихъ нибудь шестьдесятъ милліоновъ,—не болѣе; онъ ожидалъ, что такое обѣщаніе улучшенія сдѣлаетъ депутатовъ податливѣе на дефицитъ, который онъ предполагаетъ реализовать въ 1865 г. Но депутаты, напротивъ, оказались весьма скупыми, и

вотъ цѣлый уже мѣсяць, какъ въ австрійскомъ рейхсратѣ только и рѣчи о томъ, нельзя ли сберечь нѣсколько милліоновъ вотъ здѣсь, нѣсколько милліоновъ тамъ, урѣзать нѣсколько милліоновъ отъ арміи, да другихъ нѣсколько милліонсвъ отъ флота, да третьихъ нѣсколько милліоновъ отъ полиціи. Пленеръ защищается по мѣрѣ силъ, но депутаты стоятъ на своемъ и не хотятъ понимать, что уменьшить бюджетъ арміи, значитъ уменьшить самую армію, а уменьшеніе арміи равносильно оставленію Венгріи, всегда нерасположенной, всегда враждебной.

Мы не говорили довольно долго уже о Венгріи. Если извѣстно, что она пережила два года сряду страшнаго голода, то остается лишь засвидѣтельствовать, что какою она была десять лѣтъ тому назадъ, тою же остается и теперь въ политическомъ отношеніи, и что всѣ попытки къ примиренію съ Австріей рушились самымъ несчастнымъ образомъ. Въ доказательство приведемъ лишь недавнее осужденіе военно-уголовнымъ судомъ девяти лицъ изъ венгерскаго дворянства и высшей буржуазіи, закованныхъ въ цѣпи на пять-шесть лѣтъ. Процессъ, воздвигнутый на нихъ правительствомъ, былъ тенденціозный процессъ, и основывался, какъ говоритъ обвиненіе, на «совокупности доводовъ»,—что публика, естественно, перевела на «отсутствіе всякаго довода.» Венгерцы единодушно положили не праздновать дней карнавала и наложили всеобщій трауръ. Кромѣ того чтобы пособить самымъ настоятельнымъ финансовымъ нуждамъ, г. Ротшильдъ и др. хотѣли было выдать впередъ одиннадцать милліоновъ флориновъ, составляющихъ недоимку государственнаго долга, которому настала срочъ платежа. Но имъ обѣщали продать по низкой цѣнѣ коронныя имущества, начавъ съ имуществъ венгерскаго короля. Въ Вѣнѣ, Франкфуртѣ, Берлинѣ и даже въ Парижѣ и Амстердамѣ составляются собранія банкирскихъ синдиковъ для покупки этихъ имуществъ по самой дешевой цѣнѣ, и затѣмъ, конечно, для перепродажи ихъ по возможно-дорогой цѣнѣ. Замѣтимъ кстати, что испанская королева, въ виду бѣдственнаго состоянія государственныхъ финансовъ, принуждена также прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ.

Приобрѣтя смѣлость отъ самой борьбы, оппозиція почувствовала себя достаточно сильной, чтобъ напасть на министерство по поводу осаднаго положенія, объявленнаго въ Галиціи. Палата заявила, что это осадное положеніе было незаконно и не могло быть рѣшено, какъ чрезъ посредство закона, въ котромъ участвовали бы народные представители. Г. Шмерлингъ, поставленный такимъ аргумен-

томъ въ ту минуту, совпался, что дѣйствительно въ конституціи можетъ быть пробытъ на этотъ счетъ, но чтобы изъяснить разомъ съ преніями, австрійскій государственный министръ объявилъ, что императорскимъ декретомъ отъ 6 марта осадное положеніе въ Галиціи окончательно снимается 18 будущаго апрѣля—промежутокъ, достаточный, чтобы нанести нѣсколько послѣднихъ ударовъ. Еще разъ министерство должно распорядитъ всѣми силами и, въ числѣ прочаго, силой денегъ.—Да съблаговолитъ ихъ превосходительства, австрійскіе министры, принять ихъ къ свѣдѣнію. Имъ необходимо, во чтобы то ни стало, наполнить свои пустыя кассы. Къ нимъ прямо относятся слова честнаго Яго когда онъ давалъ этотъ достопамятный «Набей твой кошель, я не скажу тебѣ болѣе ничего».

У Бисмарка есть пока кое-какія деньги. Вотъ почему онъ и позволяетъ себѣ принимать надменные тоны съ нахмуренными депутатами, которымъ ничего болѣе и не нужно, какъ выставить обвиненіе противъ него... еслибъ только они смѣли. Отсюда г. Бисмаркъ долженъ былъ понять, что такъ какъ онъ обладаетъ рѣдкимъ счастьемъ имѣть деньги, то долженъ беречь ихъ, а не кидать въ Балтійское море подъ предлогомъ прусскаго флота. Корабль, корабли—это самая дорогая, самая хрупкая изъ государственныхъ игрушекъ. Вотъ, напр. издержавная и не вѣсть сколько сотенъ милліоновъ на броненосный флотъ, Англія приняла-таки наконецъ къ грустному открытію, что ни одинъ изъ этихъ кораблей—такъ-таки *tu odium*,—не имѣетъ другой цѣнности, какъ только ту, какую имѣетъ старый лѣсъ и старое желѣзо. Она купила слишкомъ дорогой цѣною стыдъ колоссальной неудачи.

Скоро прусскимъ палатамъ будетъ представленъ планъ, принятый прусскимъ правительствомъ для расширенія своихъ морскихъ силъ. Десять большихъ броненосныхъ фрегатозъ, столько же малыхъ блиндированныхъ кораблей, большихъ корветозъ и плоскодонныхъ корветозъ, которые назначаются для установленія станцій въ отдаленныхъ водахъ въ Китаѣ, Японіи и Кохинхинѣ,—вотъ начало большого морского бюджета. По первоначальнымъ смѣтамъ, флотъ этотъ будетъ стоить не менѣе 30 милліоновъ талеровъ (около 28 милліон. руб. сер.), которые или разложатъ на нѣсколько финансовыхъ балансовъ, или же добудутъ однимъ займомъ.—Но это не все, дѣло идетъ и о томъ, чтобы присвоить себѣ также военные порты въ Скандинавскомъ и Балтійскомъ моряхъ: кто думаетъ о корабляхъ, долженъ думать и о портахъ—это очевидно. Киль предназначаютъ

въ соперники съ Кронштадтомъ, а портъ Яде (Jahde) съ Портсмутомъ. Пограничная съ обѣими морями, Пруссія намѣрена расположиться въ нихъ *en maître*, посредствомъ военныхъ позицій, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пролива Альзенъ,—основанія военныхъ портовъ на обѣихъ оконечностяхъ будущаго канала чрезъ Голштинскій перешеекъ; и для своего будущаго флота она требуетъ уже безусловнаго права производить въ герцогствахъ вербовки, размѣры которыхъ не будутъ имѣть другихъ границъ, кромѣ приличія. Прусскій нептунъ считаетъ себя уже богомъ второго порядка. Онъ былъ согласенъ до сихъ поръ занимать мѣсто послѣ англійскаго и французскаго нептунуовъ, но желаетъ первенствовать надъ австрійскимъ нептунуомъ и быть равнымъ, по крайней мѣрѣ, русскому нептуну. Первымъ подвигомъ будущаго флота будетъ отомстить пиратамъ Гиффа, осмѣлившимся побить большой адмиральскій прусскій корабль, Адальбертъ, и дойти до такой наглости, что пронизать крупной дробью его жирныя лягвен.—Впрочемъ, такъ начертано уже въ книгѣ судебъ и въ пѣсняхъ Гейнриха Гейне, чтобъ Пруссія наслаждалась флотомъ. Это—фантазія, безъ которой она не хочетъ обойтись. Разумѣется, она остережется выслушать наши серьезныя предостереженія, подумаетъ, что насъ побуждаетъ къ тому низкая зависть, если мы станемъ утверждать ей, что желаемъ всѣмъ нашимъ врагамъ обладать великолѣпнымъ военнымъ флотомъ.

Въ виду возрастающихъ претензій правительства г. Бисмарка, Австрія чувствуетъ себя весьма не въ своей тарелкѣ. Флотъ прусскій ее беспокоитъ. Она боится, чтобъ Пруссія—властительница морскихъ береговъ, не сдѣлалась чрезъ то самое властительницей герцогствъ, а затѣмъ послѣдовательно властительницей Ютландіи, датскихъ острововъ, Ганновера, Мекленбурга и такъ далѣе. Что, кромѣ того, озабочиваетъ Австрію,—это видѣть себя лишенной мало по малу роли представительницы консерватизма въ Германіи и даже въ Европѣ. Благодаря инициативѣ г. Бисмарка, Пруссія ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ о правѣ побѣды, о правѣ сильного... Когда Пруссія считалась либеральной, Австрія представляла официально консерватизмъ—это было натурально; такъ слѣдовало по закону антитеза между сѣверомъ и югомъ, между католицизмомъ и протестантизмомъ. Присвоивъ себѣ систему Шварценберга, берлинскій кабинетъ грабитъ вѣнскій и принуждаетъ г. Менсдорфа Пульнъ быть у г. Бисмарка только второй скрипкой,—вотъ что! оскорбительно.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, австрійскій кабинетъ, кажется.

усталь все уступать и уступать г. Бисмарку, и, чувствуя себя слишком слабымъ, чтобъ сопротивляться одному, вступаетъ въ союзъ съ Бейстомъ и Ифортеномъ, ираженію которыхъ вчера еще только помогалъ. Однакожъ, его останавливаетъ на этомъ пути одна вещь: очевидно, этотъ Бисмаркъ ведетъ дѣло до крайностей, и ничего лучше не желаетъ, какъ ввергнуть Германію въ ужасы междоусобной войны. Всякихи эта война — три четверти пруссаковъ будутъ порываться побѣдить, а половина нѣмцевъ — быть побѣжденными... Бисмаркъ, о Бисмаркъ, въ какую кутерьму вы тянете насъ!.. Но страшнѣе и вѣроятнѣе всего, что междоусобная война спуститъ съ цѣпи революцію внутри и внѣ Германіи, и тогда... Г. Бисмаркъ, о г. Бисмаркъ, ради Бога, остановитесь!

Упомянемъ, для полноты обозрѣнія, о религіозныхъ смутахъ, имѣвшихъ мѣсто въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

Вслѣдствіе закона о первоначальномъ образованіи, обнародованнаго въ Баденѣ полгода тому назадъ, которымъ отнята у баденскаго духовенства доля оставшагося за нимъ вліянія на управленіе школъ, католическіе-ультромонтаны затѣяли агитацію. Нѣкто протоіерей Тиссенъ (Thyssen), человѣкъ весьма способный и которому слѣдовало бы скорѣе быть главнокомандующимъ папскихъ армій, чѣмъ священникомъ франкфуртскаго кафедральнаго собора, занялся образованіемъ одного общества, отличительный характеръ котораго состоялъ въ мобилизаціи католическихъ силъ. Подобно тридцати солдатамъ, которыхъ заставляють переходить по нѣскольку разъ чрезъ сцену, чтобъ представить воображаемую армію, клерикалы, завербованные подъ знамя Тиссена, должны были являться изъ города въ городъ и парадировать на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Отсюда названіе *странствующаго общества*, данное крошечной арміи. Воины были обязаны, согласно получаемому ими приказанію, являться на всѣхъ указанныхъ имъ пунктахъ, составлять на нихъ *митинги* и провозглашать *здоровье своей доктрины*, разогрѣвать ревность вялыхъ, укрѣплять довѣріе добрыхъ и приводить въ ужасъ злыхъ.

24 февраля представленіе назначено было въ Мангеймѣ. Было создано всеобщее народное ополченіе изъ учениковъ св. Игнатія, и три или четыре тысячи соревнующихъ отвѣчали на призывъ; заявленной цѣлью манифестаціи составлялъ протестъ противъ закона о первоначальномъ образованіи.

Бургомистръ мангеймскій пригласилъ своихъ согражданъ отвѣ-

чать на эту протестацію мовтъ-протестацій. И какъ католическіе воины должны были избрать базисомъ своихъ стратегическихъ операцій—верьки, бургомистръ, какъ истый воинъ, приказавъ занять эти входы полицейскими востами. Съ появленіемъ на станціи желѣзной дороги, католическое войско, предводимое священниками, было встрѣчено сантками и насѣвками. Власти вступили въ переговоры, просили священниковъ оставить ихъ намѣренье, но эти не хотѣли отступить; и вотъ благодетельное сборище—на половину процессія, на половину армія,—направилось чрезъ городъ, сопутствуемое криками и страшнымъ шиканьемъ. Прибывъ къ церкви іезуитовъ, избранной для нанесенія послѣдняго, блистательнаго удара, кому надлежитъ, процессія нашла двери церкви запертыми. Вслѣдствіе чего, она принуждена была предпринять фланговое движеніе и направиться къ Людвигсафену, небольшой деревнѣ, расположенной по ту сторону Рейна, въ рейнской Баваріи. Эта неудача была привѣтствована ироническими ура! и тѣми «*Göttliche Grobheiten*», въ которыхъ нѣмцы неподражаемы. Отступление было бѣдственно. Прошелъ слухъ, будто бы одинъ католикъ нанесъ рану ножомъ одному изъ насѣвщиковъ. Тотчасъ же волненіе мѣстнаго населенія хлынуло свободнымъ потокомъ, антикатолики прорвали кортежъ и, въ замѣнъ воображаемаго удара ножомъ, щедро посыпались вполне реальными ударами кулаками: патеры были влачимаы по грязи, въ которой какъ разъ въ это дождливое время не было недостатка! Кортежъ—давай богъ ноги, чтобъ перебраться поскорѣе на баварскую почву, на которой властвуютъ друзья и соучастники. Но власти Людвигсафена отказались принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что собраніе не было уполномочено.—Остается дополнить изображеніемъ, въ какомъ безпорядкѣ бросилась армія въ разсыпную. Не забудьте, что законъ, на который согласились баварскія власти, существуетъ фактически отъ ультрамонтановъ, которые навязали его странѣ во время большой реакціи 1849 г.

Рѣшительно ультрамонтанская партія вступила въ періодъ несчастій.

Курьезный протестъ графа Люи Дюшателя, голландскаго посланника при римскомъ дворѣ, надѣлалъ не мало шуму. Дюшатель протестовалъ противъ канонизаціи горкумскихъ мучениковъ, о которой мы сообщали въ одной изъ предыдущихъ корреспонденцій. Голландскій графъ объявилъ ихъ негодными старыми солдатами арміи убійць, которой предводительствовалъ герцогъ Альба. Это положительно сюрпризъ, сбереженный намъ маленькой голландской дипломатіей, о которой такъ долго уже не было ничего слышно. Если только почтенный графъ Люи Дюшатель возьметъ на себя трудъ, то

предметовъ для протестовъ онъ просто не оберется. Во имя общества анатоміи, напр., онъ можетъ протестовать противъ канонизаціи одиннадцати тысячъ дѣвъ, въ числѣ останковъ которыхъ были найдены кости барановъ и быковъ; во имя конгресса для споспѣшествованія соціальныхъ знаній, онъ можетъ протестовать противъ причтенія къ лику святыхъ Лабра, но еслибъ было одиннадцать тысячъ графовъ Люи Дюшателей, то и тогда бы за цѣлую жизнь они не истощили бы запаса предметовъ для подобныхъ протестовъ!

Во то время, какъ Туринъ былъ въ отчаяннѣ, по случаю отъѣзда своего добраго короля, Викторъ Эммануилъ, не предупредивъ никого и внезапно возвратившись въ свою старую столицу, появился въ королевской ложѣ театра. Его встрѣтили безчисленными и пестрыми аплодисментами. Между королемъ и населеніемъ возстановилась прежняя гармонія; миръ былъ окончательно заключенъ послѣ обнародованія амнистіи. Она состоитъ изъ трехъ статей: первая относится до оскорбленій, нанесенныхъ королевскому величеству вечеромъ 30 января; вторая—до карабинеровъ, виновныхъ въ стрѣльбѣ безъ приказанія по народу въ день 21 сентября; третья относится до преступленій печатнаго слова, связанныхъ съ тѣми же событіями.

Въ итальянскомъ парламентѣ происходили весьма недавно пренія объ уничтоженіи смертной казни, удержаніе которой защищаль министръ юстиціи. Слѣдуетъ припомнить, что эта система возмездія въ Тосканѣ была уже отмѣнена законами Леопольда. Итальянскій министръ юстиціи требовалъ во имя свободы и столь желаннаго объединенія всѣхъ итальянскихъ провинцій, чтобы въ Тосканѣ былъ возстановленъ эшафотъ, сохраненный тамъ произволомъ чужеземнаго правительства. На это его превосходительству отвѣчали, что народъ Флоренціи ни за что не потерпитъ такой реставраціи. Тогда министръ объявилъ, что онъ готовъ пожертвовать дѣломъ итальянскаго единства своему коньку, и просилъ, не вводя смертной казни въ Тосканѣ, оставить ея существованіе во всей остальной Италіи. Оппозиція, напротивъ, требовала распространить съ Тосканы на всю Италію уничтоженіе этого наказанія. Комиссія окончательно приняла прозектъ, которымъ смертная казнь уничтожается повсемѣстно, за исключеніемъ случаевъ, предвидѣнныхъ военнымъ уложеніемъ, и для неаполитанскихъ разбойниковъ.

Герцогъ Морни умеръ!

Новость крупная. Впечатлѣніе, произведенное ею на Парижъ, — громадно. Кажется, еслибъ имперія проиграла большую битву, то и тогда бы друзья ея не были болѣе поражены. Г. Морни умеръ, г. Морни умеръ! — ни о чемъ другомъ нѣтъ возможности ни думать, ни говорить въ Парижѣ. Какимъ образомъ начнете вы говорить объ открытіи засѣданій сената, объ удивительной рѣчи маркиза де-Буасси — которая была бы событіемъ во всякомъ другомъ случаѣ, — какъ говорить о случаѣ съ Дюрюи или о батлѣ въ жорскомъ министерствѣ, — всѣхъ этихъ событіяхъ, вчера еще интересныхъ? Сегодня ничего не знаютъ и ничего не хотятъ болѣе знать: г. Морни умеръ!

Г. Морни былъ сынъ графа Флаго, женившася во второй разъ на синемъ чулкѣ первой имперіи, графинѣ де-Суза, — авторѣ «*Эженъ де-Росслена*» и другихъ романовъ того же калибра.

Двадцати одного года, молодой Морни вышелъ изъ школы генеральнаго штаба, и въ чинѣ подпоручика служилъ въ африканской арміи, гдѣ имѣлъ счастье привлечь на себя взоры орлеанскаго герцога, искавшаго сгруппировать вокругъ себя дворъ изъ молодыхъ людей, изъ которыхъ, по восшествіи на престолъ, задумывалъ сдѣлать своихъ генераловъ, поэтовъ, министровъ. Въ то время бонапартизмъ былъ въ милости. Дворянство реставраціи такъ неустово преслѣдовало наполеонидовъ, что поневолѣ вообразили, что либерализмъ и бонапартизмъ — синонимы. Это было, кромѣ того, время уродливаго союза этихъ двухъ элементовъ, съ весьма небольшимъ республиканскимъ меньшинствомъ, вызвавшимъ іюльскую революцію, и Люи-Филиппъ, реставрировавшій вандомскую коллонну и пославшій своего сына на островъ Св. Елены за останками Наполеона I, сильно тянулъ на то, чтобъ опереться на людей имперіи, имѣвшихъ въ его глазахъ три большихъ достоинства: они были популярны, враги Бурбоновъ и вообще бѣдны головою.

Происхожденіе молодого Морни, вмѣсто того чтобъ повредить, напротивъ, послужило ему источникомъ милостей. Къ тому же присоединилось, что молодой человекъ воспользовался въ совершенствѣ уроками свѣтской жизни, которые ему преподала его мачиха: онъ восхитительно одѣвался, умѣлъ превосходно говорить комплименты, короче, онъ въ совершенствѣ подражалъ виконту д'Орсе и умѣлъ втереться къ лорду Сеймуру, царю салонныхъ героевъ. Между же буржуазной обстановкой короля-гражданина, молодые люди, которые умѣли элегантно курить свою сигару и прилично носить тросточку, — были рѣдкостью. За это же герцогъ Орлеанскій удвоилъ къ Морни свою благосклонность. Выйдя въ отставку, онъ на двадцать вось-

момъ году устроился сахарнымъ заводчикомъ въ Овернѣ. Четыре года спустя, въ 1842 году, онъ былъ кандидатомъ прѣвѣтельства, сдѣлавшимъ его депутатомъ за Люи-де-Дамъ. Онъ тотчасъ же примкнулъ къ министерской партіи, не блистая никакими талантами на трибунѣ, но тѣмъ ярче въ салонахъ: игра, пріемы, свачки, охота оставляли ему мало времени для его обязанностей народнаго представителя.

Настала революція 1848 г. Онъ тотчасъ же исчезъ, и никто не замѣтилъ его отсутствія. Вновь же появился онъ уже въ извѣстномъ салонѣ въ улицѣ Пуатье, и, подъ покровительствомъ этого кружка, снова вступилъ въ палату, и въ союзѣ съ представителемъ Люи Бонапартомъ, гг. Шетри, Лети, Фіаленомъ и Мона.

Онъ былъ не изъ числа дюжинныхъ людей. Чтобы незнакомиться съ этимъ типомъ, придется вернуться къ *римарямъ* временъ Людовика XIV. Онъ отличался замѣчательно твердымъ характеромъ: настоящее лезвие кинжала, крѣпкое, острое, блестящее, искусство отточенное. Подобно парижанкѣ, умѣющей перейти грязную улицу, не марая своей изыщенной обуви, онъ обладалъ искусствомъ проходить вездѣ, всегда сохраняя блескъ своихъ лакированныхъ ботинокъ. Трагическія сцены, видѣнныя имъ въ очю, волновали его не болѣе обыденной непріятности. Могущество его заключалось въ холодности; онъ вполне обладалъ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, которое составляетъ едва достижимый идеалъ каждаго англійскаго джентельмена: онъ былъ *cool*, какъ говорятъ англичане. Онъ съ изумительною точностью рассчитывалъ каждый мзъ своихъ поступковъ и всякій изъ нихъ умѣлъ обратить въ чистое золото. Онъ обладалъ какимъ-то нравственнымъ барометромъ удивительнаго совершенства, съ указаніями котораго всегда соразмѣрялъ свои поступки... Но не надо забывать, что онъ хорошо умѣлъ скрывать эти свойства и всегда казаться любезнымъ и очаровательнымъ. При его хладнокровіи, онъ былъ совершенно свободенъ отъ всѣхъ рѣзкихъ проявленій гнѣва или жажды мести. Онъ смотрѣлъ на ненависть, какъ на страсть, и его личный эгоизмъ былъ выше этой слабости. Онъ равно эксплуатировалъ и враговъ, и друзей, употребляя для каждаго изъ нихъ только различные способы. Другъ его былъ рабочимъ быкомъ, котораго кормить и холить съ тѣмъ, чтобъ заставить работать до истощенія силъ, а потомъ продать. Врагъ его былъ буйволомъ, который сразу падалъ отъ удара аркана или подъ ружейнымъ выстрѣломъ.

Онъ далеко не былъ жестокъ, у него не было и тѣми недоброжелательства къ другимъ; онъ только слишкомъ много заботился

о себѣ и своихъ выгодахъ. Но принципамъ, по характеру и уму, онъ не былъ склоненъ къ жестокимъ мѣрамъ и прибѣгалъ къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Морни былъ не только эпическимъ героемъ второй имперіи, онъ былъ, сверхъ того, человѣкомъ универсальнымъ въ своемъ родѣ: воинъ и биржевой игрокъ, государственный человѣкъ и ловкій спекуляторъ, промышленникъ и археологъ, онъ былъ въ то же время литераторомъ, поэтомъ, ораторомъ, геральдикомъ, инженеромъ, охотникомъ, рыболовомъ, музыкантомъ и композиторомъ оперъ и водевилей, которыми развлекалъ комьенскій дворъ.

Онъ занимался соціальной теоріей и выдавалъ себя за экономиста школы Рикардо; хорошо зналъ живопись и скульптуру, и, претендуя на знаніе теологіи, никогда не пропускалъ случая побесѣдовать съ кардиналами и архіепископами. Сверхъ того, какъ говорятъ его близкіе, у него былъ большой талантъ чтенія и декламациі.

Чтобъ обрисовать вполнѣ этого человѣка, нужно рассказать и о его слабостяхъ. Во-первыхъ, у него была страсть къ игрѣ, которою онъ упивался, какъ виномъ. Но главнымъ его недостаткомъ была любовь къ деньгамъ, которая доводила его до скупости. Но что дѣйствительно могло бы казаться невѣроятнымъ, еслибъ это не было явнымъ и признаннымъ фактомъ, еслибъ его не подтверждало все торговое сословіе Парижа,—это его постоянное участіе въ всевозможныхъ спекуляціяхъ, и биржевой игрѣ. «Морни участвуетъ въ этомъ дѣлѣ»: вотъ какой фразы добивались спекулирующіе на различныя предпріятія.

Морни руководилъ искусственнымъ повышеніемъ и пониженіемъ бумагъ на биржѣ и опредѣлялъ высоту дисконта. И наконецъ, онъ позволялъ въ полномъ собраніи законодательнаго корпуса протестовать на себя векселя, самой ничтожной стоимости, превышавшей двуксотъ франковъ. Любители юдобныхъ курьезовъ покупали ихъ для обогащенія своихъ коллекцій.

Смерть этого человѣка была ровнымъ ударомъ для имперіи. У всѣхъ одно на языкѣ, одно на сердцѣ: «потеря эта невознаградима!»

Напряженное состояніе парижскаго рабочаго населенія продолжаетъ увеличиваться. Симптомы обнаруживаются по всѣмъ направленіямъ промышленной дѣятельности, такъ что враги стоятъ на

готовѣ другъ противъ друга. Благодаря проникательности второй имперіи, Парижъ соединилъ достаточное количество горючихъ элементовъ. Чудовищная перестройка столицы и централизація капитала сосредоточили въ Парижѣ до 416,000 людей, исключительно живущихъ поденнымъ трудомъ; и если включить сюда семейства, зависящія въ своемъ существованіи отъ своихъ работниковъ, то парижскій пролетаріатъ составитъ около милліона самаго дѣятельнаго и безпокойнаго населенія. Правительство уже давно обратило вниманіе на этотъ фактъ, и всѣми силами старается направить его въ свою пользу. Съ этой цѣлью оно придумало такія отрасли труда, которыя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ толченія воды. Такъ, напримѣръ, оно реставрируетъ старые памятники, строитъ новыя казармы и украшаетъ столицу новыми проспектами. Какъ палліативная мѣра, отводящая на время голодъ и недовольство пролетаріевъ, эта система удалась Наполеону III. Но удача не могла быть продолжительной, и теперь опять чувствуется надобность употребить такія средства, которыя бы дѣйствительно обезпечили вѣрный и постоянный трудъ за рабочимъ населеніемъ. Но какъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго пыhtятъ самыя добродѣтельные мужи Франціи, въ родѣ сенатора Мишеля Шевалье и К°. Администрація, понимающая экономическіе вопросы съ точки зрѣнія того мельника, который сыпалъ муку въ прорванный мѣшокъ и удивлялся его величинѣ, — всю силу экономического улучшенія обыкновенно полагала въ регламентаціи промышленнаго труда по методѣ Кольбера. Но метода эта, кромѣ разоренія, ничего путнаго не произвела въ странѣ. Кольберъ и Людовикъ XIV оставили Франціи 1000 милліоновъ долгу и 20 милліоновъ нищихъ, съ которыми пришлось такъ горько расплатиться въ концѣ прошлаго столѣтія. Старая регламентація съ безчисленными привилегіями рухнула, но на мѣстѣ ея явились новыя притязанія держать промышленную дѣятельность подъ строгимъ административнымъ надзоромъ. При Людовикѣ Филиппѣ эта система такъ процвѣтала, что работникъ, съ небольшимъ различіемъ, былъ на-крѣпко закабаленнымъ слугою своего патрона. Патронъ имѣлъ полную *отеческую* власть надъ нимъ; онъ контролировалъ его поступки, совѣсть, аттестовалъ его способности и нравственность, назначалъ время труда, распредѣлялъ заработную плату и, когда угодно, могъ доѣхать его не мытьемъ, такъ катаньемъ. Послѣдующее законодательство эту отеческую власть постаралось укрѣпить новыми постановленіями, изъ которыхъ достаточно вспомнить одно, а именно полицейскій надзоръ за вся-

кимъ промышленнымъ заведеніемъ, гдѣ работало не менѣе двадцати человѣкъ. Само собою разумѣется, что капиталистъ не имѣлъ привычки жаловаться на такое положеніе, и самодовольно потиралъ руки, не упуская случая и съ своей стороны угодить правительству. Такимъ образомъ, положеніе рабочаго населенія было вовсе не таково, чтобы содѣйствовать развитію производительныхъ силъ страны. Въ 1851 году, одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія представлялъ его въ слѣдующемъ видѣ: «невѣжество родителей, слабость дитяти, жадность патрона породили злоупотребленія и вопиющія насилія. Съ той и съ другой стороны слишкомъ часто забывали нравственный характеръ и цѣль ремесленнаго труда, и дѣлали изъ него пошлый торгъ. — Кто изъ васъ, господа, вида физическое истощеніе бѣднаго класса во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ, — кто изъ васъ могъ смотрѣть равнодушно на этихъ бѣдныхъ дѣтей, усталыхъ, блѣдныхъ и до того истощенныхъ, что едва ли они могутъ дожить до возраста мужчины?» Дѣйствительно, не многимъ изъ этихъ бѣдныхъ негровъ, состоявшихъ подъ отеческою властью патроновъ, удавалось достигнуть совершеннолѣтняго возраста. Десять часовъ ежедневнаго труда, отупляющаго и одуряющаго своимъ однообразіемъ, скверная, полуголодная пища и заразителный воздухъ мастерскихъ производили такія опустошенія въ рабочихъ классахъ, особенно среди дѣтей, что оффиціальная статистика принуждена была долго умалчивать объ этомъ обстоятельстве.

Теперь стало ясно, что на отеческую власть патрона не очень можно рассчитывать, и потому въ парижскомъ рабочемъ населеніи явилось сильное стремленіе составлять ассоціаціи труда и взаимнаго кредита. Послѣ долгихъ и самыхъ горькихъ опытовъ, рабочий убѣдился, что съ неба не падаетъ благосостояніе, что, кромѣ его собственныхъ, самостоятельныхъ силъ, ему не откуда ожидать себѣ поддержки, что вся разгадка социальной проблемы — въ немъ самомъ, если только онъ сумѣетъ освободиться отъ тѣхъ нелѣпыхъ предрасудковъ, которые вели его отъ одной ошибки къ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что ассоціація, при самой лучшей ея организаціи, составляетъ только переходную форму полнаго экономического переворота, но она даетъ возможность сберечь силы, увеличить результаты производства, сократить время и обезпечить бѣдному классу болѣе спокойную жизнь. Повидимому, въ интересахъ общественной тишины, о которой и денно, и ношно хлопочетъ неуспынный баронъ Гаусманъ, слѣдовало бы дать полную свободу этому стремленію; но правительство и тутъ нашло опасенія для своего будущаго. Оно парализируетъ ассоціаціонный трудъ и же-

лаетъ дать ему направленіе подъ своей собственной инициативой. Въ людяхъ, помогающихъ ему въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, нѣтъ недостатка, и Франціи угрожаетъ новая и страшная ошибка въ экономическомъ развитіи.—Я указываю на этотъ фактъ, какъ на явленіе, стоящее внѣ вниманія каждаго мыслящаго современнаго человека.

Измумительная сила американской націи вполнѣ развернулась во время ея продолжительной и колоссальной войны. Повидимому, четырехлѣтняя ожесточенная борьба, постепенно разыгравшаяся на пространствѣ двадцати тысячъ квадратныхъ миль и захватившая въ свой кругъ огромное населеніе Новаго Свѣта, должна была пощипать и разорить страну. Такъ прежде и думали континентальные враги американской республики — Англія и Франція; такъ думала вся Европа, когда начались огромныя военныя приготовленія съ той и съ другой стороны, т. е. Сѣвера и Юга. Но теперь стало ясно, что такая нація, какъ американцы, обладающіе превосходными политическими учрежденіями и высоко развитой общественной жизнью, не такъ легко истощается, какъ мы привыкли думать по примѣрамъ старой Европы, гдѣ каждая значительная война врѣзывалась глубокими слѣдами бѣдствій въ жизни народовъ. Сѣверные штаты, напротивъ, не только не ослабѣли за послѣдніе четыре года, но еще больше окрѣпли; война вызвала новыя силы, открыла новыя источники богатства, изобрѣтательности и всеобщаго воодушевленія. Благодаря этой войнѣ, американцы создали громадный военный флотъ, готовый помѣриться съ соединеннымъ флотомъ Англіи и Франціи; промышленная дѣятельность сѣвернаго свободнаго населенія усилилась на счетъ рабскаго труда негровъ и эксплуатирующаго сословія плантатаровъ; государственная касса, выпустившая около миллиарда на текущія военныя издержки, не имѣла надобности прибѣгать ни въ одному внѣшнему займу, и въ концѣ этого года будетъ находиться въ лучшемъ состояніи, чѣмъ французскій бюджетъ. Но что важнѣе всего, — американская республика провела въ самую жизнь великую идею своей свободы, которая до сихъ поръ осквернялась рабствомъ цвѣтнаго племени; очистила правительственную систему отъ зловредныхъ элементовъ, соединила и скрѣпила свой союзъ болѣе прочными узлами, чѣмъ прежде. Теперь не будутъ уже господствовать

въ вашингтонской палатѣ защитники торгоа *африканскимъ мясомъ* и покровители такихъ людей, какъ обвинители и палачи Броуна; теперь сдѣлалось невозможнымъ ни одно юридическое и физическое убійство, которому постоянно подвергались враги южныхъ плантаторовъ. Это такое приобрѣтеніе для свободнаго народа, которое покупается у другихъ націй цѣлыми столѣтіями... Палата представителей, большинствомъ двухъ третей голосовъ, вотировала измѣненіе конституціи, въ силу котораго невольничество уничтожено на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Эта палата, имѣвшая еще недавно только три пятыхъ голосовъ за освобожденіе, такъ измѣнилась послѣ избранія Линкольна и побѣды Шермана, что шестнадцать членовъ-демократовъ, вотпировавшихъ до сихъ поръ за сохраненіе рабства, теперь подаютъ свой голосъ за его уничтоженіе, заявляя тѣмъ самымъ, что ихъ прежняя политика была негодною и вредною. Такимъ образомъ, республика возрождается во второй разъ въ жизни, еще болѣе славной, чѣмъ прежняя. Правда, актъ этотъ еще не ратификованъ тремя четвертями штатовъ, но это простая формальность, выполнение которой не можетъ затянуться на долго, и съ этой минуты принципъ свободы долженъ оплодотворить всѣ учрежденія Америки.

Страшный кризисъ, которому такъ мужественно сопротивлялись Соединенные Штаты, можетъ быть изучаемъ уже, какъ фактъ прошлаго. Страсти, возбужденныя во время великой борьбы, начинаютъ стихать, и со всѣхъ точекъ Сѣвера и Юга слышатся возгласы о мирѣ. Сгорѣвшій фениксъ вылетаетъ изъ огня болѣе сильнымъ и отважнымъ. Сама Англія начинаетъ раскаиваться въ томъ, что поддерживала южныхъ корсаровъ, въ томъ, что, обѣщая нейтралитетъ, способствовала сожженію столькихъ американскихъ торговыхъ судовъ, кундурировавшихъ съ нею. Британскій левъ, такъ гордо поднявшій голову во время дѣла Трента, начинаетъ теперь кокетливо вилять хвостомъ, уклоняться отъ борьбы и, будте увѣрены, даже пожертвуетъ клочкомъ своей гривы, и сбереженія Глэдстона пойдутъ на вознагражденіе Америки за опустошеніе, произведенное корсарами. Что касается французскаго правительства, то очень правдоподобно, что Буаси вѣрно выразилъ чувства американцевъ, говоря: «что эти 600,000 американскихъ мошенниковъ обрушатся на двадцати-тысячную мексиканскую армию и стануть преслѣдовать ее по пятамъ.»

Между тѣмъ, какъ борьба между рабствомъ и свободой кончается въ Сѣверной Америкѣ полнымъ торжествомъ, въ Южной Америкѣ начинается борьба подобнаго же рода; можно надѣяться:

что исходить ея будетъ такой же.—Бразильская имперія, страна съ 8-ю милліонами жителей, старается завладѣть небольшою сосѣднею республикой, неимѣющей ни финансовъ, ни флота, ни войска, и населеніе которой едва ли доходитъ до 300 тысячъ. Однако же, не смотря на свою слабость, Урагуай не сдается, противопоставляя невольнической Бразиліи основной принципъ всѣхъ республикъ Колумбіи. Бразильская имперія, охваченная полукругомъ республикъ, защищающихъ достоинство трудящагося, право каждаго на землю, равенство расъ, свободу вѣроисповѣданій, не въ силахъ будетъ одолѣть своихъ свободныхъ сосѣдей и предписать имъ условія.

Война португальцевъ и ихъ потомковъ, бразильцевъ, съ населеніемъ сосѣднихъ колоній тянется непрерывно въ теченіи трехъ вѣковъ. Желая перешагнуть за предѣлы жаркаго пояса, бразильцы ищутъ возможности овладѣть территоріями умѣренныхъ странъ, лежащихъ къ югу, гдѣ бы они могли разводите скотъ, необходимый для содержанія рабовъ. Отсюда вытекаютъ безпрерывныя вторженія, частныя завоеванія и постоянная ненависть. Бразильцы очень вѣрно назвали свои морскія экспедиціи въ урагуайскую территорію *калифорнійскими*. Вѣрно богатство легче приобрѣтается грабежомъ помѣстій, чѣмъ добываніемъ золота въ скалистыхъ горахъ. Сядутъ бандиты на лошадей и, послѣ буйнаго набѣга, возвращаются домой, гоня передъ собою быковъ и лошадей; приводятъ они и плѣнныхъ негровъ и продаютъ ихъ за наличныя деньги въ отдаленныя плантаціи. Кромѣ того, множество спекуляторовъ, не страшась угрозъ и разсчитывая на слабость урагуайцевъ, насильственно заняли своими рабами самыя плодородныя земли республики, хотя земли эти конституціею страны объявлены свободными. Такихъ рабовъ, принадлежащихъ бразильцамъ, насчитываютъ отъ 15 до 16 тысячъ челоувѣкъ. Отсюда неудовольствія, схватки, взаимныя оскорбленія, мѣстные возмущенія и наконецъ вмѣшательство Бразиліи. Безъ объявленія войны, Бразилія наводнила своими войсками Урагуай. Сальто, Флорида, Сено были взяты; городъ Пизандръ, бомбардированный въ теченіи цѣлаго мѣсяца флотиліею адмирала Тамандаре, обращенъ въ пепель, и генераль, командующій гарнизономъ, изрѣзанъ въ куски; въ настоящее время столицѣ республики угрожаетъ опасность и съ суши, и съ моря.

Изъ послѣднихъ извѣстій видно, что серьезная осада Монтевидео еще не начиналась. Предводитель банды, Флоресъ, расположился съ кавалеріею въ сосѣдствѣ города; бразильскій флотъ высадилъ войска близъ рѣки С. Лучіо, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ

Монтевидео, и главныя императорскія силы, подъ предводительствомъ генерала Баррето, были уже на пути для подкрѣпленія. Все войско, назначенное для осады столицы Уругуая, простирается до 10 тысячъ человекъ.

Всякая осада можетъ долго длиться въ этой странѣ, и Монтевидео, державшійся въ теченіи девяти лѣтъ подъ управленіемъ Розаса противъ осады, вѣроятно, былъ бы на столько силенъ, чтобы устоять противъ Флореса и бразильцевъ, еслибъ значительный флотъ, снабженный отличной артиллеріею, не приготавлился блокировать портъ и, такимъ образомъ, совершенно изолировать городъ отъ сосѣднихъ мѣстностей. Слабый гарнизонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, подвергается опасности, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сопротивленія, быть захваченнымъ въ плѣнъ. Если помощь не будетъ подана во время, то городъ, безъ сомнѣнія, падеть и будетъ отданъ урагуайскому генералу Флоресу въ награду за его измѣну. И въ этомъ случаѣ бразильцы «съ полнымъ безкорыстіемъ» удовлетворились бы залогомъ половины республики, то есть, страны, простирающейся на сѣверъ отъ Рио-Негро и занимающей самыя плодородныя земли. Но если бы, къ несчастью, въ Уругуай возникли новыя смуты,—бразильское правительство *было бы вынуждено, съ величайшимъ прискорбіемъ*, снова занять Монтевидео и окончательно оставить его за собой «во имя мира, общественнаго спокойствія и цивилизаціи.» Этого требуетъ традиціонная политика Бразиліи.

Къ счастью, генералъ Лопецъ, президентъ Парагуая, признавая необходимость солидарности сосѣднихъ республикъ, уже давно объявилъ, что сочтетъ вступленіе бразильскихъ войскъ на территорію восточнаго пояса за casus belli, и хотя бразильскій кабинетъ не удостоилъ его отвѣтомъ, тѣмъ не менѣе, онъ сдержалъ свое слово. Два отряда парагуайской арміи были посланы на границы имперіи: Сѣверный отрядъ, идя по верхнему теченью рѣки Парагуай, овладѣлъ, послѣ кровопролитной битвы, фортомъ Коимбра и занялъ, вслѣдъ за тѣмъ, одни за другими всѣ укрѣпленія и деревни, расположенныя по берегу, на протяженіи болѣе 300 километровъ. Южный отрядъ, болѣе сильный, сгруппировался въ Энкарнаціи, на берегу Рио-Парана, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ, авангардъ изъ четырехъ тысячъ человекъ перешелъ нейтральную страну древнихъ іезуитскихъ миссій и 17 января овладѣлъ бразильскимъ городомъ С. Франциско де-Боржіа. Большая часть арміи идетъ прямо къ урагуайскимъ границамъ, чтобы зайти съ тылу войскамъ, осаждающимъ Монтевидео. Съ то же время двухъ-тысячный отрядъ вос-

точной кавалеріи проникъ въ бразильскую провинцію Рио-Гранде-до-Суль и, объѣхавъ плантаціи, провозгласилъ освобожденіе рабовъ. Послѣ того, какъ правительство Рио-Жанейро признало банду измѣнниковъ Фореса воюющею стороною, объ республики, Урагуайская и Парагуайская, объявили, что заранѣе признаютъ воюющею стороною всѣхъ бразильскихъ негровъ, которые потребуютъ возвращенія свободы.

Это важныя новости. Не только имперіалисты не имѣютъ силъ снова занять верхній Парагуай, отъ котораго они отдѣлены огромными пустынями, непроходимыми лѣсами и глубокими рѣками, но даже сомнительно, чтобъ они могли съ успѣхомъ защититься противъ парагуайской арміи, которая угрожаетъ отрѣзать имъ отступление, возмущивши въ ихъ тылу провинцію Рио-Гранде-до-Суль и пробудивши въ немъ воспоминаніе о старой республикѣ, которую нѣкогда защищали Гарибальди и его мужественные товарищи по оружію.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время много совершается странныхъ, чудовищныхъ событій, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться своимъ безобразіемъ съ поведеніемъ Бразиліи. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ эта донкихотская имперія предъявляетъ претензію защищать права слабыхъ и угнетенныхъ противъ насилія Англіи. Она энергически протестовала всякій разъ, какъ только англійскіе корабли появлялись въ бразильскихъ водахъ съ грузомъ негровъ или захватывали коммерческія суда подъ предлогомъ вознагражденія за обиды, будто бы наносимыя британскому флагу; она не упускала ни одного удобнаго случая, чтобы не порисоваться какой нибудь политической добродѣтелью, когда доходило дѣло до насильственнаго завладѣнія англичанами и французами береговыхъ портовъ беззащитной страны, а теперь сама же, не объявляя войны, хочетъ захватить цѣлую территорію и обратить въ рабство цѣлую страну. Этого мало; добродѣтельная Бразилія, такъ долго поучаемая всевозможными католическими миссіонерами, чуть не живьемъ сдираетъ кожи съ своихъ плѣнниковъ и отнимаетъ у нихъ послѣднее достояніе. Но кто знаетъ, какое вліяніе произвело испанское правительство вездѣ, гдѣ оно основывало свое господство мечомъ, тотъ не станетъ ничему удивляться въ поведеніи такой имперіи, какъ Бразильская.

Жюль Леренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ,

ПРОВИНЦІЯ.

Что такое бѣдные третьяго сорта въ гор. Тотьмѣ? — Специальность занятій этого нищаго люда. — Заработная плата и образъ празябанія ея. — Общій уровень женскаго труда. — Бѣдные четвертаго сорта. — Занятія и образъ жизни этого класса: одежда и ѣда. — Морковь, какъ лѣкомство тотемскаго прекраснаго пола. — Гастрономическая и кулинарная изобрѣтательность Тотьмѣ. — Всеобщая косность и тупость населенія. — Прожиточные. — Происхожденіе этого класса. — Экономическая ея неподвижность. — Вліяніе чиновничьяго лоска на прожиточныхъ и обратно — вліяніе ихъ на другіе нисшіе слои. — Образъ жизни прожиточной двѣицы. — Что такое провинціальная амбиція? — Значеніе женскаго труда въ мѣщанскомъ сословіи. — Образованные Тотьмѣ. — Сколько ихъ и въ чемъ состоитъ это образованіе?

V.

БѢДНЫЕ ТРЕТЬЯГО СОРТА.

Бѣдные третьяго сорта по достатку мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ. Будетъ правильнѣе сказать, что они отъ нихъ совсѣмъ не отличаются. Къ этой категоріи принадлежатъ почти исключительно старухи, имѣющія взрослыхъ дочерей. Людямъ этимъ трудно жить, потому что женскій трудъ и старухъ, и молодыхъ вознаграждается

въ Тотъмъ самымъ жалкимъ образомъ. Приведу примѣръ. Вотъ мать 67 лѣтъ и дочь, дѣвушка 21 года. Старуха еще довольно бодкая и расторопная не по лѣтамъ; но въ дочери замѣтна преждевременная старость. Ее состарилъ слишкомъ ранній, усиленный трудъ, потому что нужда заставила ее еще десятилѣтней дѣвочкой исполнять работу взрослыхъ. Мать и дочь живутъ вмѣстѣ на квартирѣ; за наемъ ея онѣ ничего не платятъ, но отапливаютъ домъ пополамъ съ хозяйкой. Это составитъ въ мѣсяцъ копѣекъ тринадцать, и вотъ по какому расчету. Лѣтомъ отопленіе не стоитъ ничего, кромѣ труда, потому что старуха собираетъ на постройкахъ, и гдѣ случится, щепочки и чурки. Случается, что Богъ пошлетъ и топликъ, т. е. утонувшія сплавыя дрова, оставшіяся на берегу послѣ убыли воды. Про описываемую старуху я ничего не знаю, но другіе мнѣ казались, что имъ случается согрѣшить и воровствомъ. Но бѣднѣй не обидитъ бѣднаго: крадутся дрова, принадлежація первому тотемскому богачу, купцу Кокореву, вмѣющему подлѣ города солитныя варницы. Кража эта совершается, впрочемъ, въ формѣ невозможнаго левинной, безъ насилья и грубостей: старушонка заберется на берегъ, гдѣ стоятъ дрова, слязтитъ три-четыре полѣна и улепетываетъ, чтобы ее никто не замѣтилъ. Зимой описываемая старуха старается продовольствоваться тоже по преимуществу щепочками и чурками; но какъ тѣхъ и другихъ зимой бываетъ мало, потому что, за исключеніемъ кабаковъ, другихъ построекъ не производится, то приходится, по необходимости, покупать дрова. Дрова покупаются, конечно, самыя дешовенькія, по 15 к. за возъ, и два воза доставятъ на три недѣли. Слѣдовательно, по расчету зимнихъ мѣсяцевъ, старуха истратила въ годъ 4 р. 60 к. или 13 1/2 к. въ мѣсяцъ. Если сосчитать весь трудъ, употребленный на собраніе щепочекъ и разныя мелочныя услуги, оказываемыя старухой и ея дочерью хозяйкѣ дома, то, вѣроятно, квартира обойдется имъ не дешевле 25 копѣекъ. Но едва ли весь этотъ дополнительный трудъ правильно переводится на деньги; если въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ время считается деньгами, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ Тотъмъ могли существовать подобныя же экономическіе принципы. Время, какъ экономическая величина, здѣсь — ничто совсѣмъ особенное, и его нельзя мѣрять никакимъ масштабомъ, кромѣ тотемскаго. Впрочемъ, полагаю, что устьсыольскій и возвычегодскій масштабы должны быть того же размѣра. Чтобы

время было дешьгами, нужно, чтобы каждую минуту можно было произвести чтонибудь полезное въ обществѣ на другое полезное. Но что же полезное можетъ производить тотемскій житель каждую минуту, въ особенности, если этотъ житель—старая баба? Она не пашеть, не жнетъ, не шьетъ сапоговъ и платья, однимъ словомъ, не дѣлаетъ ничего такого, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ мужчины и даже женщины. Баба умѣетъ здѣсь только мыть полы и обнаруживать при этомъ особенный талантъ въ обращеніи съ полами некрашеными. Главнѣйшая сущность этого дѣла заключается въ томъ, чтобы посыпать мокрый вѣнникъ крупнымъ пескомъ (древсвой) и затѣмъ тереть полъ, на сколько хватитъ силы и усердія. Полъ, выскобленный такимъ инструментомъ, получаетъ дѣйствительно необычайную бѣлизну, потому что здѣсь совершается, нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, процессъ струганья, и доски изъ старыхъ превращаются въ новыя. Дѣло, конечно, не ограничивается однимъ струганьемъ; послѣ тренія дресвой, производится всполаскиванье чистой водой и сушка половиками. Чтобы вымыть по этому способу этажъ въ двадцать пять квадратныхъ сажень (пять сажень длины, пять ширины), сѣни и лѣстницу, нужно трудиться съ 8 часовъ утра до 3—4 послѣ обѣда, почти не переставая. Коротенькій отдыхъ достаётся на завтракъ и на обѣдъ. Сплошной работы можно считать отъ шести до семи часовъ. И за подобное упражненіе, при которомъ тратится мускульнаго труда не менѣе, чѣмъ за то же время у пильщика, платится отъ 10 до 15 копѣекъ. Десять копѣекъ—плата обыкновенная, а 15—не то, чтобы роскошь, а во всякомъ случаѣ, баловство, портящее только цѣну. Изъ этого оказывается, что за часъ непрерывнаго труда платится отъ 1½ до 2 копѣекъ, или за минуту отъ 0,025 до 0,033 копѣйки: величины совершенно микроскопическія; а это еще одно изъ выгоднѣйшихъ занятій! Пильщикъ въ то же время получаетъ 60 в. т. е. его трудъ въ шесть разъ прибыльнѣе, хотя потеря силъ одинакова. Конечно, если бы мытье половъ производилось каждый день, то жить бы еще можно; но этотъ прибыльной для тотемскаго прекраснаго пола трудъ составляетъ рѣдкость, какъ всѣ прибыльныя занятія. Въ Тотмѣ можно считать, по меньшей мѣрѣ, двѣсти женщинъ, которыя охотно пошли бы мыть полы, но ихъ похвальное стремленіе къ трудолюбію не можетъ найти удовлетворенія по недостатку половъ. Въ большей части домовъ, полы моются прислугой или самими хо-

заволами. Поломоекъ приглашаютъ или холостые, неизбѣжныя женской прислуги, или прожиточный мѣщанинъ, дочери котораго, по деликатности своего воспитанія, сидятъ больше сложа руки, или же изрѣдка мѣстная знать. Во всякомъ случаѣ, число домовъ, куда зовутъ поломоекъ, составляетъ не болѣе 50, да и въ нихъ производится мытье разъ въ мѣсяцъ или рѣже. Такимъ образомъ, изъ двухсотъ желающихъ могутъ быть приглашены на мытье поломокъ въ мѣсяцъ только пятьдесятъ, или каждой пришлось бы идти одинъ разъ въ четыре мѣсяца. Но какъ каждый домъ имѣетъ своихъ постоянныхъ поломоекъ, то очевидно, что только пятьдесятъ изъ нихъ имѣютъ постоянную практику, а остальнымъ ста пятидесяти можетъ выпасть эта работа только случайно. Общій выводъ тотъ, что счастливица, которой фортуна поблагоприятствуетъ неслыханнымъ образомъ, пославъ ей въ мѣсяцъ два мытья, получить въ годъ около 3 рублей, для чего ей необходимо 26 рабочихъ дней; затѣмъ остается еще 339 дней, въ которые нужно заняться тоже чѣмъ нибудь, чтобы не умереть съ голоду.

Бѣдныхъ людей, обыкновенно, укоряютъ въ томъ, что они любятъ веселиться; но это больше ничего, какъ остроумная выдумка людей богатыхъ: бѣдные веселятся гораздо меньше, чѣмъ тѣ, кому живетъ хорошо. Если читатель обратитъ вниманіе на количество великосвѣтскихъ баловъ, которое сочинить каждую зиму Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, приложить къ этому всѣ маскарады, театры, рауты, пикники, концерты, катанья и т. д. и затѣмъ въ параллель съ этой утонченной и изящной веселостью поставить скромное воскресное праздничанье простолюдина, которое въ сущности не больше, какъ отдыхъ или пьяное праздничанье въ годовые праздники, продолжающееся всего три дня, а много недѣлю, — то окажется, что у простолюдина, противъ всѣхъ баловъ, театровъ, маскарадовъ, пикниковъ, концертовъ и другихъ увеселеній образованныхъ людей, всего только отъ одного до трехъ годовыхъ праздниковъ или отъ трехъ до девяти гуляющихъ дней въ годъ. Я знаю, что мнѣ возражать, что мастеровые пьянствуютъ по три дня въ недѣлю; но я говорю здѣсь не объ испорченномъ ремесленномъ населеніи большихъ городовъ; оно составляетъ совершенно ничтожную величину въ общей массѣ всего остального простонародья. То же простонародье, о которомъ я говорю; праздничаетъ мало, потому что если при его теперешнемъ трудѣ ему живетъ въ обрѣзъ, то при равносильномъ праздничаньи съ

великосвѣтскими людьми ему пришлось бы голодать. Каждый веселится на столько, на сколько позволяют ему средства, и столько ищетъ прогульныхъ дней, сколько опредѣляется размахомъ его заработка и уровнемъ потребностей. Поэтому, богачъ, имѣющій для завѣдыванія своими многочисленными фабриками, заводами и имѣніями—управляющихъ и прикащиковъ, можетъ благополучнымъ образомъ посвящать свое время влюбѣ, баламъ и маскерадамъ, удѣляя дѣлу три-четыре дня въ году. Но тотъ, кто долженъ добыть всѣ средства существованія своимъ личнымъ трудомъ, уже никакъ не можетъ посвятить дѣлу въ годъ три-четыре дня. Ему, напротивъ, позволено столько дней прогулять, а все остальное время онъ долженъ работать. При хорошо вознагражденномъ трудѣ, время, посвящаемое прогулу, можетъ быть, конечно, болѣе; точно такъ же, какъ болѣе можетъ гулять тотъ, чей трудъ хотя вознагражденъ и не особенно хорошо, но у кого низокъ уровень потребностей, напримѣръ, какъ у петербургскихъ мастеровыхъ. Но если трудъ вознагражденъ слабо и на бѣду еще не достаетъ нищи для экзотической дѣятельности человека, то у такихъ людей, во-первыхъ, не на что праздновать; а во-вторыхъ, приходится или сидѣть иногда безъ работы, или же затрачивать много времени, чтобы получить мало выгоды. Въ этомъ положеніи находятся тотемскіе жители, и въ особенности здѣшнія женщины.

У счастливицы, для которой мытье половъ составляетъ такую прибыльную практику, какъ я принялъ выше, изъ 339 дней, оставшихся свободными, должны быть посвящены праздникамъ обязательно дней восемьдесятъ, т. е. всѣ воскресенья, пасха, рождество, масляница и затѣмъ храмовые праздники; приложивъ къ этому праздники чрезвычайные, напр. свадьбы, выйдетъ въ годъ прогульныхъ дней около ста. Затѣмъ остается 229 дней рабочихъ. Эти дни каждая женщина посвятила бы занятію наиболѣе прибыльному; а самое прибыльное занятіе въ Тотэмѣ есть мытье половъ. Читатель, конечно, изумляется, что мытье половъ или поденица стирки бѣлья могутъ, по прибыльности своей, стоять на первомъ планѣ; но многоуважаемый читатель, забудьте, что вы живете въ Лондонѣ, въ Парижѣ или въ Петербургѣ. Ваши понятія о размахѣ прибыльности мускульнаго труда, превосходныя для столицъ и промышленныхъ центровъ, окажутся очень наивными, если вы заберетесь въ какое нибудь безмятежное захолустье. И въ захолустьи люди пьютъ и ѣдятъ, и въ за-

холустыи они шевелятъ мозгами и производять руками и ногами различныя тѣлодвиженія, направленные по преимуществу къ экономической цѣли. Но результаты всѣхъ этихъ шевеленій совсѣмъ много размѣра: лошади нормандской породы возять по французскимъ шоссе тяжести баснословнаго размѣра; но та же самая лошадь по зырянской дорогѣ провезеть едва десятую часть. Тутъ мы еще предположили лошадей одной породы; а что провезеть по зырянской дорогѣ зырянская лошадь?—И такъ, въ Тотмѣ считается самымъ прибыльнымъ занятіемъ то, что въ Петербургѣ идетъ за трудъ наиболѣе чернорабочій и наименѣ выгодный. Но какъ и этотъ наивыгоднѣйшій трудъ, доставляющій человѣку въ день десять копѣекъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, можетъ представляться только въ теченіи 26 дней въ году, то въ остальные 229 приходится удовольствоваться заработкомъ менѣ выгоднымъ.

Старушка, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не можетъ, къ сожалѣнію, заняться наиболѣе выгоднымъ тотемскимъ трудомъ, потому что при немъ требуются упражненія, превышающія силы 67 лѣтнаго человека. Поэтому, мытъемъ половъ занимается у нея только дочь, а сама мать добываетъ деньги слѣдующимъ образомъ. Она носитъ воду секретарю какого-то присутственнаго мѣста и получаетъ за это 1 р. 20 к. ассигнаціями въ мѣсяць (здѣсь простые люди, а особенно старухи считаютъ все еще на ассигнаціи). А что значить носить въ Тотмѣ воду и получать за это 1 р. 20 к., читатель увидитъ сейчасъ. Нужно каждый день, навѣсивъ на коромысло два ведра, отправиться съ ними на р. Сухону; среднее разстояніе туда и обратно составляетъ около двухъ верстъ, причемъ приходится одолѣвагъ очень крутой береговой подъемъ. Чтобы выгодность этого труда опредѣлилась яснѣе, я приведу его къ самой простѣйшей формѣ разчета. Въ сѣ ведра воды фунтовъ въ двадцать, значить, въ двухъ — пудъ. Въ теченіе мѣсяца будетъ принесено 60 ведеръ или 30 пудовъ. Для того, чтобы ихъ принести, нужно пройти 30 верстъ безъ тяжести и 30 верстъ съ грузомъ. Такимъ образомъ, за 60 верстъ ходьбы, и въ томъ числѣ 30 съ тяжестью въ одинъ пудъ, платится 1 р. 20 к. ас. Но эти 1 р. 20 к.—плата выше дѣйствительной; собственно за носку воды платится 30 к., а остальные 90 старуха получаетъ, чтобы напосить каждый день въ комнаты дровъ и ходить на рѣку полоскать бѣлье. Конечно, плата нероскошная, потому что въ день придется всего 1 $\frac{1}{6}$ коп. сер.; но старуха доволь-

на и тѣмъ; во-первыхъ потому, что нити не дасть больше; а во-вторыхъ, что жена секретаря благодѣтельствуетъ взрѣдна,—то дасть пирожокъ, то къ празднику гривенникъ. — Имѣеть старуха и другой домъ, куда носить воду; но какъ тамъ она не носить дровъ и не полощетъ бѣлья, то и получаетъ въ мѣсяць только 30 к. Не и тутъ благодѣтели не помядаютъ старуху: къ рождеству холяинъ подарилъ ей двугривенный. Дочь тоже носить воду и, вмѣстѣ съ мытьемъ половъ, достанетъ въ мѣсяць около 90 к. Такимъ образомъ, денежный доходъ семьи составить въ мѣсяць рубля полтора.

Но за мытьемъ половъ и ноской воды остается еще много свободнаго времени; оно тоже реализуется въ деньги, но эта реализація еще менѣе выгодна. Тотъ же вяжетъ чулки и прядетъ нитки. Зимой готовится пряжа и нитки, а чулки вяжутся лѣтомъ. Причина такого распредѣленія занятій въ томъ, что лѣтомъ со льномъ дѣлать нечего: онъ расстѣтъ еще въ полѣ; осенью его выдергиваютъ, мочутъ, треплютъ и вообще готовятъ къ дѣлу, а въ издѣлія онъ превращается во время лѣтняго досуга. Если мытье половъ и носка воды составляютъ самое прибыльное занятіе, то конечно, воображеніе столичнаго человѣка должно придти въ смущеніе отъ трудности разрѣшенія вопроса: — что же должны давать занятія менѣе выгодныя? — То, что услышите теперь отъ меня, читатель, конечно могло бы показаться неправдоподобнымъ, если бы оно не было дѣйствительно и не подкрѣплялось фактами. Здѣшнія женщины готовятъ нитки и носки или изъ своего льна, поучая его у крестьянъ или у мѣщанъ, или же обрабатываютъ чужой матеріалъ; т. е. получаютъ заказы и сырье отъ купцовъ. Последняя форма производства гораздо удобнѣе для опредѣленія степени пригодности труда, и потому я буду говорить только объ ней. — За приготовленіе клубка нитокъ на носки платится одна копейка, и въ день можно приготовить 4 клубка, слѣдовательно, заработать 4 копейки серебромъ. Работа эта заключается собственно въ сушеніи. За приготовленіе на мотовилѣ пряжи для тканья платится за 80 восьмиваршинныхъ нитокъ или за 720 аршинъ 1 копейку; въ неделю можно приготовить 10 такихъ пасмъ и получить за нихъ, слѣдовательно, 10 копѣекъ. За пару носковъ изъ готоваго матеріала платится 6 копѣекъ; пару можно связать въ два дня и заработать поэтому въ день 3 копейки; но есть такія искусницы изъ старухъ — впрочемъ чрезвычайно рѣдко, — которыя вяжутъ въ день цѣлую пару

и за такую гениальность награждаются 6 коп. Чтобы приобрести такую удивительную богатства, нужно работать целый день съ утра до вечера. Тѣ же изъ достойныхъ удивленія тотемскихъ Пенелопъ, которые средства позволяютъ купить рубля на 2—3 льну, занимаются сами всѣми разнообразными процессами для приведенія его въ состояніе нитокъ и чулковъ. Усердная и состоятельная старуха свяжетъ въ лѣто не болѣе 30 паръ и продастъ пару отъ 18—20 к., причемъ чистая прибыль составитъ немного болѣе 2 руб. сер. Для приобретения такого богатства, нужно проработать почти всю зиму и половину лѣта. Изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующій сравнительный выводъ степени выгодности здѣшняго женскаго труда:

Мытье половъ даетъ отъ 10 до 15 к. въ день или отъ 0,025 до 0,033 въ минуту дѣйствительнаго труда.

Носка воды даетъ въ часъ 1 к. сер. или въ минуту 0,016 коп.

Сученіе нитокъ на чулки даетъ въ часъ 0,4 коп. или въ минуту 0,007 коп.

Приготовленіе на мотовилѣ пряжи—въ недѣлю 10 к., въ часъ 0,16 коп. въ минуту 0,002 коп.

Вязанье чулковъ—въ часъ 0,3 коп., въ минуту 0,005 копѣекъ.

Такимъ образомъ, самымъ выгоднымъ занятіемъ оказывается опять таки мытье половъ, и не потому собственно, чтобы оно приносило въ минуту 0,025 к., а потому что, кромѣ этого дѣйствительно огромнаго заработка, поломойка получаетъ отъ хозяевъ завтракъ и обѣдъ. Всѣ остальные занятія производятся работницами на своемъ хлѣбѣ. Носка воды хотя по денежной выгодѣ занимаетъ и второе мѣсто послѣ мытья половъ, но имѣетъ много своихъ неудобствъ: нужно работать на воздухѣ, не смотря ни на какую погоду, — ни на дождь, ни на снѣгъ, ни на вьюгу и мятель. Что бы ни происходило на дворѣ, хотя бы землетрясеніе, а за водой идти надо непременно. Работа эта портитъ болѣе другихъ платье и обувь. По всѣмъ этимъ причинамъ ношеніе воды считается одной изъ послѣднихъ работъ и занимаются ею только самые бѣдные люди.

Совсѣмъ другое — сученіе нитокъ и вязанье чулковъ. Дѣло это больше всего въ женскомъ характерѣ: нужно сидѣть на мѣстѣ и производить миліоны разъ сряду одиѣ и тѣ же движенія, способныя почтенныхъ Пенелопъ довести до полнаго оупѣнія, если бы онѣ имѣли не владѣли уже прежде. Въ то время, какъ стиркой половъ и ноской воды занимаются самые бѣдные люди, настоящіе мѣщанскіе

поддонки, — сученьемъ нитокъ и вязаньемъ не гнушается не только мѣщанская аристократія, но даже и женщины изъ купечества. Вообще, это дѣло хорошее, потому что вмѣ можно заниматься, сидя въ четырехъ стѣнахъ, слѣдовательно, сохранить вполнѣ не только всѣ семейныя добродѣтели, которыми рискуютъ женщины, работающія внѣ дома, но даже и не омрачить своей репутаціи, которая для тотемскихъ жителей составляетъ главнѣйшую сущность жизни. Такимъ образомъ, если сученье нитокъ даетъ всего выгоды 0,007 коп. въ минуту, за то сберегаетъ башмаки и добрую славу, и во всякомъ случаѣ, по экономическимъ понятіямъ здѣшнихъ мѣщанъ, принадлежитъ къ труду честному и благородному. Въ этомъ отношеніи тотемцы до сихъ поръ пребываютъ въ понятіяхъ временъ древняго міра, и здѣшняя мѣщанская аристократія не знаетъ болѣе великаго наслажденія, какъ проводить время въ праздности или заниматься деликатными работами, какъ вышивашье гладью, вышиванье мѣтокъ на бѣльѣ — и конечно, на бѣльѣ деликатнаго свойства, на примѣръ, на носовыхъ платкахъ, — а не на томъ сортѣ мужского бѣлья, которое я, изъ уваженія къ своимъ провинціальнымъ читательницамъ, назову кальсонами.

Но деликатныя понятія, имѣющія право жить только въ деликатныхъ головахъ дѣвицъ изъ мѣщанской аристократіи, не могутъ существовать въ головахъ бѣдныхъ третьяго сорта, потому что съ такой деликатностью не мудрено подвергнуться непріятности голодной смерти. Поэтому, бѣдные люди считаютъ равно почтеннымъ всякій трудъ, дѣлющій пищу ихъ пустымъ желудкамъ. Къ сожалѣнію, такой благородный образъ мыслей вознагражденъ недостаточно, и, не смотря на полное желаніе бѣдняковъ работать, они иногда, по необходимости, должны сидѣть сложа руки. На примѣръ, мытье половъ — дѣло очень выгодное, и каждая женщина согласилась бы охотно заниматься имъ каждый день, потому что, кромѣ 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, она имѣла бы еще готовый и плотный завтракъ и обѣдъ. То же самое и относительно пряжи, нитокъ и чулокъ. Но какъ въ городѣ имѣется только точно опредѣленное число полей, несоответствующее числу желающихъ отскоблить ихъ вѣвникомъ съ дресвой, такъ точно на свѣтѣ существуетъ извѣстное число лицъ, нуждающихся въ тотемскихъ чулкахъ. Удовлетворить всѣхъ этихъ желающихъ очень не трудно, такъ что затѣмъ остается у тотемскихъ Пещелопъ еще свободное время, которое оказывается совершенно не-

возможнымъ превратить въ деньги, — будь это хоть одна дециллионная часть копѣйки. Вотъ этотъ-то десугъ моя 67-лѣтняя старушка и посвящаетъ услугамъ своей домовой хозяйки и даже своимъ воспоминашмъ. Трудъ этотъ не оцѣивается на деньги, но онъ вознаграждается верѣдка угощеніемъ чаемъ, какимъ нибудь пирогомъ (только не думайте, что съ начинкой: русскій человекъ избобрѣлъ особенный родъ пироговъ, навываемыхъ съ «вѣтомъ») или даже просто ласковымъ словомъ и обѣщаніемъ угостить чаемъ когда нибудь, со-временемъ.

Выше я сказалъ, что моя старушка съ дочкой добываютъ въ мѣсяцъ деньгами рубля полтора. Чулки и нитки дадутъ имъ въ годъ не болѣе 3 руб. Значитъ, весь ихъ годовой доходъ будетъ рублей двадцать съ небольшими. Кажется, жить совершенно невозможно, а люди не только живутъ, а еще и пьютъ чай, разумѣется, не такъ, какъ мы съ вами, читатель. Такое чудо совершается слѣдующимъ образомъ. На мой вопросъ: «пьешь ли ты, бабушка, чай?» Старушка отвѣтила: «чай пьемъ; какъ похому — рада и чайку; въ нашемъ дѣлѣ безъ него нельзя: имъ только и отогрѣешься». — И затѣмъ объяснила, что она покупаетъ чаю и сахару сразу не болѣе, какъ на 10 к. ассигнаціями, т. е. чаю золотникъ — на 2 к. сер. а сахару на 1 к.: «на день на двухъ и будетъ». И всѣ остальные предметы покупаются точно такъ же по мелочи, и потому, разумѣется, обходятся гораздо дороже. «Какъ наработаю, то и куплю на 9 к. 5 фунтовъ ржаной муки, а какъ побольше, то и дешевле», сказала бабушка и затѣмъ прибавила: «Вотъ работаешь, гдѣ пирожокъ, гдѣ что, а не достанешь — и попрошу: я вѣдь не стыжусь». Этимъ способомъ старуха добываетъ отъ разныхъ своихъ добрототъ гдѣ говядинки немножко, сырой или вареной — чаще, разумѣется, вареной, — гдѣ треска, а клубный поваръ даетъ иногда и шей; разумѣется, послѣднее дѣлается не съ благотворительной цѣлью, а потому, что онъ заставить старуху вымыть у себя полы или сдѣлать другую работу, за которую считаетъ для себя выгодною заплатить натурой, т. е. разными петодными ему клубными остатками; но старуха, по своему добродушію, этихъ тонкостей понять не умѣетъ и считаетъ повара своимъ благотворителемъ. Но и всего этого все-таки недостаточно, и потому старуха дѣлаетъ лѣтомъ разные запасы, особенно для постныхъ дней. Съ этой цѣлью она собираетъ и сушитъ или солить разные грибы и бруснику.

Потому что женскій трудъ пользуется въ Тотмѣ такимъ незначительнымъ вознагражденіемъ, положеніе одинокихъ женщинъ здѣсь до того трудно, что каждую изъ нихъ, если она принуждена жить исключительно своимъ личнымъ трудомъ, можно считать безошибочно полу-нищей. По расчету, который я сдѣлалъ въ первой статьѣ, такихъ одинокихъ женщинъ здѣсь 232, а исключивъ изъ нихъ 50 нищихъ, останется 180, перебивающихся день за день, какъ одинокая старуха съ дочкой. Нѣтъ здѣсь ни торговли, ни промышленности, ни ремесла, ни фабрикъ. Крыжанычъ бы сказалъ, что умы у жителей Тотмы—косны и ничего они не могутъ придумать, и потому сидятъ всѣ сиднями или занимаются такими дѣлами, которыя, вѣроятно, и на островѣ Мадагаскарѣ или на Алеутскихъ островахъ не считаются выгодными.

Для полноты описанія, слѣдовало бы еще сказать, какимъ образомъ, т. е. на что расходуетъ старуха свой приходъ: что она пьетъ и ѣсть и во что одѣвается. Но объ этомъ я скажу въ четвертой главѣ, при описаніи четвертаго сорта тотемскихъ богачей.

VI.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОРТЬ.

Этотъ четвертый сортъ, по уровню потребностей, размѣру денежныхъ средствъ и образу жизни, не отличается почти ничѣмъ отъ третьяго сорта бѣдняковъ. Разница между ними заключается не въ приходѣ, а въ способахъ его приобрѣтенія. Одинокая старуха, если на что не хватаетъ ея собственныхъ силъ, пойдетъ къ своимъ добротамъ и у нихъ выпроситъ; но четвертый сортъ — сортъ гордый: онъ не проситъ, а выручивается самъ, и хотя живетъ такъ же бѣдно, какъ и всякая одинокая старуха, но за то не одоляется. Смыслу этому сорту бѣдняковъ даетъ присутствіе мужчины, поэтому и размѣръ матеріальнаго благосостоянія семьи зависитъ исключительно отъ талантовъ главы семейства. Вотъ пильщикъ, зарабатывающій въ день отъ 25 до 60 к.; у него жена и пятеро карапузиковъ; младшій лежитъ еще въ люлькѣ, а старшему семь лѣтъ. Семья живетъ хорошо, т. е. изба стоитъ прямо, тараканы выморожены, жена одѣта опратно, въ домѣ водятся сальные свѣчи, которыя хотя жгутся

и не всегда, но все-таки жгутся. Всть пыльщикъ, по здѣшнему, превосходно, потому что въ скоромные дни у него всегда говядина, а въ постные—рыба; отъ этого и вся семья смотритъ весело, ребятишки жирные, баба здоровая, а въ люлькѣ барахтается такой здоровякъ, что можно дать ему два года, тогда какъ ему далеко еще нѣтъ и одного. Папскосокъ пыльщика живетъ другое семейство въ покачнувшейся, старой избѣ, которой не суждено никогда выпряматься. Семью составляетъ мать 60 лѣтъ, сынъ 30 лѣтъ, его жена 35 и у нихъ дочь 4 1/2 мѣсяцевъ, другой сынъ 16 лѣтъ и двѣ дочери—одна 20, другая 18 лѣтъ. Значитъ, всѣ взрослые и всѣ работяки; а при семи работникахъ можно бы, кажется, жить хорошо. Между тѣмъ, семья живетъ бѣдно-пребѣдно, потому что на общее прокормленіе работастъ только одинъ большакъ, а все остальное лишь всть. Старшій братъ имѣлъ прежде специальное занятіе: онъ лилъ свѣчи на тотемскомъ свѣчномъ заводѣ. Теперь же эта специальность кончилась, потому что у хозяйки завода подростъ сынъ и сталъ работать самъ. По размѣру тотемской потребности, совершенно достаточно одного свѣчного мастера, потому что подѣдетъ пудъ или полтора сала, хозяйскій сынъ мигомъ выльетъ изъ него свѣчи, и затѣмъ до новой отливки наслаждается безмятежнымъ покоемъ; слѣдовательно, два мастера—очевидная роскошь. Оставшійся за штатомъ, прежній свѣчной мастеръ долженъ былъ измѣнить свою специальность; а какъ другихъ талантовъ, кромѣ свѣчного, у него не оказалось, то онъ и очутился въ положеніи человѣка, стоящаго на распутьи и незнающаго, идти ли ему на право или на лѣво. Теперь, т. е. въ тотъ моментъ, когда я пишу эту статью, экс-свѣчной мастеръ вяжетъ за подепную плату бунты и выручаетъ въ недѣлю 1 рубль, изъ котораго пропиваетъ 20 к. Этой работы достаетъ ему до пасхи; затѣмъ, съ вскрытіемъ Сухоны, онъ пойдетъ въ лямку, чѣмъ и займется все лѣто, до самага льду. За путь въ Вологду и обратно платится 5 р., и совершается онъ въ 2 — 3 недѣли; такихъ двойныхъ концовъ сдѣластъ онъ въ лѣто 12, слѣдовательно, получить 60 рублей, изъ нихъ пропить 12, и чистой выручки останется 48 рублей. Затѣмъ наступитъ голодное зимнее время. Въ шипѣшнюю зиму, до рождества, экс-свѣчной мастеръ заработалъ всего 5 рублей. Такимъ образомъ, его годовой денежный заработокъ, за исключеніемъ того, что будетъ пропито, составляетъ 61 рубль: изъ нихъ на подати и повинности за двухъ пужно отдать до 2 р. 50 к., и останется на прожитокъ

58 р. 50 к. Шестнадцатилѣтній братъ до сихъ поръ не дѣлалъ ничего или, лучше сказать, занимался такъ дѣломъ, котораго его домашніе стыдятся: онъ собиралъ милостыню по глухимъ улицамъ. Но съ будущаго года хозяинъ беретъ его съ собой въ ямку.—Что же касается до прекраснаго пола, то заработки его извѣстны: старуха мать больше всего сидитъ на печкѣ или занимается кое-чѣмъ дома; жена старшаго сына хозяйничаетъ и кормитъ своего грудного ребенка; двадцатилѣтняя дочь ходитъ мыть полы, восемнадцатилѣтняя живетъ теперь въ услуженіи и получаетъ за это жалованья 50 к. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, женщины прядутъ нитки, вяжутъ чулки и ткутъ для домашняго употребленія холсты. Женскій заработокъ не обращается обыкновенно въ общую кассу, а расходуется каждой дамой на свой собственный гардеробъ. Подспорьемъ служить огородъ, въ которомъ Пенелопы сажаютъ картофель, свеклу, морковь, брюкву и лукъ. Изъ нихъ четыре предмета съ специальнымъ назначеніемъ для кухни, а морковь—для забавы дѣвицъ, какъ лакомство. Кромѣ того, прекрасный полъ ходитъ лѣтомъ въ окрестные лѣса и собираетъ грибы и ягоды, служащія пищей въ постные дни.

Вотъ еще одна семья изъ того же сорта богачей: старуха-бабушка, положительно неспособная ни къ чему болѣе, какъ сидѣть на печи; ея сынъ 50 лѣтъ; его жена почти того же возраста; ихъ сынъ солдатъ 24 л. и его жена 22 лѣтъ; другіе дѣти большаки: дочь 22 лѣтъ, дочь 14 лѣтъ, три сына 13, 9 и 6 лѣтъ. Главнымъ работникомъ здѣсь старшій сынъ, служащій на соляныхъ варницахъ Кокорева. Жалованья ему полагается 5 руб. въ мѣсяцъ, но оно выдается не деньгами, а мукой по постоянной цѣнѣ, нѣсколько выше базарной въ обыкновенные годы и значительно ниже въ годы неурожая. Кромѣ того, къ большимъ праздникамъ выдается еще и говядина, напиримѣръ, къ рождеству, къ пасхѣ, фунтовъ по пятнадцати. Положеніе этой семьи гораздо хуже, чѣмъ описанной выше, потому что вся тяжесть содержанія дома лежитъ на отцѣ. Его сынъ, солдатъ, служить въ здѣшней командѣ и работаетъ въ канцеляріи командира съ 8 часовъ утра и, кажется, до 5 или 6 вечера; такъ что, не смотря на свои разнообразные таланты, онъ не вноситъ въ домашнюю сокровищницу ни копѣйки. Таланты же солдата слѣдующіе: онъ учился въ тотемскомъ уѣздномъ училищѣ, и потому умѣетъ не только читать и писать, но даже знаетъ, кто были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; эти обширныя знанія пошли ему, однако, въ убы-

току, потому что его засадили въ канцелярію; кромѣ того, онъ знаетъ малярное ремесло и даже умѣетъ приготовить водку, потому что цѣлый годъ работалъ при водочномъ мастерѣ, когда былъ въ Тотмѣ откупъ. Всѣ эти таланты погибають втунѣ, а грамотность, даже положительно идетъ въ убытокъ. Конечно, человѣкъ болѣе предприимчивый не потерялъ бы даромъ своего вечера; но нашъ солдатъ по вечерамъ или отдыхаетъ, или—что случается впрочемъ очень рѣдко,—подшиваетъ кожей старые валенки. Въ то же время солдатъ заявляетъ свое удивленіе, смѣшанное съ завистью, къ необычайной дѣятельности солдатъ-евреевъ. Напримѣръ, онъ чувствуетъ вполнѣ свое ничтожество предъ евреемъ-барабанщикомъ, который нынче купитъ самоваръ и заплатитъ за него 10 руб. сер., а завтра продастъ за 11 р.; благоговѣетъ нашъ солдатъ также предъ богатствами еврея-цирюльника, извѣстнаго въ Тотмѣ подъ названіемъ «новаго», хотя онъ служитъ въ здѣшномъ горнизонѣ болѣе 10 лѣтъ. Это удивленіе и остается только удивленіемъ и ни на волосъ не убавляетъ обломовщины и инерціи солдата, который понимаетъ при этомъ очень хорошо, что богатство тотемскихъ евреевъ происходитъ отъ ихъ дѣятельности и отъ безталанности тотемскихъ жителей. Видно, русскій человѣкъ, гдѣ бы онъ не жилъ и къ какому бы слою не принадлежалъ, нигдѣ еще не умѣетъ соединить слово и дѣло. Разсуждаетъ онъ и хорошо, да только ничего не дѣлаетъ.

Потому что солдатъ разсуждаетъ гораздо лучше, чѣмъ онъ поступаетъ, онъ находится въ довольно странномъ отношеніи къ семейству своего отца. Отецъ его хорошій и добросердечный мужикъ; ему не хотѣлось, чтобы сынъ жилъ отъ него отдѣльно; но добросердечіе старика не соответствовало размѣру его денежныхъ средствъ, потому что два лишнихъ желудка — вѣчно голодный солдатскій и очень большой здоровеннѣйшей жены солдата, — могли причинить совершенно непоправимый дефицитъ въ съѣстныхъ припасахъ, получаемыхъ старикомъ съ варницы. Поэтому, оказалось необходимымъ устроить общее хозяйство, на основаніяхъ, наиболѣе выгодныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Это устроилось такимъ образомъ. На себя и на жену солдатъ получаетъ въ мѣсяць 1 пудъ 30 фунтовъ ржаной муки, 7 фунтовъ крупъ и 65 к. на приварокъ. Деньги и муку солдатъ оставляетъ у себя и, слѣдовательно, ѣстъ хлѣбъ свой собственный, а крупу отдаетъ въ семью и за это ѣстъ то, что здѣсь называется щами, изъ семейнаго горшка. — Ужь изъ

этого одного можно вывести безошибочное заключеніе, что отповесіи щи не имѣютъ особенно блестящихъ гастрономическихъ свойствъ, ибо всѣ семь фунтовъ крупы стоятъ 21 копѣйку. Слѣдовательно, наши, на двохъ, сынъ вносить въ день 0,7 копѣйки. — Миѣ кажется, что читатель долженъ чувствовать нѣкоторое смущеніе въ тѣхъ частяхъ своего мозга, которыя занимаются у него экономическими соображеніями и хозяйственными расчетами, потому что я предлагаю ему постоянно совершенно неудобомыслимыя величины. А между тѣмъ, эти десятки, сотыя и тысячныя доли копѣекъ въ жизни бѣдняковъ составляютъ такія же единицы, какъ у насъ съ вами, читатель, рубли, у людей болѣе насъ бѣдныхъ—гривенники, а у людей богатыхъ, пьющихъ шампанское и сидящихъ на креслахъ Тура, — десятки и сотни рублей. Поэтому, если вы, читатель, вздумаете когда нибудь пообѣдать роскошно у Дюссо, то съ нѣкоторымъ знаніемъ десятичныхъ дробей можете заняться довольно поучительными вычислениями. — Деньги, остающіяся у солдата, употребляются имъ на нѣкоторыя необычные дополненія къ его скудному столу, наприкладъ, на пироги съ сабдой или съ говядиной, на чай или на сайфу. Последнее уже—расходъ неблагоразумный, слѣдовательно—роскошь, равносильная обѣду бѣднаго чиновника у Дюссо.

Такимъ образомъ, у одной семьи, сидящей за обѣдомъ за однимъ столомъ, общаго только одни щи; хлѣбъ же каждая половина семьи ѣстъ свой собственный. Точно такъ же, если солдатъ вздумаетъ испечь пироги, то онъ имѣетъ полное право ѣсть ихъ вдвоемъ только съ своей женой, и никто не поставитъ ему въ упрекъ, если бы онъ не поподчивалъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Не предложить отцу и матери, конечно, не деликатно, хотя бы и не противорѣчило юридическимъ понятіямъ бѣдныхъ людей.

Гардеробъ людей четвертаго сорта соответствуетъ вполнѣ ихъ обѣду. — Читатель можетъ миѣ замѣтить, что объ обѣдѣ онъ еще ничего не слышалъ, и потому судить о немъ не можетъ; послѣ гардероба скажу и о немъ. — Наприкладъ, у дѣвушки, сестры экс-свѣчнаго мастера, всего три ситцевыхъ платья; башмаковъ нѣтъ, а собирается она завести ихъ къ пасхѣ; теплая одежда ограничивается ватной ситцевой кофтой, которая служитъ для ежедневныхъ выходовъ и для работы; а по праздникамъ, и преимущественно къ обѣднѣ, надѣвается заячья шубка, опушенная лапчатымъ бѣличьимъ мехомъ и крытая дешовенькой шерстяной матеріей (люстриномъ).

Такая шубка стоитъ восемь рублей. Это парадное одѣяніе, не особенно теплое по здѣшнимъ тридцатиградуснымъ морозамъ, не годится совершенно для ежедневнаго употребленія по своей непрочности. Оно заводится для удовлетворенія чувству тщеславія и чтобы не отстать отъ другихъ. У солдатки тоже три платья—два ситцевыхъ и одно кисейное. Шубы нѣтъ ровно никакой, такъ что заячье пальто составляетъ для нея предметъ бесплодныхъ мечтаній, какъ замужество для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. За неимѣніемъ шубы, путешествіе въ церковь совершается въ ежедневной ватной кофѣ, а для тепла надѣвается подъ нее толстый бумажный платокъ.—Къ чести здѣшнихъ мѣщанокъ нужно сказать, что онѣ носятъ ватныя юбки. Я бы не употребилъ этого выраженія, страннаго для каждаго разсудительнаго человѣка, если бы не встрѣчалъ между дѣвицами, изъ такъ называемаго образованнаго сословія, такихъ субъектовъ, которые стыдятся носить зимой панталоны, предполагая, вѣроятно, что этотъ костюмъ оскорбляетъ женскую непорочность и стыдливость.—Бѣлье шьется изъ довольно грубаго холста домашняго издѣлія и мѣняется разъ въ двѣ недѣли.

Объ ѣдѣ тотемскихъ мѣщанъ никакъ нельзя сказать, чтобы они строго сообразовались съ тѣми разграниченіями въ состояніяхъ, которыя я сдѣлалъ. Есть общенаціональныя кушанья, напр. кислая капуста, рѣдька, толокно, чистое или съ брусникой, которыя употребляются людьми даже довольно прожиточнымъ. Затѣмъ, есть кушанья, общія только по названію, но получающія у бѣдныхъ со-всѣмъ иной характеръ, вслѣдствіе дурнаго приготовленія и матеріаловъ низшаго сорта. Наконецъ, есть кушанья, специально питающія желудки бѣдныхъ людей. Эти кушанья, о которыхъ я и буду говорить только, употребляются безразлично бѣдными людьми всѣхъ трехъ сортовъ, такъ что семья экс-свѣчнаго мастера не отличается въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ совершенно бѣдныхъ вдовицъ и даже нищихъ. Причина понятна и проста. То, что называется у насъ простонародьемъ и составляетъ повсюду главную массу рабочаго населенія, ходящаго не въ ситцевыхъ рубашкахъ, а въ рубашкахъ домашняго издѣлія, имѣютъ одинъ общій уровень потребностей и живутъ вездѣ одинаково. Оно не знаетъ ни кроватей, ни перинъ, ни одѣялъ, ни даже подушекъ; полшубокъ или тулупъ замѣняетъ ему и постель, и одежду. Спитъ оно, если не совсѣмъ вповалку, безъ различія пола и возраста, то и безъ особенно стро-

го-установленныхъ въ этомъ отношеніи правилъ. Ъсть оно точно такъ же безхитростно, не затрудняя себя соображеніемъ о томъ, что полезно и вредно, что питательно или только лежитъ въ животѣ балластомъ. Люди, живущіе этимъ образомъ жизни, могутъ зарабатывать себѣ средства существованія весьма различными способами: могутъ быть они и плотниками, и плотничками, и даже свѣчными мастерами; могутъ они быть, пожалуй, и пиццими—внѣшнее различіе, повидимому, огромное,—но это еще не можетъ измѣнять заключенія о томъ, что если всѣ они пьютъ и ѣдятъ одно, спятъ и вообще живутъ одинаково, то въ основаніи такого порядка жизни должны лежать, конечно, однѣ общія причины.

Климатическія вліянія играютъ здѣсь, разумѣется, одну изъ главнѣйшихъ ролей. Аравіянцѣ питается финиками, потому что у него растетъ финиковая пальма; бразилецъ ѣсть апельсины и ананасы и не считаетъ ихъ даже лакомствами; а тотемскія красныя дѣвушки разводять для этой цѣли морковь, которая своими пробковыми свойствами должна приводить непременно въ смущеніе ихъ прекрасные желудки. Въ странѣ, гдѣ роскошью служатъ горохъ и морковь, было бы несправедливо требовать отъ почвы кукурузу, рисъ, бананъ, финики и ананасы. Въ замѣлъ ихъ, да и то только при тщательномъ уходѣ, получаютъ въ огородахъ рѣдька, капуста, брюква, свекла, картофель и морковь; а въ поляхъ—рожь, овесъ, ячмень.—Читатель замѣтитъ мнѣ, что скудная природа не значитъ ничего, что на улицахъ Петербурга не растутъ тоже ананасы, гаванскія сигары, турецкій табакъ, чай, кофе, сахаръ, а между тѣмъ, всѣми этими благами пользуются въ Петербургѣ даже люди вовсе небогатые. Разсужденіе совершенно справедливое; но за то и Петербургъ самъ по себѣ производитъ «нѣчто», обмѣниваемое имъ на хлѣбъ, шелковыя и шерстяныя матеріи и разные другіе предметы. Петербургъ есть русская умственная лабораторія, и такъ какъ въ немъ производятся разныя хорошія и умныя мысли въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ нужно для самого Петербурга, то они и мѣняются на аравійскіе финики, мессинскіе апельсины, гаванскія сигары, французскія шелковыя матеріи и сукна, и т. д. Но что же производить Тотема, что бы бразилцу было выгодно повезти къ себѣ на обмѣнъ свои ананасы, а французу—бордосскія вина или ліонскія матеріи?—Единственный продуктъ труда тотемскихъ гражданъ, имѣющій общеевропейскія свойства, есть полу-чулки. Товаръ этотъ идетъ да-

же въ Петербургъ, и въ замѣнъ его тотемцы получаютъ разныя нехитрыя матеріи для своего скуднаго гардероба и чай, и сахаръ. Вотъ все, что нужно тотемцамъ и что они въ состояніи вымѣнять на свой трудъ. Если бы ихъ трудъ былъ такъ же успѣшенъ, какъ трудъ хоть бы даже петербургскихъ жителей, то къ намъ бы поѣхали и бухарскіе халаты, и лѣонскія шолковыя матеріи, и финики, и абрикосы. А теперь кто же повезетъ сюда абрикосъ, когда въ замѣнъ его предложить одну брюкву или одну морковку? Человѣкъ, производящій въ день на 3 коп., можетъ получать и въ замѣнъ того другихъ необходимыхъ ему предметовъ тоже не болѣе, какъ на 3 коп. При большомъ развитіи промышленныхъ способностей, можно бы, разумѣется, производить въ день и болѣе, чѣмъ на 3 коп., но какъ такихъ способностей въ наличности не оказывается, то приходится направить свои силы на то, на что они наиболѣе годятся. Ни лондонскій, ни парижскій, ни даже петербургскій мѣщанинъ не сѣютъ луку, брюквы и картофеля. Тамошнему мѣщанину гораздо выгоднѣе заняться какимъ нибудь другимъ трудомъ, потому что онъ пріобрѣтетъ на него не только брюкву и картофель, но и все остальное, необходимое ему для жизни. Но тотемскій мѣщанинъ иныхъ силъ и способностей; онъ занятъ менѣе выгоднымъ, потому что болѣе выгоднаго произвести не въ состояніи, или лучше сказать, онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы добыть побольше, и это «побольше» все-таки вещь очень скудная, потому что онъ производитъ всего ровно столько, чтобы купить себѣ верхнюю одежду, сапоги, муку, чай и сахаръ, а остальное, ему необходимое, вымѣнять ему не па что; онъ долженъ произвести все это самъ. Вотъ почему тотемскія Пенелопы обращаютъ лѣтомъ свои силы на возвращеніе въ огородахъ луку, картофеля, брюквы, свеклы и капуста, т. е. такихъ предметовъ, какіе только въ состояніи произвести мѣстный климатъ и почва.

Такимъ образомъ, скудная природа, въ соединеніи съ скудными промышленными способностями, создаетъ и скудные продукты. Но и эти скудные продукты, при иныхъ условіяхъ, могли бы быть обработаны инымъ образомъ. Англичане изъ вопючей трески приготавливаютъ очень вкусную закуску къ водкѣ; французскіе повара изъ капусты и говядины дѣлаютъ множество разнообразныхъ и вкусныхъ вещей; люди же первоначальнаго, простого быта тѣ же самые матеріалы поглощаютъ въ ихъ простѣйшемъ, сыромъ или почти сы-

ромъ видѣ. Тотемцы держатся гастрономической и кулинарной теоріи первоначальныхъ людей и обнаруживаютъ враждебное расположеніе къ французской и англійской кухнѣ. Можетъ быть, они въ этомъ и правы, точно такъ же, какъ будутъ правы англичане и французы, если отнесутся подобнымъ же образомъ къ кухнѣ тотемской. Мы, русскіе, конечно будемъ менѣе строги въ этомъ отношеніи; мы говоримъ даже съ порядочною долей гордости, что русскій человѣкъ не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ удобствъ жизни; что нѣтъ такихъ лишеній, которыхъ бы онъ не перенесъ; что ему ни по чемъ 40 градусный морозъ и 60 градусный жаръ; что онъ можетъ не ѣсть три и не пить четыре дня, или на оборотъ—что впрочемъ не пзмѣняетъ сущности, — что онъ проживетъ на рѣдкѣ такъ же благополучно и проработаетъ столько же, сколько англичанинъ на ростбиофѣ. Въ доказательство желѣзныхъ свойствъ русскаго человѣка, можно привести при этомъ итальянскій походъ Суворова, конечно, не упоминая о Хованскомъ. Но добродѣтельный читатель! если вы вздумаете дѣйствительно говорить все это, то докажете только, что вамъ совершенно незнакома физиологія. Кушайте рѣдку, сколько вамъ угодно, но только не увѣряйте, что толочко съ брусничой вкуснѣе и питательнѣе ростбиофа, или что лошадь, кормящая однимъ сѣномъ, можетъ проработать столько же, сколько лошадь кормящая овсомъ. Все это, повидимому, очень хорошо извѣстно всѣмъ такъ называемымъ образованнымъ русскимъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же образованный русскій входитъ въ азартъ, если отзываются не съ достаточной похвалой о рѣдкѣ и толочкѣ?—Гдѣ же вы видѣли такихъ образованныхъ русскихъ? спроситъ меня читатель.— Видѣлъ, читатель, и очень много видѣлъ. Я знаю, что своимъ отзывомъ о толочкѣ задѣну патриотическое чувство этихъ почтенныхъ людей; но я знаю также, что они задѣнутся потому, что сами живутъ болѣе или менѣе въ родѣ тотемскихъ мѣщанъ, и если не всегда ѣдятъ вислюю впусу и рѣдку, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не покровительствовали блопамъ, блохамъ, тараканамъ, и чтобы были въ состояніи жечь и думать, какъ англичане, нѣмцы и французы, съ которыми они имѣютъ неосторожность считать себя равными по образованію. Въ той постепенной лѣстницѣ, какая образуется отъ самаго необразованнаго до утонченно-образованнаго русскаго, люди этого сорта составляютъ еще у насъ значительное большинство — главныхъ пѣвчихъ въ нашемъ общемъ русскомъ хорѣ.— Если чита-

телю покажется, что по поводу объѣда тотемскихъ мѣщанъ можно было бы говорить и поменѣе, то я ему замѣчу, что такое разсужденіе неправильно. Любители русской стороны и народныхъ преданій испологовали Россію вдоль и поперекъ, записывая вздорные и никому совершенно ненужные разсказы про никогда несуществовавшихъ богатырей и чудовищъ, созданныхъ дѣтскимъ народнымъ воображеніемъ; любители напечатали тысячи народныхъ пѣсень; нѣтъ ли одного журнала, гдѣ бы не помѣщались подобныя вещи; нѣкоторымъ собирателямъ удалось составить себѣ довольно громкую известность только потому, что имѣли довольно здоровыя ноги, чтобы ходить пѣшкомъ по Россіи, и довольно терпѣнья, чтобы сидѣть въ курныхъ избахъ и записывать отъ бабъ пѣсни. Но любители, ухитрившіеся забраться въ вѣкъ Владимира и въ компанію Добрыни Никитича, забыли среди блистательнаго общества русскихъ богатырей, что есть на свѣтѣ живые люди, для насъ болѣе важные, чѣмъ тѣны несуществовавшихъ исполиновъ, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что они отличались здоровыми кулаками; любители забирались въ самую глубь народнаго воображенія и, въ то же время, не видѣли, что ѣсть, сидящая съ ними за однимъ столомъ, баба, отъ которой записывается пѣсня; какъ живетъ эта баба и какое толокно или другой продуктъ русской промышленной изобрѣтательности начинается ея брюхо. Ни одинъ любитель московской старины не обратилъ вниманія на современнаго русскаго человѣка, точно намъ до зарѣзу попадобилось познакомиться съ Полканомъ богатыремъ или Нилей Муромцомъ. Но я думаю, что описаніе ѣды русскаго человѣка важнѣе всякой русской пѣсни, особенно изъ временъ Владимира, и для человѣка разсудительнаго, живущаго во времени, а не въ пространствѣ, интереснѣе знать, что ѣсть нынче тотемскій мѣщанинъ, чѣмъ какъ пѣлъ Добрыня Никитичъ.

Чтобы образованный русскій патриотъ могъ представить себѣ ясенѣе весь утопченный вкусъ яствъ тотемскихъ мѣщанъ и величіе ихъ кулинарнаго искусства, я посоветовалъ бы ему заказать своей кухаркѣ объѣдъ по моимъ рецептамъ. Рецепты г-жи Авдѣевой конечно лучше, но ея объѣдъ не можетъ имѣть такого просвѣтляющаго вліянія на экономическія понятія; а потому, если патриотъ, воспользовавшись моимъ совѣтомъ, сочинитъ для себя тотемскій объѣдъ—я даже совѣтовалъ бы ему пригласить гостей,—и послѣ объѣда хозяинъ и гости почувствуютъ въ своихъ желудкахъ разныя непріят-

ности, — то это все, чего я желаю, ибо затѣмъ экономическія понятія компаніи освѣтятся непременно повѣмъ свѣтомъ и за мной упрочится частичка той славы, которая въ русской кухнѣ принадлежала до сихъ поръ безраздѣльно одной г-жѣ Авдѣевой.

Рецептъ № 1. *Пареная брюква*. — Брюква обмывается, кладется въ плошку и ставится въ испoпленную печь. Когда брюква испарится, ее ѣдятъ горячую или остуженную. — Очень вкусное кушанье, замѣняющее лакомство, и потому можетъ служить вмѣсто пирога. — Ножей и вилочекъ при ѣдѣ его не употребляется.

№ 2. *Супъ изъ свеклы*. — Свеклу очистить, изрубить, положить въ горшокъ, налить воды и посыпать соли по вкусу, и поставить въ печь. — Ѣдятъ ложками, съ хлѣбомъ. Очень красивый супъ, розоваго цвѣта, представляющій то удобство, что можетъ быть безразлично употребляемъ въ дни постныя и скоромныя.

№ 3. *Морковница (супъ)*. — Взять моркови, обмыть ее въ родѣ и затѣмъ испарить въ печи. Когда морковь достаточно упрѣетъ, изрубить ее помельче, посыпать солью, положить на плошку и облить молокомъ, такъ чтобы вышелъ супъ. — Кушанье это ѣдятъ тоже ложками, съ чернымъ хлѣбомъ.

Примѣчаніе. Морковь употребляется еще въ сыромъ видѣ, какъ лакомство, преимущественно дѣвушками и дѣтьми, и какъ начинка для пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ готовится тѣсто изъ ржаной муки на половину съ 2 сортами пшеничной, вслѣдствіе чего, оно получаетъ пріятный шоколадный цвѣтъ, нѣсколько съ чернымъ оттенкомъ. Тѣсто раскатывается толстымъ слоемъ, и испаренная и изрубленная морковь намазывается возможно-тонкимъ слоемъ; затѣмъ пирогъ зашпиливается и сажается въ печь. — Требуется особенный навыкъ для опредѣленія соотвѣтственнаго отношенія между толщиной тѣста и толщиной слоя моркови. — И эти пироги имѣютъ ту двойную выгоду, что могутъ служить одинаково въ постныя и въ скоромныя дни. Впрочемъ, для придачія имъ строго-постнаго характера, обмазываютъ ихъ сверху постнымъ масломъ. Въ мясоѣдъ же можно обмазывать ихъ масломъ скоромнымъ. — Ѣдятъ пальцами.

№ 4. *Жареные яблоки (Pommes de terr.)* — Французское названіе поставлено въ скобкахъ потому, чтобы не вводить читателя въ недоразумѣніе; а во-вторыхъ, чтобы показать, что тотемскіе мѣщане знакомы съ французскимъ языкомъ). — Картофель сварить въ водѣ,

вычпстить, искрошить ножами, положить въ плоску, прибавить маела (постнаго или скоромнаго, смотря по дню), посолать, поставить въ печь, и когда картофель зажарится, то превратится въ жаренныя яблоки.—Ъдятъ вилами, но преимущественно ложками; съ тѣмъ же удобствомъ можно употребить и пальцы.

№ 5. *Щи* или, какъ пишутъ знатоки русскаго языка,—*Шти*.—Налить въ горшокъ воды, положить немного овсяныхъ крупъ и луку—смотря по времени года, перушками или луковками,—и щепоть соли, и поставить горшокъ въ печь. Когда все это хорошо упрѣеть, наливаютъ въ чашку и ѣдятъ ложками. Въ скоромные дни преимущественно, когда есть говядина, щи варятся на мясномъ бульонѣ. Чтобы бульонъ не вышелъ особенно крѣпкъ, на семью въ десять человекъ кладется 2 фунта говядины.

№ 6. *Каша*.—Въ сочиненіяхъ г-жи Авдѣевой можно найти подробныя описанія самыхъ разнообразныхъ сортовъ кашъ, и потому читатель отсылается туда. Прекрасная же тотемская шѣцанка, посвятившая меня въ тайны своей кухни, на мой вопросъ о кашѣ, отвѣтила, что кашъ она никакихъ не варитъ—дорого. Это же мнѣніе раздѣляютъ и всѣ сорта бѣдныхъ, о которыхъ я говорилъ.

№ 7. *Пирогъ*.—Дѣлаются разныхъ фасоновъ и величинъ—отъ полтора вершка до полуаршина,—и начинываются наглухо, со швомъ посрединѣ, если пирогъ большой, или сбоку, если пирожокъ маленький; готовятся также и растеган. О тѣстѣ было уже сказано. Что же касается до начинки, то въ торжественные дни употребляется для этого говядина, въ дни постные и менѣе торжественныя—сайда. Рыба эта имѣетъ достоинство дешевизны, ибо продается по 3 в. за фунтъ, а другихъ достоинствъ у нея не имѣется. Это значитъ, что вкуса въ ней нѣтъ ровно никакого, а волеетъ она ни то йодомъ, ни то треской, что, можетъ быть, и очень ароматично, но требуетъ привычки смолоду и крѣпкихъ оболнательныхъ нервовъ. Если идетъ въ начинку рыба, то никакихъ дополнительныхъ приправъ къ ней, кромѣ соли, въ пирогъ не прячется. Постныя свойства пирога отъ этого возвышаются болѣе и трудноваримость его усиливается. Въ открытую грудь растегавъ кладется свѣжая сельдь или другая мелкая рыба, а въ скоромные дни и всякая каша съ рубленой свиной или нѣчто подобное. Такъ какъ всѣ эти дополненія употребляются въ пирогахъ собственно, какъ украшеніе, то очевидно, что главнѣйшая сущность заключается въ тѣстѣ, такъ что всякій тотемскій

пирогъ—мои тотемскіе аристократическіе читатели подымаютъ, разумѣется, что я говорю не объ ихъ пирогахъ, — можетъ быть разсматриваемъ—даже безъ большой натяжки,—какъ пирогъ съ «нѣтомъ».

№ 8. *Кислая капуста*. — Употребляется въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ приправъ. Очень пріятное кушанье и, по мнѣнію Либиха, весьма полезное на сѣверѣ.

№ 9. *Соленые грибы*. — Употребляются, какъ и кислая капуста. — Либихъ о соленыхъ грибахъ не говоритъ ни слова, вѣроятно потому, что въ выметенныхъ пѣнецкихъ лѣсахъ никакіе грибы не рождаются. — Сухіе грибы варятъ съ водой и выходятъ супъ. Кромѣ того, пекутъ съ сушеными грибами пироги: большіе называются обабки, а ппрожки—челски. Тѣ и другіе пекутся по тѣмъ же основаніямъ, какъ было объяснено выше.

№ 10. *Рядька*. — Растирается на теркѣ, потомъ мѣшается съ квасомъ и солью. Въ видѣ особенной приправы примѣшивается толокно, и тогда образуется кушанье весьма деликатнаго свойства.

№ 11. *Толокно*. Нигдѣ кулиарный (днствіятъ русскаго человѣка не возвысился до такой степени, какъ въ разнообразныхъ и по истинѣ многочисленныхъ видовзмѣненіяхъ толокна.

Видозмѣненія: а) *Тягушка*. — Толокно размѣшивается жидко въ квасъ, такъ чтобы вышла совершенно однообразная болтушка. Соли не кладется.

б) *Мѣшанина*. — Толокно замѣшивается на водѣ густо прегусто, чтобы образовалось нѣчто подобное замазкѣ—той же степени плотности и вязкости. Затѣмъ это вещество поливается постнымъ масломъ и поѣдается ложками, какъ каша.

в) *Ягоды съ толокномъ*. — Берутъ моченую бруснику, поливають приличнымъ количествомъ холодной воды (болѣе или менѣе, смотря по запасу брусники и по вкусу), посыпаютъ толокномъ и размѣшиваютъ. Образуется болѣе или менѣе густой супъ.

д) *Дежень*. — Толокно замѣшивается на водѣ, какъ мѣшанина; затѣмъ берутъ цѣльную простоявшу, взбалтываютъ ее мутоской или ложками, чтобы сдѣлать массу однородной, и поливають этимъ толокно.

е) *Толокно съ молокомъ*. — Берутъ сладкое молоко, посыпаютъ его толокномъ и размѣшиваютъ.

12). *Блины*. — Знатокамъ русской народной жизни извѣстно, что простонародье наше дошло въ нѣкоторыхъ вещахъ до понятій весь-

на вольнодумственныхъ, общихъ во многомъ съ нѣмцами. Такая же родственность замѣчается и въ блинахъ. Чисто русскихъ, гречневыхъ блиновъ тотемцы не пекутъ, даже на масляницѣ. Это странное явленіе знатоки объясняютъ неистѣемъ въ Тотѣихъ гречневой муки. Но я считаю подобное толкованіе нѣсколько смѣлымъ, и думаю, что если бы тотемцы очень захотѣли гречневыхъ блиновъ, то къ нимъ привезли бы, разумѣется, и гречневую муку. Тотемцы, однако, предпочитаютъ нѣмецкіе блины русскимъ. Блины пекутся здѣсь овсяные и ячмы. Для этого разбалтывается жидко на водѣ—а у кого есть корова, то и на молокѣ, — мука, кладется немножко соли и пекутся на сковородѣ тонкіе, листообразные блины, совершенно подобныя нѣмецкимъ.

13). *Олады.*—Кушанье это ѣдятъ только въ заговѣнье; поэтому ясно, что оно не имѣетъ характера повседневности и можетъ быть рассматриваемо, какъ нѣчто исключительное. Олады пекутся изъ муки гороховой, ячмой и пшеничной. Ёдятъ ихъ за завтракомъ, горячія; а если что останется, то и за обѣдомъ, но ужь холодныя.

Одни рецепты еще не даютъ понятія о характерѣ о и составѣ обѣда; а потому я приведу росписаніе обѣда одного, описаннаго выше, семейства за двѣ недѣли: постную и скоромную. Предупреждаю читателя, что во мнѣ приносили каждый день пробныя порціи, следовательно, мое описаніе взято съ натуры и за вѣрность его я ручаюсь. — Пробы начались съ среды.

Среда. За завтракомъ квашеная капуста; за обѣдомъ квашеная капуста; за ужиномъ квашеная капуста.

Четвергъ. За завтракомъ одинъ черный хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной и творогъ. (Это кушанье я пропустилъ выше: творогъ ѣдятъ въ простѣйшемъ его видѣ, безъ всякихъ приправъ и прибавленій). За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Пятница. За завтракомъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ постные щи, т. е. овсяная крупа на водѣ безъ говядины, квашеная капуста. За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Суббота. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной (прошу читателя помнить, что щамп называютъ здѣсь овсяную похлебку); а у солдата, кромѣ того, пирогъ съ сайдой, которымъ онъ угощалъ и семейство своего отца.—За ужиномъ щи.

Воскресенье. Утромъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ щи съ говядиной,

а у обѣда пироги съ говядиной и растегаи съ овсяной крупой и свиной. За ужиномъ щи.

Понедѣльникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ творогъ политый мадрагасскимъ, т. е. сыворожкой, оставшейся послѣ сбиванія масла. (Подрагаска было приготовлено не дома, а куплено).—За ужиномъ то же самое.

Вторникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ вареная сайда, т. е. уха, приготовленная по слѣдующему рецепту: вода, сайда, соль, овсяная крупа. За ужиномъ то же.

Недѣля постная:

Понедѣльникъ. Завтракъ: квашеная капуста; обѣдъ: рѣдька и капуста; ужинъ, какъ обѣдъ.

Вторникъ. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ горохъ, разваренный на водѣ, и капуста; ужинъ такой же.

Среда. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ рѣдька съ толконномъ, щи, капуста; за ужиномъ ща и капуста, и т. д.

Въ посту число блюдъ болѣе, и это понятно; но за то весь постъ до Благовѣщенья рыбы не ѣдятъ; а если кто позволить себѣ такоевольноеудуство, то назовутъ его нехристомъ, жидомъ и т. п. Въ Вологдѣ народъ гораздо либеральнѣе. Впрочемъ, къ стыду тотемцевъ, надо замѣтить, что и между ними заводятся теперь либералы, позволяющіе себѣ ѣсть въ посту рыбу. Конечно, изъ этого исключаются среды и пятницы, и первая, четвертая и страстная недѣли великаго поста.

Подобнымъ образомъ ѣсть въ Тотмѣ половина населенія, т. е., по меньшей мѣрѣ, 1800 человекъ; нѣсколько лучше ѣсть—допуская большее разнообразіе и обиліе яствъ, но однако не выходя за предѣлы 13 главныхъ кушаньевъ, описанныхъ мною выше,—еще одна четверть населенія или человекъ 900. Я воздерживаюсь опредѣлить однимъ словомъ качество ѣды тотемцевъ; если же для человека скромной жизни и понятій такая ѣда покажется хорошей,—значить, въ Тотмѣ людей, хорошо ѣдящихъ, можно считать до 2,700, а какъ слово «хорошо» на всѣхъ европейскихъ языкахъ имѣетъ хороший смыслъ, то для прославленія Тотмы можно напечатать во всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, что изъ 3,500 жителей этого города 2,700 ѣдятъ хорошо. Послѣдствіемъ будетъ то, что наиболѣе популярный у насъ лордъ Пальмерстонъ, прочитавъ въ газетахъ такое извѣстіе, улыбнется и скажетъ: «а вѣдь я о Тотмѣ думалъ иначе,—тамъ ѣдятъ хорошо». И нарисуетъ при этомъ лордъ Паль-

мерстонъ въ своемъ изображеніи пудовой ростбоекъ, нѣсколько сортовъ пудангу, батарею хересу, портеру, элю, каравай честеру и т. д., погладитъ себя по животу и опять улыбнется. Но могутъ произойти послѣдствія и болѣе существенныя. Англичане, плѣщенные тѣмъ, что въ Тотъмѣ ѣдятъ хорошо, двинутся къ ширь сюда цѣлыми караванами; проведутъ они въ Тотьму желѣзную дорогу, устроить здѣсь полотняныя фабрики, и ленъ, возвращаемый въ Вологодской губерніи, перестанутъ выпускать за границу; вмѣсто вязанья чулковъ руками, устроить чулочные фабрики; сѣмена тимоевовой травы въ Петербургъ не повезутъ, а заведутъ около Тотьмы хорошее луговое хозяйство, хорошій рогатый и дойный скотъ; начнутъ приготавливать разные сыры; треску и сайду, имѣющія въ нашемъ отечественномъ приготовленіи убійственный запахъ, приготовить на манеръ сардинокъ, закупорятъ въ жестяныя коробки, и хотя на нихъ, какъ и нынче, будетъ красоваться англійское «cod-fish», но выпзу поставятъ не «London», а «Totma». Вмѣстѣ съ отечественной треской, превратившейся въ cod-fish, пошлются въ западную Европу наши рабчики, куропатки и проч., и проч., и проч. Однимъ словомъ, Тотьма уподобится Ливерпулю или Манчестеру,—цужо только, чтобы сюда пріѣхали англичане. Впрочемъ, какъ русскій, я бы желалъ, чтобы то же самое сдѣлали сами тотемскіе мѣщане, безъ всякихъ англичанъ и французовъ; но не скрою отъ многоуважаемыхъ моихъ тотемскихъ читателей, что почтенные ихъ сограждане не представляютъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ надеждъ на такую прогрессивность, и что только какое нибудь необычайное событіе, какъ напримѣръ, проведеніе черезъ Тотьму десяти желѣзныхъ дорогъ, могло бы сдвинуть ихъ съ мѣста и вывести изъ состоянія косности, въ которомъ они пребываютъ много вѣковъ.

Косность есть общая черта всего тотемскаго населенія; даже прожиточные, которыхъ считается въ городѣ менше ста человекъ,—такіе же обломовы. А между тѣмъ, прожиточные стоятъ, по образованію и развитію, много выше остальныхъ мѣщанъ. Разумѣется, въ этой косности невиноваты ни теперешніи, ни прежніи поколѣнія. Много было причинъ и естественныхъ, и историческихъ, которыя вліяли на мѣстныхъ жителей и создали накопецъ то умственное состояніе, въ которомъ пребываютъ тотемцы теперь. Экономическій результатъ всего этого въ наше время тотъ, что изъ 3,500 жителей—богатыхъ, т. е. людей капиталныхъ, купцовъ, въ городѣ всего человекъ 15;

прожиточныхъ — человекъ 100; находящихся въ переходномъ состояніи отъ прожиточныхъ къ болѣе бѣднымъ, — человекъ 200, а остальное все большая или меньшая голь.

VII.

Прожиточные.

Хотя я и не сказалъ нигдѣ прямо, но изъ послѣднихъ моихъ словъ читатель можетъ заключить, что въ экономической жизни тотемцевъ замѣчается не прогрессъ, а регрессъ. Это замѣтнѣе всего на прожиточныхъ, которые служатъ представителями отживающаго, первобытнаго промышленнаго начала.

Нѣкогда Тотыма была городомъ довольно оживленнымъ. Но происходило это не потому, чтобы въ тѣ времена умственные способности тотемцевъ были развитѣе, а чисто по обстоятельствамъ внѣшнимъ: чрезъ Тотыму шель сибирскій трактъ, а потому она пользовалась всѣми выгодами транзитнаго мѣста.

Подобное положеніе похоже на положеніе купца, которымъ быть выгодно, пока есть чѣмъ торговать; но какъ скоро исчезъ товаръ, долженъ исчезнуть и купецъ. Это исчезновеніе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть очень недалеко отъ голодной смерти, потому что человекъ, всю жизнь свою занимавшійся только тѣмъ, чтобы передавать предметы отъ производителя къ потребителю, а самъ, своимъ личнымъ трудомъ, несоздававшій ровно ничего, въ случаѣ прекращенія подобныхъ передачъ, долженъ очутиться съ совершенно пустыми руками. Хорошо еще, если онъ умѣетъ дѣлать горшки или шить сапоги: онъ можетъ приняться за это ремесло; а если нѣтъ? — То же самое происходитъ и съ транзитнымъ городомъ, когда прекращается транзитъ. Во время провоза товаровъ были нужны лошади, ямщики, постоялые дворы, харчевни, трактиры, сколько требовалось однихъ земледѣльческихъ продуктовъ, чтобы удовлетворить всю эту массу людей и лошадей, не говоря уже о предметахъ другого рода, въ видѣ разныхъ питей и увеселеній, услаждавшихъ сердца путешествовавшихъ купеческихъ прикащиковъ, сынковъ, а пожалуй, и самихъ купцовъ. Городъ кипѣлъ жизнью и собиралъ обильную дань со всякой проходившей чрезъ него живой души. И вдругъ трактъ

переводится въ другое мѣсто, и живыя души перестаютъ переходить и переѣзжать черезъ городъ: — постоянныя дворы, карчавны и трактиры закрываются, находявшаяся въ нихъ прислуга распускается по домамъ, ящички тоже, лошади распродаютъ, подвозъ сѣна, овса, муки, крупъ, масла, говядины и т. п. изъ деревень прекращается, и вмѣсто прежняго оживленія, воцаряется монастырская тишина. Все, что жило прежде, прямо или косвенно, проѣзжающими и перевозкой товаровъ, должно теперь найти себѣ какое нибудь другое занятіе; но какое? Вѣдь это промышленный кризисъ; кризисъ болѣе грудной, чѣмъ Ливернуля при недостаткѣ хлопка. Ливернулскимъ рабочимъ, конечно, трудно оставаться безъ работы, и положеніе это тѣмъ ужаснѣе, что разореніе поражаетъ десятки тысячъ народа сразу; но страданіе каждаго отдѣльно-взятаго рабочаго здѣсь все-таки не такъ велико: не сегодня, такъ завтра привезутъ хлопокъ, и работа закинитъ снова. Конечно, можно умереть съ голоду, не дождавшаго этого кипѣнья; но кто останется живъ, тому будетъ работа. Совсѣмъ другое, если прежняя промышленность превращается совершенно, тутъ даже и тѣмъ, кто остается живъ, предстоить перспектива весьма печальная и положеніе почти безвыходное. Вмѣсто стараго, кончившагося безвозвратно, нужно создать новое; а какъ-будто оно создается легко и скоро? Куда дѣться и за какую работу приняться тысячамъ бурлаковъ, которыхъ волжскіе пароходы оставили безъ дѣла? Идти домой? Да они и прежде уходили изъ дому, потому что дома нельзя ничего заработать. — Въ подобное же положеніе ставятъ повсюду ящичковъ желѣзныя дороги. Конечно, пароходство развивается постепенно, желѣзныя дороги строятся не вдругъ, и потому людямъ есть возможность обдумать свое положеніе заблаговременно и принскать занятіе. Но справедливо также и то, что при всей постепенности устройства желѣзныхъ дорогъ, на примѣръ, хотя московской, дѣло это идетъ сравнительно гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ принскать или создать себѣ новое занятіе десятки тысячъ ящичковъ. А если обратить вниманіе на недостатокъ умственнаго развитія народа, отсутствіе предприимчивости и знаній, наконецъ, на сословныя предрасудки — на примѣръ, ящичекъ считаетъ земледѣіе занятіемъ унижительнымъ, — то будетъ понятно, почему такія ямы, какъ Тотыма и другія, лежація по московскому шоссе, представляютъ въ настоящее время весьма жалостный видъ. Московская желѣзная дорога, конечно, — благо, но только не для ящичковъ

московскаго шоссе. Что случилось съ ямщиками отъ проведенія желѣзной дороги, то случилось и съ Тотьмой съ уничтоженіемъ сибирскаго тракта: прежній заработокъ кончился и люди очутились внезапно съ сложенными руками, не зная, на какое употребить ихъ дѣло. Конечно, на свѣтѣ существуетъ много занятій, кромѣ извоза и содержанія постоялыхъ дворовъ: можно ткать разныя матеріи — бумажныя, шерстяныя, шёлковыя; можно выдѣлывать кожи и готовить кожаныя издѣлія, хотя бы въ томъ родѣ, какъ занимается этимъ Тюмень. Все это можно, но, какъ видно, только не для Тотьмы. Здѣшніе жители, оставшіе послѣ перевода сибирскаго тракта съ сложенными руками, благополучно пребываютъ въ этомъ мирномъ положеніи и до сихъ поръ. Читатель, можетъ быть, думаетъ, что жители находятся только въ первомъ моментѣ недоумѣнія, вызваннаго внезапнымъ переходомъ къ новому положенію; что они теперь соображаютъ глубокомысленно, за что имъ приняты, и подъ недоумѣніемъ скрываютъ не совершенно выяснившуюся для нихъ мысль, которая разрѣшится какимъ нибудь промышленнымъ открытіемъ?—Бываетъ и такъ на свѣтѣ; но въ Тотьмѣ такъ не бываетъ. Она недоумѣваетъ чуть ли не сто лѣтъ, и до сихъ поръ еще не надумалось, да вѣроятно никогда и не надумается, если не придетъ къ ней на помощь землетрясеніе или какое нибудь другое подобное событіе, способное разбудить почтенныхъ тотемскихъ обитателей отъ ихъ зимней спячки.

Нынешніе прожиточные, большею частью, —потомки прежнихъ богачей или зажиточныхъ людей, проживающіе свои послѣднія крохи и перебивающіеся изо дня въ день. Многіе изъ нихъ, а также и люди побѣднѣе, если ихъ спрашиваютъ, почему они живутъ такъ скудно, объясняютъ это пожаромъ. Подумаешь, что пожаръ былъ вчера; но по справкамъ оказывается, что онъ былъ болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ. Теперешній фактъ въ томъ, что умы тотемцевъ обрѣтаются въ весьма печальномъ состояніи, и что если косность бѣдныя объясняется его ничтою, то никакъ нельзя привести ту же причину въ оправданіе прожиточнаго. Напротивъ, прожиточные служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какое экономическое бѣдствіе можетъ испытывать страна, если въ головахъ, вовсе не голодающихъ, живутъ убѣжденія временъ царя Гороха; когда въ ихъ характерѣ нѣтъ ничего, кромѣ дряблости, а въ сердцѣ — кромѣ без-

плодной, расслабляющей надежды, что авось богатство свалится съ неба въ вознагражденіе человѣку за его терпѣливое ожиданіе.

Я знаю довольно коротко одно прожиточное семейство; люди это честные, деликатные, отлѣчивающіеся всѣми приѣмами образованныхъ людей; но въ то же время до того косные, апатичные, дряблые, что они не шевельнуть ни однимъ пальцемъ, если ихъ не заставитъ вѣтеръ, снѣгъ, дождь и вообще какая нибудь внѣшняя причина. Люди эти составляютъ превосходный типическій образецъ прожиточныхъ тотемцевъ вышшаго разряда.

Прожиточные составляютъ переходную форму, связующее звѣно, расплывающееся, съ одной стороны, въ бѣдняковъ четвертаго сорта, а съ другой, соединяющееся съ высшимъ человѣчествомъ и постепенно въ него переходящее. Поэтому, смотря по мѣсту, занимаемому прожиточнымъ, онъ принимаетъ большій или меньшій оттѣнокъ того слоя, къ которому стоитъ ближе. Тѣ изъ прожиточныхъ, которые расплываются въ настоящее безхитрое простое народье, не представляютъ поэтому ничего особенно любопытнаго. Это голыши, старающіеся сохранить, по возможности, нѣкоторый оттѣнокъ того внѣшняго приличія, которое упрочиваетъ за ними репутацію прожиточности. Ъдутъ они скверно, живутъ грязно, особенной изящностью манеръ и рѣчи не отличаются, и вообще похожи на четвертый сортъ. Но прожиточные аристократическаго полета—совсѣмъ иное дѣло. У нихъ уже является приказная манерность, въ тонѣ рѣчи слышится музыкальность и пѣвучесть, совершенно недоступная для грубаго уха четвертаго сорта; мужчины стараются быть остроумными на дворянскій манеръ, дѣвицы усваиваютъ цѣлыя фразы изъ провинціальныхъ кадрыльныхъ разговоровъ и изъ пѣсенника Курганова; вообще, литературное изящество и эстетика манеръ и рѣчи смѣняютъ мужиковатость простаго человѣка, называющаго все вещи ихъ собственными именами. Прожиточные, это тотъ сортъ людей, который служитъ проводникомъ въ массу народа внѣшняго лоска цивилизаціи, и особенное законодательное могущество въ этомъ отношеніи проявляетъ прекрасный полъ. Изящныя прожиточныя дѣвицы первыя надѣлы кринолины, обзавелись шляпками, зонтиками; онѣ слѣдятъ за модами; добываютъ выкройку гусарокъ, матросокъ, и хотя шьютъ ихъ не изъ тѣхъ матеріаловъ, какъ люди со средствами, а больше изъ стараго и крашенаго; но по отношенію къ какой нибудь бѣдной Машеньгѣ Талашовой, онѣ пользуются все-таки моднымъ авто-

ритетомъ княгини Меттернихъ или графини Морни. Если нынѣшній волоостной голова и волоостной писарь заняли бы во времена Ивана Грознаго или Михаила Федоровича съ честью мѣста думнаго боярина и думнаго дьяка; то и нынѣшнія тотемскія прожиточныя дѣвицы съ не меньшимъ блескомъ украсили бы ассамблеи Петра перваго. Я даже думаю, что самая взящная дѣвица того времени не сравнилась бы утопченностью мадеръ и виѣшнимъ лоскомъ съ моими прожиточными сосѣдками. А все это вмѣстѣ приводитъ меня къ тому заключенію, что нынѣшніе прожиточные тотемцы въ сущности люди времени Петра перваго, и что если бы они имѣли счастье родиться лѣтъ полтораэта ранѣе, то, вѣроятно, образованный свѣтъ зналъ бы о нихъ болѣе, чѣмъ онъ знаетъ о нихъ теперь; а можетъ быть, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчались бы даже на страницахъ исторіи восемнадцатаго столѣтія Шлоссера. Вслѣдствіе магнитности, каковую обнаруживаетъ на прожиточныхъ, а особенно на ихъ прекрасныхъ дѣвицъ стоящій надъ ними чиновничій слой, они тяготеютъ къ благороднымъ, и слово «баринъ» звучитъ въ ихъ ушахъ совсѣмъ не такъ, какъ оно звучитъ въ немусыкальномъ ухѣ четвертаго сорта. Поэтому прожиточные сочувствуютъ гораздо болѣе интересамъ того сословія, къ которому они тяготеютъ, чѣмъ того, изъ котораго они вышли, и, занимая средипу между тѣмъ и другимъ, они живутъ особенной, смѣшанной жизнью, состоящей изъ элементовъ жизни простоародья и приказнаго человѣчества. Пислѣдній элементъ, какъ аристократическій, служитъ исключительно украшеніемъ противоположнаго ему демократическаго элемента; это сливки, плавающія тонкимъ слоемъ на молокѣ. Тамъ, гдѣ никто не видитъ прожиточнаго,—онъ человѣкъ очень простой; въ кухнѣ онъ жжетъ лучину, а свѣчку зажигаетъ только въ комнатахъ, выходящихъ окнами на улицу; когда онъ дома одинъ, онъ ѣстъ кислую капусту, толокно съ постнымъ масломъ и рѣдьку съ квасомъ; но если придутъ гости, онъ угощаетъ ихъ мадерой, жареной телятиной и пирожками съ вареньемъ; прелестныя прожиточныя дѣвицы носятъ сами воду изъ колодца, находящагося у нихъ на дворѣ, но и за миллионъ рублей не пойдутъ съ коромыслами на Сухону; по бѣдности, онѣ моютъ дома полы сами, стираютъ бѣлье, выносятъ помой и исполняютъ всякую домашнюю черную работу, какъ какая нибудь кухарка, получающая полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья; но отъ посторонняго человѣка онѣ не возьмутъ выстирать даже батистоваго носоваго платка, а тѣмъ болѣе не

осквернять своих рукъ прикосновеніемъ къ посудѣ извѣстнаго сорта. Послѣдній пунктъ можетъ представить даже нѣкоторое затрудненіе при наймѣ холостымъ квартиры у прожиточнаго семейства, неплѣщаго прислуги. Однимъ словомъ, щепетильная боязнь уронить свое прожиточное достоинство служить прожиточному основнымъ руководителемъ во всемъ, что касается его внѣшней жизни. Въ этомъ и заключается вся бѣдственность положенія прожиточныхъ. Тяготѣя къ быту людей болѣе богатыхъ, они плѣняются какъ разъ его убыточными сторонами; они увлекаются тѣстообразностью купеческихъ дочеръ и ихъ безмятежной жизнью, и сложенными руками; они завидуютъ возможности счастливецъ пить чай съ утра до вечера, ѣсть жирные пироги, ходить въ кринолинахъ и гусаркахъ, грызть кедровые орѣхи сидѣть подь окномъ въ ожиданіи, что пройдетъ красивый баринъ. Послѣднее обстоятельство въ Тотѣмъ, конечно, невозможно, но въ другихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества оно наполняетъ сердца праздныхъ дѣвицъ сладостнымъ трепетомъ и возбуждаетъ въ нихъ сильное желаніе выйдти немедленно замужъ.

Сами по себѣ всѣ эти желанія, а особенно послѣднее, весьма законны. Но незаконно тутъ то, что прекрасный полъ желаетъ получать чай, кринолины, зонтики, модныя шляпки и даже молодыхъ, красивыхъ жениховъ безъ всякаго личнаго труда, точно всѣ эти превосходныя вещи создаются сами собой на облакахъ и затѣмъ падаютъ на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется въ нихъ наибольшая потребность. Прожиточныхъ дѣвицъ и дамъ плѣняетъ лѣтъ купчихъ и чиновницъ, и въ нихъ живетъ страстное желаніе достигнуть того блаженнаго состоянія, когда средства позволяютъ человеку даже сморкаться песобственноручно. Когда прожиточные разыгрываютъ роль сливокъ мѣщанскаго слоя, они такъ и поступаютъ, и за то съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ входятъ въ роль мѣщанскаго молока. Конечно, мытье половъ и стирка бѣлья—дѣло трудное и не особенно пріятное. Грубый механическій трудъ, разрушающій здоровье простыхъ женщинъ и приносящій имъ ничтожный заработокъ, не имѣетъ ничего плѣнительнаго, и потому весьма понятно, что человекъ съ особенной любовью смотритъ на такое положеніе, въ которомъ отъ него зависитъ работать или пѣть, и, по закону противоположности, считаетъ праздность самымъ блаженнымъ состояніемъ. Оставляя понемногу, въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія и по мѣрѣ развитія средствъ, грубый механическій трудъ, про-

жизточные, разставшись съ мѣщенствомъ, погружаются наконецъ окончательно въ тотъ порядокъ жизни, гдѣ вся дѣятельность ограничивается заказомъ обѣдовъ и вязаньемъ тамбурныхъ салоточекъ или кружочковъ. До этого блаженнаго состоянія достигли уже вполне женщины такъ называемаго образцоваго сословія. Этого мало. У нихъ переходъ этотъ совершился уже такъ давно, что то жалкое, завѣсное состояніе, въ которомъ женщина находится теперь, составляетъ въ глазахъ большинства ея нормальное положеніе. Но въ то время, какъ у однихъ, т. е. образованныхъ, безпомощность и экономическая зависимость передаются по наслѣдству отъ одного женскаго поколѣнія къ другому, какъ неизбежный законъ природы, у другихъ, гдѣ женщина имѣетъ еще экономическую свободу и можетъ существовать своимъ трудомъ, вводится тотъ же порядокъ, по мѣрѣ накопленія средствъ существованія искусственно, и женщина становится наконецъ не только паразитомъ, но отъ ограниченія своего кругозора оставляетъ многія стороны своего ума совершенно безъ упражненія. Отъ этого происходитъ тотъ удивительный экономическій порядокъ, при которомъ большинство людей занимается пустяками или, по крайней мѣрѣ, тратитъ свои силы и способности несоотвѣтственнымъ, слѣдовательно невыгоднымъ образомъ. Совершается это весьма просто. Человѣческому организму такъ же необходимъ физическій и умственный трудъ, какъ ѣда и сонъ. Женщина оставляетъ свои прежнія занятія, потому что онѣ, по своему размѣру, превышаютъ потребность организма и становятся въ тягость, т. е. дѣлаютъ ее несчастной. Желая перейти къ другой крайности, т. е. къ счастью, женщина бросаетъ свой прежній трудъ и погружается въ самозерцанье, сидя на диванѣ съ сложенными руками. Мнѣ случалось видѣть купчихъ, достигшихъ въ этомъ отношеніи полного счастья или такой невообразимой лѣни, что вся жизнь ихъ проходила въ ѣдѣ, спаньѣ и щелканьи кедровыхъ орѣховъ. Но подобное чудовищное оступленіе составляетъ удѣлъ только избранныхъ, и потому должно быть разсматриваемо, какъ исключеніе. Общее же правило заключается все-таки въ томъ, что праздность совершенно противна природѣ человѣка, потому что производитъ въ немъ болѣзненное состояніе, проявляющееся самымъ обыкновеннымъ образомъ въ формѣ скуки и тоски, и потому побуждаетъ человѣка къ дѣятельности. Вопросъ только въ томъ, на какой трудъ ее направить? Прежній былъ не по спамъ; очевидно, что нужно найти другой.—При большемъ

развитіи умственныхъ способностей, женщины, разувѣтая, могли бы создать себѣ занятіе и пріятное, и выгодное. Къ сожалѣнію, такого умственного состоянія на иѣлось у женщинъ, и вотъ онѣ, бросивъ прежній, хотя и тяжелый, но выгодный трудъ, замѣнили его трудомъ легкимъ, пріятнымъ и убыточнымъ. Нынѣшняя образованная женщина въ своей первобытной формѣ—пятнадцать, двадцать поколѣній назадъ, — когда она была еще здоровенной крестьянской бабой, доила коровъ, носила, жала, молотила, однимъ словомъ, создавала предметы первой необходимости, давая другимъ людямъ возможность создавать предметы слѣдующей необходимости: сапоги, платье и т. п. Къ замѣнъ такихъ почтенныхъ предметовъ, какъ хлѣбъ, та же крестьянка, переродившись постепенно въ образованную даму, стала вязать кружочки подъ педовѣчки, польза которыхъ сомнительна даже для тѣхъ, кто ихъ производитъ.—Я знаю, что образованные дѣвѣцы и дамы, которыми особенно исполнены наши провинціи, назовутъ меня дерзкимъ невѣждой. На это я отвѣчу имъ, что онѣ не имѣютъ несправедливы, ибо ниши эту статью не я, а другой сотрудникъ «Русскаго Слова», котораго я глубоко уважаю, онъ бы сказалъ прекраснымъ дамамъ и дѣвѣцамъ на пряничъ, что всякій дѣлаетъ то, въ чему онъ способенъ, и что, слѣдовательно, дѣвица, вяжущая кружочекъ, производитъ его потому, что не въ состояніи произвести ничего болѣе полезнаго. Конечно, прекрасная дѣвица утѣшается себѣ тѣмъ, что этотъ трудъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, все-таки трудъ, а не праздность; а во-вторыхъ, что онъ не только не мѣшаетъ думать, а напротивъ, возбуждаетъ мысли. Но и на это тотъ же сотрудникъ отвѣтилъ бы, что вязанье кружочковъ не только просто праздность, а даже праздность вредная; что гораздо лучше ходить по улицамъ и планировать, чѣмъ сидѣть на одномъ мѣстѣ въ душной комнатѣ и производить вещь, рѣшительно ни къ чему непригодную; что же касается до мыслей, возбуждаемыхъ во время вязанья, то въ сущности это даже и не мысли, а просто процессъ пищеваренія, потому что если человекъ способенъ думать по человѣчески, то онъ выдумаетъ что нибудь выгодное для себя и для другихъ; если же онъ не въ состояніи придумать ничего, кромѣ кружочковъ, то значить, что у него въ головѣ не является ничего такого, что порядочные люди называютъ мыслями.—Я очень доволенъ, что такой рѣзкій отзывъ принадлежитъ не мнѣ; съ своей же стороны, я замѣчу, что такъ какъ относительный уровень экономи-

ческихъ способностей у образованныхъ женщинъ гораздо ниже, чѣмъ у женщинъ изъ простонародья, то первая не только не производитъ ничего экономически-полезнаго, а напротивъ, еще вліяютъ вреднымъ образомъ на прекрасныхъ прожиточныхъ мѣщанокъ, которыя тоже употребляютъ всѣ усилія, чтобы достигнуть способности производить только тамбурные кружочки и затѣмъ—больше ничего. А какъ по мѣрѣ развитія матеріальнаго благосостоянія увеличивается число прожиточныхъ людей, то очевидно, что годъ отъ году увеличивается число тамбурныхъ кружочковъ и уменьшается число женщинъ, производящихъ предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, уровень экономической производительности падаетъ, и съ развитіемъ женской праздности является неправильное и убыточное для общества распределеніе труда, потому что каждый дѣлаетъ не то, на что онъ наиболѣе способенъ. Отъ этого цивилизованныя женщины, чтобы не сидѣть сложа руки, дѣлаютъ то, что могли бы, съ меньшимъ успѣхомъ, исполнить дѣти; прожиточныя и менѣе богатыя мѣщанки, глядя на барынь, начинаютъ тоже гнушаться полезнаго труда; здоревенные мужи, способные ворочать камни, нанимаются въ лакеи, чтобы подавать на изящныхъ, маленькихъ подносахъ ставаны съ водой, тогда какъ то же самое—и пріятнѣе для гостей, — могла бы сдѣлать четырнадцатилѣтняя дѣвочка, а здоровешному мужику приличнѣе носить воду ушатами, чѣмъ ставанами. Въ купеческихъ лавкахъ торгуютъ откормленные, краснощокіе прикащики и «молодцы», которымъ лучше бы дѣлать кирпичи и тесать камни; въ то время, какъ купеческія дочки, сестры и племянницы только ѣдятъ дома жирныя шаньги, да глазѣютъ въ окна.— И такъ во всемъ.

Хотя паразитность вообще и большое зло, но есть случаи, когда она менѣе вредна, и случаи, когда она вредна болѣе. Въ чиновничьемъ и вообще въ быту такъ называемаго образованнаго сословія, женщины дѣйствительно трудно принять участіе въ занятіяхъ мужчины. Положимъ, мужъ—начальникъ отдѣленія; какое участіе въ его дѣлахъ могутъ принять его жена и дочери? Въ Америкѣ, напримѣръ, женщины добиваются гражданскихъ правъ наравнѣ съ мужчинами; это значитъ, что когда онѣ ихъ добьются, то будутъ имѣть право ходитъ тоже на службу въ разныя палаты и быть начальницами отдѣленій. Положеніе заманчивое; но мы не американцы, а наши женщины не американки. Наконецъ, паразитное женское воспитаніе, передавав-

шеся изъ поколѣнія въ поколѣніе, положило на нашихъ образованныхъ дамъ такую печать и создало изъ нихъ такую особую породу, что имъ совершенно невозможно перейти вдругъ изъ состоянія вѣчности къ полезной дѣятельности; поэтому имъ еще долго придется быть супружескимъ бременемъ и вязать тамбурные кружочки. Чтобы разстаться съ этимъ жалкимъ зависимымъ положеніемъ, нужно имѣть способности исключительныя, а главное, исключительный характеръ и исключительную энергію,—что великая рѣдкость даже въ русскомъ мужчинѣ. Не смотря на рѣдкость, подобныя исключенія являлись; въ молодомъ поколѣніи есть женщины, которыя принимались за полезный трудъ и за умственную работу, рѣшительно неслыханную для ихъ почтенныхъ мамзель. Но на такое дѣло пока способны только женщины очень энергическія, ибо приходится выносить сильную борьбу съ застарѣлымъ, рутиннымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Читателю извѣстно, что въ каждой цивилизаціи есть двѣ стороны и что каждый необразованный народъ усваиваетъ прежде всего то, что кажется ему привлекательнѣе. Легче и привлекательнѣе для насъ оказалось въ европейской цивилизаціи ея внѣшняя сторона, и мы начали съ нея. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что мы начали съ хорошаго. Далѣе, читателю извѣстно, что школой цивилизаціи въ Россіи служило первоначально высшее сословіе, и что отъ него она переходила постепенно въ дальнѣйшіе слои народонаселенія. Перебираясь поочередно отъ слоя къ слою, цивилизація добралась наконецъ въ наше время до Тотьмы и сообщила тотемскимъ прожиточнымъ людямъ свой петровскій блескъ. Изъ этого тоже не слѣдуетъ, чтобы прожиточные заимствовали только хорошее. Отправляясь въ свое путешествіе далѣе, цивилизація дойдетъ наконецъ до бѣдныхъ мѣщанъ, а затѣмъ пойдетъ обходить и сельское населеніе. Но до этого еще очень далеко.

Въ то время, какъ цивилизація путешествовала по Россіи такимъ медленнымъ и торжественнымъ шагомъ, облачившись, по случаю нашихъ морозовъ, въ русскій кафтанъ, съ цивилизаціей, странствовавшей въ то же время по Европѣ, случилось такого рода обстоятельство, что на многое она стала смѣрять совѣтъ иначе, чѣмъ смотрѣла прежде. Что въ глазахъ старой цивилизаціи, живущей въ настоящее время въ Тотьмѣ, было хорошо, то въ глазахъ новой—дурно. Новая цивилизація дошла наконецъ и до Россіи, отъ чего рядомъ пошли новые люди; но и старая цивилизація тоже не оставляетъ сво-

его путешествiя и собирается учинить свой набѣгъ на бѣдныхъ мѣщанъ, доконавъ, разумѣется, сначала прожиточныхъ. Теперь вопросъ, слѣдуетъ ли старой цивилизаціи оказывать то же гостепрiимство, какое оказывалось ей до сихъ поръ, или же поступать съ нею менѣе галантерейно и попросить ее удалиться поскорѣе въ Коланъ и Хиву, а всѣ дороги открыть для цивилизаціи новой? Который изъ этихъ порядковъ выгоднѣе,—ясно и безъ всякихъ разсужденій, но дѣло только въ томъ, для всѣхъ ли это ясно?

Въ прожиточныхъ, не смотря на суетность и туманство, которое поселила на я, по крайней мѣрѣ, особенно развивала въ нихъ старая цивилизація, перешедшая изъ чиновничьяго и купеческаго слоевъ, есть еще много очень хорошаго. Это все то, чего прожиточные стыдятся и что они стараются прикрыть разными блестящими доскутками, наряжаясь въ господъ. Прожиточные еще не совсѣмъ отвыкли отъ труда, и теперь не трудно будетъ сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно почтенныхъ людей, стоитъ только отклонить ихъ дѣятельность отъ кружочковъ и направить ее на трудъ полезный, т. е. выгодный. На высшій мѣщанскій слой тѣмъ важнѣе обратить вниманіе, что отъ него, съ одной стороны, идетъ практическое воспитаніе въ народъ, а съ другой, поднимаются гаки на верхъ; изъ него являются ближайшіе кандидаты въ купечество; изъ него выходитъ почти весь торгующій и ремесленный людъ, т. е. такая громадная масса народа, обнимающая всѣ вѣтви экономической дѣятельности Россіи, отъ которой больше всего зависитъ тонъ нашей экономической жизни. Вотъ почему я сказалъ ранѣе, что тунеядство женщинъ образованнаго сословія не такъ опасно, какъ тунеядство прожиточныхъ мѣщанокъ, и вотъ почему я сказалъ, что быстрота нашего экономическаго развитія будетъ зависетьъ отъ того, пойдетъ ли цивилизація старымъ или новымъ порядкомъ. Если она пойдетъ путемъ старой постепенности и въ старой формѣ, то прожиточнымъ и всѣмъ остальнымъ мѣщанамъ придется повторить ошибки цивилизаціи нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей и дойти горькимъ опытомъ до убѣжденія, что хотя плоды этого дерева на видъ и заманчивы, а можетъ быть, даже и вкусны, но для экономическаго благосостоянія они вредны. Но кому выгодно, чтобы мѣщане дошли до такого убѣжденія своимъ личнымъ опытомъ? Не лучше ли предложить имъ прямо вкусные и здоровые плоды?—Если это такъ, то кто же приподнесетъ нашимъ прекраснымъ мѣщанкамъ подобное

вкусное и здоровое кушанье, и кто приведет въ порядокъ головы мѣщанъ-мужчинъ? Сдѣлать это могутъ только люди такъ называемые образованные; а для этого имъ необходимо сдѣлаться дѣйствительно таковыми; по опять, чтобы нѣтъ сдѣлаться таковыми, нужно, чтобы новая цивилизація заглянула поскорѣе въ провинцію. — Здѣсь мнѣ тотемскія читатели представляется удобный случай задать мнѣ такой вопросъ: что значить—у насъ нѣтъ цивилизаціи, мы люди необразованные? — Не торопитесь обвиненіемъ, мои многоуважаемые тотемскіе соотечественники; если я до сихъ поръ миновалъ счастливо подводную скалу, изображаемую вашимъ самолюбіемъ, то въ томъ короткомъ плаваньи, которое мнѣ осталось, я, конечно, безъ бури достигну берега. Для устраненія недоразумѣнія и чтобы не заставить радоваться напрасно своихъ враговъ, я прибавлю, что подъ короткимъ плаваньемъ я подразумѣвалъ не плаванье въ житейскомъ морѣ или свою близкую смерть, а конецъ этой статьи.

VIII.

ОБРАЗОВАННЫЕ.

По общепринятымъ понятіямъ, чтобы имѣть право считать себя образованнымъ, достаточно сморкаться въ носовой платокъ и носить платье нѣмецкаго фасона. Въ этомъ смыслѣ Тотма, конечно, очень богата образованными людьми, если даже не считать въ ихъ числѣ прекрасныхъ мѣщанокъ, имѣющихъ привычку сморкаться въ передники. Но если требованье образованности поставить нѣсколько шире, то не спасеть ни носовой платокъ, ни нѣмецкій фасонъ, и многимъ изъ образованныхъ придется разстаться съ этимъ драгоценнымъ для нихъ названіемъ.

Въ Тотмѣ нѣтъ дворянства, а есть только чиновничество. Всѣхъ мужчинъ чиновнаго сословія считается 441 и женщинъ 175—итого: 316 или 9% общаго городского населенія. Мое предположеніе, конечно, не покажется никому смѣлымъ, если я допущу, что всѣ эти 316 человекъ сморкаются въ носовые платки. Но есть болѣе несомнѣнные и очевидные признаки образованности высшаго тотемскаго сословія: въ Тотмѣ существуетъ клубъ, гдѣ мужчины играютъ въ карты, а дамы танцуютъ, и съ нынѣшняго года устроилась при уѣздномъ училищѣ публичная библіотека, выписывающая болѣе 20

разныхъ періодическихъ изданій. Кромѣ того, очень многіе выписываютъ газеты и журналы независимо отъ бібліотеки.

Если требовательный читатель пожелаетъ знать, въ какомъ видѣ и что именно изъ читаемаго понимается лучше всего тотемцами, то мнѣ придется сознаться, что мои свѣдѣнія по этому предмету весьма ограничены. Я знаю только, что при выписываніи журналовъ и газетъ публичной бібліотекской имѣлось въ виду удовлетворить, по возможности, разнообразному вкусу тотемскихъ обитателей, и если бы позволили средства, то конечно были бы выписаны все безъ исключенія русскія періодическія изданія. Изъ этого очевидно, что тотемскій умственный горизонтъ весьма широкъ, и что онъ находится въ непосредственной связи съ денежными средствами уѣзднаго училища.

При такой широтѣ умственнаго горизонта, мѣстнымъ остроумцамъ же представлялось никакого труда сочинить про одного усерднаго чтеца «Голоса», что онъ, т. е. чтець, совершенно убѣжденный, что жондъ народовой есть самый ужаснѣйшій человекъ, какого когда-либо создавалъ міръ, и что только, благодаря крайнимъ революціоннымъ наклонностямъ жонда, происходили въ Польшѣ все послѣднія событія,—былъ очень доволенъ, когда наконецъ прочиталъ, что жондъ народовой совершенно поконченъ. Только однимъ остался недоволенъ тотемскій политикъ, что до сихъ поръ онъ не можетъ найти, какимъ образомъ поступилъ съ жондомъ, — предашь ли онъ казни или просто сосланъ въ Сибирь. Мнѣ кажется, что редакціи «Голоса» не слѣдовало бы оставлять въ недоразумѣніи своего тотемскаго подписчика.

Предположивъ, что все чиновное сословіе Тотмы, по своему гражданскому положенію, можетъ и должно быть образованнымъ, я, на основаніи цифръ, найденныхъ въ вѣдомости о числѣ жителей (Памяти. книж. Вологод. губ. на 1864 г.), показалъ число образованныхъ въ 316 человекъ. Но желая разобрать вопросъ подробнѣе, я посмотрѣлъ теперь въ другую графу и пришелъ въ смущеніе отъ своей песпѣшности. Въ этой второй графѣ сказано, что изъ числа тотемскихъ жителей училось:

Въ высшихъ заведеніяхъ:	муж.	9,	женщинъ	3.
— среднихъ	—	—	55,	— 7.
— училищахъ	—	—	175,	— 21.

муж. 239, женщинъ 51.

всего 270 человекъ или на 46 меньше противъ показаннаго въ

ненныхъ мудростью въ университетахъ. Но и это обстоятельство не говоритъ ничего въ пользу 144, неучившихся нигдѣ, тотемскихъ женщинъ, потому что если нынѣшній президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и былъ въ молодости подейщикомъ—плотникомъ, то вѣдь онъ былъ плотникомъ въ Америкѣ, а не въ Тотъмѣ; а если Ломоносовъ былъ рыбакомъ, то вѣдь и это былъ Ломоносовъ, а не тотемская чиновница. Поэтому, если коренные тотемскіе жители высшаго сословія получили домашнее воспитаніе, т. е. пользовались уроками окружающей ихъ жизни и природы, то, судя по тотемской жизни и природѣ, никакъ нельзя предположить, чтобы среди лѣсныхъ болотъ и при тридцатиградусномъ морозѣ могли бы развиваться здѣсь какіе нибудь благоухающіе цвѣтки. А если бы подобная игра природы и случилась, то въ тотемской атмосферѣ носилось бы, разумѣется, и благоуханіе этихъ рѣдкихъ цвѣтовъ, и ихъ бы кто нибудь видѣлъ.

Изъ того, что въ Тотъмѣ, въ числѣ 3,500 жителей, считается мужчинъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, только 64, а женщинъ 10, слѣдуетъ прежде всего, что образованные составляютъ только 2% всего городского населенія. Что же это, много или мало, хорошо или дурно?

До послѣдняго времени наши способнѣйшіе романисты изображали постоянно героевъ, страдавшихъ желаніемъ произвести непремѣнно что нибудь хорошее и благодѣтельное. Герой изнывалъ любовью къ людямъ; видѣлъ онъ, что вокругъ его все скверно—и людская бѣдность, и людская глупость. Надрывалось его сердце и отъ погнувшейся или полуразвалившейся крестьянской лачуги, и отъ того, что мужикъ колотить бабу, и отъ того, что мужикъ и баба ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, глину, и отъ деревенской нечистоты и грязи. И вотъ, герой—а героями бывали всегда богатые помѣщаники,—отправлялся къ себѣ въ деревню и принимался дѣлать тамъ всевозможныя глупости, и, начудивъ, на сколько у него доставало силъ и денегъ, приходилъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ смѣнитъ только православный міръ; что отъ его филантропическихъ чудодѣйствій избы не стали лучше, а въ пвбахъ теплѣе и свѣтлѣе; что мясо по прежнему—роскошь; что мужикъ по прежнему бьетъ бабу, а баба по прежнему думаетъ, что такъ и слѣдуетъ. Тогда разочарованный герой усаживался плотно, въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ, на диванѣ, и въ такомъ мирномъ положеніи оставался уже до конца своихъ дней, не шевеля

пальцемъ; герой винилъ всѣхъ, кромѣ самого себя, нисколько не подозревалъ, что единственнымъ дуракомъ былъ оцъ, а никто больше; герой обвинялъ простолюдина въ тупоуміи, не умѣя понять того, что простолюдинъ дѣйствовалъ по закону необходимости; что герою, прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ этой необходимостью, нуаго было проявить свои силы и идти противъ нея только при полной увѣренности въ побѣдѣ; что если оцъ не сообразилъ этого раньше, то, вступивъ въ борьбу, ему отступать уже не слѣдовало, а слѣдовало бить лбомъ въ стѣну, пока не разобьется или стѣна, или его собственный лобъ. Конечно, бить лбомъ въ стѣну больно, но зачѣмъ же и приниматься за это дѣло съ слабымъ лбомъ? Между тѣмъ, только подобныхъ слабыхъ людей и изображали наши романисты-паблюдатели. Но значить ли это, что другихъ героевъ не было, или что романисты ихъ не подмѣтили? Я думаю первое. Но даже и для сочиненія такихъ кисло-сладкихъ героевъ, романисты выискивали лучшее, что имъ встрѣчалось, и изъ этого лучшаго лѣпили, какъ изъ глины, свои идеалы, своихъ совершенныхъ людей. Что же оставалось затѣмъ, если и изъ самаго пригоднаго выходила лишь манная каша и больше ничего? Не знаю, сознавали ли романисты, что другихъ героевъ рисовать имъ и невозможно, или они только смутно помнили это; но во всякомъ случаѣ, никто изъ нихъ не погрѣшилъ противъ жизненной правды и не поподчивалъ пасъ ни Самсонами, ни Голиафами; не увѣрялъ своихъ читателей, что въ архангельскихъ тундрахъ растутъ померанцевыя рошчи. А герои, повидимому, были хороши! нравились они не только дѣвцамъ, но и дамамъ; мягкость сердечная героевъ была уму непостижимая, доброжелательство огромное, недоставало только одного — сообразительности и знанія жизни.

Но водился въ мірѣ и другой сортъ героевъ, — героевъ, не выдуманныхъ романистами, а дѣйствительныхъ; правда, герои эти жили не у насъ, но что же изъ этого? и Гуттенбергъ жилъ не у насъ, однако мы печатаемъ же книги. И у этихъ героевъ было громадное доброжелательство, и у нихъ было мало рассудительности и слабое знаніе жизни; и не смотря на то, человечество вписало ихъ имена въ списокъ гениевъ и великихъ людей. Случалось это просто потому, что они, принявшись разъ стучать лбомъ въ стѣну, стучали до конца, и за свое упорное стучанье прослыли у современниковъ гениальными безумцами. И гениальные безумцы дѣлали много глупостей и

говорили много вздорѣ, но они любили людей великой любовью, доходившей до мономаніи, а главное у нихъ было столько энергіи и нравственной силы, что даже ихъ ошибки имѣли мировое значеніе и были спасительны для человѣчества. Въ то время, какъ кисло-сладкіе герои больше красовались своими благодѣтельными тенденціями и любили дѣлать изъ нихъ для себя салонное украшеніе, очень пѣвительно въ глазахъ изящныхъ дѣвицъ и дамъ, въ то время, какъ разнородные маниловы, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, никогда не забывали, что, помогая «меньшой братіи», они сами все-таки «братія старшая», и съ полнымъ сознаніемъ величія своей задачи собирались осчастливить десять мужиковъ, и ватѣмъ, послѣ первой неудачи, съ не меньшимъ величіемъ погружались въ хахачъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на все человѣчество, неумѣвшее ихъ понять, — гениальныя безумцы поступали совсѣмъ иначе. Это были люди желѣзные, настойчивости изумительной, дѣлавшіе свое дѣло не потому, что оно выходитъ очень красиво и пѣвительно для самолюбія, а потому, что уже у нихъ такой чугунный организмъ, что ему нужно непременно стучать въ стѣну. Имъ даже никогда и не представлялась мысль, выходить ли это красиво со стороны; ихъ дѣла не навѣялись имъ извнѣ, они не создали себѣ искусственную задачу подъ вліаніемъ какого нибудь чувствительнаго романа, наполненнаго разными трогательными описаніями быта негровъ или подобныхъ имъ бѣдняковъ; они поступали такъ, какъ они поступали, потому что не могли поступить иначе и не могли бы жить безъ своего дѣла, какъ не могли бы жить безъ ѣды и питья.

Къ такимъ удивительнымъ организмамъ принадлежалъ, наприимѣръ, графъ Сень-Симонъ. Человѣкъ этотъ прокучиваетъ нарочно свое состояніе, чтобы сдѣлаться нищимъ, и сталъ имъ въ дѣйствительности. Для чего же понадобилось ему сдѣлаться непременно нищимъ? А только для того, чтобы изучить бѣдность въ самомъ ея источникѣ, а не изъ филантропическихъ салонныхъ разсужденій господъ, неимѣющихъ объ ней никакого понятія. Переходя систематически отъ одного состоянія къ другому, отъ благоухающихъ салоновъ въ вертепы разврата, и изъ богатаго графа сдѣлавшись наконецъ простымъ переносчикомъ, и только этимъ трудомъ добывавшій себѣ средства существованія, Сень-Симонъ дѣлалъ это не для того, чтобы выйдти театральнымъ героемъ; онъ просто хотѣлъ узнать, что такое поддонки общества, отъ которыхъ отворачивались всѣ люди, вообра-

жающіе порядочными только себя; онъ хотѣлъ узнать, что такое бѣдность, что за люди бѣдные и откуда они берутся на свѣтъ; онъ хотѣлъ на самомъ себѣ выпестить и изучить всѣ постепенные переходы изъ одного общественнаго положенія въ другое, и всѣ разнообразныя слои, изъ которыхъ состоитъ французское общество. — Миттермайеръ поступаетъ нѣсколько иначе: онъ кричитъ прямо на весь свѣтъ, что оденочное заключеніе — превосходнѣйшая вещь, казую только способенъ выдумать человѣкъ; а самъ, хоть бы для шутки, сѣлъ на годъ въ целюлярную темницу пенсильванской системы. Ну, какъ же послѣ этого Сень-Симонъ не чудакъ? Прокутить свое громадное состояніе, нѣсколько лѣтъ жить на жалостномъ чердакѣ, пытаться однимъ хлѣбомъ, превратиться изъ богатаго графа въ пастоящаго голыша, жить съ людьми самыми грубыми, необразованными и развратными, и все это для того, чтобы узнать, чѣмъ и отчего страдаетъ человѣчество, и какъ устроить, чтобы впередъ люди не страдали; — совсѣмъ чудакъ! — маноманъ, безумецъ! Впрочемъ французы отличались всегда большимъ легкомысліемъ, что извѣстно въ Германіи каждому уличному мальчишкѣ; вѣроятно, отъ этого во Франціи и было нѣсколько чудаковъ, подобнѣхъ Сень-Симону. Но что удивительнѣе еще: даже между хладнокровными англичанами являлись подобныя же безумцы.

Не знаю, были ли у насъ Сень-Симоны и имъ подобныя господа, по крайней мѣрѣ. *Тургеневъ и другіе наблюдательные люди, специально-занимающіеся отысканіемъ разныхъ, изъ ряда выходящихъ чудаковъ, не оставили намъ никакихъ указаній объ ихъ существованіи; но я знаю то, что съ появленіемъ типа Базарова, составляющаго пока одиночное явленіе, расплодилось у насъ очень много героевъ прежняго времени, а еще больше героинь, весьма чувствительныхъ къ страданіямъ бѣднаго, возмущающихся всякой неправдой, оскорбительнымъ положеніемъ женщины, ея праздностью, экономической зависимостью, и говорящихъ объ этихъ предметахъ съ большимъ увлеченіемъ и вообще искренно. Здѣсь случалось то же, что и съ типомъ свѣтскаго человѣка время Петра перваго. Свѣтскихъ дѣвицъ собиралось на ассамблеи Петра мало, и только самыя передовыя и наиболѣе прогрессивныя отличались качествомъ свѣтскости; а нынче всякая прожиточная мѣщанка сдѣлала бы честь своимъ вкусомъ и манерами любой аристократической ассамблеѣ начала XVIII столѣтія. — Но мѣрѣ того, какъ является высшее развитіе, прежній высшій уровень падаетъ и обнимаетъ большее число

лицъ: при Петръ было, можетъ быть, не болѣе двухсотъ свѣтскихъ дѣвицъ, а нынче такихъ насчитается, конечно, болѣе двухсотъ тысячъ. Когда явился Базаровъ, всѣ прогрессивные люди получили тяготѣніе именно къ этому передовому типу, а прежніе Лаврекиіе, Рудины и, какъ они тамъ называются, всякіе другіе болтуны сдѣлались идеалами людей съ способностями второго сорта. Явится типъ болѣе высокій, чѣмъ Базаровъ, опять прогрессивные люди кинутся къ нему; тогда Базаровъ отойдетъ на второй планъ, а Рудины станутъ еще ниже и, вмѣсто прежняго перваго, займутъ третье мѣсто и т. д. Теперь Базаровъ, поба, столичный типъ; только въ самомъ центрѣ нашей умственной дѣятельности существуютъ матеріалы, выработывающіе его въ самомъ чистомъ химическомъ видѣ; въ провинціи всегда уже есть разныя другія подмѣсы, дѣлающія изъ Базарова переходъ къ второсортнымъ типамъ. Но за то провинція служитъ теперь лучшей лабораторіей для изготовленія господъ и господожъ, разсуждающихъ съ красно-сложенными руками объ общественныхъ вопросахъ, о людскихъ добродѣтеляхъ, о страданіяхъ человечества, о необходимости жить личнымъ трудомъ, о независимомъ экономическомъ положеніи и зависящей отъ него личной свободѣ и т. п. высокихъ матеріалахъ. Въ то время, какъ прежде занимались болтовней только одни самые передовые люди, а слѣдующіе за ними находились въ состояніи умственной спячки, — теперь первые принялись учиться и трудиться, а вторые, воспрянувъ отъ сна и приведенные въ изумленіе новостью положенія, вступили въ пріятные разговоры. Если изъ поведѣльника нельзя перескочить прямо въ среду, то разумѣется, это переходъ во вторникъ. Такимъ образомъ, чтобы сказать хорошо или дурно, если въ какомъ нибудь городѣ находится 2% образованныхъ людей, нужно знать, какая именно образованность обитаетъ въ ихъ головахъ, давно ли люди проснулись и сколько у нихъ энергіи.

По отношенію къ 74 образованнымъ людямъ г. Тотмы, вопросъ этотъ нѣсколько щекотливаго свойства; впрочемъ, я полагаю, что все въ городѣ и его окрестностяхъ будетъ обстоять благополучно, если я скажу, что ни въ статистическихъ, ни въ историческихъ данныхъ не существуетъ никакихъ указаній, чтобы въ Тотмѣ когда-либо прежде или нынче проживалъ Сень-Симонъ. И конечно, слава Богу! а иначе, что бы стало съ мѣстной городской тишиной и безлюдностью, и съ безмятежнымъ покоемъ почтенныхъ тотемскихъ обитателей? Впрочемъ я слышалъ, какъ нѣкоторыя осо-

бы — я нарочно выражаюсь такъ, чтобы нельзя было узнать, говорю ли я о мужчинахъ или женщинахъ, — признававшія, что тамбурины визанья не приносятъ человечеству особенной экономической пользы, ставили слѣдующій, весьма рѣшительный вопросъ: «что же намъ дѣлать?» и затѣмъ немедленно порѣшали его сами, принимаясь еще съ большимъ усердіемъ за тамбурную игровку. Каждый разсудительный человѣкъ согласится, что по семидесяти семи разнымъ причинамъ болѣе благоразумнаго отвѣта и быть не могло. И въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлать, когда для этого нужно еще встать со стула?

Наконецъ, я полагаю, что для Тотмы совѣмъ не зачѣмъ разрѣшать какия-либо міровыя задачи. Было бы проще и туземнѣе, если бы явились какіе-либо пять шесть предприимчивыхъ людей и научили бы мѣстныхъ обитателей шевелить руками болѣе выгоднымъ образомъ, чѣмъ это дѣлается ими теперь. Вообще, у мѣстныхъ обитателей существуетъ о трудѣ самое своеобразное понятіе. Когда какую нибудь Пенелопу спросить, что же вы ничего не дѣлаете? то получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: а что же намъ дѣлать? Вообще мѣстные обитатели полагаютъ, что дѣлать ничего не слѣдуетъ; а если и слѣдуетъ, такъ только въ томъ случаѣ, когда завяжутъ какую-либо работу или привяжутъ дѣлать; самъ же человѣкъ, своимъ умомъ, придумывать ничего не обязанъ. Я не знаю, какъ смотритъ на этотъ предметъ мѣстная умственная аристократія; но если она и смотритъ на него правильно, то все-таки ни изъ чего не видно, чтобы она поступала сообразно тому, какъ она разсуждаетъ. А между тѣмъ, подъ рукой есть все, что нужно для успешнаго труда и для возвышенія мѣстнаго матеріальнаго благосостоянія; нѣтъ только одного — энергіи, силы, которая бы сдвинула людей съ мѣста и привела бы ихъ въ болѣе выгодное, чѣмъ нынче, экономическое движеніе. Но съ другой стороны, что за поспѣшность, ужъ будто такъ загорѣлось, что Тотмѣ понадобилось непременно завтра сдѣлаться губерскимъ городомъ? Пребывали мы долго въ мирномъ покоѣ: — побудемъ еще и подождемъ, пока, вмѣсто 74 людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, будутъ у насъ 740; когда другіе уступятъ намъ разныя промышленныя предпріятія, да проведутъ намъ желѣзныя дороги, да придутъ въ намъ издалека люди и толкнутъ насъ подъ бока, и скажутъ: почтенные тотомцы, вставайте. — пора! ...

И. Шелгуновъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(Изъ заграничной жизни).

Я знаю, по собственному опыту, какое впечатлѣніе производить на читателя слово: *фельетонъ*. Мнѣ становится стыдно за себя и за легіоны моихъ товарищей по ремеслу, когда я вспомню, какое понятіе соединяетъ мыслящій человѣкъ съ ролью фельетониста. Эта роль, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не отличается отъ наемнаго плакальщика или плясуна, отъ цыгана, торгующаго краденными вещами или отъ писака, никогда неимѣвшаго въ своей головѣ ни одной собственной мыслишки. Говоря откровенно, отбивать хлѣбъ у этихъ горемыкъ и становиться съ ними на одинъ уровень мнѣ очень не хотѣлось бы; мнѣ не хотѣлось бы ни плакать по заказу, ни смѣяться по программѣ, однимъ словомъ, я не желалъ бы унижаться до роли парижскаго Прадо или петербургскаго Фокина. И надѣюсь, что эта горькая чаша обойдетъ меня; читатели мои не увидятъ во мнѣ ни казеннаго обличителя, quand mѣme, ни сатирика, выжимающаго изъ себя послѣдній сокъ глупости, выдаваемый за сатиру; нѣтъ, я буду просто хроникеромъ повседневныхъ событій, болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ ихъ смысла и значенія, а самые выводы изъ моихъ очерковъ предоставляю каждому à son bon plaisir.

Парижъ отдыхаетъ отъ своего карнавальнаго веселья;—французскія барыни, еще недавно подпрыгивавшія на балахъ разныхъ маркизовъ Агуадо въ костюмахъ генераловъ и барабанщиковъ (винственность Наполеона III проникла даже въ сердца французскихъ дамъ, и *военныя передѣванья* были въ нынѣшнемъ году въ большой модѣ),—набожно тѣснятся вокругъ разныхъ па-

теровъ Гиацинтовъ, Францисковъ, Жеромовъ и жадно внимають ихъ назидательнымъ проповѣдьямъ;—вездѣ миръ, тишина и трогательныя размышленія о тщетѣ земного величія... А въ моихъ ухахъ еще не затихли звуки бѣшеной масляницы,—звуки, правда, хриплые, напоминающіе хохотъ пьянаго, упивающагося только для того, чтобы забыть мерзость всего, что окружаетъ его; въ моихъ глазахъ, не знаю почему, все еще рисуется картина такъ называемаго *карнавальнаго быка*, уже столько лѣтъ ежегодно проводимаго предъ глазами французскаго народа, которому, какъ древнему римлянину, только и подавай что *хлѣба и зрѣлицъ*;—впрочемъ, онъ и безъ хлѣба, пожалуй, обойдется, лишь бы зрѣлицъ давали ему побольше.

Карнавальный быкъ! *Le boeuf gras!* Остроумное изобрѣтеніе остроумнаго французскаго народа!—Не знаю, какъ вы, читатель, а я никогда не могъ смотрѣть безъ отвращенія и негодованія на это несчастное животное, проводимое среди шумной и ликующей толпы, для того, чтобы потомъ быть отведеннымъ на бойню и тамъ окончить жизнь самымъ постыднымъ—конечно не для себя, а для остроумныхъ парижанъ,—образомъ. Каждый разъ, глядя на это возмутительное зрѣлище, я спрашивалъ себя, какъ это Парижъ, блистательный городъ, въ которомъ есть и академія изящныхъ искусствъ, и музыкальная консерваторія, и всемірная выставка самой галантерейной промышленности, могъ допускать въ своемъ центрѣ это увеселеніе пьяныхъ каппибаловъ? Неужели—спрашивалъ я себя,—эти ликующія толпы собираются вокругъ этой, увѣччанной пвѣтами и разными другими украшеніями, жертвы только для того, чтобы поѣсть ея жирнаго мяса и предварительно насладиться содержаніемъ тѣла, изъ котораго мясникъ скоро вырубитъ многое множество порцій бифтекса? И чѣмъ больше я размышлялъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ въ негодованіе, и тѣмъ меньше понималъ...

Въ нынѣшнемъ году предо мною снова прошелъ этотъ несчастный карнавальный быкъ, окруженный веселыми человѣческими масками,—и кажется мнѣ, что я понялъ наконецъ смыслъ этой жалкой церемоніи, являющейся, какъ странная загадка въ самомъ разгарѣ девятнадцатаго столѣтія...

Если читатель не поскучаетъ выслушать мои объясненія, то я попрошу его прежде всего перенестись со мной въ одно изъ предмѣстій Парижа, въ Пуасси. Предъ нами рыночная площадь; воспитатели быковъ пригнали туда своихъ «воспитанниковъ». Грустно и терпѣливо, какъ и подобаетъ быкамъ, стоятъ длинными ря-

дами эти бѣдныя животныя, перенесенныя сюда силою пара изъ различныхъ мѣстъ Франціи, изъ милой Нормандіи, гдѣ трава такъ сочна и зелена, гдѣ ручьи такъ прозрачны, гдѣ нѣтъ цивилизованныхъ гастрономовъ и цивилизованныхъ мясниковъ...

Тамъ, на своей родинѣ, они были равноправными гражданами своихъ луговъ и долинъ; здѣсь они знакомятся съ ученіемъ о различіи между привилегированнымъ и не привилегированнымъ сословіемъ. Сюда привели ихъ на конкурсъ, а чтобы удостоиться этой чести, надо быть не простой, а аристократической бычачьей крови. Судьи, рѣшающіе, кому изъ этихъ аристократовъ-бычачьихъ слѣдуетъ присудить премію, — не хуже всякихъ другихъ судей на конкурсахъ: это многоученныя мясники, неуступающіе прознавшимъ знатокамъ жуміямъ французской академіи. Опытнымъ глазомъ измѣряютъ они величину составляющагося, опытною рукою проводятъ по ихъ горячимъ рогамъ, по ихъ мяткой и лоснящейся шерсти, по ихъ твердымъ бокамъ. Съ математическою точностью скажутъ они вамъ, сколько вѣсу въ легкихъ и сердцѣ такого-то быка, сколько пудовъ мяса выйдетъ изъ него, сколько ведеръ красной крови вытечетъ...

Наконецъ, конкурсъ оконченъ, — судьи провозносятъ рѣшеніе. Торжественно провозглашается, что царемъ карнавала будетъ Maitre Guérin, изъ Нормандіи, — такъ какъ его спинной хребетъ длиннѣе хребта всѣхъ его товарищей, а на этомъ хребтѣ больше мяса, чѣмъ на всѣхъ другихъ. При этомъ найдено, что онъ лучше всѣхъ сложенъ, а это статья немаловажная, потому что наши артисты-мясники, какъ и всякіе другіе артисты, придаютъ большую цѣну изяществу формъ... И всѣ громко приветствуютъ новаго избранника, и милая дѣвица, дочь г. Адельна, воспитателя этого быка, возлагаетъ лавровый вѣнокъ на голову воспитанника своего нащеньки, — на голову, которой, послѣ кратковременнаго триумфа, суждено быть разможенной ударомъ дубины...

Но этимъ дѣло не кончается; надо рѣшить, кому на долю выпадетъ честь вести господина Терена по улицамъ Парижа, когда придетъ вторникъ, знаменитый mardi gras, — день торжества счастливаго избранника; партія господъ Флемеля и Дюваля вступаютъ въ споръ, кому сопровождать карнавальнаго быка въ его триумфальномъ шествіи. Начинается аукціонъ; кто больше дастъ, тотъ и побѣдитель. Дюваль оказывается честолюбивѣе, и потому щедрѣе; побѣда на его сторонѣ, — и крики: «да здравствуетъ Дюваль! да здравствуетъ карнавальнй быкъ!» раздаются со всѣхъ сторонъ... а затѣмъ, служители мясниковъ вырѣзываютъ въ шерсти господина

Герена вензель побѣдителя — Дювала, накидываютъ веревку на рога увѣнчаннаго лаврами триумфатора и съ радостными вѣнками ведутъ его на монмартрскую бойню, гдѣ его будутъ холить до тѣхъ поръ, пока наступитъ вторникъ и онъ пойдетъ по улицамъ славнаго города Парижа, на радость и увеселеніе добрыхъ и милыхъ Парижанъ...

Торжественно входитъ въ эти мрачныя, высокія стѣны праздничный быкъ. Все, живущее въ нихъ, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу начинаются осмотры, выраженія удивленія, критическія замѣчанія, сравненія его съ его предшественниками, — такъ проходитъ онъ мимо другихъ быковъ, стоящихъ въ своихъ стойлахъ, — доходитъ до назначеннаго ему почетнаго мѣста и тамъ водворяется, конечно привязанный толстою веревкой... И скоро вокругъ него остаются только прислужники, — и всюду наступаетъ тишина... Только изрѣдка донесется до ушей привязаннаго триумфатора печальное мычанье какой нибудь коровы, прощающей съ возлюбленнымъ быкомъ, который еще недавно такъ плѣнялъ ее въ цвѣтущихъ степяхъ Нормандіи, а теперь идетъ сложить буйную голову, — или съ молодымъ сыномъ-теленкомъ, не успѣвшимъ узнать, что такое жизнь...

Наконецъ наступаетъ великій день, знаменитый *mardi gras* , вторникъ на масляной.

Съ шести часовъ утра на дворѣ монмартрской бойни собирается кортежъ, долженствующій сопровождать господина Герена въ его триумфальномъ шествіи. Тутъ драгуны, тутъ уланы арміи; герои Мадженты и Сольферино снимаютъ свои славные мундиры и наряжаются въ ливрею мясника Дювала; полицейскіе чиновники переодѣваются мандаринами; полицейскіе шпионы натягиваютъ на себя костюмы паяцовъ; наштукатуренныя «погибшія, но милыя созданья» являются въ костюмахъ нимфъ, какъ нельзя болѣе идущихъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что у каждой изъ нихъ въ рукѣ билетъ, выданный отъ такъ называемаго *Bureau des Moeurs*, т. е. учрежденія, наблюдающаго за общественною нравственностью; — за участіе въ церемоніи имъ платится казною отъ трехъ до десяти франковъ, смотря по высшей или низшей степени ихъ физическихъ достоинствъ. Трогательно видѣть такую заботливость о народѣ. Подобно доброму отцу семейства, парижскія городскія власти особенно хлопочутъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о томъ, чтобы парижане веселились отъ всего сердца; во-вторыхъ — и это самое главное, — чтобы, веселясь, какъ можно меньше думали, потому что всякій разъ, какъ французы начинали думать, они дѣлались безпокойными.

Французская революція уничтожила поклоненіе карнавальному быку. 1848 годъ, точно такъ же, какъ 1792, замѣнили это шутовское увеселеніе праздненствами въ честь земледѣлія. Но объѣмъ имперіямъ приходилось оно по сердцу, и онѣ снова возстановили его. Едва Наполеонъ I принялъ титулъ императора французовъ, какъ его префектъ полиціи, Дюбуа, совокупно съ однимъ придворнымъ поэтомъ и редакторомъ «Альманаха Музъ», возобновилъ ниспровергнутое господство карнавального быка и составилъ программу его торжественнаго шествія. Не хотите ли познакомиться съ двумя-тремя пунктами ея, во истину достойными Макиавелли?

Пунктъ первый, въ которомъ перечисляются всѣ права и привилегіи возстановленнаго властелина-быка, слишкомъ длиненъ для того, чтобы приводить его здѣсь; замѣчу только, что въ немъ лицамъ, участвующимъ въ кортежѣ, запрещено, совершенно неизвѣстно почему, надѣвать шпоры. Пунктъ 5-й гласитъ такъ: Мясники будутъ въ парикахъ съ пудрой и косами, въ шляпахъ á la Генрихъ IV, украшенныхъ перомъ національныхъ цвѣтовъ. Сверхъ того, они обязаны быть въ бѣлыхъ муслиновыхъ галстукахъ, очень широкихъ и съ висячими концами. — Въ пунктѣ 7 сказано: Въ кортежѣ не должно быть болѣе шести дикарей и шести римлянъ. Пунктъ 9-й. Точно также не допускается болѣе четырехъ грековъ, въ панцыряхъ, по причинѣ архидеолога Платона, демагога Демосфена, Гармодія и Аристокитона); но французскихъ рыцарей должно быть не менѣе шести. — Пунктъ 14 й. Быкъ, вѣсящій отъ 1300 до 1400 фунтовъ, въ богатой одеждѣ и украшенный перьями. — Пунктъ 15-й. Ребенокъ, великолѣпно одѣтый *Амуромъ* и поддерживаемый двумя жрецами, снабженными топорами и дубинами...

Довольно и этихъ пунктовъ. Перья и наряды, украшающіе жертву въ 1400 фунтовъ вѣсомъ, достойны Дантовскаго воображенія; а что касается до мысли дать въ отцы Амуру мясника, посадить улыбающагося ребенка на плечи мясника, украшеннаго топоромъ и дубиной, то никакая мифологія не могла бы выдумать болѣе смѣлой каррикатуры.

Но возвратимся къ карнавалу 1865 г. Распорядитель праздненства, г. Дюваль, выстроилъ въ порядокъ всю свою команду; всѣ 350 человекъ стоятъ на своихъ мѣстахъ и красуются въ характеристическихъ костюмахъ.

Шествіе двинулось. Впереди идутъ два скорохода и тамбуръ-мажоръ, предводительствующій двадцатью трубочами и сорока музыкантами; всѣ они въ костюмахъ французскихъ гвардейцевъ времени Людовика XVI.

Затѣмъ, въ колесницѣ, ѣдетъ сановникъ изъ свиты быка-триумфатора, называющійся *Старымъ Парнемъ*.

Далѣе, отрядъ воиновъ съ алебардами, одѣтыхъ въ полу-желтое, полу-красное платье, самой настоящей средневѣковой моды. За ними, на колесницѣ, везутъ ланднахтъ, вырѣзанный изъ мартена. Тутъ ручейки, луга, пригорки, невинныя овечки... Пастушка Эстелла, забывъ о своемъ стадѣ, лежитъ въ сладкомъ забытій на травкѣ; изъ подъ ея через-чуръ короткаго платья заманчиво выглядываютъ розовыя подвѣзки... Невинная дѣва не видитъ ничего, что происходитъ вокругъ нея. А пастушокъ Неморенъ, въ золотомъ кафтанчикѣ, шелковыхъ чулкахъ и съ развѣвающимися по воздуху синими лентами, тихо подкрадывается и напечатлѣваетъ пощелку на ея дѣвственномъ челѣ. Эта трогательная идиллія разыгрывается при звукахъ музыки; тамбуръ-мажоръ подаетъ сигналъ, и мушкетеры отхватываютъ невинную пѣсенку Фабра «*Эллантина*, страшнаго члена Комитета Общественнаго Спасенія:

Дождь идетъ, моя пастушка,
Загоняй овецъ домой.
И пускай твоя избушка
Приютитъ меня съ тобой.
Слышишь, сидя подѣ вѣтвями,
Какъ рѣкой вода бѣжитъ...
Вотъ ужъ, вотъ гроза надъ нами,
Вотъ и молнія блеститъ.
Слышишь,—ближе и сильнѣе
Раздается въ небѣ громъ;
Дай же руку,—и скорѣе
Выѣстѣ въ хижину войдемъ.

Затѣмъ шествуетъ небольшой быкъ,—его ведетъ нормандскій поселеникъ въ праздничномъ нарядѣ. Знайте, что это—символическое представленіе трогательной дружбы, связующей честнаго земледѣльца и добраго быка, вѣрнаго товарища и помощника его. Такъ и видишь предъ собой буколическія картины *Виргилія*!—Быкъ окружаетъ толпа, а за нею слѣдуютъ мушкетеры *Людовика XIII*, предводительствуемые *Артаньяномъ*, *Амосомъ*, *Портосомъ* и *Арамисомъ* (извѣстныя лица изъ романа *Александра Дюма*).

Слѣдуетъ колесница, везомая шестью лошадыми и нагруженная эмблемами земледѣлія. Женщины и дѣти стоятъ съ серпами въ рукахъ. Нормандцы и ниже-бретанцы работаютъ цѣпами, засту-

пашп, лопатами. *Баскида* опирается на плечо Филемона, а Филемонъ прислонился къ толстому бревну, къ которому привязаны вѣтви, украшенныя искусственными листьями и апельсинами. Тутъ же маленькіе снопы соломы, картофель, морковь, пряныя и всякія другія вещи.—Эта картина сочинена самимъ г. Дювалемъ. Онъ сажодовольно потираетъ руки... «Ed anch'io son pittore!» (и я тоже живописецъ!) воскликнулъ бы онъ, если бы зналъ по итальянски...

За колесницею движется кавалерійскій отрядъ. Это драгуны въ блестящихъ каскахъ съ развѣвающимися красными султанами. Подъ черными маітіями, покрывающими ихъ коней, слышнобрячанье сабель.

Но вотъ показались сорокъ музыкантовъ верхомъ. Звуки трубъ и барабановъ возвѣщаютъ приближеніе виновника торжества. Его имя написано золотыми буквами на зеленыхъ знаменахъ и желтыхъ флагахъ. Это Герень, это самъ великій быкъ, собственно своею особой. Стоя на высокой колесницѣ, властелинъ возвышается своею свѣтлокоричневою массою надъ толпою народа. Рога его позолочены и украшены лаврами; на ступеняхъ его колесницы стоятъ его тѣлохранители и знаменосцы. Два мясника—тоже на лицо. Одинъ стоитъ по правую сторону быка, другой—по лѣвую, отъ галантерейной любезности они назвались *жрецами* и сообразно этому, нарядились въ длинныя, бѣлыя одежды; увѣнчанныя, подобно друидамъ, дубовыми вѣнками, они опираются на длинныя, блестящіе топоры. Вслѣдствіе ли меланхолическаго настроенія, или по причинѣ веревокъ, плотно привязанныхъ къ рогамъ, Герень стоитъ съ опущенной головой, и веселая картина общаго веселья только увеличиваетъ его грусть... А между тѣмъ барабаны гремятъ въ его честь, и трубы оглашаютъ воздухъ. Вѣдный Герень! о чемъ думаешь ты въ эту минуту? Но я знаю, что только ты одинъ и *думаешь* въ кругу твоихъ спутниковъ.

Улицы запружены народомъ; уже за нѣсколько часовъ до появленія кортежа, нигдѣ нѣтъ проходу. Въ окнахъ на балконахъ красуются пзлицо разряженныя дамы и господа съ биноклями даже на крышахъ и на трубахъ домовъ чернѣютъ міриады человѣческихъ фигуръ... Старожилы говорятъ, что ужъ давно не было такого блестящаго праздника, какъ въ нынѣшнемъ году; опредѣлить даже приблизительно цифру людей, упивающихъ этимъ зрѣлищемъ,—положительно невозможно. Изъ отчетовъ управленій желѣзныхъ дорогъ, что видно въ Парижѣ съѣхалось къ этому дню 150 тысячъ иногородныхъ; а сколько любопытныхъ, сколько зѣвакъ стеклось изъ полуторамиліоннаго населенія Парижа!

О, Геренд! что ты думаешь съ высоты твоего пьедестала объ умѣ парижанъ?

Но мы еще не перечислили всѣхъ вельможей этого торжества.

На шестой колесницѣ сошелся весь Олимпъ. Впереди стоятъ Марсъ, Венера и Амуръ, которые для французскаго народа служатъ сущностью всей мифологiи. Сыро, небо покрыто тучами, холодный вѣтеръ бьетъ по розовому трию этихъ олимпійцевъ. Сатурнъ взобрался на нагрѣвательный ящикъ. Изъ краснаго носа Юпитера отдѣляется прозрачная капля. Венера, вмѣсто того, чтобы посылать въ публику поцѣлуи, дуетъ въ озябшіе пальцы, а Амуръ трясется, какъ въ лихорадкѣ; вокругъ колесницы гарцуютъ рыцари-крестonosцы, предки Монтамберовъ и Фаллу, члены лиги съ своими красными крестами и вельможи двора Франциска I. Музыканты начинаютъ любимый въ настоящее время парижанами хоръ «Прекрасной Елены».

Въ седьмой колесницѣ помѣщаются четыре быка скромныхъ размѣровъ. Они носятъ имена поворожденныхъ парижской прессы: это «Журналъ», «Мой журналъ», «Большой журналъ» и «Маленькій журналъ». Свиту ихъ составляютъ солдаты и китайскіе музыканты.— Осьмая колесница, роскошно убранная и запряженная шестью лошадьми въ богатыхъ чепракахъ, везетъ на себѣ живыя картины изображающія статуи площади Согласія. Дѣвы, сдѣланныя изъ мрамора или изъ гипса, изображаютъ, какъ своими добродѣтелями такъ и своею красотою, французскую торговлю и французскую промышленность.

Шествіе замыкаютъ маски, ребята въ ботфортахъ, кормилицы въ гренадерскихъ шапкахъ, змѣи съ перьями, особеннаго рода экипажн, съ наклеенными на нихъ всевозможными объявленіями и афишами; и наконецъ уличные мальчишки, машущіе въ воздухѣ деревянными саблями и украсившіе головы генеральскими шапками астрологовъ, сдѣланными изъ старой бумаги. Мальчишки задѣваютъ словами всѣхъ проходящихъ и поднимаются на всякія штуки, чтобы бѣснть полицейскихъ, а въ самой густотѣ толпы туземные артисты и pickpockets (карманные воришки), нарочно пріѣхавшіе изъ Лондона, усердно занимаются своимъ искусствомъ очищенія чужихъ кармановъ.

Прибавлю кстатн, что въ эти три дня, и особенно во вторникъ, слухъ безпрестанно раздражается пронзительными звуками разныхъ рожковъ и дудокъ, отхватывающихъ съ невозможнымъ разнообразіемъ и невыразимо фальшиво извѣстную пѣсенку:

Почтенный король Дагоберъ
 Надѣль на изнанку штаны;
 Пустынникъ ему говорить:
 «О ты, повелитель страны!» и т. д.

Процессія движется, на сколько возможно, по запруженнымъ толпою улицамъ; жандармы очищаютъ ей мѣсто. Она останавливается передъ разными магазинами Дювала, передъ домами богатыхъ банкировъ и сильныхъ міра сего, и во время этихъ остановокъ музыка гремитъ, а костюмированные люди входятъ въ дома и собираютъ золотыя монеты, которыя тутъ же относятся къ г. Дювалю, ѣдущему за процессією въ шгегольскій тюльбернъ и наряженному въ черный фракъ и палевыя перчатки. Такимъ-то образомъ Maitre Guézin свидѣтельствуемъ свое почтеніе директору французскаго банка, нѣхъ превосходительствамъ гг. министрамъ и гг. членамъ тайнаго совѣта, его высочеству принцу Наполеону и г. префекту Сены. Ветера, Амуръ и Граціи удостоиваются даже чести лицезрѣть г. барона Гаусмана, который, по своему званію префекта, угощаетъ всю эту сволочь на счетъ добраго города Парижа. Во время этихъ остановокъ, толпа окружаетъ Герена, восхваляетъ его громадные бока, восторгается его дородностью и забываетъ только объ одномъ— дать ему поѣсть. Впрочемъ, къ чему? вѣдь ему осталось нѣсколько часовъ жизни.

Великій Герень дѣлаетъ также визитъ императору который, въ сопровожденіи императрицы и молодого принца, выходитъ на балконъ. Императору указываютъ на группу, представляющую французскую прессу; это возбуждаетъ его любопытство, въ слѣдствіе чего молодые мясники сводятъ съ колесницы и заставляютъ маневрировать на улицѣ *Большой журналъ* и *Маленькій журналъ*...

Въ восемь часовъ вечера, Maitre Guézin наконецъ возвращается въ мюзартрскую бойню. Громандное тѣло его трясется, какъ въ лихорадѣ; онъ страшно измученъ усталостью, голодомъ и жаждою... Мрачныя мысли проносятся въ его головѣ, но онъ держитъ себя все такъ же благородно и достойно, и безтрепетно ждетъ... Наступаетъ ночь. Нѣсколько газовыхъ рожковъ печально освѣщаютъ берлогу бойни. Мертвыя тѣла валяются тутъ и тамъ; прислужники, держа ножи въ зубахъ, погружаютъ окровавленные руки во внутренности убитыхъ животныхъ... Жрецы сбросили съ себя бѣлыя мантіи, дубовые вѣнцы и золотыя поясы. Они снова надѣли свои куртки и обулись въ свои деревянныя башмаки; вотъ

они подходят къ Герену, схватываютъ его за позолоченные рога и виснутъ. Еще нѣсколько конвульсій, и все кончено.

На слѣдующее утро г. Дюваль отбираетъ для знатныхъ особъ лучшіе куски карнавальнаго быка. Остальное развѣшивается въ мясной лавкѣ г. Дювали. На мраморныхъ и порфириновыхъ столахъ красуются букеты изъ маргаритокъ и камелій. Среди цвѣтовъ возвышаются куски мяса; изъ связки зеленыхъ лавровъ высывается красное сердце; въ красной, изящной бумагѣ лежатъ громадныя легкія. Разноцвѣтныя ленты довершаютъ это милое убранство...

Что же означаетъ празднество карнавальнаго быка? еще разъ спрашивалъ я себя. Правда, что парижане — олицетвореніе любопытства; правда, одинъ зѣвака привлекаетъ другого, а двое собираютъ около себя еще трохъ; правда, что стѣнть одному съужасброду надѣть маску, чтобы въ ту же самую минуту сотни честныхъ гражданъ собрались вокругъ него, благодаря неодолимой прелести, заключающейся во всякой таинственности. Но когда подобное зрѣлище возобновляется каждый годъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, когда до сихъ поръ оно привлекаетъ несмѣтныя толпы народа, — невозможно считать его дѣломъ случая, обычаемъ, не имѣющимъ никакаго особеннаго значенія.

Сознавая, что слишкомъ долго заговорился о карнавальномъ быкѣ, спѣшу перейти къ предметамъ болѣе постнымъ, какъ и подобаетъ въ настоящее время.

Постнѣ католическихъ монаховъ я не могу ничего придумать, и потому позвольте сообщить нѣсколько навидательныхъ фактовъ изъ жизни этихъ добросовѣстныхъ людей.

Вы, вѣроятно, слышали о монашескомъ ордени *траппистовъ*. Намъ свѣтскимъ людямъ, рассказываютъ чудеса о строгомъ воздержаніи этой братіи, о строгости ея нравовъ, о безжалостности ея дисциплины. Намъ говорятъ, что эти люди встаютъ съ постели по нѣскольку разъ въ ночь для произнесенія извѣстной молитвы, что зимой они морозятъ себя на дворѣ въ видѣ покаянія, что чѣмъ ниже опускается термометръ, тѣмъ болѣе грѣховъ они искупаютъ. Намъ говорятъ, что они сами роютъ себѣ могилы, передъ которыми причитываютъ: «братья, мы должны умирать!»

Представьте же сами наше изумленіе, когда недавно мы увидѣли на стѣнахъ домовъ огромныя афиши съ надписью: «La Trappistine», ликеръ для гастрономовъ», надъ которою красовались два девиза,

изъ которыхъ одинъ былъ извлеченъ изъ сочиненія извѣстнаго гастронома Брилья-Саварена. Тутъ же помѣщалось изображеніе суроваго трапписта, отвѣдывающаго одну изъ драгоценныхъ бутылокъ.

Надо вамъ знать, что во Франціи давно уже существуетъ ликеръ, называющійся Trappistine и изготовляющійся въ монастырѣ траппистовъ, точно такъ же, какъ въ другихъ монастыряхъ фабрикуются знаменитыя водки: La Chartreuse и Eau des Carmes. Но афиша, о которой я сказалъ, вышла не изъ монастыря. Нѣкій монахъ-траппистъ Марія-Иосифъ сообразилъ, что ему будетъ выгодно самому изготовлять ликеръ, и вышелъ для этого изъ своего ордена и назвалъ свое изобрѣтеніе тоже Trappistine. Прежніе его товарищи-монахи возстали противъ этого противозаконнаго присвоенія чужого названія, и затѣяли процессъ. Судъ присудилъ Марію-Иосифа къ уплатѣ 200 франковъ штрафа и тысячу франковъ за протори и убытки.

Кстати о процессахъ. Чтобъ не забыть потомъ, расскажу вамъ теперь же объ одномъ, довольно любопытномъ, занимающемъ въ настоящее время весь Парижъ.

Адалбертъ Талейранъ-Перигоръ, пользующійся особеннымъ расположеніемъ императора, обратился къ нему съ просьбою о дозволеніи присоединить къ своей фамилии титулъ Монморанси; — императоръ согласился, и разрѣшеніе было напечатано въ «бюллетенѣ законовъ». Носить титулъ Монморанси весьма лестно; генеалоги говорятъ, что первый Монморанси былъ первымъ христіанскимъ барономъ, и что онъ—основатель самой древней дворянской фамиліи, какая только существуетъ въ Европѣ. Имя Монморанси было нѣкогда такъ знаменито, что Генрихъ IV сказалъ: «Если бы династія Бурбоновъ прекратилась, то французская корона не должна бы перейти ни къ одной европейской фамилии, кромѣ фамиліи Монморанси».

Адалбертъ Талейранъ хотѣлъ, благодаря этому новому титулу, прослыть потомкомъ славнѣйшаго дома въ мірѣ, и правительство было тоже не прочь придать себѣ нѣкоторый легитимистскій лоскъ. Шутка сказать—Монморанси при дворѣ Бонапарта! Это сближеніе именъ раздражаетъ всѣхъ историковъ. Принимая титулъ Монморанси, г. Талейранъ феодализируетъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фамилію четвертой династіи.

Уже прошедшею зимой въ гостинныхъ много толковали объ этомъ

дѣль. Полгода назадъ, декретъ появился въ Монитерѣ, а теперь уже идетъ процессъ, да еще двойной. Молодой Талеиракъ атакованъ разомъ съ двухъ сторонъ, — во первыхъ, его же собственнымъ семействомъ, осаривающимъ у него право перемены своего родового имени, такъ какъ Талеираки-Перигоры считаютъ свое имя ставше всякаго другого; во-вторыхъ, герцогомъ Ларошфуко, наследникомъ Монморанси. Этотъ послѣдній прежде вызвалъ своего противника наоедино въ Булонскомъ лѣсу, а теперь доказываетъ, что императоръ, не смотря на все свое всемогущество, не имѣетъ права приказывать, чтобы ктонибудь принадлежалъ не къ тому семейству, въ которое онъ родится. «*Виллеттъ законно*», — говоритъ Ларошфуко, — не имѣетъ права приказывать, чтобы Жакъ былъ сыномъ Петра, если онъ сынъ Ивана. Не смотря на объявленіе Монитера, молодой Адальбертъ Талеиракъ — таковой же родственникъ контабля Монморанси, какимъ онъ былъ до напечатанія этого объявленія».

На это молодой Адальбертъ отвѣчаетъ черезъ посредство своихъ адвокатовъ, что линия прямыхъ наследниковъ Монморанси давно прекратилась, что теперешніе представители ея — только побочные члены этого дома, что такъ какъ ниточки древнихъ семействъ давно уже роднятся между собою посредствомъ браковъ и другихъ отношеній, то на нихъ можно смотрѣть, какъ на членовъ одной и той же фамиліи; что имя Монморанси вовсе не фамильное имя, что основатель этого дома носилъ весьма плебейское имя Бушара; что онъ, Талеиракъ-Перигоръ, просилъ себѣ имени не Бушара, а того ленаваго владѣнія, которое принадлежало этому послѣднему; что раздавать помѣстья всегда во власти государя, что наконецъ, если имя Монморанси могло быть пожаловано королемъ третьей династіи, то почему бы снова не пожаловать его императору четвертой династіи.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ становится, естественно, неразрѣшимымъ. — «Монморанси — фамильное имя», говоритъ Ларошфуко и другіе наследники древнихъ герцоговъ. — «Монморанси — имя помѣстья», утверждаетъ молодой Адальбертъ. — «Ленныя помѣстья существуютъ только потому, что существуетъ фамильное имя», прибавляютъ наследники Монморанси. — «Фамильное имя существуетъ только въ силу существованія помѣстья», возражаетъ Адальбертъ.

Отличительное свойство целѣныхъ вопросовъ состоитъ въ томъ, что они неразрѣшимы. Притязаніе Адальберта совершенно без-

мысленно, но притязаніе еіо противниковъ тоже не особенно умиле!

Прошу извиненія за отступленіе, и снова возвращаюсь къ монахамъ.

Не безынтересно, надѣюсь будетъ вамъ узнать, что католическіе монахи, которые въ Европѣ дистиллируютъ разные ликеры; дѣлаютъ спекуляціи монастырскими имуществами въ Испаніи, покупаютъ казенныя земли въ Австріи, отдаютъ деньги на проценты въ своихъ особенныхъ банкахъ, обмѣниваютъ индульгенціи на бочки хорошаго меда и, въ добавокъ ко всему этому нищенствуютъ,—не безынтересно, говорю, будетъ узнать, что они служатъ шпионами въ Кохинхинѣ и военными генералами въ Китаѣ. Вотъ что мы читаемъ въ «Мониторѣ Арміи»:

«Маленькій отрядъ, составленный преподобными отцами-іезуитами въ Тогакио-Тицанѣ, обратилъ въ бѣгство шайку тайпинговъ, принадлежащихъ къ сектѣ Пан-Клао и опустошавшихъ восточную часть Чили, въ разстояніи двухсотъ километровъ отъ Нанкина. Этотъ же отрядъ освободилъ взятыхъ этими мятежниками въ плѣнъ помощника префекта, властей и почетныхъ лицъ города. Онъ очень хорошо организованъ, снабженъ хорошими карабинами и пушками, составленъ изъ 700 витайцевъ христіанскаго вѣроисповѣданія и находится подъ весьма искуснымъ начальствомъ преподобнаго отца Лебука, прокурора миссіи.»

Читая эти строки, мы вспоминаемъ назидательныя слова почтеннаго отца Лойолы: «когда ваша проповѣдь будетъ глуха и нѣма, тогда берите мечъ и не щадите невѣрныхъ». Лебукъ, какъ видно, буквально слѣдуетъ предписаніямъ генерала отъ іезуитовъ.

Въ Римѣ скоро явится новый журналъ: «Журналъ Мирнаго Пристанища». Этотъ журналъ намѣрены издавать защитники папскаго посланія. Въ видѣ преміи, редакторы обѣщаютъ мѣсяцъ индульгенцій каждому новому подписчику. Книгопродавцамъ, выписывающимъ десять экземпляровъ, дѣлается уступка двѣнадцати мѣсяцевъ чистилища!

Чтобы покончить съ грустными происшествіями этого мѣсяца, я расскажу вамъ еще одно драматическое приключеніе, которое освѣщаетъ цѣлую картину закулисной жизни великолѣпнаго Парижа. Вѣроятно, читатели мои знаютъ, что такое *миссирда*, а если они не знаютъ, то я познакомлю ихъ съ этой могиллой бѣднаго па-

парижскаго пролетаріата. Мансарда—это послѣднее жилище парижанина, куда загоняетъ его голодъ; она помѣщается подъ крышею высокихъ домовъ, съ маленькими окнами, пропускающими столько свѣта, сколько необходимо его для того, чтобы не пронести ложку мимо рта; сырость и миазмы, составляютъ обыкновенную принадлежность этихъ человѣческихъ конуръ. Пространство ихъ самое микроскопическое: аршина четыре длины и столько же ширины. Въ комнатѣ такого размѣра живетъ иногда цѣлое семейство, состоящее изъ отца, матери и двухъ дѣтей,—стѣдовательно, на cadaго приходится по вадратному аршину свободнаго мѣста. Если дѣти спать въ самой конурѣ, то отецъ и мать обыкновенно удаляются еще выше, подъ самую крышу, на чердакъ, или опускаются въ подвалы. Зимой мансарда, за неизбѣимъ отопленія, покрывается снизу и сверху плесенью, и если находится не на солнечной сторонѣ, то, вслѣдствіе холода, порождаетъ всевозможныя тифозныя болѣзни. Доктора увѣряютъ, что самое крѣпкое здоровье не можетъ перенести десяти лѣтъ сряду такого собачьяго помѣщенія, а между тѣмъ, болѣе 200 тысячъ рабочаго населенія скучивается въ этихъ логовищахъ, изобрѣтенныхъ знаменитымъ архитекторомъ Мансардомъ. Сюда забирается молодая дѣвушка, живущая подневнымъ трудомъ и получающая въ мѣсяцъ отъ 20—30 франковъ заработной платы; здѣсь раскладываетъ свое omnia pessima передъ бѣднымъ студентъ, отпущенный въ столицу провинціальными родителями съ благословеніемъ и десятью франками въ карманъ; здѣсь помѣщается весь рабочій людъ, живущій на три франка въ день съ семействами. И еслибъ вы знали, что это за жизнь, обставленная полуголодными дѣтьми! вмѣсто постелей, кучами соломы, вмѣсто мебели—всевозможнымъ хламомъ, жизнь безъ свѣта и воздуха, между страхомъ голода и постояннымъ безпокойствомъ за свое существованіе. Кто любитъ филантропическіе эффекты, тотъ пусть поднимется, въ одинъ изъ холодныхъ декабрьскихъ дней, по восьмидесяти узенькимъ ступенькамъ въ это птичье жилище и посмотритъ, какъ живетъ парижанину, изъ подъ рукъ котораго выходятъ эти иззящныя бездѣлушки, украшающія головы и шеи англійскихъ лэди и русскихъ барынь,—пусть, говорю я, посмотритъ и зарубитъ себѣ на носъ, что оболыщаться великолѣпнѣмъ наполеоновскихъ построекъ и длинными фасадами Лувра можетъ только самый близорукій поклонникъ Парижа. А загляните въ официальные отчеты о благодѣствіи столицы, и вы изумитесь этому приволью житья, изображаемаго въ видѣ Эльдорадо.

Нынешней зимой, очень холодной для Парижа, въ мансардахъ

происходило настоящее опустошеніе. Смертность бѣднаго населенія увеличилась на 10% противъ обыкновеннаго времени. Насильственные удуненія дымомъ, горячки и чахотки свирѣпствовали въ такихъ размѣрахъ, что правительство принуждено было организовать какой-то чрезвычайный комитетъ общественнаго здравія. Гдѣ и тѣмъ возникался этотъ комитетъ,—такъ до сихъ поръ и остался тайной для всего Парижа.

Изъ всѣхъ случаевъ—ни были поражены особенно одной потрясающей сценой. Двадцатилѣтняя дѣвушка, красивая собой, по имени Мадлейнъ, оставленная однимъ мерзавцемъ, въ самую критическую минуту, очутилась въ бѣдственномъ положеніи. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ скрылся ея возлюбленный, у Мадлейнъ родилась дочь. Совершенно одинокая и безпомощная въ своей холодной мансардѣ, мать долго не могла оправиться отъ болѣзни, и въ это время потеряла постоянную работу при одномъ изъ модныхъ магазиновъ. Не имѣя ни копейки за душой и никого знакомыхъ въ цѣломъ Парижѣ, она нашла единственнаго себѣ друга въ старомъ угольщикѣ, который навѣщаетъ ее каждый день; онъ приноситъ ей то чашку теплаго бульона, то нѣсколько су, и, по временамъ, присылаетъ свою восьмилѣтнюю дочь поспѣть у постели Мадлейнъ. Такъ провела она около шести недѣль, едва поддерживая жизнь своего ребенка, сосавшаго сухую грудь истощенной матери. Прошло еще нѣсколько дней; Мадлейнъ оправилась, и первой заботой ея было отыскать себѣ какую нибудь работу, которой бы она могла заниматься дома, не покидая своего дитяти. Но работа не находилась, и мать съ отчаянья рѣшается на ужасное предпріятіе. Ночью она встаетъ съ постели, заворачиваетъ свою дочь въ послѣднее свое шерстяное платье, кладетъ на грудь ея двѣ серебряныя мелкія монеты и маленькій золотой крестикъ; я воображаю—не въ качествѣ юрста, а въ качествѣ человѣка,—сколько горькихъ слезъ было пролито матерью въ эти минуты. Сложивъ такимъ образомъ свою крошку, Мадлейнъ спускается съ нею на улицу, прокрадывается по темнымъ переулкамъ къ кладбищу Монмартръ и тамъ у одной могилы оставляетъ своего ребенка на произволъ судьбы. Затѣмъ возвращается назадъ, разводитъ огонь въ каминѣ и, закрывъ его трубу, напускаетъ массу дыма въ комнату, и преспокойно ложится въ постель. Еще нѣсколько минутъ—и удушающій угаръ покончилъ бы печальную жизнь Мадлейнъ; она уже находилась въ первомъ припадкѣ агоніи, и еще нѣсколько глотковъ углерода—и все кончено. Но въ эту самую минуту раздался стукъ у дверей ея мансарды. Это былъ ея другъ, старый угольщикъ

Жанъ, который, почувствовавъ запахъ дыма и видя, что дверь не открывается, выломалъ ее силой. Онъ засталъ еще Мадлейнъ живою; убѣдившись въ этомъ по біенію пульса, онъ схватилъ ее и вынесъ на чистый воздухъ. Черезъ нѣсколько часовъ она почувствовалась, и первую ея мысль было бѣжать на кладбище и спасти свою дочь. Но было уже поздно. Въ 6 часовъ утра, когда Мадлейнъ еще лежала въ омертвѣломъ состояніи, крикъ голоднаго ребенка, оставленнаго на холодномъ воздухѣ, разбудилъ сторожа, который не замедлилъ передать поднятое дитя въ руки полиціи.

Спрашивается, что заставило Мадлейнъ подкинуть ребенка на кладбищѣ, а не положить его у порога сосѣдняго дома или у сосѣда-жильца? Нѣтъ сомнѣнія, что такой поступокъ можно объяснить только умственнымъ помѣшательствомъ матери, въ которой совершалась напряженная борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ и мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ болѣзненный припадокъ отчаянья, потерявшаго всякое сознаніе о томъ, что происходило передъ тѣмъ, какъ Мадлейнъ рѣшилась наложить на себя руки. А между тѣмъ, перигорскій судъ, гдѣ судится Мадлейнъ, видитъ въ этомъ поступкѣ какое-то злонамѣренное святотатство и желаніе погубить дитя медленною смертью. Да пошлетъ Игнатій Лойола этимъ правосуднымъ судьямъ побольше здраваго смысла и не пергаментнаго, а настоящаго человѣческаго сердца!

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 2-му за 1865 годъ.

Въ станицу Даховскую, въ Библиотечку 151-го Пятигорскаго полка.

Ваша жалоба на неполученіе №№ 5, 6, 8, 11 и 12 за 1864 годъ была сообщена Газетной Экспедиціи еще 21-го Февраля, на что она не смотря на неоднократную просьбу Редакціи о скорѣйшемъ увѣдомленіи о причинахъ невысылки вамъ книгъ, отвѣтила ровно черезъ тысячу (22 марта) что въ Даховскую станицу означенной библиотекѣ не посылалось "Русское Слово". Если бы Вы не получили одного или двухъ только номеровъ "Русскаго Слова", то Редакція выслала бы Вамъ ихъ вторично, но такъ-какъ вами не получено почти за цѣлое полугодіе, то Редакція остается только порекомендовать Вамъ обратиться съ жалобою на подобную неисправность къ господину Спб. почтъ-директору.

Въ Варшаву г. Дьяконову. Такъ-какъ Вашъ адресъ, сообщенный книжнымъ магазиномъ Печаткина и Кельчевскаго былъ слѣдующій: «въ Варшаву, Владимиру Иваповичу Дьяконову т. е. въ немъ не было означено мѣсто Вашего жительства въ Варшавѣ, то по всей вѣроятности всѣ 7 послѣднихъ книжекъ Рус. Слова за 1864 годъ хранятся въ Варшавской экспедиціи, такъ по крайній мѣрѣ отвѣчала Спб. газетная экспедиція, давшая знать Варшавской экспедиціи о доставленіи Вамъ вышеозначенныхъ книжекъ. Редакціею же книжки эти были сданы въ газетную экспедицію, для доставленія Вамъ, своевременно.

ОТВѢТЫ ГАЗЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА ЖАЛОБЫ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, УВѢДОМИВШИХЪ РЕДАКЦІЮ О НЕПОЛУЧЕНІИ № 1-го за 1865 годъ.

На ст. Чулково г. Самойленко. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Покровскіе г. Фирсову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Веневъ г-жа Трумовая. № 1-го посланъ Вамъ 1-го Марта при описи на Тулу.

Въ Львовъ г-жа Пожаржской. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта при описи на Курскъ.

Въ Тулу г-жа Хлудежской. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Любимъ г-жа Мелыгуновой. № 1-й посланъ Вамъ 25 Февраля.

- Въ м. Любарь, Азовскому 45 пѣхотному полку. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта чрезъ Порградъ Волыискъ.*
- Въ Брацлавъ и Бедрову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Цирницы и Портрени. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Поисхонск и Левашеву № 1-й посланъ Вамъ 23 Февраля.*
- Въ Нишамъ и Кузнецову. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Луцкъ, Библиотеку Камчатскаго пѣхотнаго полка № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- На ст. Хрѣновскую и Сил кову. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Эльню и Верховскому. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Зарайскъ и Ремезову. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Вязку 1-му Акцизному Управленію. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Старую Тойду и жель Колобакиной. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Пос. Дубовку и Тетерину. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Чембарь и Теплому. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Оршу и Семесову. № 1-й посланъ вамъ 1-го марта.*
- Въ Свѣжскъ и Нолжову № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*
- Въ Оболяи и Чебоксареву. № 1-й посланъ Вамъ 13-го Марта.*
- Въ Вышницу, Штабу 53 пѣхотнаго дивизіи. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.*

Въ Долматовъ и Шломникову. На яданіе „Русскаго Слова“ Рѣя подписались въ Газетной Экспедиціи, которой № 1-й для васъ былъ данъ своевременно и которой она послала вамъ въѣсто Долматова въ Дашлагарь. Редакція только на дняхъ узнала объ этомъ и притомъ совершенно случайно и погорѣвшая не имѣть эту ошибку—она готчасъ же выслала вамъ съ себя второй экземпляръ № 1-го по настоящему адресу.

При этомъ Контора Редакціи считаетъ не лишнимъ сообщить гг. подписчикамъ краткія свѣденія относительно отправки книжекъ «Русскаго Слова». Каждая книжка журнала послѣ ея выхода сдается, наглухо запакованная съ наклеенными печатными адресами, въ Газетную Экспедицію подъ росписку особаго чиновника въ полномъ числѣ экземпляровъ т. е. *положительно для всѣхъ своихъ подписчиковъ безъ исключенія* и при этомъ почти всегда въ одно и тоже время. Сортировка доставленныхъ книжекъ по городамъ, запаковка ихъ въ пост-пакеты, записываніе въ карты, которыя идутъ при каждомъ пост-пакетѣ, и наконецъ самая отправка книжекъ изъ С.-Петербурга—все это составляетъ обязанность и дѣло Газетной Экспедиціи, а выдача подписчикамъ, полученныхъ на мѣстѣ книжекъ—дѣло и обязанность мѣстныхъ почтовыхъ конторъ. Хорошо ли, правильно ли и по назначенію ли отправляетъ Газетная Экспедиція, доставленные ей Конторою книжки журнала, выдаютъ ли наконецъ исправно гг. подписчикамъ мѣстныя почтовые конторы

полученныя ими книжки журнала, этого Редакція не имѣетъ ни возможности ни права ни контролировать ни провѣрить. Прямая выгода Конторы, — чтобы *все* подписчики ея журнала получали *все* книжки. Вѣдь ей не доставляетъ особеннаго удовольствія высылка *оторыхъ экземпляровъ* своихъ книжекъ гг. подписчикамъ, жалующимся на неполученіе *той* или *другой* книжки, какъ она дѣлала это въ прошломъ году и намѣрена дѣлать въ нынѣшнемъ. Изъ этого гг. подписчики могутъ видѣть, что Контора никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть виновною въ не полученіи гг. подписчиками нѣкоторыхъ книжекъ, и что ея прямая выгода, чтобы *все* книжки ея журнала получались *всеми* подписчиками.

Р. С. Редакція при этомъ проситъ гг. подписчиковъ въ письмахъ, посылаемыхъ ими въ Контору о не полученіи книжекъ о перемѣнѣ адреса и т. д. означать № своего билета по кассовой книгѣ, напечатанный на адресахъ, которые наклеиваются на посылаемыхъ ею книжкахъ журнала.

При главной конторѣ Русскаго Слова продается:
полное собраніе сочиненій

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ. Цѣна обоимъ томамъ, въ 12-ю д. около 40 листовъ, съ біографіею и портретомъ автора, 2 р. 50 к.; за пересылку прилагается особо отъ 25 — 30 к.

ОЧЕРКИ БУРСЫ желающіе могутъ покупать отдѣльной книжкой. Цѣна 50 к. безъ пересылки.

Для подписчиковъ „РУССКАГО СЛОВА“ дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА

НА В. О. ПО ПЕРВОЙ ЛИНИИ, ДОМЪ БРУНА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

выслагаетъ иногороднымъ *всѣ русскія книги* (кромя казенныхъ изданій) по *петербургскимъ цѣнамъ*, принимая пересылку на свой счетъ.

Находятся, между прочимъ, въ продажѣ:

Чтенія о мнимовредныхъ и мнимополезныхъ животныхъ. Карла Фохта. Съ 60 рисунками. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Единство мірозданія. Соч. Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1865 г. Ц. 2 р. сер.

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, лекціи К. Фогта, изд. П. Гайдебурова. Т. I. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к. сер.

Начала міра, соч. Жуванселя. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к. с.

Жизнь, продолженіе «Началь міра», соч. Жуванселя. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Руководство по органической химіи. Части общая и теоретическая. Д-ра Ав. Кекуле. В. I. Спб. 1864. Ц. 1 р. с.

О соединеніи спирта съ водою. Д. Менделѣева. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с.

Практическій курсъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній женскихъ институтовъ и вообще людей, немѣющихъ предварительныхъ свѣдѣній въ математикѣ, А. Гано. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Одесса 1864. Ц. 2 р. 75 к.

Лекціи по нѣкоторымъ вопросамъ теоретической химіи, А. Вюрца. Спб. 1865. Ц. 90 к. с.

Слуш желудка. Исторія пяти чувствъ. Соч. Масе. В. I. Описание костей. Спб. 1865. Ц. 65 к. с.

Исторія кусочка хлѣба, описаніе жизни человѣка и животныхъ, соч. Масе. М. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Быть студентомъ въ Германіи. Изв. заграничныхъ писемъ Л. Модзолевскаго. Спб. 1865 Ц. 1 р. 50 к. с.

Всемирная исторія. Ф. Штоссера. Т. XII. Спб. 1865 Ц. 1 р. 50 к. с. Первые II томовъ такъ же по 1 р. 50 к. с.

Кто былъ первый Александрій? историческое изслѣдованіе Н. Н. Костомарова. Спб. 1864 Ц. 60 к. с.

Русская женщина въ домонгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе А. Добрякова. Спб. 1864. Ц. 75 к. с.

Исторія немискаго народа Генрика Шиндта. Т. I. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи. Съ отдѣльнымъ атласомъ. Соч. Р. Эркерта. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Атласъ по русской исторіи, составл. и издан. подъ редакц. А. Замысковскаго. В. Г. (ка 2 выдается билетъ). Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XIV. М. 1864. Ц. 2 р. с.

О русской землѣ. Разсказы дѣдушки Герасима русскому народу Спб. 1865 Ц. 6 к. с.

Маничскій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Е. Фектистова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Неймана. Спб. 1865. Ц. 1-го в. 75 к., съ билетомъ на 2 и 3 вѣд. 2 р. с.

Самочитатель бухгалтеріи въ письмахъ для легчайшаго и основательнаго изученія счетоводства по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности. Сост. К. Клинге. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса А. Давидова. Изданіе второе. М. 1865. Ц. 1 р. 15 к. с.

Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физикн. Соч. А. Кетле. Т. I. Спб. 1865. Ц. 1 р. с.

Семство-хозяйственное счетоводство И. Местрицаваго. Удостоено Ученымъ Комитетомъ М. Г. И. первой конкурсною преміей Спб. 1864. Ц. 3 р. с.

Основанія сельскаго хозяйства. Общепонятно составлено С. А. Скварцовскимъ. Два выпуска. М. 1865. Ц. 3 р. с. Отдѣльно выпуска по 1 р. 50 к. с.

Биржи, биржевые посредники и биржевыя операціи соч. А. Дмитриева. Спб. 1863. Ц. 1 р. с.

Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи, германской и славянской, П. Полеваго. Спб. 1864.

Обзоръ англійской литературы XIX ст. Юліана Шмидта. Спб. 1864. Ц. 85 к. с.

Пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности. Составл. Е. Струговщиковымъ. Кіевъ 1863. Ц. 60 к. с.

Объясненіе 25000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ означеніемъ ихъ корней, Михельсона. М. 1865. Ц. 2 р. 25 к. с.

Судебный Сборникъ, издаваемый подъ ред. Н. Ламанскаго. В. І. Современное значеніе суда присяжныхъ въ области положительныхъ законодательствъ. Спб. 1865 г. Подписная цѣна за весь I. томъ (состоящій изъ 4-хъ в. в.) 1 р. с. Отдѣльные выпуски по 30 к. с.

Уголовно-статистическіе Этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ челоувѣческаго организма по отношенію къ преступленію, Н. Неклюдова. Спб. 1865 Ц. 1 р. 25 к. с.

Руководство къ изученію судебной медицины для врачей и юристовъ, съ указаніями на законодательства: Австріи, Пруссіи, мелкихъ германскихъ государствъ, Франціи и Англіи, А. Шауэнштейна. М. 1865. Ц. 3 р. 50 к. с.

Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ. Соч. Миттермайера. М. 1864. Ц. 2 р. с.

Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія уголовного закона и о ссылкѣ въ Каенну. Двѣ лекціи Гольцендорфа. Спб. 1865. Ц. 40 к. с.

Ирландская тюремная система. Соч. Гольцендорфа. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Смертная казнь по результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, услѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. Миттермайера. Спб. 1864. Ц. 90 к. с.

Сочиненія Помяловскаго. Два тома, съ портретомъ и біографіею автора. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. с.

Сочиненія В. Гете въ русскомъ переводѣ, подъ редакц. П. Вейнберга. Т. I. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Сочиненія Гейне въ переводѣ на русскій языкъ подъ ред. П. Вейнберга. Вышло V томовъ. Спб. 1864—65. Ц. кажд. тому 75 к.

Семь сказокъ. Соч. Коваленской. Съ рисунками. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Катина книжка, Соч. А. Корелиной. Съ рисунками. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Вся русскія книги (кромя казенныхъ изданій) *высылаются лагазиномъ П. А. Гайдебурова на свой счетъ.*

СОДЕРЖАНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- РАБОЧИЯ АССОЦІАЦІА Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.
ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ Ант. Троллопа.
Часть 2-я. (Гл. I—IV)
ЧУЖИЕ МЕЖЪ СВОИМИ. Повѣсть. (Окончаніе). . Н. Холодовъ.
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІА РУССКАГО
НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья вторая). . . А. П. Щаповъ.
МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прошлаго.
Часть I-я. (Глава XI—XXI) О. М. РѢШЕТНИКОВЪ.
ДЕНЬ НУЖДЫ И СКУКИ. Разсказъ Г. И. УСПЕНСКІЙ.
Изъ послѣднихъ стихотвореній Гейне . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я. На по-
гостъ. (Гл. V—IX). Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.
ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТА . Л. БРАНДИ.
Изъ Гейне. (Стихотвор.). П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- СЕРДИТОЕ ВЕЗСИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВЪ.
ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
ГГ. ПОСТОРОННЕМУ И ВСЯКИМЪ ПРОЧИМЪ САТИ-
РИКАМЪ В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Г. АНТОНОВИЧУ В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
ПОСЛѢДНЕЕ МОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ Г. ПОСТОРОННИМЪ
САТИРИКОМЪ «СОВРЕМЕННОКА» Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

Возрастающее значеніе англійскаго пролетаріата.—Поглощеніе земледѣльческаго сословія богатой буржуазіей.—Приговоръ невиннаго Пеллациони къ вистълицъ.—Бродмуръ—образцовый пріютъ для убійцъ, признанныхъ умопомѣшанными.—Смерть ирландца Тимоти Дели и конфузъ для англійской благотворительности.—Взаимное отноше-

ние министровъ прусскаго и австрійскаго.—Старая мечта Пруссіи—
обзавестись военнымъ флотомъ.—Странствующее общество іезуитовъ
въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.—Уничтоженіе смертной
казни въ Италіи.—Смерть графа Морни, одного изъ корифеевъ вто-
рой Имперіи.—Напряженное состояніе парижскаго рабочаго насе-
ленія.—Война Бразильской имперіи съ маленькой республикой Уругвай.

Домашняя дѣлопись Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Что такое бѣдные третьяго сорта въ г. Тотьмѣ? — Специаль-
ность занятій этого нищаго люда. — Заработная плата и образъ
проявленія ея. — Общій уровень женскаго труда. — Бѣдные четвер-
таго сорта. — Занятія и образъ жизни этого класса: одежда и
еда. — Марковъ, какъ лакомство тотемскаго прекраснаго пола. —
Гастрономическая и кулинарная изобретательность Тотьмы. — Все-
общая косность и тупость населенія. — Прожиточные. — Происхож-
деніе этого класса. — Экономическая ея неподвижность. — Вліяніе чи-
новничьяго лоска на прожиточныхъ и обратно—вліяніе ихъ на дру-
гіе низшіе слои. — Образъ жизни прожиточной дѣвицы. — Что такое
провинциальная амбиція? — Значеніе женскаго труда въ мѣщанскомъ
сословіи. — Образованные Тотьмы. — Сколько ихъ и въ чемъ состоитъ
это образованіе?

ФЕЛЬЕТОНЪ. (Изъ заграничной жизни.)

Нѣсколько словъ о значеніи настоящаго фельетона. — Новости па-
рижской жизни. — Впечатлѣнія минувшаго карнавала. — Карнавал-
ный быкъ и ея похождения. — Церемониальное шествіе этого быка
по улицамъ Парижа и дѣтскіе восторги зрителей. — Печальная
участь быка. — Жалкій смыслъ всей этой шутовской процессіи. —
Постъ въ Парижѣ. — Назидательные факты изъ жизни католическаго
монашества. — Монашескій микеръ. — Процессъ Талевирана-Пери-
юра изъ-за титула «Монморанси». — Воинственные подвиги католическихъ
монаховъ въ Китай. — Новый монашескій журналъ въ Римѣ. —
Закулисная жизнь Парижа. — Мансарды и ихъ жалкіе обитатели. —
Исторія несчастной Мадлейнъ и ея ребенка.